

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ОПЫТЪ
ВОЕННАГО ОБОЗРѢНІЯ
РУССКИХЪ ГРАНИЦЪ

ВЪ АЗИИ.

АРТИЛЛЕРІИ ПОЛКОВНИКА

М. ВЕНЮКОВА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

Печатано по распоряженію Военно-Ученаго Комитета.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОВА И КОМП.

Вас. Остр., 8 л., д. № 45.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

	Стр.
Предисловіе	I
Общій взглядъ на постепенное разширеніе русскихъ предѣловъ въ Азіи .	1
Раздѣленіе границъ на участки	38
Островъ Сахалинъ	43
Приморскій край	63
Уссури и Амуръ	96
Маньчжурія	141
Забайкалье и Халка	170
Участокъ Алтае-Саянскій	210
Участокъ Чжунгарскій	234
Тяньшаньская окраина	276
Участокъ Нагорно-Туранскій	321
Приаральское пространство	385
Туркменія	441
Приложенія	1—79
Этнографическая карта Азіатской Россіи.	
Карта государственной границы Россіи съ Китаемъ.	

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго сочиненія — въ сжатомъ видѣ представить возможно большое число географическихъ, этнографическихъ и военно-статистическихъ данныхъ для правильнаго обсужденія военнаго положенія окраинъ Россіи въ Азіи. Какъ первый, въ своемъ родѣ, опытъ военнаго обзрѣнія столь обширныхъ пространствъ, оно естественно заключаетъ много важныхъ несовершенствъ, вполне удовлетворительное исправленіе которыхъ, мнѣ кажется, возможно будетъ лишь послѣ долгодѣльныхъ трудовъ многихъ специалистовъ, но совершенно недостижимо для одного лица.

Планъ сочиненія простъ: предметы, которые могутъ интересовать военнаго человѣка на каждомъ стратегически отдѣльномъ театрѣ войны, разсмотрѣны въ отдѣльныхъ географическо-статистическихъ очеркахъ, по участкамъ границы; вопросы же общаго интереса, военнаго и государственнаго, отнесены въ особые записки, составляющія введеніе къ сочиненію или слѣдующія за нимъ приложенія.

Главное вниманіе обращено было на основныя топографическія и этнографическія данныя, безъ знанія которыхъ, очевидно, не могутъ правильно составляться самыя первоначальныя сужденія о военномъ положеніи нашихъ окраинъ въ Азіи. Но нѣтъ сомнѣнія, что именно здѣсь-то можетъ встрѣтиться наиболѣе проблемъ и промаховъ. Географія Азіи такъ еще далека отъ совершенства, что не проходитъ года безъ новыхъ открытій, въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова, и не смотря на то многія мѣстности остаются настоящими *terrae incognitae*. Напомню только южную половину Турменіи, Болорское нагорье, западную Монголію

и страну на востокъ отъ Усури, чтобы читатель могъ судить, на сколько возможно въ наше время полное и точное обозрѣніе всѣхъ русско-азіатскихъ окраинъ. Эта неполнота свѣдѣній о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ естественно вела за собою краткость ихъ описанія; а чтобы между различными частями сочиненія была соразмѣрность, пришлось сократить и многое изъ того, что уже извѣстно о другихъ мѣстностяхъ.

Картографическія приложенія, естественно, были нужны при такой книгѣ, въ которой почти каждая страница заставляетъ обращаться къ картѣ. Но дороговизна изданія ихъ и значительность времени, которое потребовалось бы для ихъ исполненія, заставили ограничиться только двумя, которые оказались уже совершенно необходимыми. Если же читатель, взглянувъ на нихъ, скажетъ: почему есть чертежъ пограничныхъ китайскихъ земель и нѣтъ карты средне-азіатскихъ владѣній, имѣющихъ столь большой современный интересъ? то я отвѣчу, что составить *удовлетворительную* карту послѣднихъ въ настоящее время мнѣ казалось невозможнымъ; для текущихъ же потребностей у насъ уже есть весьма распространенная въ публикѣ карта Средней Азіи В.-Т. Депо, и то же можно сказать про обѣ части Сибири, Оренбургскій и Туркестанскій края.

Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, что содержаніе книги, значительная часть которой была напечатана на страницахъ Военнаго Сборника 1872 года, а отсюда, вслѣдъ за тѣмъ, переведена, частями, на французскій и англійскій языки *), нынѣ приведено въ возможно современный видъ, именно исправлено и пополнено данными по 1 мая 1873 г., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже позднѣйшими.

М. Венюковъ.

15 іюля 1873.

*) Напр. въ Journal of Royal Geogr. Soc. of London статья о Сахалинѣ, въ Bulletin de la Soc. de Géogr. de Paris — о Ханѣ.

ОПЕЧАТКИ,

которыя нужно исправить прежде чтенія книги.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
8	19 сверху	Чжунгаріи	Чжунгарія
15	4 >	1855.	1859
28	3 >	страшѣ	сторонѣ
39	17 >	подобнаго	подробнаго
44	12 снизу	нераздѣльнымъ	нераздѣленнымъ
54	21 >	погѣ	вогѣ
56	2 >	пересел-	переселен-
84	7 сверху	производительности	непроизводительности
94	18 снизу	на	на
111	7 >	отстаиваютъ	отстаиваются
144	3 сверху	послѣ	подъ
148	3 >	Шаньха	Шаньхай
150	10 снизу	заливаетъ	зазаливаетъ
160	10 >	Аргунъ	Айгунъ
175	18 >	многоводности	многоводности
177	3 сверху	крайѣ	крайѣ
207	17 >	настоющую	настоятельную
220	14 >	лосицѣ	лосицѣ
231	18 >	Куку-наручу	Куку-наругу
—	23 >	Эргинъ-тарганъ	Эргинъ-таргакъ
254	15 >	прошлое	пришлое
269	3 >	демонъ	де-монъ
275	6 и 7 >	обѣ названныя карты составлены не Сосновскимъ.	
286	7 снизу	но	по
298	5 >	тугуриинъ	тугурикъ
317	12 >	Туринака	Турана
319	1 сверху	владѣнія	владѣя
—	8 >	Чокмаза	Чокмака
—	15 ¹ >	достиженіи	достиженія
—	20 >	понесутъ	нанесутъ
333	7 снизу	протекаетъ	притекаетъ
378	16 >	Кандунъ	Кандуть
386	1 сверху	пространства	пристваства
—	4 снизу	Ац-булакъ	Аци-булакъ
427	14 сверху	обираетъ	собираетъ
435	20 >	ими	имъ

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
437	4 сверху	«за крѣпостными стѣнами»	не нужно.
442	10 »	пространства	приставства
—	15 »	ная	бая
462	12 »	вашъ	комъ

Въ приложеніяхъ.

16	2 снизу	47°30'	87°30'
26	8 »	Дороги	VII. Дороги
—	7 »	VI. Изъ Цурухайту	a. Изъ Цурухайту
28	6 сверху	VII. Изъ Цурухайту	b. Изъ Цурухайту
81	3 »	инородцевъ	инородцевъ

Прочія погрѣшности читатель легко замѣтитъ и исправитъ самъ.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКО-АЗІАТСКИХЪ ГРАНИЦЪ.

Общій взглядъ на постепенное расширеніе русскихъ предѣловъ въ Азіи и на способы обороны ихъ.

Извѣстно, что начало завоеванія русскими сѣверной Азіи относится къ XVI столѣтію. Въ это время она представляла въ этнографическомъ и политическомъ отношеніи слѣдующее:

1) Вблизи Урала и по низовьямъ Иртыша и Оби жили самоѣды, остяки, вогуличи, татары и киргизы (казаки). Особенно многочисленны были вогуличи, занимавшіе широкую полосу земли между Уральскими горами и Иртышемъ, по верхнимъ частямъ рѣкъ Турн, Тавды, Сосвы, и татары, которые владѣли низовьями тѣхъ же рѣкъ, а равно и берегами Иртыша. Послѣдній народъ былъ полуосѣдлый, полукочевой; прочія же названныя племена состояли изъ бродячихъ звѣролововъ (на сѣверѣ) или кочевыхъ пастуховъ (на югѣ). У татаръ, во второй половинѣ XVI столѣтія, было основано потомкомъ Чингизъ-хана, Кучумомъ, особое царство, которое отчасти стремилось покорить сосѣднія финскія племена; эти же племена управлялись многочисленными наследственными старшинами или князьями, не образуя никакого политическаго цѣлаго.

2) Татарское населеніе занимало также средній Иртышъ, Барабу, земли по Тобии и ея притокамъ и переходило отчасти на Енисей, въ бассейнъ котораго, даже по правому берегу рѣки, жили многія мелкія племена турецкой расы: койбалы, кизильцы, качинцы, сагайцы и проч. Политическаго единства эти татары не имѣли, а были подвластны разнымъ мелкимъ князьямъ и мурзамъ.

3) Къ сѣверу отъ нихъ, т. е. по Оби, Кети, Тазу и по лѣвнымъ притокамъ нижняго Енисея, бродили, какъ и теперь, остяки.

4) Южная, степная половина нынѣшней западной Сибири была занята предками нынѣшнихъ киргизовъ; но среди ихъ, далеко на западъ отъ нынѣшнихъ границъ, распространялись калмыки, которыхъ кочевья встрѣчались даже на Ишимѣ и Тоболѣ.

5) Калмыки же, или такъ-называемые теленгуты, занимали бассейны верхнихъ Оби и Иртыша, не только по Зайсану, но и въ значительной части нынѣшней Семипалатинской области и Томской губерніи, до самаго Барнаула.

6) Южная половина нынѣшней Енисейской губерніи занята была, во-первыхъ, киргизами, предками нынѣшнихъ кара-киргизовъ или бурутовъ (дилюкаменныхъ), живущихъ въ Небесныхъ горахъ, а во-вторыхъ, мелкими турецкими и финскими племенами, которыя теперь почти выродились или же слились съ русскими. Отсюда къ югу, за Саянскимъ хребтомъ, лежали владѣнія Алтынъ-хана.

7) Юго-западные части нынѣшнихъ Иркутской губерніи и Забайкальской области, отъ рѣки Кана до Онона и даже Аргуни, были заняты, какъ и нынѣ, буратами, самыми многочисленными изъ сибирскихъ племенъ, нѣкогда входившими, отчасти, въ составъ чингизхановой монархіи, но въ XVI и XVII столѣтіяхъ уже раздробленномъ на роды, управлявшіеся тайшами. Бураты въ это время были по большей части шаманами, а не ламантами. Тѣ изъ нихъ, которые жили на сѣверѣ отъ Байкала, имѣли уже отчасти понятіе объ осѣлости, по крайней мѣрѣ владѣли иногда бревенчатыми юртами, сверхъ обыкновенныхъ войлочныхъ; забайкальскіе же были почти исключительно кочевыми.

8) Весь сѣверъ Енисейской губерніи, по Ангарту, Подкаменной Тунгусѣ и далѣе до океана, а также Иркутская губернія по Ленѣ и Витиму, Забайкалье по Баргузину, Витиму, Нерчѣ, Шилкѣ и нижней Аргуни, верховья всѣхъ лѣвыхъ притоковъ Амура и правыхъ Лены, бассейны Вилюя, Оленека, Яны и западное побережье Охотскаго моря были заняты бродячими тунгузами, изъ которыхъ обитавшіе по Шилкѣ и Амуру имѣли нѣсколькихъ довольно могущественныхъ князьковъ, а всѣ прочіе были неподвластными никому вѣроловками. Одинъ изъ этихъ князьковъ, Гантимуръ, въ послѣдствіи, при появленіи нашемъ въ Дауріи, сдѣлался ревностнымъ нашимъ приверженцемъ, и потомки его существуютъ въ Нерчинскомъ краѣ до настоящаго времени, тогда какъ большая часть туземной сибирской знати давно уже выродилась.

9) Среднее и нижнее теченіе Лены занато было якутами, ко-

теритъ этнографическая область, можно сказать, расширялась, подъ русскимъ владычествомъ; насчетъ тунгузовъ.

10) Всѣ остальные народы Восточной Сибири: юагирь, чукчи, морини, камчадалы, занимали тѣ самыя земли, гдѣ они встрѣчаются и теперь.

Нѣтъ возможности опредѣлить даже приблизительно цифру этого варварскаго населенія сѣверной Азии передъ приходомъ въ нее русскихъ. Можно только сказать, что нѣкоторые племена, напримеръ татары въ Западной Сибири и на Енисей, вогуличи въ Приуральѣ, остяки, коряки, камчадалы были многочисленнѣе, чѣмъ теперь. Напротивъ того, число буратовъ и якутовъ возросло съ того времени. Впрочемъ, съ нѣкоторою увѣренностью можно сказать, что все населеніе нынѣшней Сибири не достигало и милліона душъ *).

Сосѣдами съ юга той земли, которая теперь называется русской Азіей, были:

1) На юго-западѣ, въ Туркестанѣ, туркмены, узбеки, таджики и киргизы.

2) Въ теперешней Чжунгаріи — калмыки, въ XVII и XVIII вѣкахъ составлявшіе довольно сильное государство, простиравшееся отъ Алтая до Тибета.

3) Въ бассейнѣ озера Убса — владѣнія Алтынъ-хана.

4) Въ сѣверной Монголіи — владѣнія разныхъ хановъ, почти тѣхъ же, что и теперь, т. е. Цецень-хана, Сонинъ-цонна и проч.

5) Въ Маньчжуріи — охотничьи племена тунгусской расы, едвалишь въ одномъ мѣстѣ, до верховьямъ Сунгари, сгруппировавшіеся въ небольшое государство, а на остальномъ пространствѣ ведя независимую, бродячую жизнь.

Всѣ эти народы, даже тѣ изъ нихъ, которые сближались въ политическія группы, какъ сибирскіе татары, чжунгарскіе калмыки и маньчжуры, не знали употребленія огнестрѣльнаго оружія, и, какъ говорятъ о нихъ наши лѣтописи, имѣли только «лучной бой». Слѣдовательно, не могли они уже по одному этому держаться противъ пришельцевъ-завоевателей, владѣвшихъ ружьями и пушками.

*) Есть свидѣтельства, что въ юго-западныхъ частяхъ Алтая, издавна до прихода русскихъ въ Сибирь, жили китайцы; но это, вѣроятно, были лишь немногіе торгаша и бѣглецы. Въ Западную Сибирь, даже до Тобольска, приходили, уже въ первые годы ея завоеванія, бухарскіе купцы и частію тамъ селились. Изъ нихъ-то потомкамъ принадлежатъ тронцкіе и петропавловскіе татары.

Понимая всю важность такого превосходства, московское правительство въ первое время завоеваній запретило нашимъ промышленникамъ, всюду слѣдовавшимъ за казаками, торговать пороховъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, и само снабжало русскихъ охотниковъ и ратныхъ людей тѣмъ и другимъ.

Такимъ образомъ военно-политическія условія для покоренія туземцевъ Сибири были очень выгодны для русскихъ, при Іоаннѣ Грозномъ составлявшихъ уже могущественную монархію и знакомыхъ, отчасти, даже съ европейскимъ военнымъ искусствомъ. Ходъ завоеванія облегчался притомъ системою естественныхъ водныхъ путей, которая, начавшись на восточномъ склонѣ Урала, черезъ немногіе лишь волоки (счетомъ семь *), привела казаковъ на Амуръ и на восточные предѣлы нынѣшней Якутской области. Притомъ первые наши завоеватели часто совершали свои походы зимой, на лыжахъ, по снѣгу. Особенно этимъ способомъ проникали въ необятныя пространства сѣвера тѣ казачьи партіи и отряды, которые приводили къ покорности бродячія племена въ западной и отчасти въ восточной Сибири. Что же касается до главныхъ путей, по рѣкамъ, то они были слѣдующіе:

1) На *сперть*, отъ устья Оби, куда проникали то изъ Тобольска, то изъ-за Урала, по Обской и Тазовской губамъ, по Тазу, Турухану, чрезъ Енисей, по Нижней Тунгускѣ на Вилюй и оттуда на Лену, потомъ по этой рѣкѣ, по морю на Яну, Индигирку, Колыму и даже до Берингова пролива и береговъ Анадыри.

2) Въ *срединѣ*, по Турѣ, Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Ангарахъ, Илимъ, Куту, Ленѣ, Алдану, Маѣ и притокамъ послѣдней до веревала къ Охотскому морю и потомъ къ берегамъ Уды, Тауа и Гижиги.

3) Отъ этого пути, во многихъ мѣстахъ, направленіе рѣкъ позволяло проникать глубоко на югъ, именно: по Иртышу до Зайсана и Чернаго Иртыша, по Оби и Томи въ Алтай, по Енисею, Кану, Тасѣевой, Окѣ, Иркуту, въ отклоны Саянскихъ горъ, по Витиму, Олекмѣ и Алдану — въ Забайкалье и на Амуръ.

Вообще говоря, по сѣверному пути движеніе было быстрое, такъ что на одномъ и томъ же меридіанѣ казаки появлялись по этому пути прежде, чѣмъ по среднему и южнымъ, гдѣ болѣе густое на-

*) 1) Съ Таза на Туруханъ, 2) съ Кети на Енисей, 3) съ Нижней Тунгуски на Вилюй, 4) съ Илимъ на Куту, 5) съ Олекмы на Урау, 6) съ Угура на Бранду, 7) съ Хилока на Ингоду.

селеніе и отчасти гористая мѣстность дѣлали больше препятствій, чѣмъ на сѣверѣ.

Что касается до среднеазіатскихъ степей, то въ нихъ стремленіе къ ооканамъ не вынуждалось никакою народною, экономически-естественною потребностію, а руководствовалось только военно-политическими соображеніями правительства, которое и дѣйствовало долгое время въ самыхъ разнообразныхъ, можно сказать, случайныхъ направленіяхъ, сообразно характеру мѣстности и ходу событій. Путь, наиболѣе опредѣлительно обозначившійся, есть тотъ, который ведетъ отъ западной подошвы Алтая мимо западныхъ предгорій Тарбагатай и Алатау къ западнымъ же развѣтвленіямъ Небесныхъ горъ. Но онъ установился не раньше половины нашего вѣка. Затѣмъ наступательныя движенія въ степи, на востокъ и югъ, совершались по Иртышу, по Ишиму и Тоболи, по Ори, съ низовій Урала и даже отъ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря.

Завоеваніе собственно Сибири шло очень быстро. Въ теченіе первыхъ семидесяти лѣтъ со времени перехода чрезъ Уральскій хребетъ Ермака и его спутниковъ (1579), казаки достигли до береговъ Амура и Анадыри. И во многихъ случаяхъ прежде, чѣмъ стать властителями края, т. е. привести къ покорности мѣстное населеніе, они должны были вести упорныя съ нимъ войны. Особенно это можно сказать про вогулячей, остяковъ и камышовъ въ Западной Сибири, про киргизовъ на Енисей, про бурятъ по обѣ стороны Байкала, про якутовъ и камчадаловъ. Напротивъ, самодѣи, часть сибирскихъ татаръ и большинство тунгусскихъ племенъ были покорены безъ большого труда и кровопролитія. На Амурѣ настоящее противодѣйствіе было встрѣчено не столько отъ туземныхъ племенъ, сколько отъ китайцевъ и маньчжуровъ, которые въ половинѣ XVII столѣтія образовали одно государство и въ 1689 году вынудили насъ на цѣли 170 лѣтъ оставить берега великой рѣки. Въ среднеазіатскихъ степяхъ владѣтельство наше водворилось по доброй волѣ самихъ киргизскихъ вождей; но дѣйствительная покорность народовъ была достигнута лишь долгими усиліями, политики и оружія. Сюда, по безплодности страны, уже не шли массами переселенцы, и охрана завоеваннаго всецѣло лежала на плечи правительства и потому всегда стояла значительныхъ хлопотъ и издержекъ.

Слѣдующій ниже хронологическій очеркъ постепеннаго распространенія нашего владѣтельства въ сѣверной и средней Азій показываетъ важнѣйшіе его моменты и самое очертаніе русскихъ гра-

ницъ въ разныя достопамятныя эпохи. Но относительно, поспѣд-
нихъ нужно замѣтить, что точное обозначеніе ихъ на картѣ всегда
будетъ затруднительно. Причина та, что, за исключеніемъ догово-
ровъ 1689, 1728, 1860 и 1864 съ Китаемъ, мы, въ теченіе трехъ
столѣтій, никакихъ трактатовъ о правильномъ разграниченіи не за-
ключали. Самыя карты старыхъ временъ, напримѣръ Исаака Мас-
сы (1612), Гесселя Герарда (1614), Николая Пискарева, Ни-
колая Витсена (1687), Ремезова, Вейгеля и другихъ, не показыва-
ютъ истинныхъ границъ русской Азіи тѣхъ временъ, и потому не
могутъ служить источниками для начертанія точныхъ картъ. Пос-
лѣднія приходится составлять снова за-ново, руководствуясь Мид-
деромъ, Фишеромъ и другими писателями о прошлыхъ судьбахъ
Азіатской Россіи. Только со второй четверти прошлаго столѣтія по-
лучаемъ мы картографическіе матеріалы достаточно опредѣленные,
чтобы по нимъ наносить прежнія наши границы на современныхъ
картахъ; но и тутъ многое приходится пополнять догадками. При
составленіи настоящаго очерка, гдѣ было можно, употреблены въ
дѣло старинныя карты изъ архива Главнаго Штаба.

Границы въ XVI и XVII столѣтіяхъ, до Петра Великаго.

Первая экспедиція противъ самоѣдовъ и вогуличей на сѣвер-
номъ Уралѣ, дошедшая до низовьевъ Оби, была совершена при царѣ
Василіѣ Іоанновичѣ, въ 1499 — 1502 годахъ, т. е. почти одновре-
менно съ открытіемъ морскаго пути въ Индію вокругъ Африки.
Послѣ этого московскіе государи приняли титулъ Обдорскихъ и
Кондійскихъ, хотя фактически не владѣли землями за Ураломъ.
Затѣмъ, по донесенію Анны Строганова о богатствѣ пушными
звѣрами приобской страны, Іоаннъ IV послалъ людей московскихъ
облажыть данью остяковъ, вогуличей и частью татаръ на Оби.
Эта дѣль, до нѣкоторой степени, была достигнута, и царь сибир-
скій, Едигеръ, обязался было платить по 1,000 соболей ежегодно.
Аникъ Строганову, за заслуги, была пожалована грамота на за-
камскія земли, и самъ государь сталъ именоватьсѣ Удорскимъ,
Обдорскимъ и Кондійскимъ; но дѣйствительныя завоеванія земель
въ Сибири еще не начинались. Напротивъ, въ 1573 году мы ви-
димъ вторженіе сибирскаго царевича Мегмета-кула въ прикамскую
Пермь, что и дало поводъ Строгановымъ принять, въ 1578 году,
на службу, въ себѣ Ермака, съ 7,000 казаковъ, до того времени
разбойничавшихъ на Волгѣ, а теперь обязавшихся охранять рус-

скую землю отъ нашихъ сибирскихъ инородцевъ и даже Ноло-
ратъ ихъ. Первый переходъ за Уральскій хребетъ, на Тагиль, Ерма-
номъ сдѣланъ въ 1579 году; шитымъ, бражанъ и облагая побѣд-
денными искомъ, онъ завоевалъ въ 1584 году, т. е. ко времени
смерти Ивана Грознаго и своей собственной; нынѣшніе уѣзды Вер-
хотурскій, Туринскій, Тюменскій, Тобольскій и часть Тарскаго.
Крайними предѣлами его завоеваній были: на сѣверо-востокъ —
нѣско сліяніи Оби съ Иртышомъ и небольшая рѣка Назимъ; на
юго-востокъ — притокъ Иртыша, Пингъ; на югъ — Тагиль и Тура.

Вновь завоеванныя земли охранялись городами Тобольскомъ,
Тюменю и Верхотурью, которые всѣ были обнесены деревянными
оградами. Управление краемъ съ 1588 года было возложено на
воеводу и въ такомъ видѣ продолжалось до 1710 года, т. е. до
введенія Петромъ I губернскаго управленія. Первымъ воеводою былъ
князь Болховской. Съ нимъ и съ преемниками его нерѣдко прихо-
дили въ Сибирь московскіе ратные люди, стрельцы и другіе, а не
одни казаки. Но настоящими завоевателями страны, какъ въ пер-
вое время, такъ и въ послѣдующее, были почти одни казаки, пле-
менные духомъ предприимчивости и корнетомлюбіемъ. Они, завоевы-
вая край, отъ времени до времени ставили тамъ зимовашіе обитища,
т. е. небольшие деревянные крѣпости, которыя со временемъ первую
охрану границъ, а потомъ обыкновенно разрастались въ города.

Въ началу XVII столѣтія завоеватели дошли на сѣверъ до моря
и до рѣки Таза, гдѣ были основаны города Мангазѣя, въ срединѣ
до устья Тоны въ Обь, на югъ до озера Чаноя. Граница въ это
время представляла: никакой линіи укрѣпленій и постовъ, и въ
слѣдующіе годы безпрестанно поднималась въ востокъ и югу, не-
смотря на смутное время въ Россіи, затруднившее усиленіе завоева-
тельныхъ партій. Рѣдкое населеніе Сибири въ это время состояло,
помимо люковенныхъ туземцевъ и сильныхъ поляковъ и литовцевъ,
изъ небольшого числа русскихъ — людей промышленныхъ, ратныхъ,
духовныхъ и ящичковъ, ибо еще въ 1600 году правительство оза-
бочилось устройствомъ почти изъ Москвы въ сибирскія области.

Замышленіе западныхъ обранныхъ государствъ договорились съ Поль-
шей и Швеціей, дабы новыя полеты завоевательныя стремленія
на востокъ. И если еще въ 1618 году, т. е. ко времени Столбо-
вскаго и Деулинскаго договоровъ, мажани стояли твердою ногою на
Ильменѣ и даже восточнѣе, на Нисидѣ, то къ концу тридцати-трех-
лѣтняго царствованія Михаила Феодоровича они изгнаны были по-
чти вся Сибирь въ собственномъ смислѣ, т. е. безземелья рѣкъ, ту-

кущихъ на сѣверъ, и даже развѣданъ Амуръ. Тогда-то совершили свои славные подвиги Перфирьевъ, Бекетовъ, Буза, Корытовъ, Копыловъ, Поляковъ, Стадухинъ и другіе смѣлые вожди казачьихъ отрядовъ, которые, по справедливости, могутъ стоять рядомъ съ Охедой, Бальбоа и другими извѣстными всему міру испанскими завоевателями (*conquistadores*) XVI столѣтія, хотя забыты даже у насъ и въ самой Сибири. Въ это время основаны Кузнецкъ, Енисейскъ, Краснояръ, Илимскій и Братскій остроги, Верхотенскъ, Олекминскъ, Якутскъ и самый Нижнеколымскъ. Слава русскаго оружія въ Азіи была такъ велика, что даже одинъ изъ довольно сильныхъ владѣльцевъ въ ней, Алтынъ-ханъ, котораго государство лежало за хребтами Саянскимъ и Танну-ола, призналъ себя (1632) добровольно подданнымъ московскаго Бѣлаго Царя, хотя лишь номинально, ибо дани никогда не платилъ.

При двухъ первыхъ преемникахъ Михаила Феодоровича дѣло завоеванія продолжалось безостановочно. Въ 1650-хъ годахъ, по почину олекминскаго промышленника Хабарова, былъ занятъ Амуръ, — этотъ перлъ русскихъ владѣній въ Азіи. И хотя, за отдаленностью отъ Россіи, трудно было его удерживать, особенно въ виду соперничества китайцевъ, которые не разъ осаждали наши остроги (Ачанскій, Бумарскій и проч.), хотя въ 1660 году намъ пришлось временно оставить его; но, утвердись по верховьямъ рѣки, т. е. по берегамъ Шилки и Аргуня, мы могли, при первомъ удобномъ случаѣ, вернуться на покинутыя мѣста, что и сдѣлали. Въ 1682 году, т. е. при вступленіи на престолъ царей Іоанна и Петра, русская граница съ Маньчжуріею шла уже по Амuru, гдѣ главнымъ мѣстомъ сталъ Албазинъ; съ Монголіею же почти по той же самой чертѣ, какъ и нынѣ. Затѣмъ, на Саянѣ и Алтаѣ оставались исконными племена карагасовъ, киргизовъ, сойтовъ и калмыковъ, а въ притышскихъ и приуральскихъ степяхъ граничили съ нами земли хищныхъ чжунгаровъ и киргизъ-кайсаковъ, въ сторонѣ которыхъ русскіе колонисты неохотно подавались впередъ и отъ которыхъ немало терпѣли приграничныя поселенія. Затѣмъ на крайнемъ востокѣ ламуты, коряки и чукчи были обложены ясакомъ; не доставало только Камчатки, чтобы видѣть Русскую Азію почти тою же, какъ теперь, за исключеніемъ киргизскихъ степей.

При Петрѣ занята была наконецъ и Камчатка пришедшимъ туда, въ 1696 году, съ Анадыря Атласовымъ. Но взаимно того мы лишились лучшаго изъ нашихъ азіатскихъ владѣній — Амурскаго, по Нерчинскому договору 1689 года, заключенному Головин-

нимъ, подъ неблагопріятнымъ для насъ вліяніемъ іезуитовъ и значительнаго численнаго превосходства вѣтайцевъ, отошелъ къ послѣднимъ и былъ даже заселенъ ими, къ нашему счастью, очень слабо. Этотъ и заключился XVII вѣкъ, послѣ котораго уже не было мѣста для разгула казачьихъ атамановъ-завоевателей; все дѣло расширенія и укрѣпленія границъ Россіи на азіатскомъ материкѣ всецѣло легло на правительство.

Границы въ XVII и XIX столѣтіяхъ, до нашего времени.

Во вторую половину царствованія Петра, т. е. въ началѣ XVIII вѣка, мы подвинулись въ западной Сибири, по Иртышу, до Бухтармы и даже до Зайсана и Верхняго Иртыша, куда въ 1715 году отправлялась экспедиція Вухгольца и Лихарева, съ цѣлью отыскать пути въ Яркентъ. Въ это время иртышская линія была продолжена до Усть-Каменогорска и основаны крѣпости Семипалатинская, Желѣзнинская и другія; вдоль границы съ Киргизскою и Чжунгарскою степью. Еще раньше, именно около 1709, мы окончательно стали прочною ногою въ южной части нижнѣйшей Енисейской губерніи и вообще на сѣверномъ отклонѣ Саяна, гдѣ до того встрѣчали постоянное сопротивленіе отъ карагасовъ, качинцевъ, киргизовъ, сойотовъ и другихъ мелкихъ финно-татарскихъ племенъ. Но попытка Петра Великаго сдѣлать шагъ къ утвержденію русскаго вліянія въ Средней Азій, со стороны Каспійскаго моря, кончилась злополучно, истребленіемъ въ 1717 году всего высланнаго съ этою цѣлью отряда князя Бековича-Черкаскаго въ Хивѣ. Такимъ образомъ, къ 1725 году граница наша въ Азій шла по рѣкамъ Уралу, Міасу, на Курганъ къ Омску, отсюда по Иртышу, потомъ по предгорьямъ Алтая южнѣ Бійска, сѣвернѣ Телецкаго озера и мимо вершинъ Абакана, на теперешнюю нашу пограничную черту съ Китаемъ, а отъ устья Горбицы въ Шилку по самой Горбицѣ и по Становому хребту до рѣки Уды. На берегахъ Тихаго океана намъ принадлежали весь материкъ отъ устья Уды до Берингова пролива и Курильскіе острова, за исключеніемъ Итурупа и Кунашира. Это были, въ нѣкоторомъ смыслѣ, естественные предѣлы для нашей территоріи въ сѣверной Азій, ибо охватывали собою одни бассейны рѣкъ, текущихъ въ сѣверныя моря, ни болѣе, ни менѣе. Исключеніе составлялъ одинъ Нерчинскій край; но и онъ, несмотря на оставленіе нами бассейна Амура, представлялъ такую часть государства, которая была плотно связана съ другими и притомъ еще могла служить въ бу-

душемъ базой для наступательныхъ дѣйствій на Амуръ, котораго верховья лежатъ именно здѣсь. Въ степи Средней Азій, безводныя или орошенныя не имѣющими выхода озерами съ ихъ незначительными притоками, мы тогда еще не дѣлали шагу, и даже торговая заграничная дѣятельность наша была направлена болѣе въ Китай, черезъ плодородную Манчжурію, чѣмъ въ Вухару, черезъ Каракумъ и Бетпакъ-дала.

При ближайшихъ премникахъ Петра I, Екатеринѣ I и Петрѣ II, состоялось первое официальное и подробное разграниченіе наше съ Китаемъ, на участіи между Шабинъ-дабагомъ и Аргунью, т. е. сѣверо-монгольскомъ. Оно сдѣлано было въ 1728—1729 годахъ и положило основаніе той правильной линіи карауловъ и маяковъ въ Забайкальѣ, которая существуетъ донынѣ. Вообще, въ первыя 10—15 лѣтъ послѣ смерти Петра, когда на военно-политическія дѣла у насъ имѣлъ такое сильное вліяніе Минихъ, приверженецъ системы вордоновъ, на всѣхъ нашихъ границахъ возникли длинныя ряды укрѣпленій и военныхъ постовъ, и уже въ 1734 году мы видимъ стремленіе сомянуть ихъ въ одну непрерывную линію. Именно тогда основана Уйская линія, долженствовавшая сомянуть Уральскую (Янскую или Оренбургскую) съ Иртышской (Сибирской), Бійская на Алтаѣ и проч. И такое устройство настойчиво продолжалось по всей окраинѣ территоріи, занятой нашими поселеніями, несмотря на то, что уже въ 1732 году государственная граница въ Средней Азій ушла далеко на югъ, благодаря добровольному подданству киргизовъ Малой и Средней Орды. Оно, какъ извѣстно, оставило глубокіе политическіе слѣды до самаго послѣдняго времени и совершенно обособило степи, которыя во многихъ отношеніяхъ, напримѣръ таможенномъ и служебномъ, считались мѣстами *заграничными* до самыхъ 1860-хъ годовъ.

При переменѣ Анны, которой присагнули въ 1732 г. киргизскіе ханы Абулькайръ и Шемаха, императрица Елисаветѣ, русскія владѣнія въ Азій нѣсколько расширились въ мѣстахъ, сосѣднихъ Иртышу: намъ достались тѣ части падшаго въ 1756 году чжунгарскаго царства, которыя прилежали къ Иртышу у впаденія Ульбы, Вухтармы и Нарына, до верховья Оби, т. е. Катуни и Бін. Около того же времени, именно въ 1750-хъ годахъ, въ видахъ выправленія кордона, устроилась извѣстная Горькая линія — первый рядъ насильственно-водворенныхъ станицъ въ степи, между Иртышемъ и Тоболемъ.

Въ европейское царствованіе Екатерины II мы не сдѣлали ни

шагу впередъ на материкѣ азіатскомъ. Мудрая императрица предпочитала заниматься гражданскими улучшениями въ приобретённыхъ уже тутъ земляхъ, чѣмъ дѣлать завоеванія вновь *). Но никакъ нельзя сказать, чтобы и военно-политическое устройство нашихъ азіатскихъ окраинъ не занимало Екатерины. Напротивъ, въ ея-то царствованіе Россія пустила истинно прочные корни для своего политическаго могущества въ Азіи. Только цѣль эта достигалась почти безъ наступательныхъ дѣйствій нашихъ военныхъ отрядовъ и безъ основанія крѣпостей. Въ Средней Азіи, т. е. тамъ, гдѣ легко было примѣнить принципъ *divide et impera*, пользуясь племеннымъ антагонизмомъ башкировъ, киргизовъ и калмыковъ, губернаторы оренбургскій и сибирскій получили въ руководство правило *ослабить* одинъ изъ этихъ безвоинныхъ и намъ непріязненныхъ народовъ посредствомъ другихъ **), а въ восточной Сибири все вниманіе было обращено на расширеніе мирныхъ торговыхъ связей съ Китаемъ. Даже Японія входила въ кругъ соображеній Екатерины, которая въ 1792 году пробовала завести дружескія сношенія съ нею, чрезъ посланку корабля подъ командою Лаксмана, и имѣла успѣхъ; по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что русскимъ дозволено было прибыть для переговоровъ въ Нагасаки, чѣмъ впрочемъ мы не воспользовались до 1805 года.

Въ слѣдовавшія за смертію Екатерины двадцать лѣтъ, т. е. до окончанія наполеоновскихъ войнъ въ Европѣ, правительство наше было слишкомъ занято на Западѣ, чтобы помышлять о какомъ-либо наступательномъ движеніи на Востокѣ. Да и поводовъ къ такимъ движеніямъ не представлялось. Съ Китаемъ продолжались дружественныя отношенія, весьма выгодныя для насъ, потому что они сопровождались развитіемъ прибыльной торговли на Кяхтѣ. Стенныя границы хотя были постоянно обезпокоиваемы хищниками;

*) Хотя въ инструкціи, направленной, начальнику сибирской линіи предписывалось стремиться къ занятію и упроченію за нами долины Зайсана и даже Чернаго Иртыша, для чего разрѣшалось посылать туда, подъ благовидными предлогами, отряды. Въ 1799 году въ этихъ видахъ основана и Усть-Вухгарминская крѣпость.

**) Особо строго этотъ принципъ былъ примѣненъ въ 1771 г. къ бѣжавшимъ въ Китай калмыкамъ. Впрочемъ, истинною цѣлью императрицы Екатерины всегда было умиротвореніе степей и соединенное съ нимъ благосостояніе ихъ и приграничныхъ частей Россіи и Сибири, а указанный пріемъ составлялъ только средство, и притомъ крайнее, употреблявшееся лишь наредѣкъ, съ непосредственнаго разрѣшенія государя.

но какъ это были собственные подданные, то хотя противъ нихъ иногда высылались отряды, однако лишь съ цѣлью наказанія, а не новыхъ завоеваній. Въ такомъ положеніи были дѣла до 1820-хъ годовъ. Съ этой эпохи начинается обозначаться стремленіе къ новымъ наступательнымъ движеніямъ, можно сказать, къ завоеваніямъ, хотя для перваго раза на собственной территоріи, именно въ сибирской степи. По представленію генераль-губернатора Сперанскаго рѣшено было фиктивное подданство тамошнихъ киргизовъ обратить въ дѣйствительное, и съ этою цѣлью въ центрахъ проектированныхъ имъ округовъ устроить укрѣпленія, при которыхъ бы помѣщались приказы. Въ такія укрѣпленія обыкновенно высылались съ линіи гарнизоны изъ казаковъ и даже регулярной пѣхоты. Но какъ содержаніе ихъ, по отдаленности отъ линіи, стоило дорого, то мало по малу сибирскія власти пришли къ мысли выселять въ степи казаковъ, которые суть и воины, и земледѣльцы вмѣстѣ. Такимъ образомъ въ степи постепенно образовалась новая, передовая линія, ставшая, въ свою очередь, предметомъ хищничества номадовъ. Нужно было опять высылать отряды, опять основывать укрѣпленія, (Актау, Улутау), и т. д. Тутъ начало системы, которая привела насъ за Балхашъ, къ Или, къ Алатау и наконецъ въ Небесныя горы и въ Туркестанъ, системы, выработанной не народомъ, не партіями завоевателей-колонистовъ, а администраціею, т. е. самимъ правительствомъ.

Система эта, какъ сказано, на первое время проводилась только въ западно-сибирской степи, которая со времени Сперанскаго получила особое административное устройство, вынуждавшее насъ имѣть опредѣленные и постоянные центры за Иртышемъ, въ 200 и 300 на югъ отъ него и отъ Горькой линіи. Въ Оренбургской же степи долгое время никакихъ передовыхъ линій и укрѣпленій не было *). Тамошніе генераль-губернаторы больше полагались на умиротворяющее вліяніе промышленныхъ интересовъ, которые возрастали между киргизами вслѣдствіе развитія караванной торговли въ степи, да на временные отряды, высылаемые при нуждѣ, и потому они не желали строить среди киргизовъ укрѣпленій, а тѣмъ больше станицъ. Но въ 1835 году, вдругъ, въ Оренбургской степи не только была устроена такъ-называемая «новая» линія, т. е. рядъ укрѣпленій между крѣпостями Орскою и Звѣриноголов-

*) За исключеніемъ впрочемъ небольшой влѣдкой линіи, выдвинутой въ 1810 г. съ спеціальною цѣлью прикрыть мѣстныя солиныя копи.

скою, отрѣзавшій у киргизовъ Малой орды обширныя и наилучшія мѣста для кочевовъ, но и самое отрѣзанное пространство заселено казаками. Мѣра эта въ военномъ отношеніи достигла цѣли, т. е. прикрыла Верхнеуральскую и Уйскую линіи отъ хищниковъ, но совершенно разорила многихъ киргизовъ, а еще болѣе выселенныхъ въ степь казаковъ, которые даже прибѣгали къ открытому сопротивленію переселявшимъ властямъ. Притомъ она развила такія волненія въ степи, что для обезпеченія вновь водворенныхъ станицъ генералъ Перовскій началъ было строить непрерывный валъ, въ родѣ китайской стѣны, долженствовавшій связать крѣпость Орскую съ укрѣпленіями Императорскимъ, Наслѣдника и проч. Кроме того, чтобы быть ближе къ отдаленнымъ кочевьямъ степныхъ хищниковъ и прикрыть отъ ихъ разбоевъ рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ, въ 1834 году основано было при заливѣ Кайдакѣ укрѣпленіе Ново-Александровское. Но всѣ эти пограничныя военныя мѣры не достигали цѣли, и скоро въ степяхъ образовалось правильное возстаніе подъ предводительствомъ умнаго и предприимчиваго Кенисары Касимова. Оно продолжалось до 1845 и 1846 годовъ, когда наконецъ Кенисара былъ убитъ дикокаменными киргизами, а въ степи генераломъ Обручевымъ основаны укрѣпленія на Ирғизѣ и Тургаѣ (Оренбургское и Уральское). Въ 1847 году, по личной волѣ императора Николая *), явилось даже укрѣпленіе на Сырь-Дарьѣ (Рамское), а еще раньше того, въ сибирской степи, основанъ Копалъ, за которымъ уже начинались кочевья Большой Орды. Орда эта, дотогѣ бывшая независимой или подвластной номинально то китайцамъ, то кокандцамъ, въ 1846 году наконецъ приняла русское подданство, и такимъ образомъ въ 1847 году наша государственная граница, по крайней мѣрѣ теоретически, перешла за Или, къ хребту Алатау, къ рѣкамъ Чуу и Сырь-Дарьѣ.

Граница эта имѣла ту любопытную особенность, что вся средняя часть ея, по правой сторонѣ Чуу и Сырь-Дарьѣ, есть бесплодная степь, гдѣ нѣтъ возможности ни селить станицъ, ни возводить укрѣпленій, ни даже держать хотя бы самыя легкія подвижныя военныя отряды. Слѣдовательно, никакая мѣра не могла воз-

*) Генералъ Обручевъ, въ силу извѣстнаго правила наполеоновской стратегіи, что голодные степи составляютъ наилучшее прикрытіе границъ, думалъ было остановиться по сю сторону Барсуковъ и Куракума; но государь нашелъ, что въ обще-политическихъ видахъ лучше основать укрѣпленіе по ту сторону названныхъ песковъ, именно на низовьяхъ Сырь-Дарьѣ.

выкинуть на полуценной окраинѣ нашихъ степей, и государствен-
ный рубежъ оставался фиктивнымъ. Чтобы образовать эту *линию*,
нужно было перейти Чуй и стать по крайней мѣрѣ у подошвы
Киргизынь-Алатау, Воролдая и Каратау, занявъ въ то же время
Сыръ-Дарью до Акмечети или Джулека. Это и было сдѣлано мало-
по малу, сначала занятіемъ Сыра до Акмечети (1853) и водворе-
ніемъ русскихъ поселеній за Или (1855), а потомъ взытіемъ Ток-
мака, Пишпека (1860), Аулие-ата, Джулека, Азрета, Чимкента
(1862 — 1864). Затѣмъ война съ коканцами, разгорѣвшаяся по
новоду этихъ приобрѣтеній, привела насъ даже къ завоеванію
Ташкента, въ которомъ уже до штурма его въ 1865 году обра-
зовалась партія, желавшая освободиться отъ тираніи коканскихъ
хана и беконъ и перейти подъ власть европейски-устроен-
наго правительства. Когда же многократныя пораженія коканцевъ
и приближеніе нашихъ границъ къ бухарскимъ предѣламъ вызвали
ревность бухарскихъ фанатиковъ, и эмиръ, наемъ глава среднеази-
атскаго ислама, выступилъ противу насъ въ поле, съ оружіемъ въ
рукахъ, тогда, въ 1866—68 годахъ, онъ заплатилъ за свою смѣ-
лость потерей Ходжента, Ура-тубе и наконецъ исторически важ-
нѣйшаго города въ Средней Азій, Самарканда. Такъ вступили
мы на почву Турана, который и должны будемъ пройти насвоемъ,
до подножій Гиндукуша и горъ Хорасанскихъ... Ибо въ степяхъ
арало-каспійскихъ нѣтъ другой естественной грани, на кото-
рой мы могли бы остановиться, не подвергая себя опасности
постоянныхъ тревогъ извнѣ и внутри. Въ степяхъ, по самому свой-
ству ихъ обитателей, приходится слѣдовать правилу: *ничего имѣ-
ете* *). Каждая, самая небольшая ихъ часть, оставленная незави-
симою, будетъ язвою на государственномъ организмѣ, источникомъ
волненій въ немъ, отъ котораго нѣтъ другаго способа избавиться,
какъ поглотить его или же отступить передъ нимъ до самаго края
той территоріи, которая способна содержать сложное осѣдлое насе-
леніе, въ нашемъ случаѣ до Ураха и Иртыша.

*) Доказательства этого положенія развивались многою, между прочимъ ге-
нераломъ Катенинымъ, въ письмѣ къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ Тол-
стому, въ 1856 г., хотя Катенинъ ѣхалъ въ Оренбургъ именно съ тѣмъ, чтобы
пріостановить всякое наступательное движеніе съ нашей стороны на югъ. На-
прасно и генералъ Безакъ въ 1861 году полагалъ не идти далѣе Ташкента; об-
стоятельства оказались сильнѣе его. Е. И. В. Намѣстникъ Кавказскій и началь-
никъ Штаба его, генералъ Свистуновъ, въ свою очередь не сомнѣваются, что
кочевыхъ среднеазіатцевъ или не нужно совсѣмъ принимать въ подданство, или
неизбѣжно брать всѣхъ.

Во второй половинѣ XIX столѣтія, кромѣ завоеваній въ степи, къ сторонѣ Турана и въ немъ самомъ, мы сдѣлали еще важныя приобрѣтенія на азіатскомъ материкѣ на счетъ Китая: въ 1854 — 1855 годахъ занято все теченіе Амура и Усури, закрѣпленное за нами трактатами 1858 и 1860 годовъ, а въ 1864 — 1869 годахъ присоединены еще нѣкоторые степные участки у Зайсана, впрочемъ, мало куда пригодные. Можно сказать, что послѣ 1864 года мы имѣли съ Китаемъ официальную границу почти по всей линіи соприкосновенія двухъ имперій; но, къ сожалѣнію, истощенные многолѣтнею борьбою съ возмущеніемъ, охватившимъ западные предѣлы ихъ государства, китайцы стали отступать отъ только что условленнаго съ нами рубежа къ востоку и югу, и на насъ легла печальная необходимость расходовать наши силы, чтобы опять воротить китайское сосѣдство или же приобрѣсти новую обузу въ видѣ обширныхъ степей Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана съ ихъ закоренѣлымъ въ варварствѣ населеніемъ. Нужно впрочемъ надѣяться, что даждѣ занятаго по этой причинѣ, въ 1871 г., Кульджинскаго округа, мы не пойдемъ и что китайцы наконецъ станутъ снова прочной ногой въ остальныхъ частяхъ Чжунгаріи. Восточный же Туркестанъ уже преобразовался въ болѣе или менѣе правильное и пока дружеское намъ государство, съ властителемъ котораго въ 1872 году мы заключили даже договоръ о свободной торговлѣ.

Охраненіе границъ.

Таковы главнѣйшіе факты изъ исторіи измѣненія нашихъ границъ на азіатскомъ материкѣ, между Каспійскимъ моремъ и Великимъ океаномъ. Въ интересѣ собственно-военномъ къ нимъ могутъ быть присоединены еще слѣдующія подробности о способахъ охраненія этихъ границъ и о войскахъ, на которыхъ оно лежало.

Въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ уже было сказано, наши завоеватели, для поддержанія русской власти въ занимаемыхъ ими краяхъ, ничего болѣе не дѣлали, какъ ставили мѣстами *остроги*, при которыхъ нерѣдко потомъ возникали города. Но подобно сказать, что стратегическія соображенія были совершенно чужды основателямъ этихъ остроговъ: они устраивали ихъ преимущественно лишь тамъ, гдѣ нужда заставляла зимовать или гдѣ они впервые выходили на большіе рѣку. Иначе остроги были бы распредѣлены по поверхности Сибири гораздо удачлѣе, чѣмъ то случилось на самомъ дѣлѣ.

Можно сказать, что ни одинъ атаманъ-завоеватель, за исключеніемъ Ермака, основавшаго Тобольскъ у слиянія рѣкъ, связывающихъ Уралъ съ Алтаемъ, и не заботился, при zaloженіи города или острога, сообразить его стратегическое положеніе въ странѣ. Такъ возникли, напримѣръ, Енисейскъ въ 60-ти верстахъ ~~ниже~~ слиянія Ангара съ Енисеемъ, Якутскъ въ 130 верстахъ ~~отъ~~ устьяхъ Алдана въ Лену, Иркутскъ въ 60 верстахъ отъ исхода Ангара изъ Байкала и проч. Однако бывали и исключенія, какъ Вратскій острогъ, Олекминскъ, Нерчинскъ; но онѣ повидямому случайны. Даже про самое основаніе Тобольска на настоящемъ мѣстѣ можно сказать, что оно едва ли было обусловлено стратегическими соображеніями, а вызвано только тактическими, именно высотой и труднодоступностью горъ, на которой построенъ былъ городъ.

Остроги и города имѣли приписанные къ себѣ районы или уѣзды; они, слѣдовательно, въ случаѣ войны были центрами операций, изъ которыхъ военныя наши силы дѣйствовали по радіусамъ, не ожидая непосредственной помощи съ какой-нибудь опредѣленной стороны. Первая ~~линія~~, т. е. правильный рядъ укрѣпленій, образовалась на Амурѣ, гдѣ къ тому привелъ самый способъ открытія и занятія края вдоль по рѣкѣ. Но эта линія существовала недолго, а затѣмъ до начала XVIII столѣтія воеводы наши не заботились объ основаніи какой-либо другой на всемъ протяженіи семи тысячъ верстъ между Уральскимъ хребтомъ и Охотскимъ моремъ. Только вдоль нижняго теченія Янга самъ собою возникъ правильный вѣеръ отъ невозможности ставить станицы и крѣпостцы вдали отъ рѣки, въ степи.

Въ это время расходы государства на охрану границъ были весьма незначительны: они ограничивались выдачею оружія и пороха ратнымъ людямъ, что, конечно, обусловливалось крайнею малолюдностію сѣверной и средней Азии и рѣзкимъ тактическимъ и моральнымъ превосходствомъ нашихъ завоевателей надъ дикими туземцами. Какіе-нибудь Тара или Якутскъ казались слишкомъ грозными твердынями для послѣднихъ, чтобы они не опасались каждую минуту громовъ, которые могутъ оттуда грянуть, и не сидѣли смирно. Нѣсколько неудачныхъ попытокъ осадъ, напримѣръ Верхоленска, Якутска и проч., еще болѣе убѣждали ихъ въ неодолимости русскихъ укрѣпленій. Изъ-за границы же ожидать непріятелей намъ было нечего, за исключеніемъ амурской страны, ибо сосѣдніе среднеазиатскіе номады, привыкнувъ дѣлать набѣги на югъ, къ сторонѣ Китая и Бухаріи, рѣдко когда пускались въ пустыни

сѣвера, холодныя, лѣсистыя и болотистыя, гдѣ большой поживы они ожидать не могли. Этимъ традиціоннымъ отвращеніемъ монголовъ и киргизовъ отъ лѣсистаго сѣвера мы обязаны тѣмъ, что они намъ нисколько не мѣшали во все время нашихъ завоеваній въ XVI и XVII вѣкахъ.

Но едва, занявъ край, мы основали въ немъ осѣдлыя поселенія, около которыхъ степнымъ хищникамъ было чѣмъ поживиться, какъ они начали свои набѣги, которые продолжали во все восемнадцатое и въ первую половину девятнадцатаго столѣтія. На монгольскомъ участкѣ границы хищничествамъ былъ положенъ извѣстный предѣлъ формальнымъ разграниченіемъ съ Китаемъ, послѣ котораго это государство стало заинтересованнымъ въ сохраненіи покоя по границѣ столько же, какъ и мы; но на чжунгаро-киргизскомъ смутѣ продолжаютъ и до настоящаго времени, а потому здѣсь рано возникъ военный кордонъ или такъ называемыя *линіи*.

Цѣль линіи — препятствовать вторженію хищниковъ на нашу территорію — въ строгомъ смыслѣ не достигалась никогда и не могла быть достигнута, ибо промежутки между населенными и укрѣпленными пунктами были на столько велики, что огромныя скопища могли проходить черезъ нихъ незамѣченными. Но польза отъ расположенія пограничныхъ селеній и фортвъ по линіямъ все же была: они облегчали поимку хищниковъ, возвращавшихся домой послѣ грабежа, устройство засадъ и т. п. Особенно это было справедливо въ тѣхъ случаяхъ, когда впереди линіи находилось какое-нибудь трудно-проходимое препятствіе, напримѣръ рѣки Уралъ, Иртышъ, Аргунь, или горы Алтай и Саянъ. Чтобы перейти эти естественныя преграды вблизи линіи, хищники должны были быть многочисленными или очень отважными. Эту приносимую линіями пользу понимали и сами туземцы, когда рѣшались искать позволенія жить внутри кордона, какъ было, напримѣръ, съ киргизами въ Сибири, переправившимися на правый берегъ Иртыша въ 1797 г., и въ Приуральѣ, гдѣ въ 1801 г. султанъ Букей перевелъ свою орду на оставленные калмыками астраханскія степи. Бывали даже примѣры, и неоднократныя, чисто-временнаго пребыванія залинейныхъ инородцевъ внутри кордона для спасенія ихъ отъ безурядицы, господствовавшихъ въ его.

Одно, впрочемъ, можно сказать въ упрекъ системѣ линій: она нерѣдко вынуждала селить людей тамъ, гдѣ природа не представляетъ никакихъ удобствъ для осѣлости. Такія мѣры, какъ водвореніе Горькой линіи, въ Tobольской губерніи, или Новой, за Ураломъ,

были причиною многихъ, страданий для переселенцевъ, и нѣмало несчастій попасть туда. Вотъ почему правительство всегда должно было давать этимъ страхамъ границъ разныя льготы и, наконецъ, въ большей части случаевъ, освободить ихъ отъ всѣхъ податей и повинностей, замѣнивъ таковыя обязанностью нести полувоенную, полу-полицейскую линейную службу.

Здѣсь начало казачества.

Первыми, послѣ Ермака и его спутниковъ, казаками на русско-азиатской почвѣ были уральскіе (яикскіе). Они еще при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ *) обязались охранять Россію отъ кочевыхъ варваровъ Средней Азіи, и, дѣйствительно, были всегда прозою послѣднихъ. И хотя на первое время, когда казаки были малочисленны, хищники иногда вторгались на правый берегъ Урала, однако, вообще говоря, ни одна орда номадовъ не прошла чрезъ казачьи земли на почву Европейской Россіи, за исключеніемъ Буковскихъ киргизовъ, принятыхъ самимъ правительствомъ. Уральцы въ прежнее время отличались крайнею предприимчивостью и дѣлали набѣги даже въ Хиву; но не лишнимъ будетъ замѣтить, что они иногда сами причиняли безпокойства на вѣрной ихъ охраненію украинѣ. Такъ, ими принято было участіе въ пугачевскомъ бунтѣ, и еще раньше того они противились устройству на р. Уралѣ Гурьева-городка, предназначеннаго именно для надзора за ними.

Затѣмъ слѣдуетъ поставить разсѣянныхъ по всей южной окраинѣ Сибири потомковъ первыхъ завоевателей, спутниковъ если не Ермака, то послѣдующихъ предводителей московскихъ ратныхъ людей. Они, какъ увидимъ сейчасъ, были родоначальниками всѣхъ теперешнихъ сибирскихъ казаковъ, отъ береговъ Тобола до Усури и Камчатки.

Но въ порядкѣ officialнаго утвержденія правъ, обязанностей и организаціи слѣдуетъ за казаками уральскими войско оренбургское, сформированное въ 1742 г. Западно-сибирскіе же линейные казаки получили правильное устройство не ранѣе 1809 г., когда, за выводомъ изъ Тобольской и Томской губерній регулярныхъ войскъ, не оставалось въ Сибири другихъ защитниковъ края, какъ немногочисленныя гарнизонныя команды и казаки, потомки завоевателей, съ примѣсю къ нимъ совершенно уже обрусѣвшихъ татаръ. Съ

*) Собственно говоря, яикскіе казаки несли службу въ войнахъ московскихъ государей еще при Теодорѣ Ивановичѣ (1691); но лишь въ 1613 или 1614 г. дана имъ жалованная грамота на землю и опредѣлены ихъ права и обязанности по отношенію къ государству.

1830-х годовъ правительство начало часть этого войска мало по малу переводить на передовыя станицы въ степь, и теперь есть даже совершенно самостоятельная степная отрасль этого казачества — Семирѣченское войско, котораго главная масса водворилась на своихъ настоящихъ земляхъ не далѣе какъ въ 1850-хъ годахъ.

Что касается до другой, сосѣдней съ Монголіей, окраины Сибири, то пограничное казачество получило здѣсь прочную организацію также лишь въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, хотя существовало съ самаго завоеванія Забайкалья и особенно со времени оставленія нами Амура, когда бояринъ Головинъ распорядился водворить тутъ казаковъ, вернувшихся съ великой рѣки, и стрѣльцовъ, которыхъ приводилъ съ собой изъ Москвы. Въ 1728 году посолъ графъ Рагузинскій усилилъ составъ забайкальскихъ пограничныхъ казаковъ дѣльнымъ полкомъ, который составлялъ его прикрытіе во время переговоровъ на Кяхтѣ. Но особенно памятенъ для русской Дауріи 1851 годъ, когда совершилось переформированіе и значительное увеличеніе Забайкальскаго войска, обращеніемъ въ составъ его всѣхъ горнозаводскихъ крестьянъ Нерчинскаго округа и части селенгинскихъ бурятъ. Затѣмъ, не далѣе какъ черезъ шесть лѣтъ (1857 — 1859) это вновь образованное войско, включавшее, впрочемъ, въ себя нѣсколько полковъ старыхъ казаковъ, выдѣлило изъ своего состава часть людей для образованія казачьихъ поселеній на Амурѣ, которыя съ 1859 года получили свою особую организацію. Всѣ эти войска существуютъ и въ наше время; но нельзя не замѣтить, что *онѣ не составляютъ основной силы для обороны границъ русской Азіи, а являются только вспомогательнымъ, средствомъ. Основная же сила есть регулярное войско, именно линейные баталіоны.* При подробномъ обзорѣ участковъ границы будутъ изложены свѣдѣнія о численности всѣхъ этихъ военныхъ силъ, ихъ составѣ, расположеніи и о самой службѣ по охранѣ рубежей государства. Здѣсь достаточно замѣтить, что въ настоящее время историческая роль казаковъ, повидимому, вполне окончилась, и во вновь присоединенныхъ окраинахъ, именно въ Туркестанѣ, нѣтъ даже рѣчи о водвореніи казаковъ, а на Амурѣ и Усури, быть можетъ, казаковъ придется обратить въ простыхъ поселянъ, каковы они и суть по своему происхожденію и характеру *).

*) Фактъ постепенной замѣны казачьихъ войскъ регулярными имѣетъ глубокое историческое значеніе. Изучая его въ подробности, не трудно было бы замѣтить, что онъ отражаетъ въ себѣ лишь общее на Руси явленіе постепеннаго перенѣса государственнаго начала надъ народнымъ, послѣдовательнаго поглощенія

О составѣ и участіи въ оборонѣ русскихъ границъ въ Азіи войскъ регулярныхъ всего удобнѣе будетъ упомянуть при разсмотрѣніи каждаго изъ участковъ, на которые естественно распадается огромная наша пограничная линія между Каспійскимъ моремъ и Тихимъ океаномъ. Это потому, что регулярная войска, какъ сила чисто-подвижная, никогда не составляли одной *общеазиатской* арміи, съ особеннымъ управленіемъ, а дробились на мелкія части, подвѣдомственные начальникамъ отдѣльныхъ линій или мѣстнымъ командирамъ и губернаторамъ. Да и собственно армейскіе полки, введенные въ XVIII вѣкѣ, уже въ 1807 году оставили Сибирь *), а на мѣсто ихъ явились сначала войска гарнизонныя, потомъ линейныя баталіоны, оренбургскіе, западно и восточно-сибирскіе и, наконецъ, туркестанскіе, существующіе понинѣ.

Относительно техническаго устройства пограничныхъ линій, о которыхъ упомянуто выше, здѣсь можно сказать, что образовавшія ихъ укрѣпленія съ самаго начала во многомъ отличались отъ прежнихъ казачьихъ остроговъ. Оно и естественно, такъ какъ основаніе линіямъ положено было въ XVIII вѣкѣ, а тогда мы уже были знакомы съ европейскою фортификаціею и деревяннымъ надолбамъ предпочитали земляные валы со рвомъ. Нѣкоторыя крѣпости, какъ Омскъ (1716), Оренбургъ (1734), прямо были устроены по системѣ Вобана, даже съ каменными одеждами. Но, впрочемъ, выраженіе «крѣпость», въ смыслѣ, придававшемся этому слову на линіяхъ въ XVIII вѣкѣ, вообще значило просто казачью станицу съ какою-нибудь оградой, въ родѣ тѣхъ, которыя возводились на Кавказѣ еще въ 1863 — 1864 годахъ. Значительные города внутри Сибири, на примѣръ Тюмень, Томскъ, Енисейскъ, Иркутскъ, уже въ теченіе

вольностей и правъ отдѣльныхъ элементовъ политическаго тѣла правительственнымъ центромъ этого тѣла. Съ утратою вольностей, ограничивалась, разумѣется, въ казачьемъ населеніи та отвага, та предприимчивость, которыя влекли его въ XVII вѣкѣ къ занятію все новыхъ и новыхъ земель и къ охраненію ихъ *одними собственными средствами*, почти безъ помощи казны. А затѣмъ правительству пришлось мало-по-малу взять на себя сполна заботы къ заселенію, расширенію и охраненію окраинъ, употреблять на это общегосударственныя средства и ставить во главѣ всего пограничнаго дѣла учрежденія и людей, выросших не на мѣстной почвѣ.... Но вопросъ: что выиграла отъ такой перемѣны въ характерѣ дѣятельныхъ силъ Россіи — которая однако еще не достигла до своихъ естественныхъ и *неизбѣжныхъ* границъ въ Азіи — этотъ вопросъ было бы неумѣстно разсматривать здѣсь, въ обзорѣ русско-азиатскихъ окраинъ не политическомъ, а военномъ.

*) Таковы, на примѣръ, полки Тобольскій, Томскій, Иркутскій и проч.

перваго вѣка по своему основаніи перестали быть крѣпостями, такъ какъ отъ покоренныхъ нами сибирскихъ инородцевъ къ концу этого вѣка не было никакой опасности.

Вооруженіе линейныхъ крѣпостей, фортовъ и проч. вполнѣ соответствовало простотѣ и, можно сказать, патриархальности ихъ устройства. Старыя, мало пригодныя орудія, на незатѣливыхъ станкахъ, фальконеты, нищали — вотъ тѣмъ обыкновенно были наполнены мѣстные склады и арсеналы оренбургскіе и сибирскіе. И еще въ 1850 годахъ, даже въ такой крѣпости, какъ Омскъ, резиденціи высшихъ военныхъ властей западной Сибири, можно было видѣть шуваловскія гаубицы, каронады и т. п., которыя приходилось продавать съ аукціона по вѣсу металла, ибо перелить ихъ мѣстными средствами въ болѣе совершенныя орудія было нельзя, а везти на Уралъ далеко. Это вообще замѣчательная черта въ исторіи нашего военно-поступательнаго движенія въ Азіи, что *ни одного артиллерійскаго арсенала нами не было основано къ востоку отъ Уральскихъ горъ до самой половины XIX столѣтія, а оружейной фабрики и порохового завода нѣтъ и досель* *). Легко понять, какъ такой недостатокъ мѣстныхъ военно-техническихъ учрежденій отражался на снабженіи сибирскихъ войскъ оружіемъ, зарядами и снарядами, и неудивительно, что еще въ 1854 — 1855 годахъ тяжелыя бомбовыя пушки были перевозимы, черезъ всю сѣверную Азію, къ берегамъ Амура, на обывательскихъ лошадяхъ.

Точно также и предметами комисаріатскаго довольствія войска русской Азіи искони снабжался изъ европейской Россіи. Основаніе казенной Тельминской суконной фабрики близъ Иркутска и войсковой суконной же фабрики, Сибирскаго казачьяго войска, въ Омскѣ до нѣкоторой степени отстранило этотъ недостатокъ, но не раньше, какъ въ XIX вѣкѣ. Всѣ прочіе предметы одежды и снаряженія солдатъ и казаковъ даже теперь, по большей части, привозятся изъ-за Урала, и исключеніе составляютъ, въ небольшомъ количествѣ, сапожный товаръ и холстъ, которые доставляются мѣтною промышленностію.

Въ одномъ русскія военныя силы въ Азіи не терпѣли никогда недостатка: это въ лошадяхъ. Обиліе пастбищъ близъ нашихъ селеній и значительное число скота у многихъ туземцевъ всегда обезпечивали легкое снабженіе нашихъ кавалеріи и артиллеріи лошадьми. Въ 1840 годахъ, когда мятежный султанъ Кенигсара Ка-

*) Попытка устройства арсенала на Алтаѣ въ XVIII вѣкѣ кончилась неудачно.

символъ волновать киргизскую степь, бывали случаи, что казаки отправлялись въ погоню за хищниками о-дву-конь. Даже пѣхота перевозилась и перевозится на лошадяхъ, особливо въ киргизскихъ степяхъ. Это обиліе лошадей существуетъ донынѣ, но замѣчательно, что въ три почти вѣка со времени завоеванія Сибири *мы не развели тамъ ни одной мѣстной хорошей породы*, которая бы специально была годна для военной службы. Исключеніе составляютъ, можетъ быть, только лошади г. Хилковского на Аргуни и нѣкоторыхъ богатыхъ казаковъ на линіяхъ западно-сибирской и оренбургской. Впрочемъ, для степей, гдѣ конница особенно нужна, наилучшая лошадиная раса есть туземная, воспитанная по-степному, на тебеневкахъ, т. е. приученная къ безкормицамъ, безводью, холоду и длиннымъ перѣздамъ.

То же, что о лошадяхъ, можно сказать о фуражѣ. Въ добываніи его на всемъ протяженіи нашей границы никогда не было затрудненій, за исключеніемъ, конечно, степей зимою и въ срединѣ лѣта. Самое тяжелое испытаніе, которое намъ пришлось перенести отъ безкормицы скота, случилось въ зиму съ 1839 на 1840 годъ, въ Оренбургской степи, при походѣ на Хиву генерала Перовскаго, когда пало до 11,000 верблюдовъ и множество лошадей. Нѣчто подобное случилось съ красноводскимъ отрядомъ, при движеніи его на Хиву въ 1873 году; но затѣмъ рѣдко бывало, чтобы скотъ въ нашихъ войскахъ падалъ отъ недостатка корма. Мѣстные начальники всегда умѣли или обезпечивать себя фуражемъ заранее, или такъ расчитывать движеніе отрядовъ по временамъ года, что они не терпѣли недостатка въ подножномъ кормѣ. О продовольствіи людей исторія, къ сожалѣнію, сохранила много воспоминаній иного рода. Такъ, нерѣдко, въ теченіе XVII столѣтія, терпѣли голодъ казаки и другіе ратные люди, проживавшіе въ острогахъ, во время осады ихъ взбунтовавшимися туземцами, напримѣръ въ Верхотурскѣ, Якутскѣ и др. Такъ, на Амурѣ голодъ понудилъ казаковъ въ 1660 году бросить на время берега этой рѣки. На томъ же Амурѣ, два столѣтія позже, именно въ 1856 году, умерло не мало солдатъ въ пространствѣ между постами Кумарскимъ и Кутомандскимъ, гдѣ по нераспорядительности начальства продовольствія было заготовлено мало, а между тѣмъ команды застали ледоходъ, мѣшавшій подвигаться вдоль по рѣкѣ. Въ 1861 году голодъ постигъ даже такой богатый отъ природы край, какъ долина Усури, гдѣ по неосмотрительности посѣвы были сдѣланы на мѣстахъ заливаемыхъ половодьемъ. Камчатка, Сахалинъ, низовья Амура, степи

за Иртышемъ и Ураломъ и доселѣ нуждаются въ хлѣбѣ, привозимомъ издалека, и потому не могутъ вмѣщать въ себѣ большаго числа войскъ. Можно вообще сказать, что продовольственная часть, при огромности разстояній, на которыя приходилось перевозить провіантъ, а также по бесплодію нѣкоторыхъ окраинъ Азіатской Россіи или по малой ихъ населенности, всегда представляла немаловажныя затрудненія въ дѣлѣ охраны нашихъ границъ войсками.

Исторія охраненія здоровья войскъ медицинскими способами представляетъ еще болѣе печальныя страницы. Можно сказать, что до половины нашего вѣка и особенно до образованія военно-окружныхъ управленій, войска наши въ Азіатской Россіи, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ и часто малыми командами, едва знали врачебную помощь при заболѣваніи не только обыкновенными, но и повальными недугами. Бывали случаи, когда заразы или мѣстные болѣзни истребляли почти цѣлыя команды. Особенно велика бывала смертность отъ недостатка медицинскаго надзора и пособій при водвореніи на новыхъ, дотолѣ незаселенныхъ мѣстахъ, напримѣръ на Амурѣ, гдѣ въ зиму 1856—1857 года на одномъ Усть-Зейскомъ посту изъ 120 человѣкъ умерло 29, или у залива Кайдакъ, на Каспійскомъ морѣ, гдѣ въ 1835—1836 годахъ смертность была около 26% въ годъ, и т. д. Леченіе заболѣвавшихъ всегда встрѣчало затрудненіе отъ недостатка медицинскихъ чиновъ, которые неохотно идутъ на службу въ отдаленный и глухой край, и до чего этотъ недостатокъ въ врачахъ можетъ простираться, видно изъ того, что наприм. въ 1871 г. при войскахъ Туркестанскаго края оставалась незанятою половина медицинскихъ вакансій. Устройство самыхъ постоянныхъ мѣстныхъ больницъ всегда оставляло желать многого даже тамъ, гдѣ къ этому, по видимому, были всѣ средства. О врачебныхъ учрежденіяхъ въ пограничныхъ казачьихъ войскахъ и говорить нечего, потому что самое расселеніе казаковъ по линіямъ препятствуетъ въ нихъ медицинскому надзору и подаванію помощи. Едва долгимъ опытомъ удалось привить у нѣкоторыхъ станичниковъ, напримѣръ на Иртышѣ, обычай обкуриванья лѣтомъ скота и людей, возвращающихся въ станицу съ поля, гдѣ нерѣдко свирѣпствуетъ сибирская язва.

Наконецъ объ исторіи умственного и нравственнаго развитія пограничныхъ войскъ, этого залога ихъ моральныхъ и боевыхъ качествъ, можно сказать, что до самой середины нашего вѣка вопросъ о немъ какъ бы не возникалъ ни въ высшихъ правитель-

ственныхъ, ни даже въ мѣстныхъ административныхъ сферахъ. Едва въ царствованіе императора Николая, именно въ сороковыхъ годахъ, основаны были кадетскіе корпуса въ Оренбургѣ и Омскѣ, доставившіе наконецъ нѣсколько сотъ сравнительно-образованныхъ офицеровъ. До того же времени большинство мѣстныхъ начальниковъ, особливо казачьихъ, едва знало грамоту, а переводимые изъ Европейской Россіи обыкновенно отличались худой нравственностью или малоспособностью къ службѣ. Вотъ почему тактическое образованіе сибирскихъ войскъ всегда стояло ниже, чѣмъ въ европейской Россіи. А какъ при томъ они не имѣли и той боевой дѣятельности, которая образовала, на примѣръ, превосходную армію на Кавказѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и доселѣ есть много недостатковъ какъ въ линейныхъ баталіонахъ, такъ особенно въ казачьихъ войскахъ. Впрочемъ, есть одна сторона, которая у всѣхъ русско-азіатскихъ войскъ развита въ высокой степени: это способность переносить труды и лишения; Наполеонъ справедливо считалъ ее первою добродѣтью солдата. Присоединивъ къ ней нѣкоторый навыкъ къ службѣ на постахъ и въ мелкихъ отрядахъ, сознание своего достоинства по сравненію съ сосѣдними азіатцами и техническое превосходство оружія, можно, слѣдовательно, сказать, что войска наши на азіатскихъ окраинахъ всегда отвѣчали требованіямъ, которыя можно было обращать къ нимъ. И подвиги ихъ въ борьбѣ не только съ среднеазіатцами, но даже съ европейцами, какъ въ 1854—1855 годахъ въ Камчаткѣ и въ Кастрі, свидѣтельствуютъ, что боевыя ихъ качества всегда были удовлетворительны.

Общій характеръ поступательнаго движенія.

« Въ заключеніе взгляда на постепенное расширеніе и упроченіе русскихъ предѣловъ въ Азіи не излишне будетъ упомянутьъ, въ немногихъ словахъ, объ общемъ характерѣ поступательнаго движенія нашего на азіатскомъ материкѣ: о политическихъ цѣляхъ, которыя преслѣдовались при этомъ, и о системахъ дѣйствій, употреблявшихся въ пограничныхъ дѣлахъ. Первые завоѣватели, спутники Ермака, какъ извѣстно, явились сюда искателями приключеній, думавшими посредствомъ военныхъ подвиговъ и подчиненія новыхъ странъ московской державѣ заслужить себѣ прощеніе въ прежнемъ разбойничествѣ. Къ этому, конечно, присоединялась жажда личной поживы, уже въ XVI вѣкѣ двинувшая за Уралъ массы промышленниковъ. Такой колоритъ завоеваніе Сибири сохранило и во все

XVII столѣтіе. Много московскихъ людей того времени бросало родину и шло въ сѣверную Азію, не справясь ни съ чѣмъ болѣе, какъ съ собственными воображеніемъ и корыстью. Но уже въ 1583 году, съ прибытіемъ перваго воеводы въ Сибирь, политика правительства овладѣла этимъ народнымъ движеніемъ и съ тѣхъ поръ неуклонно имъ управляла, *предоставляя впрочемъ, до самаго начала петербургскаго періода русской исторіи, починъ дѣла, т. е. раскрытіе и занятіе новыхъ земель, личной предприимчивости завоевателей.* До какой степени это покровительство личной инициативы нашихъ піонеровъ въ сѣверной Азіи было въ порядкѣ московской политики, видно, напримѣръ, изъ дозволенія, даннаго простому солепромышленнику, Хабарову, идти занимать Амуръ. Даже въ XVIII вѣкѣ, при Петрѣ I, столь великомъ централизаторѣ политической власти, частный починъ въ дѣлѣ расширенія русскихъ предѣловъ находилъ еще поддержку въ правительственныхъ сферахъ. Такъ, въ 1711 году, губернаторъ Сибири, Гагаринъ, писалъ якутскому воеводѣ Трауерникху: «сказывали мнѣ казаки и дворяне якутскіе, что ваша милость удержалися охотниковъ отпустить на новую землю, что островъ противъ Колымы, затѣмъ, что безъ указа не смѣли; и ваша милость отнюдь того медлить не изволь». Это покровительственное отношеніе правительства къ начинаніямъ частныхъ лицъ чрезвычайно облёгчало ходъ завоеванія столь обширной страны какъ Сибирь. Оно же, слѣдуетъ прибавить, привело и къ тому, что въ концѣ XVII столѣтія мы имѣли въ Азіатской Россіи совершенно естественную границу на югѣ, границу *лучше которой, во многихъ отношеніяхъ, у насъ потомъ не было никогда.* Казаки и промышленники остановились на Иртышѣ, на Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ, на Аргуни и на Амурѣ; но ни киргизскія степи, ни Туркестанъ, ни Чжунгарія и Монголія ихъ, представителей жизни осѣдлой, совсѣмъ не плѣняли.

Со времени Петра, когда центральное правительство взяло сполна дѣло завоеваній въ свои руки, событія на нашихъ азіатскихъ границахъ приняли совсѣмъ иной видъ, чѣмъ при его дѣдѣ, отцѣ и старшемъ братѣ. Первый пограничный договоръ нашъ былъ намъ невыгоденъ; двѣ первыя экспедиціи внутрь степей кончились больше чѣмъ неудачно. Охотниковъ идти населять новую страну не стало. Бѣжали за Уралъ преступники, бѣжали гонимые раскольники, переселялись насильно ямщики, каторжники, люди признанные за негодныхъ помѣщиками или общинами, но добровольно желающихъ уже не появлялось. Въ самое короткое время сложилось въ народѣ

то понятіе о Сибири, которое потомъ на цѣлыя поколѣнія русскихъ людей по сю сторону Урала наводило безсознательный ужасъ. А благодаря этому-то понятію мы, черезъ 290 лѣтъ послѣ прихода, имѣемъ на азіатскомъ материкѣ меньше русскихъ, чѣмъ сколько есть англичанъ въ Австраліи, хотя послѣдніе начали заселять ее лишь въ XIX вѣкѣ, и хотя эта страна лежитъ не только не въ сосѣдствѣ съ Англіей, а даже почти въ антиподахъ ея. Административныя мѣры, въ родѣ приписки рѣдкаго русскаго населенія Сибири къ кабинетскимъ горнымъ заводамъ или не позволенія имѣть поземельную собственность, устраивать частныя винокуренныя заводы, учредить высшее учебное заведеніе и т. п., лишавъ русскую Азію всякой привлекательности для образованныхъ и зажиточныхъ людей, довершили приговоръ ея на долгій экономическій застой, а съ нимъ и на долговременное безлюдіе. Выгодно ли это было въ смыслѣ военномъ, т. е. для упроченія и охраны нашихъ границъ, объ этомъ, конечно, нѣтъ нужды говорить.

Въ 1732 году былъ сдѣланъ новый роковой шагъ. Непопулярное въ Россіи и, можно сказать, назвавшее ея интересовъ правительство временъ Бирона, изъ одного оболъщенія выѣшавшимъ и неожиданнымъ успѣхомъ, приняло подданство такого же нелюбимаго своимъ народомъ хана Абульхаира. Отсюда возникла для насъ необходимость пройти насквозь всѣ пустыни Средней Азіи, чтобы раньше или позднѣе протянуть нашу границу вдоль Гиндукуша и горъ Хорасанскихъ. Здѣсь родилась та дорога стоющая Россіи система движеній впередъ по степямъ безплоднымъ, безводнымъ и населеннымъ такими подданными, что отъ нихъ нужно обороняться линіями крѣпостей, что цѣлыя 130 лѣтъ они считались людьми заграничными, и что ихъ чрезъ 140 лѣтъ послѣ присяги можно держать въ покорности только страхомъ оружія. Государственные акты и существующія историческія изслѣдованія не даютъ намъ возможности выразить въ цифрахъ жертвы деньгами и людьми, которая должна была понести Россія для поддержки и упроченія пріобрѣтенія Бирона; но, конечно, это пріобрѣтеніе стоило намъ, и еще долго будетъ стоить, многихъ милліоновъ непроизводительныхъ издержекъ и огромной траты людей.

Покорность киргизовъ сопровождалась немедленно основаніемъ *миний*. Съ тѣхъ поръ политика наша долго стояла за эти линіи, какъ за рубежъ, чрезъ который переступать не слѣдуетъ.... кромѣ, конечно, случаевъ, когда того требовали безпокойства, причиняемые собственными или чужими подданными.... Это было странное явленіе.

ніе *двойной* государственной границы — дѣйствительной и фактической — на пространствѣ отъ Каспійскаго моря до подножій Алтая. И, что еще страннѣе, такая двойственность поддерживалась иными мѣстными дѣятелями, которые не могли не знать близко всѣхъ крайнихъ ея неудобствъ. Неопредѣлительность же взглядовъ на степи центральной администраціи была такъ велика, что никакихъ попытокъ къ правильному устройству ихъ не было сдѣлано въ теченіе цѣлыхъ десятилетій дѣтъ со времени приобрѣтенія ихъ *). Ханы продолжали считаться главами двухъ ордъ, Малой и Средней, хотя въ дѣйствительности власть ихъ нерѣдко бывала совершенно ничтожна, и киргизы повиновались разнымъ султанамъ, бѣямъ и батырямъ, которые не стѣснялись производить всевозможные безпорядки и грабить не только наши караваны въ степи, но даже самую пограничную линію.

Въ 1820-хъ годахъ убѣжденія государственныхъ людей однако начали выясняться **). Тогда именно въ киргизскихъ степяхъ сдѣланы были первые шаги къ прочному покоренію номадовъ, а вмѣстѣ и къ исполненію исторической необходимости идти къ Гиндукушу.

*) Учрежденіе киргизскихъ судовъ въ Оренбургѣ и Петропавловскѣ, куда никто изъ ордынцевъ не являлся на разбирательство, конечно, не можетъ быть названо шагомъ къ правильной администраціи степей.

**) Этого, впрочемъ, нельзя сказать про тогдашняго представителя нашей иностранной политики, графа Нессельроде, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго. Въ 1824 г. китайцы выслали до Баянъ-гула 300 солдатъ, при амбанѣ, съ цѣлью возвести въ ханы подвластной намъ Средней Орды султана Габайдулу, имъ предложеннаго. Сибирскія власти, естественно, выслали съ своей стороны отрядъ, чтобы схватить Габайдулу, въ чемъ и успѣли. Но графъ Нессельроде былъ недоволенъ и писалъ по этому поводу, что «пробытіе въ Орду китайскаго амбана для возведенія на ханство Габайдулы есть происшествіе довольно обыкновенное въ своемъ источникѣ и по своимъ послѣдствіямъ, что этотъ поступокъ китайцевъ должно считать дѣйствіемъ принятаго ими обыкновенія въ отношеніи къ киргизамъ, соседнимъ съ Илійскою областью; что вліяніе китайскаго правительства на подданныхъ намъ киргизовъ существуетъ издавна и никогда не производило какого-либо разстройства въ зависимости киргизскихъ ордъ отъ Россійской Державы, несмотря на то, что китайцы возводили султановъ на ханство въ Средней Ордѣ». Затѣмъ формально предписывалъ слѣдующее: «Какъ руссійское правительство высоко цѣнитъ союзъ Россіи съ Китаемъ и весьма далеко отъ того, чтобы возвышеніе киргизскаго султана принять поводомъ къ какимъ-либо недоразумѣніямъ, то слѣдуетъ считать настоящее происшествіе обыкновеннымъ случаемъ и устранить все, что могло бы препятствовать прибывшему изъ Кульджи амбану въ достиженіи цѣли его экспедиціи.... А султану Габайдулѣ велѣно замѣтить съ кротостію несовѣстность его настоящаго положенія съ обязанностью руссійскаго вѣрноподданнаго».

Для этого, съ одной стороны, устроены были первыя укрѣпленія и привазы въ земляхъ Средней Орды, впереди линіи, а съ другой сдѣланы экспедиціи Муравьева и Берга въ странѣ средне-азіятскихъ ханствъ и основана передовая Илецкая линія около Оренбурга, въ землѣ Малой Орды. Къ концу того же десятилѣтія зародилась даже болѣе свѣтлая мысль — воротить Амуръ. Но эта мысль, принадлежавшая генераль-губернаторамъ Восточной Сибири, благодаря политикѣ неподвижности въ нашихъ отношеніяхъ къ Китаю, развиваемой графомъ Нессельроде, оставлена была, на первый разъ, безъ послѣдствій, кромѣ небольшой секретной экспедиціи въ Албазинъ Ладженскаго, въ 1834 году.

Двадцатилѣтній періодъ, съ 1834 по 1853 годъ, весь былъ посвященъ одному упроченію и расширенію нашихъ границъ въ Средней Азіи. И хотя при этомъ не было составлено ничего подобнаго тому изящному и глубоко-обдуманному плану, который въ 1856—1864 годахъ привелъ, съ неотразимой послѣдовательностью, къ обращенію Кавказа въ русскую землю, но правительство уже употребляло всѣ мѣры, чтобы дѣйствовать сознательно. Для этой цѣли отправлялись ежегодно за нашу *линію* экспедиціи развѣдочныя и даже иногда политическія. Но въ самомъ началѣ этой дѣятельности была сдѣлана важная ошибка: отрѣзаны у киргизовъ Малой Орды лучшія ихъ кочевки между Новой и Старой линіями и отданы казакамъ. Степь отвѣчала на захватъ волненіями, которыя при Кенисарѣ достигли своего апогея. Борьба же съ волненіями вынудила, съ одной стороны, частое употребленіе дорогаго палативнаго средства — высылки въ степь временныхъ отрядовъ, — а съ другой, привела къ мѣрѣ еще болѣе дорогой, хотя и считавшейся радикальною — къ военнымъ походамъ въ средне-азіятскія ханства. Эти походы тогда были, очевидно, рановременны; но они были въ духѣ общей политики, возникшей тогда въ правительственныхъ сферахъ подъ вліяніемъ соперничества съ Англіею. Неудача экспедиціи генерала Перовскаго къ сторонѣ Хивы заставила, однако, измѣнить стратегическіе приемы наши по отношенію къ Средней Азіи, и отъ системы подвижныхъ отрядовъ, ~~дававшей~~ ^{дававшая} будто бы ту выгоду, что она лишала киргизовъ ихъ земель чрезъ водвореніе нашихъ селеній, мы перешли къ системѣ степныхъ укрѣпленій, успѣхъ которой уже былъ испытанъ въ Сибири. Представитель этого направленія, генераль Обручевъ, имѣлъ, впрочемъ, на степной вопросъ свой особый взглядъ, во многомъ расходившійся съ тѣмъ, который былъ принятъ потомъ въ руководство. Именно, раз-

смотря на карту тогдашняго (1840-х годовъ) распространенія нашего въ Средней Азій, Обручевъ находилъ, что мы уже пришли къ довольно естественному рубежу, то есть къ сѣверной окраинѣ голодной и песчаной степной полосы, которая отъ Каспійскаго моря, черезъ Усть-Уртъ, тянется на сѣверъ отъ Аральскаго моря, Сыра и Чуа, а потомъ по берегу Балхаша и по ложбинѣ отъ него къ Ала-кулю. Поэтому онъ полагалъ остановиться въ распространеніи къ югу и испытать, не довольно-ли будетъ для охраненія нашихъ земель небольшого числа укрѣпленій, поставленныхъ вдоль этой окраины, *съверте* ея. Взглядъ Обручева основывался на томъ, что чрезъ голодныя пустыни хищники не могутъ къ намъ проникать большими партіями изъ-за границы, а собственныхъ подданныхъ мы всегда можемъ держать въ покоѣ, какъ скоро есть наблюдательные пункты на окраинѣ ихъ кочевовъ. Но судьба влекла насъ дальше, чѣмъ полагалъ Обручевъ, съ какою-то роковою неотразимостью. Въ 1846 году положено было, въ придачу къ двумъ уже возникшимъ степнымъ укрѣпленіямъ, Иргизскому и Тургайскому, основать третье не на верховьяхъ Эмба, какъ полагало оренбургское начальство, а на нижнемъ теченіи Сыръ-Дарьи. Это былъ второй роковой шагъ со времени Бирона, шагъ, послѣ котораго не было уже поворота назадъ, хотя повидимому лица, производившія его, смотрѣли на дѣло иначе и думали ограничиться сѣверными берегами Аральскаго моря, Сыра и Чу. Одновременно съ этимъ «успѣхомъ» на оренбургской окраинѣ были сдѣланы пріобрѣтенія и въ западной Сибири: присягнула на подданство Большая Орда, которая со времени паденія Чжунгарскаго царства подчинялась то Китаю, то Кобану и не имѣла, по самому положенію своему за Балхашемъ и за двумя полосами песковъ, никакихъ почти сношеній съ Россією.

Основаніе Раимскаго укрѣпленія, разумѣется, не успокоило оренбургской степи, и караваны какъ изъ Бухары, такъ даже изъ Хивы, проходившіе очень близко отъ Раима, продолжали терпѣть отъ хищниковъ. Притомъ отдаленность этого форта отъ дѣйствительныхъ нашихъ границъ дѣлала положеніе его самого довольно опаснымъ, тѣмъ болѣе, что на Сырѣ приходилось имѣть дѣло уже не съ одними номадами, а и съ осѣдыми жителями средне-азіатскихъ ханствъ. Эти послѣднія съ справедливымъ опасеніемъ взирали на приближеніе грознаго сосѣда съ сѣвера, и потому употребляли всѣ мѣры понудить его возвратиться назадъ. Но это было уже невозможно, развѣ если бы мы разъ навсегда отреклись и отъ всякихъ владѣній въ Средней Азій, и отъ пріобрѣтеннаго на нее нравствен-

наго вліянія, которое поддерживать можно только непрерывными усилиями, без малѣйшихъ неудачъ или отступленій. За Рамномъ слѣдовала цѣлая сырѣ-дарьинская линія, особенно послѣ того, какъ послѣдняя попытка Перовскаго приложить прежнюю систему отрядовъ кончилась несовсѣмъ удачно, отбитіемъ (въ 1852 году) полковника Бларамберга отъ Акметети. Въ 1853 году Акмететь была взята и основанъ фортъ Перовскій, съ двумя другими, лежащими ниже его по Сыру. Но эта линія, если такъ можно выразиться, висѣла на воздухѣ. Не только снабженіе ея всѣмъ нужнымъ было до крайности затруднительно *) по отдаленности отъ Урала, но самая охрана ея требовала большихъ заботъ и постоянного напряженія всѣхъ нашихъ силъ въ стени, потому что коканцамъ и состоявшимъ подъ ихъ покровительствомъ каратаускимъ киргизамъ ничего не стоило обходить нашъ лѣвый флангъ и перерѣзывать сообщеніе съ укрѣпленіями на Ирғизѣ и Тургаѣ, слѣдовательно съ Россією вообще. Необходимость примкнуть лѣвый флангъ оренбургской передовой линіи къ правому флангу сибирской становилась очевидною; но удовлетворить ей было не легко, потому что между Акмететью и Вѣрнымъ, основаннымъ въ 1855 году, лежитъ не менѣе 900 верстъ самыхъ безотрадныхъ степей. Вопросъ о соединеніи линій или о сомкнутии границы въ началѣ 1860-хъ годовъ занималъ одинаково какъ центральное правительство, такъ и мѣстныхъ главныхъ начальниковъ въ западной Сибири и въ Оренбургѣ; но вѣрнѣе нужны для рѣшенія его средства казались затруднительнымъ, какъ по недостаточному знанію нами мѣстныхъ естественныхъ условій зачуйскаго края, такъ и по недовольно-ясному представленію о могуществѣ Кокана. Наконецъ смѣлые поиски небольшихъ отрядовъ на Чу, Иссыкъ-кулѣ, Нарынѣ и въ Каратау, паденіе Токмака, Пишпека, Джулека, Куртки освоили насъ съ мыслию, что занять линію по сѣверную сторону горъ Киргизиничъ-Алатау, Бородай и Каратау не составитъ большого труда. Но для занятія этой линіи мы должны были начать съ обоихъ ея концовъ наступательныя дѣйствія довольно большими отрядами, втануться въ войну съ Коканомъ; эта же война привела насъ незамѣтно въ бассейны Арыса, т. е. на южную сторону Бородайскихъ горъ, къ Туркестану, Чемкенту и наконецъ, въ 1866 году, къ Ташкенту.

Занятіе въ 1866 и 1868 годахъ Ходжента, Джизака и Самарканда составляло простое лишь продолженіе того наступательнаго

*) Напримѣръ, брезна для пороховъ привозилась изъ Оренбурга.

движенія нашего въ Туранѣ, о *неизбѣжности* котораго не разъ уже упомянуто. Съ 1869 года наше вниманіе невольно обратилось при томъ на Хиву. Это ничтожное ханство имѣетъ очень выгодное положеніе въ центрѣ Средней Азіи, какъ потому, что оно окружено кочевьями хищниковъ, которыхъ систематически направляютъ противъ сосѣдей, простирая свою дерзость даже до подстрекательства къ беспорядкамъ нашихъ подданныхъ и до сбора съ нихъ зякета, такъ и по труднодоступности своей территоріи. Въ 1858 г. ханство это было посѣщено нашимъ посольствомъ и однимъ военнымъ судномъ съ Аральскаго моря; но съ тѣхъ поръ оно какъ-бы впадо въ забвеніе, несмотря на то, что напоминало намъ о себѣ частыми хищничествами на Усть-Уртіѣ и даже къ сѣверу отъ Аральскаго моря. Только въ 1869 году поддержаніе хивинцами открытаго противу насъ бунта прикаспійскихъ киргизъ и беспорядки, возбужденные ими на орско-казалинскомъ трактѣ, заставили приступить къ прочнымъ, хотя и дорогимъ мѣрамъ противъ Хивы. Первою изъ нихъ было занятіе Красноводска, на восточномъ берегу Каспійскаго моря; затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ рекогносцировокъ мѣстности въ туркменскихъ и задарьинскихъ степяхъ. Наконецъ въ 1873 году состоялась большая экспедиція, направленная съ равныхъ странъ въ предѣлы самой Хивы.

Теперь на очереди стоятъ степи, обитаемыя туркменами. И хотя коллегія иностранныхъ дѣлъ еще въ 1767 году справедливо нашла, что «народъ сей, отъ природы дикій и хищный, подъ видомъ подданства ищетъ только пособія въ жизненныхъ потребностяхъ», а потому отклонила его искательство поступить въ число русскихъ подданныхъ; но сила исторической необходимости могущественнѣе самой твердой воли людей наиболѣе проникательныхъ. Туркменскія степи, безъ сомнѣнія, скоро войдутъ въ составъ русскаго государства, и такимъ образомъ мы сдѣлаемъ послѣдній шагъ къ невольному перенесенію нашихъ границъ къ горамъ Хорасана. Безъ этого условія нѣтъ возможности держать въ уѣздѣ самыхъ закоренѣлыхъ изъ всѣхъ степныхъ варваровъ Средней Азіи.

Та же участь ждетъ, безъ сомнѣнія, Коканъ, хотя до времени онъ намъ полезенъ въ томъ полузависимомъ состояніи, въ какое поставленъ съ 1868 и 1869 годовъ. Къ военному занятію Ферганы пока не представляется поводовъ, а между тѣмъ спокойствіе ея даетъ намъ возможность не увеличивать слишкомъ числа войскъ въ Туркестанѣ, гдѣ содержаніе ихъ такъ недешево. Въ случаѣ необходимости, благодаря фактивной самостоятельности Кокана, можно

еще будетъ приложить въ Средней Азіи къ дѣлу принципъ *divide et impera*, чтобы ослабить вновь возникшее государство кашгарское, котораго властитель есть бывшій подданный коканскаго хана, имъ нелюбимый. Всякое взаимное истребленіе средне-азіятцевъ есть для насъ положительная выгода, лишь бы ихъ столкновенія происходили не на нашихъ земляхъ и не вредили прямо нашей торговлѣ.

О самомъ кашгарскомъ владѣніи можно сказать, что пока оно въ кругъ нашихъ военно-политическихъ соображеній входитъ немного. Рѣдкія пограничныя сношенія касались только притѣсненій, дѣланныхъ Якубъ-Бекѣмъ нашимъ номинальнымъ подданнымъ въ Небесныхъ горахъ—черикамъ, затѣмъ болѣе важныхъ прижимокъ, оказанныхъ имъ въ самомъ Кашгарѣ нашимъ купцамъ. Но когда въ 1872 году туркестанскій генералъ-губернаторъ, уже прежде принимавшій сына Якубъ-Бека, отправилъ въ Джитышаръ посольство, поддержавъ его въ тылу военнымъ отрядомъ, тогда кашгарскій аталыкъ-гази поспѣшилъ принять предложенныя ему условія о свободной торговлѣ, и Джитышаръ сдѣлался доступенъ русскимъ купцамъ. Взятіе нами въ 1871 году Кульджи само собою положило предѣлъ искательствамъ Якубъ-Бека въ прилижскомъ краѣ; но за то, увѣрясь въ дружелюбномъ настроеніи нашемъ, этотъ коканскій авантюристъ не замедлилъ утвердиться въ Урумци, т. е. въ мѣстности, лежащей сѣвернѣе Тянь-шаня, съ прямою и ясно высказываемою цѣлью водворить на развалинахъ китайскаго могущества царство ислама. Въ то же время онъ ведетъ дѣятельныя сношенія съ англійской Индіей, снабжающей его оружіемъ и инструментами для войскъ.

Этимъ можно окончить историческій взглядъ на политику нашу относительно Туркестана, т. е. степныхъ земель къ югу отъ западной Сибири и Оренбурга. Но степи лежатъ у насъ не только на югѣ отъ береговъ Урала и Иртыша, а и на востокѣ. Только здѣсь, уже съ половины прошлаго вѣка, мы коснулись владѣній большаго и намъ дружественнаго государства—Китаю, хотя официальной границы долго съ нимъ не имѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы мы желали, то и въ этомъ направленіи поступательное наше движеніе могло бы быть столь же значительно, какъ въ Туранѣ. Одни переходы номадовъ изъ государства въ государство могли дать легкій поводъ къ пререканіямъ, къ давленію съ нашей стороны на китайцевъ, а потомъ къ самымъ завоеваніямъ. Столкновенія и бывали, даже весьма рѣшительныя, какъ, напримѣръ, истребленіе нашей фак-

торіи въ Чугучакѣ китайскою чернью въ 1855 году, и даже открытое сраженіе между войсками двухъ государствъ въ 1862 году. Но добрая воля двухъ правительствъ всегда стремилась тутъ къ упрощенію мирныхъ сношеній, а не къ завоеваніямъ. Первый договоръ, который касался этихъ мѣстностей, былъ договоръ кульджинскій 1851 года, относившійся только до торговли и не упоминавшій ни однимъ словомъ о такъ-называемыхъ пограничныхъ дѣлахъ, т. е. объ установкѣ государственнаго рубежа, о его охраненіи, о выдачѣ перебѣжчиковъ и т. п. Плодомъ этого трактата былъ блестящій успѣхъ нашей торговли, которая въ три года возрасла до 1,200,000 рублей въ одномъ Чугучакѣ, и вѣроятно пошла бы далѣе, если бы чернь не сожгла въ 1855 году нашей чугучакской факторіи. Затѣмъ до самаго начала возстанія дунганей въ Или, т. е. до 1865 года, вся наша граница съ Китаемъ въ западно-сибирской степи была постоянно спокойна, за исключеніемъ рѣдкихъ и ничтожныхъ хищничествъ, производимыхъ мелкими шайками барантачей, и случайныхъ переходовъ въ наши предѣлы бѣглыхъ китайцевъ, искателей золота. Въ 1864 году условлена была даже официальная граничная линія между двумя государствами; но за начавшимися у китайцевъ беспорядками она не могла быть тогда же обозначена на самой почвѣ, и только въ 1869 и 1870 годахъ комиссары двухъ сторонъ успѣли поставить граничные столбы на пространствѣ отъ Шабина-дабага до перевала Хабарь-асу въ Тарбагатайскомъ хребтѣ, чѣмъ наконецъ и положено прочное основаніе всѣмъ будущимъ мѣрамъ къ правильному охраненію этого рубежа.

Но если на чжунгарской границѣ нашей съ Китаемъ мы всегда были въ самыхъ миролюбивыхъ отношеніяхъ съ этой имперіей, то нельзя сказать, чтобы, заключая самый пограничный договоръ, не увлеклись нѣсколько завоевательнымъ духомъ, развившимся, должно замѣтить, у нашихъ западно-сибирскихъ начальствъ главнѣйше вслѣдствіе непрерывнаго движенія впередъ къ сторонѣ Туркестана. Такъ, при заключеніи трактата, нами выговорены были земли по правой сторонѣ рѣки Чарына и по лѣвой Чернаго Иртыша, вовсе для насъ ненужныя и никогда намъ не принадлежавшія. Агенты наши до разграниченія, конечно, полагали, что эти земли слѣдуютъ къ Россіи потому, что служатъ кочевками для ея подданныхъ; но это есть не вполне ясное пониманіе дѣла. Кочевья киргизовъ и калмыковъ на Текесѣ, Кегенѣ и Черномъ Иртышѣ никогда не были разграничены какими-либо условными или даже естественными рубежами; ихъ предѣлы суть подвижныя и весьма неправильныя кривыя.

вныя линіи, которыхъ положеніе годъ отъ году измѣнялось, смотря по состоянію травъ, уговорамъ между номадами и т. д. Они, слѣдовательно, никакъ не могли быть выбраны за *постоянные* рубежи между двухъ государствъ. Да никто и не спрашивалъ у кочевниковъ, гдѣ границы ихъ земель, отчего и вышло, напримѣръ, что на Черномъ Иртышѣ государственная граница разрѣзала кочевки нѣкоторыхъ родовъ, къ большому неудобству для нихъ и для насъ.

Любопытно то, что, находясь въ мирныхъ отношеніяхъ къ китайцамъ въ Чжунгаріи и ведя съ ними довольно дѣятельную торговлю, мы, съ 1851 по 1869, почти ничего не сдѣлали для изученія этой сосѣдней намъ провинціи Небесной Имперіи. Несмотря на то, что у насъ были тутъ два консульства, къ Кульдѣ и Чугучакѣ, никакихъ статистическихъ, этнографическихъ и даже просто географическихъ свѣдѣній оттуда не поступало. Такое явленіе можно считать исключительнымъ въ нашей азіатской политикѣ, и объяснить его можно лишь тѣмъ, что собственно мѣстныя, пограничныя наши власти долгое время не увлекались поступательнымъ движеніемъ въ этомъ направленіи, слѣдовательно и не имѣли къ развѣдамъ поводовъ; консулы же не считали себя обязанными дѣлать что-либо для науки, а можетъ быть и не были для того достаточно развиты и свѣдуши. За исключеніемъ карты г. Захарова, при помощи омскихъ топографовъ скопированной съ китайскихъ оригиналовъ, ни одного дѣльнаго труда о китайской Чжунгаріи у насъ не появлялось съ самой поѣздки хорунжаго Путинцева въ Кульджу въ 1811 году и съ перевода Іакинфомъ китайскаго описанія этой области въ 1827 году. Впрочемъ, весьма возможно, что это было слѣдствіемъ политики невмѣшательства *), которая принята была съ самаго 1863 года, т. е. съ начала дунганскаго возмущенія въ Урумци, и отъ которой мы отказались не ранѣе, какъ въ 1871 году, когда многолѣтній опытъ убѣдилъ, что для сохраненія спокойствія у себя дома, въ областяхъ Семипалатинской и Семирѣчинской, намъ необходимо задуть всякій революціонный пожаръ въ сосѣдней намъ китайской Чжунгаріи, такъ какъ *интересы обѣихъ владѣющихъ имперій, по отношенію къ варварскому населенію Средней Азіи, состоятъ въ конечномъ обезсилѣніи и умиротвореніи этихъ варваровъ.*

*) Это невмѣшательство простиралось до того, что въ 1870 г., въ инструкціи посланнику въ Пекинѣ, министерство иностранныхъ дѣлъ выразилось, что «отношенія наши къ дунганамъ ему неизвѣстны: они скорѣе враждебны».

Отъ западной Сибири переходя къ восточной, нельзя прежде всего не замѣтить, что тутъ, на протяженіи отъ Шабина-дабага до Усть-Стрѣлки, во все время съ 1728 года не было никакихъ перемѣнъ въ положеніи границы и даже возникало весьма нежного пограничныхъ дѣлъ, не смотря на то, что по обѣ стороны государственнаго рубежа живутъ, по большей части, кочевныя и охотничьи племена. Конечно, и здѣсь, подъ вліяніемъ общенациональных стремленій, развившихся въ эпоху занятія Амура, не обошлось безъ попытокъ къ расширенію, но попытки остались безъ послѣдствій. Такъ, въ 1856 году одинъ нашъ золотопромышленникъ, узнавъ о роскыяхъ золота въблизи озера Косогола, старался убѣдить мѣстныя власти въ Иркутскѣ, что присоединеніе къ Россіи всего водоема этого озера будетъ истиннымъ благомъ, и притомъ очень возможнымъ въ силу договора 20-го августа 1727 года. Въ 1857 году подобное же мнѣніе высказалъ одинъ офицеръ, посланный для ближайшаго ознакомленія съ краемъ. Но отъ проищательнаго взгляда графа Муравьева-Амурскаго не укрѣдось все ничтожество этихъ проеятовъ, и они оставлены были безъ послѣдствій, несмотря на то, что въ 1858 году Россія могла сдѣлать съ Китаемъ все, что хотѣла. За то на крайнемъ юго-востоцѣ Сибири, тотъ же государственный человѣкъ успѣлъ сдѣлать приобритеніе, котораго важность для всего русскаго народа станетъ расти все больше и больше съ годами, до отдаленной будущности. Разумѣемъ возвращеніе Амура, потеряннаго въ 1689 году. Дѣло это вообще принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ событій XIX столѣтія, какъ потому, что придвинуло наконецъ Россію, хотя съ одной стороны, къ *открытому* морю, такъ и потому, что велось съ замѣчательною предусмотрительностью и искусствомъ. Начатое скромными учеными экспедиціями *) 1840-хъ годовъ вдоль Становаго хребта и въ Татарскомъ проливѣ, оно быстро и рѣшительно приведено было къ развязкѣ въ 1854—1858 годахъ. Самая война наша съ западными державами послужила въ пользу сибѣаго начинанія. И едва вопросъ о присоединеніи амурской страны былъ 2-го января 1854 года, вопреки графу Нессельроде, утвердительно рѣшенъ императоромъ Николаемъ на бумагѣ, какъ уже весною того года плыла внизъ по Амуру многочисленная экспедиція, которой офиціальная, заявленная китайцамъ и ими признанная цѣль была — снабженіе всѣмъ нужнымъ Камчатки, а цѣль дѣйствитель-

*) Миддендорфа, Ахте, Меглицкаго, Невельскаго.

ная — занятіе низовой Амура, гдѣ для насъ было важно немедленно утвердиться. Въ слѣдующій годъ, подъ тѣмъ же предлогомъ, экспедиція была повторена, и возникли первыя земледѣльческія селенія наши на нижнемъ теченіи рѣки, гдѣ съ 1851 года стоялъ военный постъ Николаевскій. Мало того: въ сознаніи стратегической важности для насъ Сахалина, еще въ 1853 году и на немъ былъ учрежденъ нашъ постъ, который однако, по случаю войны съ англо-французами, пришлось временно снять. Въ 1857 году заселено было наконецъ обширное протяженіе верхняго Амура, отъ Усть-Стрѣлки до Хингана, а 16-го мая слѣдующаго года подписанъ достопамятный айгунскій договоръ, который доставилъ намъ 11,000 квадратныхъ миль лучшихъ въ Сибири земель безъ потери капли крови, въ противоположность тому, что мы видѣли въ безплодныхъ степяхъ Средней Азіи. Въ 1860 году, наконецъ, была проведена и обозначена на мѣстахъ граница съ Китаемъ въ усурійскомъ краю, къ сожалѣнію не безъ нѣкоторыхъ ошибокъ въ стратегическомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, вслѣдствіе недовольно обстоятельнаго изслѣдованія страны за Ханкаемъ въ 1859 году и недостаточно-вѣрнаго обсужденія дѣла пограничными нашими комиссарами, какъ то позднѣе случилось и на границѣ съ Чжунгаріею.

Съ 1860 года пограничныя наши отношенія къ Китаю, со стороны восточной Сибири, повидимому прочно установились и не допускали уже никакой возможности поступательнаго движенія нашего въ сосѣднія части Небесной имперіи. Окончивъ занятіе Амура, мы отказались отъ всякихъ, самагоушійшихъ подстрекательствъ въ Халхѣ, гдѣ опыты ихъ были сдѣланы въ 1857 году, при заселеніи верхняго Амура, когда можно было ожидать войны съ Китаемъ. Нашей задачей стало поддерживать и развивать торговныя связи съ сосѣдними частями дайцинской монархіи и отнюдь не нарушать ея цѣлости *) и значенія въ Азіи. Но тутъ историческія судьбы самой этой имперіи стали въ противоположность этимъ видамъ, и не только торговля наша съ 1860 года постепенно упала по всей русско-китайской границѣ, но и намъ пришлось прибѣгнуть къ переходу этой границы съ военными силами. Въ предѣлахъ Монголіи это ограничилось впрочемъ лишь временнымъ усиленіемъ консульскаго вѣнвои въ Ургѣ, которой дунганское воз-

*) Ничтожное дѣло о золотыхъ приискахъ на р. Катанцѣ (Хатынь-су) не составляетъ исключенія.

станіе стало угрожать въ 1870 году; но въ Чжунгаріи дѣла пошли дальше, и наши отряды, направленные туда въ 1871 г. съ цѣлью подавить инсurreкцію, заняли Кульджу.

На крайнемъ юго-востоѣ Сибири, къ сторонѣ Кореи, которая съ 1859 года стала намъ государствомъ сосѣднимъ, нѣтъ и не было поводовъ къ выходу, съ нашей стороны, изъ безусловнаго невмѣшательства въ дѣла этого полуострова, особенно послѣ того, какъ въ 1868 году корейское правительство формально объявило о нежеланіи своемъ имѣть съ нами какія-либо пограничныя связи. Существуютъ, конечно, мотивы для выхода изъ такого ненормальнаго для сосѣдей положенія; но они съ большимъ удобствомъ могли бы служить для начала сношеній корейцамъ, чѣмъ намъ, для которыхъ они невыгодны. Именно два вопроса могли бы быть подняты корейцами: о переходѣ въ наши предѣлы значительнаго числа ихъ соотечественниковъ эмигрантовъ, гдѣ они приняты въ наше подданство, и о бомбардированіи одной корейской деревни нашею канонерскою лодкою «Соболь», произведенномъ въ 1869 году. Но, чувствуя свою слабость по отношенію къ Россіи, корейское правительство молчитъ, а затѣмъ у насъ самихъ нѣтъ никакого повода вступать въ офіціалныя и даже частныя сношенія съ нимъ.

Таковы общія историческія свѣдѣнія о ходѣ нашихъ политическихъ отношеній съ государствами, сосѣдними намъ на азіатскомъ материкѣ. При подробномъ изученіи участковъ, они будутъ дополнены всѣми тѣми частностями, которыя окажутся нужными для яснаго и правильнаго пониманія военно-политическаго состоянія всѣхъ нашихъ пограничныхъ и сосѣднихъ имъ заграничныхъ земель.

Раздѣленіе русско-азиатской границы на участки.

Обширное протяженіе государственной границы въ Азіи — болѣе 10,000 верстъ — при разнообразіи мѣстностей и народовъ, обитающихъ вдоль ея, уже одно не позволяетъ обозрѣвать ее въ цѣломъ составѣ. Политическія отношенія къ сосѣдямъ, въ свою очередь очень разнообразны, еще менѣе допускаютъ возможность такого общаго, нераздѣльнаго обзора; а въ военномъ отношеніи совершенно очевидно, что никогда всѣ русско-азіатскія земли не станутъ однимъ театромъ войны, гдѣ бы *одна* главнокомандующій направлялъ войска къ *одной* опредѣленной цѣли. Поэтому, начиная нашъ обзоръ русско-азіатскихъ государственныхъ рубежей, мы прежде всего постараемся раздѣлить ихъ на такіе участки, чтобы **каждый изъ нихъ представлялъ по-возможности цѣлое**. И какъ задача наша, главнымъ образомъ, стратегическая, то очевидно, что основаніемъ дѣленія должно быть прежде всего стремленіе сгруппировать приграничныя земли въ болѣе или менѣе опредѣленные театры войны, у которыхъ, на всемъ протяженіи, физико-географическія, этнографическія, политическія и собственно-военныя условія были бы по возможности одинаковы. Задача эта значительно облегчается самою природою русско-азіатскихъ окраинъ, которыя какъ бы сами собою распадаются на слѣдующіе участки:

1) Островъ *Сахалинъ* есть, очевидно, отдѣльный театръ войны, и притомъ требуетъ не только военно-сухопутныхъ силъ, но и флота. Условія съ Японіею относительно владѣнія этимъ островомъ даютъ притомъ ему такую политическую особенность, которая болѣе не повторяется нигдѣ, въ цѣломъ свѣтѣ.

2) *Приморскій участокъ*, отъ устья Амура до устья Тумень-ули, есть единственная окраина русско-азиатскаго материка, которая прилежитъ къ морю, и притомъ къ морю не замкнутому, какъ Балтійское, Черное, Каспійское, а болѣе или менѣе открытому, т. е. находящемуся въ нелегко-прерываемой связи съ океаномъ. Въ одной этой мѣстности Россія можетъ положить основу прочному значенію своихъ морскихъ силъ, а слѣдовательно и мировому вліянію. Многія

исключительно-выгодныя условія, которыя представляет тутъ морской берегъ, обладающій пятнадцатью превосходными гаванями, тогда какъ сосѣдній Сахалинъ не имѣетъ ни одного порта, дѣлаютъ этотъ участокъ въ высшей степени отличнымъ отъ всѣхъ другихъ, тѣмъ больше, что и естественныя условія, и богатства края не повторяются ни на какой иной окраинѣ русской Азіи. Въ собственно приморской полосѣ земли тутъ можно присоединить и небольшой уголокъ Усурійскаго края, именно бассейнъ озера Ханка, который уже нынѣ экономически тяготеетъ больше къ Японскому морю, чѣмъ къ Усури и Амуру.

3) *Амурскій* край, со включеніемъ Усурійскаго, есть также совершенно обособленное цѣлое, гдѣ государственнымъ рубежомъ служить первоклассная рѣка и большой ея притокъ Усури. Это есть база для всей будущей дѣятельности Россіи въ восточной Азіи, база, однакоже, мало устроенная, благодаря недавности завладѣнія ею.

4) Соотвѣтственно этому участку русскихъ владѣній, заслуживающему возможно-подобнаго изученія, стоитъ обратить исключительное вниманіе на *Манчжурію*, которая одна изъ всѣхъ прилегающихъ къ Россіи земель можетъ стать базисомъ серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій противъ насъ. Эта страна по естественнымъ своимъ богатствамъ и значенію для Китая должна быть разсмотрѣна въ цѣломъ ея объемѣ, тогда какъ на всемъ остальномъ протяженіи русско-азіатской границы разсмотрѣнію могутъ подлежать лишь части сосѣднихъ земель, болѣе или менѣе удобныя для военныхъ дѣйствій, т. е. не совершенно пустынные.

5) *Забайкальскій* или *Хамасскій* участокъ соотвѣтствуетъ восточной части Халкасской Монголіи, т. е. владѣніямъ Цеценъ-хана и Тушету-хана, а съ нашей заключаетъ большую часть Забайкальской области. Здѣсь пограничное пространство занято у насъ, большею частію, осѣдлымъ населеніемъ, а у китайцевъ номадами; при этомъ государственная граница, за малыми исключеніями, совершенно открыта.

6) Въ противность этому, на слѣдующемъ, къ западу, *Алтае-Саянскомъ* или *Урянхайскомъ* участкѣ, весь государственный рубежъ образованъ горами, которыя распространяются далеко и въ глубь сосѣднихъ земель, русскихъ и китайскихъ, и дѣлаютъ эти приграничныя мѣстности трудно-проходимыми. Съ нашей стороны къ пограничному пространству здѣсь могутъ быть причислены только нагорныя части Томской, Енисейской и Иркутской губерній, не далѣе къ сѣверу какъ до большого сибирскаго тракта; съ китай-

ской же: земли Урянховъ, округи Улясутайскій, Кобдоскій и земли Сойинъ-ноина и Джасакту-хана.

7) На всемъ протяженіи предъидущаго участка горы идутъ вдоль самой границы и не оставляютъ ни одного широкаго входа изъ нашихъ предѣловъ въ китайскіе. Напротивъ, на *Чжунгарскомъ* участкѣ границы горныя хребты тянутся поперекъ границы и оставляютъ нѣсколько широкихъ воротъ для вторженія мѣстныхъ номадовъ изъ Китая къ намъ или отъ насъ въ Китай. Этотъ участокъ имѣетъ предѣлами на сѣверѣ Алтай, а на югѣ Тянь-шань.

8) Тянь-шаньская горная система составляетъ нашу окрину къ сторонѣ Восточнаго Туркестана. Какъ нынѣ эта послѣдняя страна составляетъ одно, довольно сильное владѣніе, находящееся притомъ въ связи съ англійскими владѣніями въ Индіи и враждебное сосѣдямъ своимъ на западѣ и на востокѣ, то описаніе его, вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ топографическихъ и этнографическихъ подробностей о самомъ Тянь-шанѣ, можетъ составить отдѣльное цѣлое, подъ названіемъ обзора *Тянь-шанскаго* участка границы.

9) и 10) Съ переходомъ въ бассейнъ Аральскаго моря, мы встрѣчаемъ двѣ различныя полосы земли: нагорную, по верховьямъ Сыръ и Аму-Дарьи, и степную, по ихъ низовьямъ и около самаго Аральскаго моря. Первая, сверхъ нашихъ владѣній и Кокана, содержитъ въ себѣ множество мелкихъ ханствъ, которыя разбросаны по обоимъ склонамъ Болорскаго хребта, до самаго Афганистана; вторая есть степная, большею частью пустынная равнина, съ хивинскимъ оасисомъ въ центрѣ. Нагорную часть этого западнаго Туркестана мы назовемъ *Болорскимъ* участкомъ, а низменную *Аральскимъ* или *Хивинскимъ*.

11) Наконецъ, степи по восточному берегу Каспійскаго моря составляютъ участокъ *Туркменскій*, отличительными чертами котораго служить: невозможность начала какихъ-либо военныхъ предпріятій въ немъ безъ участія флота и крайняя затруднительность движеній внутрь страны, по ея безводности, бесплодію и хищничеству кочевыхъ туземцевъ-туркменъ.

Соотвѣтственно такому раздѣленію приграничнаго пространства на участки мы и будемъ обозрѣвать его, обращая наше вниманіе на топографію, особенно на горы и на проходы въ нихъ, на пути сообщенія, на производительность странъ, на племенной составъ, господствующій бытъ и политическій характеръ населеній и, наконецъ, на военныя силы, собранныя въ различныхъ мѣстностяхъ. Но какъ при такомъ участковомъ разсмотрѣніи границы, по необ-

ходимости, придется пройти молчаніем многіе общегосударственныя и въ частности военныя вопросы, то главнѣйшимъ изъ этихъ вопросовъ будетъ посвящено нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній. Таковы именно будутъ: а) обзоръ состава и числительности нашихъ военныхъ силъ въ Азіи, регулярныхъ и казачьихъ; б) взглядъ на мѣстныя средства Азіатской Россіи къ пополненію личнаго состава войскъ и, въ частности, на инородцевъ по отношенію къ военной повинности; в) взглядъ на мѣстные способы къ снабженію войскъ одеждой, продовольствіемъ и перевозочными средствами; д) обзоръ военно-техническихъ учрежденій, складовъ артиллерійскихъ и инженерныхъ; е) взглядъ на лечебныя и гигиеническія учрежденія въ нашихъ войскахъ. О всѣхъ послѣднихъ предметахъ, впрочемъ, будетъ сказано лишь столько, сколько нужно офицеру Генеральнаго Штаба, но не специалисту по каждому вѣдомству.

Мы примемъ за постоянное правило: въ концѣ каждого отдѣла нашего обзора упоминать важнѣйшіе источники, на которыхъ основаны свѣдѣнія о разсмотрѣнныхъ предметахъ. Такое перечисленіе литературныхъ и другихъ источниковъ можетъ много облегчить тѣхъ, которые пожелаютъ расширить кругъ своихъ знаній и для этого обратиться къ оригинальнымъ, полнымъ, и притомъ добросовѣстнымъ, трудамъ. На первый разъ помещаемъ здѣсь списокъ книгъ и картъ, обнимающихъ всю Азіатскую Россію или, по крайней мѣрѣ, значительные отдѣлы ея, а также и сосѣднія ей страны материка азіатскаго. Списокъ этотъ, разумѣется, очень неполонъ; но онъ даетъ возможность ознакомиться съ самыми крупными явленіями литературы по части изученія нашихъ азіатскихъ окраинъ.

Миллера: «Исторія Сибирскаго Царства», классическое сочиненіе по исторіи завоеванія Сибири.

Финшера: «Сибирская Исторія».

Палласа: «Путешествіе по Россіи», классическая книга по естествознанію.

Георги: «Описаніе народовъ, въ Россіи живущихъ». Подобное же, и притомъ роскошное, изданіе *Паум*: «Description des peuples de Russie» 1862 г.

Гмелинъ: «Путешествіе» и «Сибирская флора» — классическая.

Словцова: «Описаніе Сибири».

Леопшина: «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ».

Ледебуръ: «Flora Rossica».

Риттера: «Erdkunde von Asien», русскій переводъ котораго обнимаетъ почти всѣ земли отъ Гиндукуша, Тянь-шаня и Алтая до

Японскаго моря. Знаменитая, весьма полная, но во многомъ уже устарѣвшая компиляція.

Гумбольдта: «Asie Centrale» — классическое твореніе.

Миддендорфа: «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири»; классическое сочиненіе по изученію сибирской природы.

Гачмейстера: «Статистическое описаніе Сибири» 1854 года; самое полное изъ общихъ статистическихъ сочиненій о Сибири, и, притомъ, официальное.

Завалишина: «Описаніе Западной Сибири».

Труды сибирской экспедиціи И. Р. Географическаго Общества, богатые данными по математической географіи Сибири.

Географическій Словарь Россійской Имперіи.

Статистическій Временникъ Центральнаго Статистическаго Комитета.

Военно-Статистическій Сборникъ.

Списки населенныхъ мѣстъ губерній Тобольской, Томской и Енисейской.

Du Halde: «Description de la Chine» — классическое сочиненіе.

Лакимбъ: «Статистическое описаніе Китайской Имперіи», 1842.

Davis: «China».

Williams: «The Middle Kingdom», 1863.

Вамбери: «Путешествіе въ Среднюю Азію», 1864.

Костенко: «Средняя Азія»; современный очеркъ ея.

Туркестанскій Ежегодникъ и Русскій Туркестанъ, 1872—73.

Изъ общихъ картъ Азіатской Россіи и сосѣднихъ ей странъ, какъ лучшую, придется назвать нѣмецкую:

Киперта: «Asien» 1863; затѣмъ англійскую:

Станфорда: «Map of Asia»; французскую:

Клапрота: «Carte de l'Asie Centrale»; русскія:

Шварца: «Карта бассейновъ Амура, Лены и Енисея», 1863; и карты, составленныя мѣстными управленіями Генеральнаго Штаба: Восточной Сибири, 100 верстъ въ 1 дюймъ.

Западной Сибири и Оренбургскаго края: спеціальныя, 10 верстъ въ 1 дюймъ и географическія 50 верстъ въ 1 дюймъ.

Карту Туркестанскаго генераль-губернаторства, изд. въ Ташкентѣ, 1873.

Захарова и *Нифантьева*: рукописную карту части Средней Азіи.

Уокера (Walker) литографированную англійскую карту нагорной Азіи.

Боже спеціальныя труды будутъ перечислены въ подлежащихъ мѣстахъ.

Первый участок: остров Сахалинъ.

Уже въ 1787 году Лаперузъ, первый изъ ученыхъ путешественниковъ, обозрѣвавшихъ Сахалинъ, думалъ, что эта земля есть островъ, какъ то было представлено еще Кемпферомъ и д'Анвилемъ, на основаніи японскихъ извѣстій о Карафуту. Однако на англійскихъ картахъ долгое время, именно до самаго 1857 года, изображался онъ полуостровомъ, соединеннымъ съ берегами Амурскаго края узкимъ перешейкомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы знаемъ теперь мысы Муравьева и Лазарева. Причиной такого заблужденія была нерѣшительность Врутона, который, въ 1797 году, осматривая Татарскій проливъ и замѣтивъ уменьшеніе въ немъ глубины, а также сближеніе береговъ отъ залива Кастри къ сѣверу, допустилъ существованіе перешейка или пестаной косы тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ находится проливъ въ семь верстъ шириною. Осторожный Крузенштернъ хотя и не вполне послѣдовалъ примѣру англійскаго мореплавателя, однако наполнилъ проливъ отмелью, такъ что окончательное признаніе Сахалина вполне отдѣльнымъ отъ материка островомъ совершилось лишь въ 1849—1852 годахъ, т. е. со времени гидрографическихъ работъ капитана Невельскаго, хотя фигура острова была уже достаточно вѣрно извѣстна со временъ Лаперуза и особенно Крузенштерна, изъ которыхъ послѣдній опредѣлилъ и пересчиталъ на немъ не менѣе 27 астрономическихъ точекъ.

Новыя топографическія и отчасти гидрографическія работы по Сахалину принадлежать исключительно русскимъ и отчасти японцамъ. У послѣднихъ мы находимъ большую общую карту этого острова, въ масштабѣ $10\frac{1}{2}$ верстъ въ дюймѣ, составляющую часть спеціальной карты всего Японскаго архипелага, изданной тайкуновскимъ правительствомъ. Но японцы, очевидно, держались въ береговой полосѣ и не проникали внутрь страны, которая поэтому осталась пустою. Кромѣ того, очертанія, данныя ими, не всегда вѣрны. Русскіе послѣ Крузенштерна посѣтили Сахалинъ уже въ 1807 году, когда лейтенантъ Хвостовъ, съ уполномочія посланника Рязанова, даже принималъ его во владѣніе Россіи. Но этотъ первый шагъ нашъ

былъ неудаченъ, потому что не далѣе какъ черезъ шесть лѣтъ, во время плѣна Головнина, мы должны были признать поступокъ Хвостова «самовольствомъ», то есть официально отречься отъ правъ на Сахалинъ, гдѣ, между тѣмъ, уже съ 1780-хъ годовъ начали появляться японцы. Послѣ возвращенія Головнина изъ плѣна, Сахалинъ, можно сказать, сталъ *de jure* ничьимъ, хотя, по какому-то странному недоразумѣнью, европейскія географическія карты продолжали изображать его принадлежащимъ въ сѣверной половинѣ Китаю, а въ южной Японіи. Самое присутствіе на островѣ японцевъ не давало къ этому никакого повода, ибо никогда туземцы, айны и гиляки, не были приводимы въ японское подданство, а японскіе рыболовы жили только по берегамъ, да и то преимущественно лишь лѣтомъ, удаляясь на зиму въ Хакодате и на островъ Ниппонъ. Китайцы и того менѣе могли считать хотя часть Сахалина своею: всѣ ихъ связи съ этимъ островомъ ограничивались рѣдкими поѣздками туда немногихъ торговцевъ съ Амура, для закупки мѣховъ. Вообще отношенія двухъ восточно-азиатскихъ державъ къ этому острову во многомъ походили на отношенія Россіи, Норвегіи или Голландіи къ Груманту (Шпицбергену).

Въ 1849 году капитанъ Невельскій и его сослуживцы, Бонингъ, Рудановскій и другіе, сдѣлали первыя изслѣдованія амурскаго лимана, т. е. сѣверной части Татарскаго пролива, и осмотрѣли отчасти сосѣдніе берега Сахалина, гдѣ открыли заливъ Байкаль. Но вниманіе этихъ изслѣдователей было обращено больше на сѣверо-восточный берегъ Амурскаго края, чѣмъ на островъ, замыкающій выходъ изъ великой рѣки. И хотя въ 1853 году были основаны нѣкоторые посты на Сахалинѣ, но по случаю Восточной войны они вскорѣ затѣмъ сняты.

Въ 1854 году, при веденіи переговоровъ съ японцами въ Нагасаки, Сахалинъ былъ признанъ «еще нераздѣленнымъ» между Японіей и Россією, и такимъ остался онъ *de jure* донынѣ, въ силу статьи второй трактата 26-го января 1855 года и особою конвенціи 1867 года *).

*) Вотъ эти акты:

Ст. 2-я оимодскію трактата. «Озвннѣ границы между Россіей и Японіей будутъ проходить между островами Итурупомъ и Урупомъ. Весь островъ Итурупъ принадлежитъ Японіи, а весь островъ Урупъ и прочіе Курильскіе острова къ сѣверу составляютъ владѣніе Россіи. Что касается острова Крафто (Сахалина), то онъ остается нераздѣленнымъ между Россіей и Японіей; какъ было до сего времени».

Едва, однако, окончилась Восточная война, какъ русскіе возобновили устройство постовъ на Сахалинѣ и, между прочимъ, основались въ самой южной части, у залива Анивы. Японцы нисколько не противились этому, но, съ своей стороны, также основали нѣкоторые посты, какъ бы въ прикрытіе своихъ рыболовныхъ ватагъ или сараевъ и хижинъ, мѣстами разбросанныхъ по побережью, особенно въ заливѣ Анивѣ и на западномъ берегу. Позднѣе колонизація ихъ усилилась.

Уже въ 1853 году открыты были русскими каменноугольныя копи близъ Дуи или бухты Жонкьеръ. Вскорѣ тамъ былъ основанъ русскій постъ. Съ него-то, а также съ поста Муравьева въ Анивѣ, пронаводились развѣдки по всей южной половинѣ острова, во время которыхъ, въ 1856 и 1857 годахъ, сдѣланы астрономическія опредѣленія Рашкова въ Дуи, Погоби и Анивѣ, связавшія ихъ съ Николаевскомъ.

Послѣ этого, въ теченіе тринадцати лѣтъ, отъ времени до времени русскими дѣланы изслѣдованія въ разныхъ частяхъ Сахалина. Именно: опредѣлены астрономически Старицкимъ шесть прибрежныхъ точекъ, свѣты инструментально и глазомѣрно Шебунинымъ, Бѣлкинымъ, Павловичемъ и другими топографами оба южные полуострова,

Конвенція 18-ю марта 1867 года:

1) «Русскіе и японцы, водворенные на Сахалинѣ, будутъ находиться въ отношеніяхъ мирныхъ и дружественныхъ. Всякое столкновеніе, какое могло бы возникнуть, будетъ разбираемо мѣстными властями, а если оны не въ состояніи будутъ его уладить, то дѣло будетъ передано сосѣднему губернатору, русскому или японскому».

2) «Въ соотвѣтствіе общему владѣнію островомъ, русскіе и японцы будутъ имѣть право развѣзжать по всему пространству его и учреждать колоніи, возводить жилища зданія, магазины и промышленныя учрежденія вездѣ, гдѣ еще ихъ нѣтъ».

3) «Туземцы острова сохраняютъ вполнѣ ихъ личную свободу и собственность. Они могутъ по доброй волѣ заниматся въ услуженіе къ русскимъ или японцамъ, и если которые-нибудь изъ нихъ войдутъ въ долги, то могутъ производить уплату или работою или какою другою услугою».

4) «Если позднѣе японское правительство приметъ первое русское предложеніе (объ уступкѣ всего Сахалина Россіи съ вознагражденіемъ Японіи частью Курильскихъ острововъ), то ближайшій мѣстный губернаторъ получаетъ нужныя полномочія для заключенія означеннаго договора».

5) «Всѣ вышеназложенныя условія войдутъ въ силу немедленно по полученіи ихъ мѣстными властями на Сахалинѣ и, во всякомъ случаѣ, оны сдѣлаются имъ извѣстными не позднѣе шести мѣсяцевъ отъ настоящаго дня. — Всѣ вопросы, непредвидѣнные въ частности настоящей конвенціи, будутъ улаживаемы и рѣшаемы мѣстными властями обѣихъ націй, съособомъ указаннымъ выше».

которыми окружёнъ заливъ Анива, восточное побережье на сѣверъ до залива Терпѣнія, западное отъ Крыльона до Погоби, долина рѣки Пороная, нѣсколько поперечныхъ тропинокъ и проч.; сдѣланы Легеромъ, Добротворскимъ и другими метеорологическія наблюденія въ Кусунаѣ, Дуи, Анивѣ. Максимовичъ, Шренкъ, Шмидтъ, Гленъ, Брыляинъ, Лопатинъ, Добротворскій, Августиновичъ, во время своихъ путешествій, собрали много ботаническихъ, геологическихъ и этнографическихъ данныхъ, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя уже были извѣстны изъ трудовъ Лаперуза, Крузенштерна, Давидова и Головинна. Наконецъ, правительственныя комисіи, подъ предѣтельствомъ: вице-адмирала Скокова въ 1869 и кол. сов. Власова въ 1871 г. представили нѣсколько данныхъ объ экономическомъ положеніи острова Сахалина, чѣмъ и заключился рядъ изслѣдованій о немъ, конечно, еще неполныхъ, но уже достаточныхъ, чтобы составить понятіе весьма близкое къ истинѣ.

Математическая географія и гидрографія.

Главная серія астрономическихъ опредѣленій принадлежитъ Крузенштерну и Горнеру, которыми были опредѣлены и перечислены изъ прежнихъ данныхъ координаты 27 точекъ. И нѣкоторыя изъ этихъ опредѣленій, напримѣръ мыса Крыльона, оказываются очень удовлетворительными; другія менѣе надежны уже потому, что дѣлаемы были съ корабля и хронометрами, которые уступаютъ нынѣшнимъ. Затѣмъ въ новое время Рашковымъ и Старицкимъ опредѣлено еще восемь точекъ, такъ что теперь положеніе острова хорошо извѣстно. Такимъ образомъ мы знаемъ, что островъ Сахалинъ лежитъ въ однѣхъ широтахъ съ мѣстами отъ Калуги до Перекопскаго перешейка и въ длину имѣетъ 892 версты. Наибольшая ширина его, нѣсколько южнѣ Сертуная, 136 верстъ, а наименьшая, у Кусуная, 25 верстъ. Поверхность составляетъ 1,065 квадратныхъ миль, т. е. равна площади Петербургской губерніи. Главныя расчлененія почвы въ горизонтальномъ направленіи находятся на югѣ и отчасти въ среднѣ острова, гдѣ впадаютъ въ него заливы Анива и Терпѣнія. Затѣмъ сѣверная, большая, половина представляетъ почти правильный четырехугольникъ, длиною около 500 верстъ, шириною до 95. Вѣ острова можно замѣтить каменистую банку Тюленей, островъ Монеронъ и скалу Опасность. Изъ нихъ первая и послѣдняя заслуживаютъ особеннаго вниманія мореходцевъ и

опасности ихъ для судовъ во время перѣѣдой на здѣшнихъ водахъ туманной погоды.

Относительно морскихъ водъ, омывающихъ Сахалинъ, важнѣе всего замѣтить, что ни Тихій океанъ, ни моря Японское и Охотское не образуютъ здѣсь ни одной бухты, которая бы могла служить природною гаванью для судовъ. Двѣ наибольшія изъ вдавшихся частей моря, именно заливы Терпѣнія и Анива, вовсе не закрыты отъ многихъ вѣтровъ и слишкомъ обширны, чтобы служить надежными рейдами, тѣмъ болѣе, что въ нихъ рѣдко гдѣ корабли могутъ подходить ближе къ берегу, какъ на милю, за мелководьемъ. Затѣмъ мелкія бухты: Куида, Байкаль, Нии, Віахту, Дуи, д'Эстенъ, Маука, Мордвинова, Лососья и Буссе, всѣ неудовлетворительны въ смыслѣ портовъ. Именно, сѣверныя, т. е. первыя шесть, замерзаютъ большую половину года или же открыты многимъ вѣтрамъ, а южныя либо тоже не довольно закрыты, либо имѣютъ не довольно приглубые берега. Лучшій для стоянки судовъ портъ, повидимому, есть Нии, но онъ не изслѣдованъ и замерзаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Слѣдующая затѣмъ, по удобству, бухта Буссе соединена глубокою, до 50 футовъ, протокою съ озеромъ Тоубучи, могущимъ доставить безопасный пріютъ судамъ; но самое это озеро не довольно глубоко, а предъ устьемъ протоки, по фарватеру, на барѣ, самая большая глубина есть 12 футовъ въ приливъ. Однимъ словомъ, Сахалинъ, на сколько онъ извѣстенъ, не имѣетъ ни одной удовлетворительной гавани даже для лѣтней стоянки большихъ кораблей; зимою же къ невыгодамъ такого образованія береговъ присоединяются еще прибрежные льды или торосы, т. е. нагроможденія льдинъ, образующихся во время тихой погоды и мороза и выбрасываемыхъ на берегъ при волненіи. Иногда такіе торосы тянутся въ ширину на десятки сажень и, слѣдовательно, дѣлаютъ почти невозможнымъ даже устройство искусственныхъ гаваней, которыхъ ограды подвергались бы быстрому разрушенію.

Проливъ между Сахалиномъ и берегами Амурскаго края заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ смыслѣ, что свойствами его опредѣляется характеръ связи этого острова съ материкомъ Азіи. Во-первыхъ, проливъ этотъ на нѣсколько (3—4) мѣсяцевъ замерзаетъ, и, слѣдовательно, открывается возможность сухопутнаго сообщенія между его берегами, хотя бы даже море вообще не было въ нашей власти. Во-вторыхъ, извѣстно, что фарватеръ рѣки Амура, отъ устья ея, раздѣляется на три вѣтви. Одна на-

правляется къ сѣверо-востоку, т. е. къ сторонѣ Охотскаго моря, но, не доходя до него, упирается въ мель. Другая идетъ прямо къ Сахалину, но также не доходитъ даже до половины Татарскаго пролива. И только третья, тянущаяся на югъ, къ мысу Лазарева, приводитъ въ сѣверо-Японское Море. Слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ, съ Сахалина на Амуръ можно попасть на кораблѣхъ только въ томъ случаѣ, если владѣть проливомъ Маміо-Ринзо, шириною въ семь верстъ. Изъ Охотскаго же моря и отъ сѣверо-западныхъ береговъ Сахалина пройти прямо на Амуръ невозможно, а нужно спускаться до паралели $52^{\circ}25'$, т. е. приходить сначала на видъ мыса Лазарева и потомъ уже поворачивать къ сѣверо-сѣверо-западу. Такимъ образомъ, ежели на Сахалинѣ есть точка, которую можно назвать *ключомъ Амура*, то это однѣ ближайшія окрестности Погоби, но *отнюдь не весь островъ*, который столько же командуетъ Амуромъ, сколько Англія устьями Сены, Шельды и Рейна. За то проливъ Маміо-Ринзо имѣетъ двойную важность, ибо черезъ него можно проходить не только къ устью Амура, а и къ сѣверо-западному берегу самаго Сахалина. Именно, къ сѣверу отъ этого пролива идетъ прямой фарватеръ изъ Японскаго моря въ Охотское, нѣсколько южнѣе мыса Головачева касающійся сахалинскаго берега.

Топографія.

Во всю длину острова тянется, почти по меридіану 160° , рядъ высотъ, иногда достигающихъ до двухъ и болѣе тысячъ футовъ, но нигдѣ не носящихъ вѣчнаго снѣга, какъ бы того можно было ожидать по суровому климату мѣстности. Самыя высокія пики имѣютъ вершины голо-каменныя (гольцы), или же покрытыя мелкимъ кустарникомъ. Но большинство горъ одѣто отъ подошвъ до вершинъ густыми лѣсами, по большей части хвойными. Въ сѣверной половинѣ острова, до 50° , хребетъ, сначала образующій скалистые мысы, потомъ уходитъ внутрь страны и даетъ лишь отлогія покатыя къ обимъ морямъ, держась, впрочемъ, ближе къ проливу Татарскому, т. е. къ западу отъ математической оси острова. Здѣсь онъ носитъ названіе Ваказей. Къ югу отъ 51° до 49° , рѣзко различаются двѣ параллельныя цѣпи — западная и восточная, изъ которыхъ въ послѣдней находится гора Тіара, замѣтно выдающаяся изъ ряда прочихъ. Но западную цѣпь, какъ продолженіе Ваказей, идущее и далѣе на югъ, нужно считать главною, хотя она не

имѣть особенно выдающихся вершинъ. Сжать ее въ Татарскому проливу крутъ, а внутрь острова отлогъ. За устьемъ рѣки Поронай, къ югу, эта цѣпь остается единственною на островѣ и идетъ, то повышаясь, то понижаясь, до самаго мыса Крыльона, гдѣ круто падаетъ въ море въ видѣ скалистаго полуострова *). Наибольшее ее пониженіе встрѣчается въ широтѣ 48°, т. е. противъ поста Кусунай, гдѣ находится самая узкая часть острова. Высшія вершины южной половины Сахалинской цѣпи суть Ичара (до 4,000 ф.), Кошка и Бернзей. На югъ отъ 47° 20' ш., восточнѣе главной цѣпи, встрѣчаются два другіе, ей параллельные кряжа, которые образуютъ полуостровъ, оканчивающійся мысомъ Анива, также скалистыми, какъ и Крыльонъ. Сѣдловина между первымъ кряжемъ и главною цѣпью занята долинами рѣкъ Сусуя, Такоя и Найбучи, а между первымъ и вторымъ кряжами — системой озеръ съ высокими берегами.

По неизслѣдованію многихъ частей Сахалина, мы не знаемъ точныхъ подробностей его топографіи и, между прочимъ, не можемъ перечислить всѣхъ проходовъ черезъ хребты, идущіе вдоль всего острова. Хотя незначительная высота этого хребта не оставляетъ сомнѣній, что онъ проходитъ для одиночныхъ людей почти повсемѣстно, тѣмъ не менѣе есть всѣми признанные проходы или сѣдловины между горами, по которымъ направляются путины съ западной стороны острова на восточную. Важнѣйшій изъ нихъ въ настоящее время тотъ, который ведетъ отъ поста Дуи въ долину рѣки Пороная, а потомъ Кусунайскій. По первому изъ этихъ проходовъ пролегаетъ тропа, которая тянется вдоль рѣки Пороная до залива Терпѣнія, а оттуда на югъ по восточному берегу Сахалина до поста Найбучи и далѣе на рѣку Сусуй, къ заливу Анивъ. Кусунайскій проходъ есть весьма низкая сѣдловина, гдѣ легко устроить экипажное сообщеніе до поста Мануэ. Къ югу отъ него извѣстенъ проходъ Вѣлизна изъ бухты Мауки на рѣку Лютогу, текущую въ бухту Лососью; проходъ Вѣлино-Лонатинскій — съ рѣки Кумунай на рѣку Найбучи, и нѣсколько другихъ въ самой южной оконечности острова. Въ сѣверной части Сахалина есть нѣсколько поперечныхъ тропинокъ, которыя посѣщаются нашими торговцами изъ Николаевска, проникающими тутъ до бухты Нии и до другихъ мѣстностей восточнаго берега; но эти тропинки еще не изслѣдованы.

*) Самая оконечность и. Крыльона отдѣлена отъ полуострова сѣдловиною, почему издали кажется островомъ.

Главные рѣки острова, Поронай и Тымь, берутъ начало почти въ широтѣ 50°40', недалеко одна отъ другой, и текутъ первая на югъ, а вторая на сѣверъ, обѣ не болѣе какъ на 160 и 170 верстъ. Онѣ могутъ носить лодки; но болѣе извѣстная изъ нихъ, Поронай, имѣетъ при устьѣхъ мели, такъ что выходъ изъ нея затруднителенъ. Помощью особаго рукава рѣка эта въ связи съ озеромъ Тарайка, которое, въ свою очередь, связано протокою съ заливомъ Терпиѣя.

Вообще озера Сахалина отличаются тою особенностью, что имѣютъ связь съ моремъ помощью небольшихъ, хотя иногда глубокихъ, протоковъ. Ихъ поэтому можно бы было назвать въ нѣкоторыхъ случаяхъ лиманами, какъ напримѣръ въ Тарайкѣ, въ Тоубучи, въ Кунгдѣ. Но лиманы, по общепринятому смыслу слова, суть озера, лежащія на сосѣдникъ морю равнинахъ; сахалинскія же озера часто обставлены берегами гористыми. Вообще это суть водоемы весьма небольшого размѣра, какъ видно изъ слѣдующаго:

Заливъ Байкаль 52 квадрат. верст.

Тарайка 65 квадр. верст.

Вабай или Кавай

Типасина

Муосинъ

Тоубучи 35 > >

Райтанова

Тунайчи 85 > >

Последнее есть самое обширное на всемъ островѣ и занимаетъ площадь, равную Петербургу. Мелкія озера, принадлежащія къ настоящему типу лимановъ, особенно многочисленны въ сѣверо-западной части острова, противоположащей устью Амура.

Естественная производительность.

Прежде приводить нѣсколько примѣровъ жительство, въ прежнія времена, морскихъ животныхъ въ такихъ мѣстахъ, которыя нынѣ возвышаются на 8—10 футовъ надъ поверхностью моря, изъ чего можно бы заключить, что почва Сахалина съ вѣками поднимается дѣйствіемъ вулканическихъ силъ. Но на всемъ островѣ нѣтъ вулкановъ, хотя онъ и образуетъ продолженіе японской вулканической гряды. Онъ заключаетъ въ себѣ богатныя залежи каменнаго угля, которые придаютъ ему значеніе не только въ будущемъ, но уже и въ настоящемъ. Залежи угля извѣстны теперь въ слѣдующихъ мѣстахъ: на крайнемъ сѣверѣ, верстахъ въ 15 отъ Кунгды; въ средней и южной частяхъ, по рѣчкамъ:

Тонгѣ	51°15' ш.	У м. Воздвиженія . . .	49:52
Кджуспаю	} 51.5	> поста Сертуная . . .	49:30
Мингуннаю		> зал. Лисовскаго . . .	49:16
Чуркумнаю		> мыса Утаку	48:1

У Дуи	50.55	У мыса Уссу.	47.39
» бухты Казакевича	50.18	По рѣкѣ Наяси.	46.28

все вдоль западнаго берега острова. Внутри его, т. е. вдали отъ моря, мы знаемъ угольные залежи на рѣкѣ Кумунаѣ (47° 35'), а на восточномъ берегу вблизи рѣки Найбучи (47° 15') и, какъ говорятъ, у залива Нии. Нѣкоторыя изъ мѣсторожденій уже разрабатываются, какъ, напримѣръ, у Дуи и Сертуная, причемъ въ первой изъ этихъ мѣстностей добываніе облегчается тѣмъ, что пласты угля отъ береговаго обнаженія у моря идутъ наклонно вверхъ, а не внизъ, что уменьшаетъ притокъ грунтовыхъ водъ. Количество угля въ дуиской залежи простирается до 4,500,000 пудовъ, откуда видно, что для выработки пласта въ одинъ годъ, разумѣется при хорошемъ устройствѣ шахтъ и штоленъ, нужно какиъ-нибудь 200 — 300 человѣкъ; но, разумѣется, въ общей массѣ сахалинскаго угля достанетъ многимъ тысячамъ рабочихъ и на многіе годы. Какъ господствующія на Сахалинѣ формации суть мѣловая и третичная, то очевидно, что геологически тамошній уголь есть лигнитъ; но онъ, по анализамъ Макдональда, содержитъ въ себѣ отъ 60 до 70%, а по анализамъ горнаго департамента отъ 58 даже до 89% чистаго углерода, и поэтому принадлежитъ къ хорошимъ разрядамъ минеральнаго топлива. Дѣйствительно, въ портахъ Восточнаго Океана ему предпочитаютъ только англійскіе, ньюкестль и кардифъ, австралійскій же и японскій уголь продается гораздо дешевле, напримѣръ пять долларовъ за тонну, когда сахалинскій стоитъ 7 или 7½ долларовъ *).

Между другими естественными богатствами Сахалина первое мѣсто занимаютъ лѣса, звѣринныя и рыбныя ловли. Лѣса сахалинскіе суть, большею частію, хвойныя, еловые, лиственничныя, пихтовые, меньше сосновые, но есть и лиственные, отъ березы до дуба и вяза. Въ южной части острова эта лѣсная растительность распадается зонами, именно: отъ поверхности моря до 700 футовъ лиственные деревья, отъ 700 до 1,000 ф. хвойныя, выше, до 1,200 ф., опять лиственные (береза) и, наконецъ, еще выше кедръ. Самые пышные лѣса встрѣчаются на югозападной сторонѣ острова, гдѣ и вообще растительность лучше, заключаая въ себѣ до 550 видовъ однихъ явиобратныхъ. Впрочемъ, на сбытъ добываемаго изъ нихъ

*) Изъ другихъ минеральныхъ богатствъ Сахалина можно упомянуть литаръ на рѣкѣ Ай, и минеральныя воды близъ Мауки и Томонди. Металловъ пока не найдено.

дерева трудно рассчитывать, потому что сосѣдняя Японія сама богата лѣсомъ, а въ Приморской области даже большая часть страны занята имъ. О лѣсопильныхъ, смолокурныхъ, парафиновыхъ заводахъ, разумѣется, пока не можетъ быть и рѣчи. Что касается до звѣроловства, то оно по настоящее время составляетъ главный источникъ богатства туземцевъ, гилляковъ и анновъ. Добываемые ими на охотѣ мѣха соболей, выдровые, лисьи, медвѣжьи и проч. скупаются дѣятельно нашими, японскими и американскими торговцами, частію непосредственно, частію чрезъ гилляковъ.

Что до рыбной ловли, то она, можно сказать, кормитъ туземныхъ жителей острова и, кромѣ того, доставляетъ большіе прибитки японцамъ, которые массами вывозятъ рыбу въ себѣ, преимущественно въ сушеномъ видѣ. У береговъ Сахалина еще водятся киты и тюлени; но первыхъ промышляютъ исключительно приважіе китобои, а не туземцы; тюленей же бьютъ и гилляки съ аннами. Въ прежнее время, тюлений промыселъ былъ очень изобиленъ на адъшнихъ берегахъ, и одному промышленнику когда-то удалось добыть тысячи шкуръ на одной Тюленьей банкѣ; теперь на такую необыкновенную добычу надѣяться уже нельзя. Тюлени встрѣчаются преимущественно на восточномъ и на сѣверномъ берегахъ острова.

Органическая природа Сахалина не можетъ быть богата и разнообразна по самому климату острова. Въ самомъ дѣлѣ, сосѣдство Охотскаго моря и холодныхъ частей восточной Азіи накладываютъ слишкомъ суровый отпечатокъ на все. Еще въ половинѣ мая снѣгъ лежить по горамъ, даже въ южной части острова, которой широта одинакова съ широтою Новороссійскаго края. Термометрическія наблюденія на Кусунаѣ, надежнѣйшія изъ всѣхъ, доселѣ произведенныхъ на Сахалинѣ, показываютъ, что здѣсь, въ широтѣ 48°, встрѣчается средняя температура + 1,2 R. *), + 1,5 C., какую мы въ самой Финляндіи находимъ лишь подъ 64°13 (Кахна), а въ Норвегіи даже сѣвернѣе полярнаго круга. Самый жаркій мѣсяцъ, іюль, имѣетъ среднюю температуру не свыше + 13,°5; наиболѣе холодный, январь, — 8°R., при случайныхъ морозахъ до — 28° R., тогда какъ лѣтомъ термометръ не поднимается выше + 20°. Суровость климата увеличивается чрезвычайною его скоростью, туманами и обиліемъ дождей лѣтомъ и снѣга зимою. Въ Кусунаѣ, расположен-

*) По Добротворскому + 1,°79, по по Легеру лишь + 0,°5, что, въ среднемъ, и дастъ + 1,°2, — величину весьма вѣроятную по соображенію ср. темп. Никольская (54°) — 2° и Хакодате (41°) = + 7°. Меньше надежныхъ наблюденій сдѣланы въ Дун и въ Муравьевскомъ портѣ.

номъ еще довольно выгодно — ибо онъ лежитъ на западномъ берегу острова, въ сторенѣ материка, откуда приходятъ сухіе вѣтры — бываетъ ненастныхъ дней 149 и пасмурныхъ 104, т. е. всего сѣрыхъ 253 въ году, а на восточномъ побережьи солнце появляется еще рѣже. Притомъ перѣдко снѣгъ или дождь идутъ по нѣсколькимъ дней сразу, отъ чего зимою наносятся огромные сугробы, а лѣтомъ образуется грязь, которая не успѣваетъ просыхать до слѣдующаго дождя. Очевидно, что климатъ Сахалина не отличается много отъ климата Архангельской губерніи, и въ этомъ случаѣ даже открытая на югъ котловина залива Анивы не дѣлаетъ исключенія, ибо въ нее холодныя вѣтры съ Охотскаго моря свободно проникаютъ чрезъ сѣдловины между горами. Весна чрезвычайно продолжительна, такъ какъ для растаянія снѣговъ, отъ трехъ до пяти аршинъ глубиною, требуется много времени, вслѣдствіе чего и долины между горъ становятся годными для посѣвовъ лишь въ половинѣ мая. А потому нельзя сомнѣваться, что *населеніе Сахалина всегда будетъ нуждаться въ привозномъ хлѣбѣ*, хотя бы въ случайные годы нѣкоторыя мѣстности острова, какъ въ 1870 году, давали урожай самъ-30 (на новяхъ). Это есть и на самомъ дѣлѣ даже теперь, когда населеніе не превосходитъ 15—16,000 душъ: русскіе получаютъ свой хлѣбъ изъ Россіи, вокругъ свѣта, а японцы и анны свой рисъ изъ Японіи. При этомъ намъ приходится иногда платить болѣе 5 р. сер. за пудъ муки, какъ то было напр. въ 1871 г., при покупкѣ ея съ корабля «Анна Грей» въ Муравьевскомъ портѣ. Но огородничество, т. е. посадка капусты, картофеля, огурцевъ, можетъ имѣть мѣсто, равно скотоводство, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ разведенія холмогорской и ей подобныхъ породъ, при условіи, впрочемъ, расчистки пастбищъ, ибо природныхъ луговъ мало, а въ лѣсахъ многочисленны насѣкомыя лѣтомъ могутъ сильно изнурять скотъ.

Снѣга зимою, дожди и грязь лѣтомъ, въ соединеніи съ гористымъ мѣстоположеніемъ и обиліемъ лѣсовъ, всегда будутъ важнымъ затрудненіемъ для устройства на Сахалинѣ хорошихъ сухопутныхъ дорогъ.

Населеніе.

Населеніе Сахалина состоитъ изъ русскихъ, японцевъ, китайцевъ, гилъковъ, аиновъ, орокаповъ, и изъ нѣсколькихъ лицъ европейскаго и американскаго происхожденія, всего примѣрно 13—14,000 душъ.

1) *Русскіе*, въ числѣ около 3,000 человѣкъ, суть почти исключительно военные, принадлежащіе къ составу одного восточно-сибирскаго линейнаго баталіона, (№ 4), артиллерійской и мѣстной командъ, или же ссыльные, съ присоединеніемъ небольшого числа крестьянъ и торговцевъ. Они живутъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

На постѣ Дуи

- › Сертунай
- › Кусунай
- › Корсакова
- › Муравьева

На постѣ Тарайка

- › › Мануэ
- и въ дер. Найбути,
- Въ деревнѣ Такоѣ и
- У порта Нии

Центрами мѣстнаго управленія служатъ посты: Дуи, гдѣ сосредоточены дѣла о ссыльныхъ и о каменномъ углѣ, и Муравьева, гдѣ расположенъ штабъ баталіона и имѣются офиціальныя сношенія съ японцами. Главное управленіе островомъ принадлежитъ военному губернатору Приморской области, въ Владивостокѣ. Названныя выше русскія осѣдлости представляютъ слѣдующее:

Постъ *Дуи* есть мѣсто разработки казеннаго каменнаго угля, которая производится ссыльно-каторжными. Часть ихъ, освобождаясь уже отъ карательныхъ работъ, занимается огородничествомъ. Сами каторжники работаютъ обыкновенно почти на полѣ, въ силу того, что бѣжать имъ съ Сахалина некуда, да и работы, по роду своему, не допускаютъ слишкомъ бдительнаго надзора за каждымъ изъ работающихъ. Число жителей на постѣ достигаетъ до 550 человѣкъ. Но какъ помѣщенія ихъ очень дурны, пища скудна и развлеченій нѣтъ никакихъ, то смертность очень значительна. Небольшая мѣстная торговля почти вся находится въ рукахъ одного купца Попова.

Постъ *Сертунай* существуетъ для прикрытія частныхъ каменно-угольныхъ копей, принадлежащихъ гг. Бауровымъ, Екимову, Кроули, Старыцкому, Эллису и Эше. Гг. Эллисъ и Гельпикъ, американцы, начали-было добываніе угля при помощи китайскихъ рабочихъ, но потомъ обязались замѣнить ихъ русскими. По конецъ 1869 года они продали около 4,000 тоннъ, въ томъ числѣ до 3,000 доставшихся имъ готовыми отъ разработокъ прежнихъ лѣтъ на участкѣ Бауровыхъ. Позднѣйшихъ свѣдѣній о Сертунаѣ нѣтъ.

Постъ *Кусунай* имѣетъ до 25 дворовъ и населеніе изъ солдатъ, не безъ успѣха занимающихся огородничествомъ.

Постъ *Корсакова*, на рѣчкѣ Акатувари, при впаденіи ея въ бухту Лососью, и вѣсколько сѣвернѣе японскаго селенія и поста Кусунъ-Катанъ. Сюда предполагалось перевести штабъ-квартиру

линейнаго баталіона, командиръ которой заведуетъ всеми другими постами въ южной половинѣ Сахалина.

Постъ *Муравьева*, при озерѣ Тоубучи, связанномъ протокою съ заливомъ Буссе, считается главнымъ изъ нашихъ южно-сахалинскихъ постовъ. Маловодье на барѣ причиною, что гавань поста рѣдко посѣщается торговыми судами, однако, основаніе морской торговли было уже положено, и, напримѣръ, въ 1869 году приходила спеціально въ Муравьевскій постъ шкуна изъ Санъ-Франциско, принадлежащая одному отставному штурманскому офицеру. Товары, доставленные этою шкуною, продавались дешевле привозимыхъ николаевскими купцами.

Деревня *Такои*, на рѣчкѣ того же имени, текущей въ рѣку Найбучи, лежитъ среди плодородной долины, гдѣ ячмень, овесъ, рожь и даже пшеница даютъ иногда хорошіе урожаи. Деревня въ 1871 году состояла изъ 20 дворовъ, жители которыхъ занимались болѣе огородничествомъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ.

Постъ и деревня *Найбучи* такого же объема, какъ предыдущее селеніе, лежатъ близъ впаденія рѣки Найбучи въ Охотское море.

Постъ *Мануэ*, на одной высотѣ съ Кусунаемъ, отъ котораго отстоитъ на 26 верстѣ, по довольно уже набитой дорогѣ.

Постъ *Тарайка*, у залива Терпѣнія и озера Тарайки: одни солдаты.

У порта *Ним* нѣтъ, собственно, постоянной русской осѣлости; но тамъ построены хижины или зимовья для пріѣзжихъ русскихъ купцовъ изъ Николаевска, скупающихъ тюленьи шкуры и другіе мѣха.

Неимѣніе въ Восточной Сибири большихъ казенныхъ горнозаводскихъ работъ привело къ мысли высылать на Сахалинъ нашихъ ссыльно-каторжныхъ, которыхъ здѣсь можно занимать разработкою каменнаго угля, годнаго для военнаго флота и въ продажу. Въ этихъ видахъ и положено было высылать на островъ ежегодно до 800 человекъ. Но такое число кажется несоответственнымъ настоящимъ каменноугольнымъ разработкамъ на Сахалинѣ, именно слишкомъ большимъ. Содержаніе ссыльныхъ, между тѣмъ, обходится дорого и повидимому, нѣтъ другаго выхода изъ дилеммы, какъ сокращеніе рабочихъ сроковъ каторжнымъ съ предоставленіемъ имъ селиться на волѣ, но въ предѣлахъ Сахалина, и жить своими трудами. Только и въ этомъ случаѣ опытъ обнаруживаетъ важныя неудобства. Освобожденные каторжные, вмѣсто занятій промыслами, предпочитаютъ грабить явновъ и даже японцевъ, на что послѣдніе

уже жаловались, говоря, что «русскіе хотятъ насъ выжить съ Сахалина, населяя его разбойниками». Нѣкоторое число ссыльныхъ не безъ пользы могло бы быть употреблено на фортификаціонныя работы по берегамъ пролива Маміо-Ринзо, а также на лѣсопильнѣ и смолокурнѣ для флота. Но возникшая въ недавнее время мысль отдавать каторжныхъ въ работу частнымъ лицамъ очевидно противозаконна, ибо это значило бы унижать и дѣлать ненавистнымъ самое правосудіе, во имя котораго государство караетъ преступника, значило бы судей и правителей обратить въ торговцевъ людьми, въ распространителей рабства. Объ исправленіи караемыхъ, разумѣется, послѣ этого не могло бы быть и рѣчи, ибо они увидѣли бы въ себѣ отнынѣ предметъ промысла, а не заботъ со стороны государства, и справедливо озлобились бы на покаравшій ихъ «законъ правды».

Сообщенія русскихъ постовъ на Сахалинѣ съ Приморскою областю производятся главнѣйше моремъ, а зимою промышленники ѣздятъ на собакахъ, переѣзжая Татарскій проливъ по льду, у мыса Лазарева и деревни Погоби. Сухопутная почта изъ залива Анивы въ Николаевскъ отправляется иногда пѣшкомъ, иногда на собакахъ вдоль восточнаго берега и долиною рѣки Пороная въ Дуи, а оттуда западнымъ берегомъ до Погоби и далѣе черезъ проливъ. По безопасности края, отправляютъ обыкновенно двухъ-трехъ солдатъ. Морское сообщеніе прибрежныхъ мѣстностей между собою открыто только шесть мѣсяцевъ, съ апрѣля по октябрь, и лишь въ заливѣ Анива навигація возможна 10—11 мѣсяцевъ, иногда круглый годъ, но съ большими опасностями для судовъ плавающихъ зимою.

Устройство хотя бы одной продольной и двухъ поперечныхъ проѣзжихъ дорогъ — именно отъ залива Анивы въ долину Пороная, отъ Пороная до Дуи и отъ Мануэ въ Кусуня — могло бы быть сдѣлано предметомъ занятій каторжныхъ и, во всякомъ случаѣ, очень желательно.

2) Японцы живутъ въ южной части Сахалина и не распространяются по западному его берегу далѣе Кусуня, а по восточному далѣе залива Терпѣнія. Главная масса ихъ селеній находится на западномъ берегу, у бухты Мауки, исходнымъ же пунктомъ для сообщеній съ Японіею служитъ станція Сирануси, у самаго почти мыса Крильона. Въ заливѣ Анива японское населеніе также довольно значительно, и главный пунктъ тутъ есть Кусунъ-Катанъ. Въ 1869 году японское правительство вздумало-было даже усилить эту колонизацію и выслало въ Аниву до 500 дупъ; но прибытіе переселенцевъ позднею осенью и другія причины повели за собою неудачу

колонизированія. Главная цѣль, для которой японцы въ прежнее время водворялись на Сахалинѣ и еще болѣе пріѣзжали туда на лѣто, состояла въ рыбной ловлѣ и въ торговлѣ съ аннами; въ послѣдніе годы они преслѣдуютъ и другую, не экономическую, а уже политическую цѣль: усиленіе японскаго вліянія на островѣ параллельно съ русскимъ. Для этого они слѣдятъ за ходомъ русской колонизаціи, и какъ только замѣчаютъ, что русскіе хотятъ водвориться въ какой-либо мѣстности, являясь туда съ собственными колонистами. Отъ того около всѣхъ нашихъ постовъ южнѣе 48° ш. есть соотвѣтственные посты японскіе, напр. на Кусунаѣ (12 домовъ), у постовъ Корсакова, Муравьева. Японцы хотѣли даже основать, по нашему примѣру, селенія внутри острова, именно на Такоѣ; но удалось ли имъ это — свѣдѣній не имѣется.

Всѣ японцы на Сахалинѣ управляются мѣстными чиновниками, подчиненными мацмайскому губернатору. Доходы, получаемые ими отъ рыбной ловли, простираются до 2 милліоновъ ичibu, т. е. до 800,000 рублей.

3) *Китайцы*, рабочіе, нанятые американскими эксплуататорами сертунайскихъ каменноугольныхъ копей, были, въ числѣ около 100 человекъ, привезены въ 1868 году изъ Гонъ-Конга и высажены въ Сертунаѣ. Находятся ли они тамъ теперь — неизвѣстно, но администрація Приморской области старалась не допустить ихъ до водворенія. Во всякомъ случаѣ, это были люди безсемейные, не имѣвшіе и въ виду прочной осѣдлости на Сахалинѣ.

4) *Гиляки* населяютъ сѣверную половину острова, до 50¹/₄° широты. Они звѣроловы и рыболовы, а отчасти и торгаша, ибо на лодкахъ своихъ пріѣзжаютъ въ южную половину Сахалина для покупки мѣховъ у анновъ съ цѣлю перепродавать ихъ николаевскимъ купцамъ. Живутъ разсѣянно по рѣчкамъ, поодаль и близъ морскаго берега; главнымъ средоточіемъ ихъ населенія нужно считать окрестности залива Нии. Гиляки на Сахалинѣ, какъ и на низовьяхъ Амура, безстрашные мореходы и могли бы нынѣ же быть пріучаемы къ службѣ на морскихъ судахъ, за плату. По религіи они шаманы; образованія никакого, не имѣютъ; письменъ у нихъ нѣтъ; языкъ отличенъ и отъ тунгусскаго, котораго нарѣчія господствуютъ въ бассейнѣ Амура, и отъ курильскаго, которымъ говорятъ анны. Японское вліяніе на нихъ ничтожно и выражается лишь небольшими торговыми связями съ японцами на южномъ Сахалинѣ. Число гиляковъ неизвѣстно; но, вѣроятно, не превосходитъ 2 — 3000 душъ.

5) *Аины*, до 3,000 душъ *), населяютъ южную часть острова, отъ 50° широты. Это суть звѣроловы и рыболовы, находящіеся въ кабальной зависимости отъ японцевъ, у которыхъ постоянно въ долгу за забираемые предметы одежды, за утварь и рисъ. Статьи 3-я конвенціи 1867 года дозволяетъ этому положенію увѣковѣчиться и даже повести къ обращенію айновъ въ японскихъ рабовъ, ибо японцы могутъ за долги требовать обязательной работы. Впрочемъ, въ политическомъ отношеніи айны ни отъ кого не зависятъ и въ дѣлахъ своихъ вѣдаются собственными старшинами. Японцы ихъ притѣсняютъ; это вызываетъ жалобы, перѣдко заявляемыя на нашихъ постахъ, и такимъ образомъ надъ бѣднымъ народомъ зарождается какъ бы двойная опека; но внѣ отношеній къ пришельцамъ изъ Японіи и Россіи, т. е. во всѣхъ дѣлахъ между собою, айны пока независимы.

Привычка къ рису, къ японской одеждѣ (до нѣкоторой степени), къ японской утвари и долги. сношенія съ японцами придаютъ айнамъ видъ народа нѣсколько болѣе цивилизованнаго, чѣмъ гилаксы. Притомъ они добродушнѣе. Но въ существѣ эти различія невелики. Религія, нравы, повѣрья, обычаи — все свидѣтельствуетъ о патриархальномъ ихъ состояніи. Деревни айновъ обыкновенно состоятъ изъ небольшого числа домовъ: трехъ-четырехъ, какъ у амурскихъ гольдовъ. Дома постройкою напоминаютъ отчасти японскіе; при каждомъ домѣ есть кладовая для сушеной рыбы, на столбахъ, отъ мышей. Иногда богатый аинъ имѣетъ два-три дома, въ разныхъ деревняхъ, гдѣ живутъ его жены, которыхъ онъ по очереди посѣщаетъ. Между собою айны въ прежнія времена не разъ вели опустошительныя войны, отъ которыхъ иногда истреблялись цѣлыя деревни, напримѣръ Поротенусъ-Катанъ у озера Тоубучи. Кромѣ того, уменьшенію ихъ числа, вѣроятно, содѣйствовали болѣзни, занесенныя японцами, напримѣръ сифилисъ. По крайней мѣрѣ, въ заливѣ Анигъ теперь извѣстны только три маленькія аинскія селенія вмѣсто прежнихъ восьми большихъ деревень; по долинтѣ Найбучи видны развалины аинскихъ селеній, нынѣ пустыхъ, и проч.

6) Небольшое число *орокановъ* (орочей, орокезовъ), племени родственнаго тунгузамъ, живетъ въ горахъ средней части Сахалина.

*) Эта цифра, быть можетъ, болѣе истинной, потому что, на югъ отъ 48° широты, гдѣ дѣлаемы были примѣрные ихъ счисленія, ихъ находится не болѣе 2,000. Рудановскій, въ 1850-хъ годахъ, полагалъ на всемъ Сахалинѣ только 2,418 айновъ; Дятловъ въ 1860-хъ только 2,050 душъ.

Они, главнымъ образомъ, звѣроловы; когда же охота на лѣсныхъ животныхъ бываетъ неудачна или несвоевременна, то занимаются и рыбною ловлею. Число ихъ неизвѣстно, но, вѣроятно, не болѣе 400.

Сводя эти данныя о сахалинскомъ населеніи, получимъ, что оно состоитъ изъ;

русскихъ	3,000
японцевъ	3,000
китайцевъ	100
гиляковъ	3,000
айновъ	3,000
орокаповъ	400.
Итого	14,000,

что дать по 12 человѣкъ на одну квадратную милю, да, кажется, и эти цифры слишкомъ велики. Всѣ приведенныя цифры можно назвать только грубоприблизительными, почти гадательными.

Такъ какъ главное занятіе этого населенія, за исключеніемъ русскихъ, рыбный и звѣринный промыслы, то естественно, что и главные предметы вывознаго торга на Сахалинѣ суть мѣха и рыба. Последняя вся идетъ въ Японію; что же до мѣховъ, то они скупаются какъ японцами, такъ и особенно русскими и отчасти американцами. Главными торговыми мѣстами можно считать Сирануси и русско-японскіе посты въ заливѣ Анивѣ. Торговля, большею частію, мѣшковая, и вотъ, напримѣръ, какъ оцѣниваются при ней товары:

за 1 ¹ / ₂ дюжины иглокъ	} получается отъ туземцевъ:	
> 1 ¹ / ₂ > пуговицъ		40 выдръ.
> 12 арш. грубаго сукна		25 лисицъ.
> 9 > краснаго сукна		37 соболей.
> 3 фланелев. рубашки		
> 13 арш. бѣлой кисеи		
> 10 мотковъ нитокъ		
> 3 фунта бисеру		

Взявъ за норму среднія петербургскія цѣны всѣмъ помѣшковымъ товарамъ, получимъ, что за 35 рублей, издержавшихъ въ Петербургѣ, можно привести туда мѣховъ на 600 — 700 рублей. Вся огромная разниця между этими цифрами приходится на перевозку, на комисіонные расходы и барыши купцовъ.

Общее число вывозимыхъ съ Сахалина мѣховъ высшаго разряда г. Фуругольмъ подсчитываетъ въ 2,400 выдръ, 1,300 соболей и 6,000

лисацъ; число же шкуръ медвѣжьихъ, оленьихъ, тюленьихъ и проч. остается неопредѣленнымъ.

Съ увеличеніемъ русскаго и японскаго населенія на Сахалинѣ, торговля, особенно рисою, мукою и европейскимъ заводскимъ произведеніями, должна значительно возрасти; сколько извѣстно, предпріимчивые американскіе купцы изъ Сантъ-Франциско уже сумѣли понять могущія произойти отъ того выгоды для нихъ. Торговля рыбою, особенно кетою (семгой) и сельдями, по засолѣ ихъ на европейскій манеръ, могла бы дать хорошіе барыши нашимъ купцамъ, при условіи, конечно, правильнаго мореходнаго общенія съ Шанхаемъ, куда съ Сахалина стоило бы привозить уголь для мѣстныхъ надобностей, а рыбу и мѣха для отправки въ Россію. Но отеліянется ли на эту потребность Русское Общество пароходства и торговли или хотъ Амурское пароходное Общество — объ этомъ пока сказать ничего нельзя.

Военный обзоръ.

Мы имѣемъ, въ настоящее время, на Сахалинѣ одинъ батальонъ пѣхоты (въ пять ротъ № 4 Вост. Сиб. Лин.), два горныхъ орудія, одну мѣстную команду (Дуйскую), которая расположены слѣдующимъ образомъ: двѣ роты и взводъ артиллеріи на постѣ Муравьева, одна рота на постахъ Корсакова и Найбучи, одна въ бухтѣ Маукэ, одна на Кусунаѣ и Мануэ, постоваѣ команда въ Дуи и Тарайкѣ. Но роты, въ свою очередь, разбиты на множество мелкихъ командъ, напримѣръ семь, девять и есть посты, гдѣ находится всего по два солдата, только для того, чтобы показывать японцамъ присутствіе русскихъ въ данной мѣстности.

Военныя силы Японіи на Сахалинѣ намъ неизвѣстны ни по составу, ни по количеству.

Что касается до стратегическаго положенія острова, то о немъ можно замѣтить слѣдующее:

1) Онъ лежитъ противъ устья Амура, но не запираетъ входа въ него, и не только потому, что проливъ Маміо-Ринзо не укрѣпленъ, но и потому, что въ сѣверной половинѣ Татарскаго пролива есть особый фарватеръ изъ Охотскаго моря, который, правда, проходитъ на виду мыса Лазарева, но все же выстрѣломъ съ него. Укрѣпленіе пролива Маміо-Ринзо и содержаніе въ немъ, на случай войны, нѣсколькихъ броненосныхъ судовъ (или же устройство подводныхъ

минъ на фарватерѣ), могутъ придать Сахалину, или, правильнѣе, части его около Погоби, значеніе ключа Амура, а вмѣстѣ и связать самый островъ неразрывно съ Приморскимъ краемъ.

2) *Сахалинъ не имѣетъ ни одного порта*, годнаго для безопасной стоянки. Особенно это справедливо относительно западнаго берега, т. е. того, около котораго должны держаться суда, рѣшающіеся запереть Татарскій проливъ.

3) *Сахалинъ, по климату своему, не можетъ доставлять продовольствія войскамъ и ссыльнымъ*, т. е. пришельцамъ на островъ, и даже водворенные тамъ землепашцы едва ли будутъ постоянно имѣть свой собственный хлѣбъ. Поэтому владѣніе Сахалиномъ будетъ обходиться тѣмъ дороже, чѣмъ больше введено будетъ въ него пришлаго населенія, кормящагося не своимъ хлѣбомъ. Но, впрочемъ, развитіе нѣкоторыхъ промысловъ, напримѣръ рыболовства, скотоводства, охоты, можетъ отчасти вознаградить этотъ недостатокъ, а развитіе каменноугольныхъ копей и продажа угля за границу покрыть часть издержекъ казны на содержаніе ссыльных *).

4) *Сухопутная оборона Сахалина*, при вторженіи въ него непріятеля, особенно превосходнаго числомъ и, слѣдовательно, могущаго высадиться разомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, при теперешнемъ состояніи нашихъ средствъ на Востокъ, невозможна и, вѣроятно, останется такою надолго. Къ недостатку силъ въ этомъ случаѣ присоединяется еще растянутое положеніе острова, дозволяющее непріятелю высадкою, напримѣръ у Кусуная, отрѣзать совершенно южно-сахалинскіе наши посты отъ всякаго подкрѣпленія съ сѣвера.

5) Небогатный естественною производительностію и неимѣющій ни одного порта, *Сахалинъ не можетъ служить для насъ базой для наступательныхъ дѣйствій противъ вѣшняго непріятеля*, не только въ смыслѣ подготовленія на немъ десанта, но и въ смыслѣ исходнаго пункта для крейсеровъ. Даже внутри острова, въ случаѣ появленія тамъ непріятеля, намъ, при теперешнихъ условіяхъ, то есть: 1) при бездорожьи, 2) при крайней разбросанности войскъ и

* По 1869 годъ отъ продажи казеннаго дуйскаго угля составилось чистой выручки болѣе 18,000 рублей, названныхъ «угольнымъ капиталомъ». Есть ли этотъ капиталъ и въ какомъ количествѣ — неизвѣстно. Работы, необходимыя для правильной эксплуатаціи копи, дороги, а безъ нихъ ни на какую выручку надѣяться нельзя. Устройство складовъ угля въ южныхъ портахъ также необходимо для увеличенія сбыта его, но, въ свою очередь, не можетъ обойтись безъ издержекъ, къ которымъ приходится отнести даже покупку транспортнаго судна.

3) при ихъ неудовлетворительномъ тактическомъ образованіи, нельзя и думать о наступательной войнѣ.

Изъ всего этого видно, что владѣніе Сахалиномъ для насъ не представляетъ первостепенныхъ экономическихъ удобствъ и стратегическаго значенія. Но какъ, съ одной стороны, на этомъ островѣ находятся богатныя залежи каменнаго угля, особенно по западной сторонѣ, а съ другой, тотъ же западный берегъ ограничиваетъ Татарскій проливъ, владѣніе которыхъ для насъ имѣетъ большую важность, то, казалось бы, мы должны нынѣ употребить всѣ усилія, чтобы поскорѣе выйти изъ ложнаго положенія, созданнаго договорами 1855 и 1867 г. о совладѣніи съ Японіею, и если нельзя приобрѣсти островъ въ исключительное владѣніе Россіи, то постараться, во что бы ни стало, *раздѣлить его съ японцами вдоль по хребту* отъ мыса Елизаветы до Томори, такъ чтобы западная половина земли, весь Татарскій проливъ и командующая Лаперузовымъ проливомъ мѣстность остались за нами.

Источники, послужившіе въ составленію описанія Сахалина.

- 1) *Lapérouse*: Voyage autour du monde.
- 2) *Крузенштернъ*: Путешествіе вокругъ свѣта.
- 3) *Головнинъ*: Плаваніе на «Діанѣ» и Записки о пребываніи въ плѣну у японцевъ.
- 4) *Зибомедъ*: Путешествіе въ Японію.
- 5) *Шидтъ*: Отчеты физическаго Отд. Сибирской Экспедиціи И. Р. Г. Общ.
- 6) *Шренкъ*: Физическая географія Сѣверо-японскаго моря.
- 7) *Добровольскій*: Описаніе южной половины острова Сахалина.
- 8) *Буссе*: Островъ Сахалинъ, плохой памфлетъ.
- 9) *Анустимовичъ*: Чтеніе о постѣ Дуи въ Изв. Р. Г. О. 1878.
- 10) *Изданія* Географическаго Общества; «Морской Сборникъ», газета «Амуръ».
- 11) *Alaska Herald* 1870: «Sahalien».
- 12) Документы комисіи генералъ-адъютанта Сколкова и вообще официальные бумаги Главнаго Штаба.
- 13) Рукописныя свидѣнія со словъ офицеровъ клипера «Всадникъ», собранныя мною въ 1870 г.
- 14) *Селки*: Шебунина, Павловича, Вѣлкина и пр.
- 15) *Карты*: Крузенштерна, Шварца, Шебунина; англійская адмиралтейская; специальная японская; рукописная на клиперѣ «Всадникъ». (Нынѣ литографированная адмиралтействомъ).

Второй участокъ: Приморскій край.

Положеніе и предѣлы участка.

На обширномъ пространствѣ Россіи, вообще столь невыгодно расположенной на самомъ сѣверѣ стараго свѣта, вдали отъ міровыхъ путей и въ сосѣдствѣ съ среднеазіатскими степями, обреченными самою природою на бѣдность и ничтожество, нѣтъ другой мѣстности, которая можетъ имѣть столь великую историческую будущность, какъ восточная ея окраина, отъ устья Амура до устья Тумень-улы. Здѣсь русская земля владѣетъ тою открытою дверью въ океанъ, которой не достаетъ ей въ Европѣ. Отсюда неизбѣжно предстоитъ ей направлять свои силы на міровую борьбу съ врагами, грозящими захватить всемірную гегемонію. Отсюда только можетъ она поддерживать вліяніе и на ближайшихъ своихъ сосѣдей, Японію и собственный Китай, которые начали уже возрожденіе свое отъ вѣковаго застоя. Здѣсь лишь могутъ возникнуть порты для безпрепятственной морской торговли съ Америкой, Зондскими островами и Индіей, этими надолго неистощимыми источниками богатствъ для цѣлаго свѣта. Однимъ словомъ: какой бы участокъ русскихъ государственныхъ рубежей въ Азіи или даже въ Европѣ мы ни взяли, будь те берега Финскаго залива или Чернаго моря, Закавказье или бассейны Сыра, — ни одинъ изъ нихъ не представитъ столь разнообразныхъ и, болѣею частью, благопріятныхъ условий для широкаго политическаго вліянія и блистательной экономической будущности, какъ край Приморскій. И ни въ одной части нашего обширнаго отечества территоріяльныя потери не были бы такъ печальны, какъ здѣсь, для поясненія чего стоитъ только представить себѣ, что Англія имѣетъ на островѣ Аскольдѣ новый Гонъ-Конгъ, или Китай владѣетъ заливомъ Посета. По этимъ причинамъ, описаніе приморской окраины должно быть обстоятельнѣе и подробнѣе, чѣмъ какого-либо другаго участка русско-азіатскихъ границъ.

Изъ соображеній, нигдѣ истинными свидѣніи такъ не сходятся, какъ

именно здѣсь. Несмотря на то, что мы уже четырнадцать лѣтъ стоимъ прочною ногой въ Амурскомъ краѣ, у насъ есть мѣстности на цѣлыя сотни квадратныхъ миль, гдѣ еще не бывала нога русскаго человѣка. Несмотря на то, что наши суда ежегодно плаваютъ вдоль береговъ отъ устья Амура до залива Посьета, мы не владѣемъ даже общемою морскою картою этихъ береговъ на цѣлыя 450 верстъ, отъ Императорской гавани до залива Опричникъ, и не знаемъ, что тамъ находится. На всемъ протяженіи морскаго побережья есть не болѣе шести русскихъ осѣдлостей, изъ которыхъ три суть простые посты. Такъ еще мало нами сдѣлано здѣсь, то есть такъ еще много остается намъ сдѣлать.

Математическая географія края, къ которому можно отнести всю береговую полосу до хребта Сихота-алинь, а также бассейнъ озера Ханкаа, вполне тяготящійся къ морю, имѣетъ основаніемъ 37 астрономическихъ точекъ, изъ которыхъ 26 лежатъ на двухъ послѣднихъ къ югу градусахъ широты, сѣвернѣе же 44 находится лишь 11, да и изъ нихъ двѣ сомнительныя. Точно то же явленіе представляютъ и съемки, опирающіяся на эти опредѣленія, т. е. онѣ наиболѣе развиты на югѣ, отчасти на крайнемъ сѣверѣ и совершенно ничтожны въ срединѣ. Морскіе промѣры опять относятся къ тѣмъ же крайнимъ на сѣверѣ и югѣ берегамъ, а барометрическихъ наблюденій въ краѣ нѣтъ вовсе, такъ что рельефность его почвы можетъ быть опредѣлена только на глазъ. Лишь въ настоящемъ 1873 году началась опись морскаго берега между Императорскою гаванью и заливомъ Джигитъ.

Первая европейская карта этого побережья есть Данвилева, находящаяся въ его атласѣ Китайской имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что она основана, большею частію, на распросахъ, такъ какъ страна на востокъ отъ устья Суифуна совершенно обезображена отнесеніемъ ея крайнихъ предѣловъ на нѣсколько градусовъ долготы къ востоку. Самыя названія рѣкъ, текущихъ въ море съ хребта Сихота-алинь, тоже невѣрны. Эту ошибку въ конфигураціи берега впервые исправилъ Лаперузъ; но, къ удивленію, знаменитый мореходецъ, плававшій тутъ въ лучшее время года, не замѣтилъ многочисленныхъ бухтъ и заливовъ, встрѣчающихся восточнѣе меридіана устьевъ Тумень-улы. Исключеніе составили бухты Тернай, Сюфренъ и де-Кастри — всѣ лежація уже сѣвернѣе 45 градуса. Англійскій капитанъ Броутонъ, плававшій нѣсколько лѣтъ повдлѣ Лаперуза, естественно не прибавилъ ничего къ его описанію, такъ какъ, по постоянной своей привычкѣ, держался очень далеко отъ береговъ.

Съ его времени даже укоренилось ложное мнѣніе, будто Японское море заперто съ сѣвера, т. е. не имѣетъ связи съ Охотскимъ. Это мнѣніе до нѣкоторой степени подтверждено было Крузенштерномъ, который на мѣстѣ пролива *Маміо-Римзо* начертилъ мель отъ материка къ Сахалину. Въ такомъ видѣ наши свѣдѣнія о сѣверо-западномъ прибрежьи Японскаго моря оставались до половины текущаго столѣтія. Капитанъ Невельской и его спутники первые доказали положительно, что Амурскій лиманъ имѣетъ главный выходъ не на сѣверъ, въ Охотское, а на югъ, въ Японское море. Затѣмъ мало по малу началось изученіе береговъ этого послѣдняго другими мореплавателями. Такъ, въ 1851 году, французскій военный корветъ «*Sargisieuse*» осмотрѣлъ заливъ Посѣта; въ 1853 г. нашъ фрегатъ «*Паллада*», направляясь къ устьямъ Амура, положила на карту берегъ Кореи и южно-усурійскаго края отъ устья Тумень-улы до м. Гамова, а вслѣдъ затѣмъ составилъ описъ залива Хаджи, т. е. Императорской гавани, которую англичане съ своей стороны называли Барракутой, въ честь одного изъ своихъ судовъ, осмотрѣвшаго ее во время Восточной войны. Въ 1855 году англійское военное судно «*Winchester*» осмотрѣло берега южно-усурійскаго края отъ м. Гамова до острова Аскольда, т. е. заливъ Петра Великаго, и вскорѣ затѣмъ англичане же открыли заливъ Ольги, названный ими портомъ Сеймура. Въ 1857 году нашъ корветъ «*Америка*» вновь осмотрѣлъ тотъ же портъ и открылъ еще новый, св. Владимира. Два года спустя, тотъ же корветъ «*Америка*» открылъ заливъ своего имени, а клиперъ «*Стрѣлокъ*» — своего, послѣ чего черезъ новые два года клиперомъ «*Гайдамакомъ*» осмотрѣны и описаны заливъ Востокъ и гавань Гайдамакъ. Наконецъ въ 1862—1863 годахъ партією г. Бабынина сдѣлана съемка и описъ всего берега отъ границъ Кореи до 45 широты, т. е. до залива Джигитъ. На этихъ данныхъ, а также на работахъ Клыкова, Буратка, Романова, Старицаго и другихъ, и основываются излагаемые ниже свѣдѣнія о морѣ, омывающемъ описываемый край, морѣ, котораго физическая географія послужила предметомъ извѣстнаго сочиненія академика Шренка.

Сухопутныя сѣмья: какъ на сѣверѣ, въ странѣ прилежащей низовьямъ Амура, такъ и на югѣ, въ южно-усурійскомъ краѣ, принадлежатъ чинамъ корпуса топографовъ изъ Иркутска, а описательныя свѣдѣнія, главнымъ образомъ, Вудищеву, Бурачку, Васильевой, Венюкову, Клыкову, Лопатину, Мааку, Петровичу, Романову и Пржевальскому.

Топографія и гидрографія.

Берегъ Японскаго моря отъ устья Тумень-улы до устья Амура, по большей части, высокъ, крутъ, иногда даже скалистъ и обрывистъ. Непосредственно отъ моря страна возвышается внутрь, и въ разстояніи 50—100 верстъ отъ него обыкновенно достигаетъ полутора или двухъ тысячъ футовъ, причемъ встрѣчаются горные массивы и болѣе высокой, какъ, напримѣръ, *Крестовый холмъ* (Джай) на югѣ отъ Маринска, имѣющій вѣроятно до 4,000 футовъ, ибо видѣтъ верстъ за сто. Вообще горный хребетъ *Сихота-алинь*, ограничивающій приморскую полосу съ запада и дающій начало многочисленнымъ притокамъ Сѣверо-японскаго моря, отличается тѣмъ, что онъ отлого спускается къ западу и круто къ востоку, причемъ еще на восточномъ его склонѣ, вѣроятно въ позднѣйшую геологическую эпоху, образовалось нѣсколько пиковъ, повидимому вулканическаго происхожденія. Чѣмъ далѣе къ югу отъ 48 широты, гдѣ, вѣроятно, хребетъ достигаетъ наибольшей высоты, тѣмъ гребень его становится ниже и плосче, такъ что, наконецъ, между Суифуномъ и Хангаемъ онъ обращается въ плоскую, слегка лишь взволнованную и болотистую мѣстность. Нѣчто подобное замѣчается и на сѣверѣ, гдѣ, прежде еще прорыва рѣкою Амуромъ, въ хребтѣ образуются двѣ сѣдловины, на большей части ихъ протяженія занятія долинами озеръ *Кизи* и *Када*.

Переходы черезъ хребетъ Сихота-алинь извѣстны во многихъ мѣстахъ, хотя далеко не всѣ исследованы и даже осмотрѣны. Назовемъ здѣсь важнѣйшіе: 1) отъ Маринска на Амурѣ въ заливъ де-Кастри по озеру Кизи и потомъ сухопутно семь верстъ: путь неудобный по мелководію озера; 2) отъ Софійска до Кастри же долиною рѣки Комаровки, притока рѣки Ай, впадающей въ Кизи съ юга, и потомъ вдоль вѣки Сомона: здѣсь существуетъ посредственная колесная дорога, отдѣленная отъ Кизи хребтомъ; 3) отъ Софійска долинами Ан и Хуюла, съ котораго переваливаютъ на одинъ изъ притоковъ Тумджи, впадающей въ Татарскій проливъ сѣвернѣе Императорской гавани верстахъ 35 пятидесяти: перевалъ нетрудный; 4) съ рѣки Хунгари, притока Амура, на ту же Тумджу; 5) съ рѣки Черная, притока Хора, впадающаго въ Усури, на рѣку Самальгу, текущую въ Японское море: перевалъ черезъ высокія горы, находящійся, по распросамъ, въ четырехъ дняхъ пути отъ морскаго берега; 6) съ верховій Бикини, притока Усури, черезъ

высокія же горы, въ пяти дняхъ отъ моря; 7) съ верховій Нимани: тѣ же условія; 8) съ Фудзи на Лифуле: переваль чрезъ невысокій лѣсистый хребетъ, въ 45 верстахъ отъ моря; 9) съ одного изъ притоковъ Фудзи на рѣку Аввакумовку, впадающую въ заливъ Ольги; 10) съ рѣки Улахэ, праваго истока Усури, на Судухэ, притокъ Японскаго моря, черезъ такъ называемый Петровскій переваль; 11) съ рѣки Суанчи, лѣваго истока Усури, на Лалихазу, притокъ Сучана, впадающаго въ море и извѣстнаго по своей покрытой богатою растительностью долині; 12) съ рѣки Эрль-догу, праваго притока Добиху, на самый Сучанъ: подобно предъидущему, невысокій переваль чрезъ хребетъ, покрытый лиственнымъ лѣсомъ; 13) съ Добиху на Тудогу, правый притокъ Сучана; 14) съ Лефу на Майхе, текущую въ Усурійскій заливъ; здѣсь водораздѣлъ подходитъ къ морю всего на двадцать верстъ; 15) съ Лефу же прямо на Суйфунъ, вдоль телеграфной просѣки, 16) съ Лефунцзы на Суйфунъ же, по долині лѣваго притока послѣдняго, Тундагу. Здѣсь хребетъ почти исчезаетъ, т. е. переваль совершается черезъ слабую, едва замѣтную возвышенность. Да и вообще всѣ перевалы, отъ № 8 начиная, отличаются этимъ свойствомъ; но чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ въ большей степени. По № 16-му устроена уже колесная дорога съ озера Ханкая въ бассейнъ Суйфуна.

Береговой хребетъ на западной сторонѣ залива Усурійскаго также имѣетъ большое число проходовъ, можно сказать въ вершинѣ каждой рѣчки. Изъ нихъ по одному, самому южному въ нашихъ владѣніяхъ, проходитъ колесная дорога отъ Новгородской гавани въ Хунь-чунь.

Къ сторонѣ моря только мѣстами прибрежныя горы спускаются постепенно, т. е. отлого; большею же частію прибой волнъ отмылъ подошвы скалъ и онѣ круто выставляютъ свои обнаженныя каменные ребра. Лѣсъ, которымъ почти сплошь одѣтъ хребетъ внутри страны, нигдѣ почти не доходитъ до самаго моря, вдоль котораго, верстъ на 5—7 отъ берега, обыкновенно на горахъ, растутъ лишь кустарникъ или же рощи большихъ деревьевъ, но съ погнутыми и поломанными вершинами. Это явленіе объясняется сильными вѣтрами, обыкновенно дующими вдоль всего сѣверо-западнаго берега Японскаго моря. Затѣмъ конфигурація берега представляетъ слѣдующія подробности, важныя въ морскомъ отношеніи:

На сѣверѣ, подъ 53° широты, береговой хребетъ прорванъ ущельемъ Амура. Устье это, въ противоположность тому, что пред-

ставляютъ всѣ другія большія рѣки цѣлаго свѣта, — одно, и потому оно даетъ превосходныя условія для плаванія самыхъ большихъ судовъ. Но входъ въ него затрудненъ баромъ въ самомъ Татарскомъ проливѣ или въ такъ называемомъ Амурскомъ лиманѣ. Именно, русло рѣки, на меридианѣ мыса Пронге, раздѣляется на три, между которыми мели хотя и покрыты водою, но не допускаютъ прохода морскихъ судовъ изъ одного фарватера въ другой. Кромѣ того, два сѣверные фарватера, охотскій и сахалинскій, теряются въ лиманѣ, такъ что выходовъ въ этихъ направленіяхъ нѣтъ. Остается одинъ южный, который ведетъ къ мысу Лазарева; но и на этомъ фарватерѣ есть баръ, на которомъ имѣется всего 12—13 футовъ воды. Между фарватеромъ и берегомъ материка лиманъ, большею частію, мелокъ, и среди моря тутъ возвышаются острова *Хаземифъ*, приближеніе къ которымъ особенно опасно, вѣо за господствующими туманами здѣсь легко наткнуться не только на отмель, но и на самыя острова. У мысовъ Муравьева и Лазарева берегъ материка наиболѣе выдается къ востоку и приближается на 7 верстъ къ берегу Сахалина. Фарватеръ тутъ имѣетъ отъ 5 до 11 сажень глубины и ширину отъ 2 до 3 верстъ.

Въ широтѣ 51° 28' находится первая изъ многочисленныхъ бухтъ, образованныхъ Сѣверо-японскимъ моремъ у береговъ Приморской области: это *заливъ де-Кастри*. Ширина его у входа, между мысами Нахимова и Клостеръ-Кампомъ, не болѣе восьми, длина, въ направленіи къ западу, не выше одиннадцати верстъ; поверхность же не превосходить 50 квадратныхъ верстъ, т. е. менѣе площади Петербурга. Двѣ маленькія бухточки составляютъ развѣтвленія залива на югъ и сѣверъ, обѣ мелкія. При входѣ въ самый заливъ находится также банка; но затѣмъ, войдя въ него, сѣвернѣе или южнѣ послѣдней, можно спокойно стоять на якорѣ, какъ за мысомъ Клостеръ-Кампомъ, такъ особенно за островомъ Обсерваторіи, одною изъ четырехъ скалъ, поднимающихся среди залива изъ воды. Мысъ или полуостровъ Клостеръ-Кампъ составляетъ также отдѣльную возвышенность, которая соединяется съ материкомъ лишь узкой песчаной косой и потому издали кажется островомъ.

Далѣе къ югу, подъ 49° широты, находится заливъ *Хаджи*, или гавань *Императорская*, замѣчательная по удобствамъ стоянки и напоминающая отчасти Севастопольскую бухту, только въ обратномъ видѣ, т. е. со входомъ съ востока, а не съ запада, и съ боковою бухтою съ сѣвера, а не съ юга. Императорская гавань,

при глубинѣ 5—19 сажень и при ширинѣ до трехъ верстъ, представляетъ превосходную стоянку для кораблей, но только лѣтомъ; зимою же она замерзаетъ сплошь, и притомъ на цѣлые шесть мѣсяцевъ, т. е. шестью недѣлями больше, чѣмъ самый заливъ де-Кастри, лежащій на два градуса къ сѣверу.

Къ югу отъ Императорской гавани до залива Джигитъ берегъ не описанъ. Изъ путешествія Лаперуза мы знаемъ, что тутъ есть заливы *Сюфренъ* и *Тернай*, а изъ новыхъ англійскихъ картъ извѣстно, что въ широтѣ 46° находится довольно рѣзко выдающійся въ море мысъ *Disappointment*. Самыя бухты *Джигитъ*, *Пластунъ* и *Опричникъ* описаны очень поверхностно. Во всякомъ случаѣ, онѣ не могутъ быть причислены къ лучшимъ гаванямъ на описываемомъ берегу, частію по своему малому объему, частію по самому очертанію, не представляющему полного закрытія отъ всѣхъ вѣтровъ, частію, наконецъ, по отрѣзанному отъ усурійскаго бассейна положенію.

Лежащая затѣмъ далѣе къ югу гавань *св. Владимира* не имѣетъ уже ни одного изъ этихъ неудобствъ, и если въ чемъ уступаетъ другимъ портамъ южно-усурійскаго края, такъ это въ томъ, что замерзаетъ на три мѣсяца. Очертаніе ея и морскія условія самыя счастливыя. Разстояніе между двумя входными мысами, Балюзека и Ватовскаго, не превосходитъ 2¹/₄ верстъ, а между тѣмъ длина залива отъ сѣвера къ югу десять верстъ и ширина отъ запада къ востоку отъ двухъ до четырехъ верстъ. Такимъ образомъ, суда, войдя въ портъ, могутъ совершенно спокойно отъ всѣхъ вѣтровъ стоять и въ сѣверной, и въ южной части залива, почти невидимыя съ моря. Глубина береговъ столь значительна, что въ 1857 году транспортъ «Камчадалъ» клалъ сходню съ палубы прямо на берегъ. Нѣсколько мелкихъ ручьевъ, текущихъ въ заливъ, даютъ достаточное количество прѣсной воды. Наконецъ, сообщеніе залива съ Фудзи и, слѣдовательно, съ Усури не можетъ быть труднымъ, такъ какъ истоки первой рѣки находятся всего въ 55 верстахъ отсюда и водораздѣлъ невысокъ.

Тѣ же условія, и до нѣкоторой степени въ еще болѣе благоприятныхъ размѣрахъ, представляетъ заливъ *Олми*. Входъ въ него съ юго-востока прикрытъ скалистымъ островкомъ Чихачева, а съ юго-запада мысомъ Линдена, и затѣмъ заливъ представляетъ какъ бы озеро, у котораго сѣверо-восточная часть, *Тихая пристань*, еще отдѣлена въ особый бассейнъ, закрытый отъ всѣхъ вѣтровъ. Въ заливъ впадаетъ съ сѣверо-запада многоводная рѣка Авваку-

мовка, долина которой представляет превосходныя условія для колонизаціи и съ вершины которой есть нетрудный перевалъ въ бассейнъ Фудзи. Вблизи залива Ольги уже возникли русскія поселенія. Другая, менѣе значительная, рѣчка течетъ съ сѣверо-востока въ Тихую пристань: по ней идетъ тропа въ заливъ Владиміра.

Бухты *Евстафія*, *Таухская*, *Валентина*, *Преображенія*, *Островная* и *Успенія* не представляютъ удобствъ для устройства хорошихъ гаваней, но могутъ служить для стоянки судовъ во время нѣкоторыхъ вѣтровъ.

Заливъ *Америка* есть первоклассный рейдъ, какъ по своей обширности и глубинѣ (не менѣе $4\frac{1}{2}$ сажень), такъ и потому, что имѣетъ двѣ совершенно закрытыя глубокия бухты, *Врангеля* и *Находку*, способныя доставить вполне безопасную стоянку всякаго рода судамъ. Заливъ Америка открытъ къ югу устьемъ до 10 верстъ шириною, и потому ледъ въ немъ не держится болѣе двухъ мѣсяцевъ; съ сѣвера же онъ примыкаетъ къ долинѣ рѣки Сучана, лучшей по плодородію во всемъ южно-усурійскомъ краѣ. Бухта Врангеля, на восточной сторонѣ залива, имѣетъ около 3-хъ верстъ въ длину и до 2-хъ верстъ въ ширину, при глубинѣ отъ 5 до 9 сажень; бухта Находка, на западной сторонѣ, протягивается въ длину на $3\frac{1}{2}$ версты и имѣетъ глубину отъ 4 до $4\frac{1}{2}$ сажень: и та, и другая обставлены высотами, облегчающими укрѣпленіе ихъ.

Заливъ *Востокъ*, съ бухтою *Гайдамакъ*, при нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, представляетъ почти тѣ же удобства, какъ и заливъ Америка, именно приглубые высокіе берега и глубину на рейдѣ отъ 6 до 12 сажень, а въ бухтѣ отъ 2 до 6 сажень.

Проливъ *Стрѣлокъ*, съ бухтами *Абрекъ* и *Разбойникъ*, представляетъ, съ военной точки зрѣнія, еще болѣе удобствъ для первокласснаго порта, чѣмъ заливъ Америка, ибо, при совершенной недоступности внутренняго рейда, онъ имѣетъ два выхода въ море, слѣдовательно, для блокады требуетъ большаго числа судовъ, а самъ можетъ высылать крейсеровъ черезъ тотъ или другой выходъ совершенно внезапно. Восточный изъ этихъ выходовъ имѣетъ около шести верстъ ширины, западный не болѣе трехъ. Средина между обоними занята островомъ Чадао (Путятѣна), командующимъ всѣмъ портомъ и имѣющимъ на западномъ берегу бухточку шестисаженной глубины, чрезвычайно удобную для закрытаго приготовленія пароходовъ къ внезапному выходу въ море и, слѣдовательно, къ прорыву блокадной линіи. Бухта же Абрекъ, внутри рейда, есть превосходный естественный портъ для нагрузки, выгрузки и

отправленія судовъ (глубина отъ 4—12 сажень, длина до 3 верстъ, входъ 400 сажень). Словомъ, съ военной точки зрѣнія, ничего лучшаго нельзя желать, какъ проливъ Стрѣлокъ. Но въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ онъ представляетъ невыгоды, изъ которыхъ самая важная есть недостатокъ прѣсной воды и крутизна береговъ, препятствующая основанію построекъ безъ значительныхъ землекопныхъ работъ.

Въ обширномъ заливѣ *Усурійскомъ* двѣ бухты, *Катауза* и *Цимукъ*, могутъ служить якорными стоянками для кораблей, такъ какъ имѣютъ глубины: первая отъ 9—11 сажень, вторая отъ 3—9 сажень. Но обѣ, особенно Цимукъ, слишкомъ открыты для основанія въ нихъ большихъ портовъ, тѣмъ болѣе, что въ близкомъ сосѣдствѣ отсюда лежить знаменитый портъ *Владивостокъ*, подъ именемъ котораго слѣдуетъ разумѣть не только собственно бухту *Золотой Рога*, надъ которой построенъ городъ *Владивостокъ*, но и сосѣдніе: проливъ *Босфоръ Восточный* и бухту *Новикъ*, на островѣ *Русскомъ*. Этотъ портъ, будь онъ въ широтахъ болѣе южныхъ, т. е. не замерзая на 2 — 2½ мѣсяца, иногда и болѣе, конечно вполне оправдывалъ бы свое названіе, ибо лучшихъ условий въ морскомъ и военномъ отношеніи трудно найти. Портъ находится у оконечности полуострова *Муравьевъ-Амурскій*, между нимъ и островомъ *Русскимъ*. Бухта *Золотой Рога* врѣзывается въ материкъ дугою до пяти верстъ длины и одной версты ширины, при глубинѣ отъ 4½ до 11 сажень. Она совершенно закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ, и на сѣверномъ-то ея берегу расположенъ городъ *Владивостокъ*. Пролитъ *Босфоръ* имѣетъ длины девять верстъ, ширину переменную, но у западной оконечности достигающую едва 400 сажень, такъ что въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ европейскій *Босфоръ* и японскій *Симоносакі*. Какъ у сѣвернаго, такъ и у южнаго берега его находится по нѣскольку бухтъ: *Діомидъ*, *Улмисъ*, *Патрокъ*, *Алексъ*, *Парисъ*, которыя очень удобны для судовъ, нежелающихъ входить въ *Золотой Рогъ* или ждущихъ удобнаго момента для перехода въ открытое море. Восточный выходъ изъ *Босфора* достигаетъ ширины трехъ верстъ; но и онъ еще прикрытъ, до нѣкоторой степени, отъ юговосточныхъ вѣтровъ островомъ *Скрышева*. Всѣ берега пролива и *Золотого Рога* приглубы; наибольшая глубина въ первомъ, впрочемъ, не превосходитъ 25 сажень, такъ что, и въ этомъ отношеніи, бросающіе якорь не могутъ желать ничего лучшаго. Единственными неудобствами *Владивостока* являются: замерзаніе на болѣе долгое время, чѣмъ, напримѣръ, залива *Амери-*

ки, малое количество прѣсной воды и, самое главное, положеніе у оконечности полуострова, по которому легко прервать сообщенія порта съ внутренностью Усурійскаго края.

Бухта *Новикъ* на островѣ Русскомъ, отдѣленная отъ Босфора Восточнаго лишь узкою цѣпью холмовъ, какъ бы создана природою, чтобы служить обширнымъ рабочимъ портомъ для Владивостока, имѣя въ длину около восьми верстъ, въ ширину одну версту и въ глубину отъ 5—7 сажень. Другія бухты того же острова—*Бабкина*, *Рында*, *Воевода* могутъ служить для укрывательства мелкихъ рыбачьихъ судовъ отъ бурь. Впрочемъ, бури никогда не могутъ быть особенно жестоки въ Амурскомъ заливѣ, потому что онъ отдѣленъ отъ открытаго моря цѣлою грядою острововъ, изъ которыхъ *Русскій* есть самый сѣверный и большой. Изъ острововъ этихъ, состоящихъ вообще изъ скалъ, назовемъ: *Попова*, *Шкота*, *Рейнеке*, *Верховскаго*, *Козлова*, *Два Брата*, *Пашусова*, *Рикорда*, *Карамзина*, *Козакова*, *Моисеева*, *Кротова*, *Желтухина*, *Циволько*, *Антипенка*, *Сибирякова*, *Редклифа*, *Демарона*, *Гильдебранда*, *Дурново* и *Римскаго-Корсакова*— всего двадцать два, не считая многихъ мелкихъ. Между ними море повсемѣстно глубоко, и доселѣ въ немъ не найдено скалъ подводныхъ.

При устьѣ рѣки Суйфуна *Амурскій* заливъ мелокъ, а потому здѣсь не можетъ быть порта. Но уже на паралели бухты *Песчаной* въ этомъ заливѣ могутъ стоять самыя большіе военные корабли не болѣе какъ за милю отъ берега, что значительно облегчаетъ загрузку ихъ углемъ, который копается, недалеко, на сѣверѣ отъ названной бухты.

Заливъ *Славянский* есть одно изъ лучшихъ развѣтвленій Амурскаго, состоящее изъ двухъ бухтъ, входъ въ которыя съ востока имѣетъ ширины не болѣе четырехъ верстъ и еще прикрытъ островомъ Герасимова. Глубина залива отъ 5 до 14 сажень, и берега довольно высоки, чтобы поверхность воды оставалась почти спокойною при самыхъ сильныхъ вѣтрахъ. Такъ какъ въ заливъ этотъ впадаетъ довольно многоводная рѣчка Хуанхеза, вдоль которой есть хорошія мѣста для поселеній, то здѣсь можетъ со временемъ возникнуть довольно оживленный торговый портъ. Но развитію его постоянно будетъ препятствовать сосѣдство Владивостока и особенно залива *Посета*. Этотъ послѣдній есть наиболѣе знаменитая изъ всѣхъ гаваней южно-усурійскаго края и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, самая важная. Своєю извѣстностью она главнѣйше обязана положенію вблизи Кореи и Хунь-чуна, конфигураціи береговъ, об-

разующихъ двѣ совершенно закрытыя бухты, *Новгородскую* и *Экспедиціи*, и каменному углю, который нѣкоторое время разрабатывался въ одномъ изъ береговыхъ обнаженій. Передняя часть залива Посѣта, ближайшая къ морю и открытая къ юго-востоку, есть рейдъ *Паллада*, длиною 10 верстъ, шириною около 5, при наибольшей глубинѣ 12 сажень: это уже весьма удобная гавань. Но, дойдя до западнаго конца ея, мы вступаемъ, черезъ проливъ не болѣе 300 сажень ширины, въ двѣ другія бухты, которыя представляютъ совершенныя озера, именно на востокѣ въ *Новгородскую*, а на западѣ *Экспедиціи*: за раздѣльный пунктъ между которыми можно считать небольшую скалу (лекуру) въ проливѣ. Первая изъ нихъ есть бассейнъ около девяти верстъ длиною, мало по малу расширяющійся къ востоку, но съ тѣмъ вмѣстѣ и сужающійся, такъ что вмѣсто 12 сажень при входѣ онъ имѣетъ здѣсь не болѣе двухъ сажень. Вторая простирается въ длину болѣе десяти верстъ и въ ширину мѣстами почти на столько же; глубина же въ ней не превосходитъ пяти сажень. Гавань *Новгородская* отдѣлена отъ рейда *Паллады* горю Краббе, а отъ открытаго моря узкою и низкою косю, песчаною и болотистою; съ сѣвера ее окружаютъ тоже горы. Бухта *Экспедиціи* имѣетъ болѣе отлогіе, даже плоскіе берега и, принимая въ себя пять бѣгущихъ съ горъ рѣчекъ, конечно будетъ болѣе и болѣе засоряться, тогда какъ въ *Новгородскую* гавань не впадаетъ ни одного ручья. Нѣтъ сомнѣнія, что, съ устройствомъ въ окрестностяхъ поселеній, бухта *Экспедиціи* станетъ довольно оживленнымъ портомъ, особенно для рыбопромышленниковъ и ловцовъ морской лапуста и трепанговъ; *Новгородская* же гавань имѣетъ всѣ условія первокласнаго военнаго порта, если только не принимать въ расчетъ, что она лежитъ на самомъ краю Россіи, въ 22 верстахъ отъ корейской границы и въ 23 отъ китайской, съ тыла.

Съ удаленіемъ отъ береговъ, Японское море быстро дѣлается весьма глубокимъ, и не представляетъ ни подводныхъ скалъ, ни отмелей, на всемъ протяженіи отъ пролива *Маміо-Ринзо* до береговъ *Кореи* и даже *Японіи*. Столь счастливыя условія для развитія мореплаванія, конечно, не повторяются болѣе нигдѣ у предѣловъ Россіи, и если бы не туманы, нерѣдко носящіеся вдоль всего *Приморскаго* края, то можно было бы сказать, что эти мѣстности столь же много общають въ будущемъ для морскаго движенія, какъ лучшія *приморскія* страны *Европы*, *южной Азіи* и *Америки*. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что физическія условія и моря, и самыхъ бере-

говъ, особенно метеорологія ихъ, а также и гидрографія, не довольно еще изучены, и хорошая лопія ожидается еще въ будущемъ *).

Берега Японскаго моря, несмотря на то, что оно почти совершенно отдѣлено отъ океана Японією, имѣютъ приливы и отливы, особенно ощутительные въ заливахъ, суживающихся къ вершинамъ. Обстоятельство это, конечно, имѣетъ немаловажное значеніе въ морскомъ отношеніи, ибо позволяетъ судамъ входить съ приливомъ въ такіе порты, которые во время отлива недоступны для нихъ, и, наоборотъ, допускаетъ по временамъ сажать корабли на мель для осмотра подводной части, не вводя ихъ въ докъ, какъ это приходится дѣлать, напримѣръ, въ Севастополѣ и въ Крошштатѣ. Наивысшій приливъ доселѣ замѣченъ въ заливѣ де-Кастри, т. е. именно тамъ, гдѣ, съ одной стороны, суживается само Японское море, а съ другой конфигурація бухты содѣйствуетъ ея наполненію приливной волной. Эта высота простирается до 6-ти футовъ, а въ сивиги даже до 9-ти футовъ, причемъ, благодаря замкнутости моря, волна приходитъ въ портъ не равнѣ, какъ черезъ 10¹/₂ часовъ послѣ прохода луны черезъ меридіанъ. Въ другихъ портахъ замѣчено слѣдующее:

Названія.	Вис. прил.	Прил. часъ.
Николаевскъ	2 фута.	?
М. Пронге	3 >	?
Императорская гавань	4 >	10 ч. 0 м.
Заливъ Тернай	5 ¹ / ₂ >	8 > 15 >
Заливъ Владиміра	2 >	1 > 0 >
Заливъ Ольги	3 >	5 > 30 >
Бухта Экспедиціи	2 ¹ / ₂ >	2 > 30 >
Устье Тумень-улы	1 ¹ / ₂ >	?

Какъ море, сосѣднее Приморскому краю, имѣетъ свои приливы, такъ и внутреннія его воды отличаются періодическими прибываніями воды, хотя, конечно, не въ суточные промежутки. Явленіе это зависитъ отъ изобилія въ странѣ дождей. Обыкновенно въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ всѣ рѣчки наполняются отъ растопли и заливаютъ часть своихъ долинъ. Въ маѣ однако вода спадаетъ. Но съ началомъ іюня настаетъ періодъ дождей и къ половинѣ іюля рѣки снова переполняются и заливаютъ побережья на далекое разстояніе.

*) Существующая литографированная, Орѣхова, а также статья Клыкова, могутъ служить матеріалами, вмѣстѣ съ физическою географією Шренка и работами Старицаго.

Таковы особенно Суйфунъ, Сучанъ, Лефу, Добиху и вообще верхніе притоки Усури, текущіе по слабымъ покатостямъ, такъ что вода въ нихъ сбиваетъ нескоро. Даже въ озерѣ Ханкай, несмотря на его значительную поверхность, лѣтняя прибыль водъ достигаетъ до трехъ и болѣе футовъ, причемъ значительная часть сосѣднихъ низменностей сливается съ дномъ этого обширнаго водоема. Озеро Ханкай вообще неглубоко, не болѣе $3\frac{1}{2}$ сажень по серединѣ, но оно бурно, и потому судоходство по немъ довольно трудно и требуетъ съ одной стороны судовъ килевыхъ, а съ другой, по возможности, неглубоко сидящихъ. Изъ притоковъ его нѣтъ, въ строгомъ смыслѣ, ни одного судоходнаго, ибо и самый большой, Лефу, годенъ для плаванія только на 15 верстъ отъ устья; но нѣкоторые изъ притоковъ допускаютъ сплавъ плотовъ во время разлива. Рѣка Суйфунъ имѣетъ довольно воды для внутренняго судоходства, но на барѣ, при устьяхъ, въ ней всего $1\frac{1}{2}$ фута, да и выше по теченію не мало мелей. Многія рѣки Приморскаго края потому не годятся даже для сплавовъ, что русло ихъ завалено карчами. Но если произвести очистку руселъ, напримѣръ у Добиху или у Сандугу, то малые пароходы могли бы много облегчать сообщенія по краю вдоль рѣкъ, такъ какъ послѣднія, вообще говоря, многоводны. Рѣки Самальга, Тумджа и другіе притоки Татарскаго пролива совсѣмъ неизвѣстны въ смыслѣ ихъ годности для судоходства.

Климатъ и естественная производительность.

Приморскій край присоединенъ къ Россіи столь недавно, что продолжительныхъ метеорологическихъ наблюденій въ немъ не могло еще быть сдѣлано. Однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такіа наблюденія производились, и если выводы изъ нихъ не исполнѣ надежды, то все-таки даютъ довольно приблизительное поватіе о климатѣ страны. Выводы эти суть слѣдующіе:

	Шир.	Ср. темп. года	Лѣта.	Зимы.
Наколаевскъ	53°	— 2,05 В.	+ 12,8	— 18,1
Императорская гавань. . .	49°	— 1,4 —	+ 12,7	— 14,2
Заливъ Ольги	43 $\frac{3}{4}$	+ 3,3 ?	„	— 8,8
Заливъ Посета	42 $\frac{3}{5}$	+ 4,8	+ 16,5	— 7,6

И такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь между широтами 53° или 42° тѣ же среднія температуры года, какъ у береговъ Балтійскаго моря, между 68° и 56°: разница въ 15° широты показывается, какою

сравнительною суровостью отличается климатъ Приморскаго края, благодаря своему положенію на востокѣ Азіи, въ сосѣдствѣ Охотскаго моря. И если бы не сосѣдство моря Японскаго, котораго средняя годовая температура превышаетъ на $2\frac{1}{2}^{\circ}$ R. температуру материка, то холодъ былъ бы еще болѣе ощутителенъ. Впрочемъ и это сосѣдство не спасаетъ страны отъ большихъ морозовъ зимою, ибо въ это время, именно вслѣдствіе огромной разности температуры воздуха надъ сушею и надъ моремъ, господствуютъ въ странѣ сѣверные вѣтры.

Въ видахъ колонизаціи края весьма важно знать время весеннихъ разливовъ и начала зимы. Тутъ, разумѣется, есть огромная разница между окрестностями Николаевска и залива Посѣта. На нижнемъ Амурѣ ледъ проходитъ не ранѣе конца апрѣля и начала мая, а замерзаетъ рѣка въ концѣ октября и не позже 10-го ноября, снѣгъ же выпадаетъ въ первой половинѣ октября. Такимъ образомъ здѣсь для земледѣлія остается не болѣе пяти мѣсяцевъ, съ среднею температурою не выше $+9^{\circ}$ R. ($153 \times 9 = 1377^{\circ}$), почему даже воздѣлыванье ржи (1450°) тутъ невыгодно и часто она взойдетъ и выколосится, но не созрѣетъ, тѣмъ болѣе, что осенніе туманы и иней начинаются рано. Окрестности залива Петра Великаго представляютъ гораздо болѣе благопріятныя условія: здѣсь весна начинается въ мартѣ, апрѣль есть время удобное для посѣвовъ, и въ май бываютъ уже жары въ 24° R. Но зима и тутъ наступаетъ очень рано, такъ что, напримѣръ, въ заливѣ Посѣта морозы начинаются въ первыхъ числахъ октября, а въ половинѣ его обыкновенно падаетъ снѣгъ, который если и не лежитъ долго, то все же дѣлаетъ невозможными полевые работы. И такъ, здѣсь для земледѣлія имѣется около $6\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, съ вѣроятною среднею температурою не менѣе $+9,5^{\circ}$ R. ($198 \times 9,5 = 1935^{\circ}$), что показываетъ пригодность страны для посѣвовъ пшеницы, проса и всѣхъ тѣхъ полевыхъ и огородныхъ растений, которыя сопровождаютъ эти два рода хлѣбовъ. Бассейнъ озера Ханка, особенно западная его половина, по рѣкамъ Мо, Сіану и другимъ, имѣетъ лѣто еще болѣе теплое и, сравнительно, сухое: здѣсь туманы уже рѣдки.

Сверхъ температуры весьма рѣзко отзываются на органической природѣ Приморскаго края влажность воздуха и черемѣны вѣтровъ. Нигдѣ, на всемъ пространствѣ Россіи, нѣтъ края столь обильнаго дождями, снѣгомъ и туманами, какъ побережья Японскаго моря. Сѣрыхъ дней можно считать 230, т. е. около двухъ третей года. Особенно дождливы мѣсяцы іюнь и іюль, когда господствуютъ

южные и восточные вѣтры, которыхъ пропорція за это время года, напримѣръ въ заливѣ Посѣта, бываетъ 4,2 : 1, принимая за единицу число вѣтровъ изъ сѣверной половины компаса. Зимой напротивъ, какъ уже было замѣчено, господствующіе токи воздуха суть полярные, которые, въ свою очередь, влекутъ за собою туманы на поверхности моря, бывающей въ это время гораздо теплѣ суши. Количество воды, выпадающей на почву въ видѣ дождя и снѣга, нигдѣ съ точностью не опредѣлено; но достаточно замѣтить, что зимой снѣгъ въ Николаевскѣ бываетъ до сажени, а въ Владивостокѣ около аршина выпины. Нѣсколько въ лучшихъ условіяхъ находятся тѣ части южно-усурійскаго края, которыя лежатъ въ бассейнѣ Ханкай; но и тутъ влажность климата очень значительна, почему лѣтомъ зелень всегда свѣжа. Около залива Ольги, вѣроятно вслѣдствіе закрытости его съ с.-з. и открытости на ю.-в., снѣгъ преимущественно выпадаетъ въ февралѣ и мартѣ, а въ другіе зимніе мѣсяцы быстро стаяетъ или сносится вѣтрами.

Относительно послѣднихъ слѣдующія цифры весьма опредѣлительно показываютъ господство континентальныхъ воздушныхъ потоковъ зимою и морскихъ лѣтомъ:

	Зима.	Лѣто.
Заливъ Посѣта, на 100.	73 СЗ	43 ЮВ
» Ольги	75 ЗСЗ	?

Растительность Приморскаго края отличается преобладаніемъ лѣсовъ, хвойныхъ на сѣверѣ, мѣшанныхъ и лиственныхъ на югѣ. Такъ какъ лѣса составляютъ главное естественное богатство края, и притомъ имѣютъ особое значеніе для судостроенія, могущаго развиваться въ этой отдаленной странѣ, то уже въ первые годы по присоединеніи ея къ Россіи правительствомъ были приняты мѣры къ изученію здѣшней лѣсной флоры, причемъ дознано слѣдующее:

На сѣверѣ, отъ Николаевска до Императорской гавани, преобладаютъ лиственница, пихта, кедръ, рѣже сосна, бѣлая береза, мелкій дубъ, кленъ, тисъ, верботалъ, осина, ольха, горный илемъ. Поросли въ здѣшнихъ болотистыхъ лѣсахъ состоятъ изъ мховъ, можжевельника, ерника, малины, рябины и частью черемхи.

Въ срединѣ, до параллели 44°, начинаютъ преобладать надъ хвойными лиственными деревья, какъ названныя уже, такъ и липа, дубъ, ясень, орѣховое и пробковое деревья, красная береза, яблоня, груша. Но хребты еще всюду одѣты хвойнымъ лѣсомъ, пихтовымъ и кедровымъ. Между порослями заслуживаютъ вниманія жасминъ, шиповникъ, калина, смородина, барбарисъ и т. п.

Наконецъ, на югѣ хвойныя деревья составляютъ исключеніе и встрѣчаются почти только по хребтамъ, да отчасти на западной сторонѣ Ханкай, т. е. вдали отъ моря. Здѣсь царство ваза, орѣшника, граба, клена, липы, дуба и ясени, акаціи (маакіи), пирамидальной ивы, съ порослями изъ винограда, бересклета, лещины, барбариса и множествомъ чужеродныхъ орхидей и другихъ паразитовъ. Лѣса представляютъ иногда непроходимую чащу, заваленную притомъ стволами гниющихъ уже деревьевъ. Но необходимо замѣтить, что лиственные лѣса только въ очень немногихъ мѣстностяхъ подходятъ къ самому морю; въ большей же части случаевъ они, верстахъ въ 7—8 отъ берега, смѣняются низкими кустарниками, преимущественно дубовыми: это по причинѣ вѣтровъ.

Подробности о лѣсной флорѣ Приморскаго и Приханкайскаго края можно найти въ сочиненіяхъ Максимовича, Маака, Будищева, Пржевальскаго, Васильевой и другихъ; здѣсь же замѣтимъ, что въ южной половинѣ страны среди лѣсовъ нерѣдки и луговныя равнины, покрытыя повсюду превосходными сочными травами, которыя часто превышаютъ ростъ человѣка. Такія открытыя мѣста особенно встрѣчаются на югѣ и востокѣ отъ озера Ханкай, по долинѣ Суифуна, и почти всѣхъ рѣкъ, впадающихъ какъ въ Усури, такъ и въ Японское море. Только въ узкихъ рѣчныхъ долинахъ, по лугамъ, обыкновенно еще разбросаны отдѣльныя деревья и группы ясеней, вязовъ, дубовъ и т. п. На западѣ отъ Ханкай и въ бассейнѣ Суифуна есть еще открытыя мѣстности, обнаженныя отъ лѣса искусственно, именно черезъ вырубку деревьевъ китайцами, которые любили собирать съ гниющихъ стволовъ грибы. Этотъ варварскій обычай нынѣ преслѣдуется.

Въ бассейнѣ верхняго теченія Усури, и особенно въ отрогахъ хребта Сихота-алинь, обращенныхъ внутрь страны, доселѣ находится много жень-шеня, извѣстнаго у китайцевъ цѣлебнаго корня, тщательно ими разыскиваемаго въ дикомъ видѣ и разводимаго, сверхъ того, на плантаціяхъ. Затѣмъ въ числу растительныхъ же богатствъ Приморскаго края принадлежитъ еще одно произведеніе сосѣдняго моря, именно водоросли, именуемая въ торговлѣ морскою капустою (sea weed). Лентообразныя растенія эти весьма изобильны по всему побережью отъ Императорской гавани до залива Посъета, особенно же въ сосѣдствѣ заливовъ Владиміра, Ольги, Преображенія и другихъ, до залива Петра Великаго. Здѣсь производится собираніе ихъ многочисленными лодками китайцевъ, которые выходятъ каждую весну изъ Хунъ-чуна черезъ Посъетъ и продаютъ потомъ свой уловъ,

въ количествѣ до 360,000 пудовъ, на европейскіе корабли, изъ китайскихъ портовъ приходящіе въ Владивостокъ и другія гавани сосѣдняго берега. Этотъ промыселъ, вмѣстѣ съ ловлею трепанговъ (слизняковъ, до 800 пуд.), доставляетъ главные предметы для вывозной торговли Приморскаго края. Другою весьма важною статью этой торговли служатъ мѣха, отпускаемые уже изъ Николаевска и Кастри, такъ какъ звѣроловство развито главнымъ образомъ на сѣверѣ, да и внутренніе сплавы пути мѣховой торговли направляются туда. Животныя, которыя доставляютъ эти мѣха, суть: медвѣди, бурый и черный, волки, лисицы, соболи, выдры, бѣлки, въ небольшомъ числѣ барсы, рыси, барсуки и горностаи. Для внутренняго употребленія мѣстнаго населенія, особенно русскаго, гольдскаго и гилъцакаго, бьется также не мало антилопъ, лосей и дикихъ козъ, изъ которыхъ послѣднія особенно многочисленны. Вообще фауна Приморскаго края довольно богата млекопитающими, хотя, разумѣется, главное ея богатство составляютъ птицы и особенно рыбы. Слѣдуя Пржевальскому, число видовъ птицъ достигаетъ до 224, что уступаетъ только Японіи и далеко оставляетъ за собою всѣ другія страны равной обширности. Наиболѣе многочисленны — водяныя и прибрежныя: утки, гуси, лебеди, бакланы, журавли, цапли, чайки, а затѣмъ хищныя: орланы, ястреба, и разнообразныя лѣсныя и луговныя: дрозды, сибирскіе соловьи, жаворонки, стрижи и ласточки, изъ которыхъ послѣднія нерѣдко живутъ въ домахъ китайцевъ. Значительная часть этого пернатого населенія оставляетъ край каждую осень и возвращается въ него не раньше весны.

Рыбы чрезвычайно многочисленны, какъ въ рѣкахъ собственно береговой полосы Японскаго моря, такъ и въ притокахъ верхней Усури. Низовья Амура особенно изобильны большими хрящескелетными рыбами: осетрами, калугою, стерлядями, а также сибирскою семгой — кетой, которая иногда идетъ сплошными массами, мѣшающими грести веслами. Въ притокахъ Усури наиболѣе многочисленны сазаны, леньки, бѣлорыбца, сомы, налимы, таймени; но и всякая другая рыба, не исключая большихъ бѣлугъ, заходитъ далеко вверхъ по этой рѣкѣ, пользуясь двумя полноводіями, весеннимъ и лѣтнимъ. Ловля ея, поэтому, весьма прибыльна, и цѣлое населеніе гольдовъ и орочей живетъ почти ею одною, заготавливая на зиму рыбу вяленую и отчасти копченую, но не соленую. Русскіе также охотно занимаются этимъ промысломъ; но недостатокъ соли и хорошихъ засолщиковъ мѣшаетъ заготовленію ими рыбы въ прокъ и на продажу внѣ края. А между тѣмъ на ни-

зовьяхъ Амура нерѣдки случаи улова однимъ неводомъ нѣсколькихъ десятковъ осетровъ, и почти то же можно встрѣтить въ устьяхъ Суйфуна и другихъ многоводныхъ, притоковъ Японскаго моря. Въ Хангаѣ водится болѣе сорока породъ рыбъ, отъ пискаря и въюна до сома и калуги, и жители прибрежныхъ русскихъ селеній нерѣдко въ одну тоню вытаскиваютъ 8—10 пудовъ этихъ разнообразныхъ представителей рыбнаго класса.

О черепахахъ по притокамъ Усури и о змѣяхъ въ южно-усурийскомъ краѣ, особенно по рѣкамъ, текущимъ въ море, стоитъ также упомянуть какъ о характеристической особенностяхъ мѣстной фауны. Что же касается до трепанговъ, то о ловлѣ ихъ китайцами сказано выше.

Минеральныя богатства Приморскаго края изслѣдованы мало. Прежде другихъ открытое богатство составляетъ каменный уголь въ заливѣ Посыета; но нынѣ небольшой его пластъ въ этой мѣстности уже выработанъ, а взамѣнъ найдены другіе, у сѣверо-западнаго угла залива Амурскаго. Весьма вѣроятно, что полезный этотъ минералъ встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ побережья Японскаго моря; но пока онъ не добывается и даже не разыскивается, потому что вблизи лежитъ Сахалинъ. Другое произведеніе минеральнаго царства, извѣстное въ Приморскомъ краѣ, есть золото. Китайскіе выходцы, манзы, еще до прихода въ край русскихъ разрабатывали его въ нѣсколькихъ мѣстахъ *), но, повидимому, не всегда съ успѣхомъ, почему этотъ промыселъ былъ ими брошенъ. Въ 1867 году вѣсть объ открытіи золотыхъ росыпей на островѣ Аскольдѣ взволновала-было ихъ вновь, и массы золотоискателей бросились туда, но скоро были прогнаны нашими войсками. Около залива Ольги встрѣчаются сребро-свинцовыя руды.

Такова естественная производительность Приморскаго края, во многомъ еще, какъ сказано, неизслѣдованная. Стоитъ особенно замѣтить, что, за исключеніемъ болотъ и немногихъ скалистыхъ побережій моря, здѣсь нѣтъ земель неудобныхъ для культуры или, по крайней мѣрѣ, для осѣдлой жизни. Самыя заханкайскія, такъ называемыя, степи представляютъ пышный цвѣтнікъ луговыхъ травъ, среди котораго густая зелень деревьевъ видѣется непрестанно. Даже на крайнемъ сѣверѣ страны природа даетъ еще обильныя средства къ жизни въ видѣ продуктовъ рыбной и звѣриной ловли

*) Напримѣръ, по рѣчкамъ Когутуну и Тину, сѣвернѣе пролива Стрѣлокъ, на островѣ Путатина и проч.

и лѣсоводства. Въ довершеніе этихъ выгодъ, не встрѣчающихся на многихъ другихъ русско-азиатскихъ окраинахъ, развитіе производительности въ странѣ облегчается морскимъ путемъ вдоль ея и обиліемъ хорошихъ гаваней, какового нельзя найти въ цѣлой Россіи.

Способы сообщенія.

Кромѣ моря, по которому въ хорошую погоду изъ Николаевска пароходъ можетъ дойти въ трое сутокъ до залива Посъета, пути сообщенія состоятъ изъ системы рѣкъ и множества рѣчныхъ долинъ, по которымъ весьма легко проложить сухопутныя дороги. Изъ долинъ этихъ особенно замѣтимъ суифунскую, сучанскую, тазушинскую, тумджинскую, фудзинскую, сандогуйскую, добихуйскую и, наконецъ, обширную равнину ханкайскую. О путяхъ черезъ хребетъ Сихота-алинь было сказано при описаніи самаго этого хребта. Здѣсь замѣтимъ, что по юго-восточнымъ отклонамъ его проходить еще слѣдующія продольныя дороги, уже нынѣ имѣющія свое значеніе:

1) Отъ залива Кастри на рѣку Тумдзу и долиною ея до Императорской гавани — вьючный путь для сношеній послѣдней съ низовьями Амура, уже обозначенный одиннадцатью станціями и имѣющій въ длину 340 верстъ.

2) Торная тропинка изъ долины Тазуши или Лифула къ заливамъ Владиміра, Ольги и т. д. до устья Суифуна. Тропинка эта то подходит къ самому морю, то нѣсколько удаляется отъ него, пересѣкая всѣ прибрежныя края. Она служитъ для сообщенія манзовъ и по свидѣтельству г-жи Васильевой проходить черезъ слѣдующія мѣстности:

Зал. Ольги		Сучанъ	35 вер.
Станція Пусунъ	76 вер.	Пинъ-шау	30 »
Тауху	51 »	Шуйчули-гуань	41 »
Дзалигу	25 »	Конгоуза	30 »
Сецху	80 »	Владивостокъ	76 »
Суизъ	35 »		
Ииз-Мазагу	35 »	Итого	464 вер.

3) Такая же, и даже еще болѣе пробитая, тропа ведетъ по долинѣ Суифуна и по западному берегу залива Амурскаго до залива Посъета. Нынѣ она, болѣею частью, обращена въ колесную дорогу, переваливающую на сѣверъ за хребетъ Сихота-алинь, къ

берегамъ Ханкай. По этой дорогѣ отъ Новгородскаго-поста, у Посьета, до Турьяго-Рога, у Ханкай, 418 верстъ и 14 станцій, именно: Турій Рогъ.

Троицкая	28 в.	Раздольный постъ . . .	32 в.
Камень-Рыболовъ. . . .	35 >	Рѣчной	40 >
Мо.	20 >	Песчаный	40 >
Встрѣчный постъ. . . .	20 >	Славянский	60 >
Утесный постъ	25 >	Гладкій	45 >
Дубининскій.	25 >	Новгородскій	25 >
Никольское	23 >		
Итого. 418 в.			

Въ этимъ обозначившимся уже путямъ въ Приморскомъ краѣ нужно еще присоединить: дорогу по просѣкѣ отъ Кастри до Софійска; путь съ р. Сучана на Добиху и потомъ вдоль телеграфной линіи; путь по долинѣ Суифуна, черезъ верховья Мурени въ Нингуту и, наконецъ, колесную дорогу отъ залива Посьета въ Хунь-чунь. Всѣ эти пути, какъ ни мало еще разработаны, служатъ уже для сообщеній береговой полосы Сѣверо-японскаго моря съ внутренностью Усурійскаго края и Маньчжуріи. Важнѣйшее же въ цѣлой странѣ средство сообщеній, связывающее ее съ остальными міромъ, есть телеграфъ, идущій изъ Владивостока съ одной стороны въ Японію, по подводному кабелю, а съ другой къ берегамъ Усури и далѣе въ Сибирь и Европу, по воздушному проводу. Телеграфныхъ станцій въ предѣлахъ описываемаго края, т. е. на сѣверъ до устья Добиху въ Усури, двадцать двѣ.

Населеніе.

Пользующееся всѣми исчисленными выше естественными богатствами края теперешнее его населеніе весьма малочисленно, хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ прежнія времена, по крайней мѣрѣ, верхне-усурійскій и суифунскій бассейны были густо населены, ибо остатки городовъ и крѣпостей сохранились донинѣ. По даннымъ гг. Людогоскаго и Пржевальскаго, относящимся къ 1869 г. и дополненнымъ, на сколько было можно, новѣйшими извѣстіями о современномъ населеніи Приморскаго края, можно сказать слѣдующее:

1) Русскіе суть самые недавніе пришельцы, основавшіеся на устьяхъ Амура едва въ 1851 году, а въ Южно-усурійскомъ краѣ лишь въ 1860 году. По восточную сторону хребта Сихота-алинь и

въ бассейнахъ верхней Усури и Ханкаа они занимаютъ въ настоящее время слѣдующіе пункты:

1) Николаевскъ	3,000?	17) Постъ Славянской . .	
2) Постъ Александровскій		18) » Песчаный . . .	
3) Постъ Константиновскій		19) » Рѣчной	
4) Дер. Арзамаская . . .	34	20) » Угловой	
5) » Пермская	34	21) » Раздольный . .	
6) » Фудинъ	53	22) Дер. Суйфунская . .	24
7) » Новинки	136	23) Село Никольское . .	289
8) Постъ Ольгинскій . .	78	24) Постъ Дубининскій .	
9) Село Тамбовское . . .	100?	25) » Утесный	
10) Дер. Александровка .	16	26) » Встрѣчный . .	
11) » Владиміровка . .	27	27) » Мо	
12) » Швотова	41	28) Дер. Астраханская .	205
13) Гор. Владивостокъ .	2,500?	29) Постъ Камень-Рыболовъ	39
14) Постъ Новгородскій .	-	30) Дер. Троицкая	120
15) Село Новокиевское . .	700?	31) » Воронежская или Турьяго-Рогъ	241
16) Постъ Гладкій		32) Село Благословенное ?	

Кромѣ того русскіе живутъ въ корейскихъ деревняхъ: Тивень-хэ или Рязановѣ (322 душъ), Янчи-хэ (68 душъ) и Сидеми (5 душъ). Всего въ тѣхъ двадцати одномъ пунктѣ, противъ которыхъ число душъ обозначено, живетъ русскихъ 8,200 человекъ. Тѣ же мѣстности, противъ которыхъ нѣтъ никакой цифры, суть военные посты, занятые только солдатами, число которыхъ измѣняется. Присоединивъ общій итогъ солдатъ и матросовъ, квартирующихъ въ краѣ, къ приведенной сейчасъ цифрѣ 8,200 душъ постоянного русскаго населенія, мы получимъ, что всего въ Приморскомъ краѣ русскихъ до 11,000. Въ этомъ числѣ находятся нѣсколько латышей, финновъ, американцевъ и нѣмцевъ.

О составѣ этого населенія по роду занятій свѣдѣній нѣтъ; но вообще деревенское населеніе занято однимъ земледѣліемъ, а городское, въ Николаевскѣ и Владивостокѣ, кое-какими промыслами, преимущественно торговлей. Состояніе русскихъ селеній въ южно-усурийскомъ краѣ и на Ханкаѣ гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ на Усури; на примѣръ, жители береговъ Ханкаа и Суйфуна имѣютъ стою значительные избытки хлѣба, что уже продовольствуютъ расположенныя среди нихъ войска. Особенно зажиточны обитатели Турьяго-Рога и деревни Астраханской, совершенно основшіяся съ

время, изъ котораго, по собственнымъ ихъ словамъ, они не замедлятъ «сдѣлать Россію». Но о жителяхъ окрестностей залива Ольги свѣдѣнія менѣе утѣшительны. Именно г-жа Васильева говорить о нихъ: «Первый годъ своего пребыванія въ гавани Св. Ольги крестьяне получали казенный хлѣбъ; потомъ мало-по-малу стали обрабатывать свои поля, но трудъ ихъ плохо вознаграждался, отчасти вслѣдствіе производительности почвы, отчасти и по другимъ причинамъ. Бывали напр. годы, когда мыши истребляли посѣвы; большой вредъ причиняли также наводненія, и крестьянамъ приходилось перекупать солдатскія пайки, по 10 к. за фунтъ хлѣба. Но вслѣдствіе горькаго опыта и десятилѣтней разработки пашней, хлѣбъ наконецъ сталъ родиться удовлетворительно, такъ что въ 1870 и 71 годахъ у крестьянъ достало хлѣба отъ посѣва до посѣва. Съ развитіемъ культуры урожанъ конечно должны еще увеличиться; но, къ сожалѣнію, о культурѣ крестьяне мало заботятся вслѣдствіе того, что считаютъ себя почему-то временными обитателями гавани Ольги. Огородныя растенія всѣ родятся хорошо, но крестьяне заботятся только о самомъ необходимомъ, т. е. о картофелѣ и капустѣ, не разводя ни луку, ни чесноку, ни хмѣлю, ни горчицы. Пища ихъ состоитъ изъ соленой рыбы, кетч, ржаного хлѣба съ примѣсью картофеля, иногда изъ пшеничнаго хлѣба; питье изъ сушеной травы, бѣлоголовника, подъ названіемъ чай. Что же касается до молока, масла, яицъ, то все это сбывается ими въ постъ для того, чтобы на вырученные деньги обзавестись необходимой одеждой. Скотоводство въ гавани Св. Ольги страдаетъ отъ частыхъ появленій хищныхъ звѣрей, особенно тигровъ, которыхъ въ послѣдніе годы развелось очень много, такъ что у крестьянъ истреблено одного рогатаго скота до 100 штукъ. Вслѣдствіе неблагоприятно сложившихся внѣшнихъ обстоятельствъ или по другимъ причинамъ, крестьяне большею частью лѣнны, не предприимчивы и не развиты. Сегодня сытъ, а завтра — что Богъ дастъ, думаютъ они, и потому зажиточныхъ между ними очень мало; исключеніе до нѣкоторой степени составляютъ молоканы; вообще же всѣ крестьяне недовольны своею судьбой. А между тѣмъ сѣтовать казалось бы не на что; въ окружающей природѣ богатствъ много: умѣй только ими пользоваться. Пчеловодство напр. можно было бы развить въ большихъ размѣрахъ, но они мало о томъ заботятся; если имъ во время рубки лѣса попались ульи, они собираютъ соты, а ульи раззоряютъ. Около поста росло много ведровыхъ орѣховъ; крестьяне не собирали ихъ, а прямо срубали дерево,

привозили домой, обирали орѣхи, а дерево употребляли на топливо: такимъ образомъ, по ихъ понятіямъ, одно и то же дерево достигало двухъ назначеній: орѣхи—орѣхами, а топливо—топливомъ... На вопросъ, отъ чего они не занимаются пиленіемъ досокъ, приготовленіемъ колесъ или другимъ мастерствомъ и сбытомъ своихъ произведеній въ Владивостокъ, гдѣ такъ во всемъ нуждаются, крестьянинъ вамъ отвѣчаетъ: «Господь создалъ крестьянина обрабатывать хлѣбушко; такъ ужъ на томъ и кончу свой вѣкъ». Если же говорящее съ нимъ лицо — чиновникъ, то онъ пожалуй и согласится на словахъ: «такъ-то оно такъ», но больше вы отъ него ничего не добьетесь, и ясно, что у него на умъ совсѣмъ другой отвѣтъ. — На ловлю сельдей, которыя можно сбывать на приходящія суда за хорошую цѣну, крестьяне также не пускаются, отговариваясь недоброкачественностью соли для засолки, хотя на мѣстѣ у нихъ просоленные сельди сохраняются въ теченіи цѣлаго года. Торговля въ гавани Св. Ольги развита мало по причинѣ недостатка путей сообщенія. Товары привозные очень дороги, напримѣръ:

1 пудъ сахару	стоитъ	15—25 р.
1 фунтъ табаку 2 сорта		3 »
1 аршинъ ситцу		50—60 к.
1 » серпанки		40—50 »
1 банка керосину		16 р.

О предметахъ роскоши нечего и думать; даже самого необходимаго нельзя имѣть, какъ напр. коровьяго масла, за которое, если его и удастся достать у крестьянъ, нужно заплатить 1 р. 50 к. за фунтъ. Мясо, домашняя и дикая птица, яйца и овощи впрочемъ не дороги, напр. мясо за пудъ по 3 р., огурцы сотня—также и пр. Всѣ же предметы привозные продаются по двойной и тройной цѣнѣ противъ Николаевска.

О другомъ пунктѣ Приморскаго края, въ настоящее время начинающемъ пріобрѣтать особое для него значеніе, о Владивостокѣ, также немного можно сказать утѣшительнаго. До послѣднихъ годовъ это было скопище кабаковъ; теперь началъ устраниваться торговый и административный городъ, на широкую ногу, т. е. на большомъ пространствѣ. Но по длиннымъ и широкимъ улицамъ можно ѣздить только верхомъ, отъ множества корневищъ и неровностей почвы. Домовъ порядочныхъ нѣтъ: лучшій принадлежитъ станціи англо-датскаго телеграфа. Церковь чрезвычайно плоха, почти развалилась. Въ городѣ есть лѣсопильный заводъ, но строевые матеріалы дороги, не смотря даже на запрещеніе отпуска лѣсу

за границу. Частный заводъ, предполагавшійся къ постройкѣ въ окрестностяхъ, повидимому не осуществился. Работы по возведенію зданій большею частію совершаются солдатами и притомъ обязательно, какъ казенная служба.

Въ административномъ отношеніи, жители Приморскаго края принадлежать къ тремъ округамъ: на сѣверѣ къ Николаевскому; на юго-востокѣ, между заливомъ Оуричникомъ и гаванью Находка, а внутри страны до рѣкъ Сучанъ и Добиху — къ Аввакумовскому и, наконецъ, на юго-западѣ, по Ханкаю, Суйфуну и у залива Петра Великаго, до Кореи и Маньчжуріи — къ Суйфунскому. Официальнымъ центромъ русскаго населенія до послѣдняго времени служилъ Николаевскъ; въ настоящее же время служить Владивостокъ; но главная масса его, какъ видимъ, разсѣяна по Суйфунскому округу. Большія селенія — Новокиевское, Никольское, Воронежское — имѣютъ всѣ залогомъ быстраго преуспѣянія, и то же, конечно, можно предсказать всѣмъ русскимъ колоніямъ въ двухъ южныхъ округахъ, если, разумѣется, условія колонизаціи, и особенно административная распорядительность по этому дѣлу, будутъ болѣе выгодны для переселенцевъ, чѣмъ на примѣръ то было при задуманной въ 1867 году колонизаціи удѣльнаго вѣдомства, которое издержало около полумиліона рублей и водворило только двѣ небольшія деревни на Сучанѣ. Нѣкоторые изъ удѣльныхъ колонистовъ, прибывшихъ въ край въ 1869 году, даже бѣжали оттуда собственно потому, что были обмануты въ ожиданіяхъ, возбужденныхъ среди нихъ администраціею колоній, нынѣ впрочемъ уже закрытою.

2) *Китайцы* суть также пришельцы въ край, живущіе главнымъ образомъ въ Суйфунскомъ и отчасти въ Аввакумовскомъ округахъ. Они извѣстны у насъ подъ именемъ *маньчжовъ* (мань-цзы, выходцы, бѣглецы) и состоятъ дѣйствительно изъ бѣглыхъ и отчасти изъ мелкихъ торговцевъ и искателей женъ-шени, прибывшихъ въ край еще во время китайскаго тамъ владѣтельства. Люди эти не имѣютъ семей, живутъ либо въ одиночку, либо артелями, по земледѣльческимъ хуторамъ (фанзамъ) и, безъ сомнѣнія, исчезнутъ скоро изъ края, если дальнѣйшій приливъ ихъ изъ Маньчжуріи будетъ прекращенъ. Они долгое время не хотѣли подчиняться нашимъ властямъ, донинѣ имѣютъ самосудъ и вообще держатся почти независимо. Въ 1868 году часть ихъ произвела даже открытый бунтъ, который пришлось усмирять войсками. Кромѣ этого постоянного китайскаго населенія, въ Приморскомъ край, именно

въ южной береговой его полосѣ, ежегодно появляется много китаецъ-промышленниковъ изъ Маньчжуріи, въ частности изъ Нингута и Хунь-чуи, съ тѣмъ, чтобы по заливамъ и бухтамъ добывать морскую капусту, трепанговъ и отчасти рыбу. Люди эти на зиму оставляютъ свои лодки въ заливѣ Посыета или Славянскомъ, а съ началомъ весны приводятъ ихъ снова въ порядокъ и отправляются въ море. Нѣкоторые изъ нихъ остаются на зиму въ нашихъ владѣніяхъ, разсѣваясь по фанзамъ своихъ осѣдлыхъ соплеменниковъ и проводя время въ праздности и въ азартныхъ играхъ.

Осѣдлые манзы суть, какъ сказано, земледѣльцы. Они сѣютъ просо, фасоль, кукурузу, пшеницу, ячмень, огурцы, дыни, капусту, лукъ, чеснокъ и т. д. Нѣкоторые занимаются разведеніемъ женьшеня, на особыхъ плантаціяхъ, гдѣ почва подъ посадку этого корня воздѣлывается съ особенною тщательностью. Такія плантаціи находятся на Усури, Сандугу, Добиху, Сучанѣ и на нѣкоторыхъ другихъ рѣчкахъ морскаго побережья. Разводимый на нихъ женьшень конечно цѣнится много дешевле дикаго, но все-таки находитъ многочисленныхъ покупателей, отвозящихъ его въ Маньчжурію и въ самый Китай.

Манзы съ 1869 года, въ видахъ административныхъ, обязаны имѣть билеты отъ нашихъ начальствъ, безъ чего должны быть изгоняемы; но трудность услѣдить за всѣми ими дѣлаетъ паспортную систему бесполезною. Податями они не обложены въ томъ вниманіи, что такое обложеніе означало бы признаніе ихъ полноправными подданными Россіи, а между тѣмъ мы можемъ желать только одного: по возможности скорѣе избавитъ отъ нихъ. Число манзовъ опредѣляется различно, отъ двухъ до пяти тысячъ; но во всякомъ случаѣ, вопреки новѣйшаго свидѣтельства архимандрита Палладія, не болѣе послѣдней цифры.

3) *Корейцы* появились въ Приморскомъ краѣ уже по утвержденіи тамъ русской власти. Первоначально это были одни бѣдняки, гонимые изъ отечества голодомъ; но потомъ въ числѣ эмигрантовъ стали появляться и люди зажиточные. Они всѣ земледѣльцы, и притомъ отличные по своему знанію дѣла, трудолюбивы и трезвы. Они, въ числѣ до 8,500 душъ *), водворены въ четырехъ деревняхъ: Тызень-хэ, Янчи-хэ, Сидоми и селеніи Благословенномъ, все

*) А быть можетъ и болѣе, потому что эмиграція ихъ продолжалась нѣкоторое время и послѣ 1869 г., къ которому относятся эти данныя. Нынѣ это переселеніе корейцевъ приостановлено, чтобы дать время укрѣпиться собственно русской колонизаціи и не затрудняться продовольствіемъ корейскихъ выходцевъ.

въ Суифунскомъ округѣ, хотя послѣднее селеніе лежитъ уже далеко отъ корейской границы, тогда какъ три первыхъ, устроенныя раньше, находятся близъ ея. Корейцы легко покоряются нашимъ законамъ, отличаются скромнымъ поведеніемъ, безъ труда переходятъ въ православіе и мало по малу выучиваются говорить ко-русски. Правительство корейское непріязненно смотритъ на выселеніе своихъ подданныхъ къ намъ; но на первое время можно на это не обращать вниманія, такъ какъ для воздѣлыванія новаго края намъ прежде всего нужны рабочія руки; со временемъ же нужно будетъ положить конецъ этой эмиграціи, чтобы главная масса земель все-таки осталась за русскими поселенцами, а не за чужеземными. Впрочемъ, земель въ Усурійскомъ краѣ и на Амурѣ еще столько, что можно безъ опасности принять еще нѣсколько тысячъ корейцевъ; но селить ихъ слѣдуетъ уже не въ Приморскомъ краѣ, а на сѣверѣ отъ Ханкая, хотя это и будетъ стоить значительныхъ денежныхъ жертвъ на переводъ эмигрантовъ отъ береговъ Тумень-ули. Желательно, чтобы непремѣннымъ условіемъ перехода корейцевъ въ наше подданство было принятіе ими православной вѣры и водвореніе въ однихъ селеніяхъ съ русскими, ибо всѣ наши окраины и безъ того страдаютъ избыткомъ населенія инородческаго и ино-вѣрсческаго, которое потому и ассимилируется трудно, что живетъ отдѣльными деревнями, либо аулами, и держится ламаизма или ислама, не дѣлающихъ почти никакихъ уступокъ христіанской религіи.

4) *Гольды* — тунгузское племя, довольно многочисленное на Амурѣ и Усури, но въ описываемомъ краѣ встрѣчающееся только по Добиху и близъ озера Ханкая, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ семей. Они рыболовы и звѣроловы; живутъ семьями въ особыхъ домахъ на китайскій ладъ, выстроенныхъ иногда въ одиночку, иногда по два и по три на берегу рѣки. Племя миролюбивое, добродушное и способное къ усвоенію высшихъ формъ жизни, хотя доселѣ держится шаманства и не образуетъ даже общинъ, а составляетъ только семьи и, быть можетъ, роды.

5) *Орочи* или *тазы* — также вѣтъ тунгузской расы, занимающая береговую полосу Японскаго моря отъ устья Суифуна до залива Опричинъ или вообще до 46° широты. Часть этихъ людей ведетъ жизнь осѣдлую, т. е. имѣетъ дома на китайскій манеръ и при нихъ небольшіе огороды, на подобіе нѣкоторыхъ гольдовъ, наравнѣ съ коими лѣто проводитъ въ рыбной ловлѣ, а зимой вредается охотѣ. Орочи, живя въ сосѣдствѣ манъчж, отчасти перемѣшались съ ними,

въ томъ смыслѣ, что иногда женщины ихъ выходятъ за китайцевъ или даже просто отдаются послѣднимъ, отцами или мужьями, на содержаніе. Другая половина орочей ведетъ чисто-бродячую жизнь, перенося свои берестяные шалаши съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ надобности, уназываемой рыбною или звѣриною ловлею. Это настоящіе дикари, почти ничего неимѣющіе, нерѣдко полунагіе, крайне неопрятные и мало развитые умственно. Общее число орочей, какъ осѣдлыхъ, такъ и бродячихъ, едва ли превосходитъ тысячу душъ.

6) *Гиляки*, обитатели низовій Амура и береговъ Татарскаго пролива, составляютъ народъ, признаваемый филологами и этнографами за отдѣльную вѣтвь желтаго племени, а не за подраздѣленіе тунгусской расы. Въ самомъ дѣлѣ, языкъ ихъ не имѣетъ сходства съ тунгусскимъ, а физиологическое строеніе и обычаи обличаютъ расу болѣе крѣпкую и энергическую, чѣмъ сосѣдніе мангуны, саагры и пр. Они живутъ въ домахъ, но большую часть года отсутствуютъ изъ семьи, проводя время на охотѣ и особливо на рыбной ловлѣ. Благодаря послѣднему промыслу, они чрезвычайно смѣлы на водѣ и могли бы быть превосходными матросами. При смышленности, они скоро въучиваются по-русски, успѣли уже перенять кое-что отъ насъ, и вообще сблизиться съ нами, хотя въ XVII вѣкѣ упорно отстаивали свою независимость и не разъ разбивали казаковъ. Гиляки шаманы, но принимаютъ и христіанство. Изъ обычаевъ ихъ замѣчательно обожаніе медвѣдей, которыхъ однако они ѣдятъ. Произведенія ихъ охоты, мѣха, составляютъ довольно важную отпускную статью Николаевскаго порта; что же до рыбы, то она потребляется на мѣстѣ, частію самими ловцами, частію русскими. Значительное количество рыбы идетъ на прокормъ собакъ, которыя служатъ для ѣзды анимою на нартахъ — единственный удобный экипажъ въ покрываемой глубокими снѣгами странѣ. Нѣкоторые гиляки, въ свободное отъ рыболовства и охоты время, занимаются, подобно якутамъ, столярными и рѣзными работами, женщины шитьемъ парокъ или кушачковъ съ подборомъ мѣховъ по узорамъ, нерѣдко очень изящнымъ. Часть гиляковъ занимается торговлею, переѣзжая для этой цѣли на Сахалинъ; нѣкоторые служатъ у русскихъ, иногда даже на пароходахъ за лопчановъ. Вообще, это племя много обѣщающее, хотя далеко не такъ мягкое и пріятливое, какъ тунгусскіе народцы. Число гиляковъ неизвѣстно, но, вѣроятно, есть тысячи три или нѣсколько менѣе, не считая сахалинскихъ.

Такимъ образомъ, все теперешнее населеніе Приморскаго края состоитъ изъ:

Русскихъ	11,000
Китайцевъ	3,000
Корейцевъ	3,500
Орочей и гольдовъ	1,000
Гиляковъ	3,000
Итого	21,500

Откуда видно, что все самостоятельное развитіе и значеніе края еще въ будущемъ, и притомъ вѣроятно болѣе или менѣе отдаленномъ, такъ какъ на преуспѣяніе у насъ колонизаціи въ такихъ размѣрахъ, какъ было, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ Соединенныхъ Штатахъ, конечно нельзя рассчитывать.

Военный обзоръ.

Но если экономическое значеніе края есть дѣло будущаго, то въ политическомъ и въ военномъ онъ уже теперь имѣетъ перво-степенную для насъ важность, обуславливаемую:

1) *Положеніемъ около Японскаго моря.* Такъ какъ море это составляетъ часть Великаго океана, и притомъ соединенную съ нимъ пятью проливами, которые запереть трудно, то, можно сказать, оно есть база для нашего флота, могущаго здѣсь, на большомъ океанѣ, развернуть свою дѣятельность противъ непріятеля въ размѣрахъ гораздо болѣе широкихъ, чѣмъ въ европейскихъ моряхъ, Балтійскомъ и Черномъ. Многочисленные и превосходныя гавани и богатство въ странѣ лѣса, а по близости каменнаго угля, могутъ чрезвычайно облегчить развитіе и дѣятельность нашихъ морскихъ силъ на здѣшнихъ водахъ, и, вѣроятно, пора такого развитія недалека. Особенную важность имѣютъ порты Посѣта, Владивостокъ, Стрѣлокъ, Америка, Владимірскій, Кастри и Николаевскъ, которые по-этому должны быть, по возможности, прочно заняты нами и даже укрѣплены. Въ частности Владивостокъ, какъ средоточіе нашихъ морскихъ средствъ, требуетъ самаго неотложнаго вниманія. Сила нашего флота на здѣшнихъ водахъ очевидно должна быть значительна, такъ какъ даже сосѣдняя Японія имѣетъ уже нѣсколько десятковъ кораблей, и въ томъ числѣ броненосцевъ; европейцы же въ сосѣднихъ моряхъ держатъ большія эскадры, напримѣръ Англія 32—35 боевыхъ судовъ.

2) *Сосѣдствомъ Кореи и Маньчжуріи.* Корея донынѣ съ нами не имѣетъ никакихъ сношеній, хотя изъ нея къ намъ переселилось

уже до 3,500 эмигрантовъ. Но въ случаѣ, если эта страна будетъ открыта евреямъ — а это непременно будетъ — мы, какъ сосѣди по Тумень-улѣ, можемъ, болѣе чѣмъ кто-либо, утвердить здѣсь свое вліяніе, если не экономическое, въ чемъ едва ли успѣемъ, то хоть политическое, *въ смыслъ охраненія корейской самостоятельности отъ отчуждающихъ вліяній*. Такъ какъ территоріальные вопросы насъ едва-ли когда будутъ раздѣлять съ Кореею, да и другихъ серьезныхъ и постоянныхъ причинъ къ столкновеніямъ не предвидится, то весьма важно для насъ приготовить сосѣдній Тумень-улѣ край для плодотворныхъ *мирныхъ сношеній* и, съ этою цѣлью, прежде всего, его населить. Но дабы и въ военномъ отношеніи тридцатидвухъ-верстная граница наша съ Кореею не была предметомъ ея невниманія или даже презрѣнія, то весьма полезно у залива Посѣта основать большой укрѣпленный пунктъ. Такая крѣпость будетъ тѣмъ полезнѣе, что къ тому же порту выходитъ дорога и изъ сосѣдней Маньчжуріи, дорога, по которой китайцы могутъ рано или поздно начать серьезныя военныя дѣйствія по тѣмъ же побужденіямъ, по которымъ Петръ Великій стремился къ Азову и Петербургу, и, пожалуй, съ менѣею энергіей.

Вообще, нельзя довольно сильно пожалѣть о невыгодности нашей сухопутной границы въ южной половинѣ Приморскаго края, гдѣ наши владѣнія между низовьями Тумень-улы и Суйфуна тянутся на сто верстъ полосой въ одинъ или два перехода ширины. А соотвѣтственно этому нельзя довольно часто напоминать о томъ, что *при каждомъ удобномъ случаѣ, т. е. при всякихъ переговорахъ съ Китаемъ, намъ нужно стараться перемѣнить здѣсь пограничную черту отнесеніемъ ея къ сѣверо-западу*. Впрочемъ это можно сказать и про все протяженіе государственнаго рубежа въ Суйфунскомъ округѣ. Уже на Сунгачѣ и Хангаѣ, составляющихъ самый естественный водной путь съ Усури въ южные порты, намъ грозитъ рано или поздно появленіе китайцевъ, которые не только сдѣлаютъ конкуренцію въ судоходствѣ и въ рыбныхъ промыслахъ, но и могутъ прервать наши сообщенія. Что же касается бассейна Суйфуна, то здѣсь китайцы, владѣя не только сосѣднею Нингутаю, но и обоими склонами хребта, отдѣляющаго ее отъ рѣки Суйфуна, могутъ, въ случаѣ войны, произвести, съ выгодой для себя и почти безъ опасности, наступательное движеніе въ тылъ всѣмъ нашимъ приморскимъ поселеніямъ и самому Владивостоку. Не забудемъ, что Китай теперь не тотъ, что былъ въ 1859 году, а лѣтъ черезъ

десять или пятнадцать онъ будетъ имѣть массы хорошо вооруженныхъ и обученныхъ войскъ, вмѣстѣ съ значительнымъ флотомъ.

3) *Конфигурацію Татарскаго пролива.* Известно, что этотъ проливъ у мыса Лазарева суживается до семи верстъ, что здѣсь проходитъ единственный фарватеръ къ устью Амура и что, слѣдовательно, тутъ истинный ключъ какъ въ этой рѣкѣ, такъ и къ соседнему Сахалину. А потому, безъ сомнѣнія, мѣстность у мыса Лазарева должна быть укрѣплена, и притомъ въ связи съ лежащею на противномъ берегу пролива мѣстностью у Погоби. Укрѣпленія же, предполагавшіяся у мыса Чнырраха, въ устьяхъ Амура и позади бара въ 12 футахъ, по справедливости нужно считать стратегическою ошибкою, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что онѣ стоили бы дорого, а значеніе могутъ имѣть развѣ лишь такое же, какъ воздвигнутыя въ 1854 г. береговыя батареи въ Петербургѣ, защищавшія его съ той стороны, откуда нападеніе было всего менѣе возможно.

Исходя изъ этихъ общихъ соображеній, мы можемъ теперь оцѣнить и состояніе нашихъ силъ въ Приморскомъ краѣ, которыя имѣютъ слѣдующіе размѣры:

А) *Военно-сухопутныя* три батальона, четыре постовыя и мѣстныя команды, одна конная сотня, 6 горныхъ орудій и одна крѣпостная артиллерійская рота, въ суммѣ около 3,700 чел. По крайней растянутости квартирнаго расположенія частей и по большому числу инженерныхъ и другихъ работъ, лежащихъ на солдатахъ, строевое образованіе ихъ притомъ далеко несовершенно. Сосредоточеніе въ случаѣ военныхъ дѣйствій затруднительно.

Интендантское довольствіе войска Приморскаго края получаютъ большею частію изъ Кронштадта, т. е. вкругъ свѣта, при чемъ напр. мука обходится до 14 р. с. пудъ; частію изъ Иркутска (комиссаріатскія вещи), частію, наконецъ, отъ мѣстныхъ жителей, именно отъ крестьянъ на Ханкаѣ и на Суйфунѣ. Провіантскіе магазины находятся: въ Николаевскѣ, на Чныррахѣ, въ де-Бастри, въ Ольгѣ, на Ханкаѣ, въ д. Суйфунской, въ Владивостокѣ и въ Новокіевскомъ. Артиллерійскіе и инженерные запасы, очень незначительные, имѣются въ Николаевскѣ и въ Ново-Кіевскомъ.

В) *Морскія силы и средства* по свѣдѣніямъ за мартъ 1872 года представлялись въ слѣдующемъ видѣ:

1) *Сибирская флотилія* подъ начальствомъ главнаго командира Сибирскихъ портовъ, который есть вмѣстѣ и военный губернаторъ Приморской области, по морской части впрочемъ не зависящій отъ командующаго войсками Восточной Сибири.

С у д а.	Маш. силъ.	Орудій.	Офицер.	Нижн. чин.
Клиперъ Абрекъ	300	7	11	150
Транспортъ Маньчжуръ . . .	150	4	11	105
» Японецъ	300	10	11	118
Шхуна Востокъ	40	6	7	40
» Алеутъ	40	—	7	37
» Фарватеръ	—	—	3	13
» Ермакъ	60	4	7	46
» Тунгузъ	60	4	7	46
Лодка Моржъ	80	6	6	84
» Горностай	80	6	6	84
» Соболю	80	6	6	84
» Нерпа	60	5	4	57
Пароходъ Америка	140	8	10	88
» Амуръ	100	—	4	31
» Суифунъ	20	—	1	7
Барказъ Надежда	16	—	—	4
» Пальво	10	—	—	4
» Кятъ	12	—	—	4
Баржа Горбуша	—	—	—	7
» Кета	—	—	—	7
Ботъ Куегда	—	—	1	9
» Суифунъ	—	—	1	9
Итого на 22 суд.	1,548	66	101	1,038

Кромѣ того въ флотиліи причислены слѣдующія суда, принадлежащія специальнымъ вѣдомствамъ, но имѣющія экипажи изъ моряковъ, т. е. изъ состава того же Амурскаго экипажа, къ которому принадлежатъ и чины Сибирской флотиліи:

Инженернаго вѣдомства.	Телеграфнаго вѣдомства:
Пар. Вуксиръ. 45 с. 1 оф. 7 матр.	Пар. Телеграфъ. 35 с. 2 оф. 16 матр.
» Польза . 45 » 1 » 7 »	» Гонецъ . ? » 1 » 7 »
» Успѣхъ . 45 » 1 » 7 »	» Часовой . 15 » 1 » 7 »
	» С. орожъ . 15 » 1 » 7 »
	» Усури . . ? » 2 » 18 »

Намонецъ слѣдующія суда, бывшія до 1871 г. въ составѣ Сибирской флотиліи, нынѣ переданы Товариществу Амурскаго Пароходства:

П а р о х о д н ы :			
Лена	40 силъ.	Сунгача	40 силъ.
Зен.	40 >	Усури	40 >
Ононь.	30 >	Ген. Корсаковъ. . .	70 >
Ингода	30 >	Константинъ . . .	100 >
Чата	40 >		

Стоимость всѣхъ исчисленныхъ судовъ простирается свыше 2¹/₂ мил. рублей. Они большею частию куплены готовые за границу; но барказъ Пальво сполна сдѣланъ въ Николаевскѣ, а лодки Сивучъ и Нерпа строятся тамъ; пароходы же Константинъ, Телеграфъ, Часовой, Гонецъ, Сторожъ, Усури въ Николаевскѣ собирались. Вообще тамошнее механическое заведеніе, нынѣ переносимое во Владивостокъ, въ состояніи исполнять всякаго рода пароходостроительныя работы, ибо имѣетъ паровой молотъ, мастерскія литейную, котельную и пр.; только въ матеріалахъ оно нуждается; именно, желѣзо, мѣдь, цѣнные канаты, веревки, парусина, краски и пр. доставляются обыкновенно изъ Бронштадта или, частью, изъ портовъ Британскаго канала. Дерево и смола — мѣстныя.

2) Для доставки грузовъ морское министерство, подобно военному, имѣетъ особаго подрядчика, въ лицѣ С.-Петербургскаго купца Паллизена, съ которымъ заключены два контракта: на перевозку провіанта (въ 1872 г. до 22,000 пуд.) и на перевозку адмиралтейскихъ грузовъ, т. е. якорей, канатовъ, желѣза, мѣди и пр. (въ 1872 г. до 31,000 пуд.). Стоимость доставки опредѣляется вѣсомъ отправляемыхъ грузовъ, считая 90 к. съ пуда до Владивостока и Николаевска, причемъ еще Морское вѣдомство уплачиваетъ 10% со стоимости грузовъ за ихъ страхованіе (въ 1872 г. стоимость грузовъ = 157,000 р. с.). Въ 1873 году истекъ срокъ контракту съ Паллизономъ о провіантѣ, а потому для привлеченія новыхъ участниковъ въ дѣлѣ перевозки грузовъ въ Приморскую область было сдѣлано предложеніе Русскому Обществу Пароходства и Торговли; но дальнѣйшія подробности этого дѣла неизвѣстны.

3) Эскадра Тихаго океана состоитъ обыкновенно изъ 5 судовъ, въ 1,500 силъ, съ 50 орудіями, и подчиняется особому адмиралу, не состоящему въ вѣдѣніи сибирскихъ началъ. Назначеніе ея конечно въ наступательныхъ дѣйствіяхъ на случай войны, но при надобности она можетъ оказать содѣйствіе и оборонѣ Приморскаго края.

Приведенныя здѣсь данныя о нашихъ военно-сухопутныхъ и морскихъ силахъ показываютъ, что силы эти не вполнѣ соотвѣт-

ствуютъ положенію, которое Россія должна занимать на Тихомъ океанѣ вообще, и въ частности міровому значенію Приморскаго участка. Такая недостаточность объясняется главнѣйше финансовыми затрудненіями нашими послѣ Восточной войны и колебаніями мѣстныхъ начальствъ въ выборѣ и оцѣнкѣ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ. Успѣшная оборона края, при такихъ средствахъ, становится нѣсколько затруднительной, а что до наступленія, то оно возможно развѣ лишь къ сторонѣ Хунь-чуня.

Источники.

Laprousse: Voyage autour du monde.

Шренк: «Физическая географія Сѣверо-японскаго моря» 1869.

Пржевальскій: «Путешествіе въ Усурійскій край» 1870.

Будницъ и Петрович: «Описаніе лѣсовъ Усурійскаго края», въ Зап. Сиб. От. Р. Г. Общ.

Романовъ: Описанія окрестностей залива де-Кастри и залива Посьета.

Венюковъ: «Усури и пути отъ нея къ морю».

Lindau: «Voyage autour du Japon».

Adams: «Travels of a Naturalist in Japan and Manchuria».

Камковъ: «Обзоръ залива Петра Великаго», въ Морскомъ Сборникѣ 1871.

Бурачекъ: «Воспоминанія амурскаго морскаго», въ томъ же журналѣ, вообще содержащемъ въ себѣ много данныхъ о Приморскомъ краѣ.

Людоговскій: «Статистическія свѣдѣнія о Приморской области», въ отчетѣ комиссіи генералъ-адъютанта Сколкова, 1870.

Хопаткинъ и Басинъ: Свѣдѣнія о минеральной производительности края.

Васильева: «Гавань Св. Ольги», въ Изв. Р. Г. Общ. 1872.

Палладій: Письма изъ Южно-усурійскаго края въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества.

Карты: *Шварца*, юго-восточной Сибири; *Генеральнаго Штаба Восточной Сибири*, Южно-усурійскаго края; морскія изданія нашимъ адмиралтействомъ по описанію *Вибкина* и другихъ, съ планами портовъ и устья Амура; *Камкова*, карта залива Петра Великаго.

Третій участокъ: Амуръ и Усури.

Положеніе и предѣлы пограничнаго пространства.

Восточная часть средней Азіи, въ широтахъ между 42 и 54°, въ топографическомъ смыслѣ представляетъ четырехугольникъ, богатый равнинами, но обставленный отовсюду горами, именно: съ сѣвера Становымъ хребтомъ, съ запада Большимъ Хинганомъ, съ юга Чаньбошанемъ и съ востока Сихота-алинемъ. Горы эти, за исключеніемъ Чаньбошанскихъ, невысоки; но онѣ оставляютъ одинъ свободный выходъ изъ четырехугольника къ сторонѣ моря, именно прорывъ Амура чрезъ прибрежный хребетъ близъ Николаевска; со всѣхъ же прочихъ сторонъ обнимаютъ внутреннее пространство, подобно закраинамъ какого-нибудь плоскаго сосуда, впрочемъ съ неровнымъ дномъ. Этотъ сосудъ и есть бассейнъ Амура, котораго южная часть принадлежитъ Китаю, а сѣверная Россіи.

Общее протяженіе водоема Амура, ниже прорыва этою рѣкою Большаго Хингана у Стрѣлки, составляетъ 24,500 кв. миль; изъ нихъ въ нашихъ предѣлахъ, т. е. на лѣвомъ берегу Амура и на правомъ Усури, находится 11,320 миль, приче́мъ пограничная черта съ Маньчжуріею по обѣимъ рѣкамъ, до устья Сунгачи на югѣ, составляетъ 2,315 верстъ. Бассейны же рѣкъ, образующихъ Амуръ, т. е. Шилки и Аргуни, по справедливости, не принадлежатъ къ описываемому пространству, такъ какъ и въ административномъ, и въ экономическомъ, и даже въ военномъ смыслѣ они тѣсно связаны съ Забайкальемъ и, слѣдовательно, входятъ въ составъ Халкасскаго участка.

Вслѣдствіе малой населенности и даже пустынности нашихъ владѣній на Амурѣ, отсутствія сухопутныхъ дорогъ внутри ихъ и отрѣзанности амурскаго бассейна отъ бассейновъ Лены и Охотскаго моря, можно было бы также, при обзорѣ амурскаго участка, ограничиться узкою полоскою вдоль рѣкъ Усури и Амура, которая одна можетъ имѣть значеніе театра войны. Но для того, чтобы эта по-

лоса не являлась оторванной отъ мѣстностей, которыхъ она составляетъ непосредственное продолженіе, мы рассмотримъ здѣсь всю сѣверную половину амурскаго водоема, а также и страну къ востоку отъ Усури до береговаго хребта.

Обширный край этотъ былъ, въ теченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій, предметомъ самыхъ разностороннихъ ученыхъ изслѣдованій, а потому при описаніи его можно скорѣе жаловаться на подавляющее изобиліе матеріаловъ, чѣмъ на ихъ недостатокъ. Но за всѣмъ тѣмъ необходимо присовокупить, что очень многіе отдѣлы физической географіи, этнографіи и статистики страны представляются въ видѣ далеко неудовлетворительномъ, и эту неудовлетворительность легче всего характеризовать словами, что не достаетъ всего, что требуетъ многолѣтнихъ наблюденій (напр. климатологія) и изслѣдованій (рудныя богатства) или трудовъ безпристрастныхъ и независимыхъ по своему положенію специалистовъ, которые, обнявъ однимъ взглядомъ напримѣръ всѣ экономическіе вопросы по Амурскому краю, дали бы на нихъ обстоятельныя отвѣты.

Математическая географія края основывается, главнымъ образомъ, на трудахъ Шварца, Рашкова, Пешурова и Гамова и нѣкоторыхъ другихъ наблюдателей-астрономовъ. Какъ астрономическія работы, такъ и съемки сосредоточиваются преимущественно въ самыхъ долинахъ Амура и Усури, въ сторонѣ отъ которыхъ есть лишь нѣсколько маршрутовъ, опирающихся на рѣдкія астрономическія точки. Есть мѣстности, напримѣръ на востокъ отъ Усури и нижняго Амура, между Хунгари и Софійскомъ, гдѣ карта страны чертится либо по распросамъ, либо по атласу Данвиля. Долины многихъ большихъ рѣкъ, въ томъ числѣ Гырина, Хунгари, Дондона, Кура, Хоро, Нимани, еще не были ни разу осмотрѣны нашими съемщиками, и вообще вся точная топографія страны только въ будущемъ.

Число астрономическихъ опредѣленій, не считая іезуитскихъ, которыя уже не принимаются въ расчетъ нашими картографами, хотя по временамъ очень хорошо сходятся съ новѣйшими данными, простирается до 57.

Изъ съемокъ наиболѣе важны инструментальныя вдоль по Амуру и Усури, а затѣмъ глазомерныя по Зеѣ, Силинджѣ, Бурѣ и Амгуни. На Амурѣ мѣстами сдѣланы даже примѣры *); но такой лоц-

*) Особенно подробно между Николаевскомъ и моремъ.

манской карты, какъ напримѣръ карта Лян-цзе-кына, сдѣланная англичанами послѣ 1860 года, наша великая рѣка еще не имѣется. Въ замѣнъ того, нѣкоторые мѣста суши, напримѣръ окрестности селеній, сосѣднихъ Благовѣщенску, сняты съ большою подробностью, такъ какъ нужно было обозначить границы крестьянскихъ земель. Большихъ межевыхъ работъ на Амурѣ, впрочемъ, не было, а всѣ съемки производились военными топографами, по обыкновеннымъ правиламъ для употребленія мензулы и буссоли.

Въ составъ изображаемаго, такимъ образомъ, амурскаго пограничнаго пространства входятъ: 1) область Амурская, ограниченная на сѣверѣ Становымъ хребтомъ, на юго-западѣ Амуромъ и на востокѣ условною чертою между устьями Усури и верховьями Удн,—сполна; 2) уѣзды или округа Софійскій и Николаевскій Приморской области, и 3) Усурійскій край, гдѣ вдоль рѣки Усури находятся земли мѣстнаго казачьяго баталіона, а страна къ востоку отъ нея навывается иногда Усурійскимъ округомъ, все Приморской же области. Границы всѣхъ этихъ административныхъ единицъ между собою вообще не опредѣлены, и только вдоль рѣки Амура извѣстно съ точностью, гдѣ кончается одна область или округъ и начинаются другіе. Губернаторы областей живутъ: Амурской въ Благовѣщенскѣ, Приморской въ Владивостокѣ. Центръ управленія амурскими казаками въ Благовѣщенскѣ же, а усурійскими въ станицѣ Казакевичевой.

Топографія.

Знаменитый географъ Риттеръ вѣрилъ, что береговыми утесами у Японскаго моря среднеазиатское нагорье сразу падаетъ въ морскую бездну, и что такимъ образомъ бассейнъ Амура составляетъ лишь одну изъ частей этого нагорья или, по крайней мѣрѣ, террасу его. Семеновъ, въ русскомъ переводѣ риттеровой Азіи, развилъ эту мысль въ томъ смыслѣ, что амурскій водоемъ образуетъ не одну плоскую террасу, а цѣлый рядъ уступовъ, которыми нагорная Гоби ниспадаетъ въ Тихому океану и на восточныхъ краяхъ которыхъ тянутся меридіональные хребты: Большой Хинганъ, Дуссе-алинь и Сихота-алинь. Въ наше время нѣтъ возможности принимать эту теорію, потому что долина рѣки Амура и самое русло его нигдѣ не представляютъ рѣзкихъ уступовъ, которые обнаруживались бы хоть порогами и стремнинами, если не водопадами, какъ то видимъ на Рейнѣ, Нилѣ, Ніагарѣ и пр. Напротивъ, на

сколько можно доверять гипсометрическими опредѣленіями вдоль Амура и Усури, а также свѣдѣніямъ о свойствахъ теченія Сунгари и Нени, весь бассейнъ амурскій имѣетъ одну слабую и очень постепенную покатость съ запада на востокъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что уровень Шилки у Нерчинска не превосходитъ 1,700 ф.

Уровень Амура у впаденія Зеи . . .	791 >
„ „ „ Буреи . . .	621 >
„ „ „ Сунгари . . .	545 >
„ озера Ханка	659 >
„ Усури при устьѣ Нимани . . .	614 >
„ „ „ Бикини . . .	544 >
„ „ „ Хоро . . .	508 >
„ Усури и Амура у Хабаровки . .	456 >

И такъ, на первыхъ 1,200 верстахъ Амуръ падаетъ не болѣе 991 фута, т. е. по 8 дюймовъ на версту; на остальныхъ 1,700 верстахъ это паденіе еще медленнѣе, именно по 4 дюйма на версту и притомъ весьма постепенно, такъ что никакихъ *внезапныхъ скачковъ* нѣтъ. Оттого и исключительная быстрота теченія его въ хинганскихъ «цѣвахъ», т. е. въ ущельѣ, доходящая до 10 верстъ въ часъ, объясняется только суженіемъ русла, но не сильною наклонностью дна рѣки. А затѣмъ, разсматривая страну въ цѣломъ ея протяженіи, мы можемъ сказать, что вродѣ нами тутъ одна большая плоскость, наклонная къ востоку и нѣсколько погнутая въ срединѣ, такъ что отдѣльныя ея части, кромѣ то, покаты: сѣверная отчасти къ югу, а южная къ сѣверу. Эти второстепенныя покатости мѣстами гораздо круче главной; но за то онѣ короче ея. Притомъ, слѣдя за теченіемъ сѣверныхъ притоковъ Амура, напри-мѣръ Зеи, не трудно убѣдиться, что ея долина падаетъ быстро только вблизи Отановаго хребта, дающаго начало рѣкѣ; по нивоямъ же послѣдней страна становится почти совершенно горизонтальною.

Но на этой двояко-наклонной плоскости разсыяны довольно многочисленныя горныя кражи, которые сильно видоизмѣняютъ общій видъ почвы и, придають амурскому водоему видъ далеко отличный отъ того, что мы видимъ напримѣръ въ совершенно равнинномъ бассейнѣ Волги. Амурскій край становится, благодаря этимъ поднятіямъ почвы, страной нерѣдко весьма гористою. Горы здѣсь могутъ быть сгруппированы въ слѣдующія системы:

1) Система *Онимосаго* хребта, на сѣверѣ, отъ истоковъ Амазара до Охотскаго моря. Главный хребтъ этой системы служитъ водо-

раздѣломъ Амура и Уды отъ Алдана и Лены и идетъ почти вдоль параллели $55\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв., слегка лишь уклоняясь то къ югу, то къ сѣверу. Вѣчно-снѣжныхъ горъ въ немъ неизвѣстно; но высокіе голцы, т. е. обнаженные каменные вершины, нерѣдки. Сланы его поросли густыми лѣсами, большею частью лиственничными, и отъ того отличаются большою влажностью почвы и множествомъ ключей, которые даютъ начало мощнымъ лѣвнымъ притокамъ Амура и правымъ Лены. Становой хребетъ и прилегающая къ нему страна представляютъ такую пустынную и отдаленную отъ государственной границы мѣстность, что описывать ихъ въ подробности нѣтъ никакой нужды. Довольно сказать, что перевалы черезъ хребетъ изъ бассейна Амура въ водоемъ Лены встрѣчаются нерѣдко, но вездѣ весьма неудобны по причинѣ каменистой и болотистой почвы. Изъ нихъ два приобрѣли историческую извѣстность, именно съ Нюжи, притока Олекмы, на Урку, притокъ Амура, и съ Утама, принадлежащаго къ водной системѣ Алдана, на Бранту, текущую въ Зею. Но какъ эти, такъ и всѣ другіе проходы для сообщеній, по крайней мѣрѣ постоянныхъ и правильныхъ, между нашими поселеніями по Амуру и Ленѣ не служатъ, и по нимъ лишь изрѣдка перебираются съ южнаго склона хребта на сѣверный бродячіе якуты и тунгузы.

Нѣсколько большаго вниманія, чѣмъ самый Становой хребетъ, заслуживаетъ цѣпь кряжей, параллельныхъ ему, но лежащихъ южнее на $1-2^{\circ}$ широты, гдѣ, вѣроятно, на долгое время, будетъ сѣверный предѣлъ для амурской колонизаціи. Начало это цѣпи можно считать у истоковъ Нивера и Ольдоя, а конецъ между Охотскимъ моремъ и низовьемъ Амура. Въ пространствѣ между устьями Гилуя и Ура она пересѣкаетъ Зею, и такимъ образомъ отдѣляетъ котловину ея верховій отъ обширной зее-силинджинской равнины, которая тянется до самаго Амура. Названіе хребта на правомъ берегу Зеи есть *Тукурунтра*; по съ переходомъ на лѣвый оно измѣняется въ *Джунду*, подъ которымъ кряжъ и служитъ водораздѣломъ между Силинджою, Бурсею, Амгунью съ одной и Удой и Тугиромъ съ другой стороны. Близъ верховій Силинджи и Тугира пересѣкается онъ приходящимъ съ юга Мало-Хинганскимъ хребтомъ, и тутъ, повидимому, лежатъ высшія точки системы, такъ называемый *Ямъ-аминь*. Далѣе къ востоку хребетъ понижается, и хотя среди его еще есть довольно значительныя массивы, какъ напримѣръ хребты *Кизунъ* и *Меочанъ*, но въ общемъ даже характеръ правильной горной цѣпи пропадаетъ, а вся страна представ-

лнеть сильно взволнованную почву, которой окраины скалисты къ сторонѣ Охотскаго моря и падаютъ медленными покатостями къ р. Амгуни, озеру Орель и низовьямъ Амура.

2) *Большой Хинганскій хребетъ* пересѣкается Амуромъ между Стрѣлкою и Ольдосемъ, т. е. въ самомъ началѣ великой рѣки. Онъ, большею частію, курто падаетъ къ Аргуни и Амуру; нѣзъ продольныхъ же и поперечныхъ долинъ его, имѣющихъ обыкновенно видъ узкихъ и глубокихъ падей (овраговъ), сбѣгаютъ къ обѣимъ этимъ рѣкамъ многочисленныя ручьи и рѣчки, которыхъ вершины всѣ болѣе или менѣе сходятся около большого гольца. Джагичана и сѣверныхъ отроговъ его. Въ русскихъ предѣлахъ, т. е. на дѣвомъ берегу Амура. Большой Хинганъ распадается на нѣсколько параллельныхъ и короткихъ цѣпей, которыя переходятъ въ боковыя отроги Становаго хребта. Между ними встрѣчаются края значительной вышины, именно до 5000 футовъ, которые расположены, главнымъ образомъ, между рѣками Амазаромъ и Ольдосемъ.

3) *Малый Хинганскій хребетъ* есть довольно значительная цѣпь, также пересѣкающая Амуръ, но уже въ среднемъ его теченіи, между Бурею и Сунгарі. Положеніе его оси не довольно еще опредѣлено; но вообще онъ тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, составляя водораздѣлъ въ Маньчжуріи между притоками Нонни и Сунгарі, а въ Россіи между Бурею съ одной и Куромъ и Амгунию съ другой стороны. Сколько-нибудь изслѣдованныя его части суть ближайшія къ Амуру и потомъ къ верховьямъ Амгуни. Вообще сѣжныхъ горъ въ немъ неизвѣстно, а въ частяхъ, сосѣднихъ Амуру, едва ли есть вершины, превосходящія 3,500 футовъ; но въ цѣломъ онъ сохраняетъ ту ровность поднятія, которая характеризуетъ значительныя горныя цѣпи, не исключая, конечно, появленія зубчатыхъ краевъ и пиковъ. Весь Малый Хинганъ одѣтъ великолѣпными лѣсами, обыкновенно лиственными, но часто и хвойными. При прорывѣ его Амуромъ замѣтно, что сѣверный скатъ круче южнаго; впрочемъ, по неопредѣленности положенія главной оси, трудно сказать, гдѣ именно эти скаты образуютъ гребень, отъ котораго бы можно было считать ихъ начало. Въ самомъ ущельѣ, длиною до 120 верстъ, которымъ Амуръ течетъ среди Малаго Хингана, находится устье значительной рѣчки Уй, которой долина очевидно раздѣляетъ всю систему горъ въ предѣлахъ Маньчжуріи на двѣ параллельныя цѣпи. Но на русской сторонѣ Амура этого раздвоенія нѣтъ. Съ удаленіемъ отъ Амура къ сѣверо-востоку, Малый Хинганъ пускаетъ столько вѣтвей на западъ и на востокъ,

что схватить общія топографическія черты этихъ мѣстностей, весьма мало притомъ извѣстныхъ, пока невозможно.

Черезъ Малый Хинганъ пока не устроено, въ нашихъ предѣлахъ, ни одной дороги, не только колесной, не даже и вьючной. Отъ этого долина Амура рѣзко распадается здѣсь на двѣ части, верхнюю и нижнюю, которыхъ сообщеніе можетъ быть всегда прервано тѣмъ, кто владѣетъ хинганскимъ ущельемъ.

4) Горы *Чаятинъ* наполняютъ часть пространства на востокъ отъ малаго Хингана, между этимъ хребтомъ и нижнимъ Амуромъ, распадаясь на многіе отроги, нигдѣ однако не достигающіе большой высоты. Впрочемъ, онѣ почти вовсе не изслѣдованы, и только спуски ихъ къ сторонѣ Амура и Амгуни нанесены на карту съ нѣкоторою точностью. Видъ этихъ спусковъ къ Амуру, ниже Гырина, гдѣ ими обставлена съ сѣверо-запада вся амурская долина, какъ непрерывнымъ валомъ, заставляетъ предполагать, что здѣсь скорѣе предъ нами край одного большого плоскогорья, чѣмъ системы краевой, образованныхъ отдѣльными послѣдовательными поднятіями. Отроги этого обширнаго, хотя невысокаго, массива или плоскогорья, размытаго рѣками, почти всюду доходятъ до Амура, Амгуни и низовой Гырина, стѣсняя долины всѣхъ этихъ рѣкъ. Но на западѣ, между Чаятиномъ и Малымъ Хинганомъ, лежитъ уже страна болѣе ровная и мѣстами даже столь плоская, что среди ея образовались обширныя озера Чучагирь, Эворонъ и нѣсколько меньшихъ. Этотъ типъ плоскости, почти совершенно горизонтальной, свойственъ, впрочемъ, всему краю по лѣвому берегу Амура, отъ самаго устья Кура до окрестностей Николаевска. И въ самой долинѣ рѣки озера весьма многочисленны, а иногда довольно обширны, какъ напримѣръ Оджанъ, Убалъ, Кизи, Када, Удилъ, Чанъ, Чилиха, Чля и Орель, которыхъ поверхность лежитъ почти на одной высотѣ съ уровнемъ рѣчныхъ водъ. Чаятинскія горы составляютъ по этой плоскости какъ бы обширную насыпь или плагу въ родѣ Усть-Урта на арало-каспійской низменности, но не безплодной, а покрытой густымъ лѣсомъ и мѣстами утѣнчанной отдѣльными пиками.

Высоты на югъ и западъ отъ Гырина и на юго-востокъ отъ Малаго Хингана, ограничивающія съ сѣвера обширную равнину по Амуру, Кимнину и Куру, на нѣкоторыхъ картахъ изображаются какъ отроги одного большого горнаго массива, *Ванды*, прилегающаго къ Малому Хингану. Но эта орографія кажется сомнительною: скорѣе здѣсь можно видѣть повтореніе того же явленія, что и въ

странѣ на сѣверъ отъ Гирина, т. е. на Чаятинѣ, именно, что эта мѣстность есть плоскогоріе, нарытое рѣками, которыя и текутъ въ весьма разнородныхъ направленіяхъ, чего бы не было, если бы надъ этой мѣстностью господствовала какая-нибудь рѣзко выдающаяся горная цѣпь. Вообще, и здѣсь топографическія изслѣдованія еще очень несовершенны.

5) Хребетъ *Сихота-алинь*, отдѣляющій бассейны нижняго Амура и Усури отъ Японскаго моря, описанъ уже, на сколько онъ извѣстенъ, при обзорѣ Приморскаго участка. Но здѣсь стоитъ упомянуть о его западныхъ развѣтвленіяхъ или отрогахъ, которые наполняютъ широкое пространство до Амура и Усури. Начиная съ сѣвера, эта отроги суть: а) хребетъ *Вуизи*, между верховьями Тумджи и Амуромъ ниже впаденія Хунгари, гдѣ онъ, вѣдѣтъ съ противоположащими отрогами Чаятина, стѣсняетъ амурскую долину до ширины всего нѣсколькихъ верстъ; б) хребты *Сарку*, *Ходжанъ* и *Леонъ*, южнѣе Хунгары, между ею и Дондономъ, также доходящіе своими отклонами до Амура; в) хребетъ *Хезиуръ*, упирающійся въ Усури и Амуръ при слияніи ихъ, самый длинный изъ всѣхъ и достигающій высоты 3,000 футовъ. Онъ отдѣляетъ усурійскій водоемъ отъ правой половины нижеамурскаго и, быть можетъ, образуетъ отдѣльную горную цѣпь, перпендикулярную къ Сихота-алиню и упирающуюся въ море на югъ отъ Императорской гавани. г) Горы *Аомъ*, *Абдерн*, *Ситсу*, *Гуранъ* и *Фефи*, ограничивающія усурійскую долину съ востока, между Бикинью и Хоро, причемъ ближайшіе къ Бикини массивы суть самые высокіе. е) Сосѣднія имъ на югъ горы *Сумуръ* и *Цифаку*, отдѣляющія долину Бикини отъ долины Нимани. Всѣ послѣднія горы, начиная отъ Аомскихъ, служатъ восточной окраиной усурійской долины, въ то время какъ на западъ ее ограничиваютъ отроги *Кентей-алиня*. Южнѣе Нимани первый отрогъ Сихота-алиня, проникающій до береговъ Усури, встрѣчается лишь у впаденія въ послѣднюю Кубурхи; но потомъ, чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ береговые увалы все чаще и чаще приближаются къ руслу Усури, пока, близъ устья рѣки Воинго, горные отроги не замкнутъ его съ обѣихъ сторонъ.

Ототъ краткій и сухой орографическій очеркъ можно было бы оживить и осмыслить, если бы пополнить выводами геологическими относительно давно прошедшихъ временъ, когда, безъ сомнѣнія, почва Амурскаго края имѣла другой видъ, другое строеніе. Но, въ сожалѣнію; геологическія изслѣдованія въ этой странѣ почти-что не

начинались. Самое известное по этой части сочинение, Шмидта, есть не болѣе, какъ слабый, почти гадательный очеркъ геологін Амура, который даже возбуждаетъ немало недоумѣній, если сравнить его съ другими изслѣдованіями по тому же предмету: Пермикина, Аносова, Маака и пр. Шмидтъ далъ, на своей геологической картѣ амурскаго водоема, такое широкое развитіе однѣмъ древнѣйшимъ, кристаллическимъ, породамъ, что формациі осадочныя у него составляютъ почти исключеніе, и притомъ относятся только къ тремъ эпохамъ: юрской, мѣловой и третичной, какъ будто до начала первой изъ этихъ эпохъ Амурскій край стоялъ одинокой, каменистой пустыней, въ которой не было ни рѣкъ, ни озеръ, гдѣ могли бы образоваться осадки палеозойскіе и вторичныя. О наслоеніи осадочныхъ формациі вблизи кристаллическихъ горныхъ осей, опредѣляющей геологическій возрастъ хребтовъ, нѣтъ и рѣчи, какъ о предметѣ совсѣмъ неизслѣдованномъ. Поэтому, вмѣсто геогностическаго обзора описанныхъ выше горныхъ системъ, приходится обратиться снова къ топографіи, именно къ описанію равнинъ и долинъ, чтобы строеніе почвы столь важной для Россіи окраины было, по возможности, выяснено.

Три главныя низменности встрѣчаются на пространствѣ Амурскаго края: зее-бурейнская, средне-амурская и хангайская. Изъ нихъ послѣдняя доселѣ сохранила по срединѣ озеро, тогда какъ въ двухъ первыхъ озера исчезли и мѣсто ихъ заняли обширныя прѣсноводныя осадки, въ видѣ травянистыхъ и лѣсистыхъ равнинъ. Самая большая есть *зее-бурейнская*, которая начинается у выхода рѣки Зен изъ горъ, выше устья Ура, и тянется къ югу до Благовѣщенска и къ юго-востоку до станицы Пашковой, обнимая низовья Силинджи, Томи, Завитой, Бурей и проч., и распространяясь даже на маньчжурскій берегъ Амура. Приблизительно ея площадь можно опредѣлить въ 1,600 квадратныхъ миль, на которыхъ свободно можетъ быть поселено два милліона жителей, которые найдутъ все, что нужно для правильной и безбѣдной осѣдлой жизни. Другая, еще болѣе пышная, равнина есть средне-амурская, за Мало-Хинганскимъ хребтомъ, по низовьямъ Сунгари, Кимнота, Усури и Кура, почти до устья Дондона. Она менѣе предѣлущей, потому что имѣетъ ширину лишь отъ 70 до 100 верстъ; но за то заключаетъ въ себѣ необозримыя пространства превосходныхъ луговъ и лѣсовъ. Если же среди ея и встрѣчаются небольшія озера и болота, то съ развитіемъ культуры почва, безъ сомнѣнія, осушится въ нужной степени, а болота дадутъ въ результатѣ залежи чернозема и торфа.

О *хангайской* равнинѣ, собственно, говорено уже при описаніи приморскаго участка; здѣсь нелишнее повторить, что она въ культурномъ отношеніи еще выгоднѣе расположена, чѣмъ двѣ предыдущія, и не менѣе ихъ обширна; но по крайне низменному положенію своему, особенно на югѣ отъ Хангаля и по рѣкѣ Сунгачань, представлять больше затрудненій къ обращенію ея въ цвѣтущій земледѣльческій и промышленный край.

Кромѣ трехъ названныхъ обширныхъ равнинъ, Амурскій край имѣетъ еще цѣлый рядъ низменныхъ площадей, въ видѣ озерныхъ и рѣчныхъ долинъ. Изъ первыхъ назовемъ: на крайнемъ сѣверо-востокѣ водоемъ озеръ Чля и Орель, лѣсистый и болотистый, затѣмъ долины озеръ Мачба, Убана, Чукчагира и Эворона — почти тѣхъ же свойствъ. Изъ рѣчныхъ долинъ заслуживаютъ вниманія амурская, верхнезейская, усурійская и амгунская.

Рѣка Амуръ, какъ извѣстно, образуется изъ Шилки и Аргуни, двухъ равномошныхъ, судоходныхъ потоковъ, которые сливаются у такъ-называемой Стрѣлки, противъ станицы Покровской. Здѣсь амурское русло имѣетъ въ ширину 220 сажень, при глубинѣ болѣе трехъ сажень и при значительной быстротѣ теченія. Но, несмотря на быстроту и на массу воды, которая стремится по рѣчному ложу вескомъ и въ лѣтній разливъ, долина рѣки въ этомъ мѣстѣ очень узка. Къ правому берегу Аргуни и Амура даже вплоть прилегаютъ крутые обрывы Большаго Хингана, и на лѣвомъ остается узкая береговая полоса, едва въ полверсты шириною. Такой характеръ амурская долина сохраняетъ до самаго устья Нивера и даже почти до Албазина. Рѣка здѣсь постоянно въ одномъ руслѣ, и если встрѣчаются небольшіе острова, то они узкими полосами жмутся къ тому или другому берегу, но нигдѣ не дробятъ рѣки на протоки одинаковой ширины. Отъ того плаваніе здѣсь по Амуру очень удобно. За Албазиномъ видъ мѣстности измѣняется. Вмѣсто высокихъ и часто скалистыхъ горъ, къ рѣчному ложу подступаютъ лишь второстепенные горные отроги, и самая долина между ними становится шире, до нѣсколькихъ верстъ. Отъ того рѣка, при значительной быстринѣ, дѣлается извилистою и верѣдко дробится на два и на три протока, какъ, напримѣръ, выше Албазина, близъ станицъ Байтоновской, Ольгиной и другихъ. Тамъ, гдѣ она всею массою воду ударяется въ одинъ изъ береговыхъ уваловъ, обыкновенно происходитъ развитіе береговыхъ скалъ и образованіе галыхъ утесовъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ Цаганъ, въ 12 верстахъ ниже Ермаковой станицы. Здѣсь известковая гора, вышиною

до 400 футовъ, такъ обмыва водою Амура, что представляетъ, по дугѣ въ $1\frac{1}{2}$ версты длиною, почти отвѣсный обрывъ, отъ котораго вода стремительно отражается, образуя водоворотъ, требующій внимательности при плаваніи на плоскодонныхъ судахъ. Нѣчто подобное встрѣчается верстахъ въ 25 ниже Кумари, гдѣ также береговая скала уперлась въ рѣчное русло и, стѣснивъ его, произвела быстрину, отъ которой суда должны удалиться къ противоположному (лѣвому) берегу. Наконецъ у станицъ Казавичевой и Корсаковой къ берегамъ Амура подходить съ обѣихъ сторонъ крутыя и довольно высокія горы, повидимому принадлежащія къ системѣ Илѣ-ури-алиня, и рѣка, извиваясь среди нихъ для отысканія выхода, образуетъ двойную кривизну улусомодонскую, за которою еще около 50 верстъ течетъ между скалистыми и высокими увалами въ одномъ руслѣ и почти по прямой линіи. За станицею Вибннковой увалы постепенно удаляются то отъ одного, то отъ другаго берега, и наконецъ у Благовѣщенска пропадаютъ совсѣмъ.

При прорывѣ черезъ Малый Хинганъ, Амуръ вовсе не имѣетъ долины, а течетъ по ущелью, такъ что на лѣвомъ берегу, т. е. въ нашихъ предѣлахъ, находится едва одна небольшая площадка, гдѣ построена деревня Раддева; на маньчжурской сторонѣ такая же площадка лежитъ при устьѣ рѣки Уй, имѣющей впрочемъ свою долину, перпендикулярную къ Амуру и, слѣдовательно, продольную по отношенію къ мало-хинганской цѣпи.

Нижняя часть Амурской долины представляетъ сначала, по выходѣ рѣки изъ сплошной низменности, какъ бы отрывки этой послѣдней, отдѣляясь отъ нея перпендикулярными къ рѣкѣ краями и образуя котловины, въ родѣ Вѣвской. Эти котловины даже отчасти выполнены озерами (Оджалъ, Евво); рѣка же среди нихъ разбилась на многочисленныя протоки съ весьма тихимъ теченіемъ, какъ бы въ доказательство, что и тутъ прежде были совершенно стоячіе, горизонтальныя водоемы. Такъ течетъ Амуръ на 270 верстъ ниже Усури, пока отроги, съ одной стороны Сихота-алиня, а съ другой Чаятына, не обращаютъ вновь его долины въ такъ-называемую трубу, т. е. узкую полосу земли между крутыми увалами. Этотъ послѣдній видъ долина имѣетъ почти до Софійска, за которымъ она быстро расширяется, очевидно опять на мѣстѣ бывшаго озера, отъ котораго Кизи, Када и Удыль, быть можетъ, составляютъ остатки. Рѣка образуетъ здѣсь обширный архипелагъ острововъ, котораго общая длина около 60 верстъ, а ширина 20 верстъ. Количество воды въ Амурѣ однако такъ велико, что, несмотря на такое

раздробленіе русла, всё главнѣе его рукава судоходны. У деревни Кадо рукава эти сходятся снова въ одинъ мощный потокъ, который и стремится къ сѣверу, вдоль уваловъ праваго берега, образованныхъ хребтомъ Сихота-алинемъ. У деревни Тырь увалы выступаютъ даже въ русло рѣки и заставляютъ ее на время повернуть къ западу; но слѣдующій вскорѣ затѣмъ притокъ Амгуни окончательно направляетъ тихія воды Амура на востокъ, къ морю, котораго онъ и достигаетъ у мысовъ Табахи и Пронте, пройдя сначала для себя ложе между горами сѣверной части хребта Сихота-алиня, на протяженіи около 60 верстъ. Ширина рѣки выше Николаевска 900 сажень, при глубинѣ достаточной для самыхъ большихъ военныхъ судовъ. У мыса Чинпраха, въ 12 верстахъ ниже города, эта ширина уже болѣе 1,200 сажень, а у мыса Пронте, гдѣ начинается море, шесть верстъ. Всѣ облегающія низовья Амура горы покрыты лѣсомъ, лиственничнымъ и отчасти березовымъ; но къ сторонѣ Охотскаго моря онѣ, напротивъ, или безлѣсны совсѣмъ, или покрыты мелкимъ хвойнымъ кустарникомъ, едва прикрывающимъ снѣгу, каменистую и министую почву.

Долина верхней Зеи и притока ея, Гилуя, представляетъ продолговатую отъ запада къ востоку котловину, изъ которой есть одинъ выходъ, на югъ, по узкой пади, имѣющей характеръ ущелья. Изрытая многочисленными рѣчками и лежащими промежду ихъ отрогами хребтовъ Становаго, Тукурангры и Джунду, она во многомъ напоминаетъ котловину верхняго Енисея на югѣ отъ Саянскихъ горъ, но съ тою разницею, что гораздо богаче ея лѣсами. По своему суровому климату, обусловленному положеніемъ подъ 55° широты, на вѣроятной высотѣ болѣе 1,200 футовъ надъ моремъ и въблизи самыхъ холодныхъ частей восточной Азіи, она едва ли когда станетъ густо населенною. Очень возможно впрочемъ, что здѣсь, не безъ выгоды для себя, водворятся поселенцы-охотники, которые мало-по-малу вытѣснятъ бродящихъ теперь въ ничтожномъ числѣ тунгузовъ и якутовъ.

Рѣка Буряя, соседняя Зеѣ, почти не имѣетъ долины, потому что ложе ея, за исключеніемъ низовья, стѣснено по большей части горами. За то лежащая далѣе къ западу Амгуни орошаетъ нѣсколько широкихъ равнинъ, гдѣ есть уже постоянное, хотя небольшое населеніе самагровъ. Главныя изъ этихъ равнинъ лежатъ по среднему теченію рѣки, на высотѣ озера Чуучагира, — котораго стоить, рѣка Ольджика, впадать въ Амгунь, — а потомъ близъ устья самой Амгуни. Последняя наземность, сливающаяся на сѣверѣ съ долиною озера

Чия и Орель, представляет обширную болотистую равнину, частію поросшую лѣсомъ, частію травянистую, но вообще мало удобную для заселенія, развѣ только рыболовами и охотниками, къ которымъ и принадлежатъ мѣстные самагры и нагидальцы.

Долина Усури, между устьями Сунгачи и Амуромъ, есть одна изъ лучшихъ частей русской Азии. Несмотря на то, что горы праваго берега нерѣдко подходятъ къ самому руслу рѣки, вдоль ея, безъ большаго труда, можетъ быть проложена хорошая колесная дорога, чего, на примѣръ, нельзя достигнуть безъ значительныхъ издержекъ на верхнемъ Амурѣ или въ Хинганѣ. Главнѣйшіе береговые увалы, которые потребуютъ объѣздовъ или вырѣзки дороги въ косогорахъ, лежатъ у Цифаку, ниже Бигини, между Норомъ и Сикомъ и, наконецъ, между станцією Невельскою и Хабаровскою. Вся остальная часть долины, вѣроятно, со временемъ заселится сплошь, разумѣется за исключеніемъ мѣстъ очень низкихъ, которыя по временамъ заливаются прибылью водъ Усури. Эта прибыль водъ, дважды въ году, въ апрѣлѣ и въ іюлѣ, бываетъ весьма значительна, на примѣръ 18 и 20 футовъ, а потому въ природѣ усурійской долины есть одна особенность, которая сближаетъ ее съ нижнесунгарійскою низменностью: именно, всѣ плоскія мѣста покрыты травою и частью болотами или даже озерами, какъ всѣ возвышенности лѣсами. Почва здѣсь представляетъ мѣстами черноземъ, а мѣстами илъ и песокъ. Къ усурійской долинѣ примыкаютъ съ востока выходящія на нее долины рѣкъ Ситуху, Кубархани, Нимани, Бикини, Хоро и Кія; но долины эти, какъ и мѣстность по правымъ притокамъ нижняго Амура, Дондоку и Хунгари, мало извѣстны и представляютъ, по большей части, лѣсныя, луговые и болотистыя пустыни.

Сводя изложенныя топографическія подробности объ Амурскомъ краѣ къ однимъ общимъ результатамъ, мы видимъ, что въ странѣ этой на 11,320 квадратныхъ миль общаго протяженія, есть не менѣе 4,000 квадратныхъ миль низменностей или равнинъ. Встрѣчающіяся горы нигдѣ не достигаютъ такой высоты, чтобы онѣ могли служить важнымъ препятствіемъ сообщенію между различными частями страны, хотя устройство до колесныхъ путей потребуетъ немалыхъ трудовъ и издержекъ. Притомъ многоводныя рѣки значительно облегчаютъ сношенія и дѣлаютъ ихъ дешевыми, въ противоположность тому, что мы видимъ, на примѣръ, въ оренбургскихъ и туркестанскихъ степяхъ, гдѣ приходится прибѣгать къ перевозкѣ всѣхъ тяжестей на верблюдахъ. Почта страны всюду про-

изводительна и не только не представляет нигдѣ голыхъ степей, песчаныхъ или каменистыхъ, но покрыта сочной растительностью, въ особенности лѣсами. Эти послѣдніе, безъ сомнѣнія, занимаютъ двѣ трети всего пространства Амурскаго края, и если гдѣ разрѣжены, то лишь въ сосѣдствѣ Айгуна и Благовѣщенска. Рѣки Амуръ, Зея, Буряя, Киминь, Куръ, Гиринъ, Амгунъ, Хунгари, Усури, Бикинъ, Ниманъ и множество другихъ не только образуютъ готовые естественные пути для колонизаціи, но представляютъ и обильный источникъ для рыболовства. Словомъ, естественныя свойства Амурской страны таковы, что ее можно было бы, въ числѣ русскихъ владѣній, поставить на первомъ мѣстѣ послѣ Кавказа; но тутъ является огромная разниа въ климатическихъ условіяхъ и существенно измѣняетъ дѣло, въ невыгодѣ амурской окраины предъ кавказскою.

Климатъ и естественныя произведенія.

Первые путешественники по Амуру, плававшіе, въ 1854—1860 годахъ, почти исключительно лѣтомъ, когда естественно подѣ широтами 47—53° бываетъ тепло, были весьма склонны хвалить амурскій климатъ и приравнивать его къ климату не только средней Россіи, но даже лучшихъ частей Малороссіи, именно губерній Подольской и Кіевской. Пышная древесная зелень, клены, вязы, дубы, пробковыя деревья, дикія яблони, жасмины и наконецъ виноградъ внушали видомъ своимъ убѣжденіе, что Амурскій край, по условіямъ теплоты и влажности, не уступаетъ даже сѣверному Кавказу. Но правильныя метеорологическія наблюденія, хотя и за короткій періодъ, скоро разсѣяли это заблужденіе, и теперь мы знаемъ, что въ самомъ средоточіи русскихъ владѣній на Амурѣ, въ Благовѣщенскѣ, подѣ 50° широты, средняя годовая температура—0°, 2 P., то есть почти та же, что въ Торнео и въ Усть-Сысольскѣ, которыхъ одиѣ имена показываютъ, что тутъ сравненія возможны только съ сѣверной, а не съ средней и южной Россіей. Въ самомъ дѣлѣ, сопоставляя выводы изъ наблюденій, мы увидимъ, что средняя годовая температура равна:

подѣ 58° ш., въ Николаевскѣ .	— 2°, 1 P., въ Пензѣ .	+ 2°, 5 P.
» 51 » » Нерчин. зав.	— 3, 2 » » Саратовѣ	+ 4, 7 »
	(1,970 фут.).	
» 50 » » Благовѣщенскѣ	— 0, 2 » » Кіевѣ .	+ 5, 5 »
» 42 » » Посѣтѣ .	+ 4, 2 » » Кутаисѣ .	+ 11, 0 »

Разница повсюду отъ $4\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{2}$ градусовъ не въ пользу Амура: по сравненію же съ западною Европою она достигаетъ 8 и 10° . Столь неутѣшительный выводъ однако не такъ вреденъ въ культурномъ отношеніи, какъ можно было бы думать съ перваго взгляда, именно потому, что Амурскій край, несмотря на свою близость къ Японскому морю, пользуется климатомъ вполне континентальнымъ; т. е. при очень холодной зимѣ имѣетъ лѣто весьма умеренное и даже теплое. Такимъ образомъ, обыкновенныя хлѣбныя и другія растенія, воздѣлываемыя въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ европейской Россіи, съ успѣхомъ созреваютъ и здѣсь, несмотря на то, что Амуръ рѣдко вскрывается, особливо въ верхнихъ своихъ частяхъ, ранѣ 20 и 25 апрѣля стараго стиля, а замерзаетъ во второй половинѣ октября *). Въ Благовѣщенскѣ мы имѣемъ лѣто, т. е. время отъ начала мая по конецъ сентября, столь же теплое, какъ въ Пензѣ. А какъ дождей здѣсь выпадаетъ больше, чѣмъ въ юго-восточной Россіи, то понятно, что и урожанъ хлѣбовъ могутъ быть очень обильны, тѣмъ болѣе, что почва, въ большей части нетронутая плугомъ въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій, хранитъ запасъ растительнаго перегноя, котораго достанетъ многимъ поколѣніямъ воздѣлывателей амурской страны. Только мѣстности по низовьямъ рѣки, съ ихъ сырой и свѣжей погодой въ теченіе лѣта, не обѣщаютъ большой земледѣльческой будущности.

Холодныя зимы, во время которыхъ, напримѣръ въ Благовѣщенскѣ, январь имѣетъ среднюю температуру — $20^{\circ},4$ Р., а Николаевскъ — 19° Р., сопровождаются вездѣ на Амурѣ глубокими снѣгами. Въ Николаевскѣ снѣга достигаютъ трехъ и даже четырехъ аршинъ: на верхнемъ Амурѣ меньше, но все же и тутъ сугробы бываютъ очень велики, особенно въ оврагахъ, у опушекъ лѣсовъ и проч. Эти скопленія снѣга растаиваютъ потомъ очень медленно и тѣмъ поддерживаютъ высокій уровень водъ въ Амурѣ, и въ притокахъ его до конца мая и даже до половины іюня. Особенно глѣбые, т. е. сѣверные данники великой рѣки, Зея, Буряя, Амгунь и др., начинающіеся въ довольно высокихъ горахъ, долго питаются этою весеннею прибылью водъ, и, напримѣръ у Благовѣщенска, Зея бываетъ въ полномъ разливіи еще 8-го и 10-го іюня.

Лѣтомъ, въ наиболѣе теплое время, т. е. въ іюлѣ, вся амурская страна подвергается обильнымъ дождямъ, вслѣдствіе которыхъ рѣки

*) Рѣка Нева въ Петербургѣ вскрывается, среднимъ числомъ, 9-го апрѣля, замерзаетъ 8-го ноября.

имѣютъ вторичный разливъ, иногда, какъ на Усури, болѣе высокій, чѣмъ весной. Быстрота прибыли водъ въ это время бываетъ иногда изумительна, конечно, благодаря гористому положенію мѣстности по верховьямъ рѣкъ. Такъ, въ 1855 году, наши суда у Цагаяна въ одну ночь замѣтили прибыль воды въ Амуръ на 17 футовъ. Это обиліе дождей среди лѣта, къ сожалѣнію, не было довольно оцѣнено нашими первыми поселенцами и подвергало ихъ неоднократно неурожаемъ, особенно на Усури, въ низменной долинѣ которой посѣвы уничтожались разливами. Потому здѣсь не излишне замѣтить, что времена посѣвовъ, сѣнокоса и жатвы представляютъ на Амуръ особенности, не встрѣчающіяся болѣе нигдѣ, не только въ Сибири, но и вообще въ Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ частей Кавказа и Туркестана. Именно, здѣсь необходимо сѣнокосъ кончать до Петрова дня; недостатокъ же сѣна пополнять осенью. Посѣвы должны быть сообразены въ каждой мѣстности такъ, чтобы время жатвы не падало на дождливый періодъ. При соблюденіи этихъ условій, нѣтъ почти вѣроятности плохихъ урожаевъ, но крайней мѣрѣ на всемъ среднемъ Амурѣ и на Усури.

Для земледѣльцевъ, рыболововъ и судоплавателей важно имѣть въ виду еще одну особенность амурскаго климата. Хотя въ странѣ нѣтъ муссоновъ, тѣмъ не менѣе господствующіе вдоль Амура вѣтры суть *муссоны весною и сѣверо-муссоны осенью*. Одновременно съ ними, конечно, совершаются и другія перемѣны въ атмосферѣ, по отношенію къ теплотѣ и влажности, перемѣны, не довольно еще изслѣдованныя; но, во всякомъ случаѣ, онѣ немаловажны для земледѣлія и вообще для сельскаго хозяйства. Владѣльцы парусныхъ и гребныхъ судовъ, отчасти даже пароходовъ, должны были бы особенно заботиться объ изученіи этихъ періодическихъ вѣтровъ, такъ какъ они имѣютъ несомнѣнное вліяніе на судоходство. Нерѣдко плоскодонныя барки, плоты и мелкія лодки не могутъ отчаливать отъ пристани, пока претивный вѣтеръ, особенно низовой, не прекратится, ибо разводное имъ волненіе бываетъ очень велико. На среднемъ и нижнемъ Амурѣ, во время внезапно налетающихъ шкваловъ, даже пароходы нерѣдко отстаиваютъ на-якорѣ, пока шквалъ пройдетъ. Опасность бываетъ особенно велика, если дурная погода начнется ночью, когда для плотовъ и барокъ почти нѣтъ спасенія. Опытные плователи узнаютъ приближеніе такихъ бурь, даже безъ барометра, по особаго рода хмурости неба въ той или другой его части. Верховые вѣтры осенью сильно препятствуютъ подъему вверхъ по Амуру на парусахъ.

Климат амурской страны, умеренно-холодный и влажный, вместе съ конфигураціею почвы, обуславливаетъ и всю производительность послѣдней. Уже изъ разсматриванія карты не трудно предвидѣть: 1) что наиболѣе влажныя части страны суть ближайшія къ Японскому морю, гдѣ рѣки должны быть особенно многоводны, разливы ихъ велики и лѣто менѣе жарко, чѣмъ внутри страны; 2) что Амурская область, удаленная отъ моря, должна обладать болѣе континентальнымъ климатомъ, чѣмъ Приморская. Это такъ и есть, съ придачею того, что на характеръ растительности имѣютъ еще вліяніе положенія отдѣльныхъ мѣстностей надъ уровнемъ моря и защита ихъ хребтами отъ тѣхъ или другихъ вѣтровъ. Такимъ образомъ вообще нижній Амуръ и Усурійскій край богаче лѣсами, чѣмъ средне-амурскія низменности, и притомъ по Усури лиственные породы преобладаютъ надъ хвойными. Напротивъ, на верхнемъ Амурѣ сначала идутъ однѣ хвойныя деревья, а лиственные начинаютъ къ нимъ примѣшиваться только съ выходомъ рѣки изъ большаго Хингана, выше Албазина, и преобладаніе получаютъ не раньше, какъ послѣ прорыва отроговъ хребта Иль-ури-алина, у извилины улусомодонской. Равнины средне-амурскія и при-усурійскія нерѣдко вовсе лишены лѣсовъ, потому что разливы рѣкъ уносятъ или разрушаютъ сѣмена и ростки деревьевъ.

Огромное вліяніе лѣсовъ на колонизацію края и вообще на всю его экономическую будущность требуетъ особеннаго обстоятельнаго обзора какъ состава, такъ и протяженія ихъ. Бѣ сожалѣнію, въ послѣднемъ смыслѣ знанія наши совершенно ничтожны, такъ какъ Амурская и Приморская области имѣютъ съемки только вдоль большихъ рѣкъ, внутренность же края продолжаетъ быть почти неизвѣданной. Поэтому здѣсь остается перечислить главнѣйшія древесныя породы, встрѣчаемыя въ странѣ, особенно же тѣ, которыя годны на постройки или приносятъ плоды. Значительная часть этихъ деревьевъ вовсе не встрѣчается въ Сибирѣ, т. е. между Ураломъ и Большимъ Хинганомъ, а потому тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія.

Изъ хвойныхъ породъ первое мѣсто занимаетъ лиственница, которая почти сплошь покрываетъ приамурскія развѣталенія Большаго Хингана, широкую полосу вдоль Становаго хребта и всѣ горы на низовьяхъ Амура. Во многихъ другихъ мѣстахъ Примурья и Усурійскаго края это моцное дерево встрѣчается по горамъ, имѣющимъ влажную почву. Оно можетъ доставить богатый матеріалъ для мостовъ, свай, нижнихъ вѣнцовъ зданій, а также для кораблей,

потому что смолистая его древесина лучше всякой другой противится гниению. Сплавъ по рѣкамъ и лежаніе въ водѣ нисколько не вредитъ лиственницѣ.

Сосна составляетъ достояніе верхняго Амура, отъ Стрѣлки до Малаго Хингана, въ которомъ еще изобильна по вершинамъ горныхъ кражей. На среднемъ же Амурѣ, въ Усурійскомъ краѣ, и особенно ниже слиянія Усури и Амура, она очень рѣдка. Это показѣсть употребительнѣйшій строевой матеріалъ въ нашихъ при-амурскихъ селеніяхъ, но уже отчасти истребленный вдоль самой рѣки.

Ель и пихта имѣютъ болѣе широкое распространеніе, чѣмъ сосна, и притомъ такъ, что одна порода ели (*A. obovata*) свойственна горнымъ хребтамъ, а другая (*A. japonensis*) смѣняется ее въ средне-амурскихъ низменностяхъ, нигдѣ, впрочемъ, не образуя отдѣльныхъ лѣсовъ, а будучи перемѣшаны съ другими деревьями. Исключеніе изъ послѣдняго правила составляютъ развѣ нѣкоторые мѣста по хребту Сихота-алиню, гдѣ пихтовые и еловые деревья иногда являютъ сплошные лѣсные острова, впрочемъ небольшого объема.

Кедръ — самое великолѣпное по росту хвойное дерево Амурскаго края, нерѣдко висящее на подобіе пальмъ надъ тропическими лѣсами, свойственно какъ Большому Хингану, Становому хребту и Малому Хингану, такъ и Сихота-алиню. Обиліе орѣховъ на немъ служить, какъ извѣстно, залогомъ обилія бѣлокъ, этого главнаго предмета сибирскаго звѣроловства, и въ этомъ случаѣ амурскій кедръ (*P. mandshurica*) превосходитъ забайкальскую породу, такъ какъ его шишки очень велики. На постройки онъ употребляется рѣдко.

Въ суммѣ пять названныхъ деревьевъ, а также родственныя имъ кедровый сланецъ, можжевельникъ, тисъ и проч., составляютъ по крайней мѣрѣ половину амурскихъ лѣсовъ, если не болѣе. Пользованіе ими, очевидно, могло бы быть очень выгодно, если бы устроить правильные лѣсопильные заводы, смолокурни и проч. Къ сожалѣнію, этого ничего нѣтъ, и множество превосходнѣйшихъ деревьевъ или сгниваетъ на корню, или стараетъ при лѣсныхъ пожарахъ, которые нерѣдко при пускаемыхъ осенью и весной палахъ.

Изъ лиственныхъ породъ замѣтимъ: березу бѣлую и черную, дубъ, вязъ, ясень, орѣховое и пробковое деревья, липу, кленъ, яблони, груши, амурскую акацію, лещину, верботалъ, осину, ольху, черемуху, шиповникъ, жимолость, сирень, бузину, смородину

и множество других видовъ, свойственныхъ Европѣ и Кавказу, но иногда вовсе неизвѣстныхъ въ Азіатской Россіи. Деревья и кустарники распредѣляются по Амурскому краю слѣдующимъ образомъ:

Бѣлая береза есть достояніе сѣверной половины страны, особенно зейской и ниже-бурейской низменностей; на юго-востокѣ же отъ Малаго Хингана и по Усури она смѣняется черною или маньчжурскою березою, раскидистымъ деревомъ, съ прямымъ, но короткимъ стволомъ, нерѣдко притомъ дуплистымъ. Для мелкихъ подѣлокъ обѣ породы очень удобны, а бѣлая береза, сверхъ того, доставляетъ матеріалъ туземцамъ для ихъ оморочъ, т. е. легкихъ переносныхъ лодочекъ, также для шалашей или юртъ.

Дубъ, не встрѣчаемый во всей Сибири, появляется впервые на Амурѣ тотчасъ за выходомъ его изъ Большаго Хингана, но сначала лишь въ видѣ кустарника; большимъ же деревомъ становится на югѣ отъ Иль-ури-алия и особенно въ Маломъ Хинганѣ, по нижнему Амуру до Кизи и въ Усурійскомъ краѣ. Всюду онъ уступаетъ ростомъ европейскому дубу, и притомъ нерѣдко дуплистъ, а потому негоденъ, напримѣръ, на килевые брусья у кораблей, хотя весьма хорошъ на другія части судовъ и зданій, требующія особенной прочности. Онъ держится по низменностямъ, но особенно по слабымъ покатостямъ и невысокимъ уваламъ, свойственнымъ среднему теченію Амура и Усури.

Въ кораблестроительномъ дѣлѣ его съ успѣхомъ можетъ замѣнить во многихъ случаяхъ вязъ. Это крѣпкое дерево — которое на Амурѣ есть три породы — нерѣдко достигаетъ 7—8 сажень вышины, при толщинѣ до аршина въ діаметрѣ и при совершенной прямизнѣ ствола. Оно водится по всѣмъ лѣсамъ средне-амурской низменности и Усурійскаго края.

Ясень встрѣчается тамъ же и нерѣдко бываетъ колоссальныхъ размѣровъ, напримѣръ до полутора сажени въ обхватѣ. Особенно изобилуетъ онъ въ Усурійскомъ краѣ.

Орѣховое дерево (*Juglans mandshurica*) есть украшеніе лѣсовъ, особенно въ южной половинѣ Усурійскаго края, гдѣ оно достигаетъ 9—10 сажень высоты, при толщинѣ до аршина и при необыкновенной прямоствольности. Оно даетъ въ зрѣломъ, сухомъ вѣтвѣ, климатѣ мало плодовъ, но взамѣнъ того отличается крѣпкою древесиною и можетъ служить не только для мебели, но и для инженерныхъ работъ на большихъ корабляхъ, для устройства перегородокъ, даже капитальныхъ (лишь бы снаружъ-

ныхъ) стѣны въ домахъ, и могло бы быть предметомъ вывоза за границу, если бы основать правильную его распилку и сушку. За исключеніемъ Кавказа, орѣховое дерево, какъ извѣстно, не встрѣчается болѣе нигдѣ во всей Россійской Имперіи.

Пробковое дерево (*Phellodendron Amurense*) неизвѣстно даже на Кавказскомъ перешейкѣ, а потому составляетъ исключительную особенность Амурскаго края и преимущественно средняго Амура и Усури. Это также высокое, прямоствольное дерево съ густою верхушкою, имѣющее нерѣдко до двухъ футовъ въ діаметръ и 7—8 сажень вышины. Съ уменьшеніемъ запасовъ испанскаго пробковаго дуба и съ возрастаніемъ въ цѣломъ свѣтѣ потребности на пробки, оно также можетъ доставить выгодную статью международнаго торга.

Кленъ, нѣсколькихъ видовъ, разсѣянъ по всѣмъ лѣсамъ средняго Амура и Усури, и можетъ давать превосходный матеріалъ для издѣлій не только малаго, но и большаго размѣра, такъ какъ встрѣчаются деревья въ семь сажень вышины при соотвѣтственной толщинѣ. Тоже и лина, которая притомъ имѣетъ очень широкую область распространенія, по всему Амуру отъ Албазина до Софійска, а также по Усури. Оба вида ея, находящіеся въ край, принадлежатъ къ самымъ мощнымъ деревьямъ, вышиной отъ 8 до 9 сажень и толщиной до трехъ футовъ. Въѣствъ съ кленомъ она можетъ доставлять превосходный матеріалъ для лучшихъ сортовъ деревянной посуды и другой утвари, нужной въ домашнемъ хозяйствѣ.

Перечислять и описывать прочія деревья амурскихъ лѣсовъ: мѣстную акацію (маакію) черемуху, разнообразныя ивы, яблоны, грушу, лѣсной орѣшникъ, сирень и т. д. всего болѣе ста породъ было бы здѣсь неумѣстно; но нельзя не замѣтить, что въ числѣ этихъ древесныхъ породъ встрѣчается и виноградная лоза, которая особенно изобильна на Маломъ Хинганѣ и въ окрестностяхъ его. Въ виду того, что она и въ дикомъ состояніи приноситъ обильные плоды, и что склоны Хингана, Хехцыра и другихъ притурійскихъ горъ, особенно южныя, представляютъ всѣ условія для правильнаго воспитанія винограда, можно думать, что разведеніе его въ этихъ мѣстахъ сдѣлаетъ успѣхи, какъ только въ составъ русскаго населенія Амура появятся люди, знакомые съ дѣломъ. Очень возможно, что Амурскій край будетъ имѣть и свое вино, хотя бы въ родѣ тѣхъ простыхъ сортовъ, которые производятъ Швейцарія и которые доставляютъ мѣстнымъ жителямъ здоровый напитокъ.

токъ взаимнѣ хлѣбнаго снирта, этого опиума европейскихъ народовъ, каждый пріемъ котораго, по выраженію Либиха, есть выдача векселя на часть собственной жизни.

Многочисленныя травянистыя растенія Амурскаго края еще не на столько извѣстны, чтобы можно было сдѣлать окончательные выводы о характерѣ мѣстной флоры и о ея сходствахъ и отличіяхъ отъ растительности сосѣднихъ странъ. Но уже и то, что дознано, позволяетъ сказать, что, во-первыхъ, флора эта рѣзко отличается отъ сибирской; во-вторыхъ, имѣетъ много сходства съ сѣверо-японскою, сѣверо-китайскою и даже съ флорою сѣверныхъ приатлантическихъ штатовъ Америки *). Кроме того, особенностью ея является нахождение, среди массы растений умѣреннo-холоднаго пояса, многихъ такихъ, которые свойственны только теплымъ странамъ, какъ орхидей (14 видовъ), нелюбій и пр. Высота и сочность амурскихъ и особенно усурійскихъ травъ, по справедливости, не имѣютъ ничего подобнаго въ европейской Россіи: луговые травы въ ростъ человѣка составляютъ явленіе не только обыкновенное, но постоянное. Вслѣдствіе этого, сборъ малаго сѣна долженъ производиться задолго до созрѣванія растений, чтобы не затруднять косыбы; осенью же становятся почти необходимыми либо второй сѣнокосъ, либо палъ, чтобы на слѣдующую весну имѣть почву покрытую свѣжей травой. Гниеніе травъ, нерѣдко смачиваемыхъ притомъ дождями, служить причиною образованія чернозема, который во многихъ мѣстахъ средняго Амура и Усури имѣетъ толщину до аршина и болѣе, и благодаря которому, въ сосѣдствѣ напримѣръ Малаго Хингана, урожаи хлѣбовъ бывають самъ 20 и больше. Замѣтимъ, что въ числѣ дикорастущихъ травянистыхъ растеній Амурскаго края есть не мало лекарственныхъ, между прочимъ знаменитый жень-шенъ, китайское универсальное средство, находимое по Усури до 47¹/₂° широты. Культурную же травяную флору составляютъ: а) по верхнему Амуру, до Кумары, рожь, ячмень, овесъ, греча, картофель, капуста, огурцы, морковь, рѣдька и т. п.; б) по среднему, до Гырина, и въ Усурійскомъ крайѣ, кромѣ поименованныхъ сейчасъ, пшеница, просо, сорго, горохъ, бобы, конопля (особенно высокая), маисъ, табакъ и, мѣстами, кукуруза и тыква, но не арбузы и дыни, воздѣлываніе которыхъ

*) Изъ 848 видовъ амурской флоры, описанныхъ и принадлежащихъ только къ 117 семействамъ, Ригель насчитываетъ болѣе 160 находимыхъ въ сѣверной Америкѣ и около 240 растущихъ въ Китаѣ.

если и началось, то лишь въ сѣвѣдствѣ Ханкай. На нижнемъ Амурѣ, особенно сѣвернѣ Маринска, культурная флора ограничивается почти только огородными овощами и въ небольшомъ количествѣ овсомъ, рожью и ячменемъ.

Разнообразныя растительныя богатства Амурскаго края, здѣсь вкратцѣ описанныя, дѣлаютъ его, конечно, самую дорогую частью русско-азиатскихъ владѣній, независимо даже отъ положенія близъ Японскаго моря и въ сѣвѣдствѣ съ Маньчжуріей. Не только степныя пространства въ Туркестанѣ, въ Оренбургскомъ краѣ и въ Западной Сибири, но саміи Алтай и южныя части губерній Енисейской, Иркутской и Забайкалья, должны, безъ сомнѣнія, уступить первое мѣсто Амуру по производительности почвы и, слѣдовательно, по запасу тѣхъ средствъ, которыя для человѣка всегда будутъ основой благоденствія. Но, кромѣ пышной растительности, Амурскій край владѣетъ множествомъ другихъ естественныхъ богатствъ, по царствамъ минеральному и животному. Фауна его не менѣе многочисленна и разнообразна, какъ флора. При настоящемъ состояніи края, особеннаго вниманія, съ экономической точки зрѣнія, заслуживаютъ дикіе звѣри, которые даютъ дорогіе мѣха, а затѣмъ разнообразныя сорты рыбъ. Общее число млекопитающихъ, доселѣ найденныхъ въ странѣ, простирается до 50. Между ними вовсе нѣтъ четырехрукихъ, двутробоныхъ, беззубыхъ и, разумѣется, китоидныхъ, но очень многочисленны грызуны, пережевающие и хищныя. Изъ первыхъ назовемъ здѣсь бѣлку, водящуюся всюду на верхнемъ и нижнемъ Амурѣ, по Становому хребту и Сихоталиню, гдѣ только есть кедровыя лѣса. Она обыкновенно темносѣрой породы, и потому считается въ торговлѣ лучшею послѣ удской и олекминской, такъ что цѣна ей на мѣстѣ отъ 12 до 17 копѣекъ за шкурку. Весьма многочисленны также крысы и мыши, которыя заставляютъ туземцевъ строить амбары для храненія съѣстнаго на высокихъ столбахъ. Зайцы-бѣляки суть также представители грызуновъ, служащіе, впрочемъ, не столько охотой, сколько пищею для лисицъ и другихъ хищниковъ. Между хищными заслуживаютъ вниманія: медвѣди двухъ породъ, большой бурый и малый черный, или тибетскій — послѣдній исключительно въ Усурійскомъ краѣ; барсуки, россомахи, на верхнемъ Амурѣ; соболи повсемѣстно, но главнымъ образомъ по нижнему Амуру и въ сѣверной половинѣ Усурійскаго края, доставляющіе ежегодно отъ 22 до 25,000 шкуръ; лисицы, красная и черно-бурая, послѣдняя на нижнемъ Амурѣ; волки повсемѣстно; колояки и горностаи; рѣч-

ныя выдры, особенно по правымъ притокамъ нижняго Аму и Усури; рыси и, наконецъ, большія кошки, барсы и тигры. Послѣдніе здѣсь находятъ свой сѣверо-западный предѣлъ на азіатскомъ материкѣ и встрѣчаются, главнымъ образомъ, по Усури; на Амурѣ же только отъ Мало-Хинганскаго хребта до устья рѣки Гирина. Они питаются какъ дикими, такъ и домашними животными, и потому нерѣдко держатся вблизи человѣческихъ жилищъ, внушая справедливыя опасенія и принося серьезный вредъ. Бѣ болѣе мирнымъ обитателямъ амурскихъ лѣсовъ принадлежатъ: олень, лось, косули и кабарга, представители жвачныхъ, въ которыхъ принадлежатъ и домашнія коровы и овцы. Косули особенно многочисленны на среднемъ Амурѣ и Усури, гдѣ составляютъ предметъ охоты, а олени держатся главнымъ образомъ по верховьямъ Амура и у Становаго хребта. Въ Мало-Хинганскихъ горахъ и по окрестнымъ равнинамъ довольно многочисленны кабаны; домашнія же свиньи содержатся въ большомъ числѣ китайцами и отчасти русскими. Китайцы, кромѣ того, въ хозяйствѣ употребляютъ ословъ и муловъ, не ограничиваясь, подобно русскимъ, для перевозки тяжестей однимъ лошадыми. Коневодство на Амурѣ, особенно же на Усури, вообще незначительно.

Обиліе птицъ, 211 породъ, весьма естественно въ краѣ, богатомъ лѣсами, болотами и озерами; но до настоящаго времени, въ культурномъ отношеніи, онѣ имѣютъ мало значенія за исключеніемъ конечно, домашнихъ и тѣхъ немногихъ породъ дичихъ, которыя служатъ предметомъ охоты, именно утокъ, гусей, рябчиковъ, тетеревовъ и отчасти фазановъ. У китайскаго населенія, близъ устья Зей, особенно многочисленны домашніе гуси и утки; русскіе же, главнымъ образомъ, держатъ у себя куръ и тоже гусей. Лебеди—рѣдкость, и пухъ ихъ, какъ и вообще пухъ и перья мѣстныхъ птицъ, доселѣ не служатъ предметомъ торговли, хотя и могъ бы составлять выгодную ея статью. Взамѣнъ этого пренебреженія къ пернатому населенію своихъ луговъ и лѣсовъ, приамурскіе жители обращаютъ особенное вниманіе на рыбъ, которыхъ Амуръ и его притоки содержатъ нѣсколько десятковъ породъ. Нижній Амуръ особенно знаменитъ осетрами, бѣлугой, ~~бѣлугой~~ ^{бѣлугой}, кутушей, кзтой и саванами; на среднемъ, вмѣстѣ съ ними, ловятся стерлядь, сомы и разныя мелкія породы. Но особымъ богатствомъ и разнообразіемъ рыбъ отличается усурійскій бассейнъ. «Усури, съ своими притоками и озерами, говоритъ Маакъ, представляетъ такое изобиліе рыбъ, такое бываетъ только въ немногихъ водахъ. Не говоря уже о без-

численномъ множествѣ кѣты, заходящей сюда ежегодно изъ озера, воды эти необыкновенно богаты и такой рыбѣй, которая живетъ въ нихъ круглый годъ. При плаваніи нашемъ по Усури, мы часто бывали очевидцами, какъ рабочіе, ходя въ бродъ черезъ каналы, которыми рѣка соединяется съ сосѣдними озерами, налавливали въ нѣсколько минутъ 30—40 большихъ рыбъ *руками*. Но изумительнѣе всего было изобиліе рыбы при истокѣ Сунгачи изъ озера Ханкал, гдѣ, въ первой половинѣ августа, солдаты ловили ее, за неимѣніемъ сѣтей, просто мѣшками, и гдѣ она безпрестанными вслесками производила шумъ. Рыба, дѣйствительно, составляетъ главную пищу амурскихъ туземцевъ, которые ловятъ ее то острогой, то желѣзными крючьями безъ приманки, то, въ рѣдкихъ случаяхъ, сѣтями. Русскіе ввели на Амурѣ верши и невода и, конечно, не могутъ жаловаться на недостатокъ улова, особенно по низовьямъ этой рѣки и по Усури. Гольды и другіе туземцы дѣлаютъ большіе запасы рыбы на зиму, и какъ соль у нихъ дорога, то они пойманную лѣтомъ рыбу пластаютъ и вяжутъ на солнцѣ, а потомъ складываютъ въ амбары. Для собакъ тѣ же туземцы притворяютъ множество юкколы, т. е. рыбы квашеной или также вяленой, но изъ мелкихъ породъ.

При обиліи рыбы, мѣстные амфибіи, черепахи, не составляютъ предмета промысла для амурскихъ жителей, да и встрѣчаются онѣ только на среднемъ Амурѣ, отъ Сунгари до Усури, и потомъ по этой послѣдней рѣкѣ, гдѣ особенно многочисленны. Другія пресмыкающіяся, змѣи, лягушки и ящерицы, и того менѣе обращаютъ на себя вниманіе амурскаго населенія, особенно въ виду того, что изъ нихъ только гадюка, водящаяся на Усури, ядовита. Змѣи, впрочемъ, довольно многочисленны въ Мало-Хинганскомъ хребтѣ и потомъ вдоль Усури.

Насѣкомыя и другія низшія животныя доселѣ не имѣютъ никакого культурнаго значенія на Амурѣ, если исключить разведеніе пчелъ нѣкоторыми крестьянами въблизи Благовѣщенска и въ другихъ мѣстностяхъ. За то въ дикомъ состояніи нѣкоторые изъ насѣкомыхъ, именно комары и слѣпни, являются истиннымъ бичомъ какъ самаго населенія, такъ и принадлежащихъ ему домашнихъ животныхъ. Всѣ приамурскіе земледѣльцы, отправляясь лѣтомъ изъ дому на сѣновозъ, на рыбную ловлю или въ лѣсъ, вынуждены надѣвать сѣтки отъ слѣпней и мошки днемъ, отъ комаровъ вечеромъ. Эти насѣкомыя служатъ важною причиною вѣнуренія рабочаго скота въ мору, новадимому, самыхъ лучшихъ кормовъ, и

нерѣдки случаи, что они своими непрерывными ужалъніями причиняютъ смерть лошадямъ и другому скоту. Китайцы, взаимно сътокъ, употребляютъ противъ нихъ куреніе трутомъ, который прикрѣпляютъ около лба на проволоку, охватывающей голову; но это средство очень несовершенно, потому что спасаетъ отъ комаровъ и мошекъ только лицо, а не шею и руки, обыкновенно искусиваемыя у рабочаго народа до самаго конца августа.

Органическая природа амурскаго края была предметомъ весьма обширныхъ ученыхъ трудовъ Шренка, Максимовича, Маака, Радде, Герстфельда, Будничева, Петровича и другихъ. Она поэтому вообще известна теперь съ достаточною подробностію. Но въ дѣлѣ изученія неорганической мы ушли еще весьма недалеко, и не только по отношенію къ геологін, но даже просто по вопросамъ о петрографическихъ свойствахъ горныхъ породъ и о содержащихся ими рудныхъ богатствахъ. Выше уже было упомянуто о неудовлетворительности геологической карты Шмидта, которая даетъ только смутныя свѣдѣнія о распространеніи трехъ-четырехъ формаций и совершенно почти игнорируетъ химическій ихъ составъ. Петрографическія карты Маака и Пермыкина отчасти пополняютъ этотъ недостатокъ, но крайней мѣрѣ по отношенію къ собственно-амурской долинѣ; но онѣ слишкомъ поверхностны, чтобы по нимъ можно было сдѣлать какіе-либо выводы о геогностическомъ строеніи даже однихъ береговъ Амура. А потому все, что можно замѣтить въ настоящемъ случаѣ, это обширное распространеніе въ край палеозойскихъ образований и такъ называемыхъ плутоническихъ породъ, т. е. сланцевъ глинистаго, слюдянаго и хлористаго, гранитовъ, порфировъ, сіенита и афанита. Но это широкое развитіе древнихъ формаций не исключаетъ и новѣйшихъ породъ, отъ базальтовъ и лавъ до наносовъ песка, ила и глины. Вотъ самыя общія свѣдѣнія о ихъ распространеніи собственно въ долинахъ Амура и Усури. Древнія кристаллическія и сланцеватыя породы встрѣчаются при прорывѣ Амуромъ Большаго Хингана, по обѣ стороны Амазара. Къ нимъ, на востокъ, прилегаютъ обширныя наслоенія конгломератовъ и песчаниковъ, тянущихся до станицы Кузнецовой. Въ этихъ формацияхъ, на сѣверѣ отъ Амура, найдены золотоносныя россыпи. Затѣмъ сланцы развиты около извилины улусомодонской, въ увалахъ праваго берега Амура, выше Благовѣщенска, въ Маломъ Хингаѣ, въ увалахъ праваго же берега между Сунгари и Усури, въ Хецырѣ, въ горныхъ хребтахъ между Дондономъ и Хунгарі и ниже, до Гиріна, откуда начинается песчаникъ и потомъ афанитъ. Во

всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, кромѣ послѣдней, они прорваны гранитами и порфирами, а потому заставляютъ предполагать нахожденіе металлическихъ рудъ. На Усури древнія формации развиты, главнымъ образомъ, въ средней части ея теченія, отъ Нимани до Сима, гдѣ впрочемъ, вѣроятно, есть и новѣйшія почвы, среди которыхъ находятся великолѣпные обломки окаменѣлыхъ деревьевъ. Новыя огненные породы, т. е. базальты и лавы, несомнѣнно встрѣчаются въ хребтѣ Сихота-алинѣ, а затѣмъ по Амуру въ Чагынскихъ горахъ, у Сахача, ниже Хехцэра, у станицы Буссовой и, главное, выше и ниже Кумары, т. е. въ системѣ Иль-ури-алиня, гдѣ вулканическая дѣятельность, повидному, прекратилась лишь очень недавно, такъ какъ еще въ XVIII вѣкѣ случилось огненное изверженіе вблизи Мергена, что, впрочемъ, много южнѣ Кумары. Обширное распространеніе имѣютъ на Амурѣ и Усури наносы изъ песку, ила и глины, которые образуютъ почву низменностей зее-буреинской, среднеамурской, сунгачанской и всѣхъ другихъ, вѣроятно еще въ недавнія геологическія эпохи бывшихъ дномъ прѣсноводныхъ озеръ, въ родѣ канадскихъ или олонекскихъ.

Рудныя богатства Амурскаго края едва начинаютъ разслѣдываться. Самыя замѣчательныя изъ изслѣдованій, произведенныя съ цѣлью отысканія золота и увѣнчались уже успѣхомъ: на одномъ верхнемъ Амурѣ, по рѣкамъ Ниверу, Ольдою, Урани и Бургали, а также по Джалиндѣ, принадлежащей къ системѣ Ура, притока Зен, открыто до двадцати-трехъ приисковъ, и изъ нихъ на двухъ производятся разработки, доставившія въ 1869 г. 101 пудъ золота. Другое минеральное богатство амурской страны, едва ли не менѣе важное для него чѣмъ золото, составляетъ желѣзо, отысканное въ Маломъ Хинганѣ, по рѣкѣ Самарѣ, въ 40 верстахъ отъ впаденія ея въ Амуръ у станицы Пузиновой. Красный желѣзнякъ здѣсь содержитъ до 70% желѣза. Тотъ же металлъ, безъ сомнѣнія, находится во многихъ горахъ праваго берега Усури, гдѣ рѣчки приносятъ иногда органическіе остатки, пронизанные желѣзомъ. У горы Уотзая, выше Хунгари, на правомъ берегу Амура, желѣзо составляетъ примѣсъ мышьяку, который, сколько извѣстно, доселѣ не разрабатывается нигдѣ въ Россійской Имперіи, а тутъ находится въ изобиліи. Наконецъ весьма важно знать, что на Амурѣ во многихъ мѣстахъ встрѣчается каменный уголь, даже въ открытыхъ береговыхъ увалахъ. Такъ выше Зен, мы находимъ его въ Чагаинѣ и близъ деревни Игнатьевой. Затѣмъ выше и ниже Буреи онъ встрѣчается въ песчанникахъ по правому берегу Амура, гдѣ наши

поселенцы ломать и жертвовый камень. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, впрочемъ, уголь принадлежитъ къ третичнымъ и юрскимъ, т. е. къ лигнитамъ, и потому, по крайней мѣрѣ вблизи выхода на поверхность земли, можетъ доставить лишь посредственный материалъ для топлива. Горная смола показывается въ береговыхъ утесахъ Амура, ниже Кумары; алебастръ и мраморъ найдены по Зеѣ, въ 250 верстахъ отъ устья ея, а обыкновенный известнякъ встречается вблизи Кумары и Улусомодона, въ Маломъ Хинганѣ и пр. Около села Вятскаго, на нижнемъ Амурѣ, найдена хорошая горшечная глина, давшая уже возможность основать гончарный заводъ.

Средства сообщенія.

Разнообразіе естественныхъ произведеній въ разныхъ частяхъ Амурскаго края, также его сосѣдство съ Маньчжуріею и Японскимъ моремъ, придаютъ особую цѣну природнымъ сообщеніямъ по судоходнымъ рѣкамъ страны. Эти пути, безъ сомнѣнія, долго еще сохранять свое преобладающее значеніе надъ дорогами, которыхъ устройство и не легко въ иныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Большомъ и Маломъ Хинганѣ по гористому положенію, а на нижнемъ Амурѣ по многочисленности болотъ. Потому и скажемъ прежде всего о рѣчныхъ путяхъ. Главная и чрезвычайно важная, въ экономическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, водная линія есть самый Амуръ, съ притокомъ Усури и потомъ Сунгаечю. Общая длина этого пути достигаетъ 2,400 верстъ и можетъ быть раздѣлена, по свойству рѣкъ, въ судоходномъ отношеніи, на слѣдующіе участки:

1) Отъ Усть-Стрѣлки до Благовѣщенска, 816 верстъ, гдѣ плаваніе удобно только для судовъ съ тремя футами осадки и довольно сильной машиной, ибо на пространствѣ отъ Албазина до ст. Черилевой, особливо же у ст. Бейтоновской, есть мѣста, гдѣ рѣка разбивается на протоки широкіе, но вмѣщающіе въ малую воду не болѣе четырехъ футовъ глубины. Впрочемъ, выше Албазина, до Стрѣлки могли бы ходить и большія суда; но ихъ очевидно не стоитъ имѣть, потому что и рѣки Аргунь и Шидка, по которымъ идетъ путь далѣе въ западу, въ Забайкалье, не отличаются глубиною. Изобиліе лѣсовъ, по крайней мѣрѣ между Стрѣлкой и Улусумодономъ, обеспечиваетъ, на всемъ этомъ участкѣ, легкую

добычу пароходами топлива, которое и продается отъ 2 р. до 2 р. 50 к. за сажень дровъ.

2) Отъ Благовѣщенска до Хабаровки, 950 верстъ, на которыхъ Амуръ, за исключеніемъ 150 верстъ въ Маломъ Хинганѣ, течетъ по лутовымъ стенамъ, размывая мягкіе свои берега, и потому отъ времени до времени перемѣняя русло. Плаваніе здѣсь очень удобно для всѣхъ судовъ съ осадкою восьми футовъ и менѣе; теченіе рѣки тихое, и только въ Маломъ Хинганѣ достигаютъ семи узловъ въ часъ, при огромной глубинѣ рѣки, отъ 40—48 футовъ. Такъ какъ на этомъ тысячеверстномъ пространствѣ сосредоточена главная часть приамурскаго населенія русскаго и китайскаго, то, конечно, здѣсь и удобства для навигаціи, а также число пассажировъ и грузовъ, больше чѣмъ гдѣ либо на Амурѣ; но дрова обходятся дороже, а каменный уголь на пароходахъ не употребляется, да и жителями не разрабатывается. — Въ Благовѣщенскѣ пароходы, здѣсь плавающие, обыкновенно останавливаются и передаютъ свои грузы на верховыя суда меньшаго размѣра, сами же возвращаются въ Хабаровку и далѣе въ Николаевскъ. Само собою разумѣется, что на этомъ послѣднемъ переѣздѣ, т. е. за Хабаровкою внизъ по Амуру, они не встрѣчаютъ никакихъ затрудненій для плаванія, ибо здѣсь фарватеръ рѣки годенъ и для морскихъ судовъ, какъ доказало еще въ 1855 году плаваніе пхунъ «Востокъ».

3) По Усури и Сунгачѣ, 628 верстъ; судоплаваніе очень удобное, ибо большую часть лѣта рѣки эти полны водою; но, разумѣется, нужны знаніе рѣчнаго русла и поворотливые, т. е. недлинные пароходы, потому что извилистое теченіе, особливо на Сунгачѣ, дѣлаетъ плаваніе на длинныхъ весьма неудобнымъ. Осадка въ три фута есть нормальная для усурійскихъ судовъ; машины же могутъ быть слабыя, такъ какъ теченіе обонѣхъ рѣкъ тихое. Дрова для топлива въ большомъ изобиліи. Самая навигація продолжается здѣсь 20 и 30 днями долѣе, чѣмъ на верхнемъ и нижнемъ Амурѣ. Со временемъ, вѣроятно, на устьяхъ Нимани установится перегрузка съ большихъ пароходовъ на легкіе, которые могутъ ходить какъ на Сунгачу, такъ и вверхъ по самой Усури и притоку ея Добиху, верстъ на 200 выше станицы Графской.

Къ этому главному, во всѣхъ отношеніяхъ первостепенному, государственному водяному пути примыкаютъ побочные, которые можно перечислить въ слѣдующемъ порядкѣ:

Рѣка Зей судоходна по крайней мѣрѣ на 450 верстъ отъ устья, т. е. до впаденія въ нее Ура, а вѣроятно и выше, если только ущелье по обѣимъ сторонамъ устья Гилуя не содержитъ подводныхъ камней и большихъ стреминъ. Притоки ея, Силинджа, Гилуй, Урь, Тогда, Томь, также судоходны на многіе десятки верстъ отъ ихъ устій, особенно Силинджа, по которой довольно большія рѣчныя лодки могутъ подниматься вверхъ верстъ на 150 безъ затрудненій. На всѣхъ этихъ рѣкахъ, для удобства судоплаванія, нужно однако расчистить русла отъ карчей, которыя многочисленны. Тогда, безъ сомнѣнія, по системѣ Зей откроется водныхъ путей до 800 верстъ, кромѣ силанскихъ рѣкъ, образующихъ верховье ея, напримѣръ Тока, Брянты и проч.

Бурей вполнѣ выгодна для судоходства только въ нижнихъ частяхъ, и не по недостатку воды, а по быстротѣ, извилистости теченія и по тѣснотѣ долины, которая никогда не будетъ вмѣщать въ себѣ столь густаго населенія, какъ ниже-зейская и амурская. Лѣвый притокъ Бурей, Тирма, можетъ составить хорошій путь для сплава лѣса изъ Мало-Хинганскихъ горъ, когда большія деревья станутъ рѣже встрѣчаться на самомъ Амурѣ. Общее протяженіе бурейнскаго водянаго пути во всякомъ случаѣ едва-ли превзойдетъ 350 верстъ.

Рѣки Киминь, Уньма, Куръ и Гыринь, текуція въ Амуръ слѣва, судоходны каждая отъ 120 до 170 верстъ, т. е. въ суммѣ по 600 верстъ, конечно для судовъ небольшого размѣра. При этомъ изъ Гырина можно проникать въ большое озеро Эверонъ или Самагское, которое, въ свою очередь, лежитъ недалеко отъ овера Чукчагира, принадлежащаго къ водной системѣ Амгуни. Самая рѣка Амгунь судоходна по крайней мѣрѣ на 250 верстъ; но періодъ навигаціи по ней очень коротокъ, именно до 145 дней.

Хунгари и Дондонъ, притоки Амра справа, имѣютъ вѣроятно по 120 верстъ судоходнаго русла каждый, но требуютъ очистки отъ карчей. По нимъ можетъ быть сплавляемъ великолѣпный строевой лѣсъ съ хребтовъ Сихота-алиня и Хехцира.

Усурійскіе притоки, Хоро, Бикинь и Нимань, всѣ многоводны; но къ судоплаванію удобны только низовья Нимани, съ притокомъ Акули, вѣроятно верстъ на 100 каждая, да Бикинь на 140—150 верстъ, пока быстрота теченія и множество наноснаго лѣса не помѣшаютъ предѣла движенію судовъ. Рѣка же Хоро совсѣмъ не годится для плаванія, ибо она чрезвычайно быстра даже при самомъ устьѣ, и по ней сами туземные рыболовы ходятъ лишь въ

небольших челнокахъ, упираясь, при движеніи вверхъ, шестами, такъ какъ лѣсистые берега не позволяютъ идти бичевой; о веслахъ же нечего и думать. Рѣки Симиъ, Абдери, Сипху, Кубурха, Ситуху, текущія въ Усури справа же, суть хорошіе сплавные пути, а Добиху, ея лѣвый притокъ, даже судоходенъ верстъ на 120 отъ устья. Въ сумиѣ, усурійскій бассейнъ, въ русскихъ предѣлахъ, содержитъ не менѣе 1,000 верстъ хорошаго водянаго пути.

Итакъ, на 11,320 квадратныхъ миль протяженія Амурскаго края мы имѣемъ, по самому умѣренному расчету, до 6,560 верстъ рѣчныхъ сообщеній, принадлежащихъ притомъ къ одной системѣ, т. е. связывающихъ непрерывными линіями самые отдаленные пункты страны. Это такое условіе для развитія края, котораго мы тщетно стали бы искать на другихъ нашихъ азіатскихъ окраинахъ. Если же вспомнить, что и въ европейской Россіи нѣтъ большой рѣки, которая бы съ одной стороны вела въ *открытое море*, а съ другой притоками своими проникала въ глубь сосѣднихъ государствъ, какъ видимъ мы на Амурѣ, то, по справедливости, можно будетъ сказать, что Амуръ есть первая и важнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ рѣкъ, едва-ли не имѣющая опередить своимъ значеніемъ самую Волгу.

Выгоды этого водянаго сообщенія по рѣкамъ амурской системы уже и теперь обозначались съ совершенною ясностью на ходѣ нашей колонизаціи далекаго края; но онѣ же, повидимому, заставили насъ какъ бы позабыть до-времени необходимость сухопутныхъ дорогъ въ томъ краѣ. Такимъ образомъ, на верхнемъ Амурѣ, между станицами Покровской и Вибиковой, на 641 версту, есть только вьючный путь, часто весьма неудобный. Также и въ Маюмъ Хинганѣ, между Пашковой и Раддевой и между Союзной и Екатерино-Никольской, есть только вьючныя тропы; отъ Союзной же до Раддевы вовсе нѣтъ сухопутной дороги, и сообщенія, производящіяся вдоль рѣки зимою и лѣтомъ, вовсе превращаются въ ледоходъ. По луговымъ частямъ страны, т. е. на Амурѣ отъ Вибиковой до Пашковой (442 версты) и отъ Екатерино-Никольской до Спасской (342 версты), между призейскими деревнями и, наконецъ, по усурійской долинѣ наѣзжены сухопутныя дороги, которыя минуютъ извилины рѣкъ; но эти сухопутныя сообщенія можно назвать первобытными, такъ какъ по дорогамъ почти нѣтъ мостовъ и гатей, а между тѣмъ безъ нихъ и безъ водосточныхъ канавъ по сторонамъ нѣтъ возможности иногда переѣхать самое небольшое пространство, особливо въ дождливую пору. Безъ

сомнѣнія, мѣстныя власти въ странѣ не замедлятъ обратить вниманіе на этотъ предметъ, имѣющій первостепенную важность, и, быть можетъ, не засылая болѣе ссыльных на Сахалинъ, гдѣ имъ нечего дѣлать и гдѣ содержаніе ихъ обходится дорого, рѣшатся употребить ихъ на устройство колесныхъ путей, особливо на верхнемъ Амурѣ и въ Маломъ Хинганѣ, гдѣ средствами самихъ жителей этого достигнуть немислимо. Англійскія колоніи во всѣхъ частяхъ свѣта обязаны превосходными путями сообщеній именно этой системѣ, да и у насъ она была примѣнена, напримѣръ, при устройствѣ кругобайкальской дороги. Вспомнимъ еще разъ, что путь вдоль Амура отъ Стрѣлки есть единственный, соединяющій весь край съ остальною Россіей, и что о дорогахъ черезъ Становой хребетъ и Якутскую область нечего думать.

При самомъ почти занятіи Амура, именно въ 1859 году, возникъ проектъ желѣзной дороги отъ Софійска къ де-Кастри; но это, разумѣется, было плодомъ увлеченія, а въ настоящее время можно сказать, что если рельсовый путь устроится на Амурѣ въ теченіе XIX столѣтія, то это будетъ дорога отъ одного изъ южныхъ портовъ къ Усури, а никакъ не изъ Софійска въ де-Кастри. Въ этомъ южномъ направленіи проходить и телеграфная линія, которая уже связываетъ Владивостокъ съ Хабаровкой, а черезъ нее съ одной стороны съ Николаевскомъ, съ другой съ Благовѣщенскомъ и съ остальною Россіей. Общее число верстъ, на которыхъ протянута телеграфная проволока въ Амурскомъ краѣ, достигаетъ 4,000, и для поддержанія ея въ исправности телеграфное вѣдомство, сверхъ станцій съ обмѣновенною стражею, имѣетъ рѣчную флотилію изъ пяти пароходовъ, плавающихъ по Амuru и Усури. Важность Амурскаго телеграфа для международныхъ и внутреннихъ административныхъ надобностей объясняетъ употребленіе этого дорогаго средства, тѣмъ болѣе, что обмѣновенные рѣчные пароходы на Амурѣ — Лена, Зей, Овонъ, Ингода, Чита, Сунгача, Усури, Константинъ и Корсаковъ — не совершаютъ рейсовъ, слѣдовательно отнюдь не могли бы служить для телеграфныхъ надобностей.

Съ передачею названныхъ сейчасъ пароходовъ въ вѣдѣніе Товарищества Амурскаго Пароходства, которое притомъ имѣетъ въ виду пополнить число ихъ и установить даже судоплаваніе въ Тихомъ Океанѣ, можно надѣяться, что главнѣйшія нужды края въ правильныхъ сообщеніяхъ будутъ удовлетворены, и затѣмъ администрація, освобожденная отъ заботъ по пароходству, оста-

нётся обратить все вниманіе на устройство сухопутныхъ дорогъ. Къ сожалѣнію, въ первые годы своей дѣятельности Товарищество не всегда оправдывало эти надежды.

Населеніе.

До половины XVII столѣтія Амурскій край представлялъ обширную лѣсную пустыню, въ которой изрѣдка можно было встрѣчать бродячихъ охотниковъ-тунгусовъ. Правильныхъ осѣдлостей не встрѣчалось, за исключеніемъ небольшихъ «городковъ», построенныхъ на верхнемъ Амурѣ дахурами, и отдѣльныхъ разбросанныхъ тамъ и сямъ хижинъ ниже-амурскихъ мангунъ, гольдовъ и другихъ рыболововъ. Русскіе первые завели довольно обширныя поселенія, которыхъ жители занимались не только охотою и торговлею съ туземцами, но и воздѣлываніемъ земли. Въ 1689 году эти поселенія были однако брошены, и Амуръ снова сталъ лѣсною пустынею, кромѣ небольшого пространства близъ устья Зеи, гдѣ проницательный Ханъ-си приказалъ основать военно-земледѣльческія колоніи изъ маньчжуровъ и китайцевъ, чтобы имѣть возможность сопротивляться русскимъ въ случаѣ новаго появленія ихъ изъ Нерчинска по Амuru или изъ-за Становаго хребта по Зеѣ. Маньчжуро-китайская колонизація имѣла, впрочемъ, очень небольшіе размѣры: на лѣвомъ берегу Амурса было водворено за цѣлыя полтора столѣтія едва 10,000 душъ, на пространствѣ съ небольшимъ 60 верстъ. Масса туземцевъ, въ свою очередь, едва-ли много возрасла съ того времени, и она осталась полудиной по-прежнему. Верхній Амуръ былъ даже совсѣмъ почти пустъ, и когда въ 1854 году мы появились на этой рѣкѣ, то до самой Зеи встрѣтили лишь трехъ-четырехъ маньчжуровъ и ороchonъ; да и ниже, до выхода изъ Мало-Хинганскихъ горъ, не нашли ни одного жилья, кромѣ китайскихъ селеній, сосѣднихъ Айгуну.

При такомъ состояніи края, лишавшемъ всякой возможности вести русскую колонизацію его ходу отчасти при пособіи мѣстныхъ средствъ, весьма естественно, что первые шаги въ этомъ дѣлѣ представили огромныя затрудненія, несмотря даже на безпрепятственность занятія самой земли. Приходилось все, рѣшительно все, привозить изъ Забайкалья, Иркутска и даже изъ Европейской Россіи. Люди, домашній скотъ, земледѣльческія и другія орудія, продовольствіе на первое время, строительные матеріалы, одежда, посуда и мно-

жество других мелочей доставлялись по Шилкѣ и Амуру на пароходахъ, баркахъ и плотахъ, иногда за 2,000—3,000 верстъ отъ мѣста нагрузки и при пособіи, въ видѣ рабочей силы, не болѣе двухъ батальоновъ солдатъ. На незнакомой рѣкѣ они нерѣдко попадали въ несудоходные рукава ея и тамъ долго оставались на мели; въ бурную погоду случалось, что волны Амура разбивали или затопляли суда и плоты; скотъ по временамъ падалъ отъ утомленія и безжорницы, и, въ довершеніе всего, времени для сплава и первоначальнаго водворенія у поселенцевъ не могло никогда быть больше полугода, ибо Шилка вскрывается въ самомъ концѣ апрѣля, а въ половинѣ октября на Амурѣ появляется ледъ. Объ исправленіи какой-нибудь ошибки, упущенія, сдѣланныхъ распорядителями переселенія или самими переселенцами, въ томъ же году нечего было и думать, а приходилось ждать навигаціи слѣдующаго лѣта. Непривычный климатъ, наконецъ, дѣлалъ то, что даже водворившіеся колонисты терпѣли отъ неурожаевъ и падежей скота, не имѣя почти надежды скоро пополнить утраченное, такъ какъ базисъ колонизаціи, Забайкальская область, сама мало населена и недостаточно богата. Малѣйшее возвышеніе спроса на хлѣбъ и другіе предметы тамъ естественно поднимало на нихъ цѣны до огромныхъ размѣровъ, а нерѣдко и ни за какія деньги нельзя было достать того, что нужно переселенцу.

Энергическая дѣятельность графа Муравьева-Амурскаго въ теченіе шести лѣтъ, 1854—1860, преодоляла эти препятствія, хотя, конечно, не безъ частныхъ неудачъ и даже не безъ нѣкоторыхъ общихъ неблагопріятныхъ для колонизаціи результатовъ. Слѣдующій видъ представляла колонизаціи черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ начала ея, т. е. въ 1869 году.

1) *Казачи*, на верхнемъ Амурѣ, до Благовѣщенска, заселяли 30 станицъ, на среднемъ Амурѣ, до Усури, 37 станицъ, по Усури и Сунгачани 28 станицъ, всего 95 поселеній съ 18,519 душами. Это—переселенцы, приведенные на Амуръ обязательно, по распоряженію начальства, и занявшіе первоначально не тѣ мѣстности, гдѣ пожелали бы сами, а тѣ, гдѣ того требовалъ общій планъ колонизаціи, имѣвшій въ виду, во-первыхъ, занять возможно длинную линію по Амуру, во-вторыхъ, заселить ее равномерно, представляя будущему произвести нужныя отступленія отъ слишкомъ регулярнаго, не всегда экономически-выгоднаго, способа водворенія прішельцевъ въ новомъ краю.

2) *Крестьяне* и другое гражданское населеніе, въ трехъ груп-

пахъ, отдѣльныхъ одна отъ другой: по Зеѣ и ея притокамъ, а частію и по самому Амуру, около Благовѣщенска и въ самомъ этомъ городѣ — 42 населенныхъ пункта съ 12,779 душами; на нижнемъ Амурѣ, отъ Хабаровки до Николаевска, 40 пунктовъ съ 10,472 душами; въ Южно-Усурійскомъ краѣ 17 селеній съ 2,619 душами; всего 100 селеній съ 25,870 душами, изъ которыхъ около 3,900, въ 38 селеніяхъ по нижнему Амуру, водворены по указанію властей, прочіе же какъ добровольно пришли, такъ добровольно и расселились.

Такимъ образомъ, русское населеніе въ Амурскомъ краѣ, несмотря на отдаленность его отъ средоточія Россіи, состоитъ уже изъ 44,000 душъ, къ которымъ можетъ быть присоединено нѣсколько тысячъ солдатъ, постоянно пребывающихъ въ странѣ какъ для охраны ея, такъ и для пособія мѣстнымъ жителямъ въ ихъ трудахъ по устройству осѣдлостей. Отчисляя изъ общаго итога 2,600 душъ крестьянъ Южно-Усурійскаго края, мы получимъ, что въ рассматриваемомъ здѣсь пограничномъ пространствѣ, т. е. собственно по Амуру и до Усури до Сунгачани, все же есть 41,400 русскихъ, или такая масса, которая въ два съ половиною раза превосходитъ всѣ туземныя народности, взятыя вмѣстѣ, и позволяетъ назвать Амурскій край вполне русскимъ.

Объ экономической судьбѣ этого населенія, о его неудачномъ составѣ, о претерпѣнныхъ имъ въ первое время лишеніяхъ и о послѣдовавшемъ затѣмъ упадкѣ нѣкоторыхъ частей его нравственно и физически, не мало было говорено въ нашей литературѣ, причемъ неудачи и лишенія, вмѣстѣ съ значительными расходами правительства на амурское дѣло, приводили нѣкоторыхъ къ мысли вовсе оставить эту страну и возвратитъ водворенныхъ тамъ поселенцевъ въ Забайкальскую область. Слѣдующіе факты, собранные комиссіей генералъ-адъютанта Сколкова, гг. Пржевальскимъ, Алябевымъ и др., дадутъ однако возможность имѣть болѣе правильное и спокойное воззрѣніе на предметъ.

Земледѣліе, этотъ основной промыселъ во всякой прочно-занятою странѣ, сдѣлало уже значительные успѣхи, по крайней мѣрѣ во всей Амурской области и, какъ мы видѣли прежде, въ Южно-Усурійскомъ краѣ. Въ 1868 году оно дало:

	Пуд.	Урож.	На душу.
Въ казачьихъ станицахъ по Амуру, отъ			
Стрѣлки до Хабаровки.	472,262	5,4	36 пуд.

	Пуд.	Урож.	На душу.
Въ крестьянскихъ селеніяхъ около Благовѣщенска	394,227	5,5	42 пуд.
Въ Благовѣщенскѣ	2,165	5,7	4 »
На нижнемъ Амурѣ	20,500	2,5	2,5 »
На Усури	28,858	?	5 »

Откуда видно, что недостатокъ хлѣба встрѣчается, главнымъ образомъ, на Усури и на нижнемъ Амурѣ, и недостатокъ этотъ весьма чувствителенъ, ибо на человѣка въ годъ нужно считать до 24 пудовъ *), а не 5 или 2½ пуда. Но какъ въ Амурской области хлѣба родится съ избыткомъ, именно у казаковъ по 12 пудовъ на душу сверхъ погребнаго, а у крестьянъ даже по 18 пудовъ, то ниже-амурское и усурійское населеніе безъ большаго труда можетъ добывать продовольствіе съ верховій Амура, какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, въ 1869 году продано въ Амурской области для округовъ Усурійскаго, Софійскаго и Николаевскаго 120,000 пудовъ, что вполне покрыло ихъ недочетъ; кромѣ того верхне-амурскими казаками и крестьянами было обезпечено продовольствіе Благовѣщенска, золотыхъ приисковъ Бенардаки на Джалиндѣ (30,000 пудовъ) и инородцевъ, несѣющихъ хлѣба (10,000?), да продано до 40,000 пудовъ на винокурню купца Мокѣвскаго, близъ Благовѣщенска. Эти цифры не оставляютъ сомнѣнія, что въ хлѣбѣ Амурскій край не нуждается, если не по частямъ, то по крайней мѣрѣ въ цѣломъ объемѣ. Были даже случаи вывоза зерна изъ Благовѣщенска въ Забайкалье.

Другой основной промыселъ, *скотоводство*, находится въ менѣе удовлетворительномъ состояніи, главнымъ образомъ отъ падежей и отъ малаго числа головъ скота, привезеннаго на Амуръ при первоначальномъ его заселеніи, что обусловливалось преимущественно трудностью сплава. Однако и этотъ недостатокъ вполне чувствителенъ только на Усури и на нижнемъ Амурѣ, гдѣ, дѣйствительно, на 15,000 душъ есть не болѣе 5,600 штукъ крупнаго скота, а мелкихъ домашнихъ животныхъ, т. е. свиней, козъ, овецъ, и совсѣмъ почти нѣтъ. Что же касается до всей Амурской области, то въ ней недостатка въ скотѣ, по крайней мѣрѣ рабочемъ, не чувствуется, какъ подтверждаютъ слѣдующія цифры:

Въ 1869 г. было лошадей	11,130 шт.	по 3,2	на дворъ.
» » » » рог. скота	18,499 »	» 5,6	» »

*) 20 пудовъ на продовольствіе и 4 пуда на посылъ.

Это количество выше соответственного среднего по европейской Россіи. Но овцы и свиньи и тутъ малочисленны, вѣроятно потому, что первыя, привозимыя изъ сухого по климату Забайкалья, дурно акклиматизируются на Амурѣ, а вторыя и въ самомъ Забайкальѣ немногочисленны. Кромѣ того, жители береговъ Амура для зимней одежды имѣютъ въ изобиліи мѣха дикихъ козъ и другихъ лѣсныхъ звѣрей, а потому въ овчинахъ особенно не нуждаются.

Къ этимъ двумъ, основнымъ въ быту нашего простонародья, промысламъ на Амурѣ присоединяется еще два, и весьма выгодныхъ: *охота* и *рыболовство*. Охотою занимаются преимущественно казаки на верхнемъ Амурѣ и въ Маломъ Хинганѣ; что касается до крестьянъ, то они, пришельцы изъ малолѣсныхъ губерній Россіи, въ этому промыслу мало привычны и склонны. Нижне-Амурскіе же крестьяне, главнымъ образомъ, время свое посвящаютъ на рыболовство и огородничество, дѣлая изъ охоты лишь подспорье въ хозяйствахъ.

Такимъ образомъ, есть, по крайней мѣрѣ, четыре отрасли добывающей промышленности, которыя доставляютъ русскимъ жителямъ Амурскаго края средства существованія. Но за то промышленность перерабатывающая тамъ почти ничтожна, а на Усури слабы и самыя основныя промыслы, скотоводство и земледѣліе, почему живущіе тамъ казаки отличаются бѣдностью, апатіею и многими пороками, естественными при подобномъ состояніи. Причинами такого явленія служатъ:

1) *Обязательное водвореніе* первыхъ переселенцевъ на мѣстахъ, которыя выбирались не ими самими и во многихъ случаяхъ оказались неудобными для осѣдлой земледѣльческой жизни. Такъ, на нижнемъ Амурѣ и на Усури первоначально, въ 1859—60 годахъ, нѣкоторые селенія расположены были въ равнинахъ, заливаемыхъ полою водой, вслѣдствіе чего погибали посѣвы, скотъ и вообще имущество. Такъ и на верхнемъ Амурѣ нѣкоторыя станицы оказались востроенными столь низко, что ихъ затопило въ 1872 году. Исправленіе этого рода ошибокъ всегда стоило дорого казнѣ и еще болѣе колонистамъ, изъ которыхъ, напримѣръ, жившіе на нижнемъ Амурѣ, между Сбфійскомъ и Хабаровкою, должны были потомъ уходить на Ханкай и въ Ольгинскую гавань, т. е. за 1,200 верстъ отъ мѣстъ перваго водворенія и вверхъ по рѣкѣ Усури. А между тѣмъ, они, прежде прибытія на Амуръ, странствовали два года черезъ всю Сибирь и не менѣе года употребляли на устройство себѣ осѣдлостей, распахку земель и проч.

2) *Переселеніе штрафныхъ солдатъ*, произведенное въ 1859—60 годахъ, въ видахъ удаленія изъ европейской Россіи порочныхъ нижнихъ чиновъ и доставленія новому краю рабочихъ рукъ. Это безсемейное, развратное, тунеядное и давно отвыкшее отъ сельскихъ трудовъ населеніе прославлено на Амуръ подъ именемъ «сынковъ» и составило огромную тягость какъ для правительства, которое вынуждено было его кормить въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ и для переселенцевъ семейныхъ, которымъ оно назначалось въ помощь. Лишь очень немногіе изъ этихъ людей приносятъ пользу новому краю знаніемъ кое-какихъ ремеслъ.

3) *Изминившая бережливость въ средствахъ на колонизацію*. На Кавказѣ, гдѣ почва и климатъ столь благодатны и гдѣ поселенцы приходили всего изъ-за 800—1,000 верстъ, правительство давало имъ, за Кубанью, на каждую семью около 160 рублей деньгами и провіантъ на три года. Кромѣ того, постройкѣ жилищъ, такъ или иначе, помогали 40—50,000 солдатъ, а во всемъ нужномъ для первоначальнаго устройства сельскаго быта не было недостатка по сосѣдству населенныхъ уже и богатыхъ Черноморіи и Ставропольской губерніи. На Амуръ денегъ давали всего 25—30 рублей, провіантъ только на 14 мѣсяцевъ, рабочихъ рукъ было два баталіона, которые и сами должны были обстроиваться; запасовъ же для первоначальнаго обзаведенія, кромѣ небольшого числа инструментовъ, не было никакихъ. О помощи, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, со стороны частныхъ лицъ, т. е. торговцевъ, нечего было и думать, ибо коммерческій классъ въ Сибири очень малочисленъ, небогатъ капиталами и почти сплошь преданъ золотому промыслу или торговлѣ мѣхами, не вдаваясь въ такія обширныя и требующія затратъ предпріятія, какъ заведеніе пароходовъ, открытіе складовъ, устройство многочисленныхъ агентствъ и т. п.

4) *Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и въ рабочемъ скотѣ*. Выше уже было упомянуто, что въ помощь переселенцамъ при водвореніи употреблялось не болѣе двухъ баталіоновъ солдатъ, которые притомъ въ первую половину лѣта, ежегодно, были отвлекаемы отъ возведенія крестьянскихъ построекъ сплавами, нерѣдко приходившими на мѣста не раньше половины іюля, а затѣмъ должны были еще заботиться о жилищахъ для самихъ себя. Отъ того произошло, что въ 1857 году одиннадцать первыхъ казачьихъ деревень на верхнемъ Амурѣ еще кое-какъ обстроились до начала зимы; но въ слѣдующіе годы это стало невозможнымъ, ибо число колонистовъ и разстоянія до мѣстъ ихъ водворенія возрасли, а помощь

солдаты въ суммѣ осталась та же. Сами колонисты должны были немедленно по прибытіи на мѣста, въ іюлѣ и даже въ августѣ, косить сѣно въ запасъ на зиму, распахивать пашни и сѣять хлѣбъ, строить временные шалаши и т. д. Недостатокъ рабочаго скота, необходимость часть его употреблять въ пищу, надежи и т. п., еще болѣе увеличивали трудность устройства осѣдлостей, а плохое ихъ состояніе на первое же время породило болѣзни, общее истомленіе переселенцевъ и проч.

5) *Недостатокъ перевозочныхъ средствъ* дѣйствовалъ очень неблагоприятно на ходъ заселенія Амура. До 1858 года, можно сказать, этихъ средствъ даже вовсе не существовало, такъ какъ сплавы изъ Забайкалья производились исключительно внизъ по рѣкѣ, силою ея теченія, и притомъ въ большей части случаевъ на плоткахъ, что и было причиною медленности движенія колонистовъ къ мѣстамъ назначенія. Первые пароходы появились въ 1857—58 годахъ, въ числѣ двухъ; но они никакого содѣйствія переселенію не оказывали, ограничиваясь перевозомъ чиновниковъ и немногихъ купцовъ съ товарами. Впослѣдствіи число паровыхъ судовъ на Амурѣ и Усуреи возрасло; но помощь колонизаціи отъ нихъ, по прежнему, была невелика, такъ какъ это были суда не коммерческія, а казенныя, командиры которыхъ больше всего заботились объ избѣжаніи всякихъ случайностей съ судномъ или командой, а потому плавали медленно, грузы принимали весьма неохотно, а колонистовъ съ ихъ имуществомъ не принимали совсѣмъ. Явленіе это, по отзыву Алябьева, продолжалось и до послѣдняго времени, когда число пароходовъ возрасло до семи, не считая занятыхъ службою по вѣдомствамъ инженерному и телеграфному, и когда была установлена такса за перевозку людей и грузовъ. О какихъ-либо сухопутныхъ перевозочныхъ средствахъ, кромѣ домашняго скота самихъ переселенцевъ, не могло быть и рѣчи уже потому, что на Амурѣ нѣтъ сухопутныхъ дорогъ.

6) *Незнаніе климата* очень вредило земледѣлію, особливо на Усуреи, гдѣ, прибывшіе изъ Забайкалья, переселенцы думали, въ первые годы, располагать свои полевныя работы такимъ же образомъ, какъ въ прежнихъ мѣстахъ жительства, за что и платились утратой всего посѣяннаго.

7) *Обремененіе переселенцевъ*, и именно казаковъ, въ первое же время по прибытіи на мѣста, службою и разными натуральными повинностями; на примѣръ, возкой курьеровъ и почтъ за весьма незначительные прогоны, а войсковыхъ чиновниковъ даже безъ

прогоновъ. Эта извонная повинность особенно тяжело ложилась на селенія мелкія, гдѣ очередь къ ея отправленію для однихъ и тѣхъ же лицъ доходила весьма часто. Она одна изъ причинъ бѣдности казаковъ на Усуре, ибо мѣстная администрація должна этимъ ка-закамъ до 200,000 р. именно за возку почты и др. подобные предметы.

9) Наконецъ нельзя не указать, какъ на условіе очень неблагопріятное для развитія экономическаго быта Амурскаго края, на произволъ нѣкоторыхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу мѣстной администраціи. Такъ, бывали случаи, что эти лица отбирали у купцовъ привезенный ими на продажу хлѣбъ или скоть, обѣщая отдать въ слѣдующемъ году натурою, безъ процентовъ; случались отбирание у людей торговыхъ ихъ лодокъ, подъ предлогомъ надобностей казны, отказъ отъ заказанныхъ торговцамъ товаровъ и т. п. нелегальныя дѣйствія, отбивавшія у капиталистовъ всякое желаніе появляться въ Амурскомъ краѣ *).

Въ виду всего этого нѣтъ причинъ удивляться слабому развитію благосостоянія поселенцевъ на Амурѣ, хотя эта страна лучшая часть азіатской Россіи. Приведенныя выше цифры хлѣбной производительности и скотоводства показываютъ притомъ, что тяжелое время для этой окраины начинается уже проходить, и что жители, напримѣръ Амурской области, прочно утвердились въ своемъ новомъ отечествѣ. Особенныя надежды подають крестьяне въ окрестностяхъ Благовѣщенска, большею частью сектаторы, т. е. народъ тревный, трудолюбивый и доказавшій уже свою способность переносить русскую жизнь на самыя далекія окраины государства. Что же касается до казаковъ, то ихъ экономическаго преуспѣянія можно ожидать только тогда, когда они будутъ освобождены отъ своихъ служебныхъ обязанностей, которыхъ они въ сущности не несутъ, но которыя ставятъ ихъ подъ опеку, весьма невыгодную для всякой промышленности. Перечисленіе ихъ въ крестьяне увеличило бы и мѣстные государственные доходы, донныя почти ничтожныя.

Все число русскихъ селеній на Амурѣ и Усуре, какъ уже упомянуто, достигало въ 1869 году до 178; изъ нихъ важнѣйшими нужно считать, послѣ Николаевска и Владивостока, отнесенныхъ нами къ Приморскому участку, *Благовѣщенскъ* и *Хабаровку*. Пер-

*) Мы не говоримъ здѣсь о бывшей Амурской компаніи, которой неудачи много обуславливались и обыкновенными несчастіями.

вый — главный городъ Амурской области — лежитъ при слияніи Амура съ Зеєю на равнинѣ, противъ китайскаго селенія Амба-Сахаланъ, и имѣетъ 3,344 жителя, среди которыхъ есть нѣсколько купцовъ и значительное число сектаторовъ. Широкія улицы его довольно красивы, хотя и обстроены исключительно деревянными домами. Въ городѣ есть три церкви, также деревянные, и живутъ губернаторъ и архіерей. Торговля его не велика; однако онъ служитъ мѣстомъ отправленія хлѣба въ Приморскую область. Для пограничной торговли въ немъ устроены лавки, въ которыя китайскіе купцы ежемѣсячно привозятъ разные мелочные товары и торгуютъ тутъ цѣлую недѣлю по наступленіи новолунія, отправляясь, впрочемъ, на ночь въ деревню Амба-Сахаланъ. Хабаровка есть центръ мѣховой промышленности и вообще торговаго сѣти туземцами нижняго Амура и Усури, и имѣетъ до 867 душъ постоянного населенія, а лѣтомъ и болѣе. Въ ней устраивается механическое заведеніе Товарищества Амурскаго Пароходства. Послѣ этихъ двухъ мѣстностей изъ русскихъ селеній заслуживаютъ вниманія:

На верхнемъ Амурѣ:		Душъ.			Душъ.
Ст. Покровская, у Стрѣлки . . .	230		Ст. Инокентьевская	273	
Албазинъ, противъ устья Албазинки	471		» Раддевка	443	
Ст. Черняева	252		» Екатерино-Николаевская . . .	933	
» Кумарская, противъ Кумары.	244		» Михайло-Семеновская	366	
» Екатерининская, съ деревней			» Стенанова	333	
Марковой	574		На нижнемъ Амурѣ:		
» Игнатьева	290		Гор. Софійскъ	378	
» Верхне-Благовѣщенская . . .	338		Село Большое Михайловское . .	275	
На Зеѣ и въ сосѣдствѣ ея:			На Усури:		
Село Ивановское	1,151		Ст. Казакевича	359	
Дер. Самарская	498		» Венюкова	377	
Село Александровское, на Томѣ.	234		» Шереметева	408	
» Михайловское, на Заязтой.	322		» Лончакова	310	
На среднемъ Амурѣ:			» Графская	199	
Ст. Константиновская	653		» Верхне-Никольская	230	
» Подркова	332				

Объ умственномъ и нравственномъ развитіи при-амурскаго населенія немного можно сказать утѣшительнаго. Грамотность и школы вообще мало распространены; практическія свѣдѣнія, относящіяся къ ремесламъ, промышленности фабричной, къ торговлѣ, также. Нравственный горизонтъ большинства тѣсенъ и ограниченъ скудными начатами христіанства, понимаемаго очень неясно. Наиболѣе бодрое, въ нравственномъ смыслѣ, населеніе представляютъ крестьяне-сектаторы въ окрестностяхъ Благовѣщенска; но

и ихъ понятія весьма узки. Усурійскіе казаки славятся особливою апатичностью, тунеядствомъ и даже развратомъ. У нихъ весьма нерѣдки случаи продажи женщинъ отцами, мужьями и другими близкими родственниками лицамъ стороннимъ, особливо провѣзшимъ чиновникамъ. Пьянство также развито на всемъ Амурѣ, особливо по Усури.

Инородческое населеніе Амурскаго края состоитъ изъ трехъ главныхъ племенъ: тунгусскаго, китайскаго и гилацкаго. Къ первому принадлежатъ маньчжуры и дахуры около Айгуна, 30 селеній, оставшихся, въ силу договора 1858 года, на лѣвомъ берегу Амура, преданныхъ земледѣлію и ремесламъ; манегры и орочны — бродячіе звѣроловы и рыболовы верхняго Амура; гольды, мангуны, самагры и нагидальцы — такіе же или полуосѣдлые обитатели средняго и нижняго Амура, Усури, Амгуни и проч. Китайцы сгруппировались, вмѣстѣ съ маньчжурами, около Айгуна, въ 14 селеніяхъ, а гилаки живутъ по нижнему Амуру и имѣютъ образъ жизни общій съ тунгусскими охотничьими племенами, отличаясь, впрочемъ, особою отвагою на водѣ, вообще большою энергіею характера и знаніемъ нѣкоторыхъ ремеселъ, напримѣръ умѣньемъ обдѣлывать кость, подбирать по красивымъ узорамъ мѣха и т. п. Они же больше другихъ инородцевъ успѣли сблизиться съ русскими. Всѣ тунгусскіе инородцы и гилаки — шаманы, тогда какъ китайцы буддисты или, всего чаще, конфуціонисты, т. е. люди, неимѣющіе религій, въ общепринятомъ смыслѣ. Весь составъ инородческаго населенія на Амурѣ опредѣляется слѣдующими цифрами:

Въ Амурской области, отъ самой рѣки до Становаго хребта, орочны, манегры, гольды и частію якутскіе тунгузы . . .	2,700
На нижнемъ Амурѣ, отъ Хабаровки до хребта Сихоталинь и Удскаго края	8,700
На Усури и ея правыхъ притокахъ	1,200
Итого въ русскомъ подданствѣ	12,600
На среднемъ Амурѣ, противу Айгуна, китайскихъ подданныхъ	10,600

При теперешнемъ состояніи, все это, чрезвычайно разбросанное и большею частію невѣжественное, населеніе не представляетъ никакого препятствія къ русификаціи края; но присутствіе маньчжуровъ и китайцевъ на лѣвомъ берегу Амура, близъ Благовѣщенска, вѣроятно на долгое время будетъ задерживать ее въ этой мѣстности. Съ точки зрѣнія пользы, приносимой амурскими ино-

родцами государству, можно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ, именно ниже-амурскіе и якутскіе, обложены асакомъ изъ звѣриныхъ шкуръ, которыя обыкновенно продаются съ аукціона въ Николаевскѣ и Якутскѣ. Внутреннее же управленіе ими, т. е. полиція и судъ, находятся въ нашихъ рукахъ почти номинально, такъ какъ инородцы къ нашимъ чиновникамъ для разбора своихъ дѣлъ вовсе не обращаются.

Военный обзоръ.

При стратегической оцѣнкѣ положенія Амурскаго края прежде всего представляется уму то, что край этотъ соединяется съ Россіею *только однимъ путемъ*, водянымъ, по Амуру и Усури, т. е. по рѣкамъ, образующимъ южный его предѣлъ, а вмѣстѣ и государственную границу. Другими словами: коммуникаціонная линія амурскаго театра войны съ остальною имперіею идетъ вдоль этого фронта. Русское населеніе живетъ также исключительно вдоль этой линіи и не имѣетъ путей отступленія къ сѣверу, такъ что отрѣзать его отъ сосѣдней Сибири очень легко.

Это обстоятельство, въ связи съ важностію амурской страны для всей политической будущности Россіи въ Азій и на Восточномъ океанѣ, придаетъ особую цѣну возможно-скорому упроченію нашего преобладанія на Амурѣ, и прежде всего заселенію страны въ глубь отъ рѣчнаго побережья, такъ чтобы край въ самомъ себѣ нашелъ достаточно средствъ на случай войны съ сосѣдней Китайской имперіею. Основу такого упроченія нашего могущества составляютъ пока, главнымъ образомъ, селенія вокругъ Благовѣщенска, т. е. въ мѣстности, сосѣдней центру китайской колонизаціи, въ сѣверной Маньчуріи; но эта основа, очевидно, весьма недостаточна.

Вторая особенность амурскаго пограничнаго пространства, и въ частности пограничной оборонительной линіи, состоитъ въ томъ, что, при длинѣ въ 2,300 верстъ, граница распадается на три участка, которые могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ составить три совершенно самостоятельные театры войны. Это именно: верхній Амуръ, отъ Стрѣлки до Малаго Хингана, средній, отъ Малаго Хингана до Хабаровки, и усурійская долина, вдоль по рѣкѣ того же имени. Занявъ крѣпкую позицію гдѣ нибудь въ Маломъ Хинганѣ, китайцы могутъ также отрѣзать Усури и нижній Амуръ отъ

верхняго, а вмѣстѣ и отъ Забайкалья, какъ, занявъ одну только точку близъ Стрѣлки, отрѣзать цѣлый Амурскій край. Средне-амурская линія при этомъ можетъ быть атакована съ низовій Сунгари, а усурійская со стороны Нингуты и Ханкай. И хотя по нравственнымъ качествамъ китайцевъ, сравнительно съ европейцами, по ихъ вѣковымъ дружелюбнымъ отношеніямъ къ намъ и, наконецъ, по сравнительной слабости ихъ собственной колонизаціи въ Маньчжуріи, можно сказать, что трудно ожидать нападенія съ ихъ стороны, тѣмъ не менѣе простое благоразуміе требуетъ: а) содержать всегда на Амурѣ нѣсколько такихъ *смитовыхъ* судовъ, съ баржами для десанта, чтобы можно было безпрепятственно поддерживать сообщеніе вдоль рѣки даже во время военныхъ дѣйствій; б) придать каждому изъ трехъ, сейчасъ названныхъ, участковъ амуро-усурійской окранны характеръ самостоятельнаго театра войны чрезъ основаніе складовъ всякаго рода военныхъ запасовъ на каждомъ изъ нихъ. Впрочемъ, для средняго Амура и для Усури лучше имѣть одинъ общій складъ, въ Хабаровѣ; но въ такомъ случаѣ она должна быть укрѣплена или, по крайней мѣрѣ, имѣть цитадель съ каменными постройками, которыхъ нельзя было бы сжечь.

Достигнуть тактическаго командованія надъ образующими государственную границу рѣками, Амуромъ и Усурі, при протяженіи ихъ на 2,300 верстъ, нѣтъ, конечно, возможности не только повсемѣстно, но и въ важнѣйшихъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Большомъ и Маломъ Хинганѣ, у Зеи, у Сунгари, противъ архипелага усть-усурійскаго, гдѣ всего опаснѣе могутъ быть удары китайцевъ. Но взаимно того нужно около этихъ мѣстностей, по возможности сгруппировать населеніе и войска, дабы не дать Китаю возможности безъ большихъ усилій овладѣть хотя одною изъ нихъ. Особенно противъ устья рѣки Сунгари полезно имѣть укрѣпленіе, сомкнутое и съ артилеріею, достаточною препятствовать выходу китайскихъ судовъ въ Амуръ, т. е. большого калибра.

Эти немногія указанія суть основныя для обороны края; смотря же на него, какъ на базу для наступательныхъ дѣйствій въ Маньчжурію, мы можемъ сказать:

1) Дѣйствовать изъ него по одной операціонной линіи невыгодно; ибо если бы, напримѣръ, мы избрали сухонутную дорогу черезъ Айгунъ къ Цицикару, то могли бы сами подвергнуться совершенно внезапно нападенію на среднемъ Амурѣ, съ рѣки Сунгари; на оборотъ, дѣйствуя только по послѣдней, т. е. отпра-

живъ главныя силы на судахъ въ Санъ-сину и далѣе, мы могли бы подвергнуться нападенію китайцевъ на устьѣ Зси, т. е. въ мѣстности, которая даетъ намъ главныя средства существованія. Поэтому, въ случаѣ наступательной войны, намъ нужно вести ее по двумъ направленіямъ: отъ Благовѣщенска сухопутно и отъ Михайло-Семеновской по Сунгари водою, посредствомъ флотиліи.

2) Въ Усурійскомъ краѣ выгоднѣе всего сосредоточить силы на югѣ его и даже въ предѣлахъ Приморскаго участка, на озерѣ Ханкаѣ и на рѣкѣ Суйфунѣ, чтобы оттуда ударить на Нингуту, такъ-какъ съ низовій Усури нѣтъ дорогъ внутрь Маньчжуріи.

Военныя средства, какъ для оборонительной, такъ и для наступательной войны, могутъ быть незначительны; но предусмотрительность потребуетъ приготовить все, что, нужно, чтобы, въ случаѣ нужды, быстро усилить ихъ. Особенно необходимо заведеніе двухъ-трехъ боевыхъ судовъ, неглубоко-сидящихъ, но прочныхъ, и основаніе артиллерійскихъ складовъ и мастерскихъ, предпочтительно въ Хабаровскѣ и Благовѣщенскѣ, изъ которыхъ первое селеніе уже отчасти и избрано для этого мѣстнымъ артиллерійскимъ начальствомъ. По отношенію къ продовольствію войскъ, необходимо имѣть въ виду, что, при увеличеніи ихъ состава, содержаніе ихъ сдѣлается весьма дорого, такъ-какъ земледѣліе еще не довольно развито въ странѣ и цѣны на разные сорта хлѣба, напримѣръ на среднемъ Амурѣ, представляютъ слѣдующее:

За пудъ.	1866.	1867.	1868.	1869.
Яровая рожь .	1 р.	1 р.	1 р. 35 к.	1 р. 35 к.
Пшеница. . .	1 > 15 к.	1 > 15 к.	1 > 35 >	1 > 35 >
Гречиха . . .	— > 65 >	— > 65 >	— > 67 >	— > 75 >
Ячмень . . .	— > 65 >	— > 65 >	— > 75 >	1 > — >
Овесъ . . .	— > 57 >	— > 57 >	— > 62 >	— > 67 >

Составъ и распредѣленіе войскъ, находящихся на Амурѣ и Усури, видѣнъ изъ квартирнаго распisanія. При этомъ нельзя не замѣтить, что, за исключеніемъ артиллеріи, большая часть этихъ войскъ несетъ болѣе рабочую, чѣмъ собственно военную службу, и потому, естественно, слабѣе въ дѣлѣ тактическаго образованія, чѣмъ войска европейской Россіи. Для нѣкоторыхъ солдатъ все это образованіе состоитъ изъ обученія фронту въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда они были еще въ резервныхъ батальонахъ. О пѣшихъ казакахъ усурійскаго и амурскаго батальоновъ можно сказать, что они и такого образованія почти не имѣютъ. Конныя, на верхнемъ Амурѣ, напротивъ; знаютъ строй, хотя конечно и не имѣютъ боевой опыт-

ности. Продовольствіе свое войска получаютъ изъ магазиновъ въ Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ, Софійскѣ и Николаевскѣ, а запасы амуниціи и одежды — изъ Иркутска. Вслѣдствіе дальности перевозки и разбросанности людей мелкими командами, послѣдніе предметы не всегда достигаютъ до нихъ во-время. Единственными военными больницами на Амурѣ суть батальонные лазареты; въ Николаевскѣ впрочемъ есть больница морскаго вѣдомства.

Источники.

Обширная — Амурскаго края не можетъ быть здѣсь перечислена; а потому назовемъ только важнѣйшія сочиненія:

- 1) *Миддендорфа*: «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири».
- 2) *Маака*: «Путешествіа» на Амуръ и на Усуріи.
- 3) *Шварца*: Труды Сибирской экспедиціи.
- 4) *Максимовича*: «*Primitiae florae amurensis*».
- 5) *Радде*: «*Reise in Süd-Ost-Sibirien*».
- 6) *Будищева и Петровича*: «Описаніе лѣсовъ Усурійскаго края».
- 7) *Шмидта*: Отчеты Физическаго Отдѣла Сибирской экспедиціи.
- 8) *Пржевальскаго*: «Путешествіе на Усуріи».
- 9) *Людоевскаго*: «Статистическія свѣдѣнія объ Амурскомъ край, собранныя комиссіею генераль-адъютанта Скокова».
- 10) *Палладія*: «Путешествіе по Маньчжуріи, Амуру и Усурійскому краю».

Кромѣ того, огромное число журнальныхъ статей въ «Зал. Геогр. Обоз.», въ «Морскомъ Сборникѣ» и «Военномъ Сборникѣ», «*Mittheilungen*» Петермана и проз.

Съемки: Большая двухверстная карта рѣки Амура по съемкамъ Ген. Шт. Восточ. Сибири. Съемки Усуріи: *Венюкова* и топографовъ Восточной Сибири.

Шварца: Карта бассейновъ Амура, Лены и пр., над. Геогр. Общ. въ 1863 г. Литографированная карта при отчетѣ комиссіи генераль-адъютанта Скокова, 1869 г.

Четвертый участокъ: Маньчжурія.

Предѣлы и пространство края.

Изъ трехъ губерній, составляющихъ Маньчжурію, къ Россіи прилежать только двѣ: Гиринская и Амурская; но какъ во многихъ отношеніяхъ Маньчжурія образуетъ одно цѣлое, то здѣсь она будетъ разсматриваться во всемъ ея объемѣ, т. е. со включеніемъ Ляодуна, или губерніи Шень-цзинской. Въ этомъ видѣ границами ея служатъ: на сѣверѣ Амуръ и Усурійскій ея протокъ; на востокѣ Усури, Сунгача и условная черта съ Россією до Тумень-Улы; на югѣ эта рѣка, хребетъ Чань-бо-шань, условная граница съ Кореею, Желтое море и Ляодунскій его заливъ; на западѣ часть великой стѣны, Тичаньковая граница, идущая отчасти по хребту, составляющему юго-восточную окраину Монгольскаго нагорья, условная черта между рѣками Херсу и Нонни, часть теченія этой рѣки и условная линія къ озеру Далайноръ, откуда граница направляется по Аргуни, до ея устья. При такихъ предѣлахъ, крайними точками страны будутъ:

На сѣверѣ Амуръ, у Змѣиной горы	54°	5' ш.
» югѣ Ляодунскій мысъ	38	40 »
» западѣ озеро Далайноръ . . .	135	206 ф.
» востокѣ ст. Казакевичева . . .	152	23 »

что показываетъ, что Маньчжурія лежитъ въ однихъ широтахъ съ Италією, Францією и южною Англією.

Кромѣ земель, заключающихся въ указанныхъ границахъ, къ Маньчжуріи можетъ быть причисленъ и архипелагъ острововъ между станицами Нижне-Спасскою, Казакевичевой и Хабаровскою, на которомъ, впрочемъ, условлено не заводить ни нашихъ, ни маньчжурскихъ селеній, а ограничиваться только сѣнокосеніемъ. Да сверхъ того маньчжурскимъ начальствамъ, по силѣ айгунскаго договора 1858 года, подвѣдомственны китайскія селенія на лѣвомъ берегу Амура, на 70 верстѣ ниже Благовѣщенска.

Маньчжурія есть, безъ сомнѣнія, лучшее изъ застѣнныхъ владѣній Китая, и въ то же время она лучше всѣхъ подобныхъ владѣній изслѣдована въ географическомъ и въ другихъ отношеніяхъ. Самое раннее и весьма точное описаніе ея составлено было въ XVII вѣкѣ іезуитами Регисомъ и другими, которые производили съемки во всей Китайской имперіи. Затѣмъ въ новѣйшія изданія китайской государственной географіи внесено множество подробностей о топографіи страны, о ея древностяхъ и проч. — подробностей, которыми сдѣлались извѣстными изъ переводовъ профессора Васильева. Кромѣ того, съ китайской стороны, мы имѣемъ: офиціальныя донесенія особо посланныхъ мандариновъ о Чань-бо шанѣ и о вулканической области Уюнь-Холдонги, историческія свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ въ Ляодунѣ и въ бассейнѣ Амура, отца Іакинфа, записки китайца Учеля о Нингутѣ, Васильева. Но главная масса свѣдѣній о Маньчжуріи принадлежитъ европейцамъ, путешествовавшимъ по ней, какъ XVII вѣкѣ — Исбрандъ-Идесу и Ланге — такъ и въ наше время, именно въ послѣднія тридцать лѣтъ. Къ новѣйшимъ принадлежатъ французскіе миссіонеры Ферреоль, Вено, Делябрюньеръ, англійскій Уильямсонъ, русскій Палладій Каеаровъ, гг. Кропоткинъ, Усольцевъ, Хилковскій, Малевичъ, Барабашъ и друг. Сверхъ этихъ источниковъ, при составленіи настоящаго описанія имѣлись въ виду: статья Іакинфа о Маньчжуріи, въ его «Стат. описаніи Китайской имперіи», статья профессора Васильева въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества», рукопись Сычевскаго о Хейлунцзянской провинціи, по китайскимъ источникамъ, статьи Горскаго въ «Трудахъ пекинской миссіи», статья Венюкова въ «Военномъ Сборникѣ» 1871, Клапротовы «Tableaux historiques de l'Asie, Mémoires relatifs à l'Asie», трудъ Уильямса, донесенія англійскихъ консуловъ и отчеты китайскихъ таможенъ.

Математическая географія Маньчжуріи основана на двухъ рядахъ данныхъ, отличающихся довольно рѣзко между собою. Это, во-первыхъ, геодезическія работы іезуитовъ XVII столѣтія: Буве, Жарту и Фриделли, а во-вторыхъ, наблюденія нашихъ современныхъ астрономовъ: Рашкова, Усольцева, Гамова въ Приамурьѣ и по Сунгари, и англійскихъ въ Ляодунѣ. Первыя принадлежатъ 34 пункта и всѣ съемки, на которыхъ до 1854 года исключительно основывалась карта Маньчжуріи, а вторыя 26 пунктовъ, на которые оперты всѣ русскія съемочныя работы въ Амурскомъ бассейнѣ. Показанія современныхъ геодезистовъ, разумѣется, во многомъ отличны отъ данныхъ католическихъ миссіонеровъ прошлаго вѣка;

но какъ рѣзкихъ, несогласимыхъ противорѣчій мало, то можно сказать, что изъ всѣхъ прилегающихъ въ Россіи частей Средней Азіи Маньчжурія наилучше извѣстна въ топографическомъ отношеніи, и карта ея на столько уже точна, что мы можемъ безъ большой ошибки опредѣлить по ней общую площадь страны въ 15,420 квадратныхъ миль. Изъ этого числа пять шестыхъ принадлежитъ къ водоему Амура, и только одна шестая приходится на бассейны Желтаго и Японскаго морей.

Въ административномъ отношеніи, Маньчжурія, какъ уже упомянуто, дѣлится на три губерніи: сѣверную, Амурскую (Сахалинскую, Хэйлунъ-цзянь), среднюю, Гиринскую, и южную, Муцзеньскую (Шень-цзинскую). Въ этнографическомъ и историческомъ смыслѣ, первую иногда называютъ Дауріею, вторую собственно Маньчжуріею, третью Ляодуню.

Длина пограничной черты Россіи съ Маньчжуріею достигаетъ 3,400 верстъ, изъ которыхъ 660 приходится на Аргунь, 1,696 на Амуръ, 628 на Усури и Сунгачу, остальное на условную черту.

Топографія.

Два главные горные кряжа опредѣляютъ своимъ положеніемъ топографическое устройство Маньчжуріи: *Большой Хитанъ* и *Чань-бошань*. Первый, проходя по западной окраинѣ страны, даетъ начало значительной части рѣкъ Сунгарійскаго и Ляоскаго бассейновъ, текущихъ на востокъ, по общей покатости маньчжурской почвы въ этомъ направленіи. Второй, составляя юго-восточную границу Маньчжуріи, даетъ начало многимъ рѣкамъ, текущимъ на сѣверъ и даже сѣверо-западъ. Обѣ системы образовавшихся такимъ образомъ текущихъ водъ сливаются въ сунгарійской низменности.

Но, кромѣ этихъ двухъ главныхъ горныхъ цѣпей, въ Маньчжуріи есть нѣсколько второстепенныхъ, которыя положеніемъ своимъ опредѣляютъ подробности ея рельефа. Это, именно, *Ляодунскій* хребетъ, на полуостровѣ того же имени, составляющій какъ бы юго-западное продолженіе Чань-бо-шаня; параллельный ему *Гиринскій* кряжъ, который прорывается рѣкою Сунгари близъ Гириня и въ пространствѣ между Сунгари и Хурхою носитъ названіе *Сяо-бо-шань*; *Кантайскій* хребетъ—сѣверо-восточное продолженіе Чань-бо-шаня, между Хурхою и Усури; *Мало-Хитанскій* хребетъ, сѣвернѣе

Сунгари, поперекъ Амура, и, наконецъ, *Иль-урн-амъ*, между Нонни и Амуромъ, параллельно послѣднему. Эти кряжи съ ихъ отелонами наполняютъ болѣе двухъ третей Маньчжуріи, оставляя послѣ долинами и равнинами не болѣе 4,500 квадратныхъ миль. Слѣдующія подробности о строеніи и о физіономіи всѣхъ этихъ горъ извлечены изъ свидѣтельствъ очевидцевъ и частію изъ китайской государственной географіи.

1) Хребетъ *Большой-Хинганъ*, проходящій южною, большею, своею половиною по восточной Монголіи, принадлежитъ Маньчжуріи всею сѣвѣрною своею частію, отъ истоковъ Калки и Чола, изъ которыхъ первая идетъ на западъ, а второй на востокъ. На протяженіи его отсюда къ сѣверу до Амура, то есть на 650 верстахъ, намъ извѣстно не менѣе трехъ проходовъ черезъ него, а вѣроятно ихъ есть и больше, ибо во всѣхъ извѣстныхъ своихъ частяхъ хребетъ нигдѣ не превосходитъ 5—6,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Извѣстные перевалы суть: а) съ рѣки Гана, притока Аргуни, на рѣку Камару, притокъ Амура, никѣмъ еще осмотрѣнъ не былъ, хотя извѣстенъ нашимъ приаргунскимъ казакамъ и тунгусамъ; б) съ рѣки Хайлара на рѣку Наминъ, притокъ Нонни, перевалъ осмотрѣнный въ новое время Кропоткинымъ и имъ подробно описанный; онъ можетъ быть пройденъ съ легкимъ колеснымъ обозомъ; с) съ одного изъ притокѣвъ Хайлара же на рѣку Яль, притокъ Нонни — проходъ, по которому устроена почтовая дорога изъ Цицкара въ городъ Хайларъ, и по которому перевалили еще въ началѣ XVIII столѣтія Исбрандъ-Идесъ и Ланге.

Весь Большой Хинганъ въ предѣлахъ Дауріи отличается крайне широкимъ положеніемъ своихъ покатостей, такъ что, несмотря на свою умѣренную высоту, онъ наполняетъ своими отрогами все пространство между Аргунью съ запада и Кумарю и Нонни съ востока, что иногда составляетъ 350—400 верстъ. И онъ далеко не вездѣ оканчивается какъ на западъ, такъ и на востокъ, слабыми покатостями, а, напротивъ, имѣетъ много крутыхъ скалистыхъ обрывовъ. Въ противоположность тому, главный его кряжъ есть плоское, болотистое надутіе почвы, черезъ которое перевалы мало затруднительны и частію даже не сразу замѣтны. Огромные лѣса одѣваютъ весь хребетъ, и не только восточную, маньчжурскую его сторону, но и западную, монгольскую. Въ долинахъ рѣкъ, впрочемъ, встрѣчаются и луговныя равнины, но не въ большомъ числѣ. Самый сѣверный конецъ кряжа, упирающійся въ Амуръ близъ Усть-Стрѣлки, отличается особою суровостію; отроги его стѣсняютъ до-

лину Аргуня, выше слиянія ея съ Шякою верстѣ на 250, до степи ущелья. Изъ рѣкъ, стекающихъ съ хребта на западъ, заслуживаютъ упоминанія: *Хайларъ* съ притокомъ *Ибенюмъ*, *Ганъ* съ *Дербуломъ* и *Карамуломъ*, *Кенъ* съ *Холономъ*, *Маректа*, *Быстрая* и *Тилова* — всѣ притоки Аргуня, не судоходные, но многоводные во время дождей. На востокъ же текутъ: *Албазиха*, сплавная и частію даже судоходная, *Паня*, *Кумара*, большой притокъ Амура, до 350 верстѣ длиною, *Нонни* съ *Искеномъ*, *Добжуръ*, *Кюръ*, *Канъ*, *Наминъ*, *Ялъ* и *Чолъ*. Послѣдніе шесть суть притоки Нонни, которая поэтому отличается многоводностью. Низовья Намина, Яла и Чола текутъ уже по долинамъ, которая около Цицкара имѣетъ до 50 верстѣ ширины.

2) *Ил-ури-алинь* — кряжъ, дугообразно обнимающій бассейнъ Нонни-ули съ сѣверо-востока и мѣстами доходящій отрогами своими на сѣверъ до Амура. Это рядъ высотъ совершенно второстепенныхъ, перевалъ черезъ который, напримѣръ по дорогѣ изъ Мергена въ Айгунъ, не представляетъ никакихъ трудностей. Большая часть хребта покрыта лѣсами и служитъ, вмѣстѣ съ Хинганомъ, главнымъ мѣстомъ для охоты дауровъ и ороchonъ.

3) *Малый Хинганъ*, которому нѣкоторые географы предлагали дать названіе Доусса-алинь, тянется сѣвернѣе Сунгаря, верстахъ во 100—150 отъ ея русла и пересѣкаетъ Амуръ, образуя изъ долины его почти сплошное ущелье на пространствѣ болѣе 130 верстѣ. Вѣроятно, въ немъ есть вершины до 4,000 футовъ. Онъ также лѣсистъ, какъ и два предъидущіе хребта, но лѣса здѣсь уже болѣе лиственные, а не хвойные. Съ южнаго склона кряжа сбѣгаютъ рѣки *Хулунъ* и *Ичунъ* съ ихъ притоками, даянники Сунгаря, съ сѣвернаго *Зонъ* и *Корбинъ-бира*, притоки Амура. По одной изъ продольныхъ долинъ Малаго Хингана течетъ въ Амуръ же рѣка Уй.

Тамъ, гдѣ западное продолженіе Малаго Хингана подходитъ къ долинамъ Нонни, тамъ мы встрѣчаемъ любопытную вулканическую область *Уюнь-Холдони*. Здѣсь исторически пѣвѣстно огненное изверженіе не далѣе 1721—1722 г. Мѣстность эта, по приодѣ своей напоминающая флегрейскія поля близъ Неаполя, лежитъ въ 25 верстахъ отъ города Мергена на юго-востокъ, близъ рѣки Намерь. Во второй половинѣ лѣта 1721 г. здѣсь вдругъ поднялись пламя и дымъ и раздались удары, подобные грому, которые не прерывались ни днемъ, ни ночью и были слышны за 25—30 верстѣ. Вылетали черные дымъ и сѣрые породы, и такъ продолжалось нѣкій годъ,

вслѣдствіе чего образовалась гора. Сначала испаренія удушали людей версты за пятнадцать отъ мѣста изверженія, такъ что на это явленіе можно было смотрѣть только издали, съ горъ; потомъ мало по малу все утихло. Мѣстность Уюнь-Холдонги лежитъ не ближе 1,000 верстъ отъ Японскаго моря и 1,200 верстъ отъ Байкала, т. е. въ значительномъ отдаленіи отъ большихъ водоемовъ, которыхъ сосѣдство замѣчается при всѣхъ дѣйствующихъ вулканахъ. Но необходимо замѣтить, что сосѣдняя долина Нонни отличается обиліемъ мелкихъ озеръ, и самое изверженіе происходило въ урочищѣ, которое прежде вмѣщало озеро до 15 верстъ въ окружности.

4) *Кантай-аминь* почти неизвѣстенъ. Едва послѣднія его оконечности достигаютъ Амура, въ видѣ слабо-покатыхъ холмовъ, покрытыхъ дубовымъ лѣсомъ, и только въ двухъ мѣстахъ поднимы рѣки образовали изъ нихъ утесы. Далѣе къ югу распросныя свѣдѣнія и китайская географія показываютъ, что хребетъ этотъ лѣсистъ, но во многихъ мѣстахъ проходимъ безъ труда. Такіе перевалы мы знаемъ: а) между рѣками Вокенъю, бассейна Сунгари, и Норомъ, притокомъ Усури; б) между Думанью и Киркинью; в) въ верховьяхъ Шибхулина; д) въ верховьяхъ Мурени; е) въ верховьяхъ Суйфуна. Два послѣдніе годны для ѣзды въ одноколякахъ. Но если хребетъ невысокъ, то въ ширину, отъ запада къ востоку, отклонны его простираются на значительное разстояніе, упираясь съ одной стороны въ Сунгари ниже Сань-сина, а съ другой въ Усури у Нора и выше, до самой Нимани. Остающіеся между отрогами къ сторонѣ Усури долины представляютъ превосходнѣйшія условія для осѣдлой жизни, хотя донныя почти пустыни.

5) *Сяо-бо-шань* есть кряжъ, дающій начало правымъ притокамъ Сунгари и лѣвымъ Хурхи. Онъ наполняетъ своими вѣтвями почти все пространство между этими двумя рѣками, весьма отлого падая на сѣверъ и западъ, гдѣ постепенно переходитъ въ низменности. Занимая самый центръ Маньчжуріи, онъ составляетъ едва ли не лучшую ея часть, въ смыслѣ удобствъ для культуры. Вершины горъ, вообще невысокихъ, обыкновенно покрыты превосходными лѣсами, а долины образуютъ сочныя луга съ небольшими рощами. Здѣсь, вслѣдствіе этого, водворилось за послѣднія 100—150 лѣтъ довольно многочисленное китайское населеніе, которое переходитъ на лѣвый берегъ Сунгари, къ южнымъ склонамъ и развѣтвленіямъ Малаго Хингана.

По покатосямъ Сяо-бо-шаня проложено немало экипажныхъ

дорогъ, изъ числа которыхъ здѣсь стоитъ упомянуть: а) изъ Гириня въ Нингуту, черезъ вряжъ, повидимому, не очень высокій, связывающій Сяо-бо-шань съ Чань-бо-шанемъ б) изъ Гириня въ Сань-синъ и с) изъ Бедуне туда же. Последняя дорога уже идетъ почти совершенною равниною.

Составляетъ ли дѣйствительное продолженіе Сяо-бо-шаня къ юго-западу хребетъ, который тянется отъ Гириня къ Мукдену, трудно сказать. Въ всякомъ случаѣ, сближеніе оконечностей обоихъ очень замѣтно по быстрому суженію Сунгарійской долины около Гириня и нѣсколько выше и ниже его. Этотъ Западно-Сунгарійскій хребетъ лѣсистъ, но невысокъ, такъ что дорога изъ Мукдена въ Гиринь все время идетъ по сѣверному его склону въ полвысоты, пересѣкая многочисленныя рѣки, бѣгущія къ сѣверу.

б) *Чань-бо-шань*, или Голминь-шаньань-алинь (Большія Вѣлыя горы), есть важнѣйшій горный массивъ Маньчжуріи, котораго дикая природа дѣлаетъ его во многихъ мѣстахъ трудно-доступнымъ. Высшія точки его, повидимому, лежатъ вблизи истоковъ Сунгари, Ялу-цзяна и Тумень-улы. Но здѣсь за истокъ для всѣхъ этихъ трехъ рѣкъ имѣющіяся свѣдѣнія заставляютъ принимать не какой-либо пикъ, а, напротивъ, нагорную площадь, среди которой есть озеро. Вообще, имѣются ли въ Чань-бо-шанѣ горы на столько высокія, чтобы онѣ носили вѣчный снѣгъ, доселѣ недознано съ точностію, хотя посланные китайскимъ императоромъ для поклоненія духу горъ чиновники и видѣли здѣсь, именно близъ верховьевъ Сунгари, большую Вѣлую гору. Во всякомъ случаѣ, переходъ черезъ хребетъ трудно-доступенъ, ибо съ давняго уже времени онъ служитъ этнографическою границею между маньчжурами и корейцами. Одна изъ южныхъ его отраслей, Нару-Воцзи, между Ялу-цзяномъ и Тонгя-цзяномъ, въ китайской географіи описывается очень лѣсистую; да и вообще весь хребетъ покрытъ огромными вѣковыми лѣсами, которыхъ опушка къ сѣверу спускается почти до дороги изъ Нингуты въ Гиринь.

Переходы черезъ Чань-бо-шань извѣстны только у оконечностей его, именно на сѣверо-востокъ по дорогѣ изъ Нингуты въ Хунь-чунь, и на юго-западъ у Индена и Финь-хуань-чена — послѣдній колесный. Крайніе къ юго-западу отроги хребта, на полуостровѣ Ляодунѣ, уже не представляютъ большихъ затрудненій къ устройству поперечныхъ дорогъ, которыя и существуютъ въ нѣсколькихъ направленіяхъ.

7) Что касается до горъ западной половины Ляодуна, т. е. до

прибрежнаго хребта Желтаго моря, то между различными массами, его составляющими, наиболѣе высокіе суть: *Бао-чун-линъ*, между Шаньха-гуанемъ и Нинъ-юань-чжеу; *Гань-цао-минъ*, *Лянъ-шанъ*, *Сунъ-шанъ* и *Шуля-ля*, между Нинъ-юанемъ и рѣкою Далинь-хэ, и, наконецъ, хребетъ *Гуанъ-минъ-шанъ*, на востокъ отъ послѣдней рѣки. Нѣкоторыя изъ этихъ горъ, вѣроятно, превосходятъ 4 и 5,000 футовъ надъ моремъ; но нельзя сказать, чтобы онѣ образовали сплошные утесы къ сторонѣ моря. Напротивъ, вопреки мнѣнію Риттера, онѣ мѣстами оставляютъ береговую долину, а къ востоку отъ Далинь-хэ и совсѣмъ оставляютъ морское побережье.

Такова сущность извѣстныхъ намъ орографическихъ данныхъ о Маньчжуріи. Но какъ ни гориста эта страна, все же по отношенію къ культурѣ, а также и въ стратегическомъ смыслѣ, первое мѣсто въ ней принадлежитъ не этимъ горамъ, а обширнымъ равнинамъ, разстилающимся между ними. Такихъ равнинъ пять: *Людунская*, *Нонни-сунгарійская*, *Нижне-сунгарійская*, *Нижне-усурійская* и *Сун-чанская*. Первая изъ нихъ, по обѣимъ берегамъ рѣки Ляо-хэ, есть плодороднѣйшая и наиболѣе густо населенная часть Маньчжуріи, имѣющая древесную растительность, насажденную рукой человека, но уже почти не имѣющая естественныхъ рощъ. Ея пространство приблизительно равно 300 кв. миль. Вторая равнина, Нонни-сунгарійская, есть самая обширная изъ всѣхъ и начинается нѣсколько сѣвернѣ Мургени, откуда тянется на югъ, вдоль Нонни, постепенно расширяясь съ приближеніемъ къ Сунгарии. Она почти совершенно горизонтальна, вслѣдствіе чего р. Нонни течетъ очень медленно и нерѣдко образуетъ широкіе плесы почти стоячей воды. Кромѣ того, по всей равнинѣ разбросано множество озеръ, не имѣющихъ стока и крайне затрудняющихъ продолженіе хорошихъ грунтовыхъ дорогъ, такъ какъ во время дождей перешейки между ними становятся чрезвычайно грязными. Таковы озера *Ванъ-то-хунъ*, *Ула-моръ*, *Антату-омо*, *Чаганъ-омо*, *Хуяръ-омо* и множество другихъ, которыхъ вдоль одной почтовой дороги изъ Цицикара въ Гирань можно насчитать нѣсколько десятковъ. Мягкая почва равнины служитъ причиною размыванія рѣками ихъ береговъ и образованія острововъ и мелей въ самыхъ руслахъ. Такъ, при слияніи Сунгарии и Цонни, есть цѣлый архипелагъ; при впаденіи рр. Чола и Яло въ Нонни — также. По лѣвой сторонѣ Сунгарии такая низменность простирается по крайней мѣрѣ на 350 верстъ ниже слиянія ея съ Нонни, и притомъ она тянется далеко въ глубь страны, т. е. на сѣверъ. Что же касается до южнаго, праваго, берега, то здѣсь повсюду на

расстояніи 15—30 верстъ, иногда ближе, равнина начинается переходить въ мѣстность слабоволнистую, частію луговую, частію мѣстную и покату ю къ сѣверу. Выше и ниже устья р. Хурхи, Сунгаря орошаетъ уже не обширную равнину, а только полосу земли шириною въ нѣсколько верстъ, причемъ увалы нерѣдко подкочиваютъ то слѣва, то справа къ самому руслу рѣки. Самая почва долины болѣе возвышенна надъ рѣчнымъ уровнемъ, и притомъ правый берегъ болѣею частію командуетъ лѣвымъ. Но верстъ 200 не доходя до слиянія Сунгаря съ Амуромъ, долина опять переходитъ въ необозримую низменность, частію луговую, частію даже болотистую. Эта низменность распространяется и на лѣвый берегъ Амура; по правому же его берегу, уже въ 15 верстахъ ниже сунгурийскаго устья появляются увалы, какъ послѣдніе къ сѣверо-западу отроги Кантая. Такой характеръ страны сохраняется ея до отдѣленія изъ Амура Усунійскаго ея протока, въ 65 верстахъ выше Хабаровки. Отсюда какъ по правому берегу Амура, такъ и по лѣвому Усури, до самаго устья Нора, разстилается одна сплошная низменность, богатая стоячими водами, въ видѣ озеръ и болотъ. Среднее теченіе Усури между Норомъ и Ниманью еще сопровождается по-временамъ восточными отклонами *Кантая*, которыя мѣстами, какъ, напримѣръ, у Нора и Думани, упираются въ самое русло рѣки; но выше Нимани равнина опять дѣлается сплошною и столь низкою, что развалины Мурени и Сунгачи нерѣдко обращаютъ ее въ обширное озеро или, по крайней мѣрѣ, въ рядъ озеръ. Самые берега озера *Ханкай* съ сѣвера и сѣверо-востока столь низки, что послѣ сильныхъ дождей и возвышенія воды на 2—3 фута, значительная часть ихъ становится дномъ *Ханкай*. Только у поста Турій-Рогъ появляются первые отроги Кантая къ востоку. Затѣмъ вдоль западнаго берега этого обширнаго водоема, въ русскихъ предѣлахъ, долины и холмы перемежаются другъ съ другомъ; въ Маньчжуріи же, по самой границѣ ея, идетъ лѣсистый Кантай, раздѣленный на два параллельные кряжа, изъ которыхъ западный, по лѣвому берегу верхней Мурени, есть главный.

Рѣка *Хурха*, правый притокъ Сунгаря, повидимому орошаетъ не широкую низменность, а лишь узкую долину, сжимаемую то справа, то слѣва горами или увалами. По крайней мѣрѣ это должно заключить изъ китайской географіи, изъ іезуитскихъ картъ и свидѣтельства Уильямсона, что вдоль Хурхи, между Сань-синомъ и Нангутаю, нѣтъ сухопутной дороги, которую проложить, вѣроятно,

нелегко, по причинѣ волнистой почвы *). Но въ верхнемъ теченіи своемъ Хурха проходитъ чрезъ довольно обширную котловину, длиною 15 и шириною 10 верстъ, гдѣ стокъ водъ съ сосѣднихъ хребтовъ образовалъ озеро *Биртани*. Городъ Нингута, о которомъ имѣются свидѣтельства нѣсколькихъ очевидцевъ и который лежитъ въ 60 верстахъ ниже озера, расположенъ въ небольшой береговой долинѣ Хурхи, отовсюду, особенно съ востока, окруженной горами.

Естественная производительность.

Положеніе Маньчжуріи въ однѣхъ широтахъ съ Франціею и Италіею, и притомъ въ той части азіатскаго материка, которая хорошо увлажняется дождями, позволяетъ надѣяться видѣть почву ея покрытою пышною растительностію. И въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ такую. Но климатическія условія Маньчжуріи рѣзко отличаются ее не только отъ Италіи, а даже отъ Франціи. Собственно внутри страны мы, конечно, не имѣемъ метеорологическихъ наблюденій, однако выводы изъ такихъ наблюденій въ слѣдующихъ сосѣднихъ мѣстахъ:

Нерчинскомъ заводѣ . . .	51° 18' ш. 3°2 Р. ф. тем.
Благовѣщенскѣ	50° 15' — 0°2
Заливѣ Посѣта	42° 30' + 4°6
Пекинѣ	36° 56' + 10°1

не оставляютъ сомнѣній, что Маньчжурія на цѣлѣ девять градусовъ холоднѣе соотвѣственныхъ странъ въ Западной Европѣ и даже въ Европейской Россіи, гдѣ температура Благовѣщенска, а слѣдовательно Айгуна и Мергени, встрѣчается сѣвернѣе Петрозаводска. Къ общей суровости климата нужно прибавить его значительную сырость, которая дѣлаетъ очень прохладнымъ лѣто во всемъ Амурскомъ бассейнѣ и заливаєтъ страну огромными снѣгами въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ. На сѣверѣ Маньчжуріи, за параллелью 51°, зима продолжается ровно полгода, съ конца октября до конца апрѣля, и въ самомъ Ляодунѣ, подъ однѣми широтами съ средней и южной Италіею, снѣгъ держится полтора и два мѣсяца, хотя, взаимно, лѣтомъ тутъ бывають большіе жары.

*) При печатаніи настоящаго сочиненія въ распоряженіи моемъ не было рукописи и съемки г. Барабаша, составляющихъ результатъ его путешествія по Хурхѣ въ 1872 г., хотя матеріалы эти и были уже въ Петербургѣ.

Соответственно такимъ климатическимъ условіямъ, а также топографіи страны и слабой населенности большей части ея, растительный покровъ есть преимущественно лѣсной по горамъ и луговой въ равнинахъ. Степей же въ средне-азиатскомъ смыслѣ нѣтъ вовсе; что рѣзко отличаетъ Маньчжурію отъ всѣхъ другихъ земель, прилежащихъ къ Азіатской Россіи. Лѣса особенно изобильны на сѣверо-западѣ, въ Дауріи, и на юго-востокѣ, по Чань-бо-шаню и Кантай-алиню. Въ первой мѣстности они, по большей части, хвойные, изъ сосны, лиственницы, ели и кедра; но уже на восточной сторонѣ Большаго Хингана, особенно въ бассейнѣ Нонни, къ хвойнымъ породамъ начинаютъ примѣшиваться лиственные, именно дубъ, черная береза, липа, черемуха, кленъ и т. д. Въ Маломъ Хинганѣ эти лиственные породы, съ присоединеніемъ къ нимъ вяза и многихъ другихъ деревьевъ, также виноградной лозы, жасмина, бересклета, лещины, шиповника и проч. въ видѣ порослей, начинаютъ рѣшительно преобладать, а отклонны Кантая почти исключительно одѣты лиственными лѣсами, среди которыхъ встрѣчается пробковое дерево. Часть дубовыхъ лѣсовъ въ восточной Маньчжуріи подвергалась истребленію отъ китайскихъ промышленниковъ, которые срубаютъ дубовыя деревья, чтобы, при гніеніи ихъ, добывать обильно-прорастающіе на корѣ грибы. Но все-таки эти лѣса очень обширны и составляютъ богатый запасъ строеваго и подѣлочнаго матеріала. Среди нихъ производится и отыскиваніе знаменитаго въ Китаѣ лекарственнаго корня жень-шеня.

Луговая растительность средней Маньчжуріи, т. е. Сунгарійскаго бассейна, отличается высотой и сочностью травъ, которыя нерѣдко достигаютъ человѣческаго роста. Но наравнѣ съ ними есть много растений болотныхъ. Любопытно также обиліе лилій, красныхъ, желтыхъ и проч. Повсюду въ Маньчжуріи, начиная отъ паралели Айгуна, возможны два покоса, которые даже были бы полезны, ибо теперь трава, вырастающая во вторую половину лѣта, обыкновенно сжигается въ слѣдующую весну на корню, чтобы дать мѣсто свѣжему сѣну, что производить обширные лѣсные и полевые пожары.

Культурныя травяныя растенія въ Маньчжуріи суть: просо, главная пища народа, сахарное просо или таолянъ, преимущественно на югѣ, кукуруза, пшеница, ячмень, овесъ; въ Ляодунѣ, мѣстами, хлопокъ и рисъ; повсюду картофель, бобы, маѣ (для опиума), кукуруза; изъ овощей капуста, лукъ, чеснокъ, огурцы. Слѣдующая табличка, составленная Уильямсономъ, даетъ понятіе

о времени развитія культурной и лѣсной растительности въ средней Маньчжуріи:

1-го (12-го) мая 1868 года окрестность *Бедунь*:

Яровая пшеница имѣла росту 1 вершокъ.

Просо, конопля, кукуруза—засѣвались.

Картофель—засаживался.

Макъ, табакъ—приготавлилась почва.

Ива, береза и вязъ—развертывали почки.

18-го (30-го) мая въ окрестности *Ажесъ*:

Яровая пшеница имѣла росту 2 вершка, кукуруза 1 вершокъ.

Лукъ, чеснокъ и шпинатъ—продавались сѣвнѣе.

На всѣхъ деревьяхъ листья.

Конопля растетъ 1 $\frac{1}{4}$ вершка.

26-го мая (8-го іюня), сѣвернѣе *Гириня*:

Деревья—во всей росѣшли листья.

Луговыя цвѣты: гераній, петроушья, мята и проч. — въ полномъ развитіи.

Культурныя растенія воздѣлываются въ Маньчжуріи съ тѣмъ трудомъ, къ которому масса земледѣльцевъ—китайцы—привыкли на родинѣ. Они даютъ хорошіе урожаи, если только лѣто не бываетъ слишкомъ дождливо. Изъ плодовъ особенно извѣстны ингушанскія груши.

Сравнительно съ обиліемъ травъ, скотоводство въ Маньчжуріи имѣетъ недостаточное развитіе. Здѣшній рогатый скотъ образуетъ крупную, но не крупную породу; лошади также; овецъ мало. Зато свинопъ въ изобиліи, равно какъ домашняя птица—утки, куры, гуси. Порядочное коннозаводство извѣстно только въ одной мѣстности, около Ичжеу, въ Лиодунѣ, гдѣ пасутся казенныя табуны. Что же касается до дикихъ животныхъ, полезныхъ человеку, то они довольно многочисленны во всѣхъ маньчжурскихъ лѣсахъ, особенно медвѣди, дикіе козы, бѣлки, лисицы, соболѣ (въ Дуринѣ). Нерѣдки прѣлвы и тигры. Охота на дикихъ звѣрей служитъ важнымъ промысломъ для мелкихъ тунгузскихъ племенъ—дауровъ, солонговъ, орчоновъ, голюдовъ, и производится болѣею частію съ луками и стрѣлами, а не съ ружьемъ, чтобъ не пугать звѣря. Наряду съ темъ, и даже отчасти выше ея по приносимой пользѣ, стоитъ рыбная ловля, которою занимаются всѣ прибрежныя жители Сунгаря, Хурхи, Нонни, Усуря и проч., особенно охотничьи племена, которыхъ время такимъ образомъ дѣлится на два сезона: рыболовный—лѣтомъ, звѣринный—зимою. Въ Сунгаря, ниже Ги-

рина, водятся еще жемчужныя раковины, и ихъ добываніе составляетъ монополію императора. Жемчугъ, трава ула, подкладываемая въ обувь для согрѣванія ногъ, и корень жень-шенъ сугъ тѣ произведенія Маньчжуріи, которыя упрочили за ней особую славу между китайцами.

Минеральная производительность страны почти ничтожна, по той причинѣ, что рудныя промыслы въ ней издавна были запрещены, подъ нелѣпнымъ предлогомъ, будто не должно безпокоить священную почву родины императорскаго дома. Тамъ не менѣе въ послѣдніе годы сдѣлались извѣстными мѣсторожденіями каменнаго угля въ Ляодунѣ *), на верхней Сунгаріи и на среднемъ Амурѣ, именно верстахъ въ 50 выше Айгуна и недалеко отъ устій Бурен. Ссылные и бѣсные китайцы, бродя по отрогамъ Кантая, отыскивали также золото, и жадно бросились на его разработку съ 1862 года. Кромѣ того, золото находится въ Кинъ-чжеу и по рѣкѣ Пайли-хэ, въ Ляодунѣ. Мѣсторожденія серебра извѣстны также въ Ляодунѣ около Лу-гуанъ-фына.

Промыслы и торговля.

Что касается до промышленности въ Маньчжуріи, то она, можно сказать, состоитъ пока исключительно изъ земледѣлія и нѣкоторыхъ необходимыхъ ремеслъ: плотничества, судостроенія, кузнеческаго, шитья обуви и одежды и т. п. Заводская же промышленность совершенно не развита. Все, что нужно для жителей въ ихъ домашнемъ быту, привозится изъ Китая, а въ послѣднее время и изъ Европы, чрезъ Ньючанскій портъ. Недостатокъ хорошихъ сухопутныхъ дорогъ естественно препятствуетъ равномѣрному распредѣленію привозимыхъ товаровъ, и потому на сѣверной части страны они дороги. Впрочемъ, большія рѣки, Сунгарія и Нонци, много облегчаютъ доставку произведеній Китая внутрь Маньчжуріи, но только въ мѣстности, прилежащія къ этимъ рѣкамъ. Центромъ мѣстной ремесленности служитъ Мукденъ, а потомъ слѣдуютъ Гиринъ, Ажехэ и Нингута. Торговля также сосредоточена въ этихъ пунктахъ и кромѣ того въ Ньючанѣ, Куанъ-ченъ-цзе, Финъ-хуанъ-ченѣ, Хун-чунѣ и Санъ-синѣ. Мы не имѣемъ никакого понятія о

*) Именно, на самомъ полуостровѣ: у д. Пула-дунъ, на островѣ Сянь-анъ-тао, въ 45 верстахъ на югъ отъ Фу-чжеу, у бухты Да-мянъ-ванъ, восточнѣе города Ляо-яна, у Мя-ка-фу и Пай-хи-ху.

ея размѣрахъ, за исключеніемъ порта Нью-чуань, котораго обороты были:

	По привозу.	По вывозу.	Всего.
Въ 1864 году	1,419,476 р. с.	3,420,796	4,840,272
› 1865 ›	3,372,352 —	4,334,628	7,706,980
› 1866 ›	4,648,814 —	3,839,860	8,488,674
› 1867 ›	6,101,286 —	4,787,174	10,888,460
› 1868 ›	9,831,678 —	3,183,238	13,014,914

Отсюда видно, что торговля этого порта быстро возрастаетъ, но почти исключительно въ смыслѣ привоза въ него чужеземныхъ продуктовъ, преимущественно европейскихъ, которыхъ въ 1868 году привезено на 5,100,000 рублей серебромъ. Впрочемъ, относительно говоря, китайская ввозная торговля въ Нью-чуань сдѣлала еще болѣе быстрые успѣхи; но она совершалась болѣею частію при посредствѣ европейскихъ кораблей, которыхъ соимѣстничество убиваетъ туземное судоходство. Главными статьями привоза служатъ хлопчато-бумажныя ткани, опиумъ, сахаръ и металлическія издѣлія; между вывозимыми товарами господствующее мѣсто занимаютъ бобы, бобовое масло и бобовыя выжимки, изъ которыхъ первые идутъ въ сѣверные порты Китая, а выжимки въ южныя его провинціи, гдѣ ихъ употребляютъ на удобреніе сахарныхъ и хлопковыхъ плантацій. Изъ Нью-чуаня привозные товары распространяются до Муудена и потомъ идутъ либо чрезъ Гиринь въ Нингуту, либо чрезъ Куань-ченъ-цзе въ города по Сунгари.

О торговомъ значеніи городовъ Финь-хуаня, Хунь-чуни, Нингуты и проч. будетъ сказано ниже, при ихъ описаніи. Здѣсь замѣтимъ, что въ первыхъ двухъ сосредоточена торговля съ Кореєю.

Для внутренней торговли, какъ упомянуто, оказываютъ много услугъ рѣчныя сообщенія. Нужныя при этомъ суда строятся, главнымъ образомъ, въ Гиринь и Цицикарѣ.

Торговля Маньчжуріи съ Россією почти ничтожна. Ея главныя средоточія въ Благовѣщенскѣ, въ сосѣднихъ ему Айгунѣ и деревнѣ Амба-Сахалинѣ, и потомъ въ заливѣ Посѣта, гдѣ, впрочемъ, собственно нѣтъ торговаго сношенія съ русскими, а есть только отпускъ за границу наловленной китайцами у нашихъ береговъ морской капусты. Стоимость этого послѣдняго продукта въ 1868 году достигала до 185,000 рублей серебромъ. Малая торговля пограничныхъ жителей производится еще по берегамъ Аргуни и на среднемъ Амурѣ. Попытки же съ нашей стороны завести правильныя торговныя сношенія на Сунгари доселѣ не имѣли успѣха.

Пути Сообщенія.

Такъ какъ о рѣчныхъ путяхъ уже сказано, то здѣсь будутъ исчислены только сухопутные. По отношенію къ Россіи важны собственно только тѣ, которые проходятъ по губерніямъ Амурской и Гириньской; но мы приведемъ и нѣсколько дорогъ по Ляодуну и даже по восточной Монголіи, которыя связываютъ Маньчжурію съ правительственнымъ центромъ Китайской имперіи, Пекиномъ.

Такимъ образомъ получится слѣдующее:

А. Дороги отъ *восточныхъ* предѣловъ Маньчжуріи до Гириня:

1) Отъ залива Посъета чрезъ Хунь-чунь на Нингуту 562 версты пути гористаго, лѣсистаго, мало населеннаго и труднаго для экипажей.

2) Изъ долины *Суйфуна* въ *Нингуту*. По этой дорогѣ отъ Владивостока до Нингуты 15 дней ходу, вѣроятно около 300 верстѣ. Въ русскихъ предѣлахъ (160 верстѣ) дорога эта идетъ вдоль лѣваго берега *Суйфуна*, а въ маньчжурскихъ чрезъ верховья *Мурени* и по рѣкѣ *Буйтулину*. По ней разбросаны дома бѣглыхъ китайцевъ.

3) Съ береговъ *Усури* по *Мурени* въ *Нингуту* — вьючная дорога, годная по нуждѣ и для легкихъ повозокъ. По дорогѣ лѣса и частію горы, почти безъ населенія; 20 дней ходу (400 верстѣ).

4) Съ береговъ *Усури* вдоль *Думани* и *Вокени* въ *Саньсинъ* — плохая вьючная тропинка, извивающаяся посреди лѣсистыхъ горъ, болѣе 360 верстѣ.

5) Съ береговъ *Усури* по *Нору* и *Вокени* — такая же тропинка, около 400 верстѣ.

Между городами *Сань-синемъ* и *Нингутаю*, по словамъ Уильямсона, нѣтъ дорогъ; сообщенія производятся лѣтомъ на лодкахъ, а зимою по льду, вдоль рѣки *Хурхи*.

6) Отъ устьи *Сунгари* по этой рѣкѣ до *Сань-сина*, а оттуда по почтовой дорогѣ до Гириня 737 верстѣ.

Б. Дороги по *сѣверной* Маньчжуріи:

7) Отъ *Благовѣщенска* чрезъ *Цицикаръ* до Гириня колесная и даже почтовая, 977 верстѣ по странѣ населенной; болѣе чѣмъ на 750 верстахъ параллельно съ нею идетъ водяной путь по *Нонни* и *Сунгари*.

8) Побочная почтовая дорога изъ *Цицикара* въ *Хулань-ченъ* — 431 верста.

9) Дорога изъ Цурухайту, на Аргунн, въ Мергенъ, съ трудомъ проѣзжаемая на колесахъ—477 верстъ.

10) Изъ Цурухайту же въ Цицикарь на Хулунь-боиръ — 539 верстъ плохой колесной дороги.

В. Дороги къ Пекину.

11) Отъ Гирина до Мукдена 404, а оттуда до Пекина 749, всего же 1, 153 версты почтового пути по странѣ населенной.

12) Кратчайшая дорога въ Пекинъ изъ Цицикара черезъ восточную Монголію—1,133 версты.

13) Кратчайшая дорога изъ Бедуне черезъ Монголію же до Пекина—970 верстъ.

14) Кромѣ того, внутри Маньчжуріи есть порядочная колесная дорога поперекъ страны, отъ Бедуне чрезъ Ажехъ въ Сань-синь.

Населеніе.

Было время, когда весь бассейнъ Сунгари, т. е. главная часть Маньчжуріи, не имѣлъ другаго населенія, кромѣ разныхъ тунгузскихъ племенъ. Это время отстоитъ отъ насъ менѣе чѣмъ на два съ половиною столѣтія. Но съ тѣхъ поръ какъ маньчжурскіе государи, тунгузской расы, возсѣли на пекинскій престолъ и вывели въ Китай значительную часть своихъ соплеменниковъ, чтобы помощію ихъ поддерживать свое господство въ Среднемъ царствѣ, съ тѣхъ поръ приливъ въ маньчжурскія пустыни китайцевъ сдѣлался такъ великъ, что страна стала въ этнографическомъ смыслѣ какъ бы продолженіемъ Шань-дуна и Чжи-ли. Изъ 12 милліоновъ душъ, которыя, по Уильямсону и другимъ новѣйшимъ авторитетамъ, составляютъ населеніе Маньчжуріи, едва-ли найдется одинъ милліонъ туземцевъ; остальные 11 милліоновъ китайцы. Да и въ составѣ одного тунгузскаго милліона значительная часть утратила всѣ свои племенные особенности, даже языкъ, и сдѣлалась по наружности трудно-отличимою отъ пришельцевъ изъ-за великой стѣны. Особенно Ляодунъ нужно считать совершенно китайской землею; въ остальныхъ же двухъ губерніяхъ китайцы составляютъ замѣтное большинство, и только въ суровой Дауріи они уступаютъ числомъ туземцамъ: солонамъ, дахурамъ, орочонамъ и баргу-буратамъ. Слѣдующія подробности дадутъ болѣе обстоятельное понятіе какъ о племенномъ составѣ, такъ и о степени гражданского развитія маньчжурскаго населенія.

Китайцы, какъ сказано, образуютъ огромное большинство, именно до 11 миллионѣвъ. Изъ нихъ 8 или 9 миллионѣвъ живутъ въ Ляодунѣ, который такимъ образомъ является странѣю весьма густо-населенною (до 3,000 душъ на кв. м.). Трудолюбивое население это, составленное большею частію изъ шань-дунцевъ, чжн-лйцевъ и ихъ потомковъ, сдѣлало Шень-цзинскую провинцію совершеннымъ продолженіемъ своей родины и сохранило всѣ ея обычаи. Сверхъ неустанныхъ земледѣльческихъ работъ, оно дѣлательно занято ремеслами, торговлей и перевозкой товаровъ. Сорго, кукуруза, бобы, частію рисъ, хлопковъ и даже шелкъ, затѣмъ конопля и макъ старательно воздѣлываются въ Ляодунѣ. Въ такихъ городахъ, какъ Муань, Цзинь-чжау-фу, Фынъ-хуанъ-ченъ, кипитъ дѣлательная торговля. Повсюду есть училища для дѣтей, и китайская цивилизація здѣсь столь же развита, какъ и въ самомъ Среднемъ царствѣ. Китайскіе чиновники занимаютъ большую часть канцелярскихъ должностей, хотя, нужно замѣтить, въ Маньчжуріи, по закону, правительственная власть принадлежитъ исключительно маньчжурамъ. Также и земля, нанимаемая китайскими хлѣбопашцами, нерѣдко принадлежитъ туземнымъ дворянамъ, которые впрочемъ сами вполне окитаились.

Въ гириньскомъ и въ цинцзярскомъ воеводствахъ китайцы больше изъ ссыльных или изъ ихъ потомковъ. Такъ, напримѣръ, Цинцзяръ имѣетъ въ составѣ своего населенія значительное число политическихъ ссыльных или оштрафованныхъ чиновниковъ. Въ деревняхъ также нерѣдко можно видѣть ссыльно-переселенцевъ, которые водворены тутъ для обработыванія казенныхъ земель, съ обязанностию извѣстное количество хлѣба доставлять ежегодно въ казну. Замѣчательно, что эти ссыльные, нерѣдко поселенные среди маньчжуровъ или солоновъ, не сливаются съ ними и продолжаютъ говорить своимъ языкомъ, какъ то мы видимъ даже на Амурѣ, около Айгуна, гдѣ есть селенія маньчжурскія, даурскія и китайскія. Въ пустынныхъ сань-синьского, лингутиньского и хунчуньского округовъ весьма многочисленны бѣгле безсемейные китайцы, такъ называемые *маньчжизм*. Они частію занимаются земледѣліемъ, частію отправляются лѣтомъ на промыслы трюанговъ и морской капусты въ наши владѣнія, частію собираютъ и сбываютъ жень-шенъ и, наконецъ, отчасти ведутъ мелочную торговлю, содержатъ постоянные дворы, вторые дома и т. п.

Дунмане, т. е. окитаившіеся турки, весьма многочисленны въ Маньчжуріи, куда ихъ сослало китайское правительство. Они

имѣютъ вполне наружность китайцевъ, но отличаются мусульманскою вѣрою, энергическимъ характеромъ, трезвостью и національною сплоченностью, подобно евреямъ у насъ. Особенно многочисленны въ городахъ Гиринѣ, Бадунѣ, Аже-хэ и Сансинѣ. Въ Аже-хэ они составляютъ болѣе четверти всего населенія, именно 1,800 семей. Всюду они имѣютъ свои мечети. Китайцевъ и маньчжуровъ ненавидятъ и весьма склонны къ возмущеніямъ противъ нихъ. Возмущенія и бывали уже не разъ, при чемъ обыкновенно первые удары китайской мести падали на муллъ и на мечети.

Маньчжуры — коренное населеніе верхне-сунгарійскаго и части ляосскаго бассейновъ, нынѣ, какъ сказано, болѣею частию окитаившееся. Имъ принадлежитъ значительная часть земель въ шенъ-цзинской и гириньской губерніяхъ, на правахъ помѣщиковъ и военныхъ поселенцевъ, ибо всѣ маньчжуры — военные, подобно нашимъ казакамъ. Маньчжуры же одни могутъ занимать главныя правительственныя должности въ странѣ, хотя они нерѣдко управляютъ китайскими письмоводителями и секретарями. Въ сѣверныхъ провинціяхъ они сохранили свою національность, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ языка, усвоивъ впрочемъ одежду, жилище и обыкновенія китайскихъ пришельцевъ. Изъ нихъ состоятъ гарнизоны всѣхъ городовъ Маньчжуріи, и они же содержатъ пограничныя посты.

Таковы осѣдлые и «цивилизованные» обитатели страны, занимающіе ея села и города. Теперь исчислимъ менѣе образованныхъ, полуосѣдлыхъ и бродячихъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ *дахурамъ*, обитателямъ бассейна Нонни и части береговъ Амура. Это также земледѣльцы-воины, подобно маньчжурамъ; но они отличаются отъ послѣднихъ языкомъ (впрочемъ тоже тунгусскаго корня) и промыслами, между которыми немаловажное мѣсто занимаетъ охота на лѣсныхъ звѣрей. Число дахуровъ не велико, именно не болѣе 15,000 душъ обоюбого пола. Почти наравнѣ съ ними по числу стоятъ родственные имъ, но происхожденію и занятіямъ, *солонги*, обитатели праваго берега Нонни, тогда какъ дахуры держатся болѣе на лѣвомъ. Оба эти племена несутъ военную службу и считаются храбрѣйшими ратниками Небесной имперіи. Они состоятъ изъ людей крѣпкаго сложенія, выносливыхъ и очень искусныхъ въ стрѣльбѣ изъ луговъ и ружей. Управление ими принадлежитъ особымъ военачальникамъ изъ ихъ среды, живущимъ въ Бутхѣ, на Нонни.

Гомды, сунгарійскіе, амурскіе и усурійскіе, суть настоящіи

охотничій и рыболовный народъ. Въ старинныхъ китайскихъ описаніяхъ ихъ называли юй-пхи-да-цзы, т. е. рыбокожіе инородцы, потому что нѣкоторыя части ихъ одежды состояли изъ рыбьихъ кожъ. Теперь они уже почти не носятъ такихъ одеждъ, замѣнивъ ихъ китайскими и отчасти русскими тканями. Кромѣ того они ведутъ нынѣ уже не чисто-бродячую, а полусѣдлую жизнь, имѣя дома на китайскій ладъ и только часто отлучаясь изъ нихъ для охоты и рыбной ловли. Племя это малочисленно, едва ли состоитъ болѣе чѣмъ изъ 6—7,000 душъ, но разбросано на огромномъ пространствѣ отъ малаго Хингана до овера Ханка и отъ Хурхи до устья Усури. Обыкновенно оно живетъ деревеньками въ два, три двора, при которыхъ изрѣдка есть огороды и высатся на столбахъ амбары для храненія мѣховъ и сушеной рыбы.

Мангры и *орочоны* суть обитатели верхняго Амура, совершенно бродячіе, т. е. не имѣющіе домовъ. Изъ нихъ первые держатъ для перевозки своего скарба лошадей, а послѣдніе оленей. Живутъ въ юртахъ изъ березовой коры или изъ звѣриныхъ шкуръ. Занимаются исключительно рыболовствомъ и охотою. Крайне бѣдны. Число ихъ едва ли превосходитъ нѣсколько сотъ, хотя въ 1858 году китайцы перевели къ себѣ и всѣхъ ихъ соплеменниковъ съ лѣваго берега Амура.

Баргу-бураты—небольшое племя монголо-тунгусское, на правой сторонѣ Аргуня, въ Хайларскомъ округѣ. Оно кочевое и числится въ военномъ вѣдомствѣ для несенія службы на пограничныхъ караулахъ.

Кромѣ того, на нѣкоторыхъ мѣстахъ официальной маньчжурской территоріи встрѣчаются *монголы*, впрочемъ въ весьма небольшомъ числѣ. Такимъ образомъ, вообще, въ Маньчжуріи живутъ:

Китайцы и дунгане	11,000,000
Маньчжуры	1,000,000
Дахуры и солоны	30,000
Гольды, мангры и пр.	10,000

Итого . . 12,040,000

Въ политическомъ отношеніи важно, что въ населеніи этомъ поддерживается не только племенная и религіозная рознь, но даже отчасти вражда. Общимъ недругомъ стоятъ маньчжуры, конечно потому, что они образуютъ привилегированную военную и чиновничью касту, живущую насчетъ другихъ. Затѣмъ всѣ магометане, составляющіе меньшинство, болышею частью зажиточное, не поль-

зуются расположеніемъ большинства, которое они эксплуатируютъ, да и правительства, которое плохо вѣрять въ ихъ миробіе и преданность. Христиане пока малочисленны въ странѣ, но они также составляютъ нѣчто отдѣльное отъ послѣдователей другихъ религій. Маньчжуры, солоны, дахуры и баргу-бураты, имѣющіе отчасти аристократическій общественный строй, не любятъ демократовъ — китайцевъ, и, наконецъ, гольды, манегры и орочны ненавидятъ какъ китайцевъ, такъ и маньчжуровъ, послѣднихъ за жестокость въ обращеніи, а первыхъ за наглое мошенничество въ торговыхъ дѣлахъ. Къ этой племенной, экономической и религіозной розни присоединяется еще рознь социальная у анархическихъ маньчжуровъ, большею частію отверженцевъ легальнаго общества.

Все вышеизложенное населеніе, кромѣ орочныхъ, манегровъ, баргу-буратовъ и отчасти гольдовъ, живетъ въ постоянныхъ осѣдлостяхъ, которыя, начинаясь отдѣльными хуторами и фермами ссыльно-поселенцевъ и маньчжуровъ, доходятъ до размѣра большихъ городовъ. Послѣдніе служатъ, какъ и естественно, правительственными центрами, и здѣсь уместно будетъ ихъ перечислить, а нѣкоторые и описать.

А. Шень-цзинская губернія, въ ней:

а) Область Ляо-си или Цзинь-чжеу-фу; города: Цзинь-чжеу-фу, Нянъ-ю-ань-чжеу, И-чжеу и Гуань-нинъ-сянь.

б) Область Финь-тхянь-фу или Мукденская; города: Мукденъ или Шень-цзинъ, Ляо-ань-чжеу, Фу-чжеу, Хай-чжеу, Гай-пхинъ-сянь, Кхай-юань-сянь, Нинъ-хай-сянь, Ю-ань-чэнь, Финь-хуанъ-чэнь, Ню-чуань, Синъ-цинъ, Те-линъ.

Б. Гиринская губернія; въ ней города: Гиринъ, Нингута, Хунь-чунъ, Сань-синъ, Аже-хэ, Лалинь, Бедунэ, Да-шенъ-ула (Бутха), Куанъ-ченъ-цзе.

В. Губернія Амурская (Хейлун-цзянь или Сахалинь-ула); въ ней города: Цицикарь, Хайларь, Мергенъ, Аргунъ (Сахалинь-ула-хотонъ) и Хуланъ-чэнь.

Объ этихъ городахъ замѣтимъ слѣдующее:

Мукденъ есть столица Маньчжуріи и вмѣстѣ вторая столица всей Китайской имперіи, потому что импѣриалъ императорскій дочь родомъ изъ Маньчжуріи и очень дорожитъ своею отчизною. Это большой городъ съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ. Подобно Пекину, онъ имѣетъ всѣ высшія правительственныя мѣста, кромѣ ли-бу, т. е. министерства чиновъ. Обширные сады и дворцы, ученая академія, основанная въ 1680 году, и нѣсколько казенныхъ

складовъ и мастерскихъ оружія составляютъ его замѣчательности. Цѣлый кварталъ въ этомъ городѣ населенъ желто-поясными князьями, т. е. людьми, принадлежащими въ императорской фамиліи и имѣющими право носить желтый поясъ. Вообще, въ глазахъ дайцинской династіи, это священный городъ, и императоръ Цянь-Лунъ написалъ въ честь его поэму. Въ окрестностяхъ его находятся кладбища основателей могущества маньчжурскаго дома, а въ самомъ городѣ прежде хранился запасный фондъ въ 20,000,000 рублей, на случай изгнанія маньчжуровъ изъ Пекина. Изъ правительственныхъ мѣстъ, здѣсь расположенныхъ, министерство финансовъ заведуетъ податями, казенными фермами и плантаціями хлопчатой бумаги и индиго, таможнями и оброкомъ съ лѣса и тростника; военное — гарнизонами и почтовыми станціями; уголовное — дѣлами маньчжурскихъ и монгольскихъ солдатъ (но не китайцевъ). Палата строений управляетъ постройками, черепичными, рогожными, угольными и другими заводами, приготовляетъ оружіе и проч. Министерство церемоній заведуетъ императорскими кладбищами и управляетъ церемоніи, назначаеми по придворному календарю.

Цэнь-чжэу-фу — главный городъ въ западной половинѣ Ляодуна, довольно населенный, но вообще второстепеннаго значенія, такъ что и большая дорога изъ Пекина въ Мукденъ проходитъ мимо его, черезъ соседнее мѣстечко Шуань-янъ.

И-чжэу — неважный городокъ, въ окрестностяхъ котораго, впрочемъ, замѣчательны конскіе заводы императора; отсюда же ведется торговля съ юго-восточной Монголіей.

Ню-чуань (собственно Инъ) — единственный открытый для иностранцевъ портъ Маньчжуріи, верстахъ въ 20 отъ устья Ляо и нѣсколько въ сторонѣ отъ этой рѣки. Значеніе это быстро растетъ.

Финг-хуанг-чэнг, близъ корейской границы, съ двумя ярмарками въ году, на которыхъ производится торговля съ корейцами, въ остальное время запрещенная.

Синг-цинъ или Инденъ — горный городокъ, замѣчательный исторически: въ немъ получила начало маньчжурская царственная династія.

Куанг-чэнг-цзе — новый городъ у Тынчиковой границы съ юго-восточной Монголіей, тамъ, гдѣ эта граница пересѣкается рѣкою Итунью. Имѣетъ до 30,000 жителей и служитъ мѣстомъ отправленія въ Монголію и сѣверную Маньчжурію европейскихъ товаровъ изъ Ню-чуаня.

Гиринъ — главный городъ Гириньской губерніи, съ населеніемъ

отъ 60 до 100,000 душъ. Лежатъ на лѣвомъ берегу рѣки Сунгари въ узкой долинѣ, командуемой горами. Здѣсь центръ маньчжурскаго судостроенія и начало дѣятельнаго судоходства по Сунгари и ея притокамъ. Для постройки джонокъ существуетъ особое адмиралтейство. Въ городѣ не мало магометанъ, которые имѣютъ три мечети. Кромѣ квартиры цаянь-цзюня, т. е. воеводы, корпуснаго командира, а вмѣстѣ и губернатора, здѣсь есть большой гарнизонъ и команда матросовъ для военныхъ джонокъ; а верстахъ въ тридцати къ сѣверу, на правомъ берегу Сунгари, въ городѣ *Бутан* или Да-шенъ-улъ, собираются военные малолѣтки со всей провинціи для обученія ратному дѣлу.

Бедуэ — городъ въ 20—30,000 жителей на правомъ берегу Сунгари, близъ развалинъ прежняго города того же имени. Имѣетъ много жителей мусульманъ и ведетъ дѣятельныя сношенія съ Монголіею.

Ламин — 20,000 жителей.

Аже-хэ — въ 45 верстахъ южнѣе рѣки Сунгари, на одномъ изъ ея притоковъ, въ центрѣ довольно густо-населенной страны. Жителей болѣе 30,000, дѣятельно занимающихся ремеслами и торговлею.

Самъ-синъ — крайній къ сѣверо-востоку городъ по Сунгари и центръ торговли мѣхами, рыбой и грубыми тканями, а также хлѣбомъ и водкой, идущими въ обмѣнъ двухъ первыхъ продуктовъ, привозимыхъ гольдами или скупаемыхъ у нихъ китайскими промышленниками. Городъ имѣетъ не болѣе 10,000 жителей и состоитъ изъ одной длинной улицы и нѣсколькихъ ей поперечныхъ. Расположенъ на берегу Хурги, у впаденія ея въ Сунгари, на правыхъ берегахъ обѣихъ рѣкъ.

Нингута — значительный провинціальный городъ, съ населеніемъ до 60,000 жителей. Лежитъ въ неширокой долинѣ Хурги, омывающей его съ востока и юга. Онъ центръ торговли мелочной, но значительной. Въ исторіи Маньчжуріи Нингута играла немаловажную роль съ давняго времени, да и теперь слоняетъ съ рожевымъ ея пунктомъ со стороны Усурійскаго края.

Хунъ-чунъ — мѣсто для ярмарки съ корейцами и отчасти съ русскими, вблизи отъ границъ обонхъ сосѣднихъ государствъ. Здѣсь же приготовляются обыкновенно къ промысламъ за капустою и трепангами многочисленныя китаискіе лодочники, которые на лѣто уходятъ къ намъ, на берега Южно-Усурійскаго края.

Цицикаръ — главный городъ Амурской губерніи, на восточной

сторонѣ Нонни-ули, противъ древняго Наунь-хотоня, посѣщеннаго Исбрандъ-Идесомъ. Онъ построенъ въ 1681 году передъ отправленіемъ первой китайской экспедиціи противъ Албазина и нынѣ служить резиденціею цзянь-цзюня, командующаго всѣми военными силами на Аргуни, на Амурѣ до устья Сунгаря и вообще въ Дауріи. По статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ еще Сычевскимъ (1840 г.) въ немъ считается:

домовъ	741
хлѣбныхъ магазиновъ	59
посудныхъ лавокъ	9
гостинницъ	6
лавокъ съ товарами	100
торговцевъ китайцевъ	1,534 человекъ.

Позднѣйшіе путешественники не дали никакихъ другихъ цифръ, а только подтвердили, что городъ не великъ и ничтоженъ въ промышленномъ отношеніи. Въ составѣ его населенія есть много ссыльныхъ, особливо чиновниковъ. Во время Сычевскаго, въ цѣломъ Цицикарскомъ уѣздѣ было не болѣе 42,500 душъ; теперь колонизація много увеличила эту цифру.

Хуланъ-ченъ — ничтожный уѣздный городокъ на рѣкѣ Хулань, верстахъ въ четырехъ отъ впаденія ея въ Сунгури слѣва.

Мертень — опять созданіе императора Кханъ-си, въ 1688 году, т. е. предъ послѣднею экспедиціею въ Албазинъ. Въ немъ, по Сычевскому, всего 400 домовъ и 37 лавокъ съ товарами. Новые путешественники тоже не полагаютъ болѣе 500 домовъ. Городъ мертвый, ничтожный, въ округѣ котораго въ сороковыхъ годахъ считалось едва 23,250 душъ.

Бутха — мѣстечко на рѣкѣ Нонни, служащее мѣстопробываніемъ вождей даурскаго и солонскаго, имѣющихъ чины бригадировъ.

Айунъ или Сахалянъ-ула-хотонъ или [Хейлунъ-цзянь-ченъ, на правомъ берегу Амура, въ 34 верстахъ отъ Благовѣщенска, съ населеніемъ до 10,000 душъ и съ адмиралтействомъ для джонокъ, находящимся у сѣвернаго конца города, тогда какъ южный занятъ крѣпостию съ деревянною оградой, какъ и во всѣхъ численнѣйшихъ доселѣ городахъ Маньчжуріи, кромѣ Мукдена, имѣющаго каменную стѣну. Служитъ резиденціею амбана, который сносится съ губернаторомъ въ Благовѣщенскѣ.

Хаймаръ или Хулунъ-бейръ — городокъ, состоящій изъ неболь-

шаго числа жилищъ чиновниковъ и китайскихъ купцовъ, но окруженный уже кочевымъ населеніемъ.

Кромѣ этихъ населенныхъ пунктовъ есть нѣсколько мѣстечекъ и селъ, заключающихъ въ себѣ по нѣскольку тысячъ жителей и служащихъ центрами мѣстныхъ промысловъ и торговли. Ихъ отличие отъ городовъ состоитъ только въ томъ, что они не имѣютъ укрѣпленій. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ подобныя большія селенія становятся рѣже; селенія же по Сунгари, Амуру (кромѣ лежащихъ около Айгуна) и Усури отличаются своими малыми размѣрами, заключаая нерѣдко пять, три и даже одинъ домъ. Въ средне-сунгарійской низменности есть также много отдѣльныхъ земледѣльческихъ усадебъ и постоянныхъ дворовъ. Всѣ постройки въ маньчжурскихъ городахъ и деревняхъ, обыкновенно деревянные, не отличаются ни обширностью, ни удобствами, такъ что для расквартированія войскъ, въ случаѣ занятія городовъ, могутъ послужить правительственныя зданія въ укрѣпленіяхъ, да отчасти кумирни.

Военный обзоръ.

Страна въ 15,000 квадратныхъ миль, съ 12,000,000 населенія, могущаго у себя дома находить въ изобиліи всѣ средства содержанія; страна, которою, изъ всѣхъ застѣнныхъ своихъ владѣній, особенно дорожатъ повелители обширной Небесной имперіи, такая страна заслуживаетъ съ нашей стороны особеннаго вниманія въ военномъ отношеніи. Можно сказать, что изъ *всѣхъ прилежащихъ къ Россіи азіатскихъ земель, она одна можетъ занять относительно насъ угрожающее, или, по крайней мѣрѣ, наступательное положеніе*, тѣмъ болѣе для насъ невыгодное, что сосѣднія наши владѣнія на Амурѣ, по крайне-слабой населенности и по большому отдаленію отъ центровъ нашего могущества, представляютъ мѣстность совершенно открытую для нападешя. Исторія показываетъ, сверхъ того, что китайцы здѣсь уже нѣбли однажды перевѣсъ надъ нами. Поэтому прежде всего рассмотримъ составъ и распредѣленіе военныхъ силъ Китая въ этой странѣ.

Войска подчинены тремъ цзянь-цяюнямъ или корпуснымъ командирамъ, которые имѣютъ и гражданскую власть въ краѣ, слѣдовательно, распоряжаются всѣми его средствами. Ближайшее начальство принадлежитъ мѣстнымъ начальникамъ — фу-ду-тунамъ (мейренъ-чанчинамъ), гусайдамъ и т. д., которые всѣ также суть на-

чальники мѣстной гражданской администраціи. Отсюда видно, что всѣ маньчжурскія войска нужно въ самомъ тѣсномъ смыслѣ считать *местными*, тѣмъ болѣе, что они: а) составлены изъ маньчжуровъ мѣстныхъ жителей, и б) не имѣютъ перевозочныхъ средствъ для дальнихъ походовъ. Кроме того, относительно ихъ можно замѣтить, что, разумѣется, они дурно вооружены, обучены и вообще въ тактическомъ смыслѣ стоятъ ниже самыхъ плохихъ европейскихъ войскъ, но считаютъ себя храбрѣйшими въ цѣломъ Китаѣ. Большая часть войскъ — *воиница*.

Распределение по поверхности страны выражается слѣдующею таблицею, изъ которой не трудно замѣтить, что пекинское правительство заботилось въ Ляодунѣ, гдѣ много колонистовъ-китайцевъ, занять возможно-большее число пунктовъ, а въ сѣверной Маньчжуріи утвердиться по *тремъ* важнѣйшимъ стратегическимъ *мѣстамъ*: къ сторонѣ верхняго Амура, по Сунгари и къ сторонѣ Хуньчуна, т. е. Японскаго моря.

Въ провинціи или воеводствахъ Шень-цзинь, т. е. въ Ляодунѣ, расположены:

1) Въ *Мундемъ*: квартира цзянь-цзюня, командующаго войсками провинціи, квартира футудуна, т. е. дивизионнаго генерала, начальствующаго войсками въ городѣ, 207 офицеровъ, 1,188 человекъ пѣхоты, 5,280 человекъ конницы, всего же съ рабочими 7,050 человекъ.

2) Въ *И-чжеу*: бригадный генералъ, командующій соседними постами на Тычиньской границѣ и заведывающій обширными конскими заводами (табунами) въ окрестности города; подъ его командою 1,011 человекъ.

3) Въ *Кай-ю-ань*: бригадный генералъ, заведывающій соседними постами на Тычиньской границѣ; при немъ 1,128 человекъ.

4) Въ *Сюнъ-ю*: гайчжеускаго уѣзда: бригадный генералъ и при немъ 1,005 человекъ.

5) Въ *Нинъ-ханъ*: при бригадномъ генералѣ конницы 863 человекъ матросовъ при джонкахъ 600 человекъ.

6) Въ *Цзинъ-чжеу-фу*, при бригадирѣ, конницы 824 человека.

7) Въ *Фынъ-хуанъ-ченъ*, при полковникѣ, которому подчиненъ и соседній съ Кореею постъ, 667 человекъ.

8) Въ *Фу-чжеу*, при полковникѣ, 608 человекъ.

9) Въ *Синъ-цинъ* (Индень), при полковникѣ, заведывающемъ и соседнимъ постомъ на корейской границѣ, 763 человека.

- 10) Въ *Сю-ян-чен*, при полковникѣ, конница 570 человекъ.
- 11) Въ *Люй-шун*, при майорѣ, моряки 517 человекъ.
- 12) Въ *Ляо-ян-чжэу*, при полковникѣ, конницы 478 человекъ.
- 13) Въ *Гуань-нин-сян*, при майорѣ, конница 517 человекъ.
- 14) Въ *Гай-чжэу*, при майорѣ, конница 424 человека.
- 15) Въ *Ню-чуан*, при майорѣ, 390 человекъ. Кроме того есть губернаторъ порта.

- 16) Въ *Цзюй-лю-хэ*, при двухъ капитанахъ, 209 человекъ.
- 17, 18 и 19) Въ *Байци-бу*, *Сяо-хэ-шан* и *Лю-ян-и* по 209 человекъ, съ капитанами, 627 человекъ.
- 20) Въ *Сяо-мин-хэ*, при двухъ капитанахъ, 216 человекъ.
- 21) Въ *Нинь-юан-чжэу*, тоже, 216 человекъ.
- 22) Въ *Чжун-хоу-со*, тоже, 211 человекъ.
- 23) Въ *Темин*, при четырехъ прапорщикахъ, 207 человекъ.
- 24) Въ *Ху-шун*, 133 человека. Итого въ Шань-цинѣ 11,789 человекъ.

Въ воеводствѣ Гиринь-ула:

- 1) *Гиринь*, квартира цзянь-цзюня; въ городѣ и въ окрестностяхъ подъ начальствомъ фудутуна 4,014 человекъ.

Въ томъ числѣ 674 артиллеристовъ-техниковъ, т. е. оружейниковъ, пороходѣловъ, литейщиковъ и т. под.

- 2) *Да-шен-ула* или *Бутха*. При бригадирѣ, малолѣтковъ (до 19 лѣтъ), которые здѣсь только обучаются военному дѣлу, особенно верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ, 3,837 человекъ.

- 3) *Сам-син* (Нлань-хала), при бригадномъ генералѣ, 1,577 человекъ.

- 4) *Нингута*, то же, 1,569 человекъ.

- 5) *Бедун*, то же, 1,093 человека.

- 6) *Ла-мин*, при майорѣ, 581 человекъ.

- 7) *Хун-чун*, при полковникѣ, 458 человекъ.

- 8) *Аже-хэ*, то же, 459 человекъ.

- 9) *Куанг-чен-изе*, при двухъ капитанахъ, 206 человекъ.

- 10) *Омого-соло*, при капитанѣ, 122 человека. — Итого въ Гиринь-ула 13,916 человекъ.

При войскахъ въ Гиринѣ имѣются казенныя джонки, вооруженныя.

Въ воеводствѣ Амурскомъ:

- 1) *Цицикаръ*. Квартира цзянь-цзюня. Въ городѣ конницы 2,621, матросовъ 268, мастеровыхъ 300, всего 3,189.

- 2) *Хайларъ*, при дивизионномъ генералѣ, солонны, баргу-бураты

и монголы. Большая часть ихъ расположена по пограничнымъ съ Россією карауламъ или же ведетъ кочевую жизнь, либо содержитъ станціи по дорогѣ въ Цицикаръ. Между офицерами много наслѣдственныхныхъ чиновъ.

3) *Бутха*—центръ управленія солонами и дахурами. Въ городѣ начальствуютъ три бригадира: маньчжурскій, солонскій и даурскій. У нихъ подъ начальствомъ всего 2,369 человекъ.

4) *Айгунъ*. При бригадномъ генералѣ, конницы, большая часть безъ лошадей, 1,557 человекъ, матросовъ, при 51 джонгѣ, 438 человекъ.

5) *Мергенъ*, при бригадномъ генералѣ, 1,022 человекъ, матросовъ, при шести джонкахъ, 44 человекъ.

6) *Хуланъ-чэнъ*, при полковникѣ, 507 человекъ. — Итого въ Сахалинъ-ула 11,834 человекъ.

Итакъ, въ общемъ итогѣ, Маньчжурія имѣетъ 37,539 офицеровъ, солдатъ, матросовъ и военно-рабочихъ. Если бы пекинское правительство ни въ чемъ не принялось за преобразование этой арміи, какъ оно сдѣлало въ собственномъ Китаѣ, гдѣ войска имѣютъ уже наръзное оружіе, то, конечно, сила эта была бы болѣе чѣмъ достаточна, чтобъ поставить насъ, при первомъ столкновеніи на Амурѣ, въ крайне затруднительное положеніе. Особенно это можно сказать потому, что у насъ въ цѣломъ Амурскомъ краѣ нѣтъ ни одного укрѣпленнаго склада запасовъ.

Пути дѣйствій изъ Маньчжуріи въ сторонѣ нашихъ владѣній могутъ служить:

а) Мѣстность по Аргуню, отъ Абагайту до Аргунскаго, гдѣ мелкія конныя партіи кочевниковъ, вторгаясь въ наши владѣнія, вплававъ черезъ рѣку Аргунь, могутъ дѣлать много безпокойствъ приграничнымъ жителямъ.

б) Дорога изъ Цицикара и Мергени черезъ Айгунъ и оттуда на лѣвый берегъ Амура, чрезъ маньчжурскія селенія къ нашимъ деревнямъ на притокахъ нижней Зеи, или же прямо черезъ Амуръ противъ Благовѣщенска, который можетъ быть разоренъ артиллерійскимъ огнемъ изъ деревни Амба-Сахалинъ.

в) Водяной путь по Сунгари, изъ Сань-сина, противъ казачьихъ станицъ на среднемъ теченіи Амура.

д) Изъ Нингуты въ При-ханкайскій край могутъ быть, по приѣзду 1868 года, высланы шайки разбойниковъ для истребленія нашихъ малолюдныхъ и разбросанныхъ селеній у Ханкая и на Суй-фунѣ.

е) Оттуда же и изъ Хунь-чуна можно, наконецъ, нанести намъ важный по своимъ послѣдствіямъ ударъ завоеваніемъ приморской полосы между устьями Суйфуна и Тумень-ули, этой важнѣйшей въ стратегическомъ отношеніи части русско-азіатскихъ земель.

Что касается до оборонительныхъ дѣйствій маньчжуровъ при нападеніи съ нашей стороны, то очевидно, что подобное нападеніе можетъ послѣдовать также лишь по одному изъ исчисленныхъ пяти направленій, и при этомъ всѣ выгоды будутъ на сторонѣ маньчжуровъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Какую бы дорогу мы ни избрали, она представляетъ дефиле въ томъ смыслѣ, что по сторонамъ ея, на нѣсколько сотъ верстъ отъ нашей границы — пустыня. Уничтоживъ запасы по самой дорогѣ и попортивъ мосты, маньчжуры поставятъ насъ въ самое затруднительное положеніе, можно сказать, лишатъ возможности наступать.

2) Отступая внутрь страны, маньчжуры будутъ все болѣе и болѣе сближаться съ средоточеніемъ своего могущества, съ мѣстами запасовъ, съ центрами большого населенія, тогда какъ мы будемъ все болѣе и болѣе удаляться отъ своихъ и безъ того ненадежныхъ базисовъ.

3) Малая война чрезвычайно удобна на всѣхъ сухопутныхъ дорогахъ отъ насъ въ Маньчжурію. Пользуясь закрытіями отъ горъ и лѣсовъ, маньчжуры могутъ наносить намъ огромный вредъ, не вступая съ нами въ рѣшительное сраженіе.

Вотъ почему можно сказать, что въ случаѣ наступательной войны съ нашей стороны мы ничего болѣе не можемъ сдѣлать, какъ занять Хайларъ, Айгунъ, Хунь-чунъ и, быть можетъ, Санъ-синь; но идти далѣе въ глубь страны будетъ опасно. Разумѣется, если у насъ будетъ на Восточномъ океанѣ довольно сильная эскадра, то мы можемъ нанести большой вредъ Маньчжуріи блокадою ея портовъ у Желтаго моря, особенно Ню-чуаня. Только необходимо при этомъ имѣть въ виду, что нынѣ китайцы имѣютъ уже военный флотъ, хотя и немногочисленный, что входъ въ рѣку Ляо возможенъ только для мелкосидящихъ судовъ и что этотъ входъ можетъ быть защищенъ подводными минами.

Если бы, собравъ значительныя силы и утвердись прочно на Амурѣ, мы пожелали отнять у маньчжуровъ часть ихъ территоріи, то само собою разумѣется, что наиболѣе легкое и полезное завоеваніе была бы полоса земли по лѣвымъ притокамъ Усури, до Кан-тая, гдѣ населеніе чрезвычайно рѣдко. Но занявъ этотъ край вой-

сками, пришлось бы его немедленно колонизовать, а на это рассчитывать почти невозможно при настоящемъ состояніи нашихъ владѣній на Амурѣ, и вообще въ Восточной Сибири.

Соображая все это, мы должны сказать, что въ видахъ чисто стратегическихъ, не говоря уже объ экономическихъ и другихъ, мы должны, по возможности, слѣпить упроченіемъ нашихъ владѣній въ Амурскомъ краѣ и особенно усилить въ немъ колонизацію, дабы въ случаѣ войны съ Китаемъ не подвергнуть драгоцѣннѣйшаго изъ нашихъ азіатскихъ владѣній участи имъ уже однажды испытанной въ XVII вѣкѣ. Маньчжурія не такой сосѣдъ, какъ другія среднеазіатскія земли: со стороны ея можно ожидать многихъ опасностей.

Источники.

1) *Description de la Chine et de Tartarie Chinoise*, par Du-Halde, tome IV; *Description du pays de Mandchoux par Régis*.

2) *Лакшфъ*: «Статистическое описаніе Китайской Имперіи» главы о Маньчжуріи и о военныхъ силахъ Китая.

3) *Риттеръ*: «Землеустройство Азіи», т. I, переводъ *Семенова*, гдѣ сведены всѣ источники по 1864 году.

4) *Сычевскій*: «Хейлунцзянская провинція»; рукопись.

5) *Васильевъ*: «Описаніе Маньчжуріи и записки Ученя о Нингутѣ», въ Запискахъ Географическаго Общества.

6) *Васильевъ*: «Описаніе рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ», Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества.

7) *Венюковъ*: «Обозрѣніе рѣки Усури», въ Путеш. по окр. Рус. Азіи.

8) *Малеовъ*: «Поѣздка въ Цицикаръ».

9) *Кропоткинъ*: «Поѣздка черезъ Мергенъ въ Айгунъ».

10) *Кропоткинъ*: «Плаваніе по Сунгарю», съ картою.

11) *Усольцевъ*: «Плаваніе по Сунгарю».

12) *Хилковскій*: «Поѣздки въ Хайларъ и по Сунгарю», № 8—12 въ надписяхъ Сибир. Отд. Рус. Геогр. Общ.

13) *Williams*: «The Middle Kingdom».

14) *Reports on Trade* китайскихъ таможенъ за 1868 г.

15) *Williamson*: «Travels into Manchuria».

16) *Пржевальскій*: «Путешествіе въ Усурійскій край», съ картою.

17) *Архимандритъ Паладій*: «Путешествіе изъ Пекина въ Благовѣщенскъ», въ Запискахъ и мелкихъ статьяхъ въ Изв. Рус. Геогр. Общ.

18) *Венюковъ*: Рукописныя свѣдѣнія о Маньчжуріи.

Карты: а) *Д'Анчелова*, у *Дю-Гальда* въ *Descr. de la Chine*; б) *Кларковъ* *l'Asie Centrale*; в) *Вернаузова* въ *Atlas von Asien* № 2; д) *Уильямса* при the Mid Kingd.; е) *Управленія Генеральнаго Штаба Восточной Сибири*: Маньчжурія и Восточная Монголія; ф) *Шварца*, бассейнъ Амуре, Лены и пр.; г) маршрутъ *Кропоткина*; h) маршрутъ *Нахвалкина*; i) карта *Уильямсона* при *Travels into Manchuria*; k) англійская *адмиралтейская* Желтаго моря; л) *Управленія Генеральнаго Штаба Восточной Сибири*: Южно-Усурійскій край.

Участокъ пятый: Забайкалье и Халха.

Положеніе границы и предѣлы пограничнаго пространства.

Въ Халхасскому участку можетъ быть отнесена вся южная граница Забайкальской области, отъ верховій Джиды до самой Аргуни, у Абагайту, гдѣ наши земли дѣйствительно прикасаются къ землямъ халхасскихъ монголовъ. Вся эта граница, длиною 1,384 версты, проходить въ широтахъ между 49 и 51° сѣверной широты и имѣетъ крайними точками маякъ № 14, на хребтѣ Кызыныту-дабага, подъ 51°7' широты, 119°46' восточной долготы, и караулъ Абагайту, подъ 49°34' широты, 135°31' восточной долготы. Тремя важными естественными урочищами, долиною Селенги, Яблоновымъ хребтомъ и теченіемъ Онона, она раздѣляется на четыре второстепенные участка слѣдующей длины:

Отъ Кызыныту-дабага до Селенги . . . 383 версты.

› Селенги до Яблоноваго хребта. . . 307 ›

› Яблоноваго хребта до Верхне-ульхунскаго караула на Ононѣ . . . 254 ›

Отъ Онона до Аргуни . . . 440 ›

Вся граничная черта есть условная, хотя мѣстами и совпадаетъ съ нѣкоторыми естественными урочищами, особливо съ горными кряжами. Она установлена еще въ 1728 г. кяхтинскимъ договоромъ, въ которомъ статья третья буквально гласитъ слѣдующее:

«Отъ російскаго караула, строенія, которыя при рѣчкѣ Кяхтѣ, и каменнаго маяка караула китайскаго, которые суть на солкѣ Орогойту, между тѣхъ двухъ маяковъ земли лежащая раздѣлена равномѣрно пополамъ, а на срединѣ поставленъ маякъ въ знакъ разграниченія и тутъ учреждено мѣсто купечества обоихъ государствъ; оттуда посланы комисары въ обѣ стороны для разграниченія».

«И начиная отъ того вышерѣченнаго мѣста къ востоку по вершинѣ горъ Боргутскихъ до Киранскаго караула по Чикю, Ара-

Худара, Ара-Худайнъ-усу, противъ четырехъ карауловъ часть рѣки Чикоя постановлена за границу. Отъ Ара-Худайнъ-усу и отъ Убуръ-Худайнъ-усу до маякунгалскихъ карауловъ мѣста Цаганъ-ола, всѣ пустыя мѣста завладѣваемыи отъ подданныхъ российскихъ землями и маяками царства китайскаго подданныхъ мунгаловъ раздѣлены ровно пополамъ, какъ учинено на мѣстѣ, Кяхтѣ называемомъ, такимъ образомъ, что когда прилучились горы, сопки, рѣчки близъ маяковъ мунгалскихъ карауловъ, поставлены въ знакъ же границы; а въ ровныхъ мѣстахъ безъ горъ и рѣчекъ раздѣлено пополамъ и тутъ поставлены пограничныя знаки. Обоихъ государствъ люди, которые отъ маньчжурскаго караульнаго мѣста, рѣченнаго Цаганъ-ола, ѣздили до берега рѣки Аргуни, осмотра земли, которыя суть за маяками мунгалскими, единогласно за границу причили.

«Начиная отъ пограничнаго маяка, который постановленъ границею между двумя мѣстами, Кяхтою и Орогойту, идучи къ западу по горамъ: Орогойту, Тыменъ, Кундунъ, Бичуэту-Хошигу, Булесуту, Олонту, Челотуйнъ, Хонгоръ, Обоянхоръ-ола, Богосунъ-ама, Гундзанъ-ола, Кутугайту-ола, Кукунь-наругу, Бугуту-дабага- (сирѣчь проѣздъ), Дошуту-дабага, Кысыныету-дабага, Гурби-дабага и пр.... по вершинѣ сихъ горъ *) учинено раздѣленіе и за границу притчено. Между ими поперегъ какіе хребты и рѣки прилегли, хребты и рѣки пополамъ пересѣчены и равномерно раздѣлены такимъ образомъ, что сѣверная сторона российскому государству да будетъ, а полуденная сторона китайскому государству. И которые посланные съ обѣихъ сторонъ люди **) раздѣленіе ясно написали и начертили и промежъ собою письмами и чертежами размѣнялись, и къ своимъ вельможамъ привезли. Между утвержденіемъ границъ обѣихъ имперій, которыя подлые люди воровски заочевали, завладѣвъ землями, и внутри юрты поставили, сысканы и въ собственныя кочевья пероведены; также обѣихъ государствъ люди, которые перекочевывали туда и сюда, сысканы и установлены жить на своихъ кочевьяхъ, и тако пограничное мѣсто стало быть чисто».

Въ 1768 г. Кропотовъ, въ новомъ договорѣ, подтвердилъ, почти безъ измѣненій, подробности «инструментовъ» Колычева, Глазунова и Киреева, составляющіе приложение къ трактату 1728 г.

*) Стоитъ замѣтить, что по *вершинамъ* горъ, но не съ точностью по *водораздѣламъ*, какъ оно есть и въ дѣйствительности.

**) Съ нашей стороны то были Колычевъ, Глазуновъ и Киреевъ. Составленные ими акты о разграниченіи называются «инструментами».

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ частей русско-китайской границы халхасско-зabayкальская есть древнѣйшая. Установилась она совершенно прочно, т. е. хорошо извѣстна всѣмъ пограничнымъ жителямъ обѣихъ имперій, и если бывали случаи въ родѣ того, какъ въ 1869 г. на Катанцѣ (Ара-Худайнъ-усу), то они скоро разбирались мѣстными пограничными начальствами въ обоюдному удовольствію и согласно съ трактатомъ. На этой границѣ, можно сказать, выработались и тѣ правила наблюденія и охраненія граничнаго рубежа, которыя потомъ послужили образцами для инструкцій всѣмъ другимъ прирубежнымъ властямъ и подчиненной имъ стражѣ. Здѣсь, между прочимъ, искони сѣзжались ежегодно, въ условленные дни, разъѣзды отъ сосѣднихъ карауловъ обѣихъ сторонъ для осмотра пограничныхъ знаковъ.

Общее топографическое положеніе граничной черты не трудно сохранить въ памяти. На западѣ отъ Селенги это будетъ цѣпь горъ, отдѣляющая бассейнъ Дзиды отъ притоковъ Ури и Эке-гола (за небольшими исключеніями у Боготу-дабана и Желтуры); на востокъ долины Чикоя и Катанцы, потомъ ломаная линія по горамъ сѣвернѣе Онона, такая же линія по горамъ южнѣе Онона до озера Барунъ-Торей и, наконецъ, черта между этимъ озеромъ и Аргунью, проходящая степью.

Къ пограничному пространству съ китайской стороны довольно опредѣлительно можно причислить земли Цеценъ-хана и Тушету-хана или, въ топографическомъ смыслѣ, бассейны Кэрулюна и Селенги. Съ нашей стороны достаточно будетъ отнести сюда уѣзды: Селенгинскій въ полномъ объемѣ, Верхнеудинскій по Байкаль, Селенгу и Уду, Читинскій и Нерчинскій по Ингоду и Шилку, въ томъ вниманіи, что остальные части Забайкальской области очень отдалены отъ границы, не заключаютъ въ предѣлахъ своихъ никакихъ военныхъ средствъ и не имѣютъ почти дорогъ, оставаясь страню дикою, гористою и лѣсною. Въ этихъ предѣлахъ, съ нашей стороны, на долю пограничнаго пространства приходится около 6,500 квадратныхъ миль; съ китайской нѣсколько больше; въ суммѣ же до 14,000 квадратныхъ миль, что составляетъ театръ войны въ полтора раза болѣе Франціи.

Основу топографическаго изученія этого обширнаго пространства составляютъ 52 астрономическихъ опредѣленія, весьма неравныя достоинствъ; именно: у насъ, въ числѣ 24, очень удовлетворительныя, у китайцевъ же посредственныя.

Топографія.

Вся страна, въ предѣлахъ вышеуказанныхъ, представляетъ довольно высокое нагорье, на которомъ расположено нѣсколько горныхъ хребтовъ, преимущественно параллельныхъ границѣ, т. е. идущихъ отъ запада къ востоку или, точнѣе, отъ западо-юго-запада къ востоку-сѣверо-востоку. Самыя низкія мѣста на цѣломъ пространствѣ заняты Байкаломъ — 1,316 футовъ надъ моремъ; высочайшая изъ извѣстныхъ горныхъ вершинъ, Чокогда, достигаетъ 8,300 футовъ. Весьма вѣроятно, что если бы всѣ горные края расширить ровнымъ слоемъ по поверхности почвы, то средняя высота страны была бы до 3,000 футовъ надъ уровнемъ моря. При широтахъ 47—52° сѣв., и при положеніи среди самаго холоднаго материка, это объясняетъ большую часть свойствъ, которыя имѣетъ въ этихъ мѣстахъ природа.

На всемъ пространствѣ, за исключеніемъ небольшой части Нижне-Кэрулюнскаго края, Эравинской плоской возвышенности и дельты Селенги, нѣтъ равнинъ сколько-нибудь обширныхъ. Даже то, что называется обыкновенно степями, имѣетъ почву взволнованную. Большинство же пространства есть страна совершенно горная, гдѣ долины рѣкъ составляютъ исключеніе и тянутся узкими полосами. Этимъ обстоятельствомъ, а также суровостью климата въ горахъ, объясняется предпочтительная важность, которую имѣютъ здѣсь долины какъ смыслъ разселенія по краю людей, такъ и въ смыслѣ стратегическомъ, при выборѣ операціонныхъ и коммуникаціонныхъ линій.

Самая важная изъ этихъ долинъ, Толо-Селенгинская, идущая почти по меридіану 124° восточной долготы, раздѣляетъ всю страну на двѣ, впрочемъ, неравныя части. Это дѣленіе, хотя имѣющее мало значенія въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, заслуживаетъ быть принятымъ въ основаніе топографіи края, для облегченія ея изученія.

На западѣ отъ Толы-Селенги вся почва поката къ востоку; на востокѣ, до самаго Яблоноваго хребта — къ западу. Только за Яблоновымъ хребтомъ начинается снова общее пониженіе средне-азиатскаго материка къ сторонѣ Тихаго океана. Соотвѣтственно этому пластическому устройству почвы направляются и токи воды, т. е. рѣки, а съ ними и долины. Ближайшее вліяніе на направленіе водныхъ потоковъ имѣютъ слѣдующія горныя цѣпи:

I. *Восточный Саянъ съ Хамарь-Дабаномъ.* Этотъ хребетъ къ востоку отъ Мунку-Сардыка, гдѣ онъ, по-видимому, достигаетъ своей кульминаціонной точки, имѣетъ сначала направленіе на юго-востокъ, отдѣляя рѣки, текущія въ Анггару и Байкалъ, отъ притоковъ верхней Селенги. Такое направленіе, принятое имъ еще у верховій Бирюсы и Бей-кхема, онъ сохраняетъ до меридіана Култука, т. е. западной оконечности Байкала, стало бытъ на протяженіи около 600 верстъ. Нѣсколько западнѣе этого меридіана, у верховій Джиды и Зонъ-Мурена, этотъ хребетъ раздвояется, и одна, южная цѣпь его, удерживаетъ прежнее направленіе къ юго-востоку, а другая поворачиваетъ прямо на востокъ, потомъ даже на сѣверо-востокъ. Первая изъ этихъ вѣтвей ограничиваетъ бассейнъ рѣки Джиды съ юга, а вторая съ сѣвера, составляя въ то же время южный берегъ Байкала.

Вся страна, изрѣзанная этими хребтами и ихъ отрогами, есть настоящая альпійская область, изборозженная глубокими ущельями и долинами рѣчекъ и увѣчанная по хребтамъ острыми гольцами, т. е. голыми каменными вершинами. Поднимаясь, среднѣмъ числомъ, отъ 4,000 до 7,000 футовъ надъ моремъ, эти горные массивы служатъ мѣстами осажденія влаги и потому даютъ начало многочисленнымъ и многоводнымъ, въ растополь, рѣкамъ. Заросши, большею частью, лѣсами, они имѣютъ мѣстами почву сильно-болотистую, поддерживающую питаніе рѣчекъ. Влажность воздуха въ этой нагорной странѣ, особливо на юго-западѣ отъ Култука, несмотря на разстоянія въ 3,000 верстъ отъ Сѣвернаго океана и въ 3,500 отъ Восточнаго, такъ велика, что, напримѣръ, въ долиנѣ рѣчки Ургудея не проходитъ почти дня, чтобы раза два или три не налетѣли тучи и не покрыли почву дождемъ или снѣгомъ, смотря по времени года.

Восточный Саянъ, который въ разныхъ мѣстахъ носитъ названіе Гурби-ола, Боготу-дабанъ, Хамарь-дабанъ и проч., вообще не переходитъ за 7,000 футовъ и потому не имѣетъ вѣчно снѣжныхъ вершинъ. Высшіе изъ *извѣстныхъ* здѣсь пиковъ не достигаютъ даже этого уровня; но за то кряжъ идетъ непрерывнымъ валомъ вдоль всего юго-западнаго берега Байкала, слегка лишь уменьшаясь въ высотѣ къ сторонѣ Селенги, въ которую круто упирается близъ станціи Половинной, на сѣверѣ отъ Верхнеудинска. Эта равномерность высоты, это отсутствіе глубокихъ вырѣзовъ въ хребтѣ и служить причиною, что устроить черезъ него хорошую сухопутную дорогу доселѣ не удалось, и нужно было, въ концѣ концовъ, путь

изъ Иркутска за Байкаль проложить въ обходъ восточнаго конца края, т. е. долиною Селенги, а не прямо изъ Култука на Джиду или хоть на Темникъ. Высоты извѣстнѣйшихъ вершинъ и переваловъ, начиная съ запада, суть слѣдующія:

Ургудейскій голецъ (Эхе-Ургудей)	. . . 6,100	футовъ.
Хамаръ-дабанъ	6,750 *)	>
Нукенъ-дабанъ	5,460	>
У верховья Выдренки	5,470	>
> Машахи	4,575	>
> Ивановки	4,430	>

Любопытно, что сѣверная покатость хребта значительно круче, чѣмъ южная. Такъ поверхность Байкала, отстоящая на 35 верстъ отъ оси хребта, лежитъ ниже Нукенъ-дабана на 4,237 футовъ, а долина Джиды у Харацайской станицы, въ 75 верстахъ отъ хребта, имѣетъ не менѣе 2,680 футовъ, т. е. лишь на 2,780 футовъ ниже Нукенъ-дабана. Въ южныхъ предгорьяхъ есть даже мѣстности, не уступающія въ высотѣ главному краю, какъ, напримѣръ, Аласакскій перевалъ, лежащій южнѣе Нукенъ-дабана и имѣющій 5,470 футовъ.

Обиліе влажности въ восточномъ Саянѣ и въ его продолженіи на югъ отъ Байкала, какъ уже упомянуто, высказывается въ многочисленности и многовидности стекающихъ съ него рѣчекъ. Это особенно нужно разумѣть про сѣверный скатъ горъ, гдѣ, напримѣръ, рѣка Утуликъ, Хара-Муринъ, Лангатуй, Снѣжная и пр. представляютъ важныя препятствія для перехода чрезъ нихъ. Да и всѣ вообще притоки Байкала отъ Култука до Посольска суть настоящія горныя рѣчки, которыя гремятъ и бушуютъ при первомъ дождѣ, срывая нерѣдко мосты, черезъ нихъ перекинутые. На южной сторонѣ хребта, подъ вліяніемъ солнечнаго тепла и сухости притекающаго изъ Монголіи воздуха, потоки гораздо маловоднѣе, чѣмъ на сѣверномъ, и, напримѣръ, Джиды имѣетъ броды почти до самаго устья, а всѣ ея лѣвые притоки суть небольшія рѣчки. Однако и онѣ послѣ долговременныхъ дождей, какъ было, напримѣръ, въ 1869 г., дѣлаются весьма многоводными. Тогда даже отдѣльно лежащее Гусиное озеро наполняется водою черезъ край и даетъ стокъ въ Селенгу по долинѣ, обыкновенно сухой.

Хребетъ, который отъ истока Джиды сопровождаетъ южный бе-

*) Слѣдствіе выводъ изъ нѣсколькихъ опредѣленій.

регъ ея, менѣе извѣстенъ, чѣмъ прибайкальскій; однако и въ немъ мы знаемъ довольно высокіе массивы, какъ, напримѣръ, Боготудабанъ, который лежитъ сплона въ напикъ предѣлахъ, такъ что бѣгущія съ него на югъ, въ Урн, рѣчки начинаются по сю сторону границы. Затѣмъ горы довольно высоки еще у береговъ Желтури; по направленію же къ Кяхтѣ постепенно понижаются, нигдѣ однако же не падая ниже 2,500 футовъ надъ моремъ. Вѣтъ хребта, идущая въ предѣлахъ Монголіи, между Желтурою и Селенгою, еще выше; но вообще всѣ горныя кражи по монгольской границѣ отъ верховья Джиды до устій ея не представляютъ особнхъ препятствій къ переходу черезъ нихъ. Сѣверныя ихъ покатости гѣсисты, но уже не въ такой степени какъ Саянъ, а южныя, болѣею частью, обнажены.

Треугольное пространство между прибайкальскими горами и границею, орошаемое Темникомъ и Джидою, вообще представляетъ плоское нагорье, высотой примѣрно до 2,000 футовъ. Но на немъ разбросаны и хребты, болѣею частью безлѣсные, съ вершинами, имѣющими иногда правильно-коническую форму, какъ, напримѣръ, Острая-Сопка. Страна эта вообще извѣстна частыми землетрясеніями, и, вѣроятно, одному изъ таковыхъ рѣка Селенга одолжена своимъ переходомъ въ теперешнее русло, которое идетъ восточнѣе прежняго и отдѣлено отъ него рядомъ довольно высокихъ холмовъ. Въ одномъ изъ углубленій или омутовъ, быть можетъ даже вулканическихъ проваловъ, этого стараго русла лежитъ довольно обширный водоемъ Гусинаго озера, имѣющаго нѣсколько притоковъ, между которыми есть даже рукавъ рѣки Темника, но не имѣющій постояннаго стока. Впрочемъ, въ большія наводненія, какъ было, напримѣръ, въ 1869 г., вода изъ Гусинаго озера сбѣгала не только на югъ, но даже на сѣверъ, черезъ Соленую-Падь и русло Убукуна.

Въ Халкѣ вся страна на западъ отъ Селенги и Толы представляетъ мѣстность гористую, гдѣ кражи направляются преимущественно отъ запада на востокъ и сѣверо-востокъ. Судя по малочисленности туѣ дорогъ и по трудности одной изъ нихъ, намъ извѣстной, — именно изъ Уласутая въ Ургу черезъ Хучжирту и вдоль по Орхону, по которой путешественники слѣдуютъ неохотно, предпочитая ей болѣе длинный путь на Саиръ-усу, — судя по этому, должно думать, что хребты вообще высоки и скалисты. То же должно заключить и изъ многочисленности притоковъ Селенги и Орхона, которые, будь они въ странѣ низменной, не имѣли бы

воды, подобно степнымъ потокамъ на юго-западѣ, югѣ и юго-востоку. Навысшія точки, безъ сомнѣнія, лежатъ близъ истоковъ Орхона, т. е. въ краѣ Хангай-ола *), и потомъ при верховьяхъ Цилулу, Джака, Хасуя и Тамира, въ такъ называемомъ Малаха-ола. Однако и здѣсь извѣстны горные проходы Куму-дабанъ, Юлса-дабанъ, Укэ-дабанъ, Сохойлу-дабанъ и др. Въ хребтѣ же, раздѣляющемъ Селенгу отъ Орхона, такихъ переваловъ, повидимому, менѣе.

На правомъ берегу Орхона, между имъ и Толой, тянется уже высокая степь Гоби, среди которой извивается на сѣверъ маловодная Хоролха. Правый берегъ Орхона и Керулена и лѣвый Толы вообще можно считать крайнимъ къ югу предѣломъ той части Халхасскихъ владѣній, которая еще можетъ быть сколько нибудь удобнымъ театромъ войны. За ними же, во всей безотрадности, тянется высокая, холодная и почти голая степь, постепенно къ югу дѣлающаяся совершенно безплодною.

II. На правомъ берегу Селенги легко замѣтить цѣлую систему параллельныхъ кражей, которые тянутся отъ юго-юго-запада къ сѣверо-сѣверо-востоку, безъ всякаго исключенія. Между ними Прибайкальскія горы Баргузинскаго уѣзда составляютъ очевидно продолженіе Хамаръ-дабана, отъ котораго не отличаются ни строеніемъ, ни высотой; горы же *Гентей* и *Яблоновъ хребетъ* составляютъ одну цѣпь, образующую начало длиннаго Станового хребта, который ограничиваетъ съ сѣверо-запада бассейнъ Амура. Другія параллельныя имъ цѣпи суть слѣдующія:

1) Между Удою и Хилокомъ кражъ безъ общаго названія (можно бы назвать его Куйдунскимъ), начинающійся едва замѣтными холмами на Эравинской плоскости и постепенно становящійся болѣе скалистыми и развѣтвленными къ западу, гдѣ упирается въ Хилокъ у Тарбагатай и Подлопаточной. Среди развѣтвленій есть не мало широкихъ долинъ, каковы, напримѣръ, Куйдуна, Киченги, Вряни, Сухоры.

2) *Малытинскій* хребетъ, высотой, въ среднемъ числѣ, до 3,000 футовъ, лѣсистый, раздѣляющій Хилокъ отъ Чикоя. На западѣ, у Кудары, онъ однако обнажается почти совсѣмъ отъ лѣсовъ и въ этомъ видѣ доходитъ до Селенгинска, въ окрестностяхъ котораго образуетъ скалистый высокій правый берегъ Селенгинской долины.

*) Инаясь видѣлъ эти горы съ юга и даетъ имъ высоту въ 8200 ф.; но вѣроятно они выше, потому что имѣютъ снѣга.

3) *Хитанг-ола* и *Бурганг-ола* — высокіе массивы, обтекаемые Чикомъ съ сѣвера и извѣстныя своею золотоносностью.

4) *Балалентей* и *Терелци-дабанъ* — горныя кряжи, отдѣляющіе лѣвыя притоки Чикоя отъ правыхъ Толы.

Всѣ эти кряжи сѣвернѣе Яблоноваго хребта.

5) Горы праваго берега Ингоды и Шилки, имѣющія среди себя высокій массивъ Чеконду (8,259 футовъ). Имъ можно присвоить названія: на западѣ отъ рѣки Онона — *Алханайская*, а на востокѣ *Борцовочная* хребтовъ. Южныя ихъ скаты большею частью безлѣсны, а сѣверныя, напротивъ, лѣсисты, хотя лѣса сильно разрѣжены густымъ населеніемъ береговъ Ингоды и Шилки.

6) Горы Агинской степи и хребетъ *Адунъ-Чалонъ*, между которыми Ононъ пробивается на сѣверъ, невысокія и безлѣсныя: *Адунъ-Чалонъ* знаменитъ топазами и берилами.

7) и 8) Хребты *Газимурскій* и *Уровскій*, горы *Дирбикайскія*, кряжъ *Кидимъ* и другіе, наполняющіе русскую Даурію по Аргуні. Обыкновенно на южномъ склонѣ онѣ безлѣсны.

9) Пограничный хребетъ между Онономъ и Ульзою, находящійся въ связи съ Гентеемъ.

10) Горы *Ульдзай-Сайканг-ола* и хребетъ *Баиндунскій* между Ульдзою и Керулюномъ, почти безлѣсныя и вообще бѣдныя растительностью.

Столь сложная орографія требуетъ особеннаго усилія памяти и вниманія, чтобы разобрать ее сколько-нибудь основательно.

Прежде всего замѣтимъ, что основная горная система страны, т. е. Яблонный хребетъ, несмотря на свое протяженіе вдоль по цѣлому краю, нигдѣ не представляетъ особенно выдающихся вершинъ. Наибольшія, вѣроятно не превосходящія 5,000 футовъ, лежатъ у узла Гентея, т. е. близъ верховій Мензи, Онона, Керулюна и Толы; затѣмъ хребетъ тянется къ сѣверо-востоку непрерывнымъ, но ровнымъ валомъ, весьма пологимъ къ сѣверо-западу и довольно круто падающимъ къ юго-востоку, въ долины Ингоды и Читы. Среднюю высоту его можно положить въ 4,000 футовъ, какъ то и найдено измѣреніемъ перевала на большой читинской дорогѣ, между станціями Шакшинскою и Домновключевскою (4,010 футовъ). Затѣмъ къ истокамъ Нерчи горы опять нѣсколько возвышаются, такъ что нѣкоторые гольцы доходятъ до 5,000 футовъ. Средняя часть Яблоноваго хребта, близъ истоковъ Хилока, Уды, Конды и Монголая, замѣчательна тѣмъ, что ея западный скатъ чрезвычайно отлогъ и

образуется тѣмъ плоскимъ надутіемъ, которое зовется *Эравинскою степью*. На этомъ плато лежитъ и водораздѣлъ между системами Селенги и Витима, водораздѣлъ до того незамѣтный, что нѣкогда изъ Хилока можно было проходить въ Монголой помощью ряда озеръ и соединившихъ ихъ ручьевъ, нынѣ нѣсколько пересохшихъ. Отъ этого-то высокаго темени (3,264 фута) начинается углубленіе рѣкъ селенгинскаго и витимскаго бассейновъ въ почву, такъ что тѣмъ далѣе внизъ идешь по этимъ рѣкамъ, тѣмъ круче и выше становятся ихъ берега, хотя общій уровень страны остается тотъ же.

Затѣмъ, для болѣе яснаго представленія топографіи мѣстности, какъ Забайкалья, такъ и сосѣдней Халки на востокъ отъ Селенги, удобнѣе всего будетъ обратиться къ описанію долинъ, которыя раздѣляютъ хребты. Горы Баргузинскаго округа ограничены съ юга широкою долиною *Уды*. Эта долина, представляющаяся сначала, у верховій, лѣсистую и болотистою равниною, ниже селенія Кульскаго начинаетъ быть видимо обрамлена горами и, наконецъ, съ приближеніемъ къ Верхнеудинску, суживается до нѣсколькихъ верстъ. Средняя часть ея занята кочевьями бурятъ; но и русскія селенія, какія возникли, находятъ для себя довольно уютной всякаго рода. Но рѣка Уда вовсе не судоходна.

Другая долина Верхнеудинскаго округа есть *Хилокская*. Она гораздо уже Удинской и только близъ селеній Бичурскаго, Куналейскаго, Новоникольскаго расширяется до 10—12 верстъ. Вроде, окружающіе ея хребты вездѣ почти спускаются къ ней постепенно. Только съ поворотомъ рѣки на сѣверъ, долина ея стѣсняется съ обѣихъ сторонъ и мѣстами переходитъ даже въ ущелье. Но ниже Подплаточной къ ней примыкаетъ съ востока широкая долина Тугнуе-сухорская, большею частью безлѣсная и хорошо населенная. Хилокъ судоходенъ для небольшихъ лодокъ.

Долина *Чикой* еще уже. Можно сказать, что выше деревни Шимбелѣца это есть просто горное ущелье, а отсюда до устья Джиды и Катанцы — узкая ровная полоса, обставленная горами; но потомъ, особенно отъ Кудары, она расширяется и представляетъ одну изъ лучшихъ мѣстностей Забайкалья по обилію травъ, хотя, большею частью, степныхъ и содончаковыхъ. Вблизи Селенги эта долина имѣетъ около десяти верстъ ширины. Чикой могъ бы быть судоходенъ; но быстрота теченія въ верхнихъ частяхъ и обиліе острововъ и мелей въ нижнемъ теченіи дѣлаютъ плаваніе по немъ затруднительнымъ.

Рѣки Иро, Куйтунъ, Хараголъ, и вообще всѣ притоки *Толы*,

текутъ въ очень глубокихъ долинахъ, которыя онѣ промыли въ общемъ нагорьѣ. Долины эти частію каменисты, частію покрыты крупнымъ пескомъ или травами. Лѣсовъ же здѣсь мало.

Долина *Ингоды* вездѣ, кромѣ верховья, довольно широка, почему въ ней и утвердилось довольно густое населеніе, которое однако держится все невдалекѣ отъ рѣки. Ингода до Читы несудоходна, да и ниже ея годится только для мелкихъ судовъ и плотовъ, и лишь по сліяніи съ Онономъ становится судоходной рѣкой. Отъ Читы до Городища долина ея во многихъ мѣстахъ стѣсняется крупными береговыми выступами, особенно у селеній Турино-Поворотнаго и Розмахинскаго.

Ононъ имѣетъ на всемъ протяженіи долину, обставленную горами или, по крайней мѣрѣ, увалами и, большею частію, не широкою. Верхняя часть этой долины, до Акши, содержитъ много лѣсовъ, болотъ, мѣстъ каменистыхъ, хотя представляетъ довольно и мѣстъ открытыхъ. Ниже страна пріобрѣтаетъ степной характеръ, который особенно замѣтенъ около Чинданта. Эта степь, называемая *Аминскою*, тянется далеко на сѣверо-западъ. Нѣсколько ниже Чинданта Ононъ поворачиваетъ на сѣверъ и входитъ въ узкую падь, которая и сопровождаетъ его до самаго устья. Рѣка судоходна отъ Акши и даже нѣсколько выше, но лишь для мелкихъ судовъ.

Рѣки русской Дауріи, т. е. Нерчинскаго горнаго округа, всѣ имѣютъ долины весьма неширокія, а Газимуръ, Уровъ, Урюканъ, да и самая Аргунъ ниже Цурухайту, текутъ частію по ущельямъ, частію по долинамъ едва въ одну версту шириною. Эти сырыя и прокладныя долины извѣстны какъ гнѣздо эндемической болѣзни жителей — зооба.

Около озеръ Дзунъ-Торея и Барунъ-Торея и къ юго-востоку отъ нихъ разстилается широкая степь, богатая стоячими водами, но высокая, такъ что, не смотря на положеніе озера Далайнора на высотѣ по крайней мѣрѣ 1,800 футовъ, она падаетъ къ нему уступами. Такой же характеръ имѣетъ отчасти мѣстность по правой сторонѣ Ульдзи; но здѣсь горные хребты замѣтно волнуютъ почву, и долина Керулуна уже представляетъ снова почти тѣ же свойства, что долина Онона, только съ болѣе бѣдною степною растительностью. Къ югу же отъ нея начинается настоящая Гоби, высокое степное нагорье. Самыя верховья Керулуна находятся всѣ въ горахъ до поворота рѣки на востокъ, близъ котораго извѣстенъ высокій массивъ Дархантъ-ола. Рѣка не только несудоходна, но почти всюду проходима въ бродъ, за исключеніемъ времени весен-

няго разлива. Въ озерѣ Далай воды ея окончательно испаряются, ибо этотъ водоемъ, за исключеніемъ времени полноводья, не имѣетъ уже стока.

По общему плану слѣдовало бы теперь, послѣ описанія горъ и рѣчныхъ долинъ, исчислить важнѣйшіе горные проходы и переправы; но какъ они весьма многочисленны и нигдѣ не представляютъ особыхъ трудностей (кромѣ прибайкальской страны), а въ военномъ отношеніи пока могутъ имѣть значеніе лишь по проѣзжимъ дорогамъ, то описаніе ихъ присоединено къ описанію путей сообщенія.

Естественная производительность.

Описываемое пространство, по отношенію къ климату, а съ нимъ и къ свойствамъ флоры и фауны, не можетъ быть характеризовано однимъ общимъ терминномъ, каковы, напримѣръ, степная сухость для Туркменіи или приморская влажность для Усурійскаго края. Тутъ совершается переходъ, и иногда весьма быстрый, отъ мѣстъ съ климатомъ довольно важнымъ и съ густою лѣсною растительностью къ сухимъ, бездожнымъ и потому голымъ степямъ. Къ сожаленію, для характеристики климата есть наблюденія только въ трехъ точкахъ, именно:

	Высота.	Ср. год. темп.	Январь.	Іюль.
Култукъ	1,316	— 1° 3 P.	— 16° 6	+ 12° 2
Верхнеудинскъ	1,970	0°	— 17° 4.	+ 16° 3
Нерчинскій заводъ	2,230	— 3° 2	— 23° 3	+ 14 5

Изъ нихъ въ Култукѣ выпадаетъ ежегодно едва-ли менѣе 30 дюймовъ дождя и снѣга, въ Нерчинскомъ заводѣ все еще 17° дюймовъ, т. е. почти столько же, какъ въ Петербургѣ, но въ Верхнеудинскѣ не болѣе двухъ третей этого послѣдняго количества. Вообще можно сказать, что чѣмъ мѣсто открытѣе и ближе къ Гоби, тѣмъ климатъ его представляетъ болѣе крайностей относительно температуры и меньше дождливыхъ дней и падающей изъ атмосферы воды: Уже въ Кяхтѣ, для поддержанія свѣжести древесной растительности въ садахъ, необходимо бываетъ, въ жаркіе дни, обливать не только почву, но и листья водою. Далѣе на югъ орошеніе есть необходимое условіе жизни растений вообще, такъ что деревья встрѣчаются лишь у самаго русла рѣкъ, обыкновенно тальникъ, или же на вершинахъ горъ — сосна. На второй половинѣ

пути отъ Кяхты въ Ургу лѣса исчезаютъ даже съ сѣверныхъ покато-
стей горъ. Въ Нерчинскомъ краѣ то же явленіе, хотя въ меньшей
степени. И тамъ есть Агинская степь, совершенно почти безлѣсная;
и тамъ лѣвый берегъ Аргуни, покаты на югъ, обнаженъ; но за
то въ Нерчинскомъ краѣ травы сочнѣе и всѣ сѣверные скаты горъ
одѣты лѣсами. Въ Халкѣ лѣса встрѣчаются только по высокимъ
хребтамъ и тоже лишь на сѣверныхъ скатахъ. Здѣсь они, большею
частію, сосновые, тогда какъ въ забайкальскихъ лѣсахъ, особенно
въ части сосѣдней Байкалу, преобладаютъ лиственница, ель, береза
и кедръ. Наиболѣе мощную лѣсную растительность представляютъ
прибайкальскія горы, страна по верховьямъ Чикоя и Яблоновъ
хребетъ. Здѣсь тайга сохранила еще свой первобытный характеръ
сплошнаго дремучаго бора, настоящаго царства звѣриной охоты.

Травяная растительность въ Забайкальѣ повсюду довольно сочна
и разнообразна, особливо въ дельтѣ Селенги, по долинамъ рѣчекъ
и по вершинамъ горъ; но она скудна на южныхъ покато-
стныхъ. Въ Верхнеудинскомъ округѣ нрѣдко можно видѣть сопки,
у которыхъ на темени и при подошвѣ есть трава, а на покато-
стныхъ почва остается почти голою. Для посѣвовъ нельзя выбирать
горныхъ склоновъ, даже самыхъ пологихъ, ибо при покато-
сти на югъ всходы выгораютъ, а при покато-
сти на сѣверъ подвергаются заморозкамъ. Эти климатическія условія очень стѣсняютъ простран-
ства годной для полеводства земли, и едва-ли во всемъ Забайкальѣ
ея найдется болѣе 1,200 квадратныхъ миль, на 10,900 миль про-
тяженія. Въ Халкѣ отношеніе еще болѣе невыгодно: тамъ уже
нѣтъ хлѣбопашества, а населеніе живетъ исключительно скотовод-
ствомъ и потому, за малыми исключеніями, ведетъ кочевую жизнь.

Стоитъ замѣтить, что, благодаря сухости атмосферы въ Забай-
кальѣ и Халкѣ, снѣжная линія держится выше 8,300 футовъ надъ
моремъ, тогда какъ на Алтаѣ она спускается до 7,000; отсюда срав-
нительная маловодность большинства здѣшнихъ рѣкъ, а съ нѣмъ
сухость климата, степной характеръ флоры, и проч.

Относительно фауны описываемаго пространства, необходимо за-
мѣтить, что она, такъ же какъ и флора, не имѣетъ одного общаго
характера. Лѣса Забайкалья славятся обиліемъ дикихъ звѣрей —
отъ оленей, горныхъ козъ и медвѣдей до бѣлокъ и горностаевъ. Но
степи Халки и русской Даурии не имѣютъ другихъ дикихъ млеко-
питающихъ, какъ сурки, тарбаганы и отчасти лисицы и рыси. Изъ
дикихъ птицъ довольно замѣчательны рябчики, весьма многочи-
сленные на высокихъ идато около Нерчинска, и различныя породы

гусей, утокъ и другихъ водныхъ пернатыхъ, на озерахъ Далай, Даунъ и Барунъ-Тореъ, Гусиномъ и пр. Байкаль и его берега имѣютъ собственную флору и фауну, очень разнообразную и также служащую предметомъ промысла, какъ и произведенія забайкальскихъ лѣсовъ. Рыбныя ловли распространены по всему южному берегу озера, но особенно обильны при устьяхъ Селенги и рѣчекъ, текущихъ къ западу отъ нея. Въ самой Селенгѣ, и также въ другихъ забайкальскихъ рѣкахъ, кромѣ Шилки и Аргуни, рыболовство почти ничтожно, но казаки наши пользуются обиліемъ рыбы въ озерѣ Далай и въ рѣкѣ Кэрулюнѣ, куда отправляются на ловлю безъ всякаго опасенія совмѣстничества монголовъ, промысловъ этимъ вовсе не занимающихся.

Что же касается до фауны культурной, т. е. до животныхъ прирученныхъ, то она богата если не разнообразіемъ и совершенствомъ породъ, то ихъ числительностью на всемъ описываемомъ пространствѣ. Лошади, коровы, овцы, у монголовъ верблюды, пока еще встрѣчаются въ изобиліи. Если наша officialная статистика считаетъ въ предѣлахъ Забайкалья 280,000 лошадей, 359,000 рогатаго скота и 775,000 овецъ, то безъ сомнѣнія не далеко будетъ отъ истины сказать, что первыхъ есть 400,000, вторыхъ полмилліона, а третьихъ болѣе милліона. Вѣроятно даже, что и эти цифры ниже дѣйствительности. У монголовъ скотоводство еще обильнѣе, чѣмъ у насъ, ибо тамъ нѣтъ лѣсовъ, которые бы отнимали мѣста отъ пастбищъ, да и скотоводство есть единственный промыселъ народа. Такимъ образомъ, разведеніе животныхъ всегда можетъ обезпечить продовольствіе народа и войскъ, а также перевозку тяжестей; но большое затрудненіе въ степныхъ частяхъ края представить содержаніе, на одномъ мѣстѣ, даже незначительнаго числа лошадей, коровъ и пр. Сѣна въ Халѣ, да и у насъ по бурятскимъ улусамъ, не заготавливается почти вовсе, а потому нельзя удивляться, что при всякомъ сосредоточеніи конницы на постоянную стоянку въ какойнибудь точкѣ степи, фуражъ для нея придется привозить издалека или же нужно будетъ выпускать табуны на подножный кормъ. Здѣшній скотъ, конечно, привыкъ добывать кормъ изъ-подъ снѣга; но если нужно держать отряды конницы на сухомъ фуражѣ, то лучшія мѣста для этого будутъ: въ Забайкальѣ на низовьяхъ Селенги, въ долинахъ Кудары, нижняго Чикоя, Аргуни у Цурухайту; а въ Халѣ по нижнимъ частямъ Кэрулюна, гдѣ сѣнокошеніе возможно. Лучшія лошади и коровы встрѣчаются въ Нерчинскомъ краѣ, гдѣ есть даже правильное коневодство въ Цурухайту; потомъ бо-

гаты перевозочнымъ скотомъ жители нижней Селенги, деревень по Хилоку, отчасти по Джидѣ, а также хоринскіе бураты; у монголовъ лошади многочисленны, но породы невзрачной. Для перевозки тяжестей имъ служить верблюды, а въ горахъ на западъ отъ Селенги отчасти и якъ, т. е. тибетскій быкъ.

Для теплой одежды, столь необходимой въ край, служатъ овцы и мерлушки отъ нихъ, горные козлы съ длинною и короткою шерстью, всѣ мѣха вышнихъ сортовъ, до медвѣдя и соболя. Забайкальскія дахи изъ горныхъ козловъ суть превосходѣйшія шубы для простолюдиновъ и для солдатъ.

Немаловажное значеніе въ ряду естественныхъ произведеній Забайкалья имѣютъ разныя минеральныя его богатства, которыя, вѣроятно, свойственны и Халкѣ, хотя, за исключеніемъ желѣза, тамъ вовсе не разрабатываются. Въ Забайкальѣ по настоящее время найдены слѣдующіе металлы и минералы: *золото* почти повсемѣстно въ долинахъ рѣчекъ, особенно въ бассейнѣ Чикоя, верхняго Онона (Бальджинскій пріискъ), Шилки (Бара), Газимура (Шихтаминскій пріискъ), Витима; *серебро* въ разныхъ мѣстахъ Нерчинскаго края, преимущественно на верхнихъ притокахъ Газимура, Урова, Ононъ-Борзѣ, Урулюнгуя, а также близъ Шилки, у Чалбучи; *ртуть*, въ видѣ киновари, на Ильдианѣ; *мѣдь* на Агѣ и Буйдунѣ; *свинцовъ* вмѣстѣ съ серебромъ; *олово* на Ононѣ; *железо* въ разныхъ мѣстахъ, но преимущественно между Удою и Хилокомъ, а также на Урулюнгѣ; *каменный уголь* у Посольска, вблизи Байкала, у Гусинаго озера, у Куенги, на лѣвой сторонѣ Шилки, не вдалекѣ отъ Нерчинска на правомъ берегу той же рѣки, у деревни Горбуновой на Аргуни и на Ононъ-Борзѣ; *соль* — въ Борзинскомъ озерѣ. Къ этимъ полезнымъ ископаемымъ принадлежатъ еще рѣдкіе минералы, цѣнные и драгоцѣнные, изъ мѣсторожденій которыхъ особенно замѣнить краяхъ Адунъ-Челонъ. Всѣ вообще горные промыслы въ крайнемъ упадкѣ или даже не могутъ начать развитія; въ Нерчинскомъ горномъ горномъ округѣ лишь недавно дозволена частная промышленность, да и то исключительно золотопромышленная. Въ Монголіи разработка металловъ вообще запрещена, а потому тамъ, за исключеніемъ небольшого количества желѣза, добываемаго на ручныхъ горнахъ, никакихъ металловъ не добывается, и самыя мѣсторожденія рудъ неизвѣстны.

Минеральныя воды составляютъ также одно изъ богатствъ края и весьма многочисленны въ Забайкальѣ. Изъ сорока болѣе или менѣе описанныхъ или даже изслѣдованныхъ химически ключей здѣсь

особенно извѣстны туркинскіе, близъ Байкала, на рѣкѣ Туркѣ, затѣмъ различные источники находятся по Удѣ, Чикюю, Ингодѣ, Онону, Нертѣ, Газимуру и пр., но остаются, большею частью, безъ употребленія у мѣстныхъ жителей, кромѣ бурятъ. При многихъ хроническихъ болѣзняхъ, минеральныя воды очевидно могли бы приносить большую пользу, но почти всѣ онѣ лишены устройствъ, которыя бы допускали удобное пользованіе ими. Особенно важно было бы разыскать такіе источники, которые содержатъ іодъ и слѣдовательно могутъ быть полезны противу зоба, болѣзни довольно обыкновенной по Аргунѣ и по лѣвнымъ ея притокамъ.

Промышленность.

Разработка всѣхъ неисчисленныхъ произведеній природы вообще находится на довольно низкомъ уровнѣ, по причинѣ рѣдкости населенія, бѣдности и невѣжественности большинства его. Общее направленіе промышленной дѣятельности можно характеризовать такимъ образомъ: въ Забайкальѣ главныя занятія жителей суть земледѣліе и скотоводство; въ Халкѣ одно скотоводство. Къ этому въ Забайкальѣ присоединяются еще охота, рыбная ловля, горныя промыслы, извозъ и небольшіе зачатки заводской промышленности, а въ Халкѣ извозъ.

Земледѣліе въ Забайкальской области, благодаря климатическимъ условіямъ, представляетъ одну важную особенность. Изъ опасенія морозовъ тамъ почти *вовсе не стоитъ озимаго хлѣба*, а довольствуются яровымъ. Такимъ образомъ, рабочее время хлѣбопаша все приходится на весну, слѣдовательно, при самомъ напряженномъ трудѣ, онъ не можетъ посѣять столько, сколько земледѣлецъ съ двумя рабочими сезонами. Это же служитъ причиною: а) меньшаго приплода или урожая, такъ какъ всегда яровой хлѣбъ даетъ меньше озимаго, и б) быстраго возвышенія цѣны на хлѣбъ при малѣйшемъ увеличеніи требованія на него; ибо расширить запашки почти нѣтъ возможности при данномъ числѣ рукъ и краткости времени посѣвовъ (23-го апрѣля — 20-го мая). Такъ какъ военное вѣдомство покупаетъ, разумѣется, только избытокъ хлѣба мѣстнаго населенія и притомъ еще, въ послѣднія двадцать лѣтъ, при совмѣстничествѣ золотоискателей и винныхъ заводчиковъ, то не трудно понять, что одинъ этотъ фактъ заставляеть желать, чтобы численность земледѣльческаго класса населенія въ Забайкальѣ, по возможности, увеличилась.

Размѣры посѣвовъ и урожай хлѣба, который, большею частію, состоитъ изъ ярицы (яровой ржи, негодной на озимые посѣвы), пшеницы, ячменя, овса и картофеля, достигаютъ до 250,000 четвертей посѣва и до 600,000 четвертей сбора; быть можетъ нѣсколько болѣе того и другого, но во всякомъ случаѣ едва ли свыше 700,000 четвертей урожая. Отдѣливъ изъ послѣдняго числа 250,000 нужныхъ для обмѣненія полей, получимъ едва 450,000 четвертей на продовольствіе населенія въ 350,000 душъ, что болѣе чѣмъ умѣренно и не можетъ быть вполне вознаграждено продуктами скотоводства и охоты. О зимнихъ запасахъ зернового корма скоту, очевидно, тутъ не можетъ быть рѣчи. И въ самомъ дѣлѣ, за малымъ исключеніемъ, скотъ этотъ ходитъ на тебеневкахъ, а дома питается однимъ сѣномъ или сѣчкою изъ соломы съ небольшимъ количествомъ муки. Овесъ или ячмень даются только почтовымъ и отчасти навознымъ лошадямъ.

Наиболѣе развитое земледѣліе встрѣчается у жителей береговъ Хилока и Селенги, затѣмъ въ Нерчинскомъ округѣ, по Ингодѣ, и частію на Ононѣ и Аргуни. «Семейскіе», т. е. старообръ, по Хилку и Сухорѣ, суть главные производители хлѣба, котораго однако, по неимѣнію хорошихъ путей сообщенія, не могутъ сбывать съ тою выгодною, какъ бы могли, будь они въ тѣхъ же условіяхъ, какъ жители другой плодородной мѣстности — дельты Селенги. Обыкновенныя базарныя цѣны на рожь-ярицу колеблются, во всемъ Забайкальѣ, между 35 и 70 копѣйками за пудъ *); но иногда поднимаются значительно выше. Еще въ 1850 годахъ эти же среднія цѣны были 12—25 копѣекъ, не болѣе. Интендантство, съ торговъ, покупаетъ среднимъ числомъ по 90 копѣекъ за пудъ, впрочемъ, уже въ видѣ муки. Весьма желательно, чтобы поощрено было земледѣліе у бурятъ, которые доселѣ занимаются имъ въ слабой степени. Это, съ одной стороны, повело бы къ скорѣйшему переходу этого кочеваго племени въ населеніе осѣдлое, а съ другой черезъ самое короткое время понизило бы цѣны на хлѣбъ увеличеніемъ общаго объема земледѣлія. Примѣръ Семирѣчской области, гдѣ казна, въ первые годы нашего тамъ водворенія, не жалѣла денегъ, чтобы брать всѣ избытки земледѣлія въ свои магазины по хорошимъ цѣнамъ, и гдѣ теперь, несмотря на степной характеръ природы, такое изобиліе въ хлѣбѣ, въ этомъ случаѣ весьма поучительно.

*) Въ Восточной Сибири всѣ покупки зерна и муки дѣлаются не мѣромъ, а вѣсомъ.

Изъ культурныхъ растений, кромѣ хлѣбовъ, заслуживали бы вниманія еще ленъ и конопля, разводимые пока въ небольшомъ количествѣ по Чикюу и Селенгѣ. Но какъ въ Забайкальѣ крупныхъ, а тѣмъ болѣе владѣющихъ свободными капиталами, землевладѣльцевъ вовсе нѣтъ, благодаря тому обстоятельству, что тамъ *личное* поземельное владѣніе есть только пользованіе землею на срокъ не болѣе сорока лѣтъ, то и надѣяться на скорое распространеніе этихъ растений трудно. А между тѣмъ, за недостаткомъ ихъ, большинство населенія должно теперь одѣваться въ ткани изъ американскаго хлопка, привозимыя изъ Москвы.

Огородничество вообще мало развито въ Забайкальѣ, вслѣдствіе чего предметы первой необходимости въ хозяйствѣ русскихъ простолюдина и солдата — капуста, лукъ, горохъ — рѣдки до такой степени, что въ Нерчинскомъ краѣ подъ именемъ щей разумѣется супъ изъ ячменной крупы. Гречневая крупа также почти неизвѣстна, и даже разведеніе ея, по предразсудку, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считается грѣхомъ. Войска ѣдятъ обыкновенно ячменную кашу.

Другія отрасли земледѣлія, по незначительности ихъ вообще и въ частности для военнаго вѣдомства, можно пройти молчаніемъ. Но слѣдующія отрасли сельскаго хозяйства заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія.

Разведеніе рогатаго скота довольно значительно повсюду, но порода мелеа. Лучшій скотъ встрѣчается у «семейскихъ» на Хилокѣ, Чикюу и Селенгѣ, а также на Аргуни, откуда, впрочемъ, много уведено его на Амуръ. Цѣна отъ 8 до 15 рублей за голову.

Овцы довольно многочисленны, особенно у бурятъ; но если даже принять число ихъ въ 900,000, то все-таки это число будетъ не болѣе какъ достаточно для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ населенія, которое, по суровости зимы, болѣе полугода носитъ теплую одежду (буряты даже круглый годъ). Забайкальская баранина отличается превосходнымъ вкусомъ и могла бы быть приготовляема въ прокъ (въ видѣ консервовъ) для военнаго и морскаго вѣдомствъ. Овчины при лучшей выдѣлкѣ, чѣмъ теперь, хотя бы при посредствѣ ивової, за недостаткомъ дубовой коры, могли бы давать превосходный матеріалъ для мѣхової одежды, которую, между прочимъ, давно пора ввести въ табели вещеваго довольствія всѣхъ сибирскихъ войскъ, вмѣсто разныхъ менѣе полевныхъ частей солдатскаго убранства. Цѣна взрослому барану до 2 рублей сер.

Охота за дикими звѣрами, какъ уже было упомянуто, даетъ не мало матеріаловъ для зимней одежды. Кромѣ того, она же доста-

влѣтъ населенію значительный денежный заработокъ, такъ какъ высшіе сорта мѣховъ идутъ на продажу внѣ края. Къ сожалѣнію, скупка мѣховъ нѣсколькими спекуляторами, большею частью за мизантропическую плату, даваемую звѣролову впередъ, отнимаетъ почти всю производительность этого промысла у страны. Съ военной точки зрѣнія остается, впрочемъ, одна несомнѣнная выгода: все мужское населеніе Забайкалья очень искусно въ стрѣльбѣ и привычно къ жизни подъ открытымъ небомъ, даже въ большіе морозы.

Рыболовство доставляетъ значительные заработки жителямъ селенгинской дельты. Но какъ оно чисто прибрежное или рѣчное, т. е. не требуетъ отъ рыбаковъ плаванія по озеру, то и не образуетъ изъ нихъ матросовъ. Очень немногіе байкальскіе крестьяне, да и то больше изъ Иркутской губерніи, плаваютъ на небольшихъ судахъ морской постройки въ устьи Верхней Ангары; однако и эти плаванія вовсе не образуютъ изъ нихъ моряковъ, точно такъ какъ пароходство по Байкалу и Селенгѣ не образовало хорошихъ машинистовъ и лоцмановъ.

Горный промыселъ, которому нѣкогда было посвящено болѣе трети байкальскаго населенія, нынѣ значительно упалъ, и всѣ бывшіе горнозаводскіе крестьяне, а нынѣ казаки, никакого отношенія къ нему не имѣютъ. Нѣсколько лучше другихъ идетъ добываніе изъ росыпей золота, котораго, напримѣръ, въ 1869 году получено 382 пуда, на сумму болѣе 4,000,000 рублей. Выработка же серебряныхъ рудъ почти совсѣмъ прекратилась (32 пуда), а желѣза на всю область, съ 350,000 душъ населенія, добывается, на единственномъ Петровскомъ заводѣ, лишь 40,000 или 45,000 пудовъ, да и то въ значительной степени оно идетъ не въ народъ, а на кабинетскіе заводы. Частные люди, да и казна, большею частію покупаютъ желѣзо, какъ сырое, такъ и въ издѣліяхъ, приносимое съ сѣверной стороны Байкала, иногда съ уральскихъ заводовъ.

Мануфактурной промышленности, обрабатывающей продукты земледѣлія и скотоводства, почти нѣтъ въ край. Два или три винокуренныхъ завода поглощаютъ всѣ избытки хлѣбопашества. Для высшихъ сортовъ муки есть всего одна хорошая мельница, около Верхнеудинска. Даже чисто-мѣстный, и довольно обширный, промыселъ, выжиманіе масла изъ кедровыхъ орѣховъ, остался пока на степени ремесла: выжиманіе производится по домамъ, ручными станками, а самое лущеніе орѣховъ — что почти невѣроятно, но

достоверно — производится зубами, для чего цѣлая семья, отъ мала до велика, предаются шелканью орѣховъ (особливо въ Шим-белиѣ и въ другихъ деревняхъ по Чиню). Издѣлій изъ волокнистыхъ растений Забайкалье, а тѣмъ болѣе Халка, не производятъ почти никакихъ, и ткани, какъ упомянуто, привозятся изъ Россіи. Кожи, сколько-нибудь деликатныхъ сортовъ, вывозятся изъ края также невыдѣланными, и обувь въ большомъ количествѣ получается готовою изъ Тюмени и даже изъ Кунгура. Попытки устроить сахароварни не повели ни къ чему.

Торговля, за неимѣніемъ капиталовъ, за рѣдкостью и небогатствомъ населенія, имѣетъ самые скромные размѣры. Она почти вся состоитъ въ продажѣ привозныхъ изъ Россіи мануфактурныхъ товаровъ и въ покупкѣ мѣховъ. Къ этому присоединяется распродажа чаю, преимущественно кирпичнаго, привозимаго изъ Китая безношлинно. Чайная торговля въ Кяхтѣ даетъ еще заработки жителямъ деревень по Селенгѣ, занимающимся перевозкою цибиковъ отъ Кяхты до Байкала; но съ упадкомъ кяхтинскаго торгова и эти заработки весьма уменьшились, и такъ будетъ идти послѣдовательно, по мѣрѣ расширенія рынка чаевъ, привозимыхъ чрезъ Сузъ и Одессу. Важнѣйшими центрами внутренней торговли служатъ Верхнеудинскъ, Нерчинскъ, Срѣтенскъ (у начала пароходства по Шилкѣ и Амуру), селеніе Кабанское, Троицкосавскъ. Внѣшняя торговля производится по всей границѣ, но главными ея пунктами нужно считать Кяхту и Цурухайту.

Въ Халкѣ единственный промышленный центръ есть Урга, въ торговой слободѣ которой (Маймаченѣ) живутъ китайскіе купцы-саньсйцы, снабжающіе всѣмъ нужнымъ окрестныхъ монголовъ и разсылающіе своихъ прикащиковъ до самыхъ отдаленныхъ частей сѣверной Монголіи. Нѣкоторое торговое значеніе имѣютъ еще Эрденицао, на Орхонѣ, и Урго, на Кэрулюнѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ производится обмѣнъ произведеній монгольскихъ стадъ и охоты, а также готовыхъ войлоковъ, на посуду, табакъ, трубки, хлопчатобумажныя ткани, кожи, и т. п., привозимыя частію изъ Россіи, частію изъ Средняго царства.

Пути сообщенія.

Они двухъ родовъ: водяные и сухопутные. Къ первымъ принадлежитъ пароходная линія черезъ Байкалъ, между Лиственничною

и Посольскомъ (114 верстѣ), весьма важная для насъ и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи; затѣмъ водные пути по Селенгѣ, Шилкѣ и Аргуни.

На Байкалѣ, въ настоящее время, два парохода, оба принадлежащіе купцу Хаминову. При недостаткѣ конкуренціи, перевозъ на нихъ чрезъ озеро обходится очень дорого и для людей, и для товаровъ. Самые пароходы не велики, устроены безъ достаточнаго знанія кораблестроительнаго дѣла и не всегда даже гарантируютъ безотлагательную высадку проѣзжихъ въ Посольскѣ, ибо не имѣютъ пристани, а за мелководіемъ останавливаются въ разстояніи версты отъ берега, куда бурны не допускаютъ гребныхъ судовъ.

Пароходство на Селенгѣ есть дѣло, можно сказать, случайное, вовсе не имѣющее того правильнаго характера, какъ, напримѣръ, на Волгѣ или даже на западо-сибирскихъ рѣкахъ. Оно служитъ исключительно для сплава чая въ Селентинскъ или изъ Усть-Кяхты на Байкалъ или даже только до деревни Степной, гдѣ начинаются мели въ руслѣ Селенги и откуда до Посольска чай перевозится сухимъ путемъ. Для мѣстныхъ нуждъ, т. е. для сообщенія между собою прибрежныхъ селеній, это пароходство значенія не имѣетъ, хотя по временамъ пароходы останавливаются у Кабанскаго и Верхнеудинска, чтобы принять кое-какіе грузы.

Пароходство по Шилкѣ гораздо важнѣе, но о немъ уже было говорено при обзорѣ Амурскаго участка границы.

Простое судоплаваніе по Шилкѣ, Оному, Аргуни, частію по Ингодѣ ограничивается почти однимъ спускомъ плотовъ или немногихъ барокъ со скотомъ. Вводнаго судоходства нѣтъ.

На другихъ рѣкахъ Забайкалья, и на всѣхъ потокахъ, орошающихъ Халку, нѣтъ никакого судоходства. На Джидѣ, Удѣ, Урулунгуѣ и пр. оно даже невозможно по мелководію этихъ рѣкъ; верхняя Селенга, Орхонъ, Нерча еще не испытаны.

Что касается до сухопутныхъ дорогъ, то онѣ хотя и служатъ единственными средствами сообщенія въ край, однако по малой экономической его развитости и по рѣдкости населенія всѣ, безъ исключенія, и натуральныя, и искусственныя, имѣютъ въ себѣ одни только мосты черезъ мелкія рѣчки. На сколько-нибудь значительныхъ потокахъ даже и этихъ мостовъ, обыкновенно весьма не затѣливыхъ, нѣтъ вовсе, а переправы совершаются на паромѣхъ. Грунтовыя дороги въ Забайкальѣ нѣкогда славились превосходнымъ своимъ состояніемъ, такъ какъ, пролегая, большею частью, по твердому, крупнопесчаному грунту, онѣ почти всегда были сухи

и ровны; недостаточность надзора привела къ тому, что теперь по нѣкоторымъ изъ этихъ дорогъ, напримѣръ между Селенгинскомъ и Кяхтой, ѣзда сдѣлалась очень трудною и неприятною. И¹зъ еще нужно разумѣть про дороги почтовые; что же касается до проселочныхъ, то онѣ никогда не отличались ни шириною, ни ровностью, ни устройствомъ хорошихъ мостовъ, ни отлогостью спусковъ. Отъ того господствующій способъ сообщенія между деревнями, если онѣ лежать не въ одной рѣчной долинѣ, есть ѣзда въ одноколкахъ или даже верхомъ.

Изъ всѣхъ сухопутныхъ дорогъ на описываемомъ пространствѣ важнѣйшая, разумѣется, 1) дорога изъ Култукъ чрезъ Посольскъ въ Верхнеудинскъ, или такъ называемый *круго-байкальскій трактъ*. Долгое время огромныя массы товаровъ изъ Кяхты шли въ Иркутскъ черезъ неудобные въ высшей степени проходы Хамаръ-дабанъ или Нукентъ-дабанъ въ прибайкальскихъ горахъ. Потомъ большая часть грузовъ стала направляться къ Байкалу, когда тамъ явился пароходъ; но почта продолжала держаться сухопутной дороги, гдѣ однако семь станцій приходилось дѣлать на вьюкахъ. Наконецъ, въ 1860-хъ годахъ, устроенъ телерешный круго-байкальскій трактъ вдоль южнаго берега озера. Путь этотъ требуетъ еще многого для приведенія его въ совершенно удовлетворительный видъ; но все же по немъ теперь возможно слѣдованіе экипажей, за исключеніемъ небольшого пространства около озера Соръ, гдѣ наводненіе 1869 года размыло косу, по которой пролегла дорога. Поддержаніе въ исправности круго-байкальской дороги, размываемой потоками съ горъ и бурунами Байкала, всегда будетъ стоить не мало трудовъ и издержекъ. Дорога эта, *отъ Иркутска до Верхнеудинска*, имѣетъ 455¹/₂ верстъ.

Въ Верхнеудинскѣ почтовый трактъ раздѣляется: одна вѣтвь идетъ на Кяхту, другая на Читу, обѣ въ своемъ родѣ единственныя, ибо 1) черезъ Яблоновыя хребты положительно не существуетъ другой экипажной дороги, и 2) въ Кяхту изъ Верхнеудинска хотя и можно проѣхать другою дорогою, именно по восточной сторонѣ Селенги, но эта дорога и длиннѣе, и хуже, чѣмъ почтовая на Селенгинскъ. Здѣсь не лишнимъ будетъ еще разъ замѣтить, что телерешная круго-байкальская дорога на Култукъ, Кабанское и Верхнеудинскъ есть единственная между Забайкальскою областію и Иркутскомъ, слѣдовательно и всею остальною Сибирью. Близкія дороги на Хамаръ-дабанъ и Нукентъ-дабанъ совершенно заброшены, безлюдны и едва годны для проѣзда одиночныхъ всад-

никовъ, равно какъ и дорога изъ Тунки на караулъ Ключевской черезъ Угурдеевскій. И такъ:

2) *Отъ Верхнеудинска въ Кяхту и Ургу* имѣется почтовый трактъ, колесный на 207 верстъ, въ нашихъ владѣнiяхъ, до Кяхты, и обыкновенный вьючный, хотя и годный для повозокъ, на 304 версты, по Монголіи, гдѣ на рѣкахъ нѣтъ мостовъ, а горныя рѣчки по временамъ бываютъ въ разливѣ. Отъ Урги идетъ нѣсколько дорогъ черезъ Калганъ въ Пекинъ.

3) *Отъ Верхнеудинска къ Кударъ*, т. е. прямо на югъ, по правой сторонѣ Селенги и Чикоя, есть дорога частію почтовая, частію обыкновенная, колесная, и даже вьючная, на 265 верстъ. Эти два пути суть единственные сколько-нибудь удобные изъ тѣхъ, которые ведутъ отъ Верхнеудинска и слѣдовательно отъ Байкала къ монгольской границѣ. Слѣдующая дорога ведетъ *вдоль* границы или параллельно ей; примыкая, впрочемъ, въ самой западной части къ плохой вьючной дорогѣ отъ Тунки, чрезъ Угудеевскій караулъ, въ караулъ Ключевской, гдѣ приходится переваливать черезъ двѣ вѣтви Саянскаго хребта. Эта дорога есть:

4) *Отъ караула Ключевскаго до Шимбелика*, по долинѣ Джиды и Чикоя, длиною 578 верстъ.

Отъ Шимбелика есть путь на Ингоду, къ селу Николаевскому, который въ хорошее время года можетъ служить для проѣзда легкихъ одноволоковъ. За исключеніемъ большаго читинскаго тракта, это единственная дорога черезъ Яблоновыя хребты, сколько-нибудь посѣщаемая проѣзжими, обыкновенно верховыми. Идущая же отъ караула Джидинскаго горная тропинка въ караулъ Мензенскій, и оттуда черезъ Ашингинскій въ Бодьжиканскій (всего 270 верстъ), едва годна для проѣзда съ вьюками. Отъ деревни Барахоевой есть дорога на деревню Малату, въ долину Хилока, откуда съ одной стороны можно черезъ Усколуть и Заганъ проѣхать въ Верхнеудинскъ, а съ другой чрезъ деревню Орскую въ Петровскій заводъ.

5) *Отъ Селенгинской степной думы до Петровскаго завода* поперекъ Селенги и Хилока, частію обыкновенный проселокъ, частію почтовый трактъ, длиною всего 174 версты.

Путь этотъ, параллельный границѣ, проходитъ, въ разстояніи отъ нея на четыре или шесть переходовъ, по густо-населенной странѣ. Изъ Петровскаго завода есть экипажная дорога черезъ деревню Кежимскую на станцію Онинскую, большаго читинскаго тракта, и вьючная дорога чрезъ деревню Кули, по Хилоку, Хил-

кокону и мимо озера Шалонъ-норъ, на селеніе Николаевское у Ингоды. Перевалъ черезъ Яблоновый хребетъ тотъ же, что изъ Шембелика.

7) Изъ Верхнеудинска въ Сретенскъ черезъ Читы, почтовая дорога, ведущая на Амуръ, длиною 806 верстъ.

7) Изъ Читы въ деревню Таншинскую, гдѣ выходитъ вьючная дорога изъ Шембелика, т. е. изъ-за Яблоноваго хребта—173 версты.

8) Изъ Читы въ Усть-Иминское, посредственный проселокъ на 234 версты.

9) Изъ Нерчинска въ Чинданта, такого же свойства дорога, длиною въ 228 верстъ.

10) Изъ Нерчинска въ Абагайту — 321 верста.

Три послѣднія дороги, ведущія къ границѣ съ Монголією, вообще не отличаются большими удобствами въ отношеніи экипажной ѣзды. Продолженіемъ № 9 къ югу можетъ считаться путь:

11) Отъ Чинданта на Керумонъ, степью, около 270 верстъ; дорога эта продолжается черезъ всю Монголію и ведетъ, черезъ Долоунъ-норъ, къ воротамъ Губей-кхэу въ Великой Стѣнѣ. Она довольно богата кормами и водою.

12) Съ вершины Онона на Архунъ, приграничная дорога на 717 верстъ, вся заселенная казаками. Въ большей части случаевъ, противу нашихъ карауловъ находятся монгольскіе, соединенные плохою вьючною дорогою.

13) Изъ Урхи на озеро Косоюль, 781 верста. Вьючная тропинка, пройденная полковникомъ Гельмерсеномъ.

14) Изъ Урхи на Ононъ, у караула Верхне-Ульхунскаго; вьючная дорога, по которой можно проѣхать и въ одноколѣ, 368 верстъ.

15) Отъ Урхи по Керумону на Далай-норъ — 800 верстъ.

За Керулономъ извѣстно не менѣе четырехъ дорогъ во внутреннюю Монголію и далѣе въ Китай; изъ нихъ проходящія восточнѣе богаче водою и травами, чѣмъ западныя.

Населеніе.

Оно состоитъ изъ русскихъ, бурятъ, монголовъ, небольшого числа евреевъ, тунгусовъ и китайцевъ. Изъ нихъ русскіе, буряты, евреи и тунгузы живутъ въ Забайкальѣ, монголы и китайцы въ

Халхъ. Буряты составляютъ, собственно, одинъ народъ съ монголами, но говорятъ особымъ нарѣчіемъ монгольскаго языка.

1) *Русскіе*, осѣдлые жители Забайкалья, состоятъ изъ горожанъ въ Троицкосавскѣ, Селенгинскѣ, Верхнеудинскѣ, Читѣ, Нерчинскѣ (17,000 душъ); крестьянъ въ волостяхъ Торейской, Урлукской, Куналейской, Мухоршибирской, Тарбагатайской, Ильинской, Кабанской, Кульской, Татауровской, Успенской и Усть-Ильинской (120,000 душъ); горнозаводскихъ мастеровыхъ въ Нерчинскомъ горномъ округѣ; ссыльныхъ, въ разныхъ мѣстахъ, и казаковъ, въ составѣ одной бригады, на западной сторонѣ Яблоноваго хребта, и 9 батальоновъ, съ одною конною бригадою, по восточную сторону хребта, числомъ 112,000. Общее число русскихъ въ четырехъ уѣздахъ Забайкальской области, Селенгинскомъ, Верхнеудинскомъ, Читинскомъ и Нерчинскомъ, превосходитъ 260,000 душъ, и они расселены довольно крупными городами, деревнями и станицами въ бассейнѣ Селенги и предпочтительно мелкими селеніями въ Нерчинскомъ краѣ.

Изъ состава русскаго населенія особеннаго вниманія заслуживаютъ такъ-называемые «семейскіе», т. е. старовѣры на Хилокѣ и Чикой, по своему трудолюбію, зажиточности и развитой природѣ физической и нравственной. О занятияхъ русскаго населенія было уже упомянуто при разсмотрѣніи промышленности края. Нельзя не замѣтить, что стѣсненія, налагаемыя на многихъ изъ нихъ officialнымъ ихъ положеніемъ, казаковъ или поселыщниковъ (ссыльныхъ), много вредитъ ихъ экономическому преуспѣнію. Недостатокъ капиталовъ и техническаго образованія также вредно отражается на благосостояніи русскаго населенія, такъ что, напримѣръ, въ городахъ многіе мѣщане, по незнанію ремесель и отсутствію мануфактуръ, должны заниматься земледѣліемъ; въ деревняхъ крестьяне не имѣютъ другихъ занятій кромѣ земледѣлія, котораго произведеній почти некуда сбывать, и охоты, которая есть промыселъ подверженный риску и годъ отъ году дающій меньше доходовъ. Значительную поддержку мѣстное русское населеніе находитъ въ распространившихся за послѣдніе пятнадцать лѣтъ золотыхъ приискахъ, какъ въ предѣлахъ самаго Забайкалья, такъ и въ Олекминскомъ округѣ Якутской области: туда сбываются произведенія земледѣлія и скотоводства по хорошимъ цѣнамъ и тамъ же выручаются немаловажныя заработки отъ золотопромышленныхъ работъ.

Къ составу русскаго населенія здѣсь причислены и поляки, ведущіе тотъ же образъ жизни, какъ и русскіе поселыщники, но

обыкновенно болѣе ихъ развитіе, умственно. Число ихъ достигаетъ 2,000 душъ, считая женъ и дѣтей.

2) *Буряты* — коренное населеніе Забайкалья и понинѣ занимающее значительную часть его территоріи, особенно въ уѣздахъ Селенгинскомъ, Верхнеудинскомъ и въ южныхъ частяхъ Читинскаго и Нерчинскаго. Число ихъ простирается до 120,000 душъ. Они ведутъ кочевую жизнь, но многіе изъ нихъ стали уже полуосѣдлыми или даже осѣдлыми, что зависитъ отъ распространенія земледѣлія и сближенія ихъ съ русскими въ городахъ и по большимъ дорогамъ. Они управляются степными думами Закаменскою, на Джидѣ, Селенгинскою, у Гусинаго озера, Хоринскою, на Удѣ, Агинскою на Агѣ. Весьма важное вліяніе у нихъ имѣютъ тайши, т. е. родоправители, и ламы, т. е. духовные, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и знахари, т. е. лекаря. Нужно замѣтить, что когда русскіе завоевали Забайкалье, то большинство бурятъ были шаманами; съ тѣхъ поръ они всѣ сдѣлались буддистами или ламаитами, что положило почти неодолимую преграду распространенію среди ихъ христіанства, такъ что теперь надежнѣйшій способъ къ сближенію ихъ съ русскими по вѣрѣ будетъ дозволеніе смѣшанныхъ браковъ; пропаганда же миссіонеровъ едва-ли будетъ имѣть какія либо послѣдствія.

Буряты народъ смышленный и, для монголовъ, довольно бодрый и трудолюбивый. Они хорошіе охотники, наѣзтники и отчасти земледѣльцы. Главный ихъ промыселъ, разумѣется, скотоводство. Часть ихъ, около Селенгинска, обращена въ казаковъ и составляетъ одну бригаду, которой строевое образованіе не хуже, если не лучше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ русскихъ полкахъ и баталіонахъ Забайкальскаго казачьяго войска. Но масса, наравнѣ съ другими сибирскими инородцами, вовсе не несетъ военной повинности и, по справедливости, должна быть наконецъ лишена этой льготы, которая ничѣмъ не оправдывается. Въ политической надежности бурятъ нѣтъ причинъ сомнѣваться особенно, когда они станутъ поступать въ ряды русскихъ солдатъ. Въ видахъ тѣснѣйшаго сближенія ихъ съ русскимъ населеніемъ, быть можетъ, не излишнимъ бы было принять между ними ту же мѣру, что и въ киргизскихъ степяхъ, т. е. уменьшить значеніе родовыхъ тайшей, а вмѣстѣ и ламъ, число которыхъ слишкомъ велико.

3) *Монголы* двухъ аймаковъ или ханствъ, Тушету-хана и Цеценъ-хана, народъ кочевой, благодаря вліянію буддизма и двуквѣковому спокойствію ставшій очень мирнымъ и сохранившій отъ

времени прежняго политическаго величія только одно сильное чувство презрѣнія и ненависти къ китайцамъ. Чувство это здѣсь, въ Халкѣ, живѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, какъ по отдаленности страны отъ Китая, такъ и потому, что китайская колонизація здѣсь, можно сказать, еще не начиналась, ограничиваясь поселеніемъ безсемейныхъ сыновъ Срединнаго царства въ нѣсколькихъ торговыхъ слободахъ, а не въ центрѣ самаго кочеваго туземнаго населенія. И не смотря на кровныя связи мѣстной знати съ императорскимъ домомъ въ Пекинѣ, знать эта далеко не изъята отъ національнаго предубѣжденія противъ китайскаго господства въ странѣ. Что же касается до другаго вліятельнаго въ народѣ сословія, духовенства, то оно, можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ высшихъ своихъ представителяхъ, болѣе другихъ склонно къ поддержанію китайской власти, окружающей хутухъ самымъ высокимъ почетомъ; но въ массѣ ламъ, грубой, необразованной, выходящей изъ народа, нерасположеніе къ китайцамъ столь же сильно, какъ и въ самомъ народѣ.

Монголы сосѣдней Забайкальи части Халки вѣдаются проживающими въ Ургѣ амбанами, изъ которыхъ одинъ, старшій, всегда есть природный монголъ, хотя, конечно, болѣе или менѣе окитаившійся, а другой — маньчжуръ. Но ихъ власть чисто-политическая, т. е. они ограничиваются поддержаніемъ мира въ странѣ и покорности ея китайской власти, да завѣдуютъ пограничными дѣлами съ Россією. Что до внутренняго управленія, то оно все, сполна, принадлежитъ: а) *ханама* — Цецену и Тушету, б) находящимся въ подчиненіи имъ правителямъ хошуновъ или «знаменъ», *дзасакамъ*, в) *уринскому хутухтѣ*, завѣдывающему, совершенно независимо отъ гражданскихъ властей, многими частями страны, гдѣ есть обширные ламаистскіе монастыри съ приписанными къ нимъ землями и находящимися на нихъ кочевниками. Эта послѣдняя часть Халки, не образующая сплошнаго владѣнія, составляетъ то, что принято называть *шабинскимъ вѣдомствомъ*; къ составу его, какъ видно изъ обзора Алтае-сайанскаго участка, принадлежатъ и земли дархатовъ, лежація внѣ описываемаго пространства.

Ханы Цеценъ и Тушету живутъ внѣ Урги, именно первый на среднемъ теченіи Керулена, а второй на Орхонѣ. Тамъ они имѣютъ осѣлости или такъ-называемыя «курени», т. е. небольшіе городки. Подобныя же курени находятся и въ удѣлахъ дзасаковъ, т. е. родовыхъ начальниковъ хошуновъ, которые власть свою пе-

редають по наслѣдству, подобно майоратнымъ владѣльцамъ, но не по праву первородства, а по избранію и съ утвержденія пекинскаго двора. Дзасаки суть предводители тѣхъ войскъ, которые должны выставляться ихъ удѣлами; да и всѣ ихъ подданные, монголы, числятся въ военномъ сословіи, на подобіе нашихъ казаковъ, съ восемнадцати лѣтъ до конца жизни. Они вооружаются и снаряжаются на свой счетъ, но въ крайнихъ случаяхъ китайское правительство даетъ имъ денежное вспомошествованіе, какъ, напримеръ, было въ 1869 году при приближеніи съ запада дунганъ. Что ополченія, формируемыя изъ монголовъ, не въ состояніи вести серьезной борьбы съ европейски-устроенными войсками, это понятно само собою; но противъ азіатскихъ скопищъ они еще могутъ быть употребляемы не безъ успѣха, что доказывается пораженіемъ, которое они нанесли въ сентябрѣ 1871 года мусульманскимъ шайкамъ, шедшимъ къ Ургѣ съ юго-запада.

Вооруженіе монгольскихъ ратниковъ состоитъ изъ луковъ и стрѣлъ; къ нимъ въ небольшомъ числѣ присоединяются ружья (обыкновенно фитильныя), сабли и пики. Въ этомъ отношеніи халкасскіе монголы отстали отъ чахаровъ, которые имѣютъ уже карабины, европейскія сабли и даже, иногда, револьверы. Строй у монголовъ исключительно развернутый, да и тотъ соблюдается, пока не дошло до дѣла съ непріателемъ: тогда каждый бросается впередъ или назадъ, сообразно личной храбрости и быстротѣ лошади.

Число монголовъ въ двухъ ханствахъ, Цеценъ и Тушету, едва ли превосходитъ 210,000 душъ, раздѣленныхъ на 43 хопуна, изъ которыхъ 23 подвѣдомственны Цеценъ-хану и занимаютъ мѣста по верховьямъ Толы и, на востокъ оттуда, по Кэрулену, а 20 Тушету-хану и кочуютъ въ бассейнѣ Толы, а также по Орхону и нижнимъ частямъ Эгегола и Селенги. Численность монголовъ шабинскаго вѣдомства неизвѣстна. Часть Гоби, непосредственно прилегающая къ Халкѣ, занята также кочевьями халкасцевъ; но они не совершаютъ большихъ передвиженій съ юга на сѣверъ и обратно, на подобіе нашихъ киргизовъ въ Оренбургской степи, а ограничиваются чисто мѣстными перекочевками въ предѣлахъ своихъ знаменныхъ земель.

4) *Тунусы* частію бродячіе, частію осѣдлые, живутъ лишь въ небольшомъ числѣ на описываемомъ пространствѣ, именно въ Нерчинскомъ уѣздѣ, по Нерчѣ и другимъ лѣвымъ притокамъ Шилки, гдѣ въ эпоху завоеванія края русскими господствовалъ князь

Гантимуръ, котораго потомство и донинѣ живетъ близъ деревни Князебереговой, и въ Верхнеудинскомъ, на рѣкѣ Снѣжной, гдѣ есть до 900 тунгусовъ, совсѣмъ впрочемъ обуратившихся. Общее число тунгусскаго населенія описываемаго края едва-ли превосходитъ 5,000 душъ. Часть его обращена въ православіе, другая, какъ снѣжинскіе тунгузы, въ ламаизмъ, третья остается въ шаманствѣ. Тунгузы — народъ кроткій, покорный правительству, но невѣжественный и привязанный больше всего къ бродячей охотничьей жизни. Тѣ изъ нихъ, которые перешли къ осѣдлости, какъ жители зюльзинскаго прихода на Нерчѣ, могли бы быть совершенно сравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ русскимъ населеніемъ Забайкалья; что же касается до бродячихъ, то несмотря на ихъ отличное искусство въ стрѣльбѣ, они для военной службы мало пригодны уже по одному тому, что бродятъ отдѣльными семьями, гдѣ обыкновенно отецъ есть и единственный кормилецъ семейства.

5) *Китайцы* — исключительно торговцы и чиновники, разсѣянные по торговымъ слободамъ въ Ургѣ, Маймаченѣ, Кэрулюнѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ куреняхъ. По закону они не могутъ имѣть при себѣ семействъ и обзаводиться прочной осѣдлостью въ Монголіи; но этотъ законъ обходится тѣмъ, что они имѣютъ монгольскихъ наложницъ, которыя живутъ либо въ маймаченахъ, либо гдѣ-нибудь въ сторонѣ, за нѣсколько верстъ. Въ послѣднее время начинаютъ возникать даже китайскіе постоянные дворы, а вмѣстѣ и фермы, въ мѣстахъ къ тому пригодныхъ въ степи. Ыздящіе по ауламъ съ товарами китайскіе торгаши находятъ въ такихъ домахъ пріютъ, приспособленный къ ихъ привычкамъ и вкусамъ. Общее число китайцевъ въ двухъ восточныхъ ханствахъ Халхи едва-ли превосходитъ 2,000—3,000 душъ.

6) *Евреи* — обыкновенно занимающіе въ нашихъ владѣніяхъ такую же роль, какъ упомянутые сейчасъ китайцы въ Халкѣ, находятся въ Забайкальѣ въ нѣсколько отличныхъ условіяхъ. Именно, будучи ссыльными или потомками таковыхъ, они частію разсѣяны по городамъ, гдѣ занимаются ремеслами, но не торговлею, частію же сгруппированы въ селѣ Кабанскомъ, на Селенгѣ, гдѣ занимаются какъ земледѣліемъ, такъ и торговлею. Въ большей части случаевъ они не сохранили того рѣзкаго типа, который ихъ отличаетъ въ западныхъ губерніяхъ, и говорятъ, покрайней мѣрѣ въ Кабанскомъ, по-русски. Тутъ они занимаются, между прочимъ, разведеніемъ табака. Число всѣхъ евреевъ 3,625 душъ.

Сводя эти данныя о составѣ населенія халхасскаго пограничнаго пространства, мы получаемъ, что на немъ живутъ:

Русскіе и другіе европейцы	260,000	челов.
Буряты	120,000	} 330,000
Монголы	210,000	
Тунгусы	5,000	
Китайцы	3,000	?
Евреи	3,600	

Итого 601,600

Изъ которыхъ 388,000 на русской почвѣ, въ полосѣ не болѣе 430 верстъ шириною, и 213,000 на китайской, въ разстояніи не болѣе 300 верстъ отъ границы. Все почти населеніе китайскихъ владѣній кочевое, у насъ же двѣ трети осѣдлаго. Монгольское племя есть преобладающее на цѣломъ пространствѣ; но, всецѣло занимая китайскую его часть, оно имѣетъ второстепенную роль въ русскихъ владѣніяхъ.

Относительно группировки этого населенія было уже замѣчено:

1) что большинство его держится по долинамъ рѣкъ; 2) что осѣдлые жители края, русскіе, образовали довольно крупныя поселенія въ бассейнахъ Селенги и болѣе мелкія въ бассейнахъ Амура или въ Нерчинскомъ краѣ; 3) что въ монгольской части пространства единственные осѣдлые жители китайцы, а потомъ ламы, живущіе по монастырямъ, и немногія владѣтельные лица, ханы и дзазаки, имѣющіе свои курени. Слѣдующій обзоръ дастъ болѣе обстоятельное понятіе о важнѣйшихъ изъ всѣхъ осѣдлостей въ краѣ.

А. Въ Забайкальѣ.

Посольскій монастырь, съ окружающимъ его селеніемъ, есть крайняя населенная точка у Байкала какъ со стороны самаго озера, черезъ которое тутъ начинается переправа *), такъ и по кругобайкальскому тракту, вдоль котораго отсюда на западъ существуютъ только одинокія почтовые станціи. Селеніе небольшое, но хорошо обстроенное.

Село Кабанское — экономическій и административный центръ селенгинской дельты, съ населеніемъ болѣе 800 душъ, изъ которыхъ часть евреи.

Городъ Верхнеудинскъ — лучший изъ забайкальскихъ по постройкѣ

*) Лѣтомъ паромная — къ селу Лиственничному, зимою санная — къ станціи Голоустной.

и важнѣйшій по экономическому значенію для края. Здѣсь зимою бываетъ ярмарка съ оборотомъ до 600,000 рублей. По положенію своему у выхода кругобайкальской дороги изъ ущелья (въ девяти верстахъ отъ начала его), на мѣстѣ соединенія съ Селенгою Удм (правые берега обѣихъ рѣкъ) и при соединеніи дорогъ изъ Читы, хилокскихъ и чивойскихъ селеній, считая въ томъ числѣ Петровскій заводъ, и наконецъ у дороги на Кяхту, онъ одинъ изъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ Забайкалья. Жителей 3,470 душъ.

Селенгинскъ новый на лѣвой сторонѣ Селенги и *старый* на правой; бѣдный городокъ, могущій однако возвыситься, благодаря своему положенію близъ впаденія въ Селенгу Чивоя. Жителей около 1,000 душъ.

Усть-Кяхта — слобода на Селенгѣ, въ 20 верстахъ отъ границы, отсюда въ хорошую воду устанавливается пароходство на Селенгѣ.

Городъ Троицкосавскъ, съ *Кяхтою*, лежащею въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ него и соединенною съ нимъ единственнымъ въ край шоссе. До 1861 года былъ мѣстомъ обширнаго торговаго оборота съ Китаемъ, нынѣ весьма упавшаго. Городъ и слобода расположены въ степной, песчаной долинѣ, почти безъ воды въ протекающемъ чрезъ нихъ ручьѣ. Жители, большею частью, мѣщане, которые нѣкогда занимались исключительно зашивкою чайныхъ мѣстъ (обшиваніемъ пибиковъ кожею), а теперь перебиваются тѣмъ же и частію извозомъ, ремеслами и проч. Жителей въ обѣихъ мѣстностяхъ, т. е. въ городѣ и слободѣ Кяхтѣ, около 3,700 душъ. Изъ зданій, могущихъ имѣть значеніе для военнаго вѣдомства, заслуживаютъ вниманія, по обширности своей, бывшая таможня въ Троицкосавскѣ, на сѣверномъ концѣ города, и гостинный дворъ въ Кяхтѣ, у самой почти границы, оба каменные, тогда какъ большинство прочихъ построекъ деревянныя. Кяхта непосредственно примыкаетъ къ китайскому Маймачену, отъ котораго отдѣлена лишь десятью саженьми нейтральной полосы и деревяннымъ заборомъ.

Селеніе *Торейское* и станица *Харацайская* суть главныя осѣдлости въ долинѣ Джиды.

Гусино-озерскій дацанъ или ламаискій монастырь, у юго-западнаго берега Гусинаго озера, есть центръ духовнаго управленія бурятъ, ибо живущій здѣсь хамба-лама считается главою бурятскаго духовенства.

Станица *Бударинская*, на Бударѣ, притокѣ Чивоя, селенія:

Урлукское (2,200 душъ) на Урлукѣ, въ 20 верстахъ отъ Чикоя, *Савичи* и *Барахоево*, на самомъ Чикой, *Куналейское*, *Бичурское* и *Еланское*, у Хилова, *Ново-Заянъ*, *Мухорь-Шибирское*, *Хонхолойское* и *Харауское* по Сухорѣ и Тутнуй, *Петровский заводъ* и село *Тарбагатайское* суть главные центры русскаго населенія въ предѣлахъ Селенгинскаго и Верхнеудинскаго уѣздовъ, на правой сторонѣ Селенги. Петровский заводъ есть единственный въ Забайкальѣ для выдѣлки желѣза.

По дорогѣ изъ Верхнеудинска въ Читу заслуживаютъ нѣкотораго вниманія лишь село *Ужурское* и деревня *Шакиминская*: послѣдняя передъ самымъ Яблоновымъ хребтомъ и у водораздѣла Хилова и Монголыя.

Чита — областной городъ Забайкалья, возведенный въ это достоинство изъ бывшаго Читинскаго острога. Въ городѣ этомъ ннѣ 3,650 жителей, областное и войсковое правленія и небольшой арсеналъ. Экономическаго значенія онъ, однако, не имѣетъ, да едва-ли и можетъ когда имѣть, ибо протекающая мимо его Ингода хотя и считается судоходною отсюда, но на самомъ дѣлѣ есть только сплавная рѣка. Кромѣ того, Чита имѣетъ еще одно мѣстное и довольно важное неудобство: она лежитъ въ глубокой долинѣ среди песковъ, которые вѣтеръ наноситъ какъ изъ самой долины, такъ и съ сосѣднихъ горъ. Въ этомъ она походитъ на Кяхту. Городъ построенъ на лѣвыхъ берегахъ Ингоды и Читы, изъ которыхъ послѣднюю обыкновенно переѣзжаютъ въ бродѣ.

Въ Нерчинскомъ краѣ заслуживаютъ еще вниманія слѣдующіе населенные пункты:

По Шилкѣ: село *Городище*, городъ *Нерчинскъ*, станица *Бянкина*, городъ *Срѣтенскъ*, *Шилкинскій заводъ* и станица *Горбиченская*.

По Онону: станицы *Акинская* и *Чиндантская*.

По Аргуни: станицы *Старо* и *Ново-Цурухайтуевскія*, *Олочинская*, *Аргунская* и *Усть-Стрѣлочная*.

По притокамъ Аргуни: большой *Нерчинскій заводъ*, *Александровскій заводъ*, станица *Донинская*.

О важнѣйшихъ изъ этихъ пунктовъ можно сказать слѣдующее:

Городъ *Нерчинскъ*, на рѣкѣ Нертѣ, въ четырехъ верстахъ отъ впаденія ея въ Шилку, посреди прекрасной долины, имѣетъ 4,000 жителей. Если бы рѣка Шилка была хоть нѣсколько канализована отсюда до Срѣтенска, устройствомъ самыхъ простыхъ береговыхъ плотинъ для служенія русла, то, конечно, городъ этотъ могъ бы быть истиннымъ экономическимъ центромъ всего Нерчинскаго края,

предпочтительно предъ Читю и Срѣтенскомъ. Онъ и теперь много лучше ихъ.

Срѣтенскъ — городокъ замѣчательный только тѣмъ, что отсюда начинается амурское пароходство. Онъ лежитъ на правомъ берегу Шилки, въ весьма узкой долинѣ и никогда не можетъ по этому самому стать значительнымъ городомъ.

Станица *Горбиченская* — послѣдній населенный пунктъ по Шилкѣ, которая отсюда вступаетъ въ весьма узкую долину, почти въ непрерывное ущелье, до самой Усть-Стрѣлки.

Станица *Усть-Стрѣлочная*, въ 1½ верстѣ отъ впаденія Аргуня въ Амуръ, вмѣстѣ со станицею Покровскою, которая лежитъ на самомъ Амурѣ, у начала его, представляетъ много условій, чтобы сдѣлаться со временемъ немаловажнымъ торговымъ и стратегическимъ пунктомъ.

Большой *Нерчинскій заводъ* (2,000 душъ) есть средоточіе управленія Нерчинскимъ горнозаводскимъ округомъ, принадлежащимъ Кабинету Его Величества и имѣющимъ въ составѣ своемъ до 764,000 десятинъ земли, изъ которыхъ 300,000 десятинъ лѣсу.

Станица *Ново-Цурухайтуевская* — центръ промышленнаго движенія въ при-аргунскомъ краѣ. Отсюда есть дорога въ китайскіе города Мергенъ, Хайларъ и Цициваръ. Здѣсь же заслуживаетъ вниманія стеновое коневодство г. Хилковского.

Станица *Чиндантская* можетъ сдѣлаться значительнымъ торговымъ пунктомъ, если установится постоянное караванное сообщеніе Нерчинскаго края съ китайскимъ городомъ Долонъ-норомъ, въ который отсюда начинается кратчайшая удобная дорога.

Б. Въ Халхѣ:

Эрдени-цзао — большой ламайскій монастырь на Орхонѣ. Положеніе его съ точностью неизвѣстно.

Резиденція Тушету-хана, на Орхонѣ же, верстахъ въ тридцати ниже устья Толы.

Уриа — важнѣйшій пунктъ сѣверной Монголіи, мѣстопробываніе хутухты-гегена, который въ буддійской іерархіи занимаетъ первое мѣсто послѣ далай-ламы и баньчана. Тутъ же живутъ китайскіе амбаны, правители Халхи, а также русскій консулъ. Городъ лежитъ въ долинѣ рѣчки Сильбы, впадающей здѣсь въ Толу, и разбросанъ на пространствахъ нѣсколькихъ верстъ неправильными грунцами, среди которыхъ тянутся пустыри. Вся долина командуется окружающими высотами, изъ которыхъ особенно извѣстна гора Халъ-ола. Русское консульство лежитъ отдѣльно, въ восточной

части города. Главное население Урги составляют ламы, а потому китайцы, которые имѣютъ торговую свободу. Урга привлекаетъ дѣломъ многочисленныхъ богомольцевъ изъ всѣхъ частей Монголіи.

Городки *Дзун-хуренъ*, на верхнемъ Кэрулюнѣ, *Бресенкидъ*, на Чжергалантуѣ, *Гилтегентай*, на сѣверной окраинѣ Гоби, близъ поворота Кэрулюна на востокъ, *резиденція Цецень-хана* на среднемъ Кэрулюнѣ и наконецъ *Урю* или *Кэрумонъ*, на нижнихъ частяхъ рѣки того же имени, всѣ имѣютъ одинъ общій типъ. Это ламаискіе монастыри, съ возникшими около нихъ торговыми слободами, гдѣ находятъ для себя все нужное монголы. Ниже послѣдняго изъ названныхъ городковъ, рѣка Кэрулюнъ протекаетъ узкимъ ущельемъ, прежде чѣмъ достигнуть озера Далай-нора, долина котораго также обставлена горами и увалами съ сѣверо-запада.

Перечисливъ эти пункты, мы должны теперь сказать нѣсколько словъ о промышленныхъ связяхъ между ними, такъ какъ подобныя связи могутъ имѣть особое значеніе въ виду того, что по обѣ стороны границы живетъ одно коренное населеніе — монгольское. Но тутъ можно замѣтить, что собственно монголы и буряты имѣютъ между собою гораздо болѣе религіозныхъ и даже брачныхъ связей, чѣмъ экономическихъ; вся же пограничная торговля держится главнѣйше на обмѣнѣ произведеній не мѣстныхъ, а привозимыхъ издалека, именно изъ Китая и изъ европейской Россіи. Китай особенно снабжаетъ какъ монголовъ-халхасцевъ, такъ и всѣхъ жителей Забайкалья, чаемъ, преимущественно кирпичнымъ. Чай этотъ привозится къ намъ для Забайкальскаго края безпошлинно, ибо онъ есть предметъ первой потребности не только для бурятъ, но и для русскихъ; монголы же, не имѣющіе полей и лѣсовъ, слѣдовательно хлѣба и продуктовъ охоты, имъ почти однимъ и живутъ, съ прибавленіемъ къ нему баранины и другаго мяса. Чайные кирпичи служатъ въ Монголіи единицею цѣнностей, въ родѣ нашего рубля или китайскаго лана, и курсъ на кирпичи въ Кяхтѣ есть величина почти постоянная, колеблющаяся не болѣе, чѣмъ кредитный рубль на лондонскомъ рынкѣ *). Съ русской стороны, на международный торгъ въ Кяхтѣ, Ургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ поступаютъ хлопчатобумажныя ткани, ндись и отчасти сукно, а также металлическая посуда и мѣха, которые, впрочемъ, болѣею частью не остаются въ Монголіи, а идутъ въ Китай. Съ

*) Общественно 50 коп. сер. за штуку. Хорошій баранъ стоитъ три или четыре аргента.

открытіемъ новой дороги въ послѣдній изъ Забайкалья, именно чрезъ Чинданта, можно думать, что торговныя связи Россіи съ Халкою возрастутъ еще болѣе; но и теперь онѣ довольно значительны, особенно если взять въ расчетъ торжки, которые бывають почти на каждомъ пограничномъ караулѣ между жителями сосѣднихъ мѣстностей.

Военный обзоръ.

Соображая изложенныя выше данныя географическія, статистическія и этнографическія, а также принявъ во вниманіе исторію пограничныхъ нашихъ отношеній къ Китаю въ Халкѣ, мы можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія объ описанномъ краѣ, какъ о театрѣ войны:

1) Вообще все пограничное пространство очень гористо; особенную же важность съ военной точки зрѣнія имѣютъ Гентей и Яблоновыя хребты, раздѣляющіе край на два театра войны, между которыми не можетъ быть никакой прочной связи.

2) На *западъ* отъ Яблоноваго хребта важнѣйшими, въ стратегическомъ смыслѣ, мѣстными предметами являются долина рѣки Селенги и Хамаръ-дабанскій хребетъ. Первая есть единственная полоса земли, гдѣ возможны значительныя военныя дѣйствія, какъ наступательныя съ нашей стороны, такъ даже и оборонительныя; ибо монголы хотя и могутъ вторгаться къ намъ почти вдоль всей границы, но только по долинѣ Селенги въ состояніи проникнуть глубоко внутрь страны и занять важныя стратегическія пункты, каковы, напримѣръ, Верхнеудинскъ. Что же касается до Хамаръ-дабанскаго кряжа, то онъ образуетъ малодоступную окраину важнѣйшаго для насъ въ стратегическомъ отношеніи дефила, кругобайкальской дороги, и съ этой точки зрѣнія есть стратегическій ключъ страны, такъ что самое обладаніе Забайкальемъ возможно лишь подъ условіемъ владѣть сполна по крайней мѣрѣ всѣми горными проходами въ этомъ хребтѣ. Замѣтимъ, что главный выходъ изъ образованнаго Хамаръ-дабаномъ дефила, у Верхнеудинска, ничѣмъ съ нашей стороны не укрѣпленъ, хотя для конницы лежитъ всего въ четырехъ переходахъ отъ границы, такъ что найдись у китайцевъ смѣлый генералъ, онъ можетъ внезапно отрѣзать большую часть Забайкалья и весь Амуръ отъ прочихъ частей Сибири.

3) Въ смыслѣ конфигураціи и даже географическаго положенія, по горамъ, граница на западѣ отъ Яблоноваго хребта вообще пред-

ставляется довольно удовлетворительно съ точки зрѣнія ея обороны. Но въ виду качествъ непріятеля, который можетъ состоять только изъ многочисленной нерегулярной конницы, это замѣчаніе приобретаетъ чисто-отыменный, фиветивный смыслъ, ибо такой непріятель въ состояніи повсюду перейти границу почти внезапно. Впрочемъ, не трудно понять, что серьезныя оборонительныя дѣйствія могутъ имѣть мѣсто только въ пространствѣ отъ Желтуры до Чикоя, т. е. на какихъ нибудь 130 верстахъ, гдѣ всегда и должны быть сосредоточены какъ войска, такъ и предметы снаряженія и довольствія. Троицкосавскъ, лежащій въ срединѣ этого пространства и притомъ у самой границы, есть поэтому естественный пунктъ для сосредоточенія войскъ съ нашей стороны, точно такъ же, какъ Гиланъ-норъ — съ китайской. Ни въ одномъ изъ нихъ, однако, благодаря вѣковымъ дружескимъ отношеніямъ двухъ сосѣднихъ державъ, нѣтъ никакихъ укрѣпленій.

4) По довольно хорошей производительности страны на западѣ отъ Яблоноваго хребта, какъ у насъ, такъ даже и у монголовъ, въ случаѣ войны, безъ особаго труда могутъ быть содержимы съ обѣихъ сторонъ довольно значительныя отряды на этомъ театрѣ войны. Разумѣется, европейскій масштабъ тутъ непримѣнимъ, особенно въ виду огромнаго превосходства нашихъ войскъ надъ монгольскими и надъ китайскими регулярными; но все же, въ крайнемъ случаѣ, мы можемъ собрать въ долинѣ Селенги, безъ особыхъ хлопотъ о продовольствіи, отрядъ въ 2,000 пѣхоты и 1,000 кавалеріи, съ двумя батареями, чего совершенно достаточно, чтобы вести войну противъ нашихъ сосѣдей съ полною увѣренностью въ успѣхѣ, который можетъ выразиться не только занятіемъ Урги, но и отторженіемъ отъ Китая всей Халки. Для послѣдней цѣли искусный генералъ не упуститъ, конечно, воспользоваться національнымъ предубѣжденіемъ монголовъ противъ китайцевъ.

5) Продовольствіе войскъ въ нашихъ предѣлахъ можетъ быть обезпечено главнѣйше урожаемъ хлѣба въ долинѣ Хилока и отчасти Джиды, Селенги и Чикоя. Здѣсь же, особенно по Джидѣ и Чикю, можетъ быть заготовляемо и сѣно. Интендантскія цѣны на всѣ эти предметы, по сложности пяти лѣтъ, 1866—1870, были:

Муки четверть	8 р. 14 коп.
Брупъ	13 > 29 >
Овса	4 > 24 >
Сѣна пудъ	— > 28 >

Но эти цѣны, приблизительно, вдвое выше дѣйствительныхъ и показываютъ только барыши подрядчиковъ. За то, при движеніи за границу, въ Монголію, по справедливости можно ожидать очень большихъ расходовъ на хлѣбъ и фуражъ, какъ показалъ опытъ 1870—1871 годовъ: тогда продовольствіе казачьей сотни въ Ургѣ обходилось отъ 4,000 до 5,000 рублей въ мѣсяцъ.

6) По ту сторону Яблоноваго хребта свойства театра войны нѣсколько иныя, чѣмъ въ бассейнѣ Селенги, что зависитъ: а) отъ направленія значительной части рѣкъ не перпендикулярно къ границѣ, а параллельно ей; б) отъ большей лѣсности горныхъ хребтовъ; в) отъ распредѣленія населенія болѣе равномернаго, чѣмъ на западѣ отъ Яблоноваго хребта. Поэтому здѣсь нѣтъ такой опредѣленной, указанной природою, операціонной линіи, какъ долина Селенги. Для сосредоточенія же войскъ, въ случаѣ войны съ Китаемъ, могутъ служить: станица Чиндантская, откуда удобно движеніе на Керулюнь, и станица Цурухайту, откуда легко достигнуть Хайлара. Впрочемъ, послѣдній путь дѣйствій лежитъ уже въ Дауріи, по отношенію къ которой Нерчинскій край вообще имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ по отношенію къ Халкѣ. Самыя дороги въ край, болѣею частію мало удобныя для ѣзды въ экипажахъ, дѣлаютъ довольно затруднительными движенія значительныхъ отрядовъ, хотя, съ другой стороны, путь вдоль Онона до Чинданта и оттуда на Абагайту, т. е. вдоль границы, облегчаетъ сосредоточеніе войскъ, расположенныхъ вдоль ея.

Условія содержанія войскъ въ Нерчинскомъ край тѣ же, что по западную сторону Яблоноваго хребта; но благодаря тому, что край этотъ долгое время снабжалъ Амуръ хлѣбомъ и скотомъ, въ немъ все дороже. Притомъ земледѣліе не можетъ особенно процвѣтать вслѣдствіе ложнаго экономическаго положенія большинства жителей, которые, будучи казаками, никогда не могутъ сравниться въ производительности съ крестьянами. Да и послѣдніе здѣсь далеко не такъ зажиточны какъ на Хилкѣ, вслѣдствіе реквизицій во время заселенія Амура.

7) Забайкальское казачье войско, въ теперешнемъ его составѣ — 6 конныхъ полковъ, 9 пѣшихъ баталіоновъ и 1 батарея — вообще кажется излишне-большимъ. И какъ по роду возможной войны, съ монголами, въ степяхъ, небѣдныхъ травою, для насъ важнѣе имѣть многочисленную конницу, а пѣхоту лишь въ небольшомъ числѣ, но отличную, т. е. регулярную, то очевидно, что возвращеніе пѣшихъ баталіоновъ въ крестьянское сословіе нѣсколько не ослабитъ

обороны страны и въ то же время послужить къ государственной пользѣ. Въ этомъ смыслѣ и сдѣланъ правительствомъ важный шагъ въ маѣ прошлаго 1872 г. уничтоженіемъ разныхъ военно-административныхъ учрежденій по войску и замѣною ихъ обще-гражданскими.

8) Въ предѣлахъ описываемаго пространства, именно въ Читѣ, мы имѣемъ окружной арсеналъ восточной Сибири, стоящій ежегодно около 15,000 руб. и состоящій изъ мастерскихъ деревянной и кузнечной. Какъ этотъ арсеналъ: а) получаетъ нужное для поделокъ дерево съ Амура и даже съ Усури; б) имѣетъ главнымъ назначеніемъ готовить крѣпостные лафеты, въ которыхъ никакой надобности въ Забайкальѣ не встрѣчается, и с) не содержитъ необходимой оружейной мастерской, то, повидимому, есть основаніе къ переводу его въ Хабаровку, согласно представленію начальства восточнаго Сибирскаго округа. Въ оставшихся зданіяхъ, быть можетъ, окажется удобнымъ основать оружейную мастерскую, въ которой войска Иркутской губерніи и областей Забайкальской и Амурской имѣютъ настоятельную надобность.

9) Снабженіе войскъ провіантомъ производится изъ слѣдующихъ магазиновъ: читинскаго (перваго класса), срѣтенскаго (втораго класса), верхнеудинскаго, селенгинскаго, троїцкосавскаго, нерчинскаго (третьяго класса) и нерчинско-александровскаго (четвертаго класса).

Предметы обмундированія и снаряженія заготавливаются обыкновенно съ торговъ и доставляются отчасти изъ Европейской Россіи (сухо, пуговицы, гербы), отчасти съ мѣстныхъ рынковъ (сапожный товаръ, холстъ, сбура). Неразвитость мануфактурной промышленности въ край дѣлаетъ ихъ очень дорогими.

Оружіе въ войскахъ все привозное изъ европейской Россіи, куда приходится посылать его и для капитальныхъ исправленій.

Для пользованія больныхъ имѣется одинъ читинскій военный полугоспиталь.

Командованіе войсками въ Забайкальѣ принадлежитъ военному губернатору области, который вмѣстѣ есть и войсковою атаманъ казаковъ.

10) Монгольскія войска въ Халкѣ, т. е. мѣстная милиція, о свойствахъ которой говорено уже при обзорѣ народонаселенія, состоятъ:

Въ аймакѣ Цеценъ-хана	изъ 47 сотенъ . . .	7,550 человекъ.
» аймакѣ Тумету-хана	изъ 58 сотенъ . . .	7,950 . . .

100 сотенъ . . . 15,000 человекъ.

Ни общаго управленія, ни запасовъ оружія, ни продовольствія и проч. эти монголы не имѣютъ. Службу несутъ по очереди на пограничныхъ караулахъ и въ Ургѣ, причѣмъ обучаются стрѣльбѣ и производству атакъ. Ни пѣхоты, ни полевой артилеріи въ Халкѣ нѣтъ, за исключеніемъ небольшихъ пѣхотныхъ отрядовъ китайскихъ войскъ, временно высланныхъ въ Ургу для защиты ея отъ мусульманскихъ шаекъ, приходящихъ съ юго-запада. Численность этихъ отрядовъ непостоянна, и хотя въ 1871 г. китайское правительство держало около 17,000 чел. на сѣверѣ отъ Великой стѣны, но изъ нихъ на долю описаннаго здѣсь края приходилось не болѣе 1,200 человекъ.

Когда монгольскія войска выходятъ на службу, то онѣ организуются въ сотни или *сумо*; четыре сотни составляютъ строевой полкъ, *дзялань*, а два дзялана крыло или бригаду, *мейренъ*. Размѣръ наряда на службу бываетъ различенъ: иногда изъ 150 человекъ, составляющихъ административный эскадронъ, *миру*, берется только 50 чел., иногда даже 100. Но въ дѣйствительности и 6% взрослого мужскаго населенія составляютъ уже тягостный нарядъ, употребляемый лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, напр. въ 1871 г. при вторженіи дунганъ въ княжество Мергенъ-вана. Назначеніе людей на службу, т. е. выборъ лицъ, зависитъ отъ хожуннаго начальника (хожунъ—удѣль). Выходящіе на службу люди все снаряженіе имѣютъ свое; правительство на это ничего не даетъ или даетъ очень мало, въ видѣ вспоможенія.—Оружіе монголовъ содержится въ безобразно-неисправномъ видѣ, хотя предполагается, что начальники дѣлаютъ ему осмотръ. Именно, оно по закону свидѣтельствуется каждыя 3 года, и послѣ этого въ замѣнъ недостающаго и поломаннаго разрѣшается приобрѣтать новое; но если бы монголы вздумали купить больше, чѣмъ имъ дозволено пекинскимъ военнымъ министерствомъ, то они за это штрафуются; продажа оружія иностранцамъ строго запрещена; но, конечно, никто и не пожелаетъ въ наше время покупать луки, копья и фитильныя ружья.

Въ 1871 году подполковникъ Барабашъ видѣлъ въ Ургѣ ученье монгольскихъ войскъ, пѣшее по конному. Тысяча солдатъ была построена въ одну линію въ двѣ шеренги, сотня около сотни. Люди съ разнымъ вооруженіемъ въ строю были перемѣшаны. По звуку трубы этотъ длинный строй сталъ тихо подаваться впередъ, причемъ воины, владѣвшіе исправными ружьями, выбѣгали впередъ и стрѣляли не прицѣливаясь, съ пояса; говорятъ, что они такъ дѣйствуютъ и въ бою. Холодное оружіе употребляется только при

преслѣдованіи и при бѣгствѣ. Весною и лѣтомъ дѣлаются монголамъ смотрѣ; но на нихъ является лишь самое незначительное число людей: за остальныхъ, конечно, инспектирующіе амбаны (генералы) берутъ взятки.

Источники.

Риттеръ: Землеустройство Азии, т. II. Русский переводъ той части этого труда, которая относится къ Забайкалью, съ современными дополненіями, дѣлается г. Кропоткинъ.

Гатемейстеръ: Статистическое описаніе Сибири.

Шварцъ: Труды Сибирской экспедиціи.

Радде: Путешествіе въ юго-восточную Сибирь и статьи о Байкалѣ, монголо-даурской границѣ и пр. въ изд. Русскаго Географическаго Общества.

Турчаниновъ: Flora baicalensi-daurica.

Іакинфъ: Записки о Монголіи и Статистическое Описаніе Китайской Имперіи.

Тимковский: Путешествіе черезъ Монголію.

Ковалевскій: Путешествіе въ Китай.

Шиммаревъ: статьи о Халхасской Монголіи и о поѣздѣ изъ Урги на Олонъ.

Гаузинъ: Поѣздка въ Ургу.

Кашинъ: Разныя статьи о Приаргунскомъ краѣ.

Кельбертъ: То же о Селенгинскомъ краѣ.

Домоносковъ: То же о забайкальскихъ минер. водахъ.

Полжовъ: Путешествіе въ восточный Саянъ.

Годлевскій и Дибоскій: Разныя статьи о Байкалѣ.

Бутинъ: Поѣздка изъ Чинданта на Доланъ-норъ.

Литинскій: Рукопись о поѣздѣ въ Ургу.

П... (Пѣтуховъ?): Рукопись о кяхтинскомъ градоначальствѣ.

Клапротъ: Mémoires relatifs à l'Asie.

Разныя статьи въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» *Спаскаго*, въ «Горномъ Журналѣ», въ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», и особенно въ изданіяхъ Русскаго Географическаго Общества и Сибирскаго Отдѣла его.

Карты: *Заборинскаго:* Забайкальской области, 20 в. въ 1 л.; рукописная Управленія Генеральнаго Штаба Восточной Сибири; Рукописная Забайкальской же области, 10 в. въ 1 л., представляющая сводъ съемокъ, не всегда впрочемъ удачныя.

Шварца: Бассейновъ Енисея, Лены и Амура — единственная, которая имѣетъ научное объясненіе въ «Трудахъ Сибирской Экспедиціи».

Клапротъ: Carte de l'Asie Centrale.

Маршруты по Халхѣ: Даржидарова, Гельмерсена, Волкова, Бутинныхъ и пр.

Участокъ шестой: Алтай-Саянскій.

Предѣлы и математическое положеніе пограничнаго пространства.

Изъ всѣхъ отдѣловъ русско-китайской границы это самый недоступный въ топографическомъ отношеніи. И какъ притомъ онъ мало важенъ въ отношеніяхъ этнографическомъ, экономическомъ и военно-политическомъ, то свѣдѣнія о немъ могутъ быть короче, чѣмъ, напримѣръ, о сосѣднихъ ему на западъ и востокъ. Эти свѣдѣнія и сами по себѣ, впрочемъ, очень еще далеки отъ сколько-нибудь удовлетворительной полноты, особенно по отношенію къ землямъ, лежащимъ въ китайскихъ предѣлахъ.

Крайними точками граничной черты этого участка можно считать: на западъ гору *Куйтунъ*, гдѣ Большой Алтайскій хребтъ пересѣкается Малымъ, а на востокъ край *Кзылмышу-даба*, который восточная половина Саянскаго хребта входитъ въ Забайкальскую область. Общая длина границы между обѣими точками доходитъ до 1,765 верстъ, изъ которыхъ 625 верстъ на западъ, отъ Куйтуна до Шабина-дабага, опредѣлены договоромъ 1864 и протоколомъ 1869 года, а 1,140 верстъ на востокъ договоромъ 1728 года. По всему протяженію границы, на гребняхъ высотъ, по которымъ она проходитъ, поставлены знаки, обыкновенно состоящіе изъ кучи камней, каменной плиты или креста. Число ихъ не превосходитъ двадцати двухъ, и это показываетъ, что одинъ знакъ отстоитъ отъ другого, среднимъ числомъ, на 80 верстъ, что объясняется недоступностію мѣстности.

Трудно установить сколько-нибудь естественные предѣлы для пограничнаго пространства, которое заслуживаетъ описанія въ связи съ этимъ участкомъ государственныхъ рубежей. Пограничныя сношенія здѣсь такъ слабы, экономическое вліяніе одного государства такъ недалеко проникаетъ вглубь другого и вѣроятность военныхъ столкновеній такъ мала, что можно было бы ограничиться одною полосой между линіями карауловъ китайскихъ и русскихъ. Но какъ

нѣкоторыя сосѣднія мѣстности обѣихъ имперій, Россіи и Китая, могутъ входить въ кругъ политическихъ и военныхъ соображеній имѣющихъ связь съ вопросами собственно пограничными, то мы примемъ за предѣлы пограничнаго пространства: съ нашей стороны долину Бухтармы, бѣлки Коксинскіе, Чарышскіе и Ануйскіе, р. Аймуй, дорогу изъ Бійска въ Кузнецкъ, оттуда горами къ Ачинску и далѣе по большому сибирскому тракту, чрезъ Красноярскъ и Иркутскъ, къ западному концу озера Байгала и снова по гребнямъ высотъ до кража Кзылмышту-дабага; съ китайской же стороны — хребетъ Малый Алтай, дорогу отъ г. Кобдо чрезъ Уласутай до р. Онгининъ-гола и потомъ восточные предѣлы земель Сунъ-нонна аймака. Такимъ образомъ, всѣ земли на 300, 500, иногда и болѣе верстъ по обѣ стороны границы будутъ подлежать нашему разсмотрѣнію, и при этомъ съ русской стороны войдутъ почти исключительно горы и рѣчныя долины, а съ китайской, сверхъ того, степная страна высоколежащихъ озеръ Убсы, Ика-арала, Кыргистнора и проч. Въ административномъ смыслѣ это будутъ: у насъ юго-восточная часть Томской губерніи, важная Енисейской и юго-западная Иркутской; у китайцевъ земли Ураньонъ и Дархатовъ; округи Кобдинскій и Уласутайскій и часть земель Джасагту-кана и Сунъ-нонна.

Въ географическомъ отношеніи это пространство замѣчательно тѣмъ, что только въ нашихъ предѣлахъ имѣются прочныя основы для картографіи, т. е. астрономическія точки; съемки же въ китайскихъ владѣніяхъ оперты на пункты, лежащіе либо сѣвернѣе границы, т. е. у насъ, либо далеко на востокъ (у Толи, Орхона и югъ (у Тянь-шаня)). Это дѣлаетъ картографію страны весьма ненадежною, и только то обстоятельство, что наши русскія опредѣленія расположены по дугѣ, описывающей страну съ запада, сѣвера и востока, даетъ нѣкоторую опредѣлительность топографическому ея овертанію. Особенно облегчили изученіе географіи всего описываемаго края съемки Алтайскаго горнаго вѣдомства, труды Сибирской экспедиціи Русскаго Географическаго Общества (1836—1839), работы пограничной комиссіи 1869 года, маршрутные съемки гг. Циріка и Матушевскаго и, наконецъ, астрономическія работы Мирониченко и, частью, Илайаса.

Для картографическихъ работъ небольшого масштаба, единственно-возможныхъ въ настоящее время относительно этого края, мы имѣемъ 58 основныхъ точекъ, что для площади въ 12 или 15,000 кв. миль очень достаточно....

Топографія.

Многочисленныя горы урянхайскаго пограничнаго пространства, занимающія болѣе двухъ третей его, принадлежать къ слѣдующимъ системамъ:

1) *Мамы Алтай* (Эктагъ-Алтай) есть хребетъ, идущій отъ горы Куйтунъ на юго-востокъ, между бассейнами Чернаго Иртыша и рѣки Кобдо. Въ южной своей половинѣ онъ распадается на многія вѣтви, которыя наполняютъ собою весь водоемъ озера Кизылъ-баши и притока его Урунгу. Снѣжныя вершины свойственны только сѣверной половинѣ хребта, отъ Куйтуна до верховій Кирана; но и въ остальной части Мало-алтайскія горы трудно-проходимы, такъ что удобнѣйшая дорога изъ Кобдо въ бассейнъ Чернаго Иртыша идетъ въ обходъ южныхъ оконечностей края, по р. Урунгу. Въ срединѣ же хребта извѣстны только два перевала: Оботу-дабанъ и Сундурукъ-дабанъ, оба весьма неудобные.

2) *Алтайская система* Томской губерніи имѣетъ очень сложное устройство, но вообще отличается тѣмъ, что водораздѣлъ главныхъ ея рѣкъ, такъ-называемый хребетъ *Сайлюгемъ*, идетъ извилистою линіею по границѣ, т. е. отъ сѣверо-востока къ юго-западу, тогда какъ главные края системы: Холзунъ, Катунскіе-бѣлки, Чуйскіе-бѣлки, горы Курайскія, Айгулакскія и Телецкія направляются отъ востока къ западу или къ сѣверо-западу. Всѣ названныя горы, а также Терентинскіе бѣлки на лѣвомъ берегу Катуні, имѣютъ снѣжныя вершины, изъ которыхъ наивысшая, Вѣлуха, достигаетъ 11,000 футовъ надъ моремъ. Сообщенія здѣсь весьма затруднительны, иногда невозможны. Только на сѣверо-западѣ горы понижаются и, наконецъ, пропадаютъ въ обширной низменности Барабы. На востокѣ же, вблизи Сайлюгема, высота очень значительна (6—8,000 футовъ), но командованіе надъ окрестною мѣстностью становится менѣе замѣтнымъ, и у верховій Ясатера, Чуи и Чулымнана открываются уже высокія плато, болотистыя и каменистыя, но довольно ровныя, такъ что здѣсь вдоль хребта проложена тропинка. Отъ того мѣста, гдѣ Сайлюгемъ встрѣчается съ горами Курайскими, и гдѣ, на большихъ абсолютныхъ высотахъ, лежатъ озера Джувукуль и Индарту-норъ, начинаются уже системы: къ сѣверу Саянская, а къ востоку Танну-ола. Хребетъ Сайлюгемъ, составляя пограничный край, имѣетъ четыре прохода: Уланъ-даба, по дорогѣ съ бывшего пицета Укекъ къ караулу Суоуъ, Дерботъ отъ Юстида къ Кара-Уласутану, Богосуъ и Таксылъ къ сторонѣ озера Индарту.

Рѣки Бухтарма, Аргутъ, Чул, Башкаусъ и Чулышманъ, сбѣгая съ Сайлюгема и, мало-по-малу, врѣзываясь своими руслами въ почву, образуютъ почти непреступныя ущелья, по которымъ проложить сколько-нибудь удобныя дороги, даже тропинки, весьма трудно. Важнѣйшія изъ нихъ суть въѣзныя пути съ Бухтармы на Суогу въ Кобдо и съ Чуи на озеро Дайшуръ, оба описанные ниже.

3) *Саянская система*, въ свою очередь, очень сложна, и, чтобы облегчить изученіе ея устройства, всего лучше будетъ взять за исходныя пункты нѣкоторые горныя узлы, отъ которыхъ отдѣльные хребты расходятся по радіусамъ. Такихъ горныхъ узловъ, связанныхъ, конечно, одною главною цѣпью, можно насчитать шесть, а именно:

а) У истоковъ Чульчи, Абакана и Кемчика, откуда горныя кряжи направляются на западъ, сѣверъ, востокъ и юго-востокъ. Западная вѣтвь, обогнувъ верховья Абакана и образовавъ, при этомъ, крутой восточный берегъ Телецкого озера, продолжается потомъ на сѣверъ, подъ именемъ *Кузнецкаго Алатау*, служащаго водораздѣломъ обскаго и енисейскаго бассейновъ. Средняя высота горъ здѣсь 4—5,000 футовъ, но хребетъ, нерѣдко золотоносный, очень лѣсистъ, и потому трудно проходить. Сѣверная вѣтвь, между Абаганомъ и Аною, есть довольно высокій и также лѣсистый хребетъ *Чукчутъ*. Восточная вѣтвь есть собственно *Саянъ* и оглабаетъ съ юга верховья р. Аны, принимая къ узлу Шабина-дабага. На срединѣ находится перевалъ Суръ-дабанъ. Наконецъ, юго-юго-восточная вѣтвь есть высокій кряжъ, направляющійся къ озеру Джувлукуль и напоминающій своимъ устройствомъ Сайлюгемскія горы, ибо вдоль гребня здѣсь идетъ тропинка, уходящая черезъ проходъ Кусеръ-дабанъ на рѣку Кемчикъ. Южнѣе Кусера лежитъ перевалъ Чабганскій, а сѣвернѣе Чульчинскій.

б) Узелъ Шабина-дабага лежитъ у верховій нѣкоторыхъ второстепенныхъ притоковъ Абакана, Енисея и Кемчика. Тутъ есть проходъ въ землю Урянховъ, именно на р. Акъ, проходъ весьма трудный. Но во всякомъ случаѣ, Саянъ здѣсь ниже, чѣмъ у перваго узла. Отсюда онъ принимаетъ господствующее направленіе, къ востоку, и въ 110 верстахъ отъ Шабина-дабага пересѣкаетъ рѣку Енисей, который, начиная отъ Кемъ-Кемчикъ-бома *), цѣпью 200 верстъ течетъ по ущелью и мѣстами образуетъ пороги.

*) «Бомами» называются въ этихъ странахъ крутые обрывы горъ къ сторонѣ рѣкъ и вообще крутогорья.

с) Третій узелъ лежитъ у верховій Ижма, Ибесу и нѣсколькихъ мелкихъ притоковъ верхняго Енисея и Уса. Здѣсь есть также переваль, чрезъ который направляется тропа въ мѣсту слиянія Уду-кема и Бей-кема, образующихъ Енисей. Проходъ не очень трудный. Отсюда Саянъ поворачиваетъ въ сѣверо-востоку и отдѣляетъ правые притоки Бей-кема-Ибесу, Систя-кемъ, Шиба, Сидя-кемъ и другіе — отъ правыхъ же притоковъ собственно Енисея, въ Минусинскомъ округѣ. Здѣсь замѣчается нѣсколько вершинъ, на которыхъ снѣгъ лежитъ почти круглый годъ, почему страна получаетъ названіе *Бѣлогорья*. Изъ переваловъ извѣстны Хонинъ-дабанъ и Черно-оверскій.

д) У верховій Сидя-кема, Казыра, Уды, Вирюсы и проч. Саянъ достигаетъ самой сѣверной своей точки и имѣетъ здѣсь, вѣроятно, до 6,500 футовъ возвышенія надъ моремъ, т. е. довольно близко подходитъ къ снѣжной линіи. Здѣсь отъ него отдѣляются, въ видѣ вѣера, нѣсколько вѣтвей, которыя наполняютъ юго-восточную часть Енисейской и юго-западную Иркутской губерній, съ одной стороны, почти вплоть до Енисея, а съ другой, до московскаго тракта. Собственно узелъ и сосѣднія ему части хребта обозначаются названіемъ *Эргинъ-таргакъ-тайга*; сѣверные же отроги, покрытые сплошными лѣсами, образуютъ Бѣлогорскую тайгу, среди которой исятся мѣстами гольцы, остающіеся подъ снѣгомъ до мая и іюня. Главный изъ отроговъ Эргинъ-таргакъ-тайги есть сѣверо-западный, раздѣляющій притоки Тубы отъ притоковъ Кана и Маны. Здѣсь извѣстны горы Вода, Омзолъ, Шма и другія.

е) На востокъ отсюда до самаго начала Хамаръ-дабанскаго впаха, Саянъ тянется въ направленіи восточно-юго-восточномъ и въ горѣ *Мунко-Сардыкъ* достигаетъ 11,400 футовъ надъ моремъ. Это вообще возвышенѣйшая часть системы: здѣсь лежатъ верховья Уды, Ин, Оки, Иркуты, Кябина, Бей-кема и проч. Отроги хребта распространяются далеко на сѣверъ и югъ и нерѣдко окружаютъ высокіе альпійскіе водоемы. Новидимому, саянская система состоитъ тутъ изъ трехъ параллельныхъ цѣпей, изъ которыхъ средняя есть главная, а двѣ боковыя напоминаютъ собою Черныя Горы на Кавказѣ и образуютъ ущелья вдоль текущихъ съ Саяна рѣкъ.

На югѣ, отъ города Мунко-Сардыка, лежитъ большой альпійскій водоемъ озера *Костала*, длиною до 110 верстъ, шириною около 40. Все это озеро, лежащее на 5,670 футовъ надъ моремъ, окружено горами, примыкающими къ Саяну западнѣе и восточнѣе Мунко-Сардыка и сходящимися на югѣ въ видѣ вѣщей, такъ что

рѣка Эге-голь, стокъ Косогола, пробивается черезъ нихъ узкой долиной. Западная косогольская цѣпь, *Хамтай*, выше восточной, *Булуна*, и съ нея-то берутъ начало Шишкитъ, Уру и другіе верхніе притоки Улукема. Полоса мелкихъ альпійскихъ озеръ тянется отсюда далеко на западъ, что показываетъ, что вся страна по Улу-кему имѣетъ характеръ плоскогорья, въ которомъ рѣки вырыли свои ложа, стремясь къ общему руслу съ окружающихъ весь бассейнъ вершинъ. Таковы озера Додья-норъ, Куинъ-норъ, Тери-норъ и другія, до Суть-нора, Улукъ-нора и т. д. Сосѣдняя этимъ озерамъ страна еще довольно лѣсиста, но уже на горахъ южные склоны обнажены отъ древесной растительности, что показываетъ близость степей.

Перевалы въ восточной половинѣ Саянскихъ горъ, т. е. по границѣ Иркутской губерніи, съ землями Урянховъ и Дархатовъ, извѣстны: на югѣ, отъ караула Удинскаго, Торось-дабанъ, ведущій въ область Сидя-кема; на западѣ, отъ караула Окнискаго, два, по Сенцѣ и Тисѣ, оба въ бассейнъ Бей-кема; на югѣ, отъ Наринъ-Хоройскаго караула, Нукуту-дабанъ, ведущій къ Косоголу; отъ Хангинскаго караула также на Косоголъ и, наконецъ, отъ Туранскаго черезъ Гурби-дабанъ на Ури, при верховьяхъ которой ле-
жить

е) Послѣдній, шестой узелъ саянской системы, дающій начало *Хамаръ-дабанскому* хребту. Общее число извѣстныхъ намъ переваловъ съ сѣверной стороны Саяна на южную, отъ озера Джуву-куль до Кызынху-дабага, тринадцать.

4) Система *Танну-ола*—одна длинный вѣтвь въ 550 верстъ, идущій къ востоку отъ Джуву-куля до самыхъ истоковъ Теса и Селенги, гдѣ онъ раздвоится. Его физическая природа мало извѣстна, и хотя на картѣ Клапрота онъ названъ снѣговымъ, да, вѣроятно, и есть таковъ, ибо даетъ начало многимъ рѣкамъ, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ его перешелъ въ 1870 году Матусовскій, т. е. у верховій Ерсуна, притока Теса, снѣжныхъ вершинъ вовсе нѣтъ; напротивъ, наблюдателю представляется широкій, лѣсистый и болотистый вѣтвь. Далѣе, къ востоку, мы знаемъ горные массивы *Мала-ха-ола*, *Думанъ-пара*, *Хамтай-ола* и др., наполняющіе собою и своими отрогами все пространство по верховьямъ Селенги, Джабгана, Байдарика, Орхона и проч. Идальше видѣть на нихъ снѣга и опредѣлять высоту нѣкоторыхъ вершинъ въ 8,200 ф. Карта Клапрота представляетъ тутъ нѣсколько горныхъ переходовъ изъ бассейна Селенги въ область степныхъ рѣкъ; но, вѣроятно, всѣ они трудны,

потому что между Уласутаемъ и Ургою главное сообщеніе совершается въ обходъ горъ, по степи, черезъ Саиръ-усу. Прямая же горная дорога, по Тамиру, извѣстна, за весьма неудобную, равно какъ и болѣе сѣверный путь отъ Дзиндзилика чрезъ Агаръ и Косоголъ, непригодный для экипажей и мѣстами даже для скота.

Пространство между Саяномъ и Танну-олою выполнено водоемомъ верхняго Енисея. Топографія страны здѣсь также мало извѣстна, несмотря на карту Клапрота и поѣздки Пестерева, Крижина, Веселкова и Матусовскаго, разъяснившія очень много частностей. Въ одномъ, впрочемъ, нѣтъ сомнѣній — въ преобладаніи степей надъ лѣсами, такъ какъ послѣдніе встрѣчаются здѣсь лишь вдоль самыхъ рѣкъ и на сѣверныхъ скатахъ горъ, да и то въ небольшомъ количествѣ, по сравненію съ сѣвернымъ склономъ Саяна. Къ югу отъ Танну начинается область степныхъ и горныхъ озеръ, между которыми Убса, Ике-аралъ и Сангю-далай наибольшія, а Киргизъ-норъ важнѣйшее. Эта область, безъ сомнѣнія, составляетъ дно бывшаго внутренняго моря, которое было болѣе глубоко на западѣ и востокѣ, чѣмъ въ серединѣ. Большая покатость къ западу выражается теченіемъ рѣкъ Теса, Кунгуя, Джабгана и нѣсколькихъ мелкихъ, а самое сильное углубленіе почвы находится около озера Киргизъ-нора, въ которое стекаютъ воды какъ Джабгана, такъ и озеръ Ике-арала (слѣдовательно, рѣки Кобдо) и Дурбанора. Этотъ, на первый разъ, странный фактъ, что большіе водоемы являются данниками малаго, даетъ хорошее понятіе о природѣ страны, ибо онъ зависитъ только отъ сухости воздуха, поглощающей воду озеръ и рѣкъ въ такой степени, что лишь малое ея количество доходитъ до окончательнаго резервуара, гдѣ и испаряется съ небольшой поверхности.

Второстепенныя, однако, нужно думать значительной высоты, горы бороздятъ монгольскую степь сѣвернѣе Джабгана въ разныхъ направленіяхъ, но, преимущественно, отъ запада на востокъ. Изъ нихъ берутъ начало многочисленныя степныя рѣчки, оканчивающіяся озерами или просто пропадающія въ пескахъ или камышахъ. Долины этихъ рѣчекъ иногда поросли ивнякомъ или иными кустарниками, иногда даже рѣдкими деревьями; но едва путешественникъ оставляетъ долины, какъ вступаетъ въ степь, большею частью съ глинистою или твердо-песчаную и даже каменистою почвою, среди которой мѣстами встрѣчаются солончаки. Степь на востокъ замыкается крутымъ подъемомъ на ту часть хребта Танну-ола, которая въ востокъ даетъ начало многочисленнымъ притокамъ Се-

лентя, а на западѣ имѣеть у подножія своего водоемъ Сангудалай-нора.

Рѣчныя и озерныя долины, о которыхъ, при описаніи Урянхайскаго пограничнаго пространства, стоитъ упомянуть съ нѣкоторою подробностью, суть: Бухтарминская, Чуйская, Абаканская, Енисейская, Тункинская, овера Убсы, рѣкъ Джабгана и Кобдо. О нихъ можно сказать слѣдующее:

Бухтарминская долина есть одна изъ лучшихъ мѣстностей на Алтайѣ, но только ниже урочища Котонъ-Карагая; выше же его это сплошное ущелье, котораго лѣвый, южный, берегъ, т. е. Большой Алтай, покрытъ, ниже снѣговъ, густыми лѣсами. У вершинъ рѣки, на большой абсолютной высотѣ, опять является довольно открытая мѣстность, но уже неудобная для культуры, по климату и по каменистой почвѣ.

Чуйская долина имѣеть тѣ же свойства въ еще болѣе замѣтной степени. Въ ея низовьяхъ вовсе нѣтъ мѣстностей открытых, а, напротивъ, ущелье, образованное Чуею, непосредственно сливается съ ущельемъ Катуні. За то изъ всѣхъ алтайскихъ рѣкъ Чуя имѣеть наиболѣе широкую (каменистую и болотистую) долину у верховій своихъ.

Рѣки Башкаусъ и Чулышманъ, въ предѣлахъ Алтая, не имѣють долинъ, и само Телецкое озеро, образовавшееся изъ слиянія ихъ, есть чисто-альпійскій бассейнъ, обставленный крутыми горами. За то, на сосѣднемъ Абаканѣ, впрочемъ только въ нижней половинѣ его, мы имѣемъ довольно обширную степь, которая, по правой сторонѣ рѣки, называется Абаканскою, а по лѣвой Сагинскою и Качинскою. Эта степь, переходящая даже за Енисей, есть, безъ сомнѣнія, дно обсохнувшаго внутренняго моря, которое имѣло соленую воду, ибо солончаки и даже соленныя озера въ ней сохранились доселѣ.

Долина Енисея выше этой степи, отъ селенія Означеннаго вплоть до самаго устья Кемчика, есть одно непрерывное ущелье: гдѣ рѣка съ шумомъ стремится по каменистому руслу, образуя даже нѣсколько пороговъ. Такія же свойства представляетъ побочная долина Уса, гдѣ, лишь въ одномъ мѣстѣ, горы оставляютъ площадку въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. Выше Кемъ-Кемчикъ-бома характеръ енисейской долины мало извѣстенъ; но, во всякомъ случаѣ, рѣка здѣсь течетъ въ берегахъ уже менѣе крутыхъ и высокихъ, хотя по высокой странѣ. Также и рѣки, текущія въ него съ Танну-ола, не имѣють такихъ суровыхъ ущелій, какъ рѣки южной части Минусинскаго края. Исключеніе, можетъ быть, составлять

правые притоки Кемчика, берущіе начало въ горномъ уэль Танну и Саяна, хотя карта и здѣсь показываетъ нѣсколько озеръ, что свидѣтельствуетъ о преобладаніи не горныхъ хребтовъ, а возвышенныхъ плоскостей.

Тункинская долина, вдоль рѣки Иркут, замѣчательна какъ естественный путь отъ Иркутска къ озеру Косоголу и въ страну Дархатовъ. Она очень узка и, мало по малу, у верховій рѣки, обращается въ ущелье, изъ котораго подъемъ къ западу и сѣверу приводитъ къ нагорью, занятому нѣсколькими мелкими озерами, питающими самые истоки рѣки. Здѣсь же, въ близкомъ сосѣдствѣ, начинается Она, также изъ мелкихъ озеръ, а на югѣ, въ Мунко-Сардыкомъ, на высотѣ пяти тысячъ футовъ, разстилается поверхность озера Косогола, которое почти сплошь обставлено горами, такъ что небольшія долинки остаются лишь у сѣвернаго и южнаго его концовъ.

Около озера Убсы, и по низовьямъ рѣкъ, въ него впадающихъ, разстилается весьма обширная равнина, но, повидимому, у самаго озера, негодная для осѣдой жизни, вѣроятно, по причинѣ камышей и песковъ, какъ на Зайсанѣ и Алакулѣ. По крайней мѣрѣ, китайская пикетная дорога идетъ вдали отъ озера, у подножія горъ, гдѣ построены и караулы. На рѣкѣ Тесѣ есть нѣсколько правильныхъ осѣдлостей, между которыми Самгатай и Дзиндзиликъ важнѣйшія.

Въ долинахъ Джабгана и впадающихъ въ него рѣкъ Буянту, Кунгуя и проч., мѣста для осѣдлостей весьма малочисленны и встрѣчаются только вблизи горъ. Съ удаленіемъ отъ верховій, названныхъ рѣки текутъ по степнымъ долинамъ, обставленнымъ у самаго русла кустарниками, а въ нѣкоторомъ отдаленіи увалами. Низовья ихъ степная равнина.

Долина рѣки Кобдо имѣетъ почву болѣе разнообразную и производительную; но все же и здѣсь замѣтенъ недостатокъ лѣсовъ, несмотря на близость Алтая. Въ ущельяхъ правыхъ притоковъ Кобдо, т. е. по склонамъ Малаго Алтая, къ сѣверу-востоку, вѣроятно, древесная растительность еще довольно обыкновенна, ибо и въ бассейнѣ верхняго Урунгу (Вулгана) существованіе лѣсовъ подтверждено распросами послѣднихъ годовъ.

Судоходныхъ рѣкъ на всемъ описываемомъ пространствѣ нѣтъ, кромѣ Енисея; но и на томъ судоходство существуетъ лишь внизъ отъ Минусинска. Поэтому на рѣчные пути здѣсь рассчитывать невозможно. Перевозы черезъ рѣки дѣлаются почти повсемѣстно въ

бродъ, а гдѣ нельзя — на легкихъ ботахъ, большею частію выдолбленныхъ изъ одного дерева. По нѣкоторымъ рѣкамъ сплавляютъ внизъ плоты, но не безъ опасности.

Климатъ и естественныя произведенія.

Благодаря высокому положенію страны и удаленію ея отъ моря, климатъ повсюду сурово-континентальный. Только западные предгорья Алтая представляютъ нѣкоторое исключеніе; но и тутъ средняя температура постоянно ниже, чѣмъ подѣ соответственными широтами, даже въ восточной части европейской Россіи, не говоря уже про западную Европу. Такъ, Барнаулъ, подѣ 53° широты, имѣетъ среднюю температуру 0°,2 R., а Пенза + 3°,2; Красноярскъ подѣ 55° широты — 0°, а Волоколамскъ + 4°,5; Иркутскъ подѣ 52° широты — 0°,5, а Самара + 4°,4 R. Въ Алиберовскомъ графитовомъ приискѣ, подѣ 52° широты, но конечно на высотѣ 7,200 футовъ надъ моремъ, мы имѣемъ даже — 3°,9 R. Въ Монголіи, для которой, правда, нѣтъ метеорологическихъ наблюденій, климатъ едва ли не суровѣе сибирскаго, несмотря на то, что она уже неопата къ сѣверу, какъ Сибирь. Большіе холода, при малоснѣжныхъ зимахъ, являются тамъ слѣдствіемъ высокаго положенія надъ моремъ и свободнаго лученія теплоты въ пространство сверху прозрачную степную атмосферу. За то, дѣломъ, солнце, не задерживаемое облаками, выжигаетъ всю растительность и производитъ истомленіе животныхъ. Дожди въ степяхъ очень рѣдки; но по горамъ, особенно на Алтай, они падаютъ часто, такъ что снѣжная линія лежитъ здѣсь на высотѣ 6,500—7,000 футовъ, а на Вѣлухѣ и Мунко-Сардыгѣ извѣстны даже ледники. Вообще, русская часть пограничнаго пространства орошена лучше, чѣмъ китайская.

Соотвѣственно раздѣленію мѣстностей на влажныя и сухія и мѣстная флора имѣетъ двойной характеръ. Въ нѣпныхъ предѣлахъ, т. е. въ части страны хорошо увлажненной, тянутся обширныя лѣса, большею частію лиственничныя, березовыя, еловыя и кедровыя, а въ Монголіи скудныя степныя травы. Переходъ отъ одной полосы къ другой составляетъ бассейнъ верхняго Енисея, гдѣ на сѣверныхъ склонахъ горъ растутъ деревья, а южные почти вовсе обнажены.

Культурная растительность довольно богата въ Минусинскомъ округѣ, благодаря обширности незаселенныхъ пространствъ и большой потребности въ земледѣльческихъ продуктахъ для сѣверной части Енисейской губерніи. Тамъ же имѣютъ обширныя обработан-

ния поля селенія Иркутскаго уѣзда, по большому московскому тракту, и жители нѣкоторыхъ горныхъ селеній въ Алтаѣ, гдѣ земледѣліе встрѣчается даже на высотахъ отъ $3\frac{1}{2}$ до 4,000 футовъ надъ моремъ. Но, вообще говоря, воздѣлываніе полезныхъ человеку растений въ описываемомъ пространствѣ занимаетъ очень немного мѣста по отношенію къ обширнымъ лѣсамъ и степнымъ мѣстностямъ. О Монголіи и говорить нечего; тамъ жители отнимаютъ иногда пищу для себя у мелкихъ подземныхъ звѣрчиковъ. Бассейнъ же верхняго Енисея составляетъ до нѣкоторой степени переходную полосу, ибо живущіе здѣсь урянхай, сверхъ разведенія скота, высиживаютъ нѣсколько ячменя, ржи и проса.

Животное царство довольно богато какъ дикими представителями, такъ и культурными. Обширные лѣса Алтая и Саяна содержатъ въ себѣ оленей, медвѣдей, лосицъ, бѣлоушъ и прочихъ звѣрей, добываемыхъ охотниками; въ горахъ и степяхъ Монголіи водятся сайги, каменные бараны, куланы и проч. Изъ культурныхъ животныхъ наиболѣе многочисленны лошади и коровы у насъ, овцы и верблюды у монголовъ. Послѣдніе держатъ еще въ значительномъ числѣ яковъ, т. е. тибетскихъ быковъ, служащихъ для перевозки тяжестей. Но вообще хорошаго рогатаго скота монголы не имѣютъ.

О минеральномъ царствѣ можно сказать, что оно очень богато и разнообразно, но разработка его произведеній далеко еще не имѣетъ желаемыхъ размѣровъ, даже у насъ; въ Монголіи же она совершенно ничтожна. У насъ добываются: золото, серебро, мѣдь, свинецъ, желѣзо, графитъ и каменный уголь. Золотныя россыпи на Алтаѣ встрѣчаются по Берди, Ини, Тайдану, Терси, Мрасѣ, Кондомѣ, Лебеди; въ Саянѣ по Юсу, Амылу, Кезиру, Агулу, Кану, Бирюсѣ, Хромѣ. Серебро добывается по системѣ Бухтармы, Убѣ, Борбалпахъ, въ Салаирскихъ горахъ, желѣзо въ этихъ же горахъ и въ Минусинскомъ округѣ; графитъ въ Иркутской губерніи; каменный уголь по всѣмъ сѣвернымъ отелонамъ Алтая и Саяна до самаго Иркутска (не разрабатывается), нефть на верхнемъ Енисейѣ. Соляю богаты нѣкоторые озера Минусинскаго округа и соляные ключи по Ангараѣ и проч.

Кромѣ земледѣлія, охоты и рудныхъ промысловъ, всѣ остальные ничтожны. У монголовъ, вмѣсто земледѣлія, преимущественное занятіе жителей есть скотоводство и, до нѣкоторой степени, обработка шерсти, охота. Мануфактурными надѣлами край снабжается извнѣ, преимущественно отъ насъ и частью изъ Китая. Небольшая

международная торговля—мѣновая и караванная. Главные ея рынки суть Бійскъ, верховья Чуи и русскія деревни на Усѣ.

Пути сообщенія.

Такъ какъ судоходныхъ рѣкъ, кромѣ Енисея, нѣтъ, то мы рассмотримъ лишь важнѣйшія сухопутныя дороги и начнемъ съ тѣхъ, которыя пересѣкаютъ границу и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени могутъ сдѣлаться операционными линіями.

1) Изъ *Усть-Каменогорска въ Кобдо*, по долинамъ Иртыша, Нарыма, Вухтармы и Кобдо, черезъ проходъ Уланъ-даба въ хребтѣ Сайлюгемъ—764 версты, изъ которыхъ 284 версты, въ нашихъ предѣлахъ, по колесному пути, а затѣмъ, отъ Чингистая, по вьючному.

2) *Отъ Бійска до пункта Какъ или Хакъ*. Дорога эта имѣетъ болѣе шести сотъ верстъ длины и въ томъ числѣ болѣе 450 верстъ вьючнаго пути, часто весьма неудобнаго, несмотря на то, что она имѣетъ значеніе, потому что въ верховьяхъ рѣки Чуи издавна установилась торговля между русскими купцами и монголами. Дорога изъ Бійска ведетъ на алтайское село Мнюту, вверхъ по р. Семѣ, до перевала къ вершинѣ р. Кенъги и по ней до р. Урсула. Затѣмъ, по широкой долинѣ Урсула, спускаются до малаго Ульгемена, слѣдуютъ по послѣднему вверхъ верстъ десять, переваливаютъ въ большой Ульгемень и по немъ доѣзжаютъ до Катуня, переправа черезъ которую, Коръ-чеку, находится нѣсколько выше устья большого Ульгемена. До села Мнюты, гдѣ станъ алтайской духовной миссіи, дорога колесная; далѣе же, телѣжная ѣзда становится затруднительною, и ей предпочитается верховая. Перевалъ съ малаго Ульгемена на большой высокъ, крутъ, каменистъ и возможенъ только для вьючныхъ лошадей. Перевозъ на Катуня, совершаемый въ небольшомъ челнокѣ, довольно опасенъ. Отъ него слѣдуютъ вверхъ по рѣкѣ Сальджаръ, въ вершинѣ которой переваливаютъ на р. Елагущъ, а, поднявшись по ней, переходятъ высокія, мѣстами покрытыя снѣгомъ, Айгулакскія горы. Съ этого разлома горъ, отсюда въ ясную погоду видна Бѣлуха, спускаются по Айгулаку къ Чуѣ и по правому берегу послѣдней достигаютъ лавовъ руссахъ купцовъ, расположенныхъ въ обширной степи, на 6,000 ф. абсолютной высоты. Слѣдованіе по лѣсистой долинѣ Айгулака весьма затруднительно, а обходная тропинка съ Сальджара на Карасу и

мимо устья этой рѣки прямо на Чу, имѣетъ ту невыгоду, что тутъ находятся восемь бомовъ. Съ верховья Чуи дорога къ пикету Хавъ и къ озеру Дайшуръ лежитъ черезъ переваль Дерботъ, за которымъ раздѣляется на три вѣтви, ведущія въ Кобдо (черезъ Хавъ), въ Улясутай (черезъ Кара-мангай) и на озеро Убсу.

3) Съ *Абакана на пикетъ Ойхоръ*. Это трудно-проходимая горная тропа вдоль границы, ведущая, сначала, черезъ переваль Суръ-дабанъ, на Камчикъ, потомъ, къ проходу Кусеръ и озеру Джуглу-жулю. Обогнувъ послѣднее съ востока, она направляется, черезъ переваль Богасукъ, на верховья Чуи, а оттуда черезъ переваль Топту-дабанъ на пикетъ Ойхоръ. Къ этому послѣднему, съ верховій же Чуи, ведетъ и другая тропа, черезъ переваль Цаганъ-бургасу.

4) Съ *рѣки Уса на Дзидзиллигъ*. Этимъ путемъ шелъ въ 1770 году. Матусовскій; почти его же держался Веселковъ, слѣдовавшій, впрочемъ, въ странѣ верхняго Енисея, нѣсколько восточнѣе Матусовскаго. Начало дороги составляютъ три небольшія русскія деревни на Усѣ и на сѣверномъ Ижимѣ, почти совершенно отрѣзанныя Саяномъ отъ Минусинскаго округа, съ которыми сообщаются лишь вдоль Енисея. За ними переваливаютъ Саянъ и идутъ на югъ, мимо ламайскаго монастыря на р. Туялюкъ и озера Дзигтай-куль, къ перевалу черезъ Тавну-олу, у верховій р. Ерсуня. Весь путь до Дзидзиллика — 270 верстъ.

5 и 6) Къ *Урянхайскому куреню на Бей-кампъ* двѣ трудныя горныя тропинки отъ карауловъ Удинскаго и Ойянского.

7) Изъ *Тунки на Косоголъ* — 139 верстъ вдоль рѣки Иркуты и потомъ черезъ горы. Съ Косогола по гористой, но большей частью безлѣсной странѣ, черезъ краулъ Агаръ, можно проѣхать до Дзидзиллика. Разстояніе отъ истока Эге изъ Косогола до Дзидзиллика около 350 вер.

8) Отъ *Усть-Каменогорска до Кузнецка*. Эта дорога связываетъ всѣ приалтайскія мѣстности рассматриваемаго пространства, составлявшія въ XVII столѣтіи *бійскую* линію; общая длина ея 738 верстъ.

9) Отъ *Ачинска до Иркутска*. Это большой сибирскій почтовый трактъ, идущій на западъ черезъ Томскъ, до котораго изъ Ачинска 391 верста. Вдоль всей дороги, кромѣ почтовыхъ станцій и довольно людныхъ селеній, расположены этапы для ночлега арестантовъ и сопровождающихъ ихъ командъ. Отъ Ачинска къ востоку до Красноярска 166 верстъ, а до Иркутска 1,164 версты;

восемь значительныхъ рѣкъ: Енисей, Канъ, Вирюса, Уда, Ля, Ола, Бѣлая и Ангара представляютъ немаловажныя препятствія для слѣдованія по этой дорогѣ, особливо весной, когда почти и проѣзжающіе задерживаются на переправахъ по нѣскольку дней. Мостовъ нигдѣ нѣтъ; переправляются на паромехъ.

10) *Отъ Ачинска до Минусинска* 331 верста; дорога почтовая съ двумя переправами, черезъ Енисей и Тубу. Южнѣе Минусинска дороги доходятъ лишь до подножья Саянскихъ горъ. Одну изъ такихъ крайнихъ точекъ составляетъ Таштыбскій форпостъ, въ 151 верстѣ отъ Минусинска.

11) *Отъ Кобдо до Уласутая* 419 верстъ, и далѣе до Санрь-усу 675 верстъ, а всего 1,094 версты — китайская почтовая дорога по степи и по предгорьямъ Малаха-олы, Хангая и проч.

12) *Съ верховья Чуи до Уласутая*, мимо озера Ачитъ-нора и по рѣкѣ Кунгую — путь бійскихъ купцовъ въ 1870, длиною 543 версты.

13) *Отъ пикета Хака до пикета Дзиндзылика* — китайская пикетная дорога, примѣрно 500 верстъ длиною.

14) *Отъ Дзиндзылика до Уласутая*, частью горами, но большею частью по волнистой степи — пикетная въѣзжая дорога, длиною 276 верстъ.

15) *Изъ Уласутая въ Ургу*, отъ станціи Хоболь, на трактѣ къ Санрь-усу, отдѣляется влѣво, къ верховьямъ Джака и Тамира, плохая въѣзжая тропа, которая идетъ внизъ по Тамиру и по Орхону, почти до слиянія послѣдняго съ Толою, откуда поворачиваетъ на юго-востокъ и по очень гористой мѣстности достигаетъ Урги. По ней извѣстны названія тридцати пяти почтовыхъ пунктовъ и общая ея длина, вѣроятно, не меньше 850 верстъ. Извѣдка по ней ѣздить курьеры изъ Уласутая въ Ургу.

Населеніе.

Населеніе Алтайско-саянскаго пограничнаго пространства состоитъ: а) съ нашей стороны: изъ русскихъ, калмыковъ, бурятъ, киргизовъ и разныхъ мелкихъ фяно-тюркскихъ племенъ: качинцовъ, кейбаловъ, карагасовъ и проч., всего до 519,000 душъ; б) съ китайской: изъ монголовъ, урянховъ, дархатовъ, калмыковъ и китайцевъ, всего до 170,000.

1) *Русскіе*, въ числѣ 4,407 душъ, сосредоточены въ Минусин-

скомъ округѣ и потомъ вдоль дорогъ, образующихъ окраину пространства съ сѣвера. Вблизи же границы, иногда верстъ на двѣсти, ихъ вовсе нѣтъ, за исключеніемъ трехъ деревень на Усѣ и пяти карауловъ въ Иркутской губерніи. Русское населеніе все осѣдлое, почти исключительно земледѣльческое, и занимается, въ видѣ промысловъ, только извозомъ, горнымъ дѣломъ и охотою. Въ девяти городахъ пространства: въ Иркутскѣ (27,431), Красноярскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Бійскѣ, Кузнецкѣ, Ачинскѣ, Минусинскѣ, Канскѣ и Нижнеудинскѣ, не болѣе 58,000 душъ, изъ которыхъ часть также занимается земледѣліемъ, а остальные торговлею. Очень мало ремесленниковъ.

Между русскими заслуживаютъ особеннаго вниманія старообръ, на Бухтармѣ (каменьщики) и въ Минусинскомъ округѣ, по ихъ зажиточности, и казаки на бывшей бійской линіи (сибирскіе) и въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской.

Видѣтъ съ русскимъ населеніемъ, особенно по городамъ, живетъ небольшое число ссыльныхъ поляковъ.

2) *Мотом* вѣдомствъ Сонинъ-нонна (24 хошуна), Джасаку-хана (19 хошуновъ), Улясутайскаго и Кобдосскаго, въ числѣ, вѣроятно, не болѣе 120 тысячъ. Народъ кочевой, относительно быта и устройства котораго нужны свѣдѣнія изложены въ обзорѣ Халкасскаго участка. Сеймъ князей двухъ западныхъ ханствъ собирается (почти номинально) въ Улясутай, резиденціи китайскаго цзянь-цзюня. Оба хана, Джасаку и Сонинъ-ноннь, тщательно держатся китайскимъ правительствомъ въ совершенномъ политическомъ ничтожествѣ, хотя, съ другой стороны, ихъ ласкаютъ разными вышними отличіями, чѣмъ и достигается цѣль: держать номадовъ въ покоѣ помощью туземной аристократіи, систематически приведенной въ ничтожество политическое и нравственное. Число сотенъ, которое два западно-монгольскія ханства обязаны выставять на службу, достигаетъ семидесяти двухъ, то есть 10,800 всадниковъ. Эти-то монголы и содержатъ, по очереди, караулы къ сторонамъ нашей границы и земли урянховъ и дархатовъ, находясь въ это время въ непосредственномъ распоряженіи китайско-маньчжурскихъ властей. Монголы всѣ буддисты, и ламаистское духовенство у нихъ очень многочисленно; но на описываемомъ пространствѣ нѣтъ такихъ влиятельныхъ іерарховъ, какъ ургинскій кутухта. Извѣстнѣйшій изъ ламайскихъ монастырей сѣверо-западной Монголіи есть Ламинъ-Гегенъ, недалеко отъ резиденціи Сонинъ-нонна.

3) *Урянхи* или *сойоты*—племя финно-монгольское или финно-тюркское, составляющее, вмѣстѣ съ другими народами верхняго Енисея, какъ бы остатокъ болѣе многочисленнаго народа, нѣкогда занимавшаго тѣ же мѣста, но стоявшаго на нѣсколько высшей степени цивилизаціи. Нинѣ это номады, хотя отчасти земледѣльцы. Господствующая вѣра у нихъ буддизмъ, но есть и шаманы. Аристократическій элементъ малозначителенъ. Подобно монголамъ, урянхи получили отъ китайскаго правительства военное устройство, и потому обязаны выставять на службу семнадцать сотенъ, т. е. 2,550 человекъ, что показываетъ, что все число ихъ простирается до 25,000 душъ. Занимая бассейнъ верхняго Енисея и озера Косогола, они раздѣлены на двѣ группы: большую — западную, и меньшую — восточную, между которыми находятся земли дархатовъ. Изъ осѣдлостей урянховъ намъ извѣстны курени на Бей-Камѣ, у сѣвернаго конца Косогола, невдалекѣ отъ Двиндзилика и пр. Китайское правительство обозначило южный предѣлъ земли урянковъ особою тычинковою границею, которая тянется отъ Двиндзилика на востокъ по хребтамъ и долинамъ.

4) *Калмыки*, соплеменники монголовъ, говорящіе, впрочемъ, нѣсколько особымъ нарѣчіемъ (напримѣръ, по-монгольски *чананъ*, бѣлый, по-калмыцки *чананъ*). Они живутъ и въ канихъ предѣлахъ, именно на Алтаѣ, въ окрестностяхъ Бійска, и въ китайскихъ, на земляхъ Кобдосскаго вѣдомства. Общее число ихъ у насъ оказалось 19,000. Это племя кочевое и отчасти охотничье, вѣрн шаманской или ламайской. Управление ими принадлежитъ зайсангамъ. Долгое время часть ихъ была двоedanцами, потому что переходила съ нашихъ земель на китайскія и платила подати обоимъ государствамъ. Съ 1869 года это положеніе прекратилось.

5) *Бураны*, другая вѣтвь монголовъ, съ особымъ нарѣчіемъ, встрѣчаются въ юго-западной части Иркутской губерніи, гдѣ часть ихъ уже перешла къ полной осѣдлости. Число ихъ на юго-западѣ отъ большаго московскаго тракта не превосходитъ 26,000 душъ. Они ламаиты и шаманы; управляются своими тайшами и раздѣляются на тункинскихъ, китойскихъ и аларскихъ.

6) *Финно-тюркскія* племена южной части Енисейской губерніи—сагайцы, качицы и проч., родственны съ одной стороны уряхамъ, а съ другой осякамъ и самоѣдамъ. Они у мѣстныхъ русскихъ жителей извѣстны подъ именами татаръ сагайскихъ, качинскихъ и т. д. Наиболѣе многочисленнымъ *сагайцы*—8,000 душъ, живущіе въ юго-западномъ углу Минусинскаго округа отъ рѣки

Аскива до верховій Абакана; потомъ слѣдуютъ: *качимы*, 6,500 душъ на Абаканѣ и Вѣломъ Юсѣ; *кимы*, 4,500, по Юсамъ и у Божьихъ озеръ; *койбалы*, 1,200 душъ, по правому берегу Абакана. Къ этимъ племенамъ примыкаютъ составляющіе переходъ отъ нихъ къ чистымъ тюркамъ, именно къ якутамъ и киргизамъ, *караасы* въ губерніи Енисейской и Иркутской, по сѣверному склону Самна, въ числѣ до 800 человѣкъ. Другіе маліе народцы этой части Сибири — *аримы*, *ассамы* и проч., нынѣ почти вырѣдѣлись. Вообще же финно-тюркскихъ племенъ въ предѣлахъ разсматриваемаго пространства, по нашу сторону границы, можно насчитать 24,000 душъ. Они почти всѣ крещены, но остаются върными многимъ предразсудкамъ шаманства. Ведутъ жизнь кочевую, иногда охотничью, полуосѣдлую или даже совсѣмъ осѣдлую. Управляются въ Минусинскомъ округѣ двумя инородными управами.

7) *Киримы*, въ числѣ 10,000 душъ, кочуютъ на Алтайѣ, къ сѣверу отъ Вухтармы, по землямъ Алтайскаго горнаго округа, т. е. по такимъ, съ которыхъ они всегда могутъ быть удалены распоряженіемъ администраціи. Въ настоящее время сдѣлане предположеніе объ отводѣ имъ опредѣленнаго района кочевокъ, съ обложеніемъ податями.

8) *Дархаты*, финно-монгольскіе подданные ургенскаго вѣдута, въ числѣ 5,400 душъ, занимаютъ верховья Улу-хана, именно бассейны Шишента. Вѣдаются не китайскими властями, а чиновниками шабинскаго вѣдомства. Земля ихъ, къ сѣверо-востоку простирающаяся до нашей границы, съ прочихъ сторонъ окружена монголо-китайскими караулами, на которыхъ проѣзжающимъ въ Ургу дархатамъ выдаются особые билеты.

9) *Китайцы*, *маньчжурцы*, *солонны* суть выходцы изъ Средняго Царства, или же чиновники и воины. Они живутъ, главнымъ образомъ, въ двухъ городахъ, Уллуутаѣ и Кодбе, гдѣ китайскіе торговцы образуютъ особыя слободы (маймачены), а воины и чиновники живутъ въ крѣпостцахъ. Общее число ихъ едва-ли превосходитъ 5,000 душъ.

Итакъ, населенію описываемаго пространства слѣдуетъ изъ слѣдующихъ народностей:

Русскихъ	440,000
Монголовъ-собственно	120,000
Монголо-калмыковъ	85,000
Монголо-буратовъ	26,000
Дархатовъ	5,400

Урянховъ	25,000
Другихъ финно-тюркскихъ племенъ.	24,000
Киргизовъ	10,000
Китайцевъ, маньчжуровъ и проч. .	5,000

Итого. . . 690,400

Это показываетъ: а) что населеніе очень рѣдко, въ среднемъ не болѣе 50 человекъ на одну квадратную милю; б) что господствующія племена суть славянское и монгольское, хотя около трети разнообразнаго населенія подчинено слабымъ по числу пришельцамъ-китайцамъ. Замѣтимъ, что тѣсной племенной и религіозной связи между разнородными племенами нѣтъ, а какъ трудно-доступная мѣстность раздѣляетъ ихъ и географически, то рознь между ними можетъ поддерживаться неопредѣленно-долгое время. Съ нашей стороны, поглощеніе мелкихъ племенъ уже сдѣлало значительные успѣхи.

Военный обзоръ.

Нигдѣ, на всемъ протяженіи Россіи, внѣшняя безопасность ея границъ не обезпечена такъ, какъ на алтае-сайинскомъ участіи. Поэтому здѣсь почти нѣтъ и войскъ. Единственныя регулярныя части суть: одинъ резервный, три губернскіе (томскій, красноярскій, иркутскій) баталіоны и одиннадцать мѣстныхъ командъ въ городахъ. Сверхъ того есть двадцать пять этаканыхъ командъ по большому сибирскому тракту. Къ нерегулярнымъ войскамъ можно отнести одинъ полкъ сибирскихъ казаковъ, въ Байскомъ округѣ, Томской губерніи, и двѣ сотни енисейскихъ и иркутскихъ казаковъ, несущихъ, впрочемъ, больше полицейскую, чѣмъ военную службу. Артиллеріи нѣтъ вовсе; крѣпостей тоже.

У китайцевъ военныя силы еще незначительнѣе. Не считая монголовъ и урянховъ, которые, хотя всѣ воины, но для серьезной войны не годятся, мы видимъ, что всѣ военныя средства Китая на этихъ окраинахъ состоятъ изъ 580 маньчжуровъ и китайцевъ, расположенныхъ въ двухъ городахъ, отъ которыхъ до великой стѣны, т. е. до предѣловъ собственнаго Китая, болѣе 2,000 верстъ по стѣнѣ. И потому, если бы, когда-нибудь, столкновеніе между двумя соседними имперіями послѣдовало, то, во-первыхъ, описанное пространство отнюдь не стало бы театромъ важныхъ военныхъ дѣйствій, и, во-вторыхъ, при войнѣ возможныхъ тутъ военныхъ операціяхъ, выгоды очевидно будутъ на нашей сторонѣ. Можно ска-

зять, что если мы пожелаемъ, то Кобдо и даже Уласутай во всякое время могутъ быть взяты нами безъ всякихъ почти потерь, ибо укрѣпленія ихъ такъ слабы, что даже плохо-вооруженные инсургенты 1870 и 1872 годовъ успѣвали овладѣть ими, хотя они и считаются опорными пунктами китайцевъ въ сѣверо-западной Монголіи. Но прямой расчетъ заставляетъ насъ не только не изгонять китайцевъ изъ этой части Средней Азіи, а, напротивъ, всячески помогать упроченію ихъ господства надъ мѣстными номадами. Сдерживая сами племена тюркской расы, мы должны всецѣло оставить за китайцами ту же историческую тягу по отношенію къ монголамъ.

Кордонная линія вдоль границы Россіи съ Монголією, отъ Аргуни до Тарбанагата.

Уже со времени договора 1728 года съ Китаемъ, существуютъ вдоль всей границы нашей съ Монголією, отъ Аргуни до Шабина-дабага, особые пограничные знаки, между которыми граница идетъ по прямымъ линіямъ отъ одного въ другому, если только она не совпадаетъ съ естественными рубежами. Такихъ знаковъ между Аргунью и Кяхтой 63, а западнѣе Кяхты, до Шабина-дабага, 23. Для наблюденія за цѣлостію ихъ, а также для охраненія границы отъ контрабандистовъ, для поимки перебѣжчиковъ и проч., съ давняго времени возникла у насъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ границы, линія карауловъ, т. е. селеній, занятыхъ казаками. Съ своей стороны и китайцы почти повсемѣстно противу нашихъ карауловъ устроили свои посты, гдѣ однако постоянного населенія нѣтъ, а живутъ монгольскіе солдаты, подъ начальствомъ своихъ или маньчжурскихъ офицеровъ, изъ которыхъ послѣдніе обыкновенно занимаютъ высшія административныя должности, дистанционныхъ или даже амбаней, которымъ подчинены участки кордона. Наши караулы и монгольскіе ежегодно, по крайней мѣрѣ разъ, дѣлаютъ officialный объѣздъ границы для осмотра знаковъ, причемъ монголы удостоверяются въ цѣлости дощечекъ или бирокъ, или оставляемыхъ ежегодно. Обыкновенно приѣздъ досмотровщиковъ дѣлается одновременно съ обѣихъ сторонъ, и при этомъ бываютъ взаимныя угощенія и небольшая торговля. На западѣ отъ Шабина-дабага до тора Кудтуна также поставлены, въ 1869 году, пограничные знаки, числомъ двѣнадцать; но вблизи ихъ нѣтъ карауловъ, по крайней мѣрѣ

съ нашей стороны. Вообще по малолюдности и труднодоступности мѣстъ вдоль границы на западѣ отъ истоковъ Джиды, вблизи государственнаго рубежа карауловъ почти нѣтъ, за исключеніемъ пяти у насъ, въ Иркутской губерніи, не имѣющихъ однако постоянного населенія. Китайцы провели свою караульную линію даже на югѣ отъ хребта Танну, вѣроятно по той причинѣ, что бассейны верхняго Енисея заняты урянхами, которые, по договору 1728 года, могли считаться почти независимыми *). За то у нихъ есть еще нѣсколько карауловъ въ бассейнѣ Селенги, не составляющихъ линіи, но разбросанныхъ тамъ и сямъ на предѣлахъ монгольскихъ земель съ урянхайскими и дархатскими.

Слѣдующая таблица показываетъ расположеніе пограничныхъ знаковъ и карауловъ, начиная отъ Аргуни до прохода Хабаровъ-асу въ Тарбагатайскомъ хребтѣ:

Караулы русскіе.	Расстояние отъ границы.	Пограничные знаки.	Караулы китайскіе.
Абагауевскій	5	68. Абагайту.	Кулачинскій.
Соктуевскій	35	62. Эрдий-тологой.	
Цаганъ-улуевскій	75	61. Сокту.	
Ключевской		60. Боро-тологой.	
Чиндантскій	87	59. Цаганъ-оли.	Даошимарскій.
		58. Тарбаго-дагу.	Коульчинскій.
		57. Кубельджинъ.	Цаганъ-моръ.
		56. Ангархай.	
Кулусутаевскій		55. Мунку-тологой.	
		54. Инза-тологой.	
		53. Дзэренту.	
		52. Цыту.	
Чиндантская стц.	80	51. Молидзига.	Бусейскій.
		50. Нипфе (Гадзыгей).	
		49. Обогу.	
Пасучеевскій	70	48. Иринъ.	
Кубухаевскій	40	47. Хара-тологой.	Уминтаевскій.
		46. Куку-тологой.	
		45. Цаганъ-моръ.	

*) Ст. 3-го трактата 1728: «А урянхи въ которую сторону платили по пяти соболей, впредь оставлены по прежнему у своихъ владѣтелей, а которые по одному соболю давали впредь не возьмется съ нихъ вѣчно, съ котораго дня пограничній договоръ устанвится.»

Караулы русскіе.	Расстояние отъ границы.	Пограничные знаки.	Караулы китайскіе.
Дурулгуевскій		44. Турменекъ. 43. Турменъ.	Дорогтескій.
Могойтувевскій	20	42. Буку-инге. 41. Тургинъ. 40. Шара-она.	Туркинскій.
Акиннская стц.	60	39. Хоринъ-нарасунъ.	Хоринъ-нарасунъ.
Токторскій	30	38. Хон. 37. Токторъ. 36. Тосонъ.	Тосотувевскій.
Нижне-Ульхунскій	31	35. Мунгутъ-нуке. 34. Хурцы. 33. Бырки.	
Маягутскій	25	32. Убуръ-баныъ-Зю-рюке.	Духантскій.
Верхне-Ульхунскій	6	31. Ара-баныъ-зюрикъ. 30. Алхутъ. 29. Хонгоръ. 28. Адарга.	Уланскій.
Кыринскій	16	27. Говолтой. 26. Горномы.	Кыринскій.
Алтанскій	18	25. Бухту. 24. Гымбири.	Агудинскій.
Букукунскій	20	23. Букукунъ.	
Кыркунскій	23	22. Кыркунъ. 21. Вилчиръ.	Галгатаевскій.
Бальджинскій	4	20. Бальджинакъ. 19. Бальжи. 18. Хасулакъ.	Кумилинскій.
Ашингинскій	6	17. Харакутолъ. 16. Ашингай. 15. Гунгуртей. 14. Ку.	Хучаргонскій.
Мензевскій	15	13. Кумуронъ. 12. Убуръ-хадаманъ-усу. 11. Улией.	Мензевскій.
Джиндинскій	1	10. Ара-хадаманъ-усу.	
Усть-Урлукскій	1/2	9. Уилга.	Уилгинскій.
Шарагольскій	1	8. Ара-Худара. 7. Хабцагай. 6. Чиктай.	Бударинскій.
Кударинская стц.	3	5. Шербэги.	Чиктайскій.
Кыранскій	2	4. Дерету. 3. Хурлинъ.	

Караван русскіе.	Расстояние отъ границъ.	Пограничные знаки.	Караван китайскіе.
Троицкосавскъ	8 1/2	2. Цайдамъ. 1. Бургутей.	Маймаченъ.
Наушинскій	8 1/2	1. Кяхта.	
Цаганъ-усунскій	3	2. Орогойту.	Цаганъ-усунскій.
Бодинскій	7	3. Булесуту.	Бодинскій.
Чемуртаевскій	21	4. Быхоръ-ола.	
Желтуринскій	8	5. Ховгоръ-обо.	Хара-гучжаръ.
Худатскій	20	6. Гундвань-ола.	
Харадайская стц.	21	7. Хутугайту.	Хантогойскій.
Цѣмскій и Хамнейскій.		8. Куку-наручу.	Жиргадейскій.
Цакирскій и Модон- кульскій		9. Удинъ-дзюинъ.	
Ключевской и Шараа- заргинскій		10. Цѣжа.	Тумурлойскій.
Ургудейскій	35	11. Модунъ-гуль.	Арха-бурульскій.
Туранскій		12. Бугуту-дабага.	
Хангинскій		13. Дошигу-дабага.	Даркентуевскій.
		14. Кызыныкту-дабага.	
		15. Гурбя-дабага.	Кукуевскій.
		16. Халга (оз. Косо- гозъ).	
Наранъ-хоройскій		17. Нукуту-дабага.	
Удинскій	20	18. Эргинъ - тарганъ- тайга.	Здѣсь монгольскіе ка- раванъ: Гатуръ, Бѣ- тысь, Агари, Дэинд- зиликъ и пр., до Улесуту-амана и Ха- булаза, лежатъ на многія сотни верстъ внѣ границы. Они обозначены на кар- тахъ Клапрота и Уильямса.
(Рус. дер. на Устѣ)		19. Торось-дабага.	
		20. Кыземедъ.	
		21. Устѣ.	
		22. Хонинъ-дабага.	
		23. Кемземчакъ-бомъ.	
Ташымскій форп.	90	24. Шабина-дабага.	
		Суръ-дабага.	
		Чульчинскій.	
		Кусеръ-дабанъ.	
		Чаганъ-дабанъ.	
		Хоргинскій.	
		Таскыль.	
		Вогосукъ.	
		Дерботъ.	Хату-булакъ.
		Топту-дабага.	Суокъ.
		Вольцаръ.	
		Цаганъ-бургасу.	Ойхоръ.
		Уланъ-даба.	Гарпту.
		Ваканасъ.	

Караулы русскіе.	Расстояние отъ границы.	Пограничные знаки.	Караулы китайскіе.
Стц. Куртумская. . . {		Сарнахай. Буркатъ. Вайберди. Верхне - Куртум- скій. Теректи. Коломбай. Саръ-тау. Салкынъ-чеку. Терсъ-Айрыкъ. Аулье-булакъ. Койаъ-вертъ. Чакальмесь (ов. Зайсанъ). Акъ-тюбе (Черн. Иртингъ). Каратаъ. Сарн-булакъ. Сарн-томогой. Чатавъ-обо. Керегенъ-гасъ. Баймураа. Бургустай. Бувай-асу. Хабаръ-асу. >	
Зайсанскій постъ . . {			Сел. казачье.
Вакты			Чугучаъ.
Итого . . .		122 знака.	

Источники.

- Риттеръ*: «Азія», томы 1, 2 и 3 русскаго перевода.
 Географическій Словарь Россійской Имперіи, изд. Рус. Географ. Общества.
Гаусмейстеръ: «Статистическое описаніе Сибири».
 «Статистическій Временникъ» изд. Центр. Статист. Комитета. 1871.
Tschihatchoff: «Voyage dans l'Altai».
 Труды Сибирской экспедиціи Рус. Геогр. Общ.: «Поѣздка» Шварца и Кри-
 жина.
 Списки населенныхъ мѣстъ губ. Енисейской и Томской.
Радде: «Путешествіе въ юго-восточную Сибирь».
О. Лакимфъ: «Записки о Монголіи» и «Статистическое описаніе Китайской
 Имперіи», 1842.

Williams: «The Middle Kingdom», 1861.

Пейзинг: «Минусинскій. Округъ».

Полетика: «Горная промышленность восточнаго Алтая».

Пермикинъ: «Побѣда на Косоголѣ и къ дархатамъ».

Шинмаревъ: «Политическое устройство сѣверной Монголіи» и «О дархатахъ».

Барташевичъ, *Кропоткинъ*, *Поляковъ*: изъ поѣздки въ Тувинскій край и восточный Саянъ.

Притчикъ: «Побѣда въ Кобдо» и «Объ алтайскихъ каменщикахъ».

Литинскій: «Записка о Монголіи», рукопись 1869.

Матусовскій: «Описание дорогъ въ Кобдо и Улисутай», рукопись 1870.

Барабанъ: «О военномъ устройствѣ монголовъ».

Веселковъ: «Путь отъ Дундзика въ Иркутскъ».

Изданія Русскаго Географическаго Общества и Сибирскаго его Отдѣла, гдѣ есть много статей *Чудовскаго*, *Вермлова*, *Фитингофа*, князя *Бокстрона* и др.

Елиз: «Travels through Mongolia», въ «Ocean Highways». 1878.

Официальные протоколы о разграниченіи на Алтай и вообще дѣла Азіатскаго Отдѣла Главнаго Штаба по пограничнымъ вопросамъ.

Карты:

Спеціальная западной Сибири, 10 в. въ 1 д.

Маршрутная западной и восточной Сибири.

Шварца: бассейнъ Амура, Лены и Енисея, 40 в. въ д.

Klaproth: «Carte de l'Asie Centrale», 1886.

Венюковъ: «Карта сѣверо-западной Монголіи», 1871.

Petermann: «Karte der Westlichen Mongolei», 1872.

Генъ: «Распросная карта Монголіи», рукопись.

Веберъ: «Карта Монголіи», 1870, рукопись.

Вообще литература, относящаяся до описаннаго пространства, довольно обширна. Здѣсь показаны только новѣйшія сочиненія, а изъ прежнихъ лицъ тѣ, въ которыхъ уже введены старинные источники, которые затѣмъ не перечислялись. Ихъ наименованія можно найти у Риттера и въ Географическомъ Словарѣ Россійской Имперіи.

Седьмой участокъ: Чжунгарскій.

Положеніе границы и приграничныхъ земель.

Предѣлами Чжунгарскаго участка нашей границы можно считать на югъ гору Хань-Тенгри, подъ $42^{\circ}21'$ ш., а на сѣверъ гору Куйтунъ, подъ $48^{\circ}50'$ ш., изъ которыхъ первая принадлежитъ къ системѣ Тянь-шаня и есть высочайшая изъ извѣстныхъ его вершинъ, а вторая составляетъ горный узелъ Большаго Алтая съ Малымъ и съ хребтомъ Сайлюгемомъ. Другими словами, Чжунгарскій участокъ границы начинается у верховій Текеса и кончается у истока Бухтармы. Кратчайшее разстояніе между этими двумя точками не превосходитъ 850 верстъ; но государственный рубежъ тянется не менѣе какъ на 1,700 верстъ, если считать дѣйствительные наши предѣлы въ 1872 году, и на 1,476 верстъ, если принять въ соображеніе чугучакскій договоръ 1864 года, никогда, впрочемъ, не осуществленный сполна въ дѣйствительности *).

Топографія этого рубежа представляетъ ту особенность, что онъ очень извилистъ, и то совпадаетъ съ рубежами естественными, каковы горы и рѣки, то пересекаетъ ихъ подъ прямыми углами, вслѣдствіе чего изъ Чжунгаріи образуется къ намъ нѣсколько воротъ или открытыхъ пространствъ, ограниченныхъ съ юга и сѣвера трудно-проходимую мѣстностью. Ворота же эти заслуживаютъ вниманія потому, что на нихъ издавна происходятъ частныя столкновенія кочевниковъ, подвластныхъ нынѣ двумъ сосѣднимъ имперіямъ, но все еще не утратившихъ ни давнишней племенной вражды, ни склонности къ хищничествамъ. Идя съ сѣвера, мы находимъ, что ворота имѣютъ ширины: отъ предгорій Большаго Алтая до озера Зайсана и Чернаго Иртыша 50 верстъ, отъ Зай-

*) Въ силу чугучакскаго договора поставлены пограничные столбы только отъ Куйтуна до Хабаръ-асу, въ Тарбагатаѣ; на югъ же отъ Хабаръ-асу дѣйствительнаго разграниченія никогда не было.

сава и Чернаго Иртыша до Тарбагатай больше 60-ти и наконецъ южнѣе Тарбагатай, до Алтау и горъ Барлукскихъ, 180 верстъ. Въ общемъ смыслѣ можно сказать, что восточнѣе воротъ ко-чуютъ калмыки, а западнѣе киргизы; но въ частностяхъ отъ этого правила есть многочисленныя отступленія, и притомъ нигдѣ не встрѣчается перехода калмыковъ въ наши предѣлы, а, напротивъ, весьма нерѣдко бываетъ распространеніе киргизовъ въ предѣлы китайскіе.

По общему свойству степей, наиболѣе плодородныя земли по чжунгарской окраинѣ лежатъ у подошвы горъ. Соответственно тому здѣсь тѣснится и главная масса приграничнаго населенія, которая въ лѣтнюю пору уходитъ на самыя горы. Среднія же части долинъ, напротивъ, суть настоящія пустыни, частью песчанныя, какъ по берегамъ Зайсана, Иртыша и Или, частью болотистыя, какъ ближайшія побережья того же Зайсана, Иртыша, озеръ Ала-куля, Сасыкъ-куля и пр. Для осѣдлаго населенія нѣтъ другихъ мѣстъ какъ у самой подошвы горъ или даже въ междугорныхъ долинахъ, если онѣ довольно пространны; ибо безъ орошенія земля ничего не родитъ, а орошеніе, даже атмосферное, т. е. дождевою водою, бываетъ довольно обильно только близъ горъ. Въ предѣлахъ, которые можно дать чжунгарскому пограничному пространству и которые сейчасъ будутъ указаны, едва-ли есть больше 300 квадратныхъ миль, годныхъ для осѣдлой культуры; вся же прочая земля, до 13,000 кв. миль, годна для однихъ кочевниковъ или негодна никуда.

Предѣлами, о которыхъ здѣсь говорится, можно принять: на западѣ озеро Балкашъ и линію отъ устья рѣки Аягуза къ Семипалатинску; на сѣверѣ Иртышъ, Нарымъ и Бухтарму; на востокѣ линію отъ истоковъ Бухтармы къ истокамъ Кунгеса; на югѣ Небесныя и Алатаускія горы, отъ истоковъ Кунгеса чрезъ Санташъ до Ханъ-тау. Такимъ образомъ въ эти предѣлы войдутъ:

Съ нашей стороны: часть Семипалатинской области, лежащая къ востоку отъ дороги изъ Семипалатинска въ Сергіополь, и часть Семирѣченской, обнимающая уѣзды Сергіопольскій, Копальскій и Вѣрненскій;

Съ китайской: округи Тарбагатайскій сполна, Кобдоскій и Куръ-кара-усуйскій отчасти,

и наконецъ сполна же бывшій Илійскій округъ, составлявшій въ 1865 — 71 г. отдѣльное владѣніе, а нынѣ находящійся въ нашихъ рукахъ. Все, что лежитъ западнѣе или восточнѣе этихъ предѣловъ, не имѣетъ уже никакого прямого отношенія

къ пограничнымъ дѣламъ и можетъ лишь отчасти интересоваться насъ здѣсь съ военно-политической точки зрѣнія. Обширное пространство, такимъ образомъ очерченное, съ нашей стороны имѣетъ съѣмки, болѣе или менѣе обстоятельныя и опертыя на астрономическихъ точкахъ, опредѣленныхъ Федоровымъ, Голубевымъ, Струве и Мирошниченко. Съ китайской же стороны есть только посредственные карты, которыя хотя и заключаютъ въ себѣ немало подробностей, но не всегда вѣрно показываютъ расположеніе предметовъ на мѣстности. Старинныя астрономическія опредѣленія Эспинья, Галлерштейна и Дарохи также не всегда оказываются вѣрными, по крайней мѣрѣ по долготѣ. Въ общемъ итогѣ топографію страны можно считать удовлетворительно извѣстною, какъ видно изъ слѣдующаго.

Топографія.

Четыре большія горныя системы возвышаются надъ степями, которыя составляютъ главную часть территоріи чжунгарскаго пограничнаго пространства: Алтайская, Тарбагатайская, Чжунгаро-Алатауская и Тянь-шаньская, съ Заилійскимъ-Алатау. Изъ нихъ

1) *Большой Алтайскій хребтъ* образуетъ государственный рубежъ Россіи съ Китаемъ отъ горы Куйтуна на западъ до истоковъ рѣки Курчума, откуда онъ продолжается въ томъ же направленіи къ Иртышу, а граница поворачиваетъ на югозападъ, къ Зайсану, вдоль хребта *Курчумскаго*. Сначала, до прохода Буканасъ, Большой Алтай не только покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ, но и непроходимъ; потому снѣжныя вершины лежатъ спорадически, но проходы между ними, Сарнакай, Вурхатъ, Байберды и Верхне-Курчумскій, трудны и годятся только для одинокихъ всадниковъ. Ниже снѣговъ, Алтай, по сѣверному склону, обращенному къ Бухтармѣ, одѣтъ густыми строевыми лѣсами, сосновыми и лиственничными; что же касается до южной его стороны, то на ней лѣса встрѣчаются лишь въ мѣстахъ влажныхъ, неподверженныхъ иссушающему вліянію солнца и степной атмосферы. Склоны, ближайшіе къ долинѣ Чернаго Иртыша, суть совершенная степь.

На хребтѣ *Курчумскомъ* лѣса также держатся лишь по сѣверо-западному склону, обращенному къ Сибири, и преимущественно въ верховьяхъ рѣки Курчума. Южная половина, отъ Терсъ-айрыка, безлѣсна, за исключеніемъ небольшого числа тополевыхъ и иво-

ныхъ роицъ по рѣчкамъ Калгуты, Узунъ-булаку и др. Переваловъ черезъ хребетъ есть нѣсколько, именно: Коломбай, Саръ-тау, Кызылъ-кезень и др., изъ которыхъ по Коломбаю обыкновенно переходятъ на альпійское озеро Марко-куль, дающее начало Колджирю, притоку Чернаго Иртыша.

Большой Алтай, подъ названіемъ хребта *Нарынского*, продолжаясь на западъ отъ верховья Курчума къ Иртышу, значительно понижается, такъ что черезъ него можетъ быть безъ большого труда проложена колесная дорога изъ долины Нарына въ долину Курчума, особенно по проходу Арчалы, болѣе удобному, чѣмъ другіе: Теректы, Буланды, Тосъ-ый и Чурчуть. Южный склонъ хребта отложе сѣвернаго, но и онъ имѣетъ обрывы, особенно у самаго берега рѣки Курчума, сопровождаемаго имъ почти до устья.

На востокъ, у горы Куйтунъ, Большой Алтай пересѣкается съ Малимъ или *Эктагъ-Алтаемъ*, который идетъ къ юго-востоку, отдѣляя бассейнъ Чернаго Иртыша отъ бассейна озера Иксъ-Арала. Онъ столь высокъ, что въ частяхъ, ближайшихъ къ Куйтуну, переваловъ черезъ него неизвѣстно. И только въ верховьяхъ Кирана, праваго притока Чернаго Иртыша, карты Кляпбота (*Asie Centrale*) и Западной Сибири показываютъ горный проходъ (по Кляпботу даже два: Сундурекъ-дабанъ и Хайрату-дабанъ); но повидимому этотъ проходъ неудобенъ, потому что въ 1870 году китайскіе эмигранты, возвращавшіеся изъ-подъ Чугучака въ Кобдо, предпочли путь гораздо болѣе южный, по рѣкѣ Улюнгурю, огибающей Эктагъ-Алтай съ юга. Недавно путешествовавшій въ Кобдинскомъ округѣ г. Матусовскій видѣлъ вершины Малаго Алтая покрытыми снѣгомъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

2) *Тарбагатайская* система отдѣляется отъ Алтайской широкою долиною Чернаго Иртыша и Зайсана. За начало ея можно считать высоты на юго-востокѣ отъ Сергіополя, а конецъ, на сколько онъ извѣстенъ, лежитъ въ сосѣдствѣ озера Улюнгуръ или Кызылъ-бадъ, гдѣмъ и опредѣляется длина цѣпи, отъ запада къ востоку, въ 600 верстѣ. Въ русскихъ предѣлахъ, т. е. западнѣе перевала Талды-асу, нѣтъ ни одной свѣжной вершины, хотя и есть пикъ въ 9,200 ф. надъ моремъ. Затѣмъ и средняя часть цѣпи, отъ Талды-асу до Наганъ-обо, служащая рубежомъ Россіи съ Китаемъ, безснѣжна; но на крайнемъ юго-востокѣ Зайсанскаго приставства, нѣсколько сѣвернѣе основнаго края, висятся горы *Мусъ-тагъ*, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и потому имѣющія по

ущельямъ небольшіе лѣса, тогда какъ остальной хребетъ весь безлѣсенъ. Мусъ-тагъ съ сосѣднимъ ему на югѣ плоскогоріемъ Чаганъ-обо (4,683 ф.) служитъ узломъ, у котораго берутъ начало многія рѣчки, достаточно многоводныя, чтобъ доходить до Зайсана (Темиръ-су, Киндерликъ), Ала-куля (Эмилъ) или хотъ до небольшого озера Кабукъ, лежащаго на югѣ, среди степей; но большая часть ручьевъ, начинающихся на склонахъ Тарбагатай, не имѣетъ столько воды и пропадаетъ въ степяхъ. Это особенно можно сказать про восточную половину цѣпи, называемую *Саура* и тянущуюся до озера Улюнгтура, въ которое она упирается. Здѣсь лишь по сѣверную сторону края извѣстны пять ручьевъ, Уластовъ, не доходящихъ впрочемъ до Чернаго Иртыша; южная же покатость и подошва Саура совершенно безводна, хотя и сохранила слѣды потока, направлявшагося нѣкогда на востокъ, къ сторонѣ Улюнгтура. Около самаго этого озера, по сѣверо-западному его берегу, тянется небольшой, скалистый край *Нарынъ-кара*; но онъ повидимому представляетъ особую горную группу и отъ Саура отдѣленъ плоскою, болотистою долиною. Далѣе на востокъ высоты, сосѣднія рѣкѣ Урунгу съ юга, не довольно извѣстны; кажется, что здѣсь страна принимаетъ видъ плоскогорья, довольно возвышеннаго надъ моремъ.

Перевалы черезъ Тарбагатай вблизи границы суть слѣдующіе: 1) Каракольскій, по ущелью рѣки Караколь, выходящей съ сѣверной стороны хребта и текущей на югъ; здѣсь проходитъ почтовая дорога изъ Сергіополя въ Урджаръ. 2) Кутукъ-даба, Наратъ-даба и Уланъ-даба, между Урджаромъ и Чугучакомъ, мало извѣстны. 3) Сай-асу, Талды-асу и Хабаръ-асу — всѣ три на сѣверѣ отъ Чугучака, въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ отъ другого; по нимъ пролегаютъ пути изъ степной привайсанской равнины въ долину Эмиля. Значительно далѣе къ востоку, послѣ замѣтнаго повышенія Тарбагатай и образованія имъ отрога Терсъ-айрыкъ, лежатъ проходы Букай-асу и Бургусутай, а потомъ Бай-мурза, Керерень-таъ и Чаганъ-обо. Противъ двухъ первыхъ, на сѣверѣ, къ хребту прилежитъ кочковатое, болотистое плачу, называемое *Чиликты*, котораго положеніе надъ уровнемъ моря опредѣляется тѣмъ, что еще въ маѣ на немъ лежитъ снѣгъ (3,500 ф.?). За Чиликтами, далѣе къ сѣверу, поднимается отдѣльный край, *Мотракъ*, который нѣтъ нѣсколько бѣднѣе водомъ ручьевъ, притоковъ Зайсана, во время весенняго таянія снѣговъ, и занираетъ съ сѣвера чиликтыскую котловину, оставляя лишь узкій проходъ, *Исеикъ*, вдоль рѣки

Терсь-айрыгъ. По Бургустайскому перевалу проходитъ колесная дорога съ Чернаго Иртыша на Эмиль. Противъ переваловъ Кергенъ-тасъ и Чаганъ-обо, на сѣверѣ отъ Тарбагатай, стоятъ новые массивы, Сауру и Сайканъ, высшія точки которыхъ и носятъ названіе *Мусъ-тау*, т. е. Ледяныхъ горъ, о которыхъ упомянуто выше.

Къ Тарбагатайскому хребту съ сѣвера, на меридіанѣ Урджара, примыкаетъ водораздѣлъ между рѣкой Аггузомъ и притоками Зайсана, Бугазомъ и Базаромъ, тотъ водораздѣлъ, среди котораго высится отдѣльный пикъ Яманъ-Кара-ташъ, большую часть года покрытый снѣгомъ. Далѣе къ сѣверу, водораздѣлъ переходитъ въ *Калбинскій* хребетъ, котораго песчаные отклонны на юго-востокъ пропадають не доходя верстъ 35—50 до Зайсана, но котораго сѣверный скатъ круто упирается въ Иртышъ, образуя, вмѣстѣ съ отрогами Алтая, великолѣпное ущелье между Бухтармой и Усть-Каменегорскомъ. Калбинскія горы — второстепенныя и проходимы повсюду; растительность, встрѣчающаяся на голуденныхъ склонахъ ихъ, бѣдна; но за то нѣдра ихъ рудоносны, а сѣверо-восточная часть одѣта большимъ наиндиновымъ боромъ.

Хребты: Тарбагатайскій съ его сѣверными отрогами, Калбинскій, Нарынскій и Курчумскій, составляютъ, какъ бы ограду обширнаго плоскаго водоема Зайсана. Особенно къ юго-западу отъ этого озера, по рѣкамъ Базару и Карабугъ, степи обширны, такъ что если идти отъ устья Нукони въ Иртышъ по западной сторонѣ Зайсана и потомъ вдоль Базара, то, на протяженіи 150 верстъ, встрѣтятся лишь двѣ — и то нерѣдко высыхающія — рѣчки: Кокбекты и Бугасъ, да нѣсколько омонцовъ. Самая низкая часть этой степной равнины занята озеромъ. Зайсанъ, имѣющимъ 86 верстъ въ длину и не болѣе 22-хъ въ ширину. Берега его совсѣмъ плоски, мѣстами песчаны, а по большей части, поросли густымъ камышомъ: глубина незначительна, обыкновенно $3\frac{1}{2}$ сажени, съ длинными отмелями вдоль береговъ. Высота надъ моремъ около 1,200 футовъ.

3). Система *Чокумтарскаго Алатау* ограничиваетъ съ юга ту обширную низменность, которая лежитъ на подлѣвѣ отъ Тарбагатай и среди которой находятся Ала-кулъ, Сасыкъ-кулъ и самый Балканъ, эти остатки прѣжняго моря, связанные доннымъ широкимъ полосомъ песковъ; и болотъ, часть которыхъ принимается весенними водами. Главный хребетъ системы тянется почти вдоль параллели 45°, и тутъ мы видимъ снѣжныя вершины на разстояніи болѣе 200 верстъ, съ самымъ ограниченнымъ числомъ переваловъ. На

западъ хребетъ этотъ падаетъ почти внезапно у пикета Акъ-иче, откуда уже идутъ лишь невысокіе холмы, скоро сливающіеся съ степью; на востокъ то же явленіе представляетъ урочище Каптагай, гдѣ обрывъ еще рѣзче. Затѣмъ въ срединѣ между этими точками, отстоящими одна отъ другой болѣе чѣмъ на 300 верстъ, есть всего два сколько-нибудь доступные горные прохода, Тентекскій и Лепсинскій. Такая особенность края дѣлаетъ его превосходнымъ для Средней Азіи государственнымъ рубежомъ, а обильное орошеніе подгорной на сѣверѣ равнины даетъ намъ возможность держать здѣсь, въ сосѣдствѣ границы, значительныя осѣдлыя населенія и вооруженныя силы. Однако устройство горной страны Чжунгарскаго Алатау не такъ просто, чтобы можно было ограничиться признаніемъ одного главнаго хребта за государственную границу. Въ западной его половинѣ, уже отъ истоковъ рѣкъ Коксу и Сарвана, начинаютъ отдѣляться слегка расходящіяся, но почти параллельныя вѣтви, болѣею частью значительной высоты и мало доступныя. Эти вѣтви, по расположенію на картѣ, нѣсколько напоминаютъ собою пятиконечную вилу, между концами которой берутъ начало рѣки Каратай, Бижа, Коксу, Сатаги и Куталы, всѣ сливающіяся потомъ въ одно русло. Самая южная и длинная изъ вѣтвей есть хребетъ Кунгей-тау, Аламанъ-тау, или *Алтинъ-Имельскій*, отдѣленный отъ остальныхъ частей системы горнымъ проходомъ Уйгенъ-танъ, высотой въ 6,400 футовъ, и доходящій почти до самой рѣки Или. Въ немъ замѣчательнъ проходъ Алтынъ-Имель, высотой отъ 3¹/₂—4 тысячъ футовъ, удобный для ѣзды въ экипажахъ.

У верховій Коксу, кромѣ приближенія къ главной цѣпи Чжунгарскаго Алатау западныхъ ея развѣтвленій, примыкаетъ къ ней съ востока длинная горная цѣпь *Боро-хоро*, *Иренъ-хабирганъ*, или, какъ у насъ болѣею частію принято называть, хребетъ *Талынскій*. Этотъ хребетъ сначала не имѣетъ снѣжныхъ вершинъ, хотя на нѣкоторыхъ изъ нихъ снѣгъ держится до іюня; но къ востоку отъ Талынскаго перевала, и особливо близъ истоковъ рѣки Кашъ, переходитъ за снѣжную линію. Топографія его въ послѣднее время сдѣлалась извѣстною столь же хорошо, какъ и западной половинѣ Чжунгарскаго Алатау, и мы знаемъ здѣсь еще одинъ перевалъ, Боро-босунскій, по которому проходитъ вьючная дорога изъ Кульджи прямо въ Куръ-кара-усу.

Иренъ-Хабирганъ пересѣкаетъ Чжунгарскій Алатау подъ острымъ угломъ, и внутри этого угла, на высотѣ (болѣе 7000 ф.)

плато, лежит озеро *Сайрамъ*, отъ береговъ котораго къ югу начинается подъемъ на Талкинскій хребтъ по китайской почтовой дорогѣ въ Кульджу. За Сайрамомъ къ сѣверу, т. е. ближе къ Чжунгарскому Алатау, внутри того же угла, лежитъ долина рѣки Бороталы, сначала нагорная, и потому покрытая травами и даже древесной растительностію, а потомъ степная и болотистая. Долина эта переходитъ въ степь окружающую соленое озеро Эби-норъ или Каратала. Поперекъ ея проходитъ караванная и пыльная дорога изъ Кульджи въ Чугучакъ, которая, перейдя восточные отроги Чжунгарскаго Алатау и Каптагайскую тѣснину, тянется потомъ вдоль границы, чрезъ рѣчки алакульскаго бассейна и прилежащіе холмы.

Каптагайская тѣснина знаменита въ Средней Азіи дующими въ ней, по временамъ, сильными ураганами. Положеніе ея при выходѣ изъ горъ на широкую равнину Алакуля достаточно объясняетъ происхожденіе этихъ урагановъ, которые суть не что иное, какъ потоки холоднаго воздуха, спускающагося въ жаркую низменность по одному, спертому горами, руслу. Подобное явленіе свойственно и многимъ другимъ мѣстностямъ Семирѣченскаго края, напримѣръ окрестностямъ Кастека, хотя тамъ и не бываетъ столь сильныхъ вѣтровъ, чтобы они поднимали на воздухъ крупный песокъ и даже гальку, какъ въ Каптагаѣ. Каптагайское ущелье, важное для насъ какъ ворота по ближайшей съ сѣвера дорогѣ къ Кульджѣ, зимою бываетъ покрыто глубокимъ снѣгомъ.

За нимъ, къ востоку, начинаются горы *Барлукъ* и *Орхочукъ*; ихъ до нѣкоторой степени можно считать восточнымъ продолженіемъ Чжунгарскаго Алатау, только меньшей высоты, чѣмъ этотъ хребтъ. Топографія ихъ, мало извѣстная до послѣдняго времени, значительно разъяснилась послѣ съемки, сдѣланной въ 1871 году Матусовскимъ вдоль бывшей почтовой дороги изъ Чугучака въ Урумчи. Эта съемка показала, что Барлукскія горы, повидному, состоятъ изъ ряда параллельныхъ цѣпей, сквозь которыя стекающія на сѣверъ рѣчки пробиваются нѣсколькими ущельями и между которыми есть нѣсколько продольныхъ долинъ. Высшая точка системы на урумчійской дорогѣ есть *Частирскій* перевалъ, очень плоскій, но имѣющій до 5,945 футовъ надъ уровнемъ моря, что показываетъ, что средняя высота цѣпи едва-ли менѣе 6,000 футовъ. Отсюда на сѣверъ спускъ ведетъ черезъ Яматы (4,654 фута) къ Сары-хулуну (2,072), гдѣ рѣчка Яматы проходитъ послѣднюю тѣснину передъ выходомъ на обширную долину Эмля. Если при-

нять въ соображеніе, что и при южной подошвѣ Барлуковскихъ горъ селеніе Олонъ-булакъ лежитъ на 2,219 футахъ, то легко замѣтить, что высота обоихъ отклоновъ Барлука почти одинакова, и только сѣверный скатъ гораздо отложе полуденнаго. Далѣе къ востоку отъ Чжаирскаго перевала топографія Барлука и Орхочука остается неизслѣдованною, хотя мы знаемъ, что тутъ они встрѣчаются съ меридіональною цѣпью *Уркашарскихъ* горъ, ограничивающихъ съ востока плоскій, степной и покатый къ Ала-кулю бассейнъ рѣки Эмля. Уркашарскія горы на сѣверѣ примыкаютъ къ Чаганъ-обо.

4) По южную сторону Или начинаются развѣтвленія и предгорія *Тянь-шаньской* системы. Всѣ они имѣютъ одно направленіе, отъ запада къ востоку, и нерѣдко переходятъ за снѣжную линію. Подробное ихъ описаніе принадлежитъ къ обзору Тянь-шаньскаго участка; здѣсь же можно замѣтить слѣдующее: двойная снѣжная цѣпь *Занлійскаго Алатау* отдѣляетъ степную долину Или (1,300 футовъ у Илійскаго укрѣпленія) отъ нагорнаго водоема Иссыкъ-Куля (5,200 футовъ) и даетъ начало цѣлому ряду мелкихъ рѣчекъ, которыя орошаютъ сѣверное подгорье цѣпи, средоточіе русской колонизаціи въ этой части Средней Азіи. Высшая точка Алатау, близъ станицы Талгарской, достигаетъ 15,000 футовъ; извѣстнѣйшіе же проходы въ горахъ лежатъ на высотахъ:

	къ сѣверной цѣпи.		къ южной цѣпи.
Суокъ-тубе	8,000	Турайгырскій	7,500
Каскеленскій	10,800	Дюре-асу.	?
Алматинскій. . . .	10,900	Курменты	10,000
Тургеньскій	9,400	Шаты.	10,300
Турайгырскій	6,600	Табульгаты	9,000

Обѣ параллельныя цѣпи раздѣлены долинами значительныхъ горныхъ потоковъ, Большаго Кебина и Чилика, которые не вездѣ проходимы въ бродѣ. И хотя черезъ долины этихъ рѣкъ лежатъ ближайшія тропинки изъ Вѣрнаго на Иссыкъ-куль, но, кромѣ одинокихъ всадниковъ и небольшихъ командъ, неудобно направлять что-либо этими путями, а нужно дѣлать обходы. На западѣ такіе обходы дѣлаются чрезъ Кастекъ и Боамское ущелье, на востокѣ черезъ проходъ *Санташъ*. Этотъ послѣдній, высотой 6,000 футовъ, находится въ той мѣстности, гдѣ южная цѣпь Занлійскаго Алатау (Жунгей), подходитъ къ отрогамъ самаго Тянь-шаня между Карларою и Тубомъ. Къ Санташу же направляются пути съ сѣверо-востока, изъ долины Текеса, Кегена и прямо изъ Кульджи, попе-

ребъ хребта *Темурликъ*, почему этотъ проходъ имѣетъ большую стратегическую важность. Къ сѣверо-западу отъ него, на пути въ Вѣрный, заслуживаетъ еще вниманія плоскогоріе трехъ Марже (5,000 футовъ), которое служитъ воротами для кочевниковъ съ верховій Кебина, Каргары и Текеса въ приілійскія степи.

На востокъ отъ Чарына, Заилійскій Алатау продолжается хребтами *Темурликъ*, *Кетмень*, *Акъ-Бурташъ* и *Караталь*, которые, впрочемъ, нигдѣ не достигаютъ сѣвѣрной линіи. Проходы здѣсь болѣе многочисленны, но также нелегки, какъ потому, что не разработаны, такъ и потому, что южныя скаты горъ, обращенныя къ Кегену и въ долину Текеса, очень обрывисты. На верхнемъ Кегенѣ или Чакилды-су особенно важенъ для насъ проходъ *Кетмень*, потому что онъ ближайшій къ Кульджѣ со стороны Исыкъ-куля. По южную сторону Чакилды-су, отдѣляя ее отъ Текеса, идутъ горы Каратау, также не сѣвѣрныя, но сравнительно лучше орошаемыя дождями, и потому представляющія больше удобныхъ мѣстовъ, чѣмъ хребетъ *Темурликъ*. За долиною же Текеса стоитъ главная цѣпь Небесныхъ горъ, съ вершиною Ханъ-Тенгри, въ 21,000 футовъ.

Уже варты Клапрота, Захарова, Радлова и Каульбарса давали правильное и довольно полное понятіе о характерѣ мѣстности въ такъ-называемомъ Илійскомъ округѣ, т. е. въ бассейнѣ верхняго теченія Или. Тамъ были означены и существующіе горные пути въ этихъ мѣстахъ. Но только теперь, послѣ съемокъ 1871—72 годовъ, мы получили правильное понятіе сосѣдней, высочайшей и любопытнѣйшей, части Тянь-шаня. Такъ какъ для насъ важнѣе всего было знать число и качество проходовъ, ведущихъ изъ Кульджинскаго округа въ Алтышаръ, то, конечно, прежде всего на нихъ и обращено было вниманіе съемщиковъ, причѣмъ осмотрѣны были четыре перевала: Мусартскій, Ковсуйскій, Дагытъ и Наратъ — три послѣдніе на путяхъ въ бассейнъ Юлдуза. Мусартскій проходъ, знаменитѣйшій и самый трудный изъ всѣхъ, былъ особенно подробно снятъ на планъ и описанъ Шенелевымъ, причѣмъ оказалось, что онъ въ высшей степени затруднителенъ не только для большихъ каравановъ и военныхъ отрядовъ, но даже для немногихъ всадниковъ съ вьюками, ибо мѣстами вьюки нужно переносить на рукахъ для обхода скалъ. Притомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тропинка, вьющаяся вдоль сѣвернаго Мусарта, идетъ по мосткамъ изъ наваленнаго лѣса, которыя стоятъ только столкнуть внизъ или сжечь, чтобы сдѣлать дорогу непроходимой. А на южной

сторонѣ перевала лежить обширное ледяное море, изъ котораго единственный выходъ къ сторонѣ Туркестана столь труденъ, что людей и скотъ въ одномъ мѣстѣ нужно спускать на веревкахъ. Такимъ образомъ, показанія китайской государственной географіи относительно Мусарта, переведенныя Іакинѣомъ, подтвердились во многомъ, и не остается больше сомнѣнія, что проходъ могъ служить только для курьеровъ и для небольшихъ конныхъ каравановъ, но не для обширныхъ и правильныхъ торговыхъ сообщений Кульджи и Аксу. Перекочевки номадовъ съ южнаго склона Тянь-шаня на сѣверный совершались по болѣе восточнымъ переваламъ, особенно по Дагыту и по Нарату.

Произведенныя доселѣ изысканія удостовѣряютъ, что система Небесныхъ горъ и Занзійскаго Алатау, подобно всѣмъ горамъ степной полосы Азіи, имѣетъ то свойство, что на южныхъ покатостяхъ горныхъ краяхъ нидѣ нтъ мѣса, а древесная растительность попадается только на покатостяхъ, обращенныхъ къ сѣверу, да и то лишь по ущельямъ рѣчекъ, выбѣгающихъ изъ-подъ снѣга. Гдѣ же на вершинахъ горъ нѣтъ послѣдняго, тамъ нѣтъ и лѣсовъ. Въ общемъ выводѣ, послѣдніе прекращаются совершенно на высотахъ около 9,200 футовъ къ верху и 2,000 футовъ надъ моремъ къ низу, за исключеніемъ, впрочемъ, небольшого числа фруктовыхъ деревьевъ и ивняка, которые иногда спускаются и въ подгорныя долины, держась вдоль рѣкъ.

Всѣ сѣверные отроги Тянь-шаня въ Илійскомъ округѣ рудосны, и китайцы здѣсь добывали желѣзо, мѣдь, серебро и свинецъ. Впрочемъ, важнѣйшее минеральное богатство Кульджинскаго округа, каменный уголь, встрѣчается не здѣсь, а сѣвернѣе Или, на южныхъ покатостяхъ Ирень-Хабиргана, недалеко отъ Кульджи.

Обозрѣвъ гористыя мѣстности приграничныхъ пространствъ на Чжунгарскомъ участкѣ, мы можемъ обратиться къ равнинамъ, которыя всѣ вообще образуютъ настоящія степи, т. е. почти лишенное растительности дно обсохнувшаго моря, то глинистое, то солонцоватое, то песчаное и, болѣею частью, совершенно горизонтальное. На сѣверѣ отъ Тарбагатаю обращаютъ вниманіе, по своей обширности, степи прииртышская и призайсанская. Первая изъ нихъ имѣетъ грунтъ, болѣею частью, глинистый и суглинистый, иногда известковатый или солонцоватый, а колодцы съ прѣсной водою. Нѣсколько ручьевъ орошаютъ ее въ частяхъ ближайшихъ къ Иртышу, Тарбагатаю и хребту Калбинскому, гдѣ она становится воляистой. По срединѣ проходить, почти прямо по меридиану,

діану, большая почтовая дорога изъ Семипалатинска въ Сергіополь, вдоль которой хотя нѣтъ большихъ травъ, но нѣтъ и недостатка въ подножномъ кормѣ; у горъ Аркатскихъ даже заведено киргизами хлѣбопашество, хотя, конечно, въ маломъ размѣрѣ. О зайсанской равнинѣ сказано выше. Къ ней примыкаетъ съ востока долина Чернаго Иртыша, шириною отъ 50 до 80 верстъ, большею частью, степная, но иногда представляющая, вдоль рѣчекъ, мѣста годныя для пашень, напримѣръ, на Темиръ-су. Близъ самой рѣки Черный Иртышъ, по низовьямъ его, тянутся полосы камышей и тростниковъ, которые, ближе къ Зайсану, имѣютъ отъ 15 до 20 верстъ ширины и образуютъ превосходнѣйшія зимовки для киргизовъ. Выше, за Акъ-тюбе, побережье рѣки покрыто тальникомъ, также служащимъ для прикрытія кочевовъ отъ зимнихъ бурановъ, но за исключеніемъ этой узкой прибрежной полосы долина Чернаго Иртыша, весьма слабо поднимающаяся къ востоку, есть голая степь, песчаная къ сторонѣ Саура, т. е. на югъ, и песчано-глинистая къ сторонѣ Алтая, т. е. на сѣверъ. Рѣка Черный Иртышъ, начавшись въ юго-западномъ склонѣ Алтая, сначала течетъ на юго-западъ, къ сторонѣ озера Улюнгура; но не дойдя до послѣдней версты на четыре, поворачиваетъ на сѣверо-западъ и это направленіе удерживаетъ до впаденія Кабы. Связи съ Улюнгуромъ у нея нѣтъ, такъ что р. Урунгу, впадающая въ послѣднее, не можетъ считаться началомъ Иртыша. Къ югу отъ Улюнгура, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, лежитъ небольшое озеро Баганоръ, дающее небольшой стокъ на сѣверъ, въ первое озеро.

На югѣ отъ Тарбагатай равнина начинаетъ приобретать характеръ очень печальныхъ степей. Не говоря уже про обширные пески по нижнимъ и среднимъ частямъ Или, Каратала, Лепсы, т. е. про пустыни, сосѣднія Балхашу, можно сказать, что и равнина между Тарбагатаемъ и Чжунгарскимъ Алатау есть страна годная только для рѣдкаго кочевового населенія, и то лишь въ извѣстныя времена года; исключеніе составляютъ подгорныя полосы, верстъ пять или шесть шириною, у выхода изъ горъ рѣчекъ, гдѣ система искусственнаго орошенія дѣлаетъ почву довольно плодородною. Обширныя тростниковыя болота и кочковатые пески наполняютъ ложбину Алакуля, Уалы и Сасыкъ-куля, до самаго Балхаша. Здѣсь даже по почтовой дорогѣ, проведенной въ возможно-выгодномъ направленіи, встрѣчается около ста верстъ пути по странѣ безводной и почти лишенной растительности. И только на югѣ отъ пункта Аксуйскаго, къ сторонѣ горъ, начинаютъ появ-

даться пашни, которыхъ полоса тянется и дальше къ востоку, по Саркану, Баскану, Лепсѣ. На берегахъ послѣдней, нѣсколько выше выхода ея изъ горъ, лежитъ котловина Чубарь-Агачъ, самая плодородная мѣстность въ странѣ, занятая станицей Лепсинской. Затѣмъ у подножія горъ, но не посреди степи, а на такъ называемомъ Копальскомъ или Арасанскомъ плоскогоріи, на которое ведетъ со степи Гасфордовъ подъемъ и которое составляетъ подгорную террасу 3,200 футовъ надъ моремъ, можно также встрѣтить довольно влажную и, слѣдовательно, годную для культуры почву. Но всѣ эти плодородныя пространства въ совокупности не составляютъ и 50 кв. миль, т. е. $\frac{1}{40}$ площади между Тарбагатаемъ и Алатау. На востокъ отъ границы, Алакульская равнина продолжается по рѣкѣ Эмилю, гдѣ имѣетъ почву то каменистую, то твердо-глинистую и быстро поднимающуюся къ востоку, т. е. къ сторонѣ Уркашарскихъ горъ. На югѣ же отъ рѣки Каратала и послѣднихъ западныхъ развѣтвленій Чжунгарскаго Алатау путешественникъ находитъ большую песчаную низменность, которая продолжается во всей своей безотрадности до самаго Балхана и, вдоль рѣки Или, почти до самой Кульджи. Тутъ, несмотря на равнинный характеръ мѣстности между пикетомъ Сарыбулакъ и укрѣпленіемъ Илійскимъ, не было даже возможности проложить дорогу по прямой линіи, потому что страна безводна, а почва песчана, и направленіе пути пришлось отнести далеко на востокъ, къ лежащимъ въ горныхъ долинахъ пикетамъ Царицынскому, Кулагинскому и Алтынъ-Имельскому. Но и по этому послѣднему направленію не удалось совершенно избѣгнуть песковъ, такъ какъ ближайшія къ Или мѣстности представляютъ сплошную песчаную полосу, верстъ въ 25 шириною, гдѣ даже непосредственно у воды не растетъ ничего. Едва отѣхавъ нѣсколько верстъ отъ берега на югъ, т. е. къ сторонѣ Зайлійскаго Алатау, начинаешь встрѣчать зелень, сначала тощую, потомъ нѣсколько болѣе зеленую и густую, но только въ разстояніи пяти или шести верстъ отъ подошвы горъ показывающую возможность земледѣлія. Поэтому въ Вѣрненскомъ уѣздѣ, на 1,270 кв. миль общаго пространства, есть не болѣе 35 кв. миль годныхъ для пашень, и, не будь обставленнаго горами Кульджинскаго округа, бассейнъ судоходной рѣки Или едва-ли способенъ былъ бы, въ цѣломъ объемѣ, вмѣщать болѣе 20,000 осѣдлаго населенія. Кульджинскій округъ имѣетъ земель годныхъ для культуры, вѣроятно, съ небольшими 70 миль, и притомъ еще плодородность ихъ поддерживается искусственнымъ

орошеніемъ изъ большихъ артезовъ, которыхъ сооруженіе стоило огромныхъ трудовъ. Лучшая часть кульджинскаго оазиса лежитъ отъ меридіана Кульджи на востокъ, хотя и на западѣ встрѣчаются цѣлѣтунція полосы земли, какъ напримѣръ по Усеку, Тишвану, Хоргосу и другимъ рѣчкамъ, берущимъ начало въ Ирень-Хабирганѣ. Здѣсь даже мы находимъ рѣдкій въ Средней Азіи примѣръ лѣса среди равнины, разведеннаго впрочемъ искусственно.

Обозрѣвъ горы и равнины, слѣдуетъ сказать о естественныхъ, т. е. водяныхъ путяхъ сообщенія въ странѣ. Такихъ путей два, и оба въ направленіи отъ востока на западъ, т. е. поперекъ границы. Первый лежитъ въ сѣверной половинѣ края и, начавшись въ китайскихъ предѣлахъ, пересѣкаетъ границу и продолжается у насъ: это рѣка Иртышъ. Хотя Черный Иртышъ еще не изслѣдованъ вполне, но мы знаемъ, что онъ выше Кабы перѣдко переходитъ въ бродъ, а ниже ея, или, вѣрнѣе, отъ Акъ-тюбе, судоходенъ для мелкосидящихъ лодокъ (2 ф.). Но выходъ изъ него въ Зайсанъ затрудненъ мелями. Собственно же Иртышъ, ниже озера Зайсана, можетъ носить большія суда, равно какъ и самое озеро. Только малая глубина у береговъ послѣдняго препятствуетъ плаванію по немъ судовъ съ острыми килемъ, который, однако, очень нуженъ, потому что озеро бурно. Опыты пароходства на немъ сдѣланы, но правильныхъ сообщеній еще не установилось. Рѣка Иртышъ отъ Зайсана до Бухтарминска хотя мѣстами очень извилиста, однако вообще для плаванія удобна; что же касается до пространства отъ Бухтарминска до Усть-Каменогорска, гдѣ теченіе быстро и русло стѣснено горами, то здѣсь необходимо имѣть опытныхъ лоцмановъ. Притоки его слѣва, изъ степи, маловодны, а справа, изъ Алтайскихъ горъ, слишкомъ быстры, и потому не судоходны.

Другой водяной путь на описываемомъ пространствѣ представляетъ рѣка Или, способность которой къ судоходству была изслѣдована въ 1872 году г. Фишеромъ. По этому изслѣдованію оказалось, что Или въ пространствѣ между таранчинскою и маньчжурскою Кульджою годится для плаванія судовъ съ 2 $\frac{1}{2}$ фут. осадки лишь въ полную воду; внизъ же отъ маньчжурской Кульджи, до Илійскаго выселка (382 вер.), подобныя суда могутъ плавать во всякое время; но быстрота теченія и неудобства русла и береговъ таковы, что для прохода пространства отъ Илійскаго выселка до Борохудзира, при помощи бичевой тяги людьми, нужно 40 дней, не смотря на то, что это пространство составляетъ всего 220 верстъ. Низовья рѣки, въ свою очередь, поросли камышемъ, да и

русло тутъ раздѣлилось на нѣсколько рукавовъ, недостаточно многоводныхъ. Это обстоятельство, а также бурность Балхаша и немнѣніе удобныхъ пристаней въ сѣверо-восточной части его дѣлаютъ почти невѣроятнымъ устройство на немъ когда-либо судоходства, которое, между тѣмъ, могло бы быть полезно для избѣжанія длинной сухопутной перевозки тяжестей отъ устья рѣки Аягуза въ Вѣрный (550 верстъ) по горамъ и степямъ. Къ сторонѣ Кульджи судоходство по Или могло бы установиться, и опытъ его былъ сдѣланъ предприимчивымъ сибирскимъ купцомъ Кузнецовымъ, который спустилъ на Или небольшой пароходъ съ баржею.

Всѣ прочія рѣки Семирѣченской области, которыя хотя и обладаютъ длиною Шексны или Луги, но не имѣютъ и половины ихъ воды, совершенно бесполезны въ смыслѣ судоплаванія, и ихъ можно употребить въ дѣло только для орошенія полей посредствомъ арыковъ. Конечно, въ такомъ случаѣ нужно ожидать сѣраго висханія Балхаша, а съ нимъ и уменьшенія влажности въ степной атмосферѣ; слѣдовательно также въ горахъ, питающихъ источники рѣкъ.

Климатъ и производительность страны.

Оканчивая обзоръ физическихъ свойствъ страны, можно еще сказать нѣсколько словъ о ея климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ. Что климатъ тутъ совершенно континентальный, т. е. отличается суровой зимой, жаркимъ лѣтомъ и постоянною сухостью воздуха — это само собою понятно изъ положенія края въ самой срединѣ Азіи. Зимой здѣсь бываютъ морозы въ -20° Р. даже подъ широтою въ 43° , т. е. въ Вѣрномъ, который лежитъ на одной параллели съ Марселемъ и лѣтомъ имѣетъ жары въ $+32^{\circ}$ Р. Въ Семипалатинскѣ ($50^{\circ}24'$ широты и 450 футовъ надъ моремъ) средняя температура января -14° , а іюля $+17^{\circ},5$ Р. Сухость воздуха, особенно въ песчаныхъ степяхъ, спускается до 12,11 и даже до 90%, такъ что и туркменскія степи не превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи. Только въ горахъ, и то лишь по сѣвернымъ склонамъ, влажность атмосферы напоминаетъ европейскую. Слѣдующія цифры суть результатъ немногочисленныхъ и недолговременныхъ метеорологическихъ наблюденій въ краѣ:

Широта.	Мѣсто.	Надъ мор.	Сред. темп. года.	Январь.	Іюль.	Дождл. дни.
$50^{\circ}24'$	Семипалатинскъ	450 ф.	$+1^{\circ},8$ Р.	-14° Р.	$+17^{\circ},5$ Р.	46
45 8	Копаль	3,000 »	$+ 6$	$- 5''$	$+ 17,3$	—
43 16	Вѣрный	2,400 »	$+ 7$	—	—	—
43 56	Кульджа	1,700 »	$+ 7,3$	$- 7,6$	$+ 19,9$	—

Господствующіе вѣтры не довольно изслѣдованы, но сѣверо-западные принадлежать къ числу самыхъ холодныхъ, а южные, въ сѣверныхъ частяхъ степи, если дуютъ зимою, то обыкновенно сопровождаются снѣжными вьюгами. Снѣгъ лежитъ въ Семипалатинскѣ болѣе пяти мѣсяцевъ, въ Вѣрномъ болѣе шести недѣль. Всѣ рѣки въ край зимою замерзаютъ; Иртышъ на цѣлые пять мѣсяцевъ. За то многія изъ нихъ, вытекающія изъ снѣжныхъ горъ, имѣютъ два полноводія, особенно Бухтарма, Черный Иртышъ, Каратагъ, отчасти даже Или. Снѣжная линія на горахъ, благодаря сухости и прозрачности атмосферы, въ лѣтнее время поднимается гораздо выше, чѣмъ въ Европѣ, именно: въ Зайлійскомъ Алатау она лежитъ на 10,000 футовъ, тогда какъ въ Пиринейхъ, подъ тою же широтою 43°, всего на 8,400 футовъ. Благодаря большой сухости воздуха, страна очень выгодна для здоровья въ томъ смыслѣ, что здѣсь мало чахоточныхъ и больныхъ горломъ; но за то лѣтомъ часто не бываетъ дождей по нѣскольку недѣль, и тогда томительная жара повергаетъ людей въ изнеможеніе, трава въ степяхъ выгораетъ и, чтобы обезпечить себѣ пропитаніе, нужно бываетъ прибѣгать въ искусственному орошенію полей. Это, впрочемъ, трудъ благодарный, потому что не только въ Вѣрномъ, но даже въ Урджарѣ яровая пшеница даетъ самъ 15 — 20 и болѣе. А въ Кульджинскомъ оазисѣ урожай еще лучше; теплота позволяетъ разводить тамъ мѣстами хлопчатникъ и рисъ — послѣдній, разумѣется, на почвѣ исключительно влажной.

Виноградъ и абрикосы растутъ въ Вѣрномъ, но особенно въ предѣлахъ Кульджинскаго округа, разумѣется все же въ узкихъ подгорныхъ оазисахъ. Въ послѣднихъ, составляющихъ едва ли болѣе 300 квадратныхъ миль на 13,000 всего протяженія края, какъ уже сказано, разстилаются степи, песчанья около Балхаша, твердо-глинистыя въ другихъ мѣстахъ, но вообще бѣдныя даже травами.

Животное царство очень разнообразно породами, хотя не богато числомъ особей, кромѣ, конечно, породъ скота, сопровождающихъ человѣка. Изъ большихъ дикихъ звѣрей можно замѣтить медвѣдей на Алтаѣ и Алатау, волковъ всюду, тигровъ въ забалхашскомъ край, т. е. въ уѣздахъ Копальскомъ и Вѣрненскомъ, кабановъ почти вездѣ, по камышамъ. Но главные представители млекопитающихъ суть: лошади, коровы, верблюды и овцы изъ прирученныхъ, и горныя козы, сурки и лисицы изъ дикихъ. Между птицами стоитъ замѣтить фазановъ въ Зайлійскомъ край, между

пресмыкающимися змѣй, тамъ же, и наконецъ изъ насекомыхъ называемъ полезное — пчелу, на Алтаѣ и въ Алатау, и вредное — фалангу, въ приирийскихъ степяхъ.

Минеральныя богатства страны разнообразны, хотя еще мало приносятъ пользы человѣку, потому что нѣтъ искусныхъ рукъ для ихъ разработки, да и мало топлива. Въ Семипалатинской области извѣстны: графитъ въ горѣ Айджалъ, каменный уголь въ разныхъ мѣстахъ по Тарбагатау, мѣдь, серебро, отчасти ввасы и сѣра тамъ же; въ Семирѣченской золото, по Хатынь-су и Тентеку, серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо и уголь въ разныхъ мѣстахъ приирийскаго края, особливо въ Кульджинскомъ и частью въ Копальскомъ округахъ.

Пути сообщенія.

Обыкновенно степи легко проходимы во всѣхъ направленіяхъ, гдѣ нѣтъ очень высокихъ горъ, озеръ и солончаковъ. Это, конечно, вѣрно и для Чжунгарскаго пограничнаго пространства; но здѣсь къ тремъ названнымъ препятствіямъ присоединяются еще мѣстами пески и тростниковыя болота. Пески, впрочемъ, лежатъ по преимуществу въ западной части пространства, къ сторонѣ Балхана, и въ этой полосѣ только въ трехъ мѣстахъ занимаютъ довольно широкія площади: вдоль лѣваго берега Чернаго Иртыша, между Ала-кулемъ и Балхашемъ, и наконецъ вдоль по рѣкѣ Или, гдѣ и препятствуютъ устройству хорошихъ дорогъ. Тростниковыя болота встрѣчаются почти въ тѣхъ же мѣстностяхъ, т. е. у Чернаго Иртыша, Зайсана, Алакуля, Сасыль-куля и Или, и собственно служатъ препятствіемъ для сообщеній только въ ложбинѣ между Тарбагатаемъ и Чжунгарскимъ Алатау, но и то не вездѣ. Затѣмъ, какъ при описаніи горъ исчислены уже существующіе среди нихъ проходы, то здѣсь можно прямо перейти къ исчисленію главнѣйшихъ *торныхъ* дорогъ въ край, какъ тележныхъ, такъ отчасти и вьючныхъ.

1) Важнѣйшая изъ этихъ дорогъ есть почтовый трактъ изъ *Семипалатинска въ Вирный*, который проходитъ черезъ Сергіополь и Копаль и имѣетъ въ длину 991 версту. Здѣсь на важнѣйшихъ рѣкахъ, Иртышѣ, Или, Лепсѣ и Аксу, устроены паромныя переправы, а на Каратаѣ и Коксу даже мосты. Вообще эта дорога есть лучшая изъ всѣхъ степныхъ въ цѣлой Россіи.

2) Изъ *Семипалатинска* же идетъ важная въ военномъ отно-

шеніи дорога *съ долину Бухтармы*, продолжающаяся потомъ до *Кобдо*. Общая длина 966 верстъ, изъ которыхъ 284 версты, до караула Чингистая, можно ѣхать на колесахъ, а потомъ по вьючнымъ тропамъ, иногда затруднительнымъ. Послѣднія 280 верстъ дорога пролегаетъ въ китайскихъ предѣлахъ, между карауломъ Гарату и городомъ Кобдо.

3) Изъ *Семипалатинска въ Зайсанскій постъ* прямо чрезъ Кокбекты, минуя Усть-Каменогорскъ, 511 верстъ колесной дороги, которая въ южной своей части, за Кокбектами, есть вѣстѣ и почтовая. До Кокбектовъ же почтовый трактъ изъ Семипалатинска идетъ на Усть-Каменогорскъ, отъ котораго разстояніе до Кокбектовъ 155 верстъ и до Семипалатинска 202 версты. Изъ Зайсанскаго поста двѣ дороги ведутъ на Кобдо: одна чрезъ Акъ-тюбе, долиною праваго берега Чернаго Иртыша къ верховью рѣки Кирана, гдѣ перевалъ черезъ Эктагъ-Алтай — трудная; другая, южнѣе Чернаго Иртыша, мимо озера Эбиноръ или Улюнгуръ и по р. Улюнгуръ, въ обходъ Эктагъ-Алтая съ юга, болѣе удобная.

4) Изъ *Усть-Каменогорска въ Сергіополь* прямо, 350 верстъ степного пути, весьма удобнаго для перехода казаковъ.

5) Изъ *Усть-Каменогорска въ Сергіополь* черезъ Кокбекты, такого же свойства дорога длиною 380 верстъ, т. е. короче почтоваго тракта на 100 верстъ.

6) Изъ *Сергіополя въ Чучучакъ* 262 версты и далѣе въ *Кобдо* 922 версты, а всего 1174 версты, въ обходъ Эктагъ-Алтая съ юга, по рѣкамъ Урунгу и Чаганъ-голу. До Чучучака, и даже нѣсколько далѣе, путь этотъ годится для ѣзды на колесахъ, но въ степяхъ и горахъ сосѣднихъ Черному Иртышу и рѣкѣ Урунгу онъ вьючный и притомъ нелегкій. Послѣдняя его часть, отъ пикета Чажганъ до Кобдо, совпадаетъ съ караванной дорогой изъ Урумци и Баркула.

7) На эту же чучучакско-кобдоскую дорогу у озера Улюнгуръ выходитъ и дорога *въ Кобдо изъ Зайсанскаго поста*, длиною всего 828 верстъ, по степямъ и горамъ.

8) Отъ *Чучучака въ Урумци* бывшею китайскою почтовою дорогою 643 версты, причеиъ на второй сотнѣ верстъ приходится пересѣкать Барлукскія горы, гдѣ, впрочемъ, Чжаирскій перевалъ годенъ и для колесной ѣзды.

9) Изъ *Чучучака въ Кульджу* по китайской пикетной дорогѣ, черезъ Капштайскую тѣснину, 400 верстъ вьючнаго пути, выходящаго, впрочемъ, у озера Сайрама на колесную дорогу изъ Урумци въ Кульджу.

10) Из *Конала въ Кульджу*, почтовая дорога черезъ Алтын-Имель, длиною 381 верста.

11) Из *Кульджи въ Курь-кара-усу, Манасъ и Урумчи*, длиною 708 верстъ хорошей въючной или даже колесной дороги, ведущей сначала на Талкинский хребетъ, а потомъ у сѣверной подошвы Иренъ-хабиргана и Небесныхъ горъ. Дорога нѣкогда хорошо населенная, а нынѣ почти пустая.

12) Из *Върнаго въ Кульджу* кратчайшая дорога, но большей части въючная, проходящая черезъ низовья Чарына и имѣющая въ длину 360 верстъ. Если же взять нѣсколько южнѣе, черезъ бродъ Телекъ, гдѣ нѣтъ песковъ и лучше корма, то 400 верстъ.

13) Отъ *Върнаго къ Мусарту*, черезъ плоскогорье Мерке, 365 верстъ въючного пути.

14) Отъ укрѣпленія *Каракольскаго* на Иссыкъ-куль до *Кульджи*, черезъ проходъ Кетмень, 275 верстъ.

15) Из *Кульджи въ Аксу*, поперекъ Тянь-шаня, черезъ Мусартъ, 591 верста, въючной и весьма трудной дороги.

Съ военной точки зрѣнія, о всѣхъ вообще исчисленныхъ выше путяхъ можно замѣтить слѣдующее:

1) За исключеніемъ иртышской линіи, зимніе походы по нимъ весьма неудобны, потому что нѣтъ населенныхъ мѣстностей для ночлеговъ, а между тѣмъ, по суровости климата, бивуакировать по ночамъ, при отсутствіи топлива, почти невозможно.

2) Лучшія изъ исчисленныхъ дорогъ суть почтовые въ предѣлахъ Россіи — за исключеніемъ опять-таки прииртышской — страдаютъ недостаткомъ сѣна и другого фуража въ теченіе всей зимы, и потому слѣдуетъ избѣгать передвиженія зимою даже однихъ обозовъ.

3) Какъ, съ другой стороны, травы въ степи выгораютъ въ срединѣ лѣта, то удобнѣйшимъ временемъ для похода остаются весною апрѣль и май, осенью сентябрь и октябрь. Въ это время, дѣйствительно, и дѣлаются у насъ всѣ главнѣйшія передвиженія войскъ и военныхъ тяжестей.

4) Продовольствіе людей мясомъ, при походахъ, до извѣстной степени можетъ быть обезпечено вездѣ покупкою скота у кочевыхъ, если только они не уйдутъ вдалѣ отъ дороги, что случается нерѣдко. Вообще же войскамъ удобнѣе брать порціонный скотъ съ собою, а хлѣбъ, соль, овощи и другія приправы даже непрѣменно нужно возить въ обозѣ, за исключеніемъ путей изъ Семипалатинска на Бухтарму и отчасти на Вѣрный.

5) Вездѣ, кромѣ почтовыхъ дорогъ, могутъ встрѣтиться задержки отъ переправъ черезъ рѣки въ половодье, которое, впрочемъ, не бываетъ продолжительно.

6) Срединна лѣта неудобна для движенія войскъ не только потому, что выгораютъ травы и бываетъ мало воды въ ключахъ и колодцахъ, но еще и по причинѣ большого числа насѣкомыхъ: оводовъ, мухъ, комаровъ, а въ Илійской долинѣ еще и фалангъ. Впрочемъ, держась подошвы горъ, можно всегда находить достаточно травы и воды даже въ самой срединѣ лѣта.

7) Лучшие часы для похода, лѣтомъ, отъ четырехъ до девяти утра и отъ пяти до восьми вечера. Большіе переходы лучше дѣлать сразу, т. е. безъ продолжительнаго привала.

8) Для варки пищи всегда не лишнее имѣть въ обозѣ нѣсколько топлива; ибо стоитъ пойти дождю, чтобы обычное степное топливо, кизякъ, сдѣлалось негоднымъ.

9) Главныя вьючныя животныя суть верблюды: для нихъ нужно имѣть отъ пяти до семи фунтовъ соли на cadaго въ мѣсяцъ, и тогда самыя сильныя жары и безкормицу они переносятъ легко.

10) Водопои на всѣхъ станціяхъ исчисленныхъ выше дорогъ довольно обильны, кромѣ никетовъ Арганатинскаго и Ащи-булак-скаго, на дорогѣ изъ Сергіополя въ Копаль.

11) При слѣдованіи войскъ по новымъ путямъ, въ сторонѣ отъ исчисленныхъ, всегда должно, не полагаясь на карты, брать проводниковъ изъ туземцевъ, особливо киргизовъ, хорошо знающихъ состояніе водопоевъ и кормовъ; но ихъ слѣдуетъ имѣть въ небольшомъ числѣ и надежныхъ: иначе легко держать при себѣ двойного шпиона.

Сказанныя выше замѣчанія приложимы ко всѣмъ вообще степнымъ походамъ, а потому ихъ нужно имѣть въ виду при обзорѣ ній и прочихъ степныхъ участковъ границы, хотя они тамъ, для избѣжанія повтореній, опущены.

Населеніе.

Два главныя племена составляютъ туземное населеніе Чжунгарскаго приграничнаго пространства: киргизы и калмыки — оба кочевныя. Послѣдніе, т. е. калмыки, долгое время были народомъ господствующимъ и распространялись далеко на западъ отъ района тене-решныхъ ихъ кочевовъ. Еще русскіе, при завоеваніи Сибири, застали

калмыцкія стойбища не только на Иртышѣ, но даже на Ишимѣ. Потомъ ишимскіе калмыки-торгоуты ушли въ астраханскія степи, а наконецъ, въ 1771 году, бѣжали оттуда и, преслѣдуемые сначала русскими, а потомъ киргизами, едва добрались до илійскаго оазиса, гдѣ остатки ихъ пріютились подъ властью Китая. Другое, и еще большее, ослабленіе калмыцкаго народа произведено самимъ же Китаемъ. Именно, въ 1757 году, ополченія Средняго царства истребили около милліона чжунгаровъ, не задолго передъ тѣмъ составлявшихъ сильное государство. Въ XIX столѣтіи, вообще можно сказать, что калмыцкій народъ, на своей родной почвѣ, оставался весь въ подданствѣ Китая; большинство же киргизовъ составляло населеніе русскихъ степей, что продолжается и донныѣ, съ немногими исключеніями, произведенными народнымъ движеніемъ 1863—71 годовъ.

На этомъ этнографическомъ фонѣ страны, въ теченіе послѣднихъ 120 лѣтъ, наслонилось довольно разнообразное прошлое населеніе, которое пустило столь глубокіе корни, что сдѣлалось господствующимъ, если не по числу, то по могуществу и богатству. Главными пришельцами были съ нашей стороны русскіе и татары, съ китайской — китайцы, дунгане, таранчи, маньчжуры, чахары, сибо и солонны. Укажемъ здѣсь географическое распредѣленіе этихъ племенъ и приведемъ, по возможности, цифры объ ихъ численности.

1) *Киргизы*. Въ трехъ уѣздахъ Семирѣченской области: Семирѣченскомъ, Усть-Каменогорскомъ и Зайсанскомъ, живетъ ихъ около 120,000 душъ. Они раздѣлены, на основаніи положенія 1867 года, въ административномъ отношеніи, на волости, числомъ двадцать; но, въ политическомъ смыслѣ, доселѣ важнѣе знать ихъ дѣленіе на роды, каковы, напримѣръ, муруновскій около Кокбектово, киреевскій на сѣверѣ и востокѣ отъ Зайсана, байджигитовскій вблизи Тарбагатая, и пр. Байджигиты и кирей особенно важны въ томъ смыслѣ, что многочисленныя ихъ родовичи кочуютъ и въ китайскихъ предѣлахъ, по сосѣдству съ зайсанскимъ приставствомъ; слѣдовательно они надолго сохраняютъ эти заграничныя связи, обыкновенно столь невыгодныя для политическаго спокойствія края.

Въ трехъ уѣздахъ Семирѣченской области: Лепсинскомъ (Сергіопольскомъ), Кональскомъ и Вѣрненскомъ, живетъ до 320,000 киргизовъ, Средней и Большой орды. Въ Лепсинскомъ уѣздѣ заслуживаютъ вниманія, въ политическомъ отношеніи, байджигиты и кызы, какъ самые безпокойные приграничныя подданные и отчасти сосѣди. Номинально часть ихъ состояла въ нашемъ подданствѣ

уже съ 1847 года; но фактически никто такъ часто не уклонялся отъ выраженія подданической зависимости, какъ они. Мало того: они нерѣдко занимались разбоями въ нашихъ предѣлахъ, уходя потомъ въ китайскіе, и наоборотъ. Въ 1865 году, значительная часть нашихъ байджиговъ ушла къ дунганамъ подъ Манасъ, но потомъ многіе вернулись оттуда. Однако и теперь изъ пятнадцати подродовъ байджиговскихъ только пять находятся въ нашихъ предѣлахъ. Большая часть кызаевъ тоже, а ихъ считается до 20,000. кибитокъ = 90,000 душъ.

У киргизовъ Большой орды изстари различались три главные рода: джалаиры, адбано-суваны и дулаты, которые сохранились и теперь, несмотря на то, что киргизы раздѣлены на волости, числомъ до тридцати. Роды эти имѣютъ и свои историческія мѣста для кочевокъ, именно: джалаиры на Каратагѣ, адбаны по обѣимъ сторонамъ хребта Алтынь-Имельскаго и частью на Чарныѣ, дулаты къ западу отъ Чарына до Балхаша и къ югу отъ Или до горъ Алатау. Политическая надежность этихъ киргизовъ хотя удовлетворительна, но все еще весьма условна, особенно потому, что въ ордѣ есть не мало влиятельныхъ лицъ, помнящихъ независимость своего народа до 1846 года. Надежнѣе прочихъ дулаты, ближайшіе сосѣди заилійскихъ селеній нашихъ; однако и они въ 1861 году, при вторженіи въ наши предѣлы коканцевъ, вели себя не совсѣмъ хорошо. Адбаны же, до самаго послѣдняго времени, охотно переходили за границу, въ Илійскій округъ, и сдѣлались особенно склонны къ тому со времени возникновенія въ Кульджѣ мусульманскаго владѣнія. Одинъ изъ адбановскихъ биевъ, Джитень, составилъ себѣ даже извѣстность грабежами въ нашихъ предѣлахъ, которые онъ производилъ изъ-за границы. Нынѣ, съ занятіемъ нами Кульджи, адбаны, отовсюду окруженные нашими войсками, вполне присмирѣли. Вообще, въ Илійскомъ округѣ нами найдено было 22,000 киргизовъ, которые всѣ обложены нынѣ общими для ихъ соплеменниковъ податями, и на первое время, по малой своей надежности, получили начальниковъ не по выборамъ, а по назначенію самарѣченскаго губернатора.

Принимая въ соображеніе части родовъ киреевскаго, байджитовскаго, кызаевскаго, кочующія въ китайскихъ провинціяхъ, въ числѣ, вѣроятно, около 80,000 душъ, мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что все число киргизовъ, какъ Средней, такъ и Большой орды, въ предѣлахъ разсматриваемаго края, простирается до 580,000 душъ. Всѣ они номады, но многіе занимаются земледѣ-

ліємъ, по рѣкамъ, текущимъ съ Алтая, Тарбагатай, Калбинскаго хребта, Чжунгарскаго и Зайлійскаго Алатау. Тѣ же, которые живутъ у Иртыша и вообще близъ русскихъ селеній, нерѣдко служатъ въ работникахъ у казаковъ и купцовъ, а въ округѣ Комбектинскомъ и на горныхъ принсахъ, которые, напримѣръ, въ 1865 году, занимали свыше 1,500 киргизскихъ рабочихъ. Нѣкоторые изъ нашихъ киргизовъ въ послѣдніе годы завели сами осѣлости, какъ, напримѣръ, султанъ Букашъ на Аркаты и нѣсколько киргизовъ въ Семирѣчьи, гдѣ занимаются земледѣліемъ. Но добываемаго ими хлѣба, преимущественно проса, они не пускаютъ въ продажу, а потребляютъ сами, упрочивая тѣмъ господство надъ собой русскихъ; ибо привыкшій къ хлѣбу киргизъ, особливо хлѣбопашецъ, мало по малу совершенно утрачиваетъ свои хищническія наклонности, дѣлается миролюбивымъ консерваторомъ инокоряется цивилизованнымъ пришельцамъ, безъ которыхъ рѣшительно обойтись не въ состояніи.

Военной службы киргизы не песутъ; но всякій разъ, когда снаряжается отрядъ для похода или даже для стоянки на границѣ, принято у насъ за правило придавать къ нему нѣсколько киргизскихъ всадниковъ для содержанія почты, для развѣдокъ и, въ мѣстностяхъ мало извѣстныхъ, для указанія путей. Въ боевомъ отношеніи, киргизская милиція нигде не годится, и даже большее число киргизовъ при отрядѣ составляетъ для него скорѣе обузу, чѣмъ помощь.

Подати киргизскаго народа состоятъ изъ кибиточнаго сбора по три рубля серебромъ съ юрты, и изъ дополнительнаго земскаго сбора по 50 коп. съ юрты же. Въ суммѣ это составитъ около 380,000 рублей серебромъ, и такая сумма едва-ли можетъ быть увеличена по причинѣ бѣдности номадовъ, изъ которыхъ многіе составляютъ настоящихъ пролетаріевъ, по мѣстному выраженію «байгушей» *).

Относительно числа скота, содержимаго киргизами, нѣтъ возможности привести сколько-нибудь опредѣлительныя данныя, ибо всѣ такъ называемыя офиціальныя цифры весьма далеки отъ истины. Можно только сказать, что киргизы Большой орды бо-

*) Эта цифра выражаетъ собою почти все, что получаетъ Государственное Казначейство въ видѣ прямыхъ налоговъ съ пространства въ 7,200 кв. м., которое, слѣдовательно, оказывается менѣе доходнымъ, чѣмъ одинъ какой-либо уѣздъ Московской губерніи, занимающій площадь во 160 разъ менѣе.

гаче другихъ скотомъ, вѣроятно потому, что до самаго 1868 года не несли никакихъ податей, а можетъ быть и потому, что у нихъ рѣже случаются падежи отъ зимнихъ бурановъ и гололедицы. Во всякомъ случаѣ, всѣ военныя надобности въ лошадахъ и верблюдахъ, какъ перевозочномъ средствѣ, и въ баранахъ и рогатомъ скотѣ на мясо, всегда могутъ быть удовлетворены безъ труда и по цѣнамъ невысокимъ.

2) *Калмыки* до 1860-хъ годовъ жили, на описываемомъ странствѣ, двумя главными группами: на сѣверѣ по Черному Иртышу, и на югѣ въ Илійскомъ округѣ. Возмущеніе мусульманъ и захватъ ими власти въ Или повели за собою эмиграцію калмыцкихъ племенъ на сѣверъ и югъ, причемъ изъ прежнихъ ихъ кочевовъ многія достались киргизамъ. Особенно велико было переселеніе изъ Илійскаго округа на сѣверъ, въ бассейны озеръ Сайрама, Эби-нора и отчасти Алакули (рѣка Эмилъ), куда ушло 60 сумуновъ, занявшихъ земли Тарбагатайскаго и Куръ-караусуйскаго округовъ, которые остались пустынными послѣ удаленія дунганей и части киргизовъ на востокъ, къ Урунцу и Манасу. Другая часть илійскихъ калмыковъ уючевала въ намъ, въ Семирѣчье, и частію водворилась тамъ навсегда, частію ожидала случая вновь переселиться въ китайскіе предѣлы. Наконецъ двадцать сумуновъ ушли-было къ своимъ соплеменникамъ на Юдусъ, т. е. въ Тянь-шанскія горы, но должны были вернуться, такъ какъ мѣстные торгоуты и хопоты сами нуждаются въ кочевкахъ. Въ 1871 году часть юдусскаго кочеваго населенія также пришла на сѣверный склонъ Тянь-шаня и расположена по Кунгесу.

На Черномъ Иртышѣ, Урунгу и Кобукъ издавна находятся главныя стоянща торгоутовъ, дурботовъ и хойтовъ, вѣдомства Кобдоскаго и Тарбагатайскаго округовъ. Торгоуты—поколѣніе наиболѣе многочисленное, могущее выставить до 12,300 взрослыхъ всадниковъ, слѣдовательно достигающее численности въ 120,000 душъ. Они вѣдаются въ настоящее время чаганъ-кегемъ, лицомъ столько же правительственнымъ, сколько духовнымъ, отличающимся воинственностью и большимъ вѣсомъ у родовичей и китайцевъ. Дурботы — числомъ до 52,000 душъ, хопоты — 18,000, и хойты — 5,000, держащіеся близъ Чернаго Иртыша, Энтагъ-Алтая и по системѣ озера Кызылъ-баша, доводятъ эту цифру калмыцкаго населенія, оставшагося вѣрнымъ Китаю, до 200,000 душъ. Присоединивъ сюда тѣхъ, которые живутъ у насъ, а также эмигрантовъ изъ Илійскаго округа въ Тарбагатайскій, мы получимъ

что все каалмыцкое население на описываемомъ пространствѣ достигаетъ до 320,000 душъ, о состояніи которыхъ можно сказать совершенно то же, что о киргизахъ, т. е. что это номады, мѣстами занимающіеся земледѣіемъ, нѣмало хищничествомъ, и поставляющіе главное свое богатство въ стадахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, именно бывшіе обитатели Илійскаго округа во время владычества китайцевъ и таранчей, отличаются притомъ крайнею бѣдностью, почему и налоговъ платятъ менѣе. Коренное отличие каалмыковъ отъ киргизовъ состоитъ въ религіи, буддійской, а не мусульманской, и въ подчиненіи частію родовымъ владѣльцамъ, зайсанамъ, частію ламамъ и хутухтамъ, изъ которыхъ одинъ, чаганъ-кагенъ, есть личность весьма вліятельная. Съ политической точки зрѣнія весьма любопытно замѣтить, что каалмыки суть исконные враги киргизовъ.

Каалмыцкія земли, по удобству къ хлѣбопашеству, конечно не лучше нашихъ киргизскихъ степей; но осѣлости у каалмыковъ встрѣчаются чаще, чѣмъ у киргизовъ, потому что у нихъ духовенство обыкновенно живетъ особыми селеніями или общинами, въ родѣ монастырей, какъ, напримѣръ, въ Булуиъ-тоховъ, на Кобукѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

3) *Таранчи* — третье по многочисленности племя изъ живущихъ на чжунгарскомъ пограничномъ пространствѣ — сосредоточены главнымъ образомъ въ Илійскомъ округѣ, гдѣ число ихъ достигаетъ до 39,000 душъ. Центромъ ихъ населенія служитъ Старая Кульджа, а главная масса расселена по деревнямъ на сѣверѣ, востокѣ и югѣ отъ этого города, числомъ девятнадцать. Таранчи суть мало-бухарцы, выселенные на Или изъ Восточнаго Туркестана около ста лѣтъ назадъ китайскимъ правительствомъ, которое всѣчески старалось ослабить безпокойное населеніе Алтышара, расселить его и перемѣшать съ другими народами. Таранчи во многомъ походятъ на нашихъ сартовъ Туркестанскаго края, имѣютъ тѣ же обычаи, тотъ же образъ жизни, состоящій въ занятіяхъ торговлею и земледѣіемъ, но языкъ ихъ не персидскаго, а турецкаго корня. Въ 1867 году они побѣдили въ Илійскомъ округѣ своихъ единовѣрцевъ, дунганъ, и съ тѣхъ поръ владѣли всей территоріей этого округа, подчинивъ себѣ киргизовъ, остатки каалмыковъ, дунганъ, китайцевъ, солоновъ и сибо. Они управлялись султаномъ, вышедшимъ изъ самаго народа, и состоявшимъ подъ нимъ беками. Дунгане, китайцы и проч. были всегда недовольны ими; но киргизы, выходящіе отъ насъ, благосклонно ими принимались

и пользовались ихъ покровительствомъ въ грабежахъ и барантахъ на нашей территоріи. Вслѣдствіе этого, отношенія Россіи къ таранчамъ сдѣлались непріязненны, и какъ илійскій султанъ Абиль-Отти не оказывалъ достаточно вниманія къ нашимъ жалобамъ и продолжалъ укрывать нашихъ бѣглецовъ, то пришлось употребить противъ него силу, что и повело къ завоеванію, лѣтомъ 1871 года, всего Илійскаго округа. Теперь таранчи сплошью управляются нашими участковыми начальниками и поставленными отъ насъ аксакалами. Народъ они осѣдлый, занимаются земледѣліемъ, торговлей и ремеслами; но, въ послѣднемъ отношеніи, должны уступить болѣе развитымъ и трудолюбивымъ дунганамъ.

4) *Дунгане* — выходцы изъ сѣверо-западныхъ провинцій собственнаго Китая, гдѣ они усвоили всѣ китайскіе обычаи, знанія и языкъ, но сохранили мусульманскую вѣру предковъ, переселенцевъ изъ Туркестана. Это народъ способный, энергическій, превосходящій по развитію таранчей. Опрокинувъ власть маньчжуровъ, они желали сохранить миръ съ нами, охраняли цѣлость нашей чугучакской факторіи и не разъ предлагали возстановить торговые связи, на что, впрочемъ, съ нашей стороны, по силѣ дружественныхъ отношеній нашихъ къ Китаю, противъ котораго они явились инсургентами, не получали отвѣта. Въ 1867 году, послѣ ссоры ихъ съ таранчами, они были побѣждены послѣдними въ Или, и часть ихъ ушла къ соплеменникамъ въ Манась и Урумчи, а нѣкоторые остались на сѣверо-западѣ отъ Кульджи въ своихъ ментахъ, т. е. укрѣпленных селеніяхъ. Подчинясь таранчамъ, они однако не сливались съ ними и даже были во враждебныхъ къ нимъ отношеніяхъ, такъ что въ 1871 году, предъ вліятіемъ нами Кульджи, были отчасти впрѣзаны таранчами, и теперь ихъ не болѣе 4,700 душъ, занимающихся торговлей, садоводствомъ, посѣвомъ проса, пшеницы и отчасти даже хлопка и риса. Они живутъ нынѣ въ четырехъ селеніяхъ, изъ которыхъ главное Суйдунъ. Чугучакскіе дунгане въ 1867 году ушли изъ Тарбагатайскаго округа въ Урумчи, почему Чугучакъ опустѣлъ совершенно и обратился въ развалины, изъ которыхъ жители ссѣдлаго нашего селенія, Бактовъ, доставали кирпичъ на постройку. Теперь хотя онъ возобновляется по-немногу китайцами, но едва-ли привлечетъ въ себя дунганъ. Общее число ихъ, оставшіеся на всемъ описываемомъ пространствѣ, какъ видно, не превосходитъ нѣсколькихъ тысячъ, а остальные перебиты вмѣстѣ съ китайцами въ 1866—67 годахъ, или же находятся въ потребительной войнѣ.

отъ Якубъ-бекомъ кашгарскимъ, который въ 1871 году овладѣлъ ихъ главнымъ городомъ Урумчи.

5) Другія народности, жившія до 1865 года въ китайскихъ предѣлахъ, особенно въ Или, именно *маньчжурь, китайцы, чахары, сибь, солонь*, были сильно истреблены во время инсurreкціи, какъ представители китайской власти въ Чжунгаріи. Часть солоней и сибь перешла къ намъ и живетъ теперь на Сарванѣ, гдѣ приняла православную вѣру и зачислена въ казаки; другая, въ числѣ 15,500 душъ, находится въ Кульджинскомъ краѣ, а третья, очень немногочисленная, возвратилась къ китайцамъ, въ Тарбагатайскій округъ. Большинство послѣдней, именно 2,140 человекъ, пробовали въ 1870 году отправиться въ Кокдескій округъ; но за трудностью пути вернулись осенью того же года опять на Коктумъ, а въ 1871 году перешли въ Чугугакъ вмѣстѣ съ тѣми, которые оставались на Калъ-тумѣ, въ числѣ 1,220 человекъ. Къ концу 1871 г. вообще изъ названныхъ пяти народностей оставалось у насъ:

Китайцевъ	3,373
Маньчжуровъ	450
Сибь, на Или	15,448
Чахаровъ	7,476

но сколько ихъ имѣется теперь, а такъ же сколько ихъ есть въ предѣлахъ Тарбагатайскаго и Куръ-караусуйскаго округовъ, т. е. на китайскихъ земляхъ, неизвѣстно. Вѣроятно, впрочемъ, что это число не превосходитъ 4,000—5,000 душъ. На Булунъ-тохой и на р. Киренѣ, въ Алтайскихъ горахъ, ими основаны два городка: Булунъ-тохой и Тулта.

6) *Сибирскіе татары и сарты*, русскіе подданные, проживаютъ, въ числѣ около 4,700 душъ, въ Вѣрномъ, Коналѣ, Кокбектахъ и особенно въ Семиналатинскѣ, а частію по ауламъ киргизовъ, гдѣ занимаются торговлею или обученіемъ киргизскихъ мальчиковъ грамотѣ. Нѣкоторые изъ бѣглыхъ коканскихъ мусульманъ, поселившихся среди нашихъ номадовъ, называются къ краѣ *челокзаксами*.

7) *Русскіе* — позднѣйшіе изъ всѣхъ пришельцевъ въ прежней Чжунгаріи и нынѣ господствующій на описываемыхъ пространствахъ народъ — разселены тремя главными группами: на сѣверѣ, по Иртышу и его правымъ протокамъ; въ срединѣ, у сѣверной подошвы Чжунгарскаго Алатау, и на югѣ, у сѣверной же подошвы Запѣйскаго Алатау. Кромѣ того, отдѣльныя поселенія ихъ находятся въ Кокбектахъ, на Курчумѣ, въ Зайсанскомъ постѣ, Сергіополѣ, Урдмарѣ, Бактахъ и Ворохудирѣ. Большинство русскихъ принадлежитъ къ

военному сословию, солдаты и казаковъ, изъ которыхъ послѣднѣе всѣ занимаются земледѣлѣемъ и перѣдко также имѣютъ значительныя стада скота. Купцовъ же и ремесленниковъ между русскими немного, и они особенно сосредоточены въ Семипалатинскѣ, Копалѣ и Вѣрномъ. Слѣдующій перечень населенныхъ пунктовъ показываетъ состояніе русской колонизаціи въ 1872 году:

а) *На Иртышѣ*, съ административными центрами въ Семипалатинскѣ и Усть-Каменогоркѣ, 36 селеній, начиная отъ форпоста Бѣлокаменскаго до Мало-Нарынскаго и до селенія Котонъ-карагай на рѣкѣ Бухтармѣ. Въ этихъ 36 селеніяхъ, съ городами въ томъ числѣ, есть русскихъ болѣе 12,500 душъ.

б) Между *Иртышемъ и Илею*, 26 селеній, съ 12,000 жителей, частью казаковъ, частью крестьянъ. Главные изъ этихъ осѣдлостей суть Зайсанскій постъ, Кокбекты, Урджаръ, Сергіополь, станица Лепсинская и городъ Копаль.

в) *На югъ отъ Им.*, десять селеній, съ 9,000 жителями, сосредоточенными главнымъ образомъ въ станицахъ Большой и Малой Алматинскихъ, Иссыкской, Талгарской и Каскеленской, изъ которыхъ двѣ первыя образуютъ городъ Вѣрный, имѣющій вмѣстѣ съ татарской слободой, до 10,000 душъ.

Всего, съ регулярными войсками, которыя расположены въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ 12 пунктовъ, имѣется русскихъ до 37,000 душъ; изъ нихъ, впрочемъ, не болѣе 12,000 на обширномъ пространствѣ между Иртышемъ и Илею, почему нынѣ обращено вниманіе на усиленіе русской колонизаціи въ этихъ мѣстахъ. Замѣтимъ вообще, что чжунгарская окраина у насъ населена лучше всѣхъ прочихъ степей, отчасти потому, что здѣсь много высокихъ горъ и, слѣдовательно, подгорныхъ оазисовъ, отчасти по той причинѣ, что здѣсь съ самаго начала колонизаціи мы приходили въ торговныя связи съ осѣдлымъ населеніемъ сосѣднихъ китайскихъ провинцій; ибо эти связи упрочивали положеніе нашихъ колонистовъ и привлекали новыхъ. Наконецъ заилійскія поселенія, возникшія послѣ другихъ, много обязаны своимъ процвѣтаніемъ разнымъ временнымъ покровительственнымъ мѣрамъ и счастливому положенію ихъ на торговомъ распутии между Кульджею, Ташкентомъ, Кашгаромъ и Семипалатинскомъ.

Вообще изъ русскихъ поселеній заслуживаютъ вниманія:

Семипалатинскъ, на правомъ берегу Иртыша, съ 14,000 жителей, исходный путь дорогъ, ведущихъ на Алтай, въ Кобдо, въ Чугучакъ и, чрезъ Копаль, въ Кульджу и Вѣрный. Въ 1850-хъ годахъ онъ

сѣлъ значительную торговлю съ Чугучакомъ; но теперь его купцы, главнымъ образомъ татары, занимаются почти исключительно мелочною торговлею въ степи.

Зайсанскій постъ — передовой пунктъ нашъ въ сѣверной половинѣ Чжунгаріи, довольно быстро развившійся до степени порядочнаго селенія.

Коназъ — городъ съ 4,200 жителей — средоточіе подгорнаго оазиса Чжунгарскаго Алатау.

Ст. Лепсинская — самая большая земледѣльческая русская колонія въ пространствѣ между Иртышемъ и Или, жители которой, если бы не были преданы пьянству, могли бы быть очень зажиточны.

Вирный — городъ, возникшій не далѣе какъ въ 1855 году, но сдѣлавшій большіе успѣхи и въ послѣднее время и имѣющій уже отчасти каменные постройки. Центръ нашихъ военныхъ силъ и средствъ въ Приилійскомъ краѣ, съ порядочнымъ укрѣпленіемъ, казармами, госпиталемъ и проч. Много лавокъ, двѣ церкви, садъ; мѣстопробываніе православнаго архіерея.

Кульджа, старая или таранчинская, на правомъ берегу Или, въ центрѣ довольно густозаселеннаго оазиса, съ 4,000 собственныхъ жителей, — средоточіе теперешняго управленія Кульджинскимъ округомъ, хотя при китайцахъ для этого служила новая или маньчжурская Кульджа, большой городъ, быть можетъ съ 60,000 жителей, большую частію истребленныхъ во время возстанія или разбѣжавшихся.

У китайцевъ пока нѣтъ заслуживающихъ вниманія городовъ и мѣстечекъ, потому что *Чугучакъ* едва возникаетъ изъ развалинъ. *Куръ-кара-гусу* остается разрушеннымъ, *Бумутъ-тохой* и *Тумта* (резиденція чаганъ - хегеня) очень ничтожны, а *Шиго* и *Дакіамза*, два селенія, возникшія изъ остатковъ китайскаго населенія Илийскаго округа, суть не болѣе какъ скопленія нѣсколькихъ бѣдныхъ домовъ.

Бъ исчисленнымъ народностямъ, для полноты обзора, можно еще присоединить небольшое число *урматовъ*, разбѣянныхъ въ южныхъ частяхъ алтайской горной страны. Они живутъ по рѣкамъ, текущимъ справа въ Черный Иртышъ, и очень малочисленны. Затѣмъ все населеніе описываемаго пространства представить намъ, въ окончательныхъ итогахъ, слѣдующее:

Киргизовъ	580,000
Калмыковъ	320,000
Монголовъ-чакаровъ и маньчжуровъ	8,500
Таранчей въ Кульджинскомъ округѣ	38,200
Татаръ и сартовъ въ Семирѣченской и Семирѣченской областяхъ	4,700
Дунганъ	4,700
Китайцевъ	4,000
Солоновъ и сибиряковъ	16,000
Урянховъ, вѣроятно менѣе тысячи	?
Русскихъ	37,000

Итого 1,009,100

Если вѣрить китайскимъ извѣстіямъ, что въ 1756 году было истреблено войсками Средняго царства именно столько же народа, составлявшаго почти все населеніе Чжунгарскаго царства, и что затѣмъ даже вѣковая колонизація, соединенная съ обработкой земель, не привела къ большей цифрѣ, то можно сказать, что въ эпоху сколько-нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній чжунгарское пограничное пространство не заключало въ себѣ болѣе 1,100,000—1,200,000 жителей. И, судя потому, что нынѣ уже не осталось почти свободныхъ земель, годныхъ для обработки, надо допустить, что эта цифра есть *предѣльная* для страны, которая однако въ полтора раза болѣе Франціи. Таково вліяніе непроизводительности почвы, зависящее, въ свою очередь, отъ сухости климата. Лучшая по плодородію часть страны есть Кульджинскій округъ, и тамъ мы видимъ наибольшую густоту населенія, хотя густоту весьма относительную, ибо на квадратную милю приходится не свыше 127 душъ. Экономическое состояніе населенія также доказываетъ, что край принадлежитъ къ весьма бѣднымъ, какъ видно изъ слѣдующаго. Главную и почти единственную промышленность страны составляетъ *скотоводство*. Если принять за основу наши офиціальныя счисленія скота въ областяхъ Семирѣченской и Семирѣченской, въ которыхъ на пространствѣ семи уѣздовъ живетъ около 480,000 киргизовъ, то все 900-тысячное кочевое населеніе края имѣетъ около 900,000 головъ крупнаго скота (лошадей, коровъ, верблюдовъ) и 4,000,000 овецъ, т. е. по одной крупной и по 4¹/₂ мелкихъ скотины на душу. Переводя это въ деньги, по самымъ высшимъ среднимъ цѣнамъ, 25 руб. за крупную и 2 рубля за мелкую скотину, мы получимъ, что всѣ достатки кочевого населенія страны прости-

раются въ капиталѣ до 31,000,000 руб., по 34¹/₂ рубля на душу.

Если даже допустить, что взаимнѣ ничтожности этого капитала процентъ съ него — въ видѣ кумыса, омыра, шерсти, овчинъ, сала, и пр. — очень великъ, напримѣръ $\frac{1}{4}$ стоимости всего имущества (25%, что невѣроятно), то все же мы получимъ годового дохода (пусть даже онъ весь считается за чистый) не болѣе 8¹/₂ рублей на душу или 40 рублей на семью. Самый бѣдный латышъ или бѣлоруссъ является капиталистомъ передъ такимъ пролетаріемъ Средней Азіи.

Конечно, кочевники имѣютъ, кромѣ доходовъ отъ стадъ, нѣкоторыя выручки отъ другихъ занятій, напримѣръ отъ хлѣбопашества, отъ перевозки кладей, отъ нѣкоторыхъ ремеслъ: но все это есть уже доходъ придаточный и рѣдко значительный. Притомъ онъ едва въ состояніи покрывать тѣ потери, которыя номады часто терпятъ отъ падежа скота, при буранахъ и гололедахъ зимою или при сибирской язвѣ, сапѣ и пр. лѣтомъ. Вотъ почему мы видимъ, что, несмотря на ознакомленіе, около русскихъ и китайцевъ, со многими заманчивыми улучшеніями быта, кочевой среднеазіецъ не ввелъ у себя этихъ улучшеній: они выше его средствъ, выше способствъ, которые ему доставляетъ родная почва. И какъ на увеличеніе производительности этой почвы нѣтъ пока надеждъ, то бѣдность есть вѣчный удѣлъ массы всякаго кочевого населенія. И если еще осѣдлые пришельцы займутъ всѣ земли, годныя подъ пашни, то есть всю почву сколько-нибудь производительную, то номады должны будутъ сильно уменьшиться въ числѣ, потому что имъ и стадамъ ихъ придется плохо. О томъ же, какъ далекъ этотъ моментъ отъ нашего времени, можно отчасти судить потому, что на пространствахъ Семирѣченской области (6,300 квадратныхъ миль) мѣстныя власти въ 1871 году не нашли свободныхъ земель болѣе, какъ на 1,800 семей.

Послѣ скотоводства главный промыселъ населенія есть *хлѣбопашество*, которымъ, конечно, занимаются, главнымъ образомъ, осѣдлыя племена, таранчи, дунгане, китайцы и русскіе, и лишь отчасти киргизы и калмыки *). Что урожай въ мѣстахъ обильно орошаемыхъ выходитъ хороши (самъ 15—20 и 30), это справедливо;

*) Киргизское хлѣбопашество болѣе всего развито въ уѣздахъ Зайсанскомъ, Екпальскомъ и Вірневскомъ, а калмыцкое въблизи Алтая и Тарбагатай. Кромѣ названныхъ племенъ, къ земледѣльцамъ можно причислить сомоновъ и сябо.

но что количество хлѣба для *всего* населенія далеко недостаточно, это доказывается сборами съ пашень у киргизовъ и самими цѣнами на хлѣбъ. Въ Зайсанскомъ приставствѣ, гдѣ земледѣліе наиболѣе развито, изъ 10,000 семействъ киргизовъ занимаются воздѣлываніемъ почвы не болѣе 950, и они почти ничего не продаютъ на сторону, а весь урожай потребляютъ сами; остальные 9,000 семействъ, стало быть, живутъ однимъ скотоводствомъ. Цѣны на хлѣбъ въ обѣихъ нашихъ областяхъ, за пять лѣтъ (1866—1870), были, среднимъ числомъ, 7 руб. 30 коп. за четверть въ девять пудовъ ржи, несмотря на то, что ~~возвоза~~ за предѣлы страны нѣтъ, населеніе нигдѣ не сгущено массами и что въ сосѣдней Тобольской губерніи рожь обходилась казнѣ не свыше 4 руб. 87 коп., а въ Томской 5 руб. 50 коп. И какъ, по самой щедрой оцѣнкѣ, на *всемъ* пространствѣ отъ Иртыша до Тянь-шаня и отъ Балхаша до верховій Или и Чернаго Иртыша есть едва-ли болѣе 300 кв. миль земель годныхъ подъ пашню, то очевидно, что широкаго развитія хлѣбопашество никогда не получитъ, а цѣны на хлѣбъ все будутъ расти вмѣстѣ съ возрастаніемъ населенія.

Другіе промыслы въ краѣ, кромѣ хлѣбопашества и скотоводства, почти ничтожны. Небольшіе избытки русскаго хлѣба находятъ сбытъ на винокуренныхъ заводахъ въ станицѣ Левинской и въ городѣ Вѣрномъ. Массы же овчинъ, сала и бычачьихъ шкуръ идутъ вонъ изъ края, гдѣ обрабатывать ихъ не умѣютъ и гдѣ носить обувь изъ Кунгура или Ташкента, жгутъ свѣчи изъ Петропавловска или Екатеринбурга и одѣваются въ сукно, привозимое изъ Европейской Россіи.

Лѣсоводство въ краѣ невозможно, за исключеніемъ мѣстъ гористыхъ; гдѣ однако лѣса не только не разводятся, а дѣйтельно уничтожаются, не смотря на запрещеніе. Въ равнинахъ лѣсъ встрѣчается только у Хоргоса и вообще въ сѣверо-западной части Кульджинскаго округа; но здѣсь онъ разведенъ искусственно, при помощи орошенія.

Второстепенныя занятія: садоводство (кромѣ Кульджинскаго округа), пчеловодство, разведеніе цѣлебныхъ и красивыхъ растений и проч. почти ничтожны по размѣрамъ. Винодѣліе невозможно по климату, хотя виноградъ и есть на Или.

Одни приготовленіе войлоковъ и рыбныя ловли на Зайсанѣ, Ала-кулѣ и Балхашѣ имѣютъ будущность; но зайсанское рыболовство уже почти не принадлежитъ краю, ибо имъ пользуются люди, живущіе на сѣверъ отъ Иртыша; туземцы же очень немного.

Тяжелой, вообще всѣхъ мануфактурныхъ надѣлій страна не производитъ никакихъ, получая ихъ изъ Россіи, Туркестана, а въ прежнее время и изъ Китая.

Рудныя богатства разрабатываются въ двухъ мѣстностяхъ: въ бывшемъ Кокбектинскомъ округѣ (золото, свинецъ, мѣдь) и въ Кульджинскомъ (свинецъ, жалѣзо, мѣдь, каменный уголь); но все это въ размѣрахъ незначительныхъ, такъ какъ въ областяхъ Семипалатинской и Семирѣченской на всѣхъ рудныхъ мѣсторожденіяхъ не болѣе 1,500 рабочихъ, а въ Кульджинскомъ округѣ даже гораздо менѣе, хотя тамъ добывается отъ 600 до 800,000 п. угли. Впрочемъ добываніе послѣдняго и серебро-свинцовыхъ рудъ можетъ увеличить число горнопромышленнаго народа еще на нѣсколько сотъ или даже тысячъ человѣкъ, но вообще разширеніе руднаго промысла возвыситъ цѣну на топливо, которое и безъ того дорого.

Все это приводитъ къ заключенію, что Чжунгарское пограничное пространство, по самымъ пореннымъ свойствамъ своей природы, есть страна неспособная давать значительныхъ доходовъ. Во времена китайскаго владычества въ Илійскомъ округѣ, лучшей части всей страны, пекинское правительство даже было постоянно въ убыткѣ отъ этого владѣнія, и неизвѣстно еще, будетъ ли оно, при правильномъ устройствѣ администраціи, приносить доходъ намъ.

Военный обзоръ.

Изъ предыдущихъ данныхъ, топографическихъ и экономическихъ, не трудно вывести слѣдующія положенія, важныя съ военной точки зрѣнія:

1) Все пограничное пространство чжунгарскаго участка, какъ съ нашей стороны, такъ и съ китайской, есть степь съ значительнымъ, впрочемъ, числомъ оазисовъ. Всѣ оазисовъ, лежащихъ подъ горами, военныя дѣйствія сколько-нибудь значительными массами войскъ неудобны.

2) Государственная граница на столько длинна, что единство управленія военными силами, дѣйствующими на ней, въ строгомъ смыслѣ, недостижимо, по крайней мѣрѣ до повсемѣстнаго устройства телеграфовъ. Но какъ эта граница все же отдѣляетъ насъ отъ *одного* государства, то единство высшей военной власти на ней не только желательно, но даже необходимо. Особенно важно это единство потому, что незначительность тѣхъ военныхъ силъ, которыя Россія въ состояніи держать въ названныхъ мѣстностяхъ,

нужно вознаграждать искуснымъ расположеніемъ ихъ, согласованіемъ дѣйствій и изворотливостью, которыя достижимы лишь при единствѣ власти.

3) Очертаніе (configuration) границы неблагоприятно для ея охраненія, ибо есть значительныя отступленія отъ прямой, т. е. кратчайшей линіи. Особенно неудобна, въ этомъ смыслѣ, приобретенная въ 1869 году часть территоріи на югѣ отъ Зайсана, потому что для охраны ея съ трехъ сторонъ необходимо держать значительные отряды въ этой мѣстности, а мѣстность почти ничего не производитъ и, слѣдовательно, никогда не будетъ вмѣщать въ себѣ большого осѣдлаго населенія, которое бы само защищало край и содѣйствовало удешевленію продовольствія войскъ.

4) Естественная бѣдность всей вообще страны между Алтаемъ и Тинь-шанемъ причиною, что здѣсь никогда нельзя будетъ имѣть значительнаго числа войскъ. Конечно, пока туземцы, покоренные нами и Китаемъ, останутся невѣжественными и немощными въ военномъ дѣлѣ, это не представляетъ большой опасности; но если они образуются и займутъ общее дѣло, то положеніе этой части границы можетъ сдѣлаться затруднительнымъ.

5) Даже не предполагая поголовнаго возстанія, необходимо имѣть въ виду, что туземцы, хотя и подданные, не только не составляютъ вспомогательной силы на случай войны, но именно тогда-то потребуютъ за собой усиленнаго надзора, потому что, по хищной своей природѣ, безнаказанно могутъ собираться мелкими шайками и дѣлать нападенія на транспорты, на станціи въ степи и даже на населенные пункты, незанятые войсками. Запасовъ же для войскъ, кромѣ скота, они нигде ихъ доставлять не въ состояніи. Это замѣчаніе вообще примѣнимо ко всѣмъ нашимъ степнымъ владѣніямъ.

6) Главные театры возможныхъ военныхъ дѣйствій обозначены самой природою: это долины Или, Эмиліи и Чернаго Иртыша. Первая изъ нихъ, впрочемъ, принадлежитъ намъ, въ настоящее время, сплошная, и какъ она обставлена со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, горами, то можно только желать, чтобы ея южная, восточная и сѣверная границы стали окончательно государственными рубежами.

7) Въ долинѣ Эмиліи или, правильнѣе, въ бассейнѣ Ала-куля, важнейшія въ военномъ отношеніи мѣстности суть подгорья Чжунгарскаго Алатау и Тарбагатай, особенно урочища Каптагай, Багги и Чаганъ-обо. На нихъ слѣдуетъ держать, и отчасти дѣйстви-

тельно содержатся, отряды, чтобы защищать даже въ мирное время нашу стѣну отъ вторженія хищныхъ кизяевъ, байджигитовъ и торговцевъ.

8) Въ долину Чернаго Иртыша Зайсанскій постъ удовлетворяетъ до извѣстной степени требованіямъ опорнаго пункта для дѣйствій въ окрестности мѣстности; но онъ слишкомъ отдаленъ отъ иртышской линіи и сосѣднихъ нашихъ станицъ и укрѣпленій, почему можетъ подвергнуться нѣкоторой опасности, тѣмъ болѣе, что лежитъ не на самомъ Черномъ Иртышѣ, гдѣ была бы возможность сообщенія водою, а въ сторонѣ.

9) Бухтарминская долина не лишена важности въ случаѣ движенія на Кобдо, ибо она представляетъ не только кратчайшую, но и удобѣйшую дорогу туда.

10) По всѣмъ путямъ поперекъ границы отряды могутъ двигаться только съ выѣздами и лишь мѣстами съ колесными обозами. Базисами для ихъ движеній, очевидно, могутъ служить, главнымъ образомъ, пункты на большой дорогѣ изъ Семипалатинска въ Вѣрный, т. е. пункты, лежащіе, во-первыхъ, на разстояніи 150 — 250 верстъ отъ границы, во-вторыхъ, связанные между собою одною дорогою, малонаселенною и проходящею черезъ кочевья номадовъ, которыхъ преданность очень условна. И эта дорога, по которой одной мы можемъ направлять наши вспомогательныя средства въ край, идетъ не перпендикулярно къ границѣ изнутри государства, а параллельно граничной чертѣ, съ лѣваго ея фланга. Вотъ почему, если со стороны Китая послѣдуетъ нападеніе въ бассейнѣ Иртыша или Эмилы, то все пространство, къ югу лежащее, будетъ разобщено съ имперією, ибо на связь съ Сыръ-дарьинскою областю много рассчитывать невозможно. Только теперешняя слабость Китая, временно, отнимаетъ значеніе у этого замѣчанія и облегчаетъ наши задачи при оборонѣ чжунгарскаго фронта границы.

11) Изъ предыдущаго видно, что военныя силы наши на этомъ фронтѣ должны быть на столько значительны, чтобы могли дѣйствовать самостоятельно, и притомъ нѣсколькими отрядами. По свойству возможнаго непріятеля, необходимо въ составѣ ихъ имѣть достаточно кавалеріи; но самые отряды, конечно, могутъ быть малочисленны.

12) На каждомъ изъ трехъ возможныхъ театровъ войны къ сторонѣ Чжунгаріи, т. е. у подножія Небесныхъ горъ и въ долинкахъ Эмилы и Иртыша, необходимо имѣть для базиса укрѣпленіе; кромѣ того, для связи Эмилскаго бассейна съ Илійскимъ, еще одно про-

межуточное. Это и достигнуто уже устройством Зайсанскаго поста Сергіополя, Копала и Вѣрнаго. На Или есть, кромѣ того, тѣтенонъ, у переправы черезъ нее близъ устья рѣки Талгара. Въ Кульджинскомъ же округѣ многія селенія обнесены глиняными стѣнами.

Изложенныя здѣсь соображенія, естественно, уже приняты въ расчетъ при распредѣленіи нашихъ военныхъ силъ и средствъ въ областяхъ Семипалатинской и Семирѣченской, а потому подробности этого распредѣленія здѣсь опускаются.

Управленіе военными силами раздѣлено между двумя военными губернаторами, семипалатинскимъ и семирѣченскимъ, и изъ нихъ первый подчиненъ командующему войсками Западно-Сибирскаго округа въ Омскѣ, а второй Туркестанскаго, въ Ташкентѣ: раздѣленіе не во всѣхъ случаяхъ выгодное и не существовавшее до 1867 г.

Военно-учебныхъ (не считая омской военной гимназіи и прогимназіи) и военно-техническихъ учреждений въ край нѣтъ никакихъ; для исправленія артиллерій войска должны обращаться или въ Омскъ или въ Ташкентъ, а ручное оружіе, для важныхъ поправокъ, отсылать даже въ Европейскую Россію.

Порохомъ войска снабжаются изъ Казани (2,500—3,500 верстъ), снарядами получаютъ съ Урала (1,700—2,700 верстъ).

Артиллерійскіе и инженерные запасы находятся въ Усть-Каменогорскѣ, Сергіополѣ, Копалѣ и Вѣрномъ, но всѣ они невелики. Укрѣпленія существуютъ: въ Усть-Каменогорскѣ (упразднено, но верки цѣлы), въ Сергіополѣ, Копалѣ, на Или (мостовое, на лѣвомъ берегу), въ Вѣрномъ и въ нѣсколькихъ пунктахъ Кульджинскаго округа, гдѣ многія селенія (кенты) и городъ Кульджа имѣютъ стѣны среднеазиатской постройки.

Военныя больницы, разныхъ наименованій, находятся въ Семипалатинскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Кокбейтахъ, Бактахъ, Копалѣ, Вѣрномъ и Кульджѣ; важнѣйшія изъ нихъ въ Семипалатинскѣ и Вѣрномъ.

Провіантскіе магазины расположены: въ Семипалатинскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Кокбейтахъ, Котонъ-Карагаѣ, на Зайсанскомъ посту, на пикетахъ Джерташскомъ и Альджанъ-адировскомъ—Семипалатинской области; въ Сергіополѣ, на Бактахъ, на Васанѣ, въ станицѣ Лепсинской, въ Копалѣ, на пикетѣ Царицынскомъ, на Бороудзирѣ, на Или, въ Вѣрномъ, въ Кульджѣ, на Текесѣ—Семирѣченской области. По сложности послѣднихъ пяти лѣтъ (18^{66/71}), для нихъ заготовлялось ежегодно:

Муки . . .	27,000	четвертей по средней цѣнѣ	7 р. 30 к. за четверть.
Крупъ . . .	3,700	» » » »	8 » 52 » » »
Овса . . .	26,700	» » » »	8 » 57 » » »
Сѣна . . .	87,000	» » » »	— » 10 » » пудъ.

Приварочныя деньги отпускаются въ Семипалатинской области по двѣнадцати рублей серебромъ въ годъ на человѣка, а въ Семирѣченской по девяти рублей. Офицеры довольствуются жалованьемъ по усиленному окладу, какъ и вездѣ въ степяхъ.

Вещевыхъ интендантскихъ складовъ нѣтъ въ краѣ, а войска получаютъ предметы одежды и аммуниціи изъ Омска и Ташкента, причемъ обходится казѣ:

Аршинъ солдатскаго сукна	1 рубль 45 к.
» бумажнаго холста на рубашку (такъ называемой маты, въ Се- мирѣченской области)	— » 22 »
Сапожный товаръ на пару, т. е. голе- нищи, переда и подошвы	1 » 72 »

Перевозка тяжестей удобнѣе и дешевле всего совершается весной и осенью, и тогда на сто верстъ съ пуда можно имѣть—по тракту между Семипалатинскомъ и Вѣрнимъ—возчиковъ за десять или одиннадцать копеекъ; но лѣтомъ, а особенно зимою, цѣны возвышаются. То же бываетъ при неурожаяхъ травъ и овса въ степи во всякое время года.

Мусульманское возстаніе въ Моголии и Чжунгаріи.

Въ заключеніе настоящаго обзора Чжунгарскаго пограничнаго пространства и для поясненія политическаго состоянія его, а равно и китайскихъ владѣній въ пограничныхъ тамъ частяхъ Монголіи, приводимъ слѣдующія свѣдѣнія о возмущеніи дунганей и вообще мусульманъ въ этихъ странахъ, которое имѣло самое рѣшительное вліяніе на современное ихъ состояніе.

Возстаніе тайпинговъ, значительно уже ослабившее Китай и опустошившее его внутреннія провинціи Ань-хой, Шань-дунъ, Цзянь-су, Чже-цзянь, Цзянь-си, Ху-бей, Ху-нань и Куанъ-си, было еще въ самомъ разгарѣ (1857—62), когда вспыхнулъ цѣлый рядъ инсургенцій на западныхъ окраинахъ Китайской имперіи. Характеръ этихъ мятежей были, однако, различны, а потому тайпинги и пограничные инсургенты (нинфыи, дунгане) почти никогда не сливались, не дѣйствовали совокупно, и это, быть можетъ, спасло Китай-

свое государство от распада. Тайпинги прежде всего считали себя патриотами, чисто китайскою партией, стремившеюся изгнать изъ Средняго царства прицельцевъ-маньчжуръ и возстановить національность царствующей династїи; инсургенты-магометане, напротивъ, стремились избавиться отъ владычества именно китайцевъ, къ которымъ питаютъ непримиримую религіозную ненависть. Тайпинги проповѣдывали введеніе новаго вѣроученія; инсургенты-магометане твердо стояли за старинный исламъ. Кроме того, и во внѣшнемъ ходѣ обѣихъ междоусобій была значительная разница. Тайпинги составляли одно цѣлое, подѣ властію «Небеснаго царя»; они дѣйствовали большими массами, составленными изъ людей разныхъ провинцій; они дѣлали дальніе походы, почти до самаго Пекина; кинфен и дунгане постоянно были раздроблены, ибо не удалялись отъ своихъ мѣсторожденій, разбросанныхъ отдѣльно группами по сѣверо-западу Небесной имперіи; они никогда не имѣли одного общаго вождя, а только сражались во имя общей идеи.

Мусульмане подняли оружіе противъ Китая почти одновременно (1857—63 г.) въ четырехъ разныхъ мѣстностяхъ: въ Юнь-нань, въ Гань-су, въ Восточномъ Туркестанѣ и въ Чжунгаріи. Но только въ первой провинціи они успѣли почти съ самаго начала мятежа образовать временную монархію подѣ владычествомъ султана Сулеймана, проживавшаго въ Да-ли-фу. *); въ прочихъ же мѣстностяхъ отдѣльныя мусульманскія общины, по мѣрѣ освобожденія отъ китайской власти, сопровождавшагося истребленіемъ мѣстныхъ китайцевъ и маньчжуръ, по долгу оставались жить самостоятельными мелкими группами. И только тамъ, гдѣ дунгане должны были уступить господство туркестанцамъ (таранчамъ), образовались, съ теченіемъ времени, еще два государства: Джитышаръ, подѣ властію прицельца-завоевателя Якубъ-бека, и Кульджа, подѣ властію выборнаго султана Абиля-огля, подобнаго Сулейману далифускому.

Не входя въ разборъ историческихъ судебъ мусульманскаго возстанія, а останавливаясь только на близкой современности, замѣтимъ, что къ началу 1870 года оно представляло слѣдующее: юнь-наньская группа обособилась совершенно и поддерживалась только труднодоступностью горной мѣстности, надѣ которой царствовалъ Сулейманъ. Въ Гань-су шла наиболѣе настойчивая борьба противъ китайцевъ, часто терпѣвшихъ пораженія. Города Сининъ-фу,

*) Монархія эта разрушена китайцами не ранѣе 1872 года.

Да-тунъ, Гань-чжеу, Хо-чжеу и другіе составляли центры мятежниковъ, которые отсюда вторгались и въ Шень-си, гдѣ, наконецъ, были въ 1870 году разбиты Цзо-цзунъ-таномъ. Въ Урумчи управлялъ выборный старшина Лотай, въ Кашгарѣ — Якубъ-бекъ, въ Кульджѣ — Абиля-оглы, слабый, боявшійся русскихъ, и потому готовый подчиниться Якубъ-беку кашгарскому, который въ теченіе шести лѣтъ успѣлъ объединить почти весь Восточный Туркестанъ (за исключеніемъ Хаму). Въ 1871 году безпорядки, поддерживаемые кульджинскими магометанами среди нашихъ киргизовъ, и дерзкій тонъ султана, по отношенію къ нашимъ пограничнымъ властямъ, вынудили насъ къ завоеванію Кульджи. Якубъ-бекъ въ 1872 году вступилъ съ нами въ правильныя международныя сношенія и, слѣдовательно, пересталъ (для насъ) быть инсurreкціоннымъ вождемъ. Такимъ образомъ, въ 1872 году, въ одной лишь пограничной съ Россіею части Китайской имперіи, Монголіи, безпорядки, возбужденные мусульманскою инсurreкціею, не утихали. Объ нихъ-то и излагаются здѣсь свѣдѣнія, извлеченныя изъ донесенія ургинскаго консула Шишмарева въ Азіатскій департаментъ отъ 29 февраля 1872 года, изъ записки генеральнаго штаба подполковника Барабаша и изъ новѣйшихъ извѣстій, полученныхъ черезъ Западную Сибирь и Пекинъ.

Главные исходныя пункты безпорядковъ въ Монголіи суть: Сининъ-фу, Гань-чжеу, Су-чжеу, Да-тунъ, Хо-чжеу и окрестности этихъ городовъ по рѣкамъ Салънъ, Датунъ, Бэй-чуанъ, Таолай, Хунъ-шуй, Эцзине-голь, почти до г. Ань-си. Здѣсь являются перерывъ: Ань-си и Хами находятся въ рукахъ китайцевъ, и еще зимою 1870 — 71 годовъ тутъ проѣхало изъ сѣверной Монголіи нѣсколько богомольцевъ въ Тибетъ, хотя въ 1872 году халкассіе послы, собиравшіеся въ Хлассу за кутухтою для Урги, предпочитали путь на Пекинъ и Синчуанъ.

Отъ Хами къ западу лежитъ второй раіонъ возстанія, съ центромъ въ Урумчи.

Между Сининъ-фу и Ань-си почти полная анархія и безурядица. Жители городовъ еще ведутъ торговлю и занимаются хлѣбопашествомъ; но окрестности ихъ, а въ особенности по рѣкамъ Салънъ, Датунъ, Бэй-чуанъ и Таолай, наполнены грабителями. Не малый приливъ послѣднихъ былъ послѣ разбитія мятежниковъ на западной границѣ Шень-сйской губерніи Цзо-цзунъ-таномъ. Всѣ почти китайскія поселенія тутъ истреблены, жители вырѣзаны,

а постройки обращены въ развалины. Только случайно маленькія городокъ Дань-горь, между Датунемъ и Сининь-фу, уцѣлѣлъ.

Общаго центральнаго правительства у инсургентовъ нѣтъ. Дѣйствующія власти суть ахунны, какъ духовныя лица, имѣющія вліяніе на народъ; но власть ихъ шатка, и они потворствуютъ грабежамъ или даже поощряютъ ихъ. Большимъ значеніемъ пользуются ахунъ города Су-чжеу и ахунъ Эйца въ городѣ Датунѣ. Послѣдній, какъ говорятъ, ведетъ дѣла такъ, чтобы при первомъ случаѣ можно было заявить покорность китайскому правительству. въ нѣкоторыхъ городахъ остаются китайскіе чиновники, безъ всякой власти, и солдаты, какъ хладнокровные наблюдатели проходащаго, подъ условіемъ сидѣть смирно. Случается, что китайскихъ чиновниковъ заставляютъ писать рапорты въ Пекинъ съ просьбою о деньгахъ, и послѣднія высылаются правительствомъ. Города Лянь-чжеу и Чжуань-лань управляются китайскими чиновниками, хотя кругомъ ихъ бродятъ разбойники. Лянь-чжеу даже имѣетъ обширное хлѣбопашество и снабжаетъ провіантомъ Лань-чжеу-фу, главный городъ губерніи Гань-су.

Въ сѣверную Монголію мусульманскіе инсургенты впервые явились въ 1869 году изъ Гань-су; они занимались тогда лишь маленькими грабежами въ южной части Халки. Въ 1870 году составила уже масса въ 3,000 человекъ, часть которой проникла до резиденціи Соинь-ноина и разорила ее вмѣстѣ съ богатымъ монастыремъ Ламинь-гегень и множествомъ ламайскихъ кумирень. Затѣмъ были сдѣланы движенія: на Ургу (неудавшееся) и на Улясутай; въ октябрѣ 1870 года послѣдній былъ разграбленъ. Въ слѣдующемъ году вторженія начались съ мая мѣсяца и опирались, повидимому, на единомышленниковъ среди монголовъ, изъ которыхъ у одного найдена была записка, извѣщавшая о планѣ инсургентовъ вторгнуться въ хошунъ Мергентъ-вана. Несмотря на казни многихъ монголовъ въ Урѣ и на высылку охранительныхъ отрядовъ въ хошунъ Мергентъ-вана, грабежъ послѣдняго состоялся, но при отступленіи мятежники были отчасти разбиты и лишились доли награбленнаго. Въ августъ вторженіе повторилось, и на этотъ разъ шайка въ 1,000 человекъ направила на Ургу (гдѣ между тѣмъ былъ уже нашъ отрядъ изъ 2 ротъ, 1 сотни и 2 орудій). Но двинутыми противъ нея монгольскими отрядами: Боке-очира, 600 чел., изъ Урги, гуна-Чимита, 300 чел., изъ Эрдени-цзао, и Дорджи, 700 человекъ, съ рѣки Туя, была окружена и спаслась только по оплошности, а можетъ быть и за измѣною,

одного изъ названныхъ начальниковъ. Въ 1872 году, послѣ занятія нами Кульджи, а Якубъ-бекомъ Уруми и послѣ высылки многихъ подрѣзанныхъ въ Монголію изъ Китая, положеніе дѣлъ китайцевъ улучшилось. Они усилились въ Ань-си, Хами, Баркулѣ, Уласутаѣ, Кобдо, Ургѣ, такъ что нашъ отрядъ изъ послѣдней былъ выведенъ какъ ненужный. Китайскіе отряды были выдвинуты изъ Баркула на западъ въ Гу-чэну и изъ Кобдо на юго-западъ въ развалинамъ Куръ-кара-усу; Чугучакъ хоть отчасти восстановленъ, но дерзость инсургентовъ остается необузданною, и въ концѣ 1872 г. шайка ихъ, въ 300 чел., разграбила Кобдо, причемъ полторатысячный китайскій гарнизонъ спрятался въ крѣпости. Едва ли не болѣе прочные успѣхи сдѣлали китайцы на Желтой рѣкѣ, гдѣ около Нинъ-ся, ими возобновлены земледѣльческія колоніи, бывшія въ разрушеніи отъ прежнихъ набѣговъ дунганъ. Но какихъ средствъ это стоило Среднему царству и надолго ли обезпечило его и подвластную ему обыкновенно мирную Монголію отъ повторенія событій 1857 — 72 годовъ, — этого сказать невозможно. По даннымъ относящимся къ началу 1872 года, китайскія военныя силы въ Монголіи, не считая Ань-си, Баркула и Хами, простирались до 9,900 чел.; въ томъ числѣ собственно китайцевъ было 3,900 (въ Ургѣ, Уласутаѣ и Кобдо), солонцовъ 2,000 (въ Хуку-хотонѣ), чакаровъ 1,000 (на р. Туѣ) и калмыковъ 1,000 (въ Уласутаѣ). Теперь дислокація и самая численность войскъ измѣнились, потому что весной 1873 г. двинута въ Гань-су и далѣе на западъ тридцатитысячная армія регулярныхъ войскъ изъ Чжи-ли, гдѣ она получила европейское вооруженіе и обученіе. Повидимому, передовыя ея части уже достигли Баркула и Хами, такъ что китайцы начинаютъ помышлять объ изгнаніи изъ Уруми и Турфана войскъ Якубъ-бека.

Матеріалы:

Исшифъ: Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана.

Риттеръ: Землеустройство Азіи, томы 2 и 8 русскаго перевода.

Вламинъ: Геоэтнографическая поэма въ ю.-в. часть Кыргизской степи.

Семеновъ: статьи въ Географ. Словарѣ Рос. Имперіи.

Голубевъ: Объ Алакулѣ и др. статьи въ З. Г. Общ.

Валихановъ: Очерки Джунгаріи, тамъ же.

Вайковъ: О Балхашѣ и разныя статьи объ Алтаѣ.

Ридловъ: О населеніи Илійскаго округа.

Струве и Потанинъ: статьи о южн. Алтаѣ и Тарбагатаѣ въ З. Р. Г. Об.

Венюковъ: О населеніи Чжунгарскаго погр. простр. и Кульджинскаго округа въ И. Р. Г. О. 1872.

Абрамовъ: О Конагѣ, Вѣрномъ, Лепсинской ст. и пр.

Матусовскій: Записки объ экспедиціяхъ въ Уласутай и на Эмилъ.

Шепелевъ: О Мусартскомъ проходѣ.

Сосновскій: Отчетъ объ экспедиціи къ озеру Улюнгуру (рукопись).

» Специальная карта Западной Сибири.

» Карта Туркестанскаго военнаго округа, изд. въ 1873.

Захарова: Карты Чжунгаріи и Тянь-шаня.

Клатрота: Asie Centrale.

Бабкова: Карта государственной границы на Алтаѣ и въ Тарбагатаѣ.

Шепелева и Поводина: Карта Кульджинскаго округа 1771 г.

Съемки Кульджинскаго округа въ 1873 г.

Разныя рукописи Азіатскаго Отдѣл. Главнаго Штаба.

Туркестанскій ежегодникъ 1872 г. Русскій Туркестанъ, Туркестанскія Вѣдомости.

Девятый участокъ: Тянь-Шанскій.

Когда въ половинѣ нашего вѣка русскіе впервые появились на югѣ отъ р. Или и начали мало-по-малу утверждаться тамъ, они шли на востокъ и на югъ нынѣшней Семирѣченской области пограничными землями владѣнія одной Китайской имперіи. И хотя до самаго 1864 года не было установлено опредѣлительныхъ рубежей между двумя государствами, но тѣмъ не менѣе мы могли считать, что границы наши въ юго-восточномъ направленіи не простирались далѣе Хань-Тенгри, какъ то и условлено пекинскимъ трактатомъ 1860 года. Паденіе китайской власти въ 1865—67 годахъ на всемъ почти пространствѣ Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана естественно измѣнило этотъ взглядъ, а основаніе двухъ независимыхъ отъ Китая владѣній, Кашгарскаго на югѣ и Кульджинскаго на востокѣ отъ Семирѣчья, уничтожило совершенно силу договора 1860 года, тѣмъ болѣе, что исполненіе его въ этихъ мѣстахъ никогда и не начиналось. Приведенные затѣмъ, въ 1871 г., къ необходимости занятія Кульджи, мы должны нынѣ считать, что наша граница въ Тянь-шанѣ идетъ отъ предѣловъ Кокана на востокъ не до Хань-Тенгри только, а по меньшей мѣрѣ до истоковъ Кунгеса, т. е. на протяженіи вдвое большею противу прежняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и объемъ приграничнаго пространства, могущаго входить въ обще-стратегическія соображенія. Въ 1860-хъ годахъ въ этому пространству можно было относить лишь бассейнъ Иссыкъ-куля, верховья Нарына и округа Аксуійскій, Учъ-Турпанскій и Кашгарскій; въ настоящее время должно причислить сюда на сѣверѣ отъ Тянь-шаня подгорную полосу Илійскаго округа, а на югѣ округа Кучинскій, Карапарскій, Пичанскій и даже Яркендскій, т. е. весь почти Восточный Туркестанъ, точнѣе же, ту его часть, которая подчиняется Якубъ-беку. Мало того: по расширеніи въ 1871—72 годахъ власти послѣдняго на сѣверъ отъ Небесныхъ горъ до Урумчи и Манаса приходится расширить и объемъ подлежащей описанію мѣстности до предѣловъ Комулскаго и Баркульскаго округовъ, гдѣ уже господствуютъ китайскія

власти. Такимъ образомъ, въ составъ Тянь-шаньскаго пограничнаго пространства войдутъ: система Небесныхъ горъ, отъ верховьевъ Таласа и отъ Терекъ-дабана на востокъ до границъ Хами, и лежащая къ ней: съ сѣвера подгорная полоса въ предѣлахъ Семирѣченской области, Кульджинскаго края и бывшаго Урумцискаго округа, а съ юга всѣ владѣнія Якубъ-бека въ бассейнѣ р. Тарима.

Еще весьма недавно вся эта страна, занимающая самый центръ азіатскаго материка, была извѣстна въ Европѣ исключительно по китайскимъ источникамъ, и географія ея опиралась на тѣ не совсѣмъ точныя данныя, которыя собраны были іезуитами временъ Цянь-Луна, т. е. 1757 — 59 годовъ. Въ классическомъ сочиненіи Гумбольдта о Средней Азій (1843) мы находимъ лишь нѣсколько распросныхъ маршрутовъ поперекъ Тянь-шаня, которые составили нѣчто новое, дополняющее показанія китайской географіи Чжунгаріи и Туркестана, переведенной въ 1827 году Іакинфомъ Вичуринимъ. До второй половины XIX столѣтія ни одинъ европеецъ — если не считать средневѣковыхъ путешественниковъ — и не видѣлъ Тянь-шаня ни съ сѣверной, ни съ южной его стороны, отъ чего свѣдѣнія о немъ, находящіяся на картѣ Клапрота и въ сочиненіи Риттера, представляли много неточностей. Возможность первыхъ измѣненій клапротовой карты, но и то весьма условная, явилась не ранѣе 1847 года, когда топографъ Нифантьевъ, бывший за Илей, составилъ распросную карту Иссыкъ-куля и путей мимо его въ Кашгаръ и Учъ-Турнапъ. Этою картою воспользовался Ханыковъ, издавшій ее подъ своимъ именемъ, и Кипертъ, исправившій на основаніи ея свой чертежъ Турана. Въ 1855 году возникли наши азіатскія колоніи и вслѣдъ затѣмъ, въ 1856 году, снята топографомъ Яновскимъ восточная часть Иссыкъ-куля съ ближайшими горными мѣстностями, гдѣ въ то время кочевали богинцы, только что принявшіе русское подданство. Въ 1856 — 57 годахъ путешествовалъ въ при-иссыкульской же странѣ Семеновъ, первый сибирскій путешественникъ, проникшій не только въ Алатаускія горы, но и въ Тянь-шань, и давшій основныя географическія понятія объ этой части Центральной Азій, хотя въ цѣломъ его путешествіе съ достаточною подробностью описано не было. Семёнову сопутствовали топографы Яновскій и Варакинъ, сдѣлавшіе первыя съемки на Иссыкъ-кулѣ, чѣмъ и начались новѣйшія топографическія работы въ Небесныхъ горахъ. Затѣмъ слѣдовали труды Захарова, Валиханова и Голубева. Первый изъ нихъ далъ, въ 1858 году, весьма обстоятельную и подробную карту всего Тянь-

шаня и соседнихъ ему странъ, по китайскимъ источникамъ новаго времени. Второй, въ 1858 — 59 годахъ, дважды переѣхалъ поперекъ все тьянь-шаньское нагорье между Иссикъ-кулемъ и Кашгаромъ, слѣдуя мимо озера Чатырь-куля. Его описаніе этой мѣстности явилось, впрочемъ, въ печати весьма поздно, именно въ 1869 году; сочиненіе же объ Алтышарѣ, напечатанное ранѣе, представляетъ отчасти компиляцію изъ прежде извѣстныхъ данныхъ, хотя вмѣстѣ и самостоятельный трудъ. Голубевъ положилъ математическія основанія географіи Тянь-шаня своими астрономическими опредѣленіями на Иссикъ-кулѣ и въ при-илийскомъ краѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1860 году, пишущему эти строки удалось проникнуть почти до 42 параллели внутрь Небесныхъ горъ, именно въ долину р. Кошкара. Но перевалы въ этихъ горахъ, за исключеніемъ осматрѣнныхъ Валихановымъ, все еще оставались необслѣдованными, пока въ 1862 — 63 годахъ это дѣло не было начато съ большимъ успѣхомъ Проценко, который не только дѣйствительно осматрѣлъ Заукинскій, Барскаунскій, Кызартскій и другіе перевалы въ при-иссыкульскомъ Тянь-шанѣ, но и проникъ въ долину р. Нарына до самой Куртки, имъ разрушенной. Продолжателями топографическихъ изслѣдованій Проценко явились Краевскій, а за нимъ Полторацкій, Остенъ-Сакенъ (доставившій, кромѣ того, и ботаническія наблюденія), Рейнталь, бывшій въ 1868 году въ Кашгарѣ, и Каульбарсъ, извѣздившій почти всю горную страну по верховьямъ Нарына. На трудахъ ихъ, а также и на личномъ осмотрѣ основалъ свои, недавно лишь обнародованныя, изслѣдованія натуралистъ Сѣверцевъ. Въ 1871 году, по занятіи нами Кульджинскаго округа, топографы Явовскій, Позднѣвъ, Петровъ и другіе перешли Тянь-шань у верховьевъ Кунгеса и Юлдуса, а Шепелевъ осматрѣлъ Мусартскій проходъ. Наконецъ, въ 1872 г., Шарнгорстъ, сопровождавшій наше посольство въ Кашгаръ, сдѣлалъ восемь астрономическихъ опредѣленій въ самой запутанной горной мѣстности между Кашгаромъ и Иссикъ-кулемъ и тѣмъ связалъ русскія работы въ Средней Азіи съ англійскими.

Со стороны англичанъ попытка къ изученію Восточнаго Туркестана началась въ 1858 году, когда изъ Индіи проникъ до Кашгара, черезъ Хотанъ и Яркентъ, извѣстный путешественникъ Адольфъ Шлагинтвейтъ, который и былъ въ Кашгарѣ убитъ. Семь лѣтъ спустя, англичанами же былъ посланъ изъ Ладака въ Яркентъ азіатецъ Абдулъ-Хамидъ, обученный производству съемки, на подобіе цѣлаго ряда другихъ туземцевъ, которые потомъ были аген-

тами Монгомери, начальника англійскихъ съемокъ на сѣверѣ Индіи. Послѣ Абдуль-Хаида, когда уже въ Кашгарѣ и Яркентѣ утвердилась власть Якубъ-бека (1868 — 69), въ Восточный Туркестанъ явились въ Индіи разомъ три англійскихъ изслѣдователя: Шау, Гейуордъ и «мирза», изъ которыхъ послѣдній прошелъ не черезъ Тибетъ, а черезъ верховья Аму-дарьи. Кромѣ того, Джитышаръ былъ посѣщенъ въ 1870 году англичанами Форситомъ и Гендерсономъ и, вѣроятно, британскимъ же агентомъ, грекомъ Патогосомъ, который проникъ изъ Кабула до Хами и Уласутая и явился въ 1872 году къ намъ во вновь занятую Кульджу. Изъ всѣхъ англійскихъ изслѣдователей наиболѣе вниманія заслуживаютъ Гейуордъ, Гендерсонъ, Мирза и Шау.

На основаніи всѣхъ этихъ изысканій, къ которымъ все-таки, какъ важнѣйшій и наиболѣе охватывающій матеріалъ, должно присоединить китайскіе географическіе и историческіе труды въ переводахъ Лавинфа, Клапрота, Абель-Ремюза и другихъ, можно суммировать слѣдующимъ образомъ то, что намъ извѣстно о Тянь-шаньскомъ пограничномъ пространствѣ.

Топографія.

Вся подлежащая описанію страна рѣзко распадается на двѣ полосы: нагорную, или собственно Тянь-шань, и равнинную, въ степной части бассейна Тарима. За раздѣльную линію двухъ этихъ растаянувшихъ отъ запада на востокъ полосъ можно принять болшую караванную, а при китайцахъ даже почтовую, дорогу отъ Хами черезъ Пичанъ, Карашаръ, Кучу, Аксу и Учъ-Турпанъ до Кашгара. Дорога эта, естественно, не составляетъ прямой черты; но она, на всемъ своемъ протяженіи, около 2,000 верстъ, не отклоняется въ стороны отъ прямой линіи, соединяющей Кашгаръ съ Хами, болѣе чѣмъ на 50 верстъ. Идя отъ нея на сѣверъ, мы постоянно встрѣчаемъ, въ 40—70 верстахъ, снѣжныя вершины горныхъ краевъ, тянущихся отъ запада на востокъ и спускающихся своими отклонами почти до самой дороги: это и есть различные члены *горной системы Тянь-шаня*.

Поперечное строеніе этой колоссальной системы далеко не вездѣ одинаково, и лишь какъ самую общую черту можно замѣтить то обстоятельство, что чѣмъ дальше мы идемъ на востокъ, тѣмъ шире горная полоса становится менѣе. Между Баркулемъ и Хами

заколение Тянь-шаньскаго хребта едва-ли имѣетъ болѣе 70 верстъ отъ подошвы одного ската до подошвы другого; между тѣмъ какъ на меридианѣ Кашгара, чтобы пройти изъ этого города въ при-и-йскія равнины, нужно сдѣлать по горной странѣ не менѣе 375 верстъ и при этомъ пересѣчь уже не одну, а восемь параллельныхъ и болѣею частію снѣжныхъ цѣпей, которыя то слѣдуютъ непосредственно одна за другою, то раздѣлены высоко-лежащими озерными и рѣчными долинами. Это различіе въ устройствѣ западной и восточной половинѣ Тянь-шаня, столь рѣзко бросающееся въ глаза при сравненіи двухъ крайнихъ изъ разсматриваемыхъ здѣсь мѣстностей, сглаживается, впрочемъ, по мѣрѣ приближенія къ серединѣ системы, между Урумци, Турфаномъ и Карашаромъ. Можно сказать, что единичная цѣпь вершинъ, т. е. рядъ горъ, составляющихъ одинъ хребетъ, встрѣчается лишь на востокѣ отъ Урумци, за горою *Бодо*; да и тутъ находятся довольно высокія подчиненныя цѣпи, то на сѣверѣ, то на югѣ отъ главнаго края. Западнѣе же Урумци Тянь-шань постоянно раздѣленъ на нѣсколько цѣпей, то сходящихся, то опять расходящихся, чтобы оставить мѣсто широкимъ котловинамъ, рѣчнымъ, какъ у Юлдуса, Текеса, Аксая, или озернымъ, какъ у Иссык-куля и Чатыръ-куля. Первое рѣшительное раздвоеніе замѣчается на самомъ меридианѣ Урумци, у истоковъ рѣки Бороту, которая, сливаясь съ Юлдусомъ, образуетъ Хайду. Здѣсь господствующею вѣтвью нужно признать сѣверную, которая, подъ именемъ *Катунь-даба*, идетъ къ истокамъ Кунгеса. Воды Бороту и Юлдуса отдѣляются этимъ хребтомъ отъ ряда мелкихъ рѣчекъ, бѣгущихъ къ сторонѣ озера Аяръ-нора и болѣею частію недостигающихъ до него. Южную рамку того же бороту-юлдусскаго бассейна составляютъ горы *Чухуй*, *Хайду-тагъ*, *Байлякъ* и *Кукъ-накъ*, изъ которыхъ послѣднія лежатъ уже на шесть грудусовъ, т. е. на 470 верстъ, западнѣе меридіана Урумци. Здѣсь, близъ меридіана Кучи, этотъ южный Тянь-шань соединяется съ сѣвернымъ помощью діагональныхъ цѣпей *Нарата-даба* и *Эбту-даба*, [раздѣляющихъ притоки Кунгеса и Юлдуса; здѣсь же онъ становится главнымъ представителемъ всей системы Небесныхъ горъ, между тѣмъ какъ продолжающійся на сѣверо-западъ Катунь-даба переходитъ въ второстепенную, хотя все еще высокую цѣпь *Ирень-хабиртанъ*, описанную уже при обзорѣ Чжунгарскаго участка.

Большой горный узелъ на сѣверѣ отъ Кучи, названный на картѣ Захарова *Эшикъ-баитъ*, а на нашихъ новѣйшихъ картахъ отнесенный къ горамъ Кокъ-тепе, есть начало той части Тянь-шаня, ко-

торой больше всего приличествует названіе Небесныхъ горъ, по ихъ высотѣ. Здѣсь, между вершинами правыхъ притоковъ Текеса съ сѣвера и рѣчками Сары-джазъ, Музартъ и Кызылъ-су съ юга, высятся самые колоссальныя пики Тянь-шаня, изъ которыхъ *Хань-Тенгри* вѣроятно имѣетъ больше 21,000 фут. надъ моремъ. Здѣсь же замѣтны высокія предгорья, или подчиненныя цѣпи, параллельныя главной, на сѣверѣ и на югѣ. Первая называется хребтомъ *Тамурмикъ* и тянется по лѣвой сторонѣ Текеса и по правой Кегена, а вторая образуетъ массивъ *Алтинъ-хусу*, на сѣверѣ отъ Сайрама и Бая, селеній, лежащихъ столь высоко надъ моремъ, что въ нихъ часто падаетъ снѣгъ и климатъ вообще холоденъ, хотя они лежатъ въ одной широтѣ съ Неаполемъ. Ханъ-Тенгри есть высшій пунктъ въ тянь-шаньской горной системѣ, за которымъ, идя къ западу, она вновь раздробляется на нѣсколько цѣпей, на подобіе лучей полуоткрытаго вѣера. Которую изъ этихъ цѣпей нужно считать главной, невозможно сказать за недостаткомъ геологическихъ наблюдений надъ ихъ строеніемъ и возрастомъ; но въ смыслѣ чисто-топографическомъ, конечно, нужно признать сѣверную, т. е. прилегающую къ полуденному берегу озера Иссыкъ-куля (горы Терской); въ смыслѣ же общеографическомъ — южную (Кокшаль), направляющуюся къ Терекъ-давану и переходящую потомъ въ Южно-коканскія горы.

Обширное треугольное пространство, лежащее между этими главными цѣпями, все наполнено весьма высокими краями, слѣдующими тому же главному направленію съ востока на западъ или юго-западъ, и весьма не легко объяснить въ немногихъ словахъ ихъ относительное положеніе и взаимную связь. Проще всего будетъ слѣдующее представленіе. У вершины треугольника, т. е. на востокѣ, близъ Ханъ-Тенгри находится котловина Сары-джаза, съ его притоками, которая съ запада замыкается извилистымъ высокимъ водораздѣломъ, идущимъ приблизительно по меридіану 96° в. Ф. и связывающимъ Терскую съ Кокшаломъ. Естественный выходъ изъ этой котловины имѣется только одинъ, на югѣ, при прорывѣ рѣкой Сары-джазомъ Кокшала. Переходя отъ этой котловины на западъ, мы вступаемъ въ страну верховьевъ Нарына, и здѣсь уже видимъ почти всюду *четыре* параллельныя цѣпи, не считая двухъ крайнихъ. Названія этихъ цѣпей весьма разнообразны; но, чтобы облегчить ихъ изученіе, мы назовемъ здѣсь немногія, главныя. 1) На сѣверѣ, т. е. въ сосѣдствѣ Терской и сѣвернѣе не только Большаго Нарына, но и правыхъ притоковъ его, Малаго Нарына и Султана-сары, идутъ горы *Кара-ходжуръ*, огибающія своимъ западнымъ продолженіемъ

озеро Сонъ-куль съ сѣвера. 2) Слѣдующая затѣмъ цѣнь слагается изъ вѣрней *Джистаизъ-тау* и *Нура-тау*, — оба на правой сторонѣ Большаго Нарына. 3) Третій рядъ хребтовъ, уже по лѣвой сторонѣ этой рѣки, образуютъ горы *Боръ-Кадаи*, *Кирачай* и *Бай-биче*, и наконецъ 4) четвертый составляется изъ горъ *Кубертанни* и *Ам-баизъ-тау*, за которыми къ югу лежатъ долины рѣки Азсыя и озера Чатиръ-куля, отдѣленные отъ кашгарской плоскости Бокшаломи и его западными продолженіями *Кашгаръ-тау* и *Суокъ-тау*, изъ которыхъ послѣднее становится потомъ водораздѣломъ Сыръ-дарьи и Тарима и переходитъ въ Южно-локанскую горную цѣнь. Высоту нѣкоторыхъ пиковъ въ горахъ Суокъ-тау Гейуордъ опредѣляетъ въ 19,000 футовъ надъ моремъ.

Но такая общая схема далеко неудовлетворительна для составленія точнаго понятія объ орографіи той части Тянь-шаня, которая лежитъ западнѣе Ханъ-Тенгри и которая въ настоящее время является особенно важною для насъ въ стратегическомъ смыслѣ, потому что здѣсь наши владѣнія ближе всего сходятся съ владѣніями бадаулета кашгарскаго. Чтобы стать на болѣе твердую почву, мы должны будемъ обратиться къ берегамъ озера Иссыкъ-куля и отъ нихъ повести подробныя изслѣдованія въ глубь того обширнаго нагорья, котораго восточный предѣлъ лежитъ у Ханъ-Тенгри, а западные развѣтвленія переходятъ въ Сыръ-дарьинскую область, Коканъ и Каратигенъ. Но такую задачу удобнѣе всего будетъ исполнить при изученіи поперечныхъ сѣченій Тянь-шаня на всемъ его протяженіи, то есть начать по прежнему съ востока, куда и возвратимся въ настоящее время.

Въ части Небесныхъ горъ между Хами и Урумци, онѣ, какъ сказано, представляютъ одинъ хребетъ. Должно думать, что онъ не особенно высокъ, ибо ни одна значительная рѣка не беретъ изъ него начала, хотя карта Захарова показываетъ снѣжныя вершины до самаго меридіана Хами. Высочайшимъ пикомъ тутъ должно считать трехглавую снѣжную гору *Бойдо*, которая лежитъ на сѣверо-востоки отъ Урумци, въ 60 — 70 верстахъ. Главные перевалы черезъ хребетъ ведутъ по дорогамъ: 1) изъ Хами въ Баркуль, у станціи Янь-цзюанъ-кхэу; 2) изъ Хами же въ Чжунгарію минуя Баркуль, между станціями Янь-дунъ и Лэба-цзюанъ; 3) между послѣднею станціею и Таолай-булакомъ, — всѣ три перевала удобны для колесной ѣзды; 4) на пути изъ мѣстечка Китая въ Пичанъ, по вьючной дорогѣ, и наконецъ 5) по дорогѣ изъ Урумци въ Турфанъ, гдѣ, по

новѣйшимъ извѣстіямъ, есть одинъ только проходъ, представляющій очень выгодныя условія для обороны.

Перехода на западъ отъ Урумци и прослѣдивъ сначала сѣверную вѣтвь Тянь-шаня, Катунь-даба, мы должны предположить, что она принадлежитъ къ самымъ высокимъ и недоступнымъ; ибо ни одна карта, ни одно извѣстіе китайской географіи не показываютъ тутъ существованія поперечныхъ дорогъ; сравнительная же многоводность рѣчекъ, наполняющихъ на сѣверѣ два значительныя озера, Аяръ-норъ и Караталу, а на югѣ озеро Бостанъ-норъ, удостовѣряетъ, что на горахъ лежитъ много снѣга, чего въ здѣшнемъ сухомъ климатѣ можно ожидать только при большой высотѣ горъ, напр., въ 15—16,000 футъ надъ моремъ. Сѣверное заложеніе хребта, шириною у Манаса и Куръ-кара-усу не менѣе 80 верстъ, также свидѣтельствуетъ, что мы тутъ имѣемъ предъ собою первоклассную горную цѣпь, и только одно названіе, обозначающее горный проходъ, находимъ мы на картѣ Клапрота, составляемой по китайскимъ источникамъ, именно Кушету-дабанъ, при истокахъ Хоргоса, гдѣ должны лежать въ горахъ обширныя снѣговыя поля. Но и тутъ, повидимому, не существуетъ постояннаго сообщенія чрезъ хребетъ, ибо китайцы изъ Кулѣджи и Куръ-кара-усу вели свои сношенія съ Карашаромъ не черезъ этотъ проходъ, а черезъ Урумци.

Юго-восточное продолженіе Катунь-даба до узла Эшикъ-баши, т. е. Наратъ-даба, извѣстно теперь съ нѣкоторою точностью, и здѣсь мы видимъ три горныхъ прохода: Наратъ, Дагистынъ и Кокъ-су, приводящіе изъ бассейна Юлдуса въ бассейнъ Или. Они лежатъ между горами, покрытыми снѣгомъ, хотя сами иногда отъ него свободны. Приближаясь съ сѣвера къ Кокъ-суйскому перевалу, лежащему между вершинами Кокъ-су и Барунъ-Юлдуса, нужно еще бываетъ пересѣчь одинъ изъ отроговъ Наратъ-даба по трудному, скалистому проходу Бабрюку.

Что касается до южной вѣтви Тянь-шаня, между меридіанами Урумци и Эшикъ-баши, то хотя всѣ составляющіе ее края покрыты снѣгомъ, однако, повидимому, они ниже Катунь-даба. Рѣка Хайду-голь прорываетъ ихъ въ 60 верстахъ отъ города Карашара узкимъ ущельемъ, а на западѣ отсюда строеніе горъ представляетъ ту особенность, что прислоненныя къ основной оси хребта осадочныя формаціи составляютъ цѣпь, похожую на Черныя горы въ Кавказскомъ хребтѣ. Поэтому между ею и главною осью идетъ продольная горная дорога, наподобіе той, какую мы видимъ въ Закубанѣ, между станицами Верхне-Николаевскою и Даховскою. По-

перечный путь пока извѣстенъ одинъ, отъ Кучи на сѣверо-востокъ въ котловину Юлдуса; но, конечно, есть и еще выючныя дороги, ведущія съ Юлдуса къ Карашару. По крайней мѣрѣ, карта Клапрота показываетъ тутъ горы Уланъ-дабанъ и Хабцигай-дабанъ, которыхъ самыя названія свидѣтельствуютъ о существованіи проходовъ. Котловины Юлдуса и Бороту, безъ сомнѣнія, лежатъ высоко надъ моремъ, напр. на 6—7,000 футовъ, ибо вдоль русла этихъ рѣкъ, особенно Юлдуса, почва столь влажна, что образуетъ даже среди лѣта мѣстность болотистую. Общее протяженіе водосмова Юлдуса и Бороту, занятыхъ обыкновенно калмыками подъ ихъ кочевья, простирается до 650 квадратныхъ миль, то есть вдвое больше чѣмъ иссыкъ-кульская котловина, о которой будетъ идти рѣчь ниже.

Западнѣе уала Эшигъ-баши, т. е. по соединеніи обѣихъ вѣтвей Тянь-шаня, въ высочайшей его части, извѣстны трудныя перевалы *Мусартъ* и *Капкакъ*. Первый изъ нихъ послѣ осмотра Полторацкимъ, Кульбарсомъ и Шепелевымъ извѣстенъ теперь съ большою подробностью. Именно, онъ начинается на сѣверѣ у выхода изъ горъ на высокую плоскость долины Тевеса рѣчки Уртенъ-Мусартъ, и идетъ сначала вдоль этой рѣчки, по лѣвому ея берегу, и черезъ семь верстъ приходитъ къ столь узкому ущелью, что путешественникамъ нужно бываетъ вести въ поводу лошадей по узкимъ мосткамъ, искусственно образованнымъ изъ поваленныхъ деревьевъ. Въ 20 верстахъ отъ входа въ ущелье встрѣчаются остатки китайскаго караула Удунгей и за нимъ вскорѣ долина Мусарта нѣсколько расширяется, а выше впаденія съ востока рѣчки Маралты дѣлаетъ поворотъ, переходя изъ юго-восточнаго направленія въ юго-юго-восточное, причемъ открывается и видъ на главный хребетъ Тянь-шаня. Окрестныя горы и самая долина тутъ еще покрыты густымъ еловымъ лѣсомъ, который постепенно рѣдѣетъ къ устью рѣчки Арчалы-Карагачъ, вытекающей изъ ледника на юго-востокъ. Отъ подошвы этого ледника, т. е. на 40-й верстѣ отъ начала ущелья, дорога, а съ нею и русло Мусарта, поворачиваетъ на западъ и потомъ снова на югъ, гдѣ, на 50-й верстѣ отъ подошвы горъ, достигаетъ перевала, высотой вѣроятно въ 12,000 футовъ. Къ югу отъ послѣдняго скоро начинается большая ложина, наполненная снѣгомъ и льдомъ, изрытымъ глубокими трещинами и вообще представляющимъ на протяженіи восьми верстъ ширины, при неопредѣленной еще длинѣ, настоящее *mer de glace*. Южный предѣлъ этого ледяного моря состоитъ изъ ряда высотъ, черезъ которыя пробиваетъ себѣ путь рѣчка Южный Мусартъ, падающая тутъ до

столь крутому уступу, что приходится спускать лошадей и тяжести на веревкахъ. Точная топографія Мусартскаго прохода далѣе къ югу еще неизвѣстна; но, по свидѣтельству китайской географіи и по распросамъ Шепелева, тутъ еще встрѣчается не мало трудностей отъ множества камней, наваленныхъ по долинѣ рѣчки, вдоль которой идетъ дорога, особенно на пространствѣ между ледянымъ моремъ и станціей Тамга-ташъ. Китайцы въ свое время употребляли немало усилій къ поддержанію Мусартскаго прохода въ удобномъ состояніи, по крайней мѣрѣ, для ѣзды всадниковъ; но для этого имъ нерѣдко приходилось устроить ступеньки во льду и растаптывать осыпи и каменные завалы. Теперь пространство на сѣверѣ отъ ледниковъ остается подъ нашимъ наблюденіемъ, а къ югу — подъ наблюденіемъ кашгарскихъ чиновниковъ и солдатъ, расположенныхъ по пикетамъ до самаго города Аксу, дорога въ которой будетъ описана ниже.

Другой путь съ верховьевъ Текеса идетъ по рѣкѣ Капкаку, то есть уже западнѣ Хань-Тенгри, тогда какъ Мусартскій ведетъ восточнѣ этой горы. По свидѣтельству Проценко, тутъ сначала идутъ двѣ дороги, изъ коихъ одна направляется съ запада, черезъ небольшія возвышенности, въ долину Капкака, а другая проходитъ туда же съ самаго Текеса черезъ довольно высокія горы, съ крутыми подъемами и спусками, которыми обходится неприступное ущелье при впаденіи Капкака въ Текесъ. Путь по самому Капкаку довольно хорошъ; лѣсъ и кормъ встрѣчаются всюду и подъемъ весьма постепененъ. Самый перевалъ находится не непосредственно въ вершинѣ рѣки Капкака, но противъ поворота его ущелья на юго-западъ, такъ что приходится русло оставить западнѣ, т. е. вправо, и подниматься цѣлыя пять верстъ прямо на югъ. Съ перевала горы идутъ плоскими возвышенностями на значительное разстояніе. Вправо тянется долина Коджура, сходящаяся вершиной съ Текесомъ, а прямо на югъ, въ отдаленіи, видѣтъ огромный хребетъ Коелю, который немногимъ уступаетъ въ высотѣ Хань-Тенгри. Спускъ къ югу и здѣсь, повидимому, труднѣе чѣмъ подъемъ съ сѣвера, какъ на Мусартѣ; однако киргизы ежегодно перегоняютъ здѣсь свои стада, да и китайцы по временамъ отправляли караваны въ Аксу.

За Капкакомъ къ западу мы вступаемъ въ ту трудную орографическую область за-иссыккульскаго Тянь-шаня, о которой уже было упомянуто выше. Здѣсь, для облегченія памяти, мы будемъ слѣдить строеніе горъ по хребтамъ, начиная съ сѣвера. Въ ближай-

шей къ Иссыгъ-кулю дѣли Терской находятся слѣдующіе перевалы, считая съ востока, гдѣ горы вообще выше и далеко переходятъ за снѣжную линію: Туруть у верховьевъ Текеса и Каркари, Тургень-Аксу, Кизилъ-су, Зауку съ Зоукучакомъ и Кошка-су, Барскаунъ съ Керегенташемъ, Тонъ, Конуръ-Уленъ, Алабашъ, Улаколъ, Кумбалъ и Кызартъ. Первые два еще не описаны подробно, о Заукинскомъ же, Барскаунѣ и нѣкоторыхъ другихъ находятся слѣдующія свѣдѣнія у Проценко. Рѣка Заука, при слѣдованіи вверхъ по ней отъ озера Иссыгъ-куля, сначала имѣетъ долину довольно широкую, обставленную отлогими горами, которыя хотя и дѣлаются постепенно круче и выше, но не очень стѣсняютъ русло до самаго впаденія съ запада рѣчки Дунгарамы *), по которой можно перейти на Барскаунъ и которая течетъ уже въ полосѣ выше гѣсовъ, т. е. приблизительно на 9,500 футовъ надъ моремъ. Отъ Дунгарамы ущелье Зауки направляется на юго-востокъ и дѣлается тѣснѣйшимъ, скалистѣйшимъ, представляя частіе выступы боковыхъ утесовъ, черезъ которые нужно переходить съ трудомъ. Верстахъ въ пяти отъ устья Дунгарамы находится озеро, а нѣсколько выше его другое, оба образованныя разливами рѣки Зауки по небольшимъ междугорнымъ площадкамъ. За послѣднимъ вскорѣ достигаютъ подошвы самаго перевала, который представляется очень мало доступнымъ, такъ какъ составляетъ небольшую лишь сѣдловину между крутыми и высокими горами. Вершина перевала однако не достигаетъ снѣжной линіи, и снѣгъ видѣется лишь по сторонамъ ея, на покато-стяхъ окрестныхъ горъ, что показываетъ, что Заукинскій проходъ имѣетъ менѣе 11,000 футовъ надъ моремъ. Съ вершины его открывается видъ на хребетъ Джитымъ, который отдѣленъ отъ Терсея высокою плоскостью или сыртомъ, орошаемымъ рѣчкою южнымъ Барскауномъ, которая начинается на западѣ, течетъ сначала къ сѣверо-востоку и мало по малу поворачиваетъ на югъ, а наконецъ на западъ, образуя одинъ изъ истоковъ Нарина.

Слѣдующій за Заукинскимъ къ западу перевалъ есть Барскаунъ, принадлежащій къ числу лучшихъ въ этой части Терсея. Отъ Иссыгъ-куля путь ведетъ все время по рѣкѣ Барскауну, котораго

*) Въ 85 верстахъ отъ начала долины. По мнѣнію, высказанному послѣ перваго посѣщенія Зауки русскими, въ переводѣ Риттеровой Аніи, эта Дунгарамъ есть «недоразумѣніе»; однако она существуетъ, точно такъ же, какъ рѣчка Кутемалды, соединяющая Чу съ Иссыгъ-кулемъ, хотя въ Географическомъ словарѣ Россійской Имперіи и сказано, что «никакой прямой географической связи между Чу и Иссыгъ-кулемъ не имѣется».

долина сначала уже заукинской, но не представляет трудностей для движения. Большая часть дороги идет по лѣсу, наполненному розами, барбарисомъ, черемухой и другими нахучими растеніями, и нерѣдко переходитъ съ одного берега рѣки на другой. За впадениемъ Дунгарамы справа (перевалъ на Дунгараму заукинскую) и потомъ Керегенъ-таша слѣва, т. е. съ запада, характеръ Барскаунской долины значительно измѣняется. Лѣсъ здѣсь пропадаетъ, ущелья рѣчекъ становятся очень тѣсными, и дорога уходитъ зигзагами вверхъ по горѣ Керегенъ-ташъ, на вершинѣ которой и раздвоится. Восточная вѣтвь ведетъ къ собственно Барскаунскому перевалу, гдѣ по пути иногда бываютъ снѣжные завалы, а западная къ проходу Керегенъ-ташъ, по тропѣ, пересѣкаемой увалами, но не трудной для конной ѣзды. Съ Барскауна, какъ и съ Керегенъ-таша, спуски ведутъ на Малый Нарынъ, который течетъ по сырту, т. е. по высокой и мокрой долинѣ, обставленной съ юга горами Джитымъ.

Перевалы въ вершинахъ Тона, Аксай и Алабаша недовольно извѣстны; Улакольскій же хорошо описанъ Проценкой. Онъ гораздо удобнѣе не только Заукинского, но даже Керегенъ-ташскаго, ибо долина Улакола обставлена горами гораздо болѣе отлогими, а тропинка идетъ здѣсь по травѣ и не завалена деревьями, такъ какъ во всей долинѣ нѣтъ лѣса. Самый перевалъ представляетъ не сѣдо между горами, но узкій ровный гребень, котораго сѣверная сторона впрочемъ одѣта снѣгами и представляетъ довольно крутую покатость, по которой однако можно подниматься все время, не слѣзая съ лошадей. За переваломъ уже нѣтъ сырты, а крутой спускъ приводитъ въ долину Чонъ-Кара-Ходжура. Эта долина, шириною до шести верстъ, а длиною около пятидесяти, принадлежитъ къ числу продольныхъ въ Тянь-шанѣ и представляетъ вѣроятно дно бывшаго озера, изъ котораго вода ушла въ Кошкаръ черезъ постепенно размытое ущелье Джуванъ-арыка, какъ называется рѣка Кара-Ходжуръ по слиянію ея съ Телекомъ, выходящимъ на западъ.

Джуванъ-арыкское ущелье находится уже въ той части Небесныхъ горъ, гдѣ онѣ спускаются ниже вѣчныхъ снѣговъ. Поэтому здѣсь и проведена нынѣ хорошая колесная дорога, которая хотя не изъята отъ возможности земляныхъ осипей, но, по крайней мѣрѣ, совершенно безопасна отъ снѣжныхъ заваловъ. Нѣсколько западнѣе этого ущелья горы хотя и возвышаются вновь въ область вѣчныхъ снѣговъ, но лишь за тѣмъ, чтобы снова упасть до 7,000 футовъ въ перевалѣ *Кызарты*. Этотъ перевалъ, приводящій изъ ши-

ровой котловины Кошкара въ не менѣе обширную котловину Джумгала, есть самый низкій изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Тянь-шанѣ, и по немъ ведетъ дорога съ Иссыкъ-куля не только въ Коканское ханство, но и на Альпійское озеро *Сонг-куль*, лежащее непосредственно на полдень отъ перевала, за скалистыми горами, въ которыхъ находятся проходы Пищукуъ, Каракія и Шильбюли.

У верховьевъ Кошкара Небесныя горы теряютъ свое названіе и переходятъ въ малонизвѣстный еще краѣжъ *Сусамыр-тау*, который западнѣе сливается съ Уртажъ-тау, описаннымъ въ обзорѣ Нагорно-туранскаго участка, а на сѣверѣ связаны узломъ Караколъ съ горами *Киргизинъ-Алатау*, которыя у насъ принято называть *Александровскимъ* хребтомъ. Въ этомъ хребтѣ, котораго восточная половина принадлежитъ Семирѣченской области и доходитъ до самаго почти озера Иссыкъ-куля (гора Кязыль-омполъ), мы замѣтимъ въ особенности Шамсіейскій проходъ, высокій и неудобный, между Томакомъ и долиной Кошкара, и *Буамское ущелье*, которымъ рѣка Кошкаръ прорывается на Чуйскую равнину и среди котораго, по слияніи съ Большимъ Кебиномъ, принимаетъ названіе Чу. Въ Буамскомъ ущельѣ соприкасаются двѣ большія цѣпи, принадлежащія къ системѣ Тянь-шаня: названная сейчасъ Киргизинъ-Алатау, дающая начало лѣвымъ притокамъ Чу, и Кунгей-Алатау, обставляющая съ сѣвера Иссыкъ-куль, обѣ нелегко переходимыя, особенно съ тяжестями. По этому же ущелью проведена хорошая колесная дорога съ мостомъ на рѣкѣ Кошкарѣ. Слѣдовательно, это есть важная въ стратегическомъ отношеніи мѣстность. Труднодоступность же ея, особенно въ угрюмо скалистой сѣверной половинѣ, придаетъ ей большое тактическое значеніе, и можно желать, чтобы оба выхода изъ ущелья, на юго-востокъ, у Кутемалдовъ, и на сѣверо-западъ, близъ устья Малаго Кебина, были, по возможности, заняты прочными русскими осѣдлостями, къ чему есть возможность.

Обозрѣвъ такимъ образомъ при-иссыкульскія горы, которыхъ вершины по большей части переходятъ за сѣжную линію, особенно въ восточной половинѣ Терскея, мы можемъ перейти теперь въ бассейны Нарына, Авсаа и Сары-джаса, которыхъ верховья лежатъ на югъ отъ Терскея. Здѣсь прежде всего замѣтимъ, что вся страна между Терскеемъ и Кокшаламъ есть одно сплошное нагорье, поднятое на 7 до 9,000 футовъ надъ моремъ. На этомъ столообразномъ поднятіи почвы стоятъ длинныя краѣжы горъ, тающихя обыкновенно отъ востока на западъ и хотя очень высокія (13 до 17,000 футовъ), но не кажущихся таковыми именно потому, что

ихъ приходится видѣть съ очень возвышенныхъ мѣстностей. Таковы хребты Джитымъ, Акъ-Ширякъ, Боръ-Калдай и другіе. Только присутствіе огромныхъ ледниковъ, какъ, напримѣръ, Петровскаго, въ верховьяхъ Карасая, лѣваго притока Нарына, вѣчнаго снѣга по вершинамъ большинства горъ — Кара-Ходжуръ, Нура-тау, Карачай, Атбашъ и проч., и наконецъ общая свѣжесть воздуха и видъ растительности напоминаютъ, что мы находимся въ суровой альпійской странѣ. Горные проходы, которыми можно проникать со стороны Иссык-куля и Терска на югъ, черезъ всѣ названные хребты, суть слѣдующіе: 1) на пути отъ Тюргень-Аксу къ городу Ушъ-Турпану: Кюлю-бель, Ишигартъ, Чагиръ и Букуртукъ, всѣ между снѣговыми горами, въ разстояніи другъ отъ друга отъ 20 до 30 верстъ; 2) на пути въ Ушъ же отъ Зауки: Джитымъ-бель, Акъ-бель, Иштымъ и Беделъ, въ тѣхъ же условіяхъ; 3) отъ Зауки и Барскауна на пути въ Кашгаръ: тотъ же Джитымъ-бель, а потомъ Чакыръ-курумъ, Кубергенты и Теректы, изъ которыхъ первый имѣетъ среди себя ледяное озеро, второй извѣстенъ крутостью подъема и спуска, третій, напротивъ, представляетъ лишь слабо волнистую мѣстность, а четвертый снова отличается высотой и труднопроходимостію отъ скалъ; 4) съ Улакола въ Кашгаръ, по дорогѣ на укрѣпленіе Нарынское: Кара-Ходжуръ, Саръ-су, Богущи и Теректы; 5) съ Джуванъ-арыка по пути въ Кашгаръ: Султанъ-сары или Тузъ-асу, Вай, Шарыкты и Туругартъ, изъ которыхъ послѣдній можетъ годиться даже для колесной ѣзды; 6) западнѣе всѣхъ исчисленныхъ: Ташъ-роватъ въ горахъ сосѣднихъ Чатыръ-кулю съ сѣвера; проходы Чаиръ-ташъ и Когартъ къ сторонѣ Коканскаго ханства и проч. Большая часть этихъ переваловъ извѣстна пока очень поверхностно, и обстоятельнаго ихъ описанія можно ожидать не ранѣе выхода въ свѣтъ трудовъ Каульбарса, специально изучившаго строеніе Небесныхъ горъ по верхнему Нарыну и притокамъ его.

Этими подробностями о строеніи горной части Тянь-шаньскаго пограничнаго пространства можно бы ограничиться при настоящемъ обзорѣ, нѣбольшую цѣль не собственно географическую, а стратегическую. Но какъ описанная нагорная полоса, особенной въ при-иссыкульской своей части, служить естественнымъ государственнымъ рубежемъ Россіи въ Средней Азіи и, слѣдовательно, должна быть по возможности нами заселена, то здѣсь необходимо еще добавить нѣсколько данныхъ о междугорныхъ долинахъ, которыя могутъ служить для устройства осѣдлостей. Первою и самую

важною изъ всѣхъ такихъ долинъ нужно считать Иссык-Кульскую. Обширный альпійскій водоемъ Иссык-Куль занимаетъ болѣе 300 квадратныхъ миль, изъ которыхъ 116 приходится на самое озеро. Низшая точка этой котловины, т. е. уровень воды въ самомъ озерѣ, лежитъ на 5,200 футахъ надъ моремъ, и уже по одному этому климатъ страны не можетъ быть особенно жарокъ. Положеніе же ея въ самой срединѣ азіатскаго материка дѣлаетъ этотъ климатъ еще болѣе умѣреннымъ, такъ что иногда самый Иссык-Куль, хотя и носитъ названіе Теплаго моря, у береговъ покрывается льдомъ. А потому, не смотря на широту 43°, при-иссыкульскій край гораздо холоднѣе, напримѣръ, Ферганы и даже мѣстностей по Или. Кромѣ того, степные вѣтры, проникающіе черезъ Буайское ущелье, чрезвычайно иссушаютъ воздухъ, особенно въ западной половинѣ озернаго бассейна, а потому лѣса въ ущельяхъ горъ находятся только по рѣчкамъ восточнѣе Тона, въ Терскеѣ, а въ Кунгей-Алатау, на южномъ ихъ склонѣ, совсѣмъ не встрѣчаются. То же можно замѣтить о травахъ въ береговой долинѣ Иссык-Куля и по горамъ, отъ чего выходитъ, что мѣста, годныя для селеній, находятся лишь по Тубу, Джиргалану, Тюркенъ-Аксу, Караколу, Зоукѣ, Барскауну, Тону и, на сѣверѣ отъ озера, по Кунгей-Аксу. У западнаго же конца водоема небольшую площадку, способную къ воздѣлыванію, составляетъ лишь мѣстность по Кутемалдамъ, гдѣ есть три-четыре квадратныхъ версты, удобныхъ для пашенъ, но и то не иначе, какъ при устройствѣ искусственнаго орошенія. Такимъ образомъ, на Иссык-Куль и въ бассейнѣ его едва ли можетъ быть водворено болѣе шестисотъ семей-земледѣльцевъ, да и то подъ условіемъ отнятія всѣхъ почти лучшихъ кочевыхъ у кара-киргизовъ. Въ сосѣдней съ юго-запада долинѣ рѣки Кокчака, еще болѣе возвышенной надъ уровнемъ моря, быть можетъ, тоже найдется мѣсто для 150 или 200 дворовъ и, наконецъ, въ причуйской странѣ, т. е. на двухъ Кебнахъ и въ подгорной полосѣ Киргизининъ-Алатау, до Мерке, вѣроятно можно водворить до 1000 домовъ. Это составитъ въ общемъ итогъ 1750 дворовъ или 8,500 душъ, которыя и будутъ составлять главную опору русской власти въ при-иссыкульскомъ Тянь-шанѣ. Среди самихъ же Небесныхъ горъ, по системѣ Нарына, Аксаля и Сары-джаса, мѣстностей, годныхъ подъ селенія, очень немного, вслѣдствіе высоты нагорья надъ уровнемъ моря. Лучшія лежатъ по Нарыну, между укрѣпленіемъ Нарынскимъ (6,800 ф. надъ мор.) и развалинами Куртчи, отчасти, по Атъ-башу, Кара-панну и Аксаю. Долины же озера Сонъ-Куля и

Четырь-кула непригодны для культуры по причинѣ большой высоты этихъ водоемовъ надъ уровнемъ моря.

Перейдемъ теперь къ равнинамъ, лежащимъ у подошвы горъ, какъ съ сѣвера, такъ и съ юга. Бассейнъ рѣки Или уже описанъ при обзорѣ Чжунгарскаго участка; здѣсь должно замѣтить, что собственно подгорная его часть, т. е. долина Тенеса, содержитъ прекрасныя луговныя мѣстности. Сѣвернѣе Ирень-хабиргана, Катундаба, Богдо и далѣе къ востоку мы также видимъ полосу земли, весьма годную для культуры, которая тутъ и развилась во время китайскаго господства, особенно по сосѣдству съ Урумчи. Но полоса, годная для земледѣлія, здѣсь неширока, обыкновенно въ 3—6 верстъ; сѣвернѣе же ея лежатъ либо степи, либо камышевыя болота, за которыми также начинается пустыня. На югѣ отъ Тяньшаня подгорная, культурная низменность едва-ли не еще уже, чѣмъ на сѣверѣ, и притомъ встрѣчается исключительно тамъ, гдѣ вершинныя горъ носятъ снѣга, прерываясь въ мѣстахъ пониженія Тяньшаня, наиримѣръ на востокъ отъ Пичана и отчасти между Турфаномъ и Карашаромъ. Наиболѣе пышныя оазисы лежатъ у Аксу и Кашгара, гдѣ поэтому и сосредоточены двѣ важнѣйшія группы населенія Восточнаго Туркестана. Весь бассейнъ Тарима на югъ отъ подгорной полосы есть болѣе или менѣе голая, преимущественно песчаная, степь, за которою мѣста годныя для оскѣдностей встрѣчаются впервые не раньше, какъ у подножія Куень-луни, т. е. около Хотана, Яркента, а на западѣ Сары-кола и Янгисара. Высота этой степи на пространствѣ между Яркентомъ и Кашгаромъ нигдѣ не падаетъ ниже 4,000 футовъ надъ моремъ; что же касается до культурной подгорной полосы, то она переходитъ за 4,000 футовъ, и, наиримѣръ, у Кашгара достигаетъ 4,800, а у Сайрама и Бая вѣроятно 6,000 футовъ. Сопоставляя расположеніе населенныхъ пунктовъ въ Восточномъ Туркестанѣ и общія свойства среднеазиатскихъ подгорныхъ оазисовъ, можно, кажется, безъ большой ошибки сказать, что во владѣніяхъ Яллубъ-бека едва ли есть болѣе 200 кв. миль культурной земли, и только сильное ея плодородіе, обусловливаемое жаркимъ лѣтомъ и искусственнымъ орошеніемъ, позволяетъ на столь тѣсномъ пространствѣ жить 500 или 600 тысячамъ человѣкъ оскѣднаго населенія.

Вся обширная равнина Восточнаго Туркестана принадлежитъ къ водоему рѣки Тарима, которая составляется, главнымъ образомъ, изъ шести потоковъ: Хотанъ-дарья, Яркендъ-дарья, Кашгаръ-дарья, Аксу, Шахъ-аръ-дарья и Хайду-гола. Ни одна изъ этихъ

составныхъ вѣтвей, да и самый Таримъ, не судоходны по маловодью, частью естественному, происходящему отъ сухости климата, частью искусственному, произведенному распредѣленіемъ водъ по аркамъ немедленно по выходѣ рѣкъ и ихъ притоковъ изъ горъ. Изъ показаній Гейуорда, Шау и нашихъ путешественниковъ мы знаемъ, что, напримѣръ, Яркендъ-дарья, недалеко отъ города Яркенда, имѣетъ около двухъ верстъ ширины (съ островами), что рѣка Тумень-су въ Кашгарѣ пересѣчена мостомъ на судахъ, слѣдовательно годилась бы для плаванія лодокъ; но быстрое распушеніе водъ по каналамъ обезсиливаетъ обѣ эти рѣки, которыя потомъ уже не получаютъ притоковъ и подвергаются всей силѣ иссушающаго вліянія средне-азіатскаго климата. Въ междугорныхъ же частяхъ теченія всѣхъ рѣкъ описываемаго края очень быстры и имѣютъ каменистыя русла. Такимъ образомъ, для устройства естественныхъ сообщеній онѣ не годятся, и только лишь теченіемъ своимъ по степи указываютъ главные направленія для проведенія сухопутныхъ дорогъ, нуждающихся въ водѣ. Но по новѣйшимъ извѣстіямъ и въ этомъ смыслѣ роль ихъ стала очень неважною, потому что въ нижнихъ частяхъ ихъ столь мало воды, что русло Тарима наполняется ею лишь во время разливовъ, а озеро Лобъ, конецъ водоема, большую часть года представляетъ лишь заросшую камышемъ трясины.

Пути сообщенія.

Топографическій обзоръ страны показываетъ, что на всемъ ея пространствѣ нѣтъ водяныхъ путей; онъ же свидѣтельствуетъ о труднопроходимости всей горной полосы самаго Тянь-шаня, а отчасти и равнинъ въ бассейнѣ Тарима, которыя бѣдны водою и большею частію покрыты песками. Такимъ образомъ весь вопросъ о путяхъ сообщенія сводится на изученіе однихъ сухопутныхъ дорогъ съ подраздѣленіемъ ихъ на горныя и равнинныя. Разсмотримъ же послѣдовательно тѣ и другія.

Горныя цѣпи, составляющія Тянь-шань, на столько высоки, что большею частью покрыты вѣчными снѣгами, и потому, разумѣется, не имѣютъ продольныхъ дорогъ вблизи своихъ гребней, какъ то нерѣдко замѣчается во второстепенныхъ горахъ, напр. даже въ западной части Семирѣченскаго Алатау. Всѣ продольныя дороги тяньшаньской горной страны идутъ по долинамъ рѣкъ Нарина,

Акса, Кунгеса, Юлдуса и проч.,—и только одна, въ округѣ Куча, пролегаетъ между главнымъ хребтомъ и подчиненною цѣпью, по котловинамъ въ горахъ. Само собою разумѣется, что весь этотъ разрядъ дорогъ представляетъ лишь тропинки, годныя для вьючной, но не для колесной ѣзды, и притомъ по этимъ тропинкамъ нельзя пройти всего Тянь-шаня, не спускаясь на подгорныя плоскости. Такимъ образомъ, мы лишены возможности двигать отряды въ горахъ на значительныя разстоянія отъ запада къ востоку или обратно, чего, конечно, можно бы желать въ видахъ охраненія границы, тянущейся именно въ этомъ направленіи. Однако, нѣкоторые исключенія могутъ быть указаны, именно:

1) Мы имѣемъ длинную линію отъ верховьевъ Джумгала черезъ долину Кошкара, по сѣвернымъ предгорьямъ Терскея и чрезъ проходъ Санташъ на Текесъ и Чакилды-су, изъ которыхъ послѣдняя вѣтвь черезъ переваль Кетмень, въ горахъ Темурликъ, приводитъ въ Кульджу. Большая часть этой дороги можетъ быть пройдена съ повозками, и главныя естественныя затрудненія для устройства здѣсь экипажнаго сообщенія состоятъ въ трехъ перевалахъ: Кызартъ, Санташъ (съ Кизылъ-кля) и Кетмень, да въ глубокихъ оврагахъ, по которымъ текутъ рѣки, впадающія въ Иссыкъ-куль съ юга. Но оба эти препятствія не потребуютъ большихъ трудовъ для ихъ устраненія. Особенно при-иссыкульскіе овраги могутъ быть обойдены по горной дорогѣ, которая изъ котловины Кошкара идетъ на Улаколъ, Алабашъ, Кенуръ-Уленъ и Тонъ и выходитъ къ берегамъ озера лишь у впаденія въ него Уракыра. Для наблюденія за всѣми горами Терскея и за высочайшею частью Тянь-шаня, по обѣимъ сторонамъ Мусартскаго прохода, эта дорога очень важна. Длинна ея отъ истока Джумгала до Кульджи 520 верстъ; вода всюду въ изобиліи; травы большею частью хорошія, особенно въ восточной части иссыкъ-кульскаго бассейна и на Текесѣ.

2) Другой продольный путь есть вьючная тропинка вдоль по Нарыну отъ развалинъ укрѣпленія Тогузъ-торау черезъ Куртку и укрѣпленіе Нарынское до верховьевъ Нарына (Тарагая), съ котораго проникаютъ на рѣку Гиръ-ташъ, притокъ Сыра-джаса. При укрѣпленіи Нарынскомъ тропинка эта, идущая отъ Тогузъ-торау по лѣвую сторону Нарына, переходитъ на правый его берегъ по мосту, а у впаденія рѣки Карасая снова возвращается на лѣвую сторону, бродомъ. Впрочемъ между Нарынскимъ и Карасаемъ можно идти и по лѣвому берегу рѣки, но только съ меньшимъ

удобствомъ. Отъ Карасая тропинка уходитъ на востокъ, въ котловину Сары-джаса, на притокъ его Чагырь-су, оставляя на сѣверѣ горы, окружающія ледникъ Петрова, а на югѣ хребетъ Боръ-Болды.

3) По долинамъ Атъ-баши и Кара-Каина идетъ тропинка, которая на западѣ, черезъ проходъ Ташъ-Роватъ, выводитъ въ долину Арпы. Тутъ нетрудно устроить колесное сообщеніе, и вѣроятно вдоль этой дороги будетъ слѣдовать большинство каравановъ изъ Нарынскаго въ Кашгаръ, если установятся торговныя связи между этими пунктами. Изъ долины Кара-Каина черезъ перевалъ Шарыкты можно подняться на плоскогорье Чатырь-куля, а оттуда, повернувъ къ востоку, выйти на Аксай.

4) Путь по Аксаю ведетъ въ городъ Ушъ-Турфанъ, и въ осматрѣнной, западной его части очень удобенъ для движенія каравановъ, которымъ только приходится переходить много мелкихъ рѣчекъ, текущихъ въ Аксай съ юга и съ сѣвера.

Исчисленныя четыре дороги составляютъ какъ бы основу канвы, которой уткомъ служатъ поперечныя пути чрезъ за-иссыкульскій Тянь-шань. Этихъ послѣднихъ путей есть нѣсколько и направленія ихъ опредѣляются положеніемъ переваловъ въ горахъ. Исчислимъ главнѣйшіе, начиная съ запада:

5) Изъ Токмака тропинка идетъ на юго-востокъ и по трудному перевалу Шамсійскому выходитъ въ долину Кошкара. Отсюда она черезъ перевалы: Кызартъ, а потомъ Пшукъ или Кара-кія поднимается на плоскогорье альпійскаго водоема Сонъ-куля, и потомъ по проходу Мулды-асу и ущелью рѣчки Куртки выходитъ на Нарынъ у развалинъ укрѣпленія Куртки. Переправясь здѣсь черезъ рѣку, когда то допускаетъ состояніе воды, путешественникъ направляется на югъ къ горамъ Байбиче по рѣчкѣ Акъ-талу, и черезъ верховья послѣдней переходитъ въ долины Арпы или Аксаю, въ первомъ случаѣ черезъ перевалъ Джаманъ-даванъ, во второмъ черезъ проходъ Бай. Отъ истоковъ Арпы и Аксаю можно выйти на Чатырь-куль и отъ него черезъ проходъ Туругартъ и по долинѣ Тоюна достигнуть Артыша и наконецъ Кашгара. Все разстояніе отъ Токмака до Кашгара по этому пути будетъ 450 верстъ.

6) Значительно удобнѣе этой дороги тянущаяся нѣсколько восточнѣе ея, именно отъ Буамскаго ущелья на укрѣпленіе Нарынское и потомъ мимо Чатырь-куля къ Кашгару. Вся сѣверная ея половина, до укрѣпленія Нарынскаго, обращена нынѣ въ колесный

путь, который идетъ сначала по Буамскому ущелью, Кутемаддоу, долины Кошкара, на притокъ его Джуванъ-арыкъ, а потомъ черезъ перевалъ Долоу спускается въ долину Оттука и наконецъ Нарына. За Нарынскимъ укрѣпленіемъ дорога становится въѣзною, но можетъ быть безъ большихъ трудовъ обращена въ колесную, придерживаясь слѣдующаго направленія: отъ укрѣпленія прямо на югъ, потомъ на юго-западъ, черезъ горы, къ мѣсту слиянія Атъ-баши и Кара-Канна, долиною послѣдняго до перевала Шариты и потомъ мимо Чатыръ-куля на Туругартъ. Общая длина пути отъ сѣвернаго конца Баумскаго ущелья до Кашгара будетъ 445 верстъ, изъ которыхъ колеснаго пути до Нарына 210 верстъ и въѣзнаго отъ Нарына черезъ Туругартъ 235 верстъ.

7) Слѣдующій поперечный путь черезъ Тянь-шань будетъ: отъ Иссикъ-куля чрезъ проходъ Улаколъ на Кара-ходжуръ, а потомъ черезъ перевалъ Капка-ташъ на Султанъ-сары, Онарту и наконецъ къ укрѣпленію Нарынскому. Отъ послѣдняго черезъ Саръ-су можно выйти на Атъ-башу, а оттуда черезъ Богушты на Аксай и, оставивъ Чатыръ-куль съ запада, достигнуть прямо Теректинскаго прохода въ горахъ, ограничивающихъ кашгарскій горизонтъ съ сѣвера. За Теректами дорога пойдетъ по кашгарскимъ пикетамъ Джалтанъ-тасъ, Иссикъ и наконецъ Артышъ, отъ котораго до Кашгара одинъ переходъ и при которомъ уже есть селеніе. Отъ Кутемаддоу до Нарынскаго укрѣпленія этимъ путемъ 140 верстъ, а отъ Нарынскаго чрезъ Богушты и Теректы до Кашгара 210.

8) Идя далѣе къ востоку и пропуская малоизслѣдованные проходы въ Терскеѣ, Алабашъ, Конуръ-уленъ, Тонъ, мы достигаемъ у Керегенъ-таша начала четвертой поперечной дороги черезъ Тянь-шань, которая проходитъ по немъ въ направленіи уже не жеридіональномъ, а діагональномъ, отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Путь этотъ съ перевала Керегенъ-ташъ, уже описаннаго, ведетъ на Малый Нарынъ и чрезъ горы Джитымъ, достигаетъ Большого Нарына, а потомъ черезъ хребетъ Карагай переваливается на верховья Атъ-баши, и изъ долины этой рѣки черезъ перевалъ Тусъ-асу выходитъ на рѣку Аксай, откуда уже дорога въ Кашгаръ черезъ Теректинскій проходъ извѣстна. Вся эта дорога вообще не изъ лучшихъ, и длина ея, считая отъ устья Барскауна въ Иссикъ-куль, простирается до 320 верстъ, причемъ нужно дѣлать пять большихъ переваловъ и множество мелкихъ, черезъ отроги діагонально пересѣкаемыхъ горныхъ цѣпей. По южной половинѣ этого

пути, до перевала Тусь-асу, возвращаясь въ 1868 году изъ Кашгара-Рейнталя.

9) Отъ Заукинскаго прохода идетъ на юго-западъ же дорога параллельная предыдущей и даже сливающаяся съ ней въ долину Аксай. Дорога эта направляется сначала къ проходу Джитимъ-бель, куда есть также путь черезъ сырть отъ Барскауна. Достигнувъ затѣмъ Тарагая, т. е. верховья Нарына, она идетъ нѣкоторое время вдоль этой рѣки и потомъ уходитъ снова на югъ къ трудному перевалу Чапыръ-корумъ, за коимъ спускается на рѣку Кара-коль, чтобы снова подняться на горы Кубергенты. Отсюда тропинка ведетъ по Мюдюрупу на Аксай и далѣе на Теректы въ Кашгаръ. Это путь Валиханова, длиною отъ Иссыкъ-куля до Кашгара 385 верстъ.

10) Съ верховьевъ Барскауна и Зоуки идетъ поперечный къ Тянь-шаню путь въ Учъ-Турпанъ черезъ проходы Джитимъ-бель, Акъ-бель, Иштыкъ и Бедель. Дорога эта описана еще у Гумбольдта и Риттера и нанесена на распросную карту Нифантьевымъ; но у всѣхъ этихъ авторовъ встрѣчаются нѣсколько иные названія урочищъ, чѣмъ на нашихъ новѣйшихъ картахъ, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ крайнихъ горныхъ проходовъ, Заукинскаго и Бедель-давана. Это даетъ поводъ думать, что въ данномъ направленіи существуетъ нѣсколько параллельныхъ тропинокъ, хотя нѣтъ ности вдоль средней линіи путей отличается крайнею труднопроходимостью. Общее разстояніе отъ береговъ Иссыкъ-куля до Учъ-Турпана по этому направленію достигаетъ до 240 верстъ, и въ южной части дороги, т. е. съ рѣки Иштыка на Бедель даванъ въ Учъ, можно проѣзжать на колесахъ.

11) Минувъ высокій и обильный ледниками водораздѣлъ между бассейнами Нарына и Сары-джаса, мы вступаемъ въ область притоковъ послѣдняго, которая съ при-иссыкъ-кульской страной связана горными проходами Тюргенъ-Аксу и Турутъ, а отъ Мусарта отдѣлена горами Ханъ-Тентри и Сары-джась-тау, повидному непроходимыми. Идя отъ прохода Тюргенъ-Аксу, мы здѣсь послѣдовательно встрѣчаемъ перевалы Коелю-бель, Ишигартъ, Чагырь и Кукуртукъ, которые всѣ лежатъ въ снѣжныхъ горахъ. Трудная дорога эта рѣдко посѣщается караванами и приводитъ къ незначительному городку Учъ, до котораго отъ прохода Сантанъ получится этимъ путемъ не менѣе 220 верстъ.

12) За меридіаномъ Ханъ-Тентри и горъ Сары-джась-тау мы встрѣчаемъ поперечную дорогу черезъ Тянь-шань по Мусарт-

скому проходу. Свойства самого прохода уже описаны; что же касается до станцій и до разстояній по этому пути, то относительно ихъ существуютъ немаловажныя разнорѣчія, согласить которыя предстоитъ будущимъ изслѣдователямъ. Слѣдующія росписанія взяты у Риттера, Захарова и Шепелева:

По Риттеру.	По Захарову.	По Шепелеву.
Тезекъ 145	версть отъ Новой Бульджи.	
Шату 10	Шату-аманъ 36	Нач. Мусар. ущел. . . 8
Арасанъ 15		
Ханъ-чжеу-ло 25	Гакчахархай 42	
Пер. Мусартъ 15		Пер. Мусартъ 50
Тамга-тамъ 30	Тамга-тамъ 62	Тамга-тамъ 28
Терекъ 15	Устенъ-тогай 36	Кайлакъ 12
Каланды 20		Тупракъ 15
Турпагадъ 15	Тубъ-арадъ 42	Куръ-Мусартъ 32
Арбатъ 40	Хон-хорокъ 42	Кизылъ-булакъ 14
Кизылъ-су 25	Арбатъ 21	Ауатъ 12
Шаланча 20	Чжамъ 40	Джамъ 34
Г. Аксу 20	Аксу 40	Шлентч 20
		Лянгеръ 18
		Аксу 22
415	588	411
По Клостерману . . 400	по Палладію 615	

Труднѣйшая часть дороги находится между станціями Шату и Арбатомъ, по маршруту Риттера. Эти 185 верстъ можно дѣлать только верхомъ, да и то мѣстами нужно слѣзать. Ширина ледяного моря на Мусартѣ равна 8 верстамъ.

13) Вьючныя дороги черезъ Тянь-шань восточнѣе Мусарта, черезъ Кожъ-су, Дагытъ и Наратъ, въ котловину Юлдуса, а потомъ къ Карашару еще не описаны въ подробности; но первая изъ нихъ есть труднѣйшая. По всѣмъ тремъ дорогамъ разстояніе отъ Бульджи до Карашара колеблется между 450 и 500 верстами.

Вся описанная сѣтъ горныхъ путей примыкаетъ на сѣверѣ и югѣ къ двумъ большимъ дорогамъ, лежащимъ у подножьи горъ и составляющимъ главнѣйшія въ военномъ смыслѣ дороги по тянь-шаньскому пограничному пространству, съ одной стороны у насъ, а съ другой во владѣніяхъ Якубъ-Бека кашгарскаго. У насъ такая дорога начинается.

14) отъ укрѣпленія Мерке на западѣ и ведетъ сначала по подгорью Киргизынь-алатау, потомъ, черезъ Буамское ущелье, на Иссыкъ-куль, по сѣверному его берегу, далѣе черезъ Сантамъ на Каркару, Кегенъ, Чакилды-су и черезъ хребетъ Темурлинь къ

Кульджі. Общее разстояніе между двумя крайними пунктами равно 746 верстамъ, а въ частности отъ Мерке до Кутемалдовъ 263, отъ Кутемалдовъ до Преображенскаго на устьѣ Туба 191 вер. и отъ Санташа до Кульджи 292 версты. Вся дорога отъ Мерке до Санташа колесная, да и за Санташемъ въ хорошее время года можно употреблять для ѣзды по крайней мѣрѣ одноколки. До нѣкоторой степени продолженіемъ этой дороги на востокъ отъ Кульджи нужно считать бывшій почтовый, а нынѣ лишь караванный трактъ изъ этого города до Урумци. Трактъ этотъ, по даннымъ китайской государственной географіи и по нашимъ новѣйшимъ съемкамъ, имѣетъ длины: до развалинъ Куръ-кара-усу 330 верстъ, отсюда до Манаса 140 верстъ и далѣе до Урумци 160, всего же 630 верстъ. Станцій нынѣ здѣсь нѣтъ, ибо страна обращена дунганскимъ возстаціемъ въ пустыню; но можно сказать, что на каждомъ переходѣ въ 25—30 верстъ непремѣнно встрѣчается рѣчка, довольно многоводная, чтобы не только напоить самые многочисленныя степныя отряды, съ ихъ вьючнымъ и продовольственнымъ скотомъ, но и служить для орошенія полей, если селенія возникнутъ по прежнему.

15) Подобная же дорога идетъ вдоль южнаго подгорья Тяньшаня, отъ Кашгара чрезъ Ушъ, Аксу и Карашаръ до Пичана и Хами. По ней общее разстояніе отъ Кашгара до Хами равно 2,294 верстамъ, въ частности же до Аксу 400 верстъ, до Кучи 750, до Карашара 1,250, до Турфана 1,710 верстъ. Отъ Турфана до Урумци едва-ли есть болѣе 150 верстъ.

16) Въ приведенномъ маршрутѣ № 15 первая его часть, отъ Кашгара до Аксу, при китайцахъ не была, впрочемъ, почтовой дорогою, а послѣдняя шла отъ Кашгара внизъ по Кашгаръ-дарѣ чрезъ Барчуль и потомъ поворачивала на рѣку Аксу, по слѣдующему маршруту:

Кашгаръ	0 вер.	Чайширинъ	20 вер.
Шантуль	40 >	Иеренде	20 >
Фейзабадъ	10 >	Отусъ-каме	20 >
Янги-абадъ	20 >	Вишъ-худукъ	20 >
Бортень-тугуринъ	80 >	Янги-арыкъ	20 >
Кизылъ-дарья	30 >	Айхуръ	20 >
Мараль-баши	20 >	Календеръ-ханъ	20 >
Барчуль	20 >	Аксу	20 >
Куччуль	20 >		400 вер.

Существуют ли нинѣ по этой дорогѣ почтовые станціи, не-
извѣстно; но Барчунъ, повидимому, продолжаетъ быть правильнымъ
населеннымъ пунктомъ; имя же другой станціи Маралъ-баши поль-
зуется въ странѣ популярностью, вслѣдствіе побѣды, одержанной
тутъ въ 1865 году Якубъ-бекомъ.

17) Отъ Кашгара идетъ на юго-востокъ большая дорога въ
Яркентъ, самый обширный изъ теперешнихъ городовъ Восточнаго
Туркестана. Разстоянія тутъ слѣдующія:

По Китайской геогр.		По Р. Шау.	
Кашгаръ	0 вер.	Кашгаръ	0 вер.
Тисгунъ	45 »	Іепчунъ	20 »
Тоблукъ	40 »	Янгисаръ	30 »
Кивилъ	25 »	Тоблокъ	28 »
Гоби	38 »	Кизилъ	15 »
Галагу-джась	35 »	Атъ-Лунгаръ	23 »
Яркентъ	25 »	Кокъ-Робатъ	20 »
		Яркентъ	40 »
203 вер.		176 вер.	

Дорога эта совершенно удобна для ѣзды въ экипажахъ, осо-
бенно при нынѣшнемъ повелителѣ Джитышара Якубъ-бекѣ, который
вообще обращаетъ большое вниманіе на устройство путей сообще-
нія. По пути встрѣчается много селеній и рѣчекъ.

18) Въ Яркентѣ есть дорога и отъ Аксу, тянущаяся вдоль
рѣки Аксу и Яркентъ-дарьи, а отчасти степью. По китайской
географіи разстояніе между двумя городами равно 582 верстамъ.

17) Отъ Аксу есть прямая дорога въ Хотанъ; вдоль рѣки
Аксу и Хотанъ-дарьи и поперекъ Кашгаръ-дарьи, о переправѣ че-
резъ которую мы однако же ничего не знаемъ, быть можетъ по-
тому, что рѣка эта въ мѣстѣ перехода черезъ нее весьма махо-
водна. Обыкновенно караваны ходятъ изъ Аксу въ Хотанъ двѣ-
надцать дней, а одинокій всадникъ можетъ пріѣхать на четвертый
день.

18) Хотанъ соединенъ колесною дорогою съ Яркентомъ, че-
резъ Санжу, Коштакъ, Бору и Каргалыкъ; длина всего пути 240
верстъ.

19—24) Къ этимъ путямъ, прорѣзывающимъ внутренность Во-
сточнаго Туркестана, для насъ немаловажно присоединить ука-
занія на дороги, которыми эта страна связывается на югѣ съ
Индією и на западѣ съ Афганистаномъ и другими средне-азиат-
скими землями. Вообще всѣ эти дороги, изъ которыхъ мы назо-

вѣшь здѣсь только шесть, суть горныя тропинки, проходящія на большихъ абсолютныхъ высотахъ, перѣдѣо черезъ снѣжныя перевалы въ Болорѣ и Гималаяхъ, и потому самыми качествами своими дѣлають трудными широкія сношенія владѣній Якубъ-бека съ ихъ южными и западными сосѣдами. Исходнымъ пунктомъ дорогъ изъ Индіи въ бассейнъ Тарима нужно считать Ладакъ, во владѣніяхъ магараджи Кашмирскаго. Отсюда, чрезъ Чанъ-Ченмо и плоскогоріе Линъ-цзи-тунъ идетъ дорога въ Хотанъ, пересѣкающая разныя вѣтви западо-тибетскихъ горъ на высотахъ отъ 16 до 18,000 футовъ. Съ Линъ-цзи-туни, черезъ проходъ Кизылъ, отдѣляется еще вѣтвь на Яркентъ, по которой, въ общемъ итогѣ, между этими городомъ и Ладакомъ выходитъ 760 верстъ. Другая дорога между Ладакомъ же и Яркентомъ есть табистанская, ведущая черезъ проходъ Дигуръ-Ла, на Шайокъ, затѣмъ черезъ Каракорумскій проходъ на Шахдулу и Санчжу. Здѣсь, кромѣ Каракорума, приходится еще переваливать черезъ Суджетъ (18,200 футовъ) и Санчжуйскій проходъ (16,600 футовъ), и разстояніе между крайними точками пути выходитъ 720 верстъ. Еще западнѣе лежитъ дорога замистанская, которая изъ Ладака направляется черезъ перевалы Кардонъ (17,500 футовъ), Сассеръ (18,000 футовъ), Каракорумъ (18,300 футовъ) и Янги къ городку Кутъяру, откуда чрезъ Каргалы въ Яркентъ, всего на протяженіи 800 верстъ. Съ верховьевъ Аму-дарьи извѣстнѣйшая дорога есть та, которая ведетъ мимо озера Баркутъ-Ясинъ (13,200 футовъ) на Сарыколь или Ташъ-Курганъ съ одной стороны къ Кашгару чрезъ перевалъ Чачиклиъ (10,800 футовъ), а съ другой къ Яркенту вдоль западнаго истока Яркентъ-дарьи. Здѣсь свободно проходятъ караваны бадакшанскіе, бухарскіе и афганскіе. Другая дорога изъ бассейна Окса приходитъ въ Кашгаръ черезъ Каракульскій проходъ, мимо озера Каракуля и по р. Яманъ-яру: свойствъ ея мы не знаемъ съ достовѣрностью, хотя ею шли китайцы въ 1759 г. Наконецъ, изъ Ферганы, т. е. съ рѣки Сыръ-дарьи, приводитъ въ Кашгаръ же дорога терекъ-даванская, по которой разстояніе между этими городомъ и Коканомъ выходитъ около 460 верстъ и по которой, на половинѣ пути, нужно переваливать черезъ Терекъ-дабанъ, высоту, вѣроятно, до 12,000 футовъ, а быть можетъ и больше. Перевалъ этотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, бываетъ очень труденъ по причинѣ большихъ камней, и тогда караваны пересѣкають южнотянь-шаньскую цѣпь нѣсколько западнѣе, дѣлая объѣздъ почти на Алай и прибавляя тѣмъ дня три или четыре ходу.

Естественная производительность.

Разсматривъ съ нѣкоторою подробностью топографію, тѣнь-шаньскаго пограничнаго пространства, гдѣ мѣстность вообще можетъ оказывать первостепенное вліяніе на всѣ военныя соображенія и предпріятія, мы можемъ быть кратки при обзорѣ естественныхъ произведеній края. Причина та, что вся горная полоса самаго Тянь-шаня представляетъ въ этомъ отношеніи совершенное сходство съ нагорными мѣстностями Туранскаго и Чжунгарскаго участковъ, а всѣ равнины напоминаютъ степи тѣхъ же двухъ участковъ. Затѣмъ, по отношенію къ растительному покрову можно замѣтить слѣдующее. Вообще на горахъ нѣтъ лѣсовъ, кромѣ ~~сѣверныхъ~~ отклоновъ тѣхъ краевъ, которые покрыты вѣчными снѣгами, да и изъ этого правила есть исключенія, какъ, напримѣръ, въ западной половинѣ при-иссыккульскаго Терсека, гдѣ сухіе вѣтры съ при-чуйской степи убиваютъ лѣсную растительность. Полоса лѣсовъ по горамъ обыкновенно держится между 4 и 9,800 футовъ надъ моремъ; въ равнинахъ же деревья встрѣчаются исключительно по мѣстамъ орошеннымъ, да и тутъ насажены рукой человѣка. Затѣмъ, какъ равнины, такъ и горы представляютъ безлѣсныя степи, совершенно безплодныя вдали отъ горъ, но травянистыя, если онѣ лежатъ у подножія снѣговыхъ краевъ. Такъ сонъ-кульское плато (9,800 футовъ) извѣстно своими превосходными травами; такъ отклонъ и подножія Терсека въ восточной половинѣ Иссык-куля богаты сочной растительностью не только травяною, но и древесною. На высокихъ сыртахъ, т. е. плоскогоріяхъ, не ниже 6,000 футовъ, по Нарыну, Аксаю, Текесу, Юлдусу влажная почва бываетъ обыкновенно покрыта превосходнѣйшими травами; но при большихъ высотахъ эти травы смѣняются мхами и почва дѣлается болотистою. Вслѣдствіе спорадическаго распредѣленія плодородныхъ оазисовъ какъ въ равнинныхъ, такъ даже и въ нагорныхъ частяхъ края, весьма важно бываетъ знать, при движеніи каравановъ или отрядовъ, гдѣ именно такіе оазисы находятся. Наибольшіе изъ нихъ, впрочемъ, издавна отличены сгруппированіемъ въ нихъ массъ осѣдлаго населенія. Таковы въ нашихъ предѣлахъ подгорныя долины Александровскаго хребта, Терсека, Мусартскихъ горъ; таковы въ Восточномъ Туркестанѣ окрестности Ярента, Кашгара, Аксу и Урумчи. Культурная растительность по этимъ оазисамъ имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, что и въ Нагор-

номъ Туранѣ; но только болѣе возвышенное положеніе края надъ моремъ стѣсняетъ округи распространенія болѣе нѣжныхъ растеній. Въ ботанико-географическомъ смыслѣ любопытно замѣтить близкое сходство Тянь-шаньской флоры съ гималайскою, что доказано изслѣдованіями Семенова, Остенъ-Сакена, Сѣверцова и проч.

То же можно сказать и про животное царство, въ числѣ представителей котораго встрѣчаются, напримѣръ, гималайскіе горные козлы, олени, яки и проч. Но какъ для насъ важнѣе всего культурныя животныя, то замѣтимъ, что хотя породы ихъ здѣсь тѣ же самыя, что въ Нагорномъ Туранѣ, но пропорція разныхъ видовъ иная. Мелкимъ домашнимъ скотомъ служатъ не только бараны, но и козлы; среди крупнаго, кромѣ лошадей и коровъ, встрѣчаются яки, лошаки и ослы, изъ которыхъ двѣ послѣднія породы особенно свойственны культурной полосѣ Восточнаго Туркестана, у насъ же встрѣчаются рѣдко. Верблюды есть главное вьючное животное какъ по равнинамъ, такъ и въ горахъ; но у горцевъ онъ частію замѣняется якомъ, частію лошадыю. Овцы Тянь-шаньскаго нагорья снабжаютъ жителей не только овчинами, мясомъ и саломъ, но также шерстью для ковровъ и войлоковъ, изъ которыхъ послѣдніе съ особымъ искусствомъ приготовляются кара-киргизами. Шкуры крупныхъ животныхъ служатъ для выдѣлки довольно хорошихъ кожъ жителями Яркента, Кашгара и проч.

Нагорная полоса Тянь-шаня имѣетъ много минеральныхъ богатствъ. Золото добывается въ сѣверныхъ отклонкахъ Катунь-даба, на югѣ отъ Курь-кара-усу, Манаса и на западѣ отъ Урумци, гдѣ его вымываютъ изъ песковъ по рѣчкамъ. Серебро встрѣчается въ горахъ, обставляющихъ съ сѣвера долину Текеса. Свинецъ тамъ же и еще въ горахъ сѣвернѣе Кашгара. Мѣдь на западѣ отъ города Бай, у города Кучи, и опять на сѣверѣ отъ Текеса. Желѣзо извѣстно во многихъ мѣстахъ, но разработка его незначительна, потому что жители, напримѣръ, Урумци, не знаютъ домашнего производства, а получаютъ крицы на ручныхъ горнахъ. Название озера Иссык-Куля, Темурту-норъ, по-монгольски жгѣзное озеро, показываетъ, что этотъ металлъ издавна извѣстенъ въ прибрежныхъ горахъ; но кара-киргизы добывали его очень мало и почти только изъ песковъ по рѣчкамъ, стекающимъ съ Кунтуй-Алатау. Каменный уголь также находится во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, около Карапара и проч. Нашатырь довольно часто встрѣчается среди Тянь-шаньскихъ горъ, напримѣръ, даже на рѣкѣ Сѣверномъ Мусартѣ, но особенно въ окрестностяхъ Кучи

и Турфана, гдѣ горѣніе паровъ его заставляло въ прежнее время думать о существованіи въ Тянь-шанѣ вулкановъ. Янши, нефриты и другіе цѣтные камни издавна добываются въ окрестностяхъ Яркента, Хотана, Кашгара. Вообще о производительности Восточнаго Туркестана легко судить, напримѣръ, по слѣдующей таблицѣ сборовъ, которыми были обложены при господствѣ китайцевъ жители Яркента:

Золота	20 ланъ.
Серебра.	35,370 „
Мѣди.	3,000 гинъ.
Разнаго хлѣба	30,504 мѣшва.
Хлопчатой бумаги	15,000 гинновъ.
Хлопчато-бумажной бязи. . . .	57,569 кусновъ.
Бичевъ.	1,297 концовъ.
Растительнаго масла	800 гинновъ.

Все это были произведенія туземныя, къ которымъ еще можно прибавить шелкъ и шелковыя ткани, халаты, ковры, войлоки и огромное количество фруктовъ. Впрочемъ, замѣтимъ, что окрестности Яркента составляютъ лучшую въ смыслѣ производительности часть Восточнаго Туркестана. По свидѣтельству Гейуорда и Шау, растительность здѣсь пышнѣе, плоды обильнѣе и лучше, чѣмъ даже въ Кашгарѣ; какъ то и естественно, если принять во вниманіе, что Яркентъ лежитъ на полтора градуса южнѣе Кашгара и на 700 или 800 футовъ ниже его надъ уровнемъ моря. Другіе оазисы, обращенные на себя вниманіе по обширности и плодородію, суть: Аксуійскій, Кучинскій, Хотанскій, Карапарскій и, на сѣверѣ отъ Тянь-шаня, Урумчійскій, долина Тевеса и юго-восточныя прибрежья озера Иссыкъ-Куль. Два послѣдніе, впрочемъ, извѣстны прокладностью климата, равно какъ и окрестности Сайрама и Вая, на южной сторонѣ Небесныхъ горъ. На Тевесѣ, напримѣръ, нрѣдкость въ началѣ мая видѣть паденіе снѣга, да и въ Иссыкъ-Кулѣ зима довольно продолжительна и сурова.

Населеніе.

Топографическія свойства почвы и ея производительность въ разныхъ частяхъ тянь-шаньскаго пограничнаго пространства обуславливаютъ группировку населенія и отчасти самый составъ его. Тамъ, гдѣ выходъ изъ горъ на равнины многоводныхъ рѣкъ

дасть возможность орошать почву, тамъ издавна ступилось осѣдное и промышленное населеніе; въ степяхъ же и по горамъ держатся номады, живущіе отчасти произведеніями своихъ стадъ, отчасти перевозкою товаровъ или даже грабежѣмъ каравановъ. Къ составу кочевого населенія, главнымъ образомъ, принадлежать киргизы и казашки; осѣдное же населеніе образуютъ мало-бухарцы и нѣкоторые другія племена, частію монгольской и тюркской, частію даже арійской расы.

1) *Кара-киргизы* или буруты есть главное населеніе горъ, окружающихъ амфитеатромъ западную половину Джитышара. Въ Тянь-шанѣ ихъ восточнымъ предѣломъ нужно считать меридіанъ Кучи; на сѣверѣ они распространяются до горъ Кунгей-Алатау и до сѣвернаго склона хребта Александровскаго; на западѣ переходятъ въ Нагорный Туранъ, къ сторонѣ Аулие-ата, Намангана, Кокана и къ верховьямъ рѣкъ аму-дарьинскаго бассейна; южные ихъ предѣлы лежатъ въ отрогахъ горъ Куенъ-лунъ, т. е. въ окрестностяхъ Ярлента и даже Хотана. Вся степь между этими предѣлами также содержитъ почти однихъ кара-киргизовъ, которые, такимъ образомъ, являются господами большей части края, конечно не въ политическомъ и экономическомъ, а только въ пространственномъ отношеніи. Какъ велико ихъ число, мы не знаемъ; но слѣдующее соображеніе можетъ дать хотя приблизительную идею о немъ. Въ нашихъ предѣлахъ, именно въ уѣздахъ Токмакскомъ и Иссик-кульскомъ, по численію организаціонныхъ комиссій, должно полагать около 140,000 душъ; площадь же этихъ двухъ уѣздовъ едва-ли составляетъ одну шестую всей площади, занятой кара-киргизами въ границахъ описываемаго пространства. Итакъ, во владѣніяхъ нашихъ и Якубъ-бека кашгарскаго нужно считать приблизительно 850,000 кара-киргизовъ. Они суть исконные обитатели этихъ мѣстностей и раздѣляются по происхожденію, подобно туранскимъ узбекамъ и степнымъ киргизъ-кайсакамъ, на роды. Эти роды, числомъ 14, въ свою очередь, подраздѣляются на подроды и колѣна, а въ цѣломъ своемъ составѣ сливаются въ двѣ большія генеалогическія группы: *онъ*, правые (*Bourouttes orientaux* у Клаппота), и *солъ*, лѣвые (*Bourouttes occidentaux*). Къ первой группѣ принадлежатъ роды: Богу, Сары-багышъ, Султы, Черикъ, Саякъ, Адыгана, Багышъ, Монандырь, Джадыгырь и Тунгатаръ; ко второй роды Бочке, Сору, Мундугъ и Кытай. Всѣ послѣдніе, а также изъ первой группѣ роды Монандырь, Джадыгырь и Тунгатаръ, кочуютъ во владѣніяхъ Якубъ-бека; Адыгинъ, Багышъ и часть дру-

гихъ родовъ держатся коканскихъ земель, а роды Султы, Сарыбагышъ, Богу и значительная часть Саяковъ и Чериковъ принадлежать къ подданнымъ Россіи.

Характеръ мѣстности, занятой кара-киргизами, произвелъ свое вліяніе на ихъ общественный строй въ томъ смыслѣ, что не далъ образоваться не только одному могущественному владѣнію, но даже мелкимъ княжествамъ, съ аристократическими главами, въ родѣ степныхъ киргизскихъ султановъ. Отъ того бурутскіе старшины, хотя нерѣдко наслѣдственные, суть люди черной кости, т. е. плеbei. Старшины эти называются мананами, въ русскихъ же владѣніяхъ просто волостными и аульными старшинами или біими (судьи), такъ какъ всѣ они суть лица выборныя и званія свои получаютъ на основаніи общаго степнаго положенія. Волостей этихъ у насъ 22; по наравнѣ съ ними въ Токмакскомъ уѣздѣ, по р. Чу, живутъ и управляютъ еще три волости киргизовъ Большой орды.

Буруты суть народъ тюреской расы, уйгурскаго колѣна, и происхожденіе свое выводятъ изъ окрестностей Андиждана, хотя еще въ XVII вѣкѣ значительная часть ихъ кочевала по верхнимъ частямъ рѣки Енисея, почти до самаго Красноярска. Они сродни узбекамъ, и напримѣръ родъ Кыпчаевъ, въ Коканскомъ ханствѣ, до нѣкоторой степени можетъ быть признаваемъ общимъ обоимъ народамъ. Жизнь въ горахъ, однако, во многомъ обособила кара-киргизовъ отъ узбековъ, а также отъ осѣдлыхъ мало-бухарцевъ и даже отъ степныхъ киргизъ-кайсаковъ, такъ что, несмотря на извѣстный филологическій фактъ, что всѣ тюрескія нарѣчія стоятъ гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ нарѣчія другихъ языковъ, буруты далеко не всегда понимаетъ, напримѣръ, татарина изъ Казани или даже номада изъ сибирской степи. Грамотнаго языка у полудикихъ горныхъ пастуховъ, разумѣется, нѣтъ, и если изъ нихъ кто учится читать и писать, то на языкѣ мало-бухарскихъ татаръ. Поезія легендъ и сказокъ, изустно передаваемыхъ рапсодами, у нихъ однако своя. Ихъ промыслы очень немногочисленны и состоятъ, кромѣ разведенія стадъ и торговли скотомъ, въ приготовленіи войлоковъ, шапокъ, нагаевъ, сѣделъ и т. п. Все же нужное для одежды они получаютъ готовымъ или въ видѣ тканей у коканскихъ, кашгарскихъ и русскихъ купцовъ. Хлѣбопашествомъ занимаются изъ нихъ очень немногіе, гораздо менѣе, чѣмъ напримѣръ киргизы Большой орды, и къ хлѣбу народъ привыкъ еще очень мало, замѣняя его сполна мясомъ, кумысомъ, куртормъ и другими продуктами скотоводства. Долгое время буруты считались

воинственными, благодаря тому, что часто грабили караваны и разбивали (чебарили) аулы соседей; но съ подчиненіемъ ихъ русской власти оказалось, что это столь же покорный, хотя склонный къ неповиновенію *слабой* власти, народъ, какъ и всѣ прочіе обитатели Средней Азии. Неизвѣстно, употребляли ли ихъ наши начальства при отрядахъ, въ видѣ милиціонеровъ и почтарей, но вѣроятно они могутъ быть также легко приучены къ этой службѣ правительству, какъ и всѣ прочіе киргизы. Подати уличиваются ими наравнѣ съ другими кочевниками. Но тамъ, гдѣ власть слаба, они склонны къ безпорядкамъ, особенно къ барантѣ (угону чужого скота) и грабежу каравановъ. Послѣдній промыселъ у нихъ долго былъ обставленъ нѣкоторою легальностью. Именно, почти каждый манапъ считалъ себя въ правѣ требовать, чтобы проходящій мимо его кочевокъ караванъ зашелъ къ нему въ гости и потомъ широко рукою заплатилъ за гостепріимство. Теперь въ нашихъ владѣніяхъ всѣмъ этимъ своевольствамъ положенъ предѣлъ, потому что грабежъ судится русскимъ судомъ, да и Якубъ-бежъ кашгарскій едва-ли потакаетъ грабителямъ, такъ что караваны между Кашгаромъ и Вѣрнымъ ходятъ въ совершенной безопасности. Въ 1871 году они провозили товаровъ болѣе чѣмъ на 600,000 р. сер., и кара-киргизы были, конечно, главнѣйшими возчиками этого груза, но не грабителями его. Устройство хорошихъ дорогъ въ горахъ и возникновеніе русскихъ осѣдлостей среди кара-киргизскихъ земель болѣе всего можетъ смягчить нравы полудикаго народа; а если бы къ тому еще присоединить искусную пропаганду религіозныхъ понятій, въ замѣнъ очень шатко знакомага кара-киргизамъ ислама, то можно бы надѣяться на скорое перерожденіе многовѣковыхъ хищниковъ въ народъ совершенно мирный и невраждебный намъ.

2) *Мало-бухарцы* суть народъ, говорящій тюркскимъ языкомъ, но по справедливости причисляемый Шау къ арійской расѣ, отуречившейся со времени утвержденія ислама и власти узбековъ во всемъ Туркестанѣ. Они составляютъ населеніе городовъ и деревень Джитишара и занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, торговлей и разными, довольно многочисленными ремеслами, начиная отъ кузнечнаго и плотничнаго до тканья шелковыхъ матерій и шлифовки дорогихъ камней. Только въ дѣлѣ торговли они имѣютъ репутацію обманщиковъ, да и вообще принадлежать къ самымъ развращеннымъ представителямъ средне-азіатской цивилизаціи. Поэтому строгая власть, чисто деспотическаго характера, сдѣлалась

для нихъ совершенной необходимостью, и Якубъ-бекъ очень хорошо понимаетъ это, являясь неумолимымъ судьбою всякаго рода мошенничества и другихъ мѣстныхъ пороковъ. Въ политическомъ отношеніи мало-бухарцы также весьма коварный народъ. «Въ самое спокойное время, гворитъ авторъ китайской географіи, если старшины и ахуны (духовенство) ихъ нѣсколько дней собираются въ одно мѣсто, то непремѣнно рождаются противозаконные замыслы, и народъ слѣпо обвиняется заговорщикамъ». Отъ того такое множество революцій въ странѣ за какіе-нибудь сто лѣтъ, именно, въ 1755 — 1758 годахъ возмущеніе Ворониду и Ходжи Джана, въ 1765 году ушское, въ 1825, 1830, 1857 и 1865 годахъ кашгарскія, изъ которыхъ послѣднее, сдѣлавшись общимъ городамъ Джитышара, повело къ окончательному его отпаденію отъ Китая.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что кашгарскія инсurreкціи происходили столько же отъ мятежнаго духа самихъ жителей этого города, ненавидѣвшихъ притѣснительную китайскую власть, сколько и отъ существованія потомковъ прежнихъ независимыхъ государей Кашгара, изъ которыхъ напримѣръ Ходжа-Апакъ пользуется репутаціею святаго. Нынѣшній повелитель Джитышара, Якубъ-бекъ, потому, между прочимъ, легко и утвердился въ Кашгарѣ, что явился сначала лишь полководецъ одного изъ ходжей, потомковъ Апака, именно Везуръ-хана, котораго, впрочемъ, скоро устрѣлъ съ рукъ.

Общіе средне-азиатскіе и мусульманскіе праздники и обычаи господствуютъ между мало-бухарцами. Но гаремная жизнь менѣе развита чѣмъ, напримѣръ, въ Персіи и Бухарѣ, почему и женщины пользуются значительною свободою, являются на улицы безъ покрывала, поютъ и пляшутъ на празднествахъ и т. п. Онѣ даже, безъ особаго риска, злоупотребляютъ этою свободою, вступая въ краткосрочные браки съ прѣзжими мужчинами, и Каульбарсъ приводитъ цѣлыя по обычаю платимыя иностранцами такимъ случайнымъ супругамъ. Но какъ собственно неспособныхъ женщинъ, содержимыхъ въ публичныхъ домахъ, по мало-бухарскимъ городамъ нѣтъ, ибо этого не позволяетъ мусульманскій законъ, то мѣстные развратники довольствуются тайными связями съ чужими женами и дочерьми или, еще чаще, прибѣгаютъ къ бачамъ. Это даетъ лучшую мѣрку всей нравственности мало-бухарцевъ.

Значительное умственное и промышленное превосходство мало-бухарскаго населенія надъ сосѣдними номадами, кара-киргизами и калмыками, дѣлаетъ ихъ не только экономическими, но и политическими господами Восточнаго Туркестана, хотя число ихъ едва ли

превосходить 580,000 душъ. На этой цифрѣ, по крайней мѣрѣ, останавливается Петерманъ, слѣдуя Форесту и Валиханову; и въ самомъ дѣлѣ, счисленіе по городамъ приводитъ именно къ этой цифрѣ, какъ будетъ видно ниже, при описаніи самихъ городовъ.

Мало-бухарцы, не смотря на свою нравственную испорченность, весьма фанатичны въ смыслѣ религіозномъ. Наружные обряды исламизма исполняются ими съ большою строгостью, особенно со времени утвержденія власти Якубъ-бека, который требуетъ наружнаго благочестія и вѣрности мусульманству. Онъ не затруднился истребить до 40,000 китайцевъ, мирно жившихъ въ Восточномъ Туркестанѣ и не противившихся его власти, но лишь не желавшихъ принять магометанскую вѣру. То же вѣроятно бывало и въ прежнія времена, ибо происхожденіе *дунганъ* приписывается именно насильственному обращенію въ исламизмъ китайцевъ, особенно дѣтей тѣхъ изъ нихъ, которое, по неимѣнію другихъ женщинъ, вступали въ бракъ съ мусульманами. Въ настоящее время, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, есть въ Джитышарѣ до 7,000 китайцевъ-магометанъ, обращенныхъ не далѣе, какъ со времени утвержденія бадаулета Якуба.

3) *Калмыки* суть представители третьей большой расы, изъ числа тѣхъ, которые приходятъ въ прикосновеніе въ Тянь-шаньскомъ пограничномъ пространствѣ, именно расы монгольской. Они вочуютъ въ бассейнѣ рѣки Хайду-гола, главнымъ образомъ въ между-горныхъ долинахъ по Юлдусу, и число ихъ вѣроятно не превосходитъ 50,000 душъ, ибо при китайцахъ они обязаны были выставять 9,900 всадниковъ, что соотвѣтствовало общему итогу населенія въ 90,000 душъ; но съ тѣхъ поръ значительная ихъ часть истреблена въ междоусобіяхъ или же ушла на сѣверъ отъ Тянь-шаня, въ Кульджинскій округъ. Калмыки эти принадлежатъ къ колымъ Хошотовъ и Торгоутовъ и управляются своими тайшами. Они враги Якубъ-бека и съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о времени владычества китайцевъ. Якубъ-бекъ поэтому ихъ притѣсняетъ, обременяя тяжелыми и временными сборами вьючнаго и продовольственного скота для своихъ войскъ.

4) Въ окрестностяхъ Яркента, какъ на юго-востокѣ отъ него, такъ особенно на западѣ, въ горныхъ долинахъ Куемъ-луни и Болора, живутъ разныя мелкіе народцы, рѣзко отличающіеся типомъ и языкомъ отъ всѣхъ тюркскихъ и монгольскихъ обитателей Восточнаго Туркестана, и безъ сомнѣнія принадлежащіе къ арійской расѣ. Этыхъ людей китайская географія называла *болорцами*; Шау же,

видѣвшій ихъ на югъ отъ Яркента, именуетъ *оазианами*, не распространяя впрочемъ этого названія на всѣ сродныя сосѣднія племена. Весьма недавно существовало, повидному, маленькое государство изъ людей этого племени въ Сыр-колѣ или Ташъ-журганѣ, на верховьяхъ лѣвыхъ притоковъ Яркентъ-дарьи; но въ 1869 году Якубъ-бекъ покорилъ это владѣніе, а жителей его, оказавшихъ значительное сопротивленіе, увелъ въ Кашгаръ и поселилъ на востокъ отъ этого города. Очень вѣроятно, что эти болорцы или вахиане родственны гальчанамъ и другимъ индо-персидскимъ племенамъ верховьевъ Аму-дарьи, и между ними также встрѣчаются особи блѣдыя или, по крайней мѣрѣ, съ русыми волосами и голубыми глазами, что совершенно чуждо монголамъ и туркамъ и что возбуждало удивленіе китайцевъ послѣ прихода ихъ въ Туркестанъ. Люди эти отличаются крѣпостью сложенія, а въ бытовомъ отношеніи представляютъ особенность, сближающую ихъ съ балтистанцами и другими жителями Тибета: именно, у нихъ распространена полиандрія, т. е. одна жена можетъ имѣть по нѣскольку мужей, обыкновенно братьевъ. Какъ велико число вахианъ во владѣніяхъ Якубъ-бека, мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ нужно думать, что они не принадлежатъ къ особенно вѣрнымъ его подданнымъ.

5) Что касается до *китайцевъ*, еще недавно очень многочисленныхъ въ Малой Бухаріи, то выше уже было упомянуто, что они подверглись истребленію въ 1865 и послѣдующихъ годахъ. Однако часть ихъ осталась въ краѣ, принявъ мусульманскую вѣру. Якубъ-бекъ даже не затруднился положиться на ихъ преданность своимъ династическимъ интересамъ и употребляетъ ихъ на военную службу. Сколько ихъ есть теперь во всемъ Джитышарѣ, мы не знаемъ, но вѣроятно лишь нѣсколько тысячъ.

6) Въ другихъ отношеніяхъ къ властителю Джитышара находятся *дунгане*, сосредоточенные главнымъ образомъ на сѣверѣ отъ Тянь-шаня, въ Урумци, Манасѣ и проч. Если не всѣ они, то по крайней мѣрѣ значительное число ихъ, ненавидятъ власть мало-бухарцевъ, подъ которую подпали не далѣе 1871 года. Бывшій правитель Урумци, послѣ освобожденія этого города въ 1863 году отъ власти китайцевъ, хазретъ Лотай, постоянно выдвигается дунганами какъ соперникъ Якубъ-беку на сѣверѣ отъ Небесныхъ горъ; и какъ сами они не въ силахъ возстановить свою независимость, то не разъ уже обращались къ нашимъ властямъ въ Семипалатинскѣ съ просьбою о помощи, хотя бы цѣною подчиненія Россіи. Въ 1871—1872 г. манасинскіе дунгане съ большою пре-

дупредительностью приняли русскій караванъ, пришедшій къ нимъ изъ Кульджи.

7) Шау, въ числѣ обитателей Восточнаго Туркестана, называется еще кашмирцевъ, балтистанцевъ, бадакшанцевъ и дуланъ. Что касается до первыхъ трехъ народностей, то представители ихъ во владѣнιάхъ Якубъ-бека суть не болѣе какъ выходцы изъ мѣстъ хорошо извѣстныхъ въ наше время, и если живутъ постоянно въ Яркентѣ, Хотанѣ и проч., то составляютъ тамъ лишь небольшія колоніи, обыкновенно сгруппированная въ особыхъ кварталахъ и иногда, какъ напримѣръ кашмирцы въ Яркентѣ, пользующіеся весьма незавиднымъ общественнымъ положеніемъ. О дуланахъ же можно сказать, что это, доселѣ неизвѣстное этнографамъ, племя имѣетъ нѣкоторое значеніе для страны, потому что стѣсняетъ ея торговлю, занимаясь грабежомъ каравановъ. Населяя юго-восточныя окраины, оно живетъ въ ямахъ и мазанкахъ и вѣроятно очень многочисленно.

8) Это перечисленіе народностей тьянь-шаньскаго пограничнаго пространства можно заключить наименованіемъ *русскихъ*, которые живутъ въ Иссыкъ-кулѣ, у подножія Александровскаго хребта и даже на Нарынѣ, занимая всего восемь населенныхъ пунктовъ и простираясь числомъ до 3,500 душъ. Такимъ образомъ, общій итогъ населенія описываемаго пространства получится въ полтора міліона душъ, быть можетъ нѣсколько больше, что все-таки даетъ не свыше 100 душъ на квадратную милю. А какъ притомъ главная масса этого населенія тѣснится въ подгорныхъ оазисахъ, то остальная страна имѣетъ болѣею частію видъ безплодной пустыни, которая, слѣдовательно, очень трудно проходима не только для отрядовъ и каравановъ, но даже и для отдѣльныхъ всадниковъ, чему также помогаютъ и топографическія свойства страны, то весьма гористой, то представляющей песчаную степь.

Главная группа русскаго населенія находится въ восточной долиинѣ иссыкъ-кульскаго бассейна, гдѣ лежатъ центръ уѣзднаго управленія *Караколъ*, значительное селеніе Преображенское, на устьѣ Туба, и небольшія деревни Сливкина, Курменты и Аксу. Городакъ Караколъ, впрочемъ, имѣетъ среди своихъ гражданъ больше татаръ и сартовъ, чѣмъ русскихъ, если, конечно, не считать гарнизона. На югѣ отъ Иссыкъ-куля русскіе имѣютъ всего одну осѣдность, въ укрѣпленіи *Нарынскомъ*, которое составляетъ передовой нашъ пунктъ къ сторонѣ Кашгарскихъ владѣній и при которомъ устроенъ черезъ рѣку Нарынъ мостъ. Въ долиинѣ Чу на-

ходятся русскія колоніи у *Токмана*, служащаго центромъ уѣзда, и на рѣкѣ *Аксу*—селеніе *Бѣловодское*. Какъ уже замѣчено выше, весьма возможно и желательно размѣры этой колонизаціи увеличить и, конечно, лишь тогда наше положеніе въ краѣ станетъ совершенно прочнымъ и безопаснымъ. Что касается *Якубъ-бека*, то онъ уже воздвигъ къ сторонѣ нашихъ владѣній три форта: *Атбашъ*, *Артышъ* (*Чокмакъ*) и *Аксай* (*Кокъ-кѣя*), поставленные очень удачно по ущельямъ горныхъ рѣчекъ; да и на другіяхъ проходахъ въ свою страну сторожатъ появленіе возможныхъ непріятелей, какъ, напримѣръ, у *Шахдулы*, по дорогѣ изъ *Яркента* въ *Ладакъ*. Впрочемъ, главною гарантіею противъ занятія и опустошенія *Джигишара* вѣнскими врагами *Якубъ-бекъ* считаетъ, конечно, укрѣпленія своихъ городовъ: *Кашгара*, *Яркента*, *Аксу*, и проч. На описанія этихъ городовъ и стоитъ теперь остановиться съ нѣкоторою подробностію.

Кашгаръ — наиболѣе извѣстный намъ пунктъ — лежитъ вблизи южной подошвы *Небесныхъ горъ*, на рѣкѣ *Тумень-су* и на многочисленныхъ арыкахъ, выведенныхъ изъ нея, и иногда на столько многоводныхъ, что по нимъ можно плавать въ лодкахъ. Самая рѣка *Тумень-су* протекаетъ вдоль сѣверной части городской стѣны, отдѣляя отъ города сады и предмѣстья. Черезъ нее устроенъ мостъ, по которому путешественникъ подходитъ въ сѣвернымъ воротамъ города. Войдя въ нихъ и слѣдуя вообще къ юго-западу по кривымъ улицамъ города, достигаешь до *Янгишарскихъ* воротъ въ южной части стѣны и до *Коканскихъ* — въ западной. Эти трое воротъ и составляютъ единственные открытые доступы въ *Кашгаръ*, котораго общая фигура, обозначенная изгибами стѣны, есть трапеція съ длиннымъ бокомъ на юго-юго-востокъ, съ параллельнымъ ему короткимъ на сѣверѣ и съ двумя другими, обращенными на востокъ и на сѣверо-западъ. Городъ, вѣроятно, содержитъ 45 или 50,000 жителей и во всякомъ случаѣ по обширности и многолюдству значительно уступаетъ, напримѣръ, *Ташкенту*. На югѣ отъ него, въ нѣсколькихъ верстахъ, лежитъ цитадель *Янгишаръ*, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ городомъ того же имени, расположеннымъ далѣе по дорогѣ въ *Яркентъ*. *Янгишарская* цитадель есть мѣстопробываніе самого *Якубъ-бека*; въ ней помѣщается дворецъ, казармы для войскъ и пороховой заводъ. Воду получаетъ изъ арыка, но есть и колодцы. Въ сторонѣ противоположной отъ *Янгишара*, т. е. на сѣверѣ отъ *Кашгара*, верстахъ въ шести, лежитъ пунктъ, также могущій содѣйствовать оборонѣ города, если его

укрѣпленіе: это могила Хаджи-Апака съ мавзолеемъ надъ ней. Весь вообще Кашгаръ окруженъ садами, среди которыхъ находится не мало домовъ, такъ что начало предмѣстствъ нужно считать восточу за двѣ, четыре версты отъ стѣны самаго города.

Яркенгъ есть другой важный пунктъ владѣній Якубъ-бека, болѣе обширный и многолюдный, чѣмъ самый Кашгаръ, такъ что Шау полагаетъ въ немъ до 75,000 жителей, а Гейнордъ и того болѣе, хотя, судя по длинѣ городской стѣны (шесть верстъ), едва ли можно въ немъ предполагать столь большое населеніе. Въ городѣ есть 12 караванъ-сараявъ и 160 мечетей. Стѣны его имѣютъ отъ 30 до 40 футовъ вышины, при 16 футахъ толщины по верху, гдѣ 12 футовъ оставлено подъ дорогу, а на переднихъ четырехъ устроены зубцы (то же и въ Кашгарѣ). Вода проведена изъ канала, отдѣляющагося изъ Яркенгъ-дарьи влѣво и, въ свою очередь, распадаящаяся на арки, которые проходятъ въ городъ чрезъ сводообразныя отверстія въ стѣнахъ. Шесть воротъ обороняются башнями. Цитадель лежитъ отдѣльно отъ города, въ полуверстѣ западнѣе его, и представляетъ квадратъ въ 250 сажень длиною и шириною, обнесенный стѣною въ 40 футовъ вышины. Окрестная городу равнина чрезвычайно плодородна, и промышленные горожане довольно богаты, хотя зажиточность ихъ много уменьшилась отъ прекращенія торговли съ Китаемъ.

Аксу — третій важный городъ Джитышара и съ 1870 года officialная столица Якубъ-бека, который построилъ тутъ дворецъ-цитадель и держитъ постоянно многочисленный гарнизонъ, какъ резервъ для войскъ, расположенныхъ въ другихъ частяхъ края. Собственно жителей въ Аксу едва ли болѣе 50,000, потому что на каждый средне-азіатскій домъ-мазанку обыкновенно полагаютъ не болѣе четырехъ съ половиною душъ населенія, а въ Аксу имѣется 12,000 домовъ. Выборъ этого города столицей показываетъ искуснаго стратега и политика въ Якубъ-бекѣ, ибо Аксу есть не только центральный пунктъ его владѣній, но и наименѣе доступный съ сѣвера и юга. Окрестности его, какъ и двухъ выше описанныхъ, Кашгара и Яркенга, представляютъ пышный оазисъ, на которомъ разбросано нѣсколько селеній, жители которыхъ занимаются садоводствомъ и земледѣіемъ. Размѣры аксуйскихъ укрѣпленій намъ неизвѣстны.

Хотанъ — опять довольно важный городъ, впрочемъ не столько въ торговомъ, сколько въ административномъ и политическомъ отношеніи. Шелководство здѣсь развито не менѣе, какъ въ Яркенгѣ.

а кромѣ того жители занимаются добываніемъ нефрита и янмѣ. Отсюда идутъ дороги въ Тибетъ и въ Аньсійскій округъ губерніи Ганьсу, обѣ трудныя, первая по причинѣ горъ, вторая по обширности безплодныхъ степей.

Янгисаръ, Ушъ-Турпанъ и Куча суть три остальные города, которые, съ своими округами, принадлежатъ къ составу собственно Джитышара, т. е. седьмиградія. Они гораздо менѣе обширны, чѣмъ предыдущіе, да и самыя оазисы, среди которыхъ они лежатъ, не столь пространны, какъ, напримѣръ, кашгарскій. По тѣмъ шаткимъ даннымъ, которые мы имѣемъ относительно недавняго прошлаго этихъ городовъ, и при недостаткѣ точныхъ современныхъ извѣстій объ ихъ населенности и состояніи, можно, кажется, признать, что округа ихъ представляютъ слѣдующее:

Кучинскій, изъ городовъ Кучи и Шахъ-яра, и селеній Тогулаъ, Арбата, Тойболоды и др. имѣетъ едва ли болѣе 2,000 осѣдлыхъ семействъ. Здѣсь подгорный оазисъ южно-тянь-шаньскій столь узокъ, что миновать Кучу, идя, напримѣръ, отъ Хами въ Кашгаръ, невозможно: почему китайцы и считали этотъ городъ ключомъ Восточнаго Туркестана, тѣмъ болѣе, что окрестныя горы доставляли имъ селитру, сѣру и мѣдь.

Ушскій округъ состоитъ изъ города Ушъ-Турпана и окрестныхъ селеній, которыя всѣ тяготеютъ къ Аксу и едва ли имѣютъ въ суммѣ болѣе 4—5,000 осѣдлыхъ семействъ.

Янгисарскій округъ многочисленъ; но сколько именно содержитъ онъ жителей въ настоящее время, мы не знаемъ. Валихановъ въ 1858 году считалъ ихъ 8,000 семей, причемъ изъ селеній, принадлежащихъ къ округу, называетъ особенно Лабу и Терекъ-текъ, замѣчательное производствомъ хашиша.

Такимъ образомъ, въ трехъ второстепенныхъ округахъ получается не болѣе 15,000 осѣдлыхъ семействъ, т. е. около 70,000 душъ. Это уступаетъ населенію одного Яркента и показываетъ, какъ много группировка населенія Джитышара зависитъ отъ производительности отдѣльных оазисовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы должны полагать, что въ Кашгарскомъ округѣ, съ городами Кашгаромъ, Ташмалыкомъ, Фейзабатомъ и селеніями: Аббатъ, Артышъ, Аргу, Вышверимъ, Бурахатай, Дженичке, Койтой-амакъ, Муш-Сааранъ, Тогузаъ, Тузгунъ, Уфалъ, Ханъ-арыкъ, Янги-абатъ и проч., имѣется не менѣе 40,000 дворовъ, т. е. 180,000 душъ; — въ Яркентскомъ, гдѣ кромѣ главнаго города есть большія селенія Барчулъ, Губа, Каргалыкъ, Киліанъ, Маралъ-баши, Санчжу, Тагбуй,

Юль-арникъ, Янги и проч. *), также нужно считать не менѣе, а быть можетъ и 200,000. Хотанскій округъ, имѣвшій въ 1858 году до 18,000 домовъ, хотя и лишился части этого населенія при междоусобицахъ 1860-хъ годовъ, но, вѣроятно, и по нынѣ имѣеть до 50,000 душъ. Аксуйскій округъ имѣеть до 85,000, такъ что въ суммѣ для всѣхъ семи округовъ получается 580,000 душъ, что мы и признали за итогъ мало-бухарскаго населенія.

Весьма трудно опредѣлить, какъ велико населеніе пограничныхъ завоеваній Якубъ-бека: Карашара, Турфана и Урумчи съ ихъ округами. Во всякомъ случаѣ, оно не должно быть значительно, потому что дунганское возстаніе сильно уменьшило здѣсь число жителей, особенно сельскихъ, между которыми было много китайцевъ. Если для сравненія взять Илійскій округъ, гдѣ до революціи цѣлаго было 300,000 душъ, а въ 1871 году нами найдено всего 114,000, то, сообразно съ указаніями китайской географіи о прежнемъ состояніи этихъ округовъ, нужно думать, что теперь въ нихъ есть не болѣе 70,000 душъ, а быть можетъ и менѣе. Урумчи, бывшій некогда резиденціею китайскаго цзянь-цзюня, командовавшаго сѣверотяньшаньскою линіею, продолжаетъ однако быть значительнымъ городомъ, и Якубъ-беку приходится дѣлать немаловажныя усилія, чтобы удерживать здѣсь свою власть. По свидѣтельству китайскихъ географовъ, Урумчи, до возстанія 1863 года, состоялъ изъ двухъ городовъ, стараго или торговаго, расположеннаго на правомъ берегу рѣки, и новаго или маньчжурскаго, построеннаго на лѣвомъ берегу, на низменномъ мѣстѣ, за то вблизи ключей. Въ такомъ состояніи находятся эти два города теперь — намъ неизвѣстно. Манасъ, другой населенный пунктъ, уцѣлѣвшій отъ инсurreкціи по сѣверную сторону Тянь-шаня и нынѣ также состоящій въ зависимости отъ Якубъ-бека, хотя не въ полной его власти, представляется лишь большимъ селеніемъ, или кентомъ, жители котораго бѣдствуютъ отъ недостатка предметовъ самой первой необходимости.

Политическое устройство и управленіе.

Такъ какъ объ устройствѣ управленія у насъ, т. е. въ русской части Тянь-шаньскаго пограничнаго пространства, сказано уже все

*) Къ Яркентскому округу некогда причислялся еще Сарыколь или Ташкурганъ, разрушенный въ 1869 г. Якубъ-бекомъ, который жителей этого города прислалъ за Камгаръ.

нужное въ предшествовавшемъ изложеніи, то вѣдь достаточно остановиться на политическомъ состояніи и устройствѣ Восточнаго Туркестана.

Въ теченіе ровно ста лѣтъ (1757—1857) китайская власть держалась довольно прочно въ этомъ краѣ, опираясь на войска и на колонизацію, достигавшую довольно значительныхъ размѣровъ. И хотя возмущенія нерѣдко обуревали страну, но до 1857 года китайцы удерживались даже въ Кашгарѣ, т. е. въ крайнемъ западномъ подгорномъ оазисѣ. Возстаніе 1857 года выдвинуло было на первый планъ одного изъ хождей, потомковъ прежнихъ государей кашгарскихъ, именно Вали-хана-тюре; но жестокій тиранъ этотъ скоро успѣлъ возбудить въ себѣ всеобщую ненависть, и въ 1860—63 годахъ мы видимъ снова китайцевъ господствующими въ Кашгарѣ, Яркентѣ и проч. Постепенно распространившееся съ востока, изъ Ганьсу и окрестностей Урумчи, дунганское возстаніе однако же скоро положило окончательный предѣлъ преобладанію сыновъ Срединнаго царства въ Малой Бухаріи. Въ Кашгарѣ снова явился ходжа, Безурекъ-ханъ, и при помощи кованскихъ войскъ, предводительствуемыхъ Якубъ-бекомъ, водрузилъ, въ январѣ 1864 года, знамя ислама на городскихъ стѣнахъ (цитадель была взята повдѣе). Съ тѣхъ поръ начинается рядъ побѣдъ Якубъ-бека, который, мало по малу, оттѣснилъ на второй планъ своего официального повелителя. Осенью 1864 года онъ сдѣлалъ первую экспедицію противъ Яркента; гдѣ было получило преобладаніе дунгане, а зимою 1864—65 г. овладѣлъ этимъ богатымъ городомъ, а также Барчукомъ и Мараль-баши. Въ январѣ 1867 года ему покорился Хотанъ, а лѣтомъ и осенью того же года онъ распространилъ свою власть на Аксу, Кучу и Ушъ-Турпанъ. Въ началѣ 1860 года взята крѣпость Сарыколь, и вскорѣ затѣмъ у Якубъ-бека завязались сношенія съ англичанами, при посредствѣ Шау, а потомъ Форсита. Благодаря этимъ сношеніямъ, а также посольству, которое имъ было отправлено въ Калькутту, онъ успѣлъ получить изъ Индіи свѣдущихъ инструкторовъ и техникувъ по военному дѣлу, а также оружіе. Съ тѣхъ поръ его власть въ Джитышарѣ сдѣлалась прочною, тѣмъ болѣе, что онъ свое военное могущество подкрѣпляетъ мудрымъ гражданскимъ управленіемъ. Въ 1870 году властолюбіе привело его подъ стѣны Турфана, который, послѣ продолжительной осады, сдался на капитуляцію, по которой мѣстному беку обѣщана власть въ Урумчи при содѣйствіи кашгарскихъ войскъ. Но при этомъ завоевателя встрѣтили немаловажное сопротивленіе со стороны дунганъ,

которые даже осадили въ цитадели мало-бухарскій гарнизонъ, такъ что и донній власть Якубъ-бека на сѣверѣ отъ Тянь-шаня весьма непрочно, чтобы не сказать сомнительна. Въ замѣнъ этого, въ 1872 году, бадаулету представлялся случай утвердить свое вліяніе на западѣ отъ Болора, именно въ Бадакшанѣ, котораго законный владѣлецъ, изгнанный однимъ узурпаторомъ, обращался къ Якубъ-беку за помощью.

Въ самомъ Восточномъ Туркестанѣ владѣчество аталыка-газынинѣ безусловно и даже довольно популярно. Тайна этого успѣха кроется, главнымъ образомъ, въ умѣренности податей и въ строгомъ правосудіи. Китайцы брали ежегодно съ мѣстныхъ жителей до двадцати пяти процентовъ изъ годового дохода. Якубъ-бекъ беретъ только пять процентовъ. Внутреннія таможи уничтожены вовсе; войскамъ своимъ онъ не позволяетъ притѣснять жителей, и напротивъ, въ мирное время, съ пользою употребляетъ ихъ на общественныя работы: устройство дорогъ, мостовъ и каналовъ. При этомъ соблюдается неслыханная въ Средней Азій честность, то есть работающіе солдаты получаютъ сполна назначенную имъ плату, не считая жалованья за военную службу. Когда недостаетъ солдатъ, правительство нанимаетъ частныхъ работниковъ и также платитъ имъ аккуратно и по условію. Въ администраціи Якубъ-бекъ постарался окружить себя людьми разумными и уважаемыми: такъ, поставленный имъ въ правители Яркента андиджанецъ Магомедъ-Юнасъ пользуется тамъ общей привязанностью. Около самаго аталыка-газы находятся два умныхъ совѣтника: Гайдербекъ-датха и Наръ-коль; кромѣ того онъ держитъ въ свитѣ своей четырехъ ходжей: Бекъ-тюря, Кашлы-тюря, Сандъ-тюря и Ихбанъ-тюря, что служатъ къ утвержденію его авторитета въ странѣ, хотя ходжи и не имѣютъ серьезнаго вліянія на дѣла. Простота обращенія и доступность самаго бадаулета также привлекаетъ къ нему сердца. Когда Якубъ-бекъ бываетъ въ Кашгарѣ, онъ садится близъ крѣпостныхъ воротъ и тутъ чинитъ судъ и расправу, выслушиваетъ просьбы, свободно приносимыя каждымъ, и даетъ на нихъ немедленное рѣшеніе. За воровство онъ присуждаетъ къ отсѣченію руки, а многія болѣе важныя преступленія казнить смертію, что не должно казаться жестокимъ, ибо еще недавно мы отъ кульджинскихъ жителей слышали, что таковъ «законъ» у всѣхъ при-тянь-шаньскихъ мусульманъ и что послабленіе наказаній только ведетъ у нихъ къ увеличенію числа преступленій. Беки, поставляемые Якубомъ въ подвластныхъ ему городахъ, всѣ почти принадлежатъ

къ андиджандамъ, и только Хотамъ и Каргалмъ управляются аркентами. Эти люди также отличаются правосудіемъ, дѣятельностью и даже гостепріимствомъ, по отношенію къ иностранцамъ, какъ то видно было на пріемѣ англичанъ въ Яркентѣ.

Войска Якубъ-бека, — число которыхъ намъ съ точностію неизвѣстно, но конечно простирается до 10,000 или 15,000, а быть можетъ и болѣе, — организованы по-европейски, въ батальоны, батареи и конные полки, обучаемые по англійскимъ уставамъ частію афганцами, частію сипаями изъ англо-индійской арміи. Мы уже говорили, что въ числѣ ихъ есть и китайцы, обращенные въ мусульманство. Офицеры наши, видѣвшіе ученіе и стрѣльбу кашгарскихъ войскъ, отзываются съ похвалою о послѣдней. Живутъ солдаты въ казармахъ и жалованье получаютъ, по мѣстнымъ условіямъ края, достаточное, именно отъ 5 до 10 коп. въ день. Офицерамъ содержаніе отпускается хлѣбомъ, соответственно чину каждому; напримѣръ махрамъ-баши, или прапорщикъ, получаетъ 300 чариковъ въ годъ, юзъ-баши, сотникъ — 1,000 чариковъ, и проч.

Въ 1872 году, 8-го іюня, Якубъ-бекъ, дотогѣ относившійся непріязненно къ Россіи, заключилъ съ нами торговый договоръ, по которому всѣ рынки Джитышара открылись для свободной торговли русскихъ купцовъ. Пріемъ, оказанный при этомъ нашимъ посланнымъ, былъ очень внимателенъ, даже радушенъ. Якубъ-бекъ называлъ нашихъ офицеровъ «людьми, посланными ему отъ Бога, которые могли, если бы пожелали, садиться ему на колѣни, на грудь». Весьма естественно, что много привѣта и быть не могло: посольство изъ Ташкента прежде всего доказало Якубъ-беку, что мы признаемъ его власть безспорною въ Восточномъ Туркестанѣ и не ищемъ возстановленія тамъ китайцевъ. Это внушило ему мысль и о теперешнемъ посольствѣ въ Петербургъ Ходжи Турнака. Отношенія бадаулета къ другимъ сосѣдямъ можно опредѣлить въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Бывшаго своего государя, Худояръ-хана коканскаго, онъ призываетъ, не переставая, впрочемъ, оказывать наружно почтеніе, какъ хазрету. (законному повелителю). Бухарскій эмиръ, глава средне-азійскаго ислама, также не пользуется почетомъ въ Аксу и Кашгарѣ. Съ афганцами Якубъ-бекъ доселѣ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и какъ повліяетъ на эти отношенія бадаешанскій вопросъ, мы еще ничего не знаемъ. Англо-индійское правительство заискиваетъ дружбу атакыка-газы, конечно, главнымъ образомъ для того, чтобы утвердить на рынкахъ Восточнаго Туркестана господство англійскихъ товаровъ и составить изъ этой страны

политическій оплотъ Индіи съ сѣвера. Въ 1871 году оно, не довольствуясь высылкою оружія и инструкторовъ, отправило-было особаго военнаго агента, полковника Уатсона; но офицеръ этотъ умеръ на дорогѣ изъ Ладака въ Яркентъ. Въ 1872 году посольство Якубъ-бека было благосклонно принято въ Калькуттѣ и наконецъ въ настоящемъ году отправляется изъ Индіи въ Кашгаръ большая миссія Форсита. Къ китайцамъ въ Хами Якубъ-бекъ, конечно, относится какъ врагъ и вѣроятно скоро будетъ въ открытой съ ними войнѣ.

Военный взглядъ.

Высокія горы, лежащія вдоль всей нашей границы и мало-доступныя со стороны Восточнаго Туркестана, сами по себѣ составляютъ лучшую оборону ея, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что затрудняютъ вторженіе большихъ военныхъ силъ изъ Малой Бухаріи въ Иссикъ-кулю и въ Семирѣченскій край. Какъ бы малочисленны ни были наши войска на югѣ отъ Терскаго, онѣ могутъ, пользуясь мѣстностью, долго оказывать сопротивленіе непріятелю, который бы вздумалъ напасть на насъ съ юга. Такимъ образомъ собственно тактическая оборона Тяньшаньской окраины для насъ не можетъ быть предметомъ особыхъ заботъ; но вотъ какія два обстоятельства стратегической важности необходимо при этомъ принимать во вниманіе. Первое — это составъ горскаго населенія, которое все слагается изъ легкомысленныхъ киргизъ-мусульманъ, которые, въ случаѣ приближенія единовѣрнаго противника, легко могутъ стать на его сторонѣ и чрезвычайно затруднить движеніе нашихъ войскъ въ горахъ, лишая ихъ перевозочныхъ средствъ и нападая въ мѣстахъ трудно-доступныхъ. Второе обстоятельство состоитъ въ неимѣніи хорошихъ дорогъ между Иссикъ-кулемъ и самою границею, т. е. берегами Чатыръ-куля, Аксаю и проходами въ горахъ Кокшанъ. Въ настоящее время прибытіе подкрѣпленій на Нарынъ и къ югу отъ него съ нѣкоторыми удобствами можетъ совершиться только чрезъ Кутемалды и Джуванъ-арыкъ; притиву восточнаго же конца Иссикъ-куля ни одной дороги на югъ вовсе не разработано. Между тѣмъ именно здѣсь могли бы сосредоточиваться наши резервы и всякаго рода запасы, такъ какъ восточная часть иссыкульской котловины можетъ содержать и уже содержитъ правильныя русскія осѣлости.

Что касается до наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны

въ Джитышарѣ, то можно сказать что владѣнія Чатырь-кулемъ и долиною верхняго Аксай, мы командуемъ Кашгаромъ и всегда можемъ проникнуть туда, не смотря даже на форты, устроенные Якубъ-бекомъ въ горахъ. Лучшій путь, повидимому, есть тотъ, который ведетъ чрезъ Турутартъ, такъ-какъ вдоль его можно все время идти съ артиллеріею и даже съ небольшимъ числомъ легкихъ повозокъ. Но, къ сожалѣнію, неизвѣстно, какъ легки обходъ форта Чокмаза или, по крайней мѣрѣ, занятіе командующихъ имъ высотъ. Едва ли не больше, чѣмъ природа, могутъ при наступленіи нанести въ Джитышаръ, оказать препятствія войска Якубъ-бека, порядочно вооруженныя и отчасти уже дисциплинированныя. Съ ними нужно будетъ, для доступленія успѣха, употреблять больше усилій, чѣмъ то было въ Коканѣ и Бухарѣ.

Весьма серьезный ударъ Якубъ-беку можетъ быть нанесенъ нами движеніемъ на Урумци и оттуда къ Турфану; но отдаленность такого похода, малая его вѣроятность и недостаточное знакомство съ мѣстностью и состояніемъ Урумційскаго округа дѣлаютъ всякое военное сужденіе о такомъ предпріятіи шаткимъ. Притомъ для насъ лучше будетъ, если ударъ Якубъ-беку на сѣверѣ отъ Тянь-шаня понесутъ китайцы (хотя бы при нашей помощи, но непосредственной): занявъ Урумци, они спасутъ насъ отъ необходимости распространяться внутри монгольскихъ пустынь. А такое распространеніе неизбежно, если къ Урумци направятся собственно русскія войска, ибо таково наше политическое положеніе въ средней Азіи, что, разъ ступивъ на какую-нибудь почву съ оружіемъ въ рукахъ, мы не можемъ уже отказаться отъ нея безъ явнаго ущерба своему нравственному вліянію даже на собственныхъ подданныхъ—азіатцевъ.

Источники.

Лакшмъ: Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана, 1827.

Humboldt: *Asie Centrale*, 1843.

Риттеръ: *Erdkunde von Asien*, томы 3 и 5, въ русскомъ переводѣ Семенова и Григорьева.

Семеновъ: Разныя статьи о Тянь-шанѣ и Алатау въ изданіяхъ Русскаго Геогр. Общ. и въ Геогр. Словарѣ Рос. Имп., особенно т. IV (Сыръ-даръ).

Голубевъ: Отчетъ объ экспедиціи 1859. Записки Русскаго Географическаго Общества. 1861.

Ветюховъ: Статьи о Заилійскомъ и При-чуйскомъ краѣ и объ озерѣ Иссык-куль. Записки Русскаго Географическаго Общества 1861.

Валихановъ: Очерки Джунгаріи и о современномъ состояніи Алтышара. Записки Русскаго Географическаго Общества 1861 и отрывокъ изъ путешествія въ Кашгаръ въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества 1868.

Проценко: Рувонисъ о путяхъ въ Кашгарію, о проходахъ въ Тянь-шанѣ и др. 1861—1868 г.

Abdul-Hamid: Journey to Yrkand въ J. of R. G. Soc. 1866.

Полторацкій и Остенъ-Сакенъ: ихъ отчеты объ экспедиціи 1867 г. въ Чатырь-Кулю. Извѣстія Русскаго Географическаго Общества.

Рейнталь: Разсказъ о поѣздѣ въ Кашгаръ, Военный Сборникъ 1869.

Shao: Visits to High-Tartary, 1871.

Forsyth: Mission to Yarkand, 1871.

Mirza: Travels into High-Asia, въ Монгомери Report on the oper. of the Gr. Trig. survey of India.

Hayward: Journey to the East-Turkestan въ J. of R. G. Soc. XL.

Henderson Journey from Ladak to Yarkand, 1872.

Шенелевъ: Поѣздка на Мусартскій проходъ. Изв. Рус. Геогр. Общ. 1872.

Свердловъ: Путешествіи по Тянь-Шаню, 1873.

Каульбарсъ: свидѣнія о его путешествіяхъ по Тянь-шаню и въ Кашгаръ. Изв. Рус. Геогр. Общества.

Костенко: Очерки Семирѣчья. Военный Сборникъ 1872.

Шарморстъ: Астроном. опред. въ Тянь-шанѣ, Изв. Рус. Геогр. Общ.

Туркестанскія Вѣдомости, Туркестанскій Ежегодникъ 1872.

Карты: Кларота, Захарова, Ильина, Сѣверцова, при путешествіи, Туркестанскаго военнаго округа, изданныя въ Ташкентѣ 1872; съемки Яновскаго, Веникова, Проценко, Краевского и др. до 1871.

Девятый участокъ: Нагорно-Туранскій.

Положеніе и предѣлы.

Обширныя нагорныя страны по верхнимъ и среднимъ частямъ Яксарта и Оксуса издавна представляли любопытную, стоявшую особнякомъ отъ остальнаго азіатскаго міра, группу мелкихъ владѣній, въ которыхъ двѣ большія расы, арійская и туранская, жили перешивавшись между собою, но не сливаясь вполне. Только дважды на памяти исторіи обитатели этихъ странъ приходили въ тѣсное соприкосновеніе съ другими народами стараго свѣта: при Александрѣ Македонскомъ, отражая не безъ успѣха завоевательныя его удары, и при Тимурѣ, который самъ вышелъ отсюда на завоеваніе міра. Послѣ этихъ двухъ періодовъ блеска, память о которыхъ и доселѣ жива среди узбековъ и таджиковъ, народы эти приходили въ забвеніе, впадали въ политическое ничтожество и, по общей участи полуобразованныхъ варваровъ, проявляли свое существованіе только частыми войнами, которыя велись, впрочемъ, не въ интересахъ самихъ народовъ, а по капризу и изъ личныхъ выгодъ ихъ тирановъ-властителей. Мусульманство, проникшее сюда въ VIII столѣтіи, придадо особенно жесткій, изувѣрскій характеръ этой безцѣльной борьбѣ, и только укрѣпило тотъ деспотизмъ, который развился подъ постояннымъ владычествомъ военнаго произвола и убилъ нравственно нелишенное природныхъ способностей населеніе Ферганы, Міанкала, Бадахшана и другихъ междугорныхъ оазисовъ, не безъ основанія прославленныхъ поэзіею Востока.

Занятіе нами, во второй половинѣ настоящаго вѣка, низовой Смырь-дарьи и Занлійскаго края привело насъ въ непосредственное прикосновеніе съ сѣверной окраиною нагорнаго Турана, гдѣ тогда было довольно сильное ханство Коканъ и, въ сосѣдствѣ съ нимъ, еще болѣе могущественная Бухара. Въ пятнадцать лѣтъ со времени появленія русскихъ войскъ на Смырь и за Илей, участь этихъ двухъ варварскихъ государствъ естественно была рѣшена: значи-

тельная часть ихъ уже отошла къ Россіи, а надъ остатками она получила вполне осязательное вліяніе.

Изъ остальныхъ владѣній нагорнаго Турана, Каратегинъ, Дарвазъ, Шугнанъ и Кулябъ пока извѣстны намъ только по именамъ или, самое большое, по распроснымъ извѣстіямъ, а Бадакшанъ по показаніямъ нѣсколькихъ англійскихъ путешественниковъ. Впрочемъ всѣ они лежатъ столь недалеко отъ русскихъ предѣловъ, что, конечно, въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ войдутъ въ общій районъ нашего вліянія, если не политическаго и военнаго, то хоть экономическаго. Самый Афганистанъ, сѣверными своими предѣлами, находится теперь отъ нашихъ южныхъ границъ не болѣе какъ въ 400 верстахъ, такъ что перевалъ отъ Самарканда въ Балхъ значительно короче перевала отъ Самарканда въ Перовскъ. Вслѣдствіе этого и принимая во вниманіе, что съ Афганистаномъ Россія пока сношеній не имѣетъ, мы можемъ взять за предѣлы нагорно-туранскаго пограничнаго пространства: на сѣверѣ сѣверную границу Сыръ-дарьинской области по рѣкѣ Чу; на востокъ сначала 92 меридіанъ отъ Ферро или восточныя границы Сыръ-дарьинской области и Коканскаго ханства, а потомъ вершины рѣкъ, впадающихъ въ Оксъ; на югъ долину Аму-дарьи до Кундуза, Хулума и Балха, и на западъ степи туркменовъ и киргизовъ бухарскихъ, хивинскихъ и нашихъ. Такимъ образомъ, разсмотрѣнію нашему будутъ подлежать, примѣрно, 12,000 квадратныхъ миль, изъ которыхъ около половины русскихъ владѣній.

Въ смыслѣ научнаго изслѣдованія этой обширной страны, она распадается на двѣ, рѣзко отличныя одна отъ другой, части: сѣверную и южную. Первая, состоящая изъ русскихъ владѣній, Кокана и части Бухарскаго ханства по Зеравшану и Ахъ-дарьѣ, хорошо извѣстна, ибо имѣетъ астрономическія опредѣленія, съемки и множество описаній, общихъ и спеціальныхъ; вторая же, къ которой принадлежатъ Каратегинъ, Воханъ, Дарвазъ, Шугнанъ, Бадакшанъ, Кулябъ и остальная часть бухарскихъ владѣній, есть, до нѣкоторой степени, *terra incognita* и представляетъ множество спорныхъ вопросовъ даже по географіи.

Таблица астрономическихъ пунктовъ, числомъ вообще 50, показывается, какъ бѣдна прочными основами географіи южной половины нагорнаго Туркестана или, точнѣе, бассейна правыхъ притоковъ Аму-дарьи. А какъ для этой же мѣстности не достаетъ и съемокъ сколько-нибудь надежныхъ, то карту ее приходится чертить болѣе или менѣе гадательно. И хотя труды англійскихъ путе-

пественниковъ и географовъ Борнса, Вуда, «мирзы», и особенно Юля значительно разсѣяли географическій мракъ, господствовавшій надъ этою страной при составленіи относящихся до нея главъ Риттеровой «Азіи», но и донынѣ составить вполне надежный чертежъ ея такъ же почти невозможно, какъ было четверть столѣтія назадъ, когда появилась Циммерманова Inner-Asien. Въ слѣдующемъ изложеніи топографіи будетъ поэтому обращено особенное вниманіе на установленіе правильныхъ понятій о мѣстности по верховьямъ Окса, на сколько это возможно при теперешнемъ состояніи географической науки.

Топографія.

Извѣстно, что Гумбольдтъ, устанавливая орографію Азіи, призналъ существованіе, въ разсматриваемомъ пространствѣ, двухъ горныхъ системъ, тань-шаньской и болорской. Эту послѣднюю онъ причислялъ къ меридіональнымъ, подобно Уралу, Солимановымъ горамъ, Ливану и проч., и полагалъ, что ось кряжа составляетъ съ меридіаномъ уголъ не болѣе $9\frac{1}{2}^{\circ}$ къ сѣверо-западу. Сѣвернымъ концемъ Болорскаго хребта считалъ онъ урочище Минь-булакъ въ Бороудайскихъ или Каратаусскихъ горахъ, такъ что хребетъ этотъ являлся пересѣкающимъ Смырь-дарью выше Андиждана и Уша. Вблизи послѣдняго же города предполагалъ Гумбольдтъ пересѣченіе Волора Тань-шанемъ, вслѣдствіе чего тутъ, по мнѣнію его, образовалось особенно высокое надутіе, извѣстное въ то время подъ именемъ Солиманова Трона, къ югу отъ котораго въ нѣкоторомъ разстояніи, именно подъ $39\frac{1}{4}^{\circ}$ широты, долженъ былъ начинаться Памиръ, знаменитая нагорная площадь, которую туземцы называютъ бами-дундъ, т. е. крышею міра. Показаніе Вуда, бывшаго въ 1837 году у озера Сары-куля и называвшаго Памиромъ именно эту мѣстность, было, до нѣкоторой степени, обойдено Гумбольдтомъ, какъ противорѣчившее другимъ источникамъ, и такимъ образомъ послѣдніи были первыя несогласія между учеными относительно самыхъ существенныхъ чертъ географіи Верхней Азіи.

Эти несогласія особенно усилились въ 1860 годахъ, послѣ открытія въ Петербургѣ одной таинственной рукописи, едва ли не сочиненной Клапротомъ и во многомъ противорѣчившей другимъ источникамъ свѣдѣній о Болорскомъ нагорьѣ. Только новѣйшіе

труды Юли и Федченко разсѣяли до нѣкоторой степени этотъ географическій мракъ и стѣснили область «неизвѣстныхъ земель» до 3 или 3½ тысячъ квадратныхъ миль, гдѣ и должны будущіе путешественники отыскивать Памиръ и Болоръ.

Что касается до *Тянъ-шаня*, то основная черта его устройства, протяженіе отъ востока къ западу и отчасти къ юго-западу, указана Гумбольдтомъ вѣрно. Только система Небесныхъ горъ оказывается состоящею не изъ одной цѣпи, а изъ цѣлаго ряда хребтовъ, болѣе и болѣе расходящихся къ западу уже отъ горы Ханъ-Тенгри, т. е. далеко на востокъ отъ описываемаго пространства. Въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской области и Кокана мы можемъ насчитать восемь подобныхъ цѣпей, которыя всѣ имѣютъ рѣзко обозначенные рельефы и раздѣлены то узкими рѣчными долинами, то широкими низменностями. Цѣпи эти суть слѣдующія:

1) *Кара-тау*, на сѣверо-западѣ Сыръ-дарьинской области, между Сыръ-дарьею и Чу. Хребетъ этотъ тянется отъ западо-сѣверо-запада къ востоку-юго-востоку на 350 верстъ, начинаясь у мыса Кара-Муруна и оканчиваясь при верховьяхъ рѣки Терси, близъ урочища Минъ-булака. Горы нигдѣ не достигаютъ снѣжной линіи, но на столько высоки, что мѣстами на отлосахъ ихъ встрѣчаются рощи, саксауловыя и можжевельновыя у западнаго конца, ясеневыя и бересклетовыя у восточнаго. Высшія точки цѣпи, повидимому, находятся близъ середины ея длины, у дороги изъ Туркестана въ Чулакъ, гдѣ есть вершины въ 7,000 футовъ, и затѣмъ на востокъ отсюда до верховій Вугуни. Въ послѣдней мѣстности, т. е. за Чулакомъ, самое строеніе хребта нѣсколько измѣняется: на сѣверѣ его становится замѣтно довольно широкая гряда предгорій, Кичкинне-Каратау, тогда какъ западнѣе Чулака весь сѣверный скатъ Каратау увозъ и крутъ. Восточную оконечность цѣпи образуютъ высоты *Куюкъ*, которыя подходятъ къ рѣкѣ Асъ и огибаются съ юга притокомъ ея Терсью. Затѣмъ между Асою и Таласомъ лежитъ болѣе или менѣе ровная степь. Въ верховьяхъ Терси, Каратау отдѣлены плоскою сѣдловиною отъ лежащаго на югѣ хребта Уртакъ-тау, а нѣсколько западнѣе къ нимъ примыкаетъ небольшой хребетъ *Борадаи*, тянуційся верстъ на 100 между рѣкой того же имени и Арисомъ и достигающий до 3,500 футовъ надъ моремъ. Каратаускія горы рудовосны; въ нихъ еще коканцы добывали мѣдь, свинецъ, желѣзо и даже золото, а русскіе добавили къ этому каменный уголь, добы-

ваемый теперь въ значительномъ количествѣ. Отлогіе скаты хребта на югъ, орошенные рѣчками во многихъ мѣстахъ, по долинамъ послѣднихъ, годны для осѣдной культуры, а на болѣе крутыхъ и высокихъ ребрахъ его находятъ хорошія лѣтнія пастбища кочующіе киргизы. Изъ переваловъ заслуживаютъ вниманія: Кошварь-атинскій, по дорогѣ изъ Туркестана въ Сузакъ, Турланскій, на пути оттуда же въ Чулакъ, и Куюкъ, по большой дорогѣ изъ Чамкента въ Аулие-ата.

2) *Киргизынь Алатау*, на нашихъ картахъ обыкновенно называемый *Александровскимъ* хребтомъ, есть длинная, снѣговая цѣпь, тянущаяся, почти въ широтѣ $42^{\circ} 30'$, отъ Аулие-ата до Буамскаго ущелья, т. е. на 360 верстѣ. Высшія ея точки, между меридіанами Кара-балты и Товмака, конечно не ниже 14,000 футовъ, но къ Аулие-ата она постепенно падаетъ. При этомъ сѣверная подошва края вообще ниже, чѣмъ южная, слѣдовательно южный скатъ немного короче сѣвернаго. Съ обоихъ ихъ, но преимущественно съ послѣдняго, бѣгутъ многочисленныя рѣчки, данники Чу и Таласа, и на сѣверномъ встрѣчаются довольно большіе хвойные и лиственные лѣса, вездѣ, гдѣ вершины хребта одѣты снѣгами. Сѣверная, т. е. причуйская равнина, сначала, подъ горами верстѣ на пять, представляетъ плодородную почву (подъ условіемъ, конечно, орошенія), потомъ степную твердо-глинистую и наконецъ песчаную; лежащая на югѣ отъ Киргизынь-Алатау долина Таласа верстѣ на сто отъ Аулие-ата къ востоку есть широкая степь, но потомъ, выше слиянія Каракола и Учъ-кокъ-сай, обращается въ двѣ горныя тѣснины, по которымъ проходятъ лишь выючныя тропы на р. Сусамыръ. Поперечную дорогу черезъ высокую часть Александровскаго хребта, въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской области, мы знаемъ только одну, именно тропинку на юго-западъ отъ Мерве въ долину Каракола; но ближе къ Аулие-ата проходы становятся чаще, хотя всѣ неудобны для колесной ѣзды по крутости спусковъ.

3) *Уртакъ-тау* есть самая большая и въ то же время наименѣе извѣстная изъ всѣхъ лежащихъ сѣвернѣе Сыръ-дарьи горная цѣпь, которая отдѣляетъ воды Таласа отъ водъ Чирчика и Нарына. Она связана съ Киргизынь-Алатау горнымъ уломъ Сусамыръ, отъ котораго и направляется къ юго-западу подъ разными названіями — Карабурунскій хребетъ, Акъ-сай и т. п., которымъ, однако же, лучше предпочесть Уртакъ-тау, принятое гг. Струве и Сѣверцовымъ. Невозможно указать, которое изъ пяти западныхъ развѣтлений ея есть главное, такъ какъ геологическое и даже топогра-

фическое строение ихъ еще недовольно извѣстно, а потому собственно для облегченія памяти мы примемъ наиболѣе сѣверное, которое притомъ есть дѣйствительный водораздѣлъ Таласа, Чирчика и частью Армыса. Вся эта цѣпь сѣвговая, отъ самаго Сусамыра до истоковъ Армыса, Уйгуна и Авсаа, притока Терси, гдѣ гора Аксай имѣетъ болѣе 14,800 футовъ надъ моремъ. Главный изъ переваловъ, ведущихъ чрезъ эту цѣпь, Карабуринскій, съ Карабурми на Чоткаль, имѣетъ свыше 10,000 футовъ; высоты, болѣе восточныхъ намъ неизвѣстны. Къ западу, т. е. къ сторонѣ Ясичу и Маната, горы Уртакъ-тау постепенно падаютъ и, наконецъ, отъ Ясичу уступаютъ мѣсто равнинѣ, по которой быстрый дотолъ Армысъ начинаетъ течъ медленно и часто образоватъ глубокіе омуты.

4 и 5) Четыре юго-западныхъ вѣтви Уртакъ-тау, охватывающія и вмѣстѣ раздѣляющія на части бассейны Чирчика, не имѣютъ на нашихъ новыхъ картахъ особыхъ названій, хотя представляютъ довольно высокія горныя цѣпи. Слѣдуя прежней терминологіи, мы назовемъ здѣсь *Кызыкуртомъ* ту изъ нихъ, которая лежитъ западнѣе другихъ и даетъ начало Келесу и лѣвымъ притокамъ Армыса. Въ ней, вѣроятно, есть вершины до 7,000 футовъ высоты, ибо обѣгающія на западъ рѣчки всѣ на столько многоводны, что даютъ воду для орошенія даже рисовыхъ полей. Скаты къ Келесу, впрочемъ, отлогъ, и ѣдущій по долинѣ этой рѣки видитъ высокія горы только на дальнемъ восточномъ горизонтѣ, тогда какъ съ запада рѣку сопровождаетъ высокій и крутой увалъ, за которымъ степь уже постепенно спускается къ Сыръ-дарьѣ. Послѣдніе отроги Кызыкурта на юго-западъ достигаютъ окрестностей Ташкента и выше Ніазбека стѣсняютъ долину Чирчика съ сѣвера.

Наиболѣе восточная изъ четырехъ параллельныхъ цѣпей, отходящихъ отъ Уртакъ-тау на юго-западъ, есть *Чоткальская*, отдѣляющая Нарынъ и Сыръ-дарью отъ лѣваго истока Чирчика, называемаго Чоткаломъ. Топографія ея мало извѣстна, хотя мы знаемъ съ одной стороны, что южный ея скатъ не доходитъ до Сыра; а съ другой, что и на сѣверѣ, вдоль рѣки Чоткала, она оставляетъ долину, конечно, не широкую, но годную для осѣдлостей. Горы между Кызыкуртомъ и Чоткаломъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Псыма, еще менѣе извѣстны, а что-до западной половины Чоткальской цѣпи, лежащей въ нашихъ владѣніяхъ, то слѣдуетъ замѣтить, что она, по мѣрѣ паденія высоты, становится болѣе широкою и, стѣснивъ сѣверными своими отрогами долину Чирчика выше Ніазбека, съ другой стороны распадается на много отдѣльныхъ второстепен-

ныхъ краѣй, извѣстныхъ подъ именемъ *Кендыръ-тау*, Кураминскихъ горъ и *Могазъ-тау*. Послѣдній массивъ подходитъ къ самому руслу Сыръ-дарьи противъ Ходжента, тогда какъ Кендыръ-тау питаютъ ключами рѣку Ангренъ и пересѣкаютъ близъ Тляу прямую дорогу изъ Ташкента въ Коканъ.

6) Переходя на югъ отъ Ферганы, т. е. отъ долины Сыръ-дарьи, занятой Коканскимъ ханствомъ, мы встрѣчаемъ большую снѣговую цѣпь, которую прежде называли Акъ-тау-Исфера, Кашгаръ-даваномъ и проч. и которую, въ наше время, для избѣжанія сбивчивости, г. Федченко предложилъ называть просто *Южно-коканскими* горами. Хребтъ этотъ значительно выше всѣхъ перечисленныхъ и еще на меридианѣ Ходжента имѣетъ вершины болѣе 20,000 футовъ надъ моремъ. Какъ всѣ первостепенныя горныя цѣпи, онъ имѣетъ цѣлую систему предгорій, или второстепенныхъ цѣпей, параллельныхъ ему и вѣроятно составляющихъ гребни осадочныхъ пластовъ, прислоненныхъ къ основной кристаллической оси. Изъ-за этихъ-то второстепенныхъ горъ берутъ начало многочисленные притоки тѣхъ семи или осьми главныхъ горныхъ рѣкъ, которыя направляются къ Сыръ-дарьѣ съ юга, изъ главнаго снѣгового хребта, и по большей части имѣютъ при верховьяхъ обширныя ледники, обставленные нивами въ 18, 19 и 20,000 футовъ надъ моремъ. Слѣдуя Федченкѣ, Струве и Кушакевичу, главные перевалы черезъ Южно-коканскія горы, ведущіе въ бассейны Аму-дарьи и Заравшана, суть: 1) на востокѣ *Терекъ-дабанъ*, ведущій въ Кашгаръ; 2) сосѣдній ему съ запада *Шартъ-дабанъ*, который служитъ какъ для обхода каменистаго Терекъ-дабана лѣтомъ, такъ и для проникновенія изъ Ферганы въ Верхній Алай (Башъ-Алай); 3) *Джитмикъ* — съ Акъ-буры на верховья Кызылъ-су; 4) *Кавукъ*, высотой до 13,000 футовъ, и *Исфайрамъ*, менѣе 12,000: оба ведутъ на Алай, причемъ послѣдній отличается отсутствіемъ снѣговъ и мягкостью покрытаго травой грунта; 5) *Караказукъ*, въ верховьяхъ Аксу, одного изъ притоковъ Соха, среди ледника и окружающихъ его высокихъ пиковъ, имѣетъ до 14,000 футовъ; 6) *Таракъ*, у вершины другого притока Соха же; 7) *Джитмикъ*, при истокѣ Испары, по пути изъ селенія Варухъ въ Каратигенъ, ведетъ черезъ ледникъ Щуровскаго, состоящійся изъ семи вѣтвей, боковыя морены которыхъ замѣтны и по слитіи ихъ въ одинъ ледяной потокъ. Его положеніе на меридианѣ Испары заставляетъ сомнѣваться въ пяти-десятиверстной длинѣ лежащаго отсюда на югъ заравшанскаго ледника, который, вѣроятно,

много короче. 8) *Кирк-булакъ*, съ соотвѣтственнымъ ему въ сѣверной вѣтви, раздвоившейся тутъ цѣпи, *Кумбелемъ*. Его высота простирается до 13,300 футовъ, и тропинка выводитъ къ Янги-Саббаку, на Зеравшанѣ. Весь путь отъ Ходжента очень гористъ и труденъ. 9) *Аучинскій* и *Бисмандинскій* перевалы на пути между Ура-тюбе и Обурдиномъ—первый въ хребтѣ *Чуйхаръ-тау*, а второй въ *Малмузартъ*, лежащемъ сѣвернѣе рѣчки Санзара. Здѣсь горы уже значительно понижаются; но все еще южная цѣпь, Чуйхаръ или Осмутъ-тау, имѣетъ снѣговыя вершины, съ очень крутыми спусками къ сторонѣ Зеравшана.

За меридіаномъ Ура-тюбе, обѣ цѣпи спускаются за снѣжную линію, и потому самому дѣлаются проходимыми гораздо чаще, а вдоль дороги изъ Джизава въ Самаркандъ образуютъ даже двое натуральныхъ широкихъ воротъ. Оставляя на время ихъ описаніе, мы вернемся еще разъ къ собственно Южно-коканскимъ горамъ. Выше уже было замѣчено, что онѣ имѣютъ высокія предгорья, въ родѣ Черныхъ горъ на Кавказѣ, и что эти предгорья прорываются всѣми рѣками, текущими съ главнаго хребта къ сѣверу. Разумѣется, при такихъ прорывахъ образуются узкія, каменистыя ущелья, и они-то одна изъ главнѣйшихъ трудностей при слѣдованіи изъ Ферганы на Алай, въ Каратегинъ и въ долину верхняго Зеравшана. Обыкновенно выше этихъ ущелій рѣки оказываются составляющимися изъ трехъ, четырехъ потоковъ, которые текутъ не только съ юга, но также съ востока и запада. Долинами боковыхъ рѣчекъ пользуются, чтобы слѣдовать съ одной главной рѣки на другую, безъ обхода горныхъ отроговъ по подгорной плоскости. Такъ, напримѣръ, переѣзжаютъ изъ Соха въ Шагимарданъ; по проходу Кордунъ переваливаютъ съ верховій Исфайрама на Акъ-буру, направляющуюся сначала на востокъ, а потомъ на сѣверъ, къ Учъ-кургану и Маргилану. Перевалъ Кордунъ, впрочемъ, очень высокъ (13,500 футовъ) и принадлежитъ къ числу трудныхъ; да и вся сосѣдняя ему страна, такъ-называемый Малый Алай (Кичи-Алай), одна изъ самыхъ суровыхъ альпійскихъ мѣстностей. Это какъ бы нагроможденіе горъ, болѣе или менѣе хаотическое, не единственное, впрочемъ, въ Южно-коканскихъ горахъ. Въ Ходжентскомъ уѣздѣ орографическая запутанность еще сложнѣе и самыя горы образуютъ уже не два, а три или даже четыре ряда параллельно лежащихъ вершинъ, причемъ пространства между цѣпами являютъ какъ бы террасы, частію ровныя и тогда служащія лѣтовками (айлау) для киргизовъ, частію изрытыя глубокими оврагами. Такъ, на югѣ отъ Ходжента,

мы послѣдовательно находимъ: огромную пирамидальную гору Саркаты (25,000 футовъ?), съ цѣлою группою окрестныхъ вершинъ большой высоты. У подошвы ихъ, съ сѣвера, на 10—11,000 футовъ, лежатъ террасы Тюя-йлау и Исфана-куль; затѣмъ слѣдуютъ снова края Тангузыль, Шулуктунъ, Шуртея, Виласыль, Катта-Вилисынъ и Бишъ-Иста, постепенно становясь все ниже и ниже и, наконецъ, ниспадая въ долину Костакотъ. Но и эта долина, находящаяся почти на одномъ уровнѣ съ Сыръ-дарьей, еще не составляетъ предѣла параллельныхъ подъёмовъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ, потому что у самой Сыръ-дарьи встрѣчается рядъ небольшихъ холмовъ, Рухавскихъ высотъ, которыя также тянутся отъ востока къ западу. Террасовидное устройство горъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ выказывается съ особенною ясностію по рѣкѣ Босанды, которая распушена на арки не только по окончательномъ выходѣ ея на подгорную низменность, но и гораздо раньше того, въ горахъ, гдѣ, по берегамъ ея, встрѣчаются довольно обширныя котловины. То же можно сказать и про сѣверный склонъ Южно-коканскаго хребта, дагѣ на востокъ, по Бокаргану, Испарѣ, Соху и проч.

Возвращаясь на западъ отъ Ура-тобе, мы можемъ замѣтить, что цѣпь *Мамгузаръ* не высока: обѣгающія съ нею рѣчки отличаются маловодіемъ и потому всѣ пропадаютъ въ степи, недалеко отъ подошвы хребта. Соответственно тому и проходы черезъ горы менѣе высоки и затруднительны, хотя, напримѣръ, дороги на югъ отъ Замина, по проходамъ Кара-мазару и Джаманъ-гія, принадлежатъ къ плохимъ вьючнымъ тропинкамъ. Только у Джизака, при прорывѣ на сѣверъ рѣки Санзара, образовалось ущелье, по которому существуетъ колесный путь. За нимъ, къ западу, Мальгузарскія горы принимаютъ уже названіе *Нурагинскихъ*, и тянутся къ западо-сѣверо-западу, постепенно понижаясь и, наконецъ, почти теряясь въ степи, такъ что среди ихъ не только ручьи, но и колодцы становятся рѣдкостью. Съ сѣвера на югъ онѣ проходимы всюду, хотя нерѣдко представляются очень каменистыми, что затрудняетъ движеніе. Сѣверные ихъ склоны короче и круче южныхъ, и потому стекающіе съ нихъ, въ пространствахъ между Джизакомъ и Темиръ-Кобукомъ, ключи столь маловодны, что далеко не доходятъ до лежащаго въ степи оз. Тузь-Кане, продолженія Санзара. Самымъ крайнимъ проявленіемъ того поднятія, которое образовало Нурагинскія горы, можно считать разбросанныя по степи отдѣльныя массивы: *Сузъ*, *Каратау* и *Буканскія* горы. Это, вѣроятно, были

острова въ томъ первобытномъ морѣ, котораго слабый остатокъ представляетъ Аральское озеро.

Цѣпь Осмуть-тау, прерываемая также широкою надию на пути изъ Джизака въ Самаркандъ, продолжается западнѣе этой нади отдѣльными продолговатыми хряжами: Годунъ-тау, Караче-тау и Акъ-тау, до меридіана бухарской крѣпости Нураты или даже нѣсколько далѣе, гдѣ поднятія исчезаютъ въ степи. Между этими хряжами и горами Нуратинскими существуетъ рядъ котловинъ, совершенно степныхъ и слабо орошенныхъ ручьями, которые сбѣгаютъ съ Нура-тау, но теряются далеко не доходя до русла Зеравшана. За то на югъ отсюда, вдоль именно этой рѣки, лежитъ садъ Средней Азіи, знаменитая плодородіемъ долина *Міанкаль*, которая, начинаясь нѣсколько выше Панджикента, только западнѣе Кермине сливается съ широкою бухарскою степью.

7) *Міанкаль* обставленъ съ юга новою, параллельною экватору, цѣпью, которая во многихъ мѣстахъ едва-ли не болѣе высока, чѣмъ Южно-кованскія горы. Имени ей еще не дано доселѣ, а потому можно будетъ назвать ее *Каратенинскимъ* хребтомъ. Начало этого хребта, повидимому, можно искать на югъ отъ высокой (8,000 футовъ) долины *Алая*, на которую путешественники выходятъ съ сѣвера черезъ перевалъ Исфайрамъ и которая тянется отсюда верстъ на 60—70 къ востоку, вдоль рѣки Кызыль-су или Сурхаба. Здѣсь именно, на Алаѣ, Федченко видѣлъ, лежащую примѣрно подъ $39\frac{1}{4}^{\circ}$ широты, огромную горную цѣпь, со снѣговыми вершинами до 24—25,000 футовъ надъ моремъ, по всей вѣроятности сосѣдними знаменитому Памиру. Эта цѣпь на востокъ доходитъ до меридіана Терекъ-дабана; но западное ея продолженіе не могло быть выяснено путешественникомъ, и потому остается сомнѣніе, тождественна ли она съ тою, которая опредѣлительно обозначается на меридіанѣ зеравшанскаго ледника и потомъ все время идетъ вдоль Зеравшана съ юга. Эта послѣдняя, во всякомъ случаѣ, есть уже самъ по себѣ первоклассный хребетъ, увѣнчанный снѣгами болѣе чѣмъ на 150 верстъ и имѣющій общую длину до 250 верстъ, т. е. почти столько же, сколько Альпы отъ Монъ-Розы до Средиземнаго моря. Восточная половина цѣпи, до меридіана Варзминнара, осмотрѣна лишь отчасти изъ долинъ Зеравшана и Ягнау и отличается именно тѣмъ, что русло послѣдней рѣки раздѣляетъ ее на два параллельные хряжа: южный, главный, и сѣверный, подчиненный, но имѣющій до 12,000 футовъ надъ моремъ. Западнѣе Варзминнара изслѣдованія были подробнѣе, и потому мы знаемъ

здѣсь высокій (12,000 футовъ) перевалъ Мура, ведущій отъ озера Искендеръ-куля въ бассейнъ Аму-дарьи, черезъ обширный ледникъ. Затѣмъ самое озеро Искендеръ-куль есть небольшой, но чисто альпійскій водоемъ, на высотѣ 7,250 футовъ, съ горами по окрестностямъ до 20,000 футовъ (Чалъ-дара). Западнѣе его, отроги большой Каратегинской цѣпи, высотой до 11—12,000 футовъ, распадаются хаотически между рѣчками Артуця, Кптутъ и Маганъ и съ ними вмѣстѣ достигаютъ самаго русла Зеравшана, гдѣ отмѣчались на прежнихъ картахъ именемъ Вассанъ-тау. Вообще вся долина Зеравшана, отъ ледника почти до самаго Пянджикента, а равно долины Фана и составляющихъ его Ягнау и Искендеръ-су, столь плотно обставлены этими горами и южными отрогами Осмуть-тау, что небольшія долины встрѣчаются лишь въ немногихъ мѣстахъ, напримѣръ у Пальдарама, Янги-Соббака, Сарвада. Жители этихъ горныхъ ущелій очень мало занимаются земледѣліемъ именно потому, что количество ровной земли весьма незначительно, а устройство террасъ по горнымъ отклонамъ, довольно впрочемъ распространенное, не вездѣ возможно или удобно.

8) Слѣдя Каратегинскій хребетъ западнѣе меридіана Пянджикента, мы видимъ, что онъ раздѣляется на двѣ цѣпи, которыя отстоятъ одна отъ другой на 40 и болѣе верстъ, и притомъ постепенно расходятся къ западу. Сѣверную изъ нихъ принято у насъ называть *Шахрсябскими* горами, а южную Бухаринъ и Соболевъ, по распросамъ, называютъ *Котанъ-куль* и *Куттанъ-тау*. Остатокъ между ними пространство составляетъ бассейнъ рѣки Кошка-дарьи, проходящей чрезъ Шахрсябъ и Карши. Обѣ цѣпи до меридіана Китаба довольно высоки, но потомъ постепенно падаютъ, сѣверная не доходя Джама и окончательно на меридіанѣ Кермине, южная къ сторонѣ Аму-дарьи у Хаджа-сая, не достигая впрочемъ до этого пункта верстъ на 15—20. Многоводность рѣки Абу-дарьи, главнаго источника Кошка-дарьи, показываетъ, что эта рѣка, во-первыхъ, вытекаетъ изъ большихъ снѣжныхъ горъ, а во-вторыхъ беретъ начало довольно далеко на востокѣ отъ Шахрсябса, напримѣръ на меридіанѣ Искендеръ-куля или немного западнѣе его, но изъ части Каратегинскихъ горъ, называемыхъ Фамъ-тау. Выходы изъ бассейна Кошка-дарьи на сѣверъ, чрезъ Шахрсябскія горы, довольно многочисленны; мы знаемъ ихъ пять: 1) отъ Фарабата въ Пянджкентъ; 2) отъ Фарабата же въ Ургутъ — оба трудные; 3) изъ Китаба на Кара-тубе въ Самаркандъ, двойной перевалъ; 4) между тѣми же пунктами чрезъ Манисъ, также

двойной, и 5) изъ Макрыта въ Самаркандъ. О дорогѣ же изъ Карши въ Самаркандъ черезъ Джамъ можно сказать, что встрѣчающіяся по ней невысокія горы проходимы почти во всѣхъ направленіяхъ и дѣлаютъ только путь каменистымъ. На югѣ отъ Шахр-сыбса прежнія распросныя карты показываютъ дорогу черезъ горы Котанъ-кугъ въ Термезъ, а на юго-востокъ отъ Карши, поперекъ тѣхъ же горъ, идетъ, слѣдуя картѣ Бухарина, путь въ Дарванъ; прямо же на югъ, отъ Карши, къ Ходжа-сая, путешественникъ встрѣчаетъ ровную степь.

Съ переходомъ за Каратегинскія горы и Котанъ-кугъ, мы вступаемъ въ область географіи болѣе или менѣе проблематической. Здѣсь уже нельзя слѣдить за направленіемъ горныхъ хребтовъ, исчислять перевалы чрезъ нихъ, указывать снѣжныя вершины и т. п.; нельзя даже указать съ достовѣрностью самія названія горныхъ цѣпей. Поэтому приходится, для составленія сколько-нибудь правильнаго понятія о рельефѣ страны, обратиться къ изученію направленія главныхъ рѣчныхъ долинъ, о которыхъ кое-какія свѣдѣнія есть. Базой для такого изученія удобнѣе всего принять рѣку Сурхабъ, которая, подъ именемъ Кызылъ-су, орошаетъ Алай и которой устье лежитъ на меридіанѣ Талихана, т. е. тремя градусами западнѣ истоковъ. По свѣдѣніямъ Федченки, съ которыми согласны и прочія, общее направленіе этой рѣки отъ сѣверо-востока на юго-западъ не подвергается существеннымъ перемѣнамъ на всемъ протяженіи рѣчной долины, т. е. на 400 верстъ. Итакъ, мы имѣемъ одну сторону въ трехъугольникѣ, котораго другой бокъ есть Каратегинскій хребетъ (съ Южно-коканскими горами и Котанъ-тау), а третій, долина Аму-дарьи, отъ устья Сурхаба до Керки или Ходжа-сая. Въ этомъ трехъугольникѣ, горы, ограничивающія его съ сѣверо-запада и служащія истоками водъ, постепенно поднимаются къ востоку, а потому есть большая вѣроятность, что начала всѣхъ орошающихъ его рѣкъ лежатъ значительно восточнѣе устій, т. е. что рѣки эти болѣе или менѣе параллельны Сурхабу. Если же это такъ, то и раздѣляющіе рѣчныя долины хребты тянутся въ томъ же направленіи, представляя такимъ образомъ крайніе къ юго-западу лучи вѣерообразнаго развитія Тянь-шаня. Этотъ выводъ, съ которымъ согласны всѣ доселѣ имѣющіяся свѣдѣнія, не лишентъ важности въ орографическомъ смыслѣ, ибо исключаетъ совершенно изъ страны, по правому берегу Сурхаба, существованіе отроговъ и подчиненныхъ цѣпей Болорской системы. Относительно же строенія и высоты краевой опредѣлительныхъ данныхъ имѣтъ, и

все, что можно сказать по этимъ вопросамъ, состоятъ, во-первыхъ, въ догадкѣ, что нѣкоторые изъ хребтовъ должны быть довольно высоки (ибо рѣки въ 250 — 300 верстъ длиною могутъ быть наполняемы въ здѣшнемъ сухомъ климатѣ только таяніемъ снѣговъ), а во-вторыхъ въ томъ, что ни одинъ изъ хребтовъ не доходитъ до главнаго русла Аму-дарьи, за исключеніемъ развѣ лежащаго между Сурхабомъ и Абъ-Гиссаромъ, который обрамливаетъ долину Окса увалами выше и ниже Хазрети-Имама. Рѣчныя долины, о которыхъ сказано выше, суть слѣдующія: Ширраватъ-дарья, Бай-сунъ-дарья, Тапалака и Задди-дарья или Абъ-Гиссара, съ правымъ притокомъ Караталомъ. На которую изъ этихъ рѣкъ приводитъ находящійся въ Фанъ-тау перевалъ Мура, пока неизвѣстно, но кажется на Гиссаръ.

За Сурхабомъ, до самой дороги изъ Кундуза чрезъ Бадакшанъ къ Сары-кулю, мы находимся въ странѣ загадочнаго устройства, гдѣ даже направленія, число и названія главныхъ рѣкъ недовольно извѣстны. Для облегченія памяти можно, однако, представить себѣ здѣсь слѣдующую схему. Рѣка Сурхабъ или Бизмъ-су еще въ верхнемъ Каратегинѣ принимаетъ приходящую съ востока рѣку Мукъ-су или Акъ-су. Эта рѣка, повидимому, течетъ лишь въ двухъ переходахъ южнѣе озера Кара-куля, принадлежащаго къ системѣ Тарима. Сто верстъ ниже чѣмъ Акъ-су, сливается съ Сурхабомъ другая вѣтвь верхняго Окса, стокъ озера Дзарикъ-куля, принимающаго рѣку Болоръ. Эта рѣка, самое озеро Дзарикъ и городъ Болоръ принадлежатъ, впрочемъ, къ предметамъ наиболѣе спорнымъ, хотя общая длина Болорскаго потока должна быть не менѣе 350 верстъ. Ниже его устья, опять во ста верстахъ, происходитъ слияніе Сурхаба съ Пянджемъ, главнымъ истокомъ Аму-дарьи, берущимъ начало въ озерѣхъ Сары-куль и Баркатъ-Ясинъ. Здѣсь мы уже на болѣе твердой почвѣ, по крайней мѣрѣ относительно верховій этой рѣки; но все же не знаемъ ея теченія между 37-ю и 38-ю параллелями, на пространствѣ около 200 верстъ. За Пянджемъ, примѣрно въ 50 верстахъ, протекаетъ Кокша или Бадакшанская вѣтвь Окса, а потомъ, верстахъ во ста ниже, Акъ-Серай и далѣе, въ семидесяти верстахъ, Абъ-Худумъ, послѣдній данникъ Аму-дарьи съ юга, изъ Гиндукуша. Какъ-бы, однако, ни были недостаточны всѣ изложенныя сейчасъ схематическія указанія на рѣчную сеть верховій Аму-дарьи за Сурхабомъ, несомнѣнно, что главное направленіе потоковъ здѣсь съ юго-востока къ сѣверо-западу, слѣдова-

тельно перпендикулярно тибетанской системѣ и соответственно направленію Гималаев по правой сторонѣ Инда.

Принявъ этотъ взглядъ на нагорье въ верховьяхъ Окса, мы можемъ сказать, что имя *Болорскаго* хребта можетъ быть присвоено лишь тому водораздѣлу, который начинается подъ 37° широты, южнѣ Баркатъ-Ясиня, и оканчивается у Алая, подъ 39½° широты, слѣдовательно имѣть не болѣе 310 верстъ длины. Водораздѣлъ этотъ принадлежитъ къ числу высочайшихъ на земномъ шарѣ, хотя едва-ли въ немъ есть вершины въ 28—29,000 футовъ, какъ въ Гималаѣ. Наиболѣе высокое поднятіе, повидимому, встрѣчается на сѣверѣ, тамъ, гдѣ подходятъ отроги Тянь-шаня. По крайней мѣрѣ, есть извѣстія, что горы на сѣверѣ отъ Кара-куля напоминаютъ по высотѣ Гималаю, да и въ Заалайскомъ хребтѣ Федченко видѣтъ вершины въ 24—25,000 футовъ. Здѣсь же, т. е. подъ 39° ш., начинается рядъ плоскогорій, который тянется вдоль всего болорскаго водораздѣла и носитъ названіе Памира, прославленнаго еще со временъ Марко Поло, который замѣтилъ, что туземцы считаютъ эту страну крышею міра, откуда всѣ окрестныя горы представляются лежащими у ногъ наблюдателя и гдѣ воздухъ столь рѣдокъ, что не поддерживаетъ огня. Плоскогорія эти тянутся за 37° ш. къ югу и, быть можетъ, даже составляютъ одно плато, соответственно тому, что говорилъ о Памирѣ Сонъ-юнъ, дававшій ему до 500 верстъ протяженія. Восточной окраиной этой высокой страны, кажется, служить хребетъ Кизиль-яръ, видѣнный Шау, Гейуордомъ и Каульбарсомъ изъ Кашгара; но впрочемъ этотъ вопросъ еще требуетъ разъясненія. Соединяя прежнія свѣдѣнія съ новыми, мы можемъ составить себѣ слѣдующее понятіе о проходимости Болорскаго нагорья съ востока на западъ. На юго-западѣ отъ озера Кара-куля ведетъ къ озеру Дзариевъ-кулю перевалъ, по которому въ 1759 г. китайскія войска преслѣдовали сторонниковъ Джана-Ходжи. Затѣмъ карта Шау изображаетъ въ широтахъ 37—39° проходы Оло, Ватакханфъ, Кара-су и Бурауинтъ, которыхъ положеніе впрочемъ плохо извѣстно. Несомнѣнно же существующіе проходы суть: Сарпкульскій, при верховьяхъ Пянджа, на высотѣ 15,600 футовъ и среди горъ въ 19,500, и Баркатъ-Ясинскій, на высотѣ 13,200, оба плоскіе, такъ что на Баркатъ-Ясинѣ изъ одного и того же озера, быть можетъ, вытекаютъ ручьи къ сторонѣ Окса и къ сторонѣ Тарима. Этими исчерпывается все, что мы знаемъ, въ общихъ чертахъ, о строеніи собственно Болорской цѣпи, или, правильнѣе, водораздѣльной линіи.

Что касается до западныхъ ея предгорій, до подчиненныхъ ей цѣпей, которыя наполняютъ Каратегинъ, Шугнанъ, Дарвазъ, Ваханъ и Бадакшанъ, то здѣсь расположеніе горъ столько же проблематично, какъ рѣчная сѣть, и чтобы выйти изъ этого хаоса, удобнѣе всего будетъ принять слѣдующее изложеніе географіи этихъ мѣстностей, сдѣланное Юлемъ, хотя при этомъ придется смѣшивать топографію съ политической географіей. Самый сѣверный истокъ Окса и, вѣроятно, послѣ Пянджа, самый многоводный есть, какъ извѣстно. Сурхабъ или Кызыль-су, котораго начало видѣлъ Федченко на Алаѣ. Онъ орошаетъ сначала Каратегинъ, гдѣ очень извилистъ и быстръ и гдѣ проходитъ подъ стѣнами Гарма и Сарыпуля, лежащихъ другъ около друга, на противоположныхъ берегахъ рѣки, которой глубина здѣсь достигаетъ сажени. Много мелкихъ рѣчекъ впадаетъ въ него, и долина застроена деревнями, жители которыхъ, повидимому, не нуждаются въ заграничной торговлѣ и живутъ произведеніями одной собственной земли, къ числу которыхъ принадлежатъ: золото, превосходное желѣзо, соль, лошади и разные садовые и полевые плоды. Населеніе достигаетъ, вѣроятно, 100,000 душъ. Въ началѣ нашего вѣка эта страна управлялась государемъ Дарваза, который изгналъ туземную династію; но потомъ эта династія была восстановлена, пока въ новѣйшее время революція не подвергла ее зависимости отъ Кокана.

По выходѣ изъ Каратегина Сурхабъ орошаетъ Кулябское ханство, которое болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ стариннымъ владѣніямъ Хотль и Вахшъ, гдѣ уже въ X вѣкѣ были цвѣтущіе города и торговля. Мы еще ничего вѣрнаго не знаемъ объ этой землѣ; но повидимому это есть равнина, хорошо и издавна населенная. Слѣды давней цивилизаціи сохранились здѣсь въ видѣ Пулы-сангина или Каменнаго моста, извѣстнаго уже Тимуру.

Слѣніе Сурхаба съ Пянджемъ на современныхъ картахъ изображается лишь въ нѣсколькихъ верстахъ сѣвернѣе устья бадакшанской гѣтви Окса, или рѣки Кошки; но это есть не болѣе какъ предположеніе, основанное на картѣ Вуда, гдѣ въ этомъ мѣстѣ показанъ безымянный притокъ Пянджа. Напротивъ, на основаніи маршрута изъ Шарвана въ Кулябъ, приводимаго Макартнеемъ, должно скорѣе думать, что Сурхабъ вливается въ Пянджъ по крайней мѣрѣ въ 45 верстахъ выше, т. е. сѣвернѣе Кошки. Пянджъ или Пянджа есть важнѣйшій изъ истоковъ Аму-дарьи, котораго начало видѣлъ Вудъ подъ 37°2' с. ш., 90°22' в. д., въ такъ-называемомъ Ваханѣ, гдѣ озеро Сары-куль лежитъ на высотѣ 15,600

фут. и обставлено горами въ 19,000 ф. Но за истокъ можетъ быть принята и другая вѣтъ, Шархадъ, вытекающая на юго-востокъ отъ Сары-куля, изъ озера Баркатъ-Ясинъ. Это послѣднее озеро лежитъ на Маломъ Памирѣ *), тогда какъ Сары-куль занимаетъ средину Большаго. Идя вверхъ по Шархаду, отъ мѣста соединенія двухъ потоковъ, встрѣчаешь, въ 63 верстахъ отъ этого пункта, послѣднюю передъ переваломъ деревню Патуръ; вообще эта долина хорошо населена и жители ея богаты скотомъ, въ частности лошадьми мелкой породы и яками. Дома ихъ построены изъ камня. По долину Шархада, иначе называемой Сары-Чапанъ, проходили неоднократно завоеватели изъ восточнаго Туркестана въ бассейны Аму-дарьи, напр. въ 1503 — 1515 годахъ султанъ Абу-бекръ, въ 1529 г. его сынъ, Саидъ-ханъ кашгарскій. Эта же долина, безъ сомнѣнн, служила дорогою для Хюентъ-Цана, назвавшего ее въ своемъ дневникѣ Помило, и вѣроятно по ней слѣдовалъ Марко-Поло. Панджъ, верстъ на 100 отъ слитія обомъ главныхъ своихъ истоковъ, имѣетъ, въ предѣлахъ Вахана, долину едва въ нѣсколько сотъ сажень ширины и нигдѣ болѣе полутора версты. Эта долина населена народомъ персидскаго происхожденія, но отатарившимся. Бывшій въ Петербургѣ грекъ Патогось, вѣроятно также англійскій агентъ, какъ и всѣ новѣйшіе изслѣдователи Аму-дарьи, говорилъ, что вполне понимая образованныхъ людей Вахана и Бадакшана, употребляющихъ чисто персидскій языкъ, онъ плохо разумѣлъ простолюдиновъ. Все владѣніе Ваханъ раздѣлено на четыре округа: Иштрахъ, Хандутъ, Испанджъ и Сары-Чапанъ, коихъ повелитель (миръ) есть вассалъ Бадакшана. Изъ Вахана существуетъ нѣсколько проходовъ чрезъ Гиндукушъ въ Читралъ.

По выходѣ изъ Вахана въ предѣлы вассальнаго ему владѣнія Ишканимъ, Панджъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ, и скоро на правомъ его берегу начинается государство Шигванъ, знаменитое своими рубиновыми копиями, которыя нынѣ опустѣли и вовсе не разрабатываются. Затѣмъ рѣка вступаетъ въ страну неизвѣстную, гдѣ должны быть владѣнія: Рошанъ, вассальное Бадакшану, и потому Дарвазъ и Кулябъ, независимыя. Въ каждой изъ этихъ земель народъ говоритъ особымъ языкомъ; но всѣ исповѣдуютъ шитскую

*) Юль вообще насчитываетъ семь Памировъ: Аличуръ, Хуръ или Малый, Каланъ или Большой, Харгоши или Залчій, Сарисъ, Ріанъ-куль и Тагдубанъ. Самый сѣверный изъ нихъ, Ріанъ-куль, показанъ имъ подъ 38¹/₂° ш., южнѣ Ала. Его сѣверную окранию, съ горами въ 24,000 ф., видѣлъ Федченко.

вѣру. Въ Дарвазѣ, на р. Пянджѣ есть мостъ; болѣе же объ этой землицѣ мы ничего не знаемъ.

Кокша, третій большой истокъ Окса, обыкновенно называемый туземцами Бадакшанской рѣкой, потому что она проходитъ мимо этого города, вытекаетъ изъ Гундукуша двумя рукавами: Джермъ и Вардожъ, которыхъ дѣйствительное протяженіе мало извѣстно, такъ что туземцы считаютъ именно джермскую вѣтвь главнымъ истокомъ всей Аму-дарьи и выводятъ ее изъ озера. Долины этой высокой страны называются Куренъ, Анджумалъ и Парайанъ, и ихъ жители зависятъ отъ Джерма. Куранъ (Куланъ) извѣстенъ былъ уже Хуенъ-цану. Вардожъ, восточная вѣтвь Кокши, составляется изъ мелкихъ рѣчекъ близъ Зебака, который нанесенъ на карту еще Вудомъ. Въ верховьяхъ двухъ изъ этихъ рѣчекъ находятся перевалы черезъ Гиндукушъ въ Читраль, называемые Дорахъ и Нуксанъ. Вардожская вѣтвь Кокши орошаетъ одну изъ лучшихъ долинъ Бадакшана; джермская же, прежде, чѣмъ выйти къ городу Фейзабату, прорывается по узкому ущелью.

Рѣка Кокша ниже Бадакшана протекаетъ по холмистому и населенному округу Яфталу и по вассальной землицѣ Пазаку или Шахръ-и-Бузурку. На лѣвомъ же ея берегу тянутся равнины, среди которыхъ нѣкогда находился большой городъ Химчанъ. Въ Кокшу послѣдовательно впадаютъ слѣва рѣчки: Дарамъ, Тешканъ, Нави и Машадъ. При устьѣ Тешкана стоитъ укрѣпленіе Зафаръ, большой сторожевой пунктъ Бадакшана. Рѣка Машадъ заимствуетъ свое имя отъ города, чрезъ который протекаетъ и который находится на дорогѣ изъ Фейзабада въ Кундузъ. Нѣсколько южнѣе этого города лежитъ крѣпостца Килаоганъ (Кила-Афганъ), пограничный постъ къ сторонѣ афганскихъ владѣній, лежащій однакоже на бадакшанской землѣ.

Таково строеніе *нагорныхъ* частей туркестанскаго пограничнаго пространства. Теперь посмотримъ на тѣ *равнины*, которыя стелются у подошвы горъ. Ихъ можно насчитать семь, составляющихъ, впрочемъ, не болѣе какъ междугорныя развѣтвленія одной, при-аральской. Самая крайняя къ сѣверу есть при-чуйская, которая начинается у подошвы горъ Каратау и Киргизыиъ-Алатау и тянется до рѣки Чу. Подгорная ея часть, по притокамъ рѣки Курогаты, имѣетъ нѣсколько оазисовъ, годныхъ для земледѣлія, и то же явленіе, хотя въ меньшемъ объемѣ, представляютъ нѣкоторые мѣста у сѣвернаго подножія Каратау. Но, отойдя отъ горъ верстъ на 5—6, мы уже встрѣчаемъ на востокъ голую твердо-глинистую степь,

а на западѣ покрытые саксауломъ пески. Вдоль же самой Чу, также по берегамъ озера Кара-куля и по низовьямъ Таласа, тянутся широкія полосы камышей. Что касается до верхней части долины Таласа, къ юго-востоку отъ Аулие-ата, то, несмотря на близость горъ съ юга и сѣвера, эта долина, имѣющая ширину мѣстами до 8 верстъ, совершенно степная, съ твердо-глинистою или хрящеватою почвою. Вслѣдствіе этого, на всемъ протяженіи бассейновъ таласскаго и чуйскаго, въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской области, едва ли можетъ быть найдено подъ земледѣльческія осядлости болѣе 15 квадратныхъ миль, несмотря на то, что равнины здѣсь занимаютъ свыше 1,000 миль. Съ военной точки зрѣнія это очень важно, ибо показываетъ, что трудно у подножія Каратау и Киргизынъ-Алатау учредить хорошую линію русскихъ селеній; а безъ этой линіи связь низовій Сыръ-дарьи съ Западнымъ краемъ будетъ всегда ненадежна и въ случаѣ какихъ-либо волненій въ Туркестанскомъ краѣ распространенію ихъ на сѣверъ, за Чу, не будетъ никакого препятствія.

Вторая большая равнина на описываемомъ пространствѣ есть покатая къ западу страна между Сыръ-дарьей и горами Каратау, Кызыкуртомъ и Кендырь-тау, протяженіемъ около 500 квадратныхъ миль. Здѣсь находится, въ настоящее время, центръ русской власти въ Средней Азіи, Ташкентъ, и цѣлый рядъ другихъ городовъ и селеній, издавна существующихъ. Обиліе воды въ рѣчкахъ, сбѣгающихъ съ горъ, особенно же въ Арысь, Чирчикъ и Ангренъ, дало тутъ возможность скучиться значительному осядлому населенію. Впрочемъ не должно представлять себѣ эту страну одною сплошь воздѣланною равниною, въ родѣ Ломбардіи. Совсѣмъ напротивъ: залегающія, воздѣланныя пространства тянутся полосами только вдоль рѣчекъ и проведенныхъ изъ нихъ арыковъ и въ суммѣ составляютъ едва-ли болѣе 125 квадратныхъ миль; остальная площадь есть степь, частію глинисто-каменистая, въблизи горъ, частію песчано-глинистая, по близости Сыръ-дарьи. Замѣтимъ, что густота туземнаго мусульманскаго населенія, которое для своихъ полей разбираетъ почти всю воду, годную для орошенія, дѣлаетъ весьма затруднительнымъ основаніе въ этомъ краѣ собственно русскихъ колоній, этого необходимаго условія нашего господства въ Туранѣ.

Другая при-дарьинская равнина есть знаменитая *Фергана* или мѣстность около Кокана, Маргилана, Намангана и пр., вообще долина Сыра, отъ выхода изъ горъ Нарина и Кульши до Ходжента. Высокіе хребты, обставляющіе ее съ сѣвера, съ востока и особенно

съ ирга, даютъ начало значительному числу многоводныхъ рѣчекъ, которыя, по выходѣ на плоскость, всюду распушены на арники и потому орошаютъ большую половину страны. Не должно, однако, думать, чтобы и здѣсь палашее среднеазиатское солнце не сдѣлало своего дѣла, т. е. не обратило части края въ пустыню. Напротивъ, мѣста ближайшія къ Сыръ-дарьѣ, на сѣверъ отъ Кокана, представляютъ полосу песковъ отъ 10 до 20 верстъ шириною и болѣе 80 верстъ длиною. Культурная же часть Ферганы, прославленная еще султаномъ Баберомъ, занимаетъ въ суммѣ не болѣе 110 квадратныхъ миль.

Широкая плодородная долина Фергана на западѣ отъ Ходжента переходитъ въ узкую полосу воздѣланной земли, тянущуюся по подгорью Мальгузара и Нуратау. Сѣвернѣе этой полосы, въ какихъ-нибудь 4—5 верстахъ отъ горъ, начинается уже степь, которая простирается до самыхъ низовій Сыръ-дарьи и до Аральскаго моря. Первоначально, въ пространствѣ между Ходжентомъ, Джизакомъ и Чиназомъ, она еще представляетъ твердую почву, быть можетъ даже способную для осѣдой колонизаціи, если провести воду изъ Сыръ-дарьи; но за дорогою изъ Чиназа въ Джизакъ скоро обращается въ песчаную степь, извѣстную подъ именемъ Кызыль-кумъ и столь же пустынную, какъ лежащія на сѣверѣ отъ Сыръ-дарьи Каракумы. Изрѣдка встрѣчаются тутъ трава и кусты саксаула, преимущественно вблизи Сыръ и Яны-дарьи; но и этимъ скуднымъ дарамъ природы грозитъ немалое истребленіе отъ вырубки саксаула на топливо. Для осѣдой жизни, по южной странѣ Кызыль-кума едва-ли можно найти больше 12 квадратныхъ миль, и только послѣ большихъ гидротехническихъ работъ можетъ удасться расширить эту площадь до 40—50 миль.

Вдоль по Зеравшану тянется, столь же знаменитая какъ Фергана, долина *Міанжазъ*, этотъ садъ Средней Азіи. Благодаря искусственному раздѣленію рѣки на два большіе рукава, Акъ-дарью и Кара-дарью, и на множество мелкихъ арниковъ, площадь Міанжада и равнины бухарской представляетъ рядъ пышно-зеленыхъ плантацій, которыя кормятъ мѣстное сосѣднее кочевое населеніе пшеницею, просомъ, джугарою, рисомъ и пр., и производятъ множество культурныхъ растений: марену, хлопковъ, индиго и т. п. Но и здѣсь нужно не предаваться обольщенію. По весьма основательному расчету Соболева, все пространство воздѣланной части зеравшанской долины ниже Пянджикента простирается не свыше 83 квадратныхъ миль, и это еще въ благоприятные годы, т. е.

Когда рѣка многоводна; въ маловодные же годы значительная часть бухарской равнины обращается въ степь. Сухая степная атмосфера и палящее солнце до того убиваютъ въ этихъ частяхъ Средней Азіи всякую органическую жизнь, что даже на высотѣ 8,000 футовъ, въ одной широтѣ съ Самаркандомъ, именно на Алаѣ, тянущемся между двумя свѣговыми хребтами, мы находимъ слегка лишь травянистую степь, а самые отклонны свѣговыхъ южно-коканскихъ горъ, кромѣ ущелій, почти совершенно пустынные.

Подобную Міанкалу плодоносную полосу земли представляетъ водосемъ рѣки Кошкя-дарьи или Шахрѣбской рѣки. Но площадь этого оазиса гораздо меньше, именно едва-ли превосходить 25 квадратныхъ миль. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ изслѣдованныхъ частей Туранскаго пограничнаго пространства, т. е. на 4,500 квадратныхъ миляхъ, мы можемъ насчитать не болѣе 378 квадратныхъ миль, годныхъ для осѣдлостей, именно:

Въ при-чуйской странѣ	15
По Арису, Чирчику и Ангрену	125
Въ Ферганѣ	110
По Зеравшану	83
По Кошкя-дарьѣ	25
По мелкимъ рѣчкамъ внутри горъ Южно-коканскихъ и другихъ, до	20

И если еще присоединимъ сюда ту часть при-ансартскихъ степей, которая можетъ быть орошена изъ этой рѣки безъ доведенія ея до степи не-судоходной, то вѣроятное пространство культурной почвы возрастаетъ до 450 квадратныхъ миль, т. е. до одной двѣнадцатой части протяженія края. Вся остальная площадь его годится только для кочевой жизни, или не годится ни для какой. Если же, за всѣмъ тѣмъ, мы находимъ въ этой странѣ около 1,600,000 душъ населенія, то это объясняется лишь сильнымъ плодородіемъ почвы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она орошена, и, едва ли еще не болѣе, скромностью среднеазіатцевъ въ ихъ потребностяхъ, ихъ привычкой довольствоваться немногимъ. Для сравненія стоитъ вспомнить Египетъ, который имѣетъ обработанной почвы не болѣе 510 квадратныхъ миль, а жителей 2,900,000 душъ.

Описаніе равнинъ, орошаемыхъ Аму-дарьей (въ верхнихъ ея частяхъ), а также ея протоками, не можетъ быть довольно точно потому, что мы вообще мало знаемъ географію этихъ странъ. Знаменитѣйшая изъ здѣшнихъ долинъ есть бадакшанская, лежащая, какъ теперь вѣдомо, на высотѣ отъ 3,500 до 5,000 футовъ надъ

моремъ. «Туремцы и чужестранцы, по словамъ Борнса, съ восторгомъ говорятъ о Бадакшанѣ, его рощахъ, плодахъ, цвѣтахъ и соловьяхъ»; но количество квадратныхъ миль, годныхъ здѣсь подъ культуру, остается намъ неизвѣстнымъ. Долина собственно Аму-дарьи, на западѣ отъ Хазретъ-Имана и Термеза быстро переходитъ въ степь. И если непосредственно у русла рѣки мы находимъ камыши и кустарники, то, во-первыхъ, не вездѣ, а во-вторыхъ растительность эта не есть доказательство, что мѣста, ею занятыя, годны для учрежденія городовъ и селеній. Напротивъ, значительная часть прибрежій Аму-дарьи затопляется во время періодическихъ разливовъ ея, слѣдовательно не можетъ быть занята осѣдлостями. Да и кочевники глѣтомъ держатся вдали отъ нея, благодаря множеству насѣкомыхъ въ камышахъ и кустахъ, тревожащихъ скотъ, такъ что, въ строгомъ смыслѣ слова, эта долина бываетъ заселена лишь съ ноября по мартъ, когда туремцы становятся на зимовки. Но допустимъ, что всѣ годныя для культуры долины аму-дарьинскаго бассейна имѣютъ столько же протяженія, какъ сыръ-дарьинскія, т. е. 225 квадратныхъ миль (не считая, конечно, Хиву), и что онѣ не менѣе плодородны: въ результатѣ для цѣлаго нагорно-туранскаго пространства получится 603 квадратныхъ мили, т. е. одна двадцатая часть страны. Равнинъ и горныхъ отклоновъ, орошаемыхъ дождями и годныхъ для обработки, быть можетъ, найдется на половину, т. е. 300 квадратныхъ миль; но не нужно забывать, что атмосферное орошеніе есть такая рѣдкость въ Средней Азій, что на него рассчитывать въ земледѣліи очень рискованно. Бываютъ годы, что на поля, засѣянные весною по влажной почвѣ, въ теченіе глѣта не падаетъ и капли дождя, и когда весь всходъ погибаетъ. По свидѣтельству Федченко и другихъ путешественниковъ, даже горные хребты, съ вершинами въ 15—16,000 футовъ, т. е. покрытыми снѣгомъ, имѣютъ отлоны, большую часть, пустынные, и, напримѣръ, междугорная площадь Алай, лежащая на 8,000 футовъ надъ моремъ и между двухъ снѣжныхъ цѣпей, все же есть степь.

Производительность страны.

Эти физико-географическія указанія на общій видъ нагорнаго Турана даютъ уже нѣкоторое понятіе о томъ, что можно ожидать отъ него въ ботанико-географическомъ смыслѣ. Но нужно замѣтить, что если принять въ соображеніе одни оазисы, то край пред-

ставляет большое разнообразіе и богатство растительности. Чтобы характеризовать самымъ нагляднымъ образомъ здѣшнюю флору, довольно сказать, что къ составу ея принадлежатъ: шелковица, миндальное дерево, виноградъ, марена, хлопокъ и рисъ, если не вездѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ болѣе низкихъ и теплыхъ мѣстахъ. Одно перечисленіе прочихъ культурныхъ растений, дающихъ часто огромные урожан, покажетъ, что изъ всѣхъ нашихъ азіатскихъ окраинъ, за исключеніемъ южно-усурійской и средне-амурской, это самая благодатная и наиболѣе общающаяся въ будущемъ.

Главное хлѣбное растеніе здѣшнихъ полей есть пшеница, которой четыре сорта, различающихся по цвѣту, объему и вѣсу зерна. Урожан, въ мѣстахъ орошенныхъ канавами, простираются до сямъ-тридцати и болѣе; цѣны колеблются отъ 25 до 60 копѣекъ за пудъ. Послѣ сбора пшеницы, обыкновенно сѣютъ на тѣхъ же поляхъ просо, кукурузу, макъ, морковь и т. п.

Просо — второй по важности зерновой продуктъ края, дающій иногда урожан сямъ-четыреста, сямъ-пятьсотъ. Его сѣютъ не только осѣдлые жители страны, но и кочевники, гдѣ позволяетъ мѣстность. Мелкое просо, или кунакъ, собирается, главнымъ образомъ, для приготовленія мѣстнаго напитка — бузы.

Джугара, или бухарское сорго, даетъ также огромные урожан и потому употребляется въ большомъ количествѣ, особенно бѣднымъ населеніемъ, такъ какъ стоитъ дешево, отъ 20 до 30 копѣекъ за пудъ. Въ сухомъ видѣ идетъ на кормъ молодымъ животнымъ; солома же употребляется на подстилку и на циновки.

Ячмень разводится для корма лошадей; рожь вообще засѣвается рѣдко.

Горохъ и чечевицу также разводятъ мало. Ленъ воздѣлывается только для сѣмянъ и для волокна.

Люцерна, или дженушка, есть важнѣйшая кормовая трава, засѣваемая на вспаханной и орошенной почвѣ, гдѣ одинъ и тѣ же сѣмена продолжаютъ давать урожан три года и каждый годъ по 2—3 укоса (правильнѣе, ужина).

Рисъ разводится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможно обильно орошеніе, и даетъ средніе урожан сямъ-тридцать, т. е. далеко меньше, чѣмъ въ южной Азіи. Цѣна его отъ 75 до 100 копѣекъ за пудъ.

Хлопокъ — главное культурное растеніе въ наиболѣе теплыхъ мѣстахъ Турана, напримѣръ въ Міанкалѣ, Ферганѣ и по нѣкоторымъ прибрежьямъ Аму-дарьи. Несмотря на довольно хлопотливый уходъ за нимъ, весною при посадкѣ и осенью при сборѣ плодовъ,

одна десятинна земли, нмъ засѣянная, можетъ давать ежегодно до 90 рублей чистаго барыша. Но, къ сожалѣнію, среднеазіятцы не умѣютъ довольно тщательно готовить хлопчатую бумагу на продажу, и потому здѣшній хлопокъ, отъ самой природы уступающій американскому по длинѣ и крѣпости волокна, цѣнится гораздо ниже его. Если же ввести улучшенную обработку, какъ думаетъ сдѣлать купецъ Хлудовъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ, то можно лишиться совсѣмъ барышей.

Табакъ есть довольно распространенный продуктъ полеводства во всемъ Туркестанѣ; разведеніе его сдѣлало особые успѣхи со времени водворенія въ странѣ русскихъ. Купцами Первушиннымъ и Федоровымъ разведены даже нѣкоторые сорта американскаго и турецкаго табака.

Таковы главные произведенія среднеазіятскаго полеводства. Несмотря на все ихъ разнообразіе, жители Туркестана занимаются предпочтительно не ими, а садовыми деревьями и огородными овощами. Причина тому частію вкусъ, любовь къ фруктамъ, частію же гораздо большая доходность садоводства въ сравненіи съ обработкой полей. Слѣдующія садовыя растенія составляютъ главные предметы заботъ жителей Туркестана:

Виноградъ, по Ханыкову, тринадцати сортовъ, изъ которыхъ нѣмне годны на вино, приготовляемое особенно со времени водворенія въ странѣ русскихъ. Большая часть винограда, впрочемъ, потребляется въ видѣ ягодъ, свѣжихъ или сухихъ (кишмиша) — любимаго средне-азіятскаго лакомства. Виноградная лоза на зиму требуетъ укрытія; за то въ удачный годъ даетъ урожая болѣе 10,000 пудовъ съ десятины.

Абрикосы или урюкъ — самый обыкновенный въ Средней Азіи фруктъ, множества породъ, изъ которыхъ особенно извѣстны нангангаскія.

Персики трехъ породъ.

Гранаты, особенно распространенны въ Шахрисябѣ.

Смоковница растетъ почти повсемѣстно среди полей.

Яблоки, множества породъ, разсаживаются вездѣ, гдѣ пришлось, и, требуя мало ухода, продаются очень дешево.

Груши, столь превосходныя въ умѣренно-влажномъ климатѣ Франціи, оказываются хуже подъ сухимъ небомъ Турана.

Айва даетъ плоды, употребляемые среднеазіятцами въ пищу вареными и запечеными.

Вишни туранскія рѣдко бываютъ сладкаго вкуса.

Миндальное дерево разводится преимущественно въ Шахрсабѣ.

Тутовое дерево есть предметъ особаго вниманія среднеазиатскихъ садовниковъ, такъ какъ въ одно время даетъ и вкусные плоды, и необходимые для шелководства листья.

Фисташникъ даетъ въ изобиліи орѣхи, употребляемые въ огромномъ количествѣ, почти такъ же, какъ у насъ подсолнечники. Но смола, которую даетъ это дерево, остается безъ употребленія, или, точнѣе, ея вовсе не добываютъ.

Грецкій орѣхъ водится въ дикомъ состояніи по ущельямъ и долинамъ въ горахъ; орѣхи употребляются на масло.

Джигда — одно изъ лучшихъ подѣлочныхъ деревьевъ.

Высокій тополь, напротивъ, непригоденъ для этого, но даетъ тѣнь среднеазиатскимъ садамъ, которые обыкновенно обставлены ими, подобно тому какъ въ привислянскомъ краѣ.

Огородничество производитъ въ изобиліи тѣ же овощи, что у насъ: свеклу, морковь, рѣдьку, капусту, лукъ, огурцы, тыквы и особенно превосходные арбузы и дыни, которыя достигаютъ иногда исполинскихъ размѣровъ. Макъ, разводимый частію на огородахъ, частію по полямъ, идетъ на масло, и, до нѣкоторой степени, на приготовленіе опиума. Впрочемъ опиумъ, употребляемый туземцами для куренія, большею частію привозится изъ-за Гиндукуша. Другія, дающія масло, растенія суть: кунжутъ, каперсы, ленъ, подсолнечникъ и орѣхи.

Для добыванія красокъ служатъ марена, живокость, мальва, кошениль. Но независимо отъ колеровъ, достигаемыхъ съ помощью привозимыхъ изъ Россіи сандала, а изъ Индіи индиго, среднеазиатцы для своихъ пестрыхъ матерій употребляютъ много красокъ минеральныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя добываются въ краѣ, гдѣ, впрочемъ, не умѣютъ ихъ хорошо обрабатывать.

Вообще эксплуатація минеральныхъ богатствъ страны сдѣлала гораздо меньше успѣховъ, чѣмъ пользованіе растительными продуктами, что и естественно, ибо въ этомъ случаѣ требуются научныя свѣдѣнія изъ химіи, механики, металлургіи и пр., которыхъ, конечно, среднеазиатцы не имѣютъ. Слѣдующіе минералы извлекаются изъ горъ Турана какъ туземцами, такъ отчасти и русскими:

Кменный уголь — самый драгоцѣнный продуктъ въ странѣ, гдѣ топливомъ служатъ либо кизякъ (въ степи), либо дрова изъ фруктовыхъ деревьевъ (въ городахъ). Въ настоящее время, кименный уголь добывается, въ нашихъ владѣніяхъ: 1) между Чампан-

томъ и Аулье-ата, въ вершинѣ рѣки Бородая (татариновская копъ), гдѣ на 1872 годъ назначено было къ выработкѣ 150,000 пудовъ; 2) близъ деревни Ходжаента, въ 80 верстахъ отъ Ташкента, и 3) въ 40 верстахъ на югъ отъ Ходжаента, въ урочищѣ Кокине-сай. Татариновскій уголь, обходящійся съ доставкой къ устьямъ Аръса до 32 копѣекъ за пудъ, потребляется преимущественно пароходами аральской флотиліи; ходжаентскій, купца Первушина, сбывается въ Ташкентъ, по 25 копѣекъ за пудъ, а кокинесайскій въ Ходжентъ *).

Желѣзныя руды извѣстны во многихъ частяхъ края, напримѣръ на рѣкѣ Пскемѣ, въ 70 верстахъ отъ Ташкента (62% желѣза), по ключу Карамкулъ близъ первушинской каменноугольной копи (55%), въ турланскомъ горномъ проходѣ Каратаусскихъ горъ (49%), по рѣкамъ Аузену, Суундыку и Кокъ-кию въ тѣхъ же горахъ, у станціи Тюльке-башъ цементско-аульеатинской дороги и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ русскаго Туркестана. По недостатку капиталовъ на устройство заводовъ, а можетъ быть и изъ опасенія недостатка топлива, разработки всѣхъ этихъ рудъ не производится. Что же касается до туземныхъ владѣній Турана, то въ нихъ, если и есть довольно многочисленныя мѣсторожденія желѣза, выработка металла все-таки ничтожна, по невѣдѣстью туземцевъ въ горномъ дѣлѣ и неимѣнію большихъ заводскихъ печей, замѣняемыхъ ручными горнами. Таково, напримѣръ, желѣзное производство по Кетмень-тобе, на востокѣ отъ Намангана. Вслѣдствіе этого, среднеазіатцы всю свою желѣзную посуду и утварь получаютъ изъ Россіи, и только мелкія вещи выдѣлываются ими изъ желѣза мѣстнаго.

Мѣдь найдена въ нѣсколькихъ мѣстахъ русскаго Туркестана, напримѣръ, на рѣкѣ Чигирь-тасѣ, въ Цементовомъ уездѣ, гдѣ есть руды съ содержаніемъ 32% металла; на рѣкѣ Карамкулѣ, близъ первушинской каменноугольной копи (8%); но она не работается. Напротивъ, свинецъ вылавливается изъ руды, находящейся по рѣкѣ Кокъ-кию, въ Каратаусскихъ горахъ, и содержащей болѣе 60% металла. Здѣсь добываютъ до 3,000 пудовъ еже-

*) Татариновскій уголь даетъ 62% полуспекающагося кокса и 32% летучихъ веществъ; слѣдовательно, всего сжигаетъ изъ него 94%, но за то онъ содержитъ 8% сѣры, портящей котлы. Первушинскій уголь даетъ слишкомъ много (45%) летучихъ веществъ и мало (36%) твердаго угля, но за то содержитъ мало сѣры.

годно. Другое свинцовое мѣсторожденіе извѣстно по рѣкѣ Кокъ-су, притоку Чирчика, гдѣ процентное содержаніе менѣе выгодно, именно лишь 23%. Эта руда, кромѣ свинца, содержитъ въ себѣ и серебро, въ количествѣ $3\frac{1}{4}$ золотниковъ на пудъ минерала. Золото найдено въ русскомъ Туркестанѣ на рѣкѣ Кукроу, сѣвернѣе Каратау, и по рѣкѣ Чирчику, впрочемъ въ количествахъ подающихъ мало надежды на прибыльную его промывку. По рѣкѣ Пскему есть мышьяковыя руды, а невдалекѣ отъ Ходжента бирюза.

За границей русскихъ владѣній, минеральная производительность нагорнаго Турана очень мало изслѣдована. Купецъ Колесниковъ, съ разрѣшенія коканскаго хана производившій изслѣдованія около Намангана, нашелъ тамъ каменный уголь, мѣдную руду и горное масло. Изъ послѣдняго пробовали добывать керосинъ и асфальтъ. Въ Бухарѣ, рѣка Зеравшанъ издавна имѣетъ репутацію золотоносной, но въ настоящее время по ней золота не добывается. Въ горахъ, дажѣ на юго-востокѣ, нужно предполагать серебряныя руды около Вахана. Въ Бадахшанскомъ же владѣніи извѣстны копи рубиновъ, по сѣверную сторону Аму-дарьи, и копи лапис-лазури южнѣе ея, въ горахъ Гиндукуша.

Животное царство въ нагорномъ Туранѣ разнообразно не менѣе растительнаго. Если довѣрять слишкомъ подробнымъ цифрамъ «Туркестанскаго ежегодника», то въ однихъ четырехъ уѣздахъ Сыръ-дарьинской области, Чемкентскомъ (съ Туркестанскимъ), Курaminsкомъ, Ходжентскомъ и Джизакскомъ (бывшемъ) имѣется главныхъ домашнихъ животныхъ: 136,000 верблюдовъ, 276,000 лошадей, 138,000 коровъ и воловъ и 2,900,000 овецъ и козъ. Предполагая жителей остальныхъ частей Турана столь же богатыми скотомъ, нужно заключить, что въ цѣломъ край число, напримѣръ овецъ и козъ, достигаетъ 10,000,000, а быть можетъ и болѣе. Впрочемъ, эта возможность весьма вѣроятна, ибо условія скотоводства здѣсь очень выгодны, и есть породы скота, составившія себѣ заслуженную репутацію, какъ, напримѣръ, каракульскія мерлушки, тщательно разводимыя. Но, не ограничиваясь названными видами животныхъ, жители держатъ еще не мало ословъ и муловъ, чрезвычайно пригодныхъ для перевозки по степи путешественниковъ и негромоздкихъ тяжестей. Мелкая домашняя живность также немалочисленна. Но важѣйшимъ культурнымъ животнымъ здѣшняго края, составляющимъ его особенность отъ всѣхъ другихъ русскоазиатскихъ окраинъ, является шелковичный червь, южнѣе паралели Ташкента. Не только туземцы, издавна развившіе у себя

шелководство, но и русскіе, недавно пришедшіе въ край, занимаются воспитываніемъ шелковичнаго червя, какъ, напримѣръ, купцы Первушинъ, Арзамасцевъ, Михайловъ и пр. Порода здѣшняя, впрочемъ, уступаетъ тѣмъ червямъ, которые разводились въ Европѣ до распространенія болѣзни, и потому итальянскіе шелководы, сдѣлавъ опыты закупки яичекъ, отказались потомъ отъ этой торговли, которую и мѣстное начальство стѣснило въ видахъ развитія собственно русскаго шелководства.

Шелкъ и хлопокъ доставляютъ главные матеріалы для мѣстной ткацкой промышленности, такъ какъ льняныя матеріи совсѣмъ не употребляются туземцами Средней Азіи. Изъ шелковыхъ тканей наиболѣе извѣстны шан (канаусы), падшанъ и атласы; есть также и полшелковыя: адресъ, друя, бикасабъ и другіе. Русскіе добытаго ими самими или купленнаго у туземцевъ шелка не перерабатываютъ въ ткани на мѣстахъ, а отправляютъ въ Москву. Что же касается хлопчатой бумаги, то хотя часть ея также направляется внутрь Россіи, но значительное количество перерабатывается и въ самомъ краѣ, гдѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ бумажныхъ матеріи: подкладочный асторчить, мату, бязь, зивакъ, каламу, свемсыму, алачу, міанникабъ, мисре, чайнъ и кисю. Впрочемъ, послѣдняя плоха, почему обыкновенно замѣняется привозною изъ Россіи или даже изъ Индіи. Что же касается до маты, бязи, алачи и пр., то сарты готовятъ эти ткани въ большомъ количествѣ и такого качества, что онѣ употребляются какъ туземцами, такъ и русскими, отъ солдатъ до чиновниковъ. По особому закону, всѣ потребности войскъ въ бѣльѣ удовлетворяются мѣстными бумажными тканями въ замѣнъ льняныхъ и конопныхъ.

Скотоводство доставляетъ туземцамъ, кромѣ пищи, множество сырыхъ кожъ, которыя ими перерабатываются въ разные виды коженнаго товара, начиная отъ шагреноваго сафьяна до лосины и подошвенныхъ кожъ. Туземная замша нынѣ введена въ войскахъ Туркестанскаго края на панталоны, какъ товаръ недорогой и предпочтительный во многихъ отношеніяхъ сукну. Нѣкоторыя кожи, напримѣръ каракульскія овчины, перерабатываются въ мѣха, равно и шкуры дикихъ звѣрей: тигра, дикой кошки, росомахи, лисы, волка, сурка. Породы овецъ съ курдюкомъ даютъ въ изобиліи сало. Но обработка большинства животныхъ продуктовъ оставляетъ желать дальнѣйшихъ усовершенствованій, по указаніямъ европейской технологіи.

Вообще о состояніи добывающей и перерабатывающей промыш-

ленности въ русскомъ Туркестанѣ и въ сосѣднихъ средне-азіатскихъ земляхъ много данныхъ собрано въ двухъ изданіяхъ, появившихся на московской политехнической выставкѣ, именно въ каталогъ туркестанскаго отдѣла этой выставки и въ сборникъ «Русскій Туркестанъ». Туда и слѣдуетъ обращаться за специальными свѣдѣніями. Что до промѣна добытыхъ предметовъ на другіе, т. е. до торговли края, то объ ней достаточно подробныхъ извѣстій нѣтъ, хотя «Туркестанскія Вѣдомости» весьма часто помѣщаютъ на столбцахъ своихъ торговые прейсъ-куранты и свѣдѣнія о товарахъ, прибывшихъ въ Ташкентъ. Главными торговыми центрами служатъ: въ русскихъ владѣніяхъ Ташкентъ, Самаркандъ, Ходжентъ и Чиназъ, въ кокандскихъ Коканъ и Андижанъ, въ бухарскихъ Бухара, Карши, Шахрисябъ и нѣсколько другихъ мѣстъ, имѣющихъ большіе базары. На югѣ наиболѣе извѣстный торговый центръ есть Бадакшанъ. Важѣйшими торговыми путями можно считать: Сыръ-дарью отъ Перовска до Чиназа, но не далѣе вверхъ, и сухопутныя дороги: изъ того же Перовска на Ташкентъ, Ходжентъ, Самаркандъ, Бухару и Карши, изъ Андижана въ Кашгаръ, изъ Бухары въ Балхъ и Гератъ и проч. Рѣка Аму-дарья, несмотря на свою судоходность, мало служитъ для перевозки грузовъ, которые обыкновенно по цѣлому Турану перевозятся на верблюдахъ и частію на ослыхъ. Торговля совершается частію въ большихъ караванъ-сераяхъ, гдѣ обыкновенно пристають караваны той или другой націи, того или другого большого города, частію же, и въ большинствѣ случаевъ, по базарамъ. Эти базары иногда бывають очень значительны, хотя происходятъ въ ничтожныхъ мѣстечкахъ. На всемъ сѣверѣ Туркестана, въ настоящее время, господствуютъ исключительно русскія и мѣстныя надѣлія; начиная же съ Бухары чувствуется присутствіе товаровъ англо-индійскихъ, которые у границъ Афганистана дѣлаются господствующими. Трудно сказать, возможна-ли полная побѣда на среднеазіатскихъ рынкахъ для той или другой категоріи товаровъ, если допустить совершенно свободную конкуренцію: издержки провоза изъ Манчестера черезъ Каррачи и Кабулъ въ Бухару едва-ли уступаютъ издержкамъ на транспортировку отъ Москвы на Самару и Оренбургъ до той же Бухары. Но, конечно, русскіе купцы имѣють несомнѣнное преимущество предъ англійскими въ томъ смыслѣ, что они сами слѣдятъ за мѣстахъ за потребностями средне-азіатцевъ, да и вкусы послѣднихъ имъ лучше извѣстны, чѣмъ англичанамъ. Вотъ почему нужно думать, что для всѣхъ обиходныхъ пронаведеній,

которых цѣны невысоки, они всегда останутся главными поставщиками для Средней Азии. Но Россіи при этомъ радоваться нечему: русскіе товары промѣниваются сартамъ очевидно съ убыткомъ, ибо, напримѣръ, въ Бухарѣ цѣна имѣ: пудъ сахара 8 рублей, пудъ стеариновыхъ свѣчъ 11 рублей, кусокъ ситца въ 40—50 аршинъ отъ 4 до 9 рублей. Явленіе это напоминаетъ прежнюю кяхтинскую торговлю, при которой русскія бумажныя ткани продавались въ Пекинѣ дешевле, чѣмъ въ самой Москвѣ. Для соображеній военнаго вѣдомства могутъ быть безынтересны слѣдующія данныя о рыночныхъ цѣнахъ нѣкоторыхъ товаровъ въ Ташкентѣ:

Мука пшеничная отъ 1 руб. до 1 руб. 50 коп. за пудъ; ячмень въ зернѣ отъ 70 коп. до 75 коп. за пудъ; просо отъ 65 до 67 коп. за пудъ; клеверъ отъ 3 руб. 54 коп. до 6 руб. 87 коп. за 100 сноповъ; мясо 2 руб. 28 коп. за пудъ; чай байховый отъ 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 30 коп. за фунтъ; кожи кофтовныя отъ 6 руб. до 10 руб. за штуку; кожи лосиновыя 11 руб. за штуку; желѣзо шинное и полосовое 3 руб. 50 коп. за пудъ; мѣдь листовая 16 руб. 50 коп. за пудъ; дрова однополѣйныя отъ 8 руб. 66 коп. до 7 руб. 20 коп. за сажень.

Пути сообщенія.

Сейчасъ было упомянуто, что за исключеніемъ небольшой парокходной линіи отъ Чиназа до Перовска (продолжающейся впрочемъ и далѣе до Казалинска) нагорно-туранское пограничное пространство не имѣетъ водныхъ путей сообщенія. Сѣтъ же сухопутныхъ его дорогъ представляетъ ту любопытную особенность, что всѣ важнѣйшіе пути съ юга на сѣверъ сходятся въ одну линію на протяженіи 115 верстъ между Чимкентомъ и Ташкентомъ и 94 верстъ между Дживакомъ и Самаркандомъ. Такимъ образомъ, названные четыре пункта, всѣ лежащіе въ русскихъ владѣніяхъ, являются важными узлами дорогъ, обходъ которыхъ по горамъ или степямъ въ большей части случаевъ влечетъ значительныя неудобства даже для каравановъ, для колесныхъ же обозовъ почти невозможны. Кромѣ этихъ узловъ, есть еще нѣкоторые, имѣющіе своего рода значеніе какъ въ коммерческомъ, такъ и въ военномъ отношеніи, напримѣръ Ходжентъ, Ушъ, и т. под. Слѣдующіе маршруты указываютъ направленія и отчасти свойства главныхъ до-

рогъ какъ въ русскомъ Туркестанѣ, такъ и въ сосѣднихъ Коканѣ, Бухарѣ и отчасти въ другихъ владѣніяхъ.

1) *Отъ Перовска до Ташкента.* Колесный почтовый путь, проходящій черезъ нѣсколько селеній и повсюду ровный, за исключеніемъ слабыхъ поватостей и спусковъ у рѣчекъ: 27 станцій—585 верстъ, а отъ Орска 1,649.

2) *Отъ Мерке до Ташкента.* Колесная почтовая дорога, по равнинѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ переѣздовъ, между Терсю и Манкентомъ, 416 верстъ. Вѣрный, по этой дорогѣ, лежатъ отъ Ташкента въ 700 верстахъ.

3) *Изъ Троицка въ Ташкентъ.* Караванная дорога степью черезъ лѣсъ Ямыкъ-бій-карагай, укрѣпленіе Оренбургское, озеро Телекуль и городъ Туркестанъ, передъ которымъ приходится пересиливать Каратаусскія горы. Всего пути 38 дней, при вѣроятномъ разстояніи 1,640 верстъ.

4) *Изъ Петропавловска въ Ташкентъ.* Если ѣхать на Акмолин, то значительная часть этой дороги будетъ колесною, хорошо наѣзженной, ибо до Акмоловъ есть почтовый трактъ. Да и всю ее можно пройти съ телегами; только по сѣверной сторонѣ Чу верстъ 300 придется идти Ролодною степью, мало удобною не только для лошадей, но даже для верблюдовъ, а на югѣ отъ Чу верстъ 50 тянутся пески. Между Сузакомъ и Туркестаномъ перевалъ черезъ Каратаусскія горы. Отъ Туркестана дорога почтовая. Всего разстоянія отъ Петропавловска до Ташкента около 1,800 верстъ.

5) *Изъ Ташкента въ Самаркандъ.* Колесная почтовая дорога съ паромною переправою чрезъ Сыръ-дарью у Чиназа, за которыми четыре переѣзда дѣлаются по голодной Мурзарабатской степи, 13 станцій, 272 версты.

6) *Изъ Ташкента въ Ходжентъ.* Дорога почтовая, по населенной странѣ; 6 станцій, 168 верстъ.

7) *Изъ Ташкента въ Коканъ,* караванная, но годная для колесной ѣзды дорога, съ переправами на паромѣхъ у Куйлюза чрезъ Чирчикъ и у Чиль-Махрама чрезъ Сыръ-дарью, всего 210 верстъ.

8) *Изъ Аумѣ-ата въ Коканъ,* трудная вычная дорога чрезъ горы по проходамъ Карабуръ и Чанншу, чрезъ Наманганъ, причѣмъ отъ деревни Иши-абадъ до Кокана караваны уже идутъ ферганской равниной и у Санга переправляются черезъ Сыръ-дарью; дальше около 20 верстъ песками. Все разстояніе около 300 верстъ.

9) *Из Наматана въ Ташкентъ* хорошая караванная дорога по населенной странѣ, длиною 273 версты.

10) *Из Оша въ Джизакъ* большой караванный путь по Ферганѣ, удобный для ѣзды на колесахъ. Онъ ведетъ на Маргиланъ, Коканъ и Ходжентъ и имѣетъ въ длину 450 верстъ.

11) *Из Самарканда до Бухары* долиною по лѣвой сторонѣ Зеравшана, по населенной странѣ, 225 верстъ.

12) *Отъ Самарканда до Карши*, караванная дорога черезъ Джамъ по холмистой мѣстности, гдѣ нѣтъ ручьевъ, но есть много обильныхъ водою колодцевъ, 143 версты.

13) *Отъ Самарканда въ Шахрсябъ* нѣсколько дорогъ, изъ которыхъ кратчайшая, черезъ селеніе Маньсъ, имѣетъ до 70 верстъ длины и проходить черезъ два перевала въ горахъ.

14) *Отъ Бухары до Бельджуана*, черезъ Карши, Гузаръ, Байсунъ, Динау, Гиссаръ и Фейзабадъ 612 верстъ. Важнѣйшій путь по Бухарскому ханству, переходящій на востокъ отъ Гисара въ Кулябъ.

15) *Изъ Бухары въ Балхъ*, чрезъ Карши и Ходжа-сая, караванная степная дорога, длиною около 390 верстъ.

16) *Изъ Бухары въ Маймене*, черезъ Андухъ, 531 верста караванной дороги, съ переправою чрезъ Аму-дарью у Керки.

17) *Изъ Бухары въ Меръ*, черезъ Чарджуи, степью, 367 верстъ.

18) *Дорога по Бактрианъ* ведетъ отъ Герата черезъ Маймене, Андухъ, Балхъ, Хулумъ, Кундузъ, Рустакъ и Бадакшанъ, по большей части равниною. Она подробно извѣстна изъ путешествій Бориса, Вуда и «мирзы».

19) *Изъ Кокана въ Кулябъ*, по распросамъ, есть дорога черезъ Каратегинскія и Ваханскія владѣнія, на Риштанъ, Лангаръ, перевалъ Шахъ-бендъ, Чивильдаръ и Ханабадъ. Подробности о ней находятся въ запискѣ Федченко, въ «Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества» за 1872 годъ. Вообще, для изученія путей въ вагорномъ Туранѣ не безъ пользы можетъ служить карта этого путешестввенника, а также распросныя карточки Бухарина и Амцова.

Населеніе.

Несмотря на многочисленность политическихъ единицъ въ Туранскомъ пограничномъ пространствѣ, основной этнографическій составъ его населенія менѣе сложенъ, чѣмъ можно было бы ожидать. Именно, только *два* главныхъ расы, тюркская и индо-персид-

ская, составляют это население. Но ихъ подраздѣленіи и происшедшія отъ нихъ смѣшанныя племена столь разнообразны, что этнографъ и филологъ, желающіе сдѣлать правильную классификацію народностей, имѣютъ предъ собою почти такую же задачу, какъ изслѣдователь Индукитая или Кавказскаго перешейка.

Не вдаваясь въ подробности этнографическихъ изысканій, которыя притомъ еще далеки отъ полноты и совершенства, мы перечислимъ здѣсь главныя подраздѣленія обѣихъ расъ и постараемся, хотя до нѣкоторой степени, опредѣлить число ихъ представителей. Къ тюркскому племени принадлежатъ: казаки, т. е. киргизы Большой, Средней и Малой ордъ; кара-киргизы или, по-китайски, буруты; туркмены; курама и, наконецъ, узбеки. Индо-персидское племя, коренное въ большей части Турана, но покоренное и отчасти вытѣсненное тюрками, именно узбеками, представлено, въ настоящее время, по верховьямъ Сыръ и Аму-дарьи: во-первыхъ, мало извѣстными горными племенами, быть можетъ родственными кифиры-сягпушамъ, литвѣ и славянамъ; во-вторыхъ, разными таджиками, которые въ горахъ и по деревнямъ удержали свои племенные названія, а въ городахъ обыкновенно называются сартами, хотя это слово имѣетъ и другое значеніе. Вообще говоря, масса индо-персидскаго племени живетъ въ бассейнахъ Окса и Зеравшана, тогда какъ тюркскія поколѣнія держатся по Сыру и его притокамъ. Впрочемъ, вездѣ, гдѣ есть осѣлости и на Сырѣ, сарты составляютъ значительную долю населенія; напротивъ, степи, годныя подъ вожевки, заняты исключительно тюрками даже на югѣ отъ Аму-дарьи.

Кромѣ названныхъ племенъ, арійская раса имѣетъ еще своими представителями въ нагорномъ Туранѣ индусовъ, цыганъ, плѣнныхъ персіянъ, или иранцевъ, и тѣхъ влстителей горныхъ долинъ по системѣ верхняго Окса, которые считаютъ себя отдаленными потомками Александра Великаго. Сюда же принадлежатъ и русскіе. Всѣ эти пришельцы въ край немногочисленны, но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ замѣтное вліяніе на судьбы его, какъ представители политическаго или коммерческаго преобладанія. Около нихъ, но гораздо ниже по общественному положенію, слѣдуетъ поставить, также немногочисленныхъ, семитовъ, въ лицѣ евреевъ, аравитянъ и афганцевъ *), встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Турана.

*) Афганцы говорятъ въ настоящее время языкомъ не семитическимъ, а арійскимъ; но семитическое ихъ происхожденіе болѣе чѣмъ вѣроятно.

Идя съ сѣвера, изъ-за Чу, мы прежде всего встрѣчаемъ киргизовъ. Эти номады ведутъ здѣсь совершенно ту же пастушью жизнь, что въ степяхъ сибирскихъ, оренбургскихъ и семирѣченскихъ. Часть ихъ, въ уѣздахъ Чимкентскомъ и Аулиеатинскомъ, впрочемъ, занимается хлѣбопашествомъ. По происхожденію они почти всѣ принадлежатъ къ Большой Ордѣ; но въ небольшомъ числѣ встрѣчаются представители и двухъ другихъ, именно Средней въ уѣздѣ Ташкентскомъ и Малой въ Туркестанскомъ. Всѣ русскіе киргизы организованы въ волости и управляются на основаніи общаго степного положенія. Численность ихъ въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской области, за исключеніемъ уѣздовъ Казалинскаго и Перовскаго, отнесенныхъ нами къ Аральскому участку, простирается до 355,000 душъ. Они держатся лѣтомъ, гдѣ можно, въ горахъ, осенью и весною въ равнинахъ, а на зиму массами уходятъ въ камни, и саксауловыя рощи по Сыръ-дарьѣ, Таласу и даже Чу. Перекочевки ихъ вообще не столь отдаленны, какъ, напримѣръ, у киргизовъ Малой орды въ Оренбургскомъ край, которые изъ-подъ Троицы приходятъ на Сыръ-дарью. Скотомъ они богаты, такъ что среднимъ числомъ на каждую юрту можно считать одного верблюда, одну корову, одну лошадь и 40 барановъ; это показываетъ, что установленная съ нихъ подать, 3 р. 50 к. въ годъ съ юрты, весьма близка къ тому, что, по обще-мусульманскимъ обычаямъ, должно составлять налогъ, именно къ $\frac{1}{40}$ имущества. Есть, впрочемъ, киргизы очень бѣдные: это кочующіе по лѣвой сторонѣ Сыра, въ кизыль-кумскихъ пескахъ. Киргизы Сыръ-дарьинской области слишкомъ еще недавно стали русскими подданными, чтобы можно было рассчитывать на ихъ преданность: напротивъ, когда есть возможность, они склонны производить безпорядки, и изъ среды ихъ-то вышелъ извѣстный батыръ Садыкъ, отъявленный врагъ Россіи, скрывшійся въ Хиву. Киргизы Каратаускихъ горъ испови славились своими грабежами въ предѣлахъ сибирскихъ и оренбургскихъ степей, но теперь они, волею-неволею, присмирѣли, ибо русскія земли описываютъ ихъ степи не только съ сѣвера, но и съ юга.

Что касается до киргизовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Бухарскаго и Коканскаго ханствъ, то о числѣ ихъ нѣтъ никакихъ данныхъ: вѣроятно оно невелико, такъ какъ въ Коканѣ ихъ замѣняютъ кара-киргизы, а въ Бухарѣ туримены и каракалпаки. Полагая это число равнымъ 10,000 юртамъ, или 45,000 душъ, мы получимъ, что общее число киргизовъ на описываемомъ пространствѣ будетъ 400,000 душъ.

2) *Кара-киргизы*, по-русски диких каменные киргизы, по-китайски буруты, живутъ въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской области, только въ Аульватинскомъ уѣздѣ, въ числѣ 29,000 душъ; но они очень многочисленны въ Коканѣ и во всѣхъ горахъ на югъ отъ него, до верховій Аму-дарьи. Орда эта замѣчательна тѣмъ, что въ ней нѣтъ родовой аристократіи, какъ у киргизъ-казаковъ, которыхъ султаны всѣ считаютъ себя потомками если не самого Чингиз-хана, то ближайшихъ его родственниковъ и вельможъ. Отсюда и названіе кара-киргизъ, черный-киргизъ, или киргизъ черной юсти. Впрочемъ, сами себя эти кочевники называютъ просто киргизами и, по преданію, выводятъ свое происхожденіе изъ горъ, соседнихъ Андижану, откуда они распространились на сѣверъ, югъ и востокъ. Наиболее многочисленное ихъ населеніе держится по верховьямъ Таласа, Сусамыра, по Нарыну, Кульмѣ, на Алаѣ, Памирѣ и вообще по горамъ, обставляющимъ верховья рѣкъ, текущихъ съ одной стороны въ Сыръ-дарью, а съ другой въ Таримъ. Они раздѣляютъ себя на два крыла, правое, *омъ*, и лѣвое, *солъ*, которыя въ свою очередь распадаются на роды, числомъ десять, и на подроды и колѣна, весьма многочисленные. Находящіеся въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской Области принадлежатъ большаго частію къ роду султы, отдѣленія *омъ* (по Клавроту *Bougroutes omiensaux*); въ Коканѣ же мы встрѣчаемъ адыгизъ, кипчаковъ, наймановъ и пр. Многочисленность кара-киргизовъ въ Коканскомъ ханствѣ служитъ причиною, что они тамъ по временамъ играютъ значительную политическую роль, и бывали даже случаи, что первые сыновники хана назначались изъ старшинъ этого народа. Общее названіе такихъ старшинъ — *мананъ*, подъ тѣмъ разумѣется не только правитель, но и судья, хотя для судебныхъ разбирательствъ есть и *бш*, какъ въ прочихъ ордахъ. До чего быть кара-киргизовъ отличаетъ варварствомъ, видно изъ того, что наиболее уважаемыми мананами у нихъ считаются тѣ, которые при юртахъ своихъ возить висѣлицу *) и не жалѣютъ помѣщать на нее тѣхъ, кого находятъ виновными въ крупныхъ преступленіяхъ, въ числѣ которыхъ однако разбой (баранта) не относится. Хищничества кара-киргизовъ, пожровительствуемая истинностью ихъ родины, сдѣлала ихъ давно извѣстными за самыхъ неукротимыхъ разбойниковъ Верхней Азии, и только раздробленность на множество мелкихъ родовъ, подродовъ и колѣнъ, вѣчно раздѣленныхъ взаимною враждою,

*) Такое, напримеръ, былъ сарыбагшскій мананъ Урханъ, на Иссык-куль;

домъ, и была имъ организована въ одно дѣло, которое могло бы стать грозой соседнихъ странъ. Ибо число днѣкокаменныхъ киргизовъ весьма значительно и, во всякомъ случаѣ, не уступаетъ численностью всякому другому осѣдлому или кочевому племени Турана. Впрочемъ, о нихъ разнаго рода подробности уже приведены въ обзорѣ Тянь-шаньскаго участка, гдѣ они составляютъ массу мѣстнаго населенія. Здѣсь же замѣтимъ только, что по разсматриваемому пространству они распространяются къ югу до 37 параллели, держась постоянно горныхъ долинъ и отклонень. Они бѣднѣе скотомъ, чѣмъ киргизы, напримѣръ, Большой орды; но за то имѣютъ въ составѣ своихъ стадъ животное, которое не встрѣчается у степныхъ кочевыхъ, именно тибетскаго быка, или яка, весьма полезнаго при кочевкахъ въ горахъ. Наши султаны довольствуются верблюдами, лошадьми и баранами.

3) *Каракалмыки* и 4) *туркмены* малочисленны въ предѣлахъ нагорнаго Турана. Можно сказать, что они встрѣчаются тутъ почти какъ исключеніе, въ степныхъ частяхъ Бухары, въ горахъ сѣверной части Самаркандскаго округа и въ бывшемъ Джизакскомъ уѣздѣ, не распространяясь на сѣверъ дѣль Буванскихъ горъ. Только съ приближеніемъ къ Аму-дарѣ и въ особенности съ переходомъ на югъ отъ этой рѣки, численность туркменовъ возрастаетъ и они даже становятся господствующимъ населеніемъ степи. Въ русскихъ владѣніяхъ число туркменовъ не превышаетъ 7,000; сколько ихъ въ Бухарѣ, неизвѣстно. Замѣтимъ при этомъ, что если провести линію отъ города Бухары на Карши въ Балхъ, то на сѣверо-восточной ея сторонѣ туркмены будутъ встрѣчаться лишь эпизодически.

5) *Узбеки* съ XVI столѣтія господствовали въ нагорномъ Туранѣ, или по крайней мѣрѣ въ тѣхъ его частяхъ, которыя представляютъ наиболѣе культурныхъ условій, т. е. въ оазисахъ. Господство это было, впрочемъ, не численное и даже не интеллектуальное, а только политическое и административное. Узбеки явились въ край завоевателями, и потому сохранили за собой право давать ему хановъ, визирей и другихъ важныхъ должностныхъ лицъ. Ихъ языкъ отдѣлялся господствующимъ въ администраціи, въ судѣ, частію даже въ домашнемъ быту, хотя вся «ученая» часть населенія, т. е. муллы и казы, признавали и признаютъ доселѣ, что истинно образованный человѣкъ долженъ говорить по-персидски. Это послѣднее замѣчаніе особенно справедливо для мѣстностей по Зеравшану и къ югу отъ этой рѣки, между тѣмъ какъ въ бассейнѣ

Сыръ-даръи господство узбекскаго говора рѣшительнѣе. Узбеки представляются намъ стоящими на трехъ ступеняхъ бытового развитія: одни изъ нихъ кочуютъ, другіе живутъ постоянно въ городахъ и третьи составляютъ переходное звено, ведя полукочевую жизнь, именно зимою и лѣтомъ во время полевныхъ работъ оставаясь на однихъ мѣстахъ, а въ остальное время года перекочевывая по степямъ. Узбеки заслуживаютъ особеннаго вниманія съ военно-политической точки зрѣнія, потому что они считаются опорами хана Коканскаго, эмира Бухарскаго и, какъ мы сказали въ другомъ мѣстѣ, хана Хивинскаго. Изъ нихъ составлялись въ прежнее время ихъ арміи, ихъ полиція; изъ среды ихъ выбирались военачальники, беки и пр. Но уже и въ глазахъ своихъ единокранныхъ повелителей узбеки считались всегда самыми ненадежными, беспокойными подданными. Эмиры бухарскіе, напримѣръ, хотя и опирались на нихъ, однако искали опоры предпочтительно въ тѣхъ родахъ, которые не имѣли слишкомъ вліятельныхъ представителей; ибо изъ этихъ послѣднихъ обыкновенно выходили ихъ враги, стремившіеся къ независимости или къ захвату власти и возбуждавшие междоусобія. Такъ, еще во второй половинѣ нашего вѣка было сильное возстаніе узбековъ въ окрестностяхъ Самарканда, и эмиръ Музаффаръ отдѣлялся отъ бунтовщиковъ только поголовнымъ истребленіемъ вліятельныхъ среди нихъ лицъ, не разбирая правыхъ и виноватыхъ. Эту сторону узбекскихъ правовъ и стремленій намъ необходимо постоянно имѣть въ виду какъ въ подвластныхъ намъ земляхъ, такъ и въ сосѣднихъ среднеазиатскихъ ханствахъ, которыя, въ случаѣ возрастанія въ нихъ значенія узбековъ, непремѣнно будутъ становиться враждебнѣе къ намъ. Причина та, что не только узбекамъ жалъ власти и вліянія, отнѣтыхъ нами у нихъ, но еще они отличаются и изувѣрствомъ религіознымъ, въ противоположность кочевымъ киргизамъ и даже осѣдлымъ ссгражданнымъ-таджикамъ. А мусульманскій фанатизмъ такое начало, которое всегда будетъ враждебно относиться къ европейской цивилизаціи, которой представителями въ Средней Азіи являемся мы.

Узбеки, какой бы родъ жизни они ни вели, всѣ считаютъ себя однимъ народомъ, но подраздѣляются на множество родовъ *).

*) Классификація узбекскихъ родовъ, принятая Ханиковымъ и Борисомъ (а съ послѣднимъ и Вамберомъ), не сходится между собой, именно: Ханиковъ считаетъ 97 родовъ, а Борисъ, 32. Подробности этихъ классификацій см. у Ханикова въ «Описаніи Бухарскаго ханства», у Бориса въ 3 томѣ «Путешествія въ

нужно замѣтить, что это дѣленіе на роды прочно хранится въ ихъ памяти, причемъ замѣчаются извѣстныя родовыя симпатіи и антипатіи, которыя соединяють или раздѣляютъ узбековъ между собою и сосѣдними народностями. Такъ, роды ктай и кипчагъ были издавна врагами бухарскихъ эмировъ; такъ, кенегесы и мангиты, роды одного происхожденія, относятся враждебно другъ къ другу. Нѣкоторые роды считаютъ себя высшими противъ другихъ, подобно инымъ колѣнамъ израильскаго народа, и признають, напримѣръ, за безчестіе отдавать дочерей замужъ въ эти низшіе роды. Словомъ, родовое начало играетъ значительную роль въ жизни узбековъ, и какъ, при подобномъ условіи, всегда образуется, изъ родоначальниковъ и болѣе богатыхъ людей, кровная аристократія, то и узбековъ есть таковая, несмотря на то, что многоженство и правила мусульманской религіи, уравнивающія всѣхъ правовѣрныхъ предъ закономъ, много смягчаютъ исключительность этой аристократіи. Промышленное превосходство таджиковъ, у которыхъ узбеки обыкновенно въ долгу, также не даетъ слишкомъ зазнаваться этой татарской знати, и то же вліяніе имѣетъ на судьбу ихъ русская власть ко всѣмъ безразличная.

Быть узбековъ вообще сохраняетъ слѣды степного, чисто монгольскаго **) варварства, несмотря на трехвѣковое прикосновеніе ихъ съ издавна цивилизованными аріями. Дома узбекъ старается ничего не дѣлать, сваливаетъ всѣ работы и заботы на жену, которая, вслѣдствіе этого, становится рабыней. О дѣтяхъ онъ печется мало, и за то, съ своей стороны, вырослые сыновья иногда оказываются столь мало почтительными къ родителямъ, что бьютъ ихъ. По свидѣтельству Гребенкина, узбекъ, даже и разбогатѣвъ, не прочь оставить городъ и вести кочевую жизнь. Чисто-промышленнаго горожанина, таджика, онъ презираетъ и выражаетъ свое презрѣніе браннымъ словомъ *сартъ*, которое сдѣлалось почти си-

Бухарию», у Вамбери въ «Путешествіи по Средней Азіи», а замѣчанія къ нимъ у Макиева (Зап. Рус. Геогр. Общ. 1872), Гребенкина (Русскій Туркестанъ 1872) и пр.

**) Монголо-татарское происхожденіе узбековъ подтверждается не только ихъ физіологическимъ типомъ, но и преданіями. Напримѣръ, узбекскій родъ катганъ говорить про себя: наши предки одноплеменны съ калмыками; когда одна изъ орды изъ нашихъ предковъ отечествомъ вздумала переселиться, то приняла названіе катганъ, что значить мы идёмъ, а другая стала называться калмыками, что значить мы остались. См. Борнса, III, 369.

понимомъ таджикской національности въ узбекскихъ земляхъ, хотя собственно значить, скорѣе всего, «барышникъ», «плутъ». Иногда къ этому прозванію узбекъ прибавляетъ еще притягательное «сасиъ», тухлый, какъ послѣднюю степень презрѣнія. Антипатія двухъ главныхъ народностей Средней Азии, очевидно, не должна быть оставляема нами безъ вниманія при упрощеніи положенія нашего въ этой странѣ.

Узбеки въ Сыръ-дарьинской области и въ Зеравшанскомъ округѣ составляютъ значительную часть населенія, именно около 115,000 душъ, живущихъ преимущественно на югѣ отъ Сыръ-дарьи. Изъ нихъ болѣе половины осѣдлыхъ обитателей городовъ и кышлаковъ (деревень); остальные — кочевники отчасти или совсѣмъ. Послѣдніе незамѣтно сливаются съ турменами, каракалпаками и киргизами. Въ Боканѣ узбеки составляютъ едва-ли не большинство осѣдлаго населенія, быть можетъ свыше 200,000 душъ; въ Бухарѣ, вѣроятно, не менѣе, хотя здѣсь преобладающая по числу національность есть таджикская. Въ обоихъ ханствахъ къ узбекамъ принадлежатъ владѣтельные дома; но нужно замѣтить, что, напримѣръ, эмиръ Музаффаръ, хотя родомъ и узбекъ мангитъ, не любитъ своихъ стронтивыхъ и неотесанныхъ соплеменниковъ, предпочитая имъ болѣе вѣрочивыхъ, низкопоклонныхъ сартовъ. То же почти и въ Боканѣ, гдѣ преобладающее значеніе узбековъ иногда оспаривается у нихъ даже дикокаменными киргизами, хотя ханъ принадлежитъ къ узбекскому роду мингъ. Соображая указанія Ханькова, что изъ 97 родовъ въ Бухарскомъ ханствѣ его времени (1840 года), т. е. со включеніемъ Зеравшанскаго округа, имѣлись представители только 28 родовъ и что на югѣ отъ Карши узбеки тоже постепенно сѣдняются таджиками, а за Аму-дарью почти вовсе не переходятъ, мы можемъ сказать, что все ихъ число на разсматриваемомъ пространствѣ не превосходитъ 700,000 душъ.

6) *Курама* представляетъ любопытную помѣсь тюркскихъ племенъ, однаково родственную узбекамъ и киргизамъ и происшедшую на памяти не только исторіи, но отчасти и современниковъ. Она занимаетъ долину Ангрена, въ Сыръ-дарьинской области, и образовалась не болѣе ста лѣтъ назадъ, главнымъ образомъ изъ кочевыхъ киргизовъ всѣхъ трехъ ордъ. Киргизы эти, находясь въ крайней бѣдности и не имѣя средствъ питаться отъ стадъ, стали селиться близъ сартовъ, въ «куракъ» или загородахъ, и заниматься, по возможности, земледѣліемъ. Изъ сѣбси ихъ съ сартами и отчасти съ

узбеками образовалось население, которое и называется курамом. Теперь этих людей считается до 49,000 душъ, не причисляемыхъ туземцами ни къ узбекамъ, ни къ таджикамъ.

7) *Таджиким* — главные и притомъ наиболѣе извѣстные представители аріиской расы въ нагорномъ Туранѣ, котораго население они составляютъ съ весьма отдаленныхъ временъ. При теперешнемъ состояніи этнографіи, можно считать ихъ два разряда, почти двѣ разновидности (*varietas*): жителей равнинъ, нерѣдко называемыхъ *сартами*, и жителей горъ, которымъ у насъ приписываютъ общее названіе *галчей*, хотя сами горцы придаютъ себѣ лишь равныя частныя названія, смотря по мѣстожительству или, быть можетъ, по происхожденію, подобно племенамъ адиге и абаса на Кавказѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что родственными этимъ двумъ аріискимъ разновидностямъ являются и тѣ жители горъ сосѣднихъ верховьяхъ Амударьи, которые еще такъ мало извѣстны европейцамъ, даже по именамъ, и которыхъ мы встрѣчаемъ уже на Ягнау, притокѣ рѣки Зеравшана. Не касаясь пока послѣднихъ и галчей, остановимся на таджикахъ — собственно, осѣдлыхъ обитателей долинъ Сырдарьи, Зеравшана, Кошкя-дарьи, Шираватъ-дарьи и т. д. Въ статьѣ о таджикахъ Зеравшанскаго округа Гребенкинъ не безъ основанія ставитъ вопросъ: есть-ли теперь въ этомъ краѣ чистокровные таджики? Въ самомъ дѣлѣ, эти исконные обитатели Турана приняли въ себя столько помѣсей отъ чужеземцевъ, пришедшихъ въ нѣзъ страху въ роляхъ завоевателей, законоучителей, торговцевъ и просто эмигрантовъ, что опредѣленный фізіологическій обликъ таджикскаго племени почти совершенно утратился. Среди таджиковъ нашего времени можно найти типы узбековъ, индусовъ, аравитанъ, евреевъ и даже русскихъ: такъ эта раса стала впечатлительною къ вѣтѣнимъ вліяніямъ. И персидскій языкъ ея, оставаясь по строенію аріискимъ, усвоилъ себѣ много узбекскихъ и другихъ словъ и формъ, и лишь въ болѣе образованной, такъ сказать литературной сферѣ остается близкимъ къ чисто-иранскому. Многіе таджики даже вовсе не говорятъ по-персидски, а употребляютъ какъ въ обществѣ, такъ и въ семейномъ быту языкъ узбекскій. Слѣдовъ родовыхъ преданій у нихъ не сохранилось никакихъ, и въ то время какъ узбекъ, говоря о себѣ, непремѣнно прибавляетъ: «я найманъ, мингъ или ктай», обозначая этимъ свое кровное происхожденіе, таджикъ для подобной же цѣли говоритъ: «я самаркандецъ, бухарецъ, ходженецъ», т. е. указываетъ только мѣсто своего жительства, но не генеалогію.

Словомъ, племенное начало въ немъ слабо: онъ больше космополитъ, чѣмъ узбекъ и киргизъ. Соответственно тому развита въ таджикахъ способность примѣняться къ самымъ разнообразнымъ вліяніямъ, подчиняться чужому игу и, потому, какъ у всякаго народа съ подобными качествами и въ подобныхъ условіяхъ, у таджика слабо чувство чести, національной и личной. Онъ тщеславенъ, но не гордъ; онъ всѣ свои духовныя силы посвящаетъ одному стяжанію и не стѣсняется въ выборѣ средствъ для пріобрѣтенія богатства, лишь бы они не поставили его лицомъ къ лицу съ рѣшительнымъ и грознымъ противникомъ, предъ которымъ таджикъ трусъ. Отсюда и презрительное для него названіе со стороны иноплеменниковъ: «сартъ», т. е. торгашъ, барышникъ и плутъ.

Само собою разумѣется, что подданные такого разряда, если не такъ безпокойны, какъ узбеки, то не болѣе ихъ надежны въ политическомъ отношеніи и не заслуживаютъ большого покровительства ихъ національности. Однако среднеазіятскіе деспоты, хотя узбеки по происхожденію, издавна отдавали предпочтеніе таджикамъ въ дѣлахъ управленія, какъ людямъ болѣе ловкимъ, низкопоклоннымъ, способнымъ интересами отечества совершенно пренебрегать для личныхъ интересовъ хана или эмира. Кромѣ того, между таджиками больше законниковъ, которыхъ можно ставить беками, муллами, казы и пр. Денежная состоятельность многихъ таджиковъ привлекаетъ также вниманіе къ нимъ азіатскихъ влстителей, и, конечно, многія почетныя и выгодныя должности даются имъ просто за подкупъ, за взятку. Таджики сознаютъ денежное свое могущество, равно какъ и промышленное превосходство надъ узбеками. Они смѣются надъ послѣдними, говоря, что «неучи-узбеки не могутъ безъ насъ жить: мы имъ даемъ не только деньги, товары, законы, правителей, но даже святыхъ». И, дѣйствительно, масса мусульманскихъ святыхъ, напримѣръ, погребенныхъ около Самарканда, принадлежитъ къ таджикамъ, которые, слѣдовательно, изстари умѣли отличать ханжествомъ, фарисействомъ, столь необходимымъ въ Средней Азіи для того, чтобы прослыть человекомъ религіознымъ и богоугоднымъ. На самомъ же дѣлѣ, таджики довольно индифферентны къ исламу, и по временамъ даже заявляютъ удивленіе, что русскіе, покоривъ Ташкентъ и Самаркандъ, не заставили ихъ перемѣнить вѣру, прибавляя, что вѣдъ мусульманство введено у нихъ силою. Если же, за всѣмъ тѣмъ, таджикъ, встрѣчаясь съ важной особой изъ магометанской іерар-

хн, спѣшить поклониться ей, чтобы услышать привѣтъ, то это дѣлается изъ лицемѣрія, частию и изъ тщеславія *).

Въ нашихъ владѣніяхъ есть не менѣе 215,000 таджиковъ и сартовъ, сосредоточенныхъ преимущественно въ уѣздахъ Чимкентскомъ, Кураминскомъ, Ходжентскомъ, Самаркандскомъ и въ г. Ташкентѣ. Сколько ихъ въ Коканѣ и Бухарѣ, трудно сказать; но какъ значительное большинство жителей Бухарскаго ханства **), да и не малая доля обитателей Ферганы, суть таджики, то едва ли мы удалимся много отъ истины, если опредѣлимъ общее ихъ число въ 900,000 душъ. Быть ихъ повсюду одинаковъ, то есть они земледѣльцы, торговцы, ремесленники и разнаго рода законники — муллы, вазы, писцы и т. п. Кочевые и полукочевые таджики составляютъ рѣдкость, хотя еще недавно въ западныхъ частяхъ Нуратинскихъ горъ замѣчены были таджики, занимавшіеся скотоводствомъ, конечно потому, что степи не даютъ возможности засѣвать хлѣбъ. Эти степные таджики замѣчательны еще и тѣмъ, что среди ихъ встрѣчаются люди съ русыми, а не черными волосами и даже съ голубыми глазами, напоминающими ихъ арійское происхожденіе и, вѣроятно, недавній выходъ изъ горъ.

Вообще фیزیологическіе признаки близости таджиковъ съ индоевропейцами болѣе замѣтны въ собственно горной части Турана. Ихъ наружность часто до такой степени напоминаетъ другія племена арійской расы, что, напримѣръ, Шау не могъ отличить встрѣченнаго имъ бадакшанца отъ жителей Кашемира; въ Яркендѣ ему также попадались люди съ голубыми глазами и русыми волосами, а въ Кашгарѣ онъ нашелъ цѣлое пришлое населеніе той же расы. Это были горные таджики изъ окрестностей Сарыкола, выведенные оттуда Якубъ-бекомъ въ наказаніе за бунтъ. Вѣсма вѣроятно, что ихъ соплеменники живутъ и далѣе на востокъ, ибо Шау упоминаетъ еще о ваханахъ въ окрестностяхъ Санчжу и Киліана, имѣющихъ также свѣтло-каріе глаза и русые волосы.

*) «Когда, до вліятія Самарканда русскими, духовенство подняло крикъ, призывая народъ вступить въ священную борьбу съ кифирами, то самаркандскій бекъ приказалъ своимъ сарбазамъ усмирить оружіемъ этотъ священный пылъ, и сарбазы перекололи на дворѣ медресе Тилля-Кары болѣе 200 защитниковъ вѣры, а народъ не только не защищалъ ихъ, но смѣялся надъ ними». Гребенкинъ.

**) Вопреки Ханыкову, который предполагалъ, что, напротивъ, господствующее тутъ племя есть узбеки, что, конечно, произошло отъ того, что этотъ ориентализмъ принималъ за узбековъ таджиковъ, говорившихъ по-узбекски.

Что же касается собственно ваханцевъ, жителей одной изъ горныхъ долинъ въ верховьяхъ Аму-дарьи, то въ языкѣ ихъ прямо замѣтно присутствіе санскритскихъ словъ. Вѣроятно, то же придется сказать и про горцевъ на берегахъ Ягнау, которыхъ языкъ уже менѣе понятенъ для европейца, знающаго только по-персидски, чѣмъ говоръ гальчей, обитающихъ по Заравшанской долинѣ. Эти послѣдніе, т. е. *гальчи*, суть прямые единоплеменники сартовъ Самарканда и Бухары, и отчасти даже помнятъ время своего выхода оттуда, по случаю безпорядковъ и кровопролитія въ Міанкалѣ. Въ своемъ распространеніи къ югу, по горамъ, они также переходятъ въ чисто персидское населеніе Бадакшана, при посредствѣ жителей Шугнана, Дарваза и Кулаба. Впрочемъ, классификація всего этого индо-персидскаго населенія, по недостатку этнологическихъ данныхъ, такъ еще мало возможна, что о ней, какъ и о классификаціи жителей Читрала, Скардо, Ясина и проч., имѣющихъ также несомнѣнные признаки родства съ индо-европейцами и, между прочимъ, именно съ славянами, здѣсь лучше не говорить; довольно ограничиться общимъ замѣчаніемъ, что въ странахъ по верховьямъ Аму-дарьи мы находимъ племена, изслѣдованіе типа и языка которыхъ должно со временемъ принести плодотворный результатъ для знакомства съ самою раннею эпохою исторіи арійцевъ. Съ точки зрѣнія политической и экономической замѣтимъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ людьми, обыкновенно бѣдными, но свободолюбивыми, не сливающимися подъ одну сильную центральную власть, но, подобно горцамъ Швейцаріи, Кавказа, Кяффиристана, Куйджеу, составляющими отдѣльныя мелкія владѣнія, которыя ревниво хранятъ свою независимость. Даже Бадакшанъ, котораго жители суть кровные персы, изъ окрестностей Балха, и отличаются сравнительною изнѣженностью, настойчиво отстаиваетъ свою политическую свободу, несмотря на многолѣтнія покушенія противъ нея афганцевъ, а въ прежнее время узбековъ.

Само собою разумѣется, что численность индо-персидскаго населенія верховій Аму-дарьи намъ неизвѣстна, за исключеніемъ небольшого уголка этой страны, по верхнимъ частямъ Зеравшана, гдѣ мы имѣемъ въ русскомъ подданствѣ 35,600 человекъ гальчей. Но если взять въ соображеніе общую величину верхне-джигунскаго бассейна и его гористость, вслѣдствіе которой люди живутъ только по узкимъ долинамъ рѣкъ и озеръ, то едва-ли много ошибаясь, сказавъ, что число арійскихъ горцевъ въ описываемой странѣ, т. е. въ восточной части Бухарскаго ханства, въ Кулабѣ,

Дарвазѣ, Ваханѣ, Шугнанѣ и частию въ Бадакшанѣ, Каратегинѣ, и по Зеравшану, не простирается свыше 350,000 душъ, что несомнѣнно превосходитъ число нашихъ галчей. А какъ есть владѣнія, которыя состоятъ всего изъ нѣсколькихъ деревень, то очень вѣроятно, что эта цифра выше дѣйствительности.

8) Третью вѣтвь индо-персидской расы въ нагорномъ Туранѣ составляютъ *иранцы*, переселенные туда по большей части силою изъ Мерви и вообще изъ Хорасана, въ весьма недавнее время. Одни изъ этихъ «иранцевъ», наиболѣе многочисленныя, находятся въ рабствѣ, преимущественно у бухарскихъ узбековъ; другіе суть бывшіе рабы, отпущенные или выкупившіеся на волю и заселяющіе, напримѣръ, нѣсколько деревень въ Самаркандскомъ округѣ; наконецъ, третью въ рабствѣ никогда не находившуюся, а по разореніи Мерви выведенную оттуда бухарскимъ правительствомъ еще въ концѣ прошлаго вѣка и поселенную въ долину Зеравшана, по каналу Багушашаху, гдѣ также занимаются земледѣліемъ. Въ нашихъ владѣніяхъ всѣхъ этихъ персіанъ, вѣроятно, 7,000 — 8,000 душъ; сколько же ихъ въ Бухарѣ и другихъ земляхъ, по верховьямъ Амударьи, невѣстно. Замѣтимъ, что ни отъ самихъ ихъ, ни отъ туземцевъ они не называются таджиками, а постоянно иранцами.

9) Небольшое число кровныхъ *индусовъ* разсѣяно по всему нагорному Турану, преимущественно по большимъ городамъ, гдѣ они занимаются растовщичествомъ и торговлею. Такъ какъ этимъ людямъ было запрещено въ средне-азиатскихъ мусульманскихъ владѣніяхъ жениться, ибо они «невѣрные», то собственно этнографическаго элемента населенія страны они не составляютъ; но все-таки, будучи по большей части факирами, т. е. людьми богатыми, они имѣютъ свое значеніе въ краѣ. Къ нимъ, если не по общественному положенію, занятіямъ и даже языку, то по вѣроятному происхожденію изъ Индустана, примикаютъ мелкія же племена мазантъ, люли и джучи, которые суть средне-азиатскіе *индусы*, хотя не все ведутъ кочевую жизнь, а, напротивъ, по большей части занимаются земледѣліемъ и ремеслами. У насъ въ Зеравшанскомъ округѣ этихъ племенъ есть до 1,000 душъ, но въ бухарскихъ владѣніяхъ, именно близъ Гиссара, они многочисленнѣе и извѣстны тамъ подъ общимъ названіемъ «невѣрныхъ» или *каффировъ*, такъ какъ они не мусульмане. Племенные ихъ особенности поддерживаются тѣмъ, что браки между ними и магометанами невозможны по шаріату.

10) Мы перечислили всѣхъ главнѣйшихъ представителей двухъ

главныхъ племенъ нагорнаго Турана, тюркскаго и индо-персидскаго. Но на смѣшанномъ этнографическомъ фонѣ, образованномъ этими двумя расами, разбросаны еще, въ видѣ острововъ, представители нѣсколькихъ другихъ народностей, происхожденія вовсе не средне-азіятскаго. Между ними первое мѣсто по числу, а отчасти и по давности водворенія, принадлежитъ *семитамъ*, именно, афганцамъ, аравитянамъ и евреямъ. Повторимъ еще разъ, что, собственно говоря, современные *афганцы* не принадлежатъ по языку къ семитическимъ народамъ, а только должны быть причисляемы къ нимъ по физиологическому типу и вѣроятному происхожденію отъ евреевъ, бывшихъ въ плѣну вавилонскомъ, мы укажемъ на ихъ весьма еще недавнее распространеніе въ бассейнѣ Аму-дарьи. Распространеніе это совершается подѣ влияніемъ англійской политики, возбуждающей, изъ собственныхъ расчетовъ, завоевательныя стремленія эмира кабульскаго, и въ настоящее время сдѣлало значительные успѣхи на лѣвой сторонѣ Аму-дарьи въ Кундузѣ, Балхѣ, Хулумѣ и проч. Что же касается до правой стороны Окса, то здѣсь афганцы встрѣчаются, во-первыхъ, какъ торговцы, разбѣянные по городамъ бухарскихъ владѣній, во вторыхъ, какъ политическіе выходцы изъ отечества, гдѣ они поддерживали партію противную нынѣшнему эмиру, и, въ-третьихъ, какъ завоеватели, посланные Ширъ-Али-ханомъ для основанія и расширенія «Upper Oxus State», т. е. владѣній на верхнемъ Оксѣ. *) По свѣдѣніямъ, не довольно еще опредѣлительнымъ, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ афганцы распространились въ самое послѣднее время до Ходжа-салеха, Куляба и Руштака; но прочно-ли ихъ положеніе тамъ, ничего неизвѣстно. Что касается до политическихъ выходцевъ, преимущественно до спутниковъ Абдеррахманъ-хана, то они проживаютъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, въ Самаркандѣ, съ видимою надеждою рано или поздно вернуться въ отечество.

11) *Аравитяне* суть потомки первыхъ мусульманскихъ завоевателей Мавераннегра и отчасти переселенцы изъ Аравіи временъ Тамерлана. Они живутъ въ долинѣ Зеравшана, частію у насъ, въ Самаркандскомъ и Каттыкурганскомъ отдѣлахъ (до 2,000 семей), частію въ Бухарскомъ ханствѣ, около Варданаи. Между ними, какъ между узбеками, есть кочевники и есть люди, ведущіе полусѣдлую и даже осѣдлую жизнь. Промислы ихъ суть

*) Политическая комбинація англичанъ, состоящая въ желаніи образовать нейтральное государство между русскими и англійскими владѣніями въ Азіи,

тканье ковровъ, скотоводство и барышничество лошадей. Нравственное развитіе ихъ весьма низко, такъ что у всѣхъ сосѣдей они пользуются репутаціею лгуновъ и мошенниковъ. Многие изъ нихъ поступаютъ въ военную службу эмира бухарскаго.

12) *Евреи* — торгоши и ремесленники въ нѣкоторыхъ городахъ Туркестана, напримѣръ въ Бухарѣ, Самаркандѣ, Ташкентѣ — занимаютъ также одну изъ послѣднихъ ступеней общественной лѣстницы среднеазіатскаго населенія. Они бѣдны и малочисленны, такъ что, напримѣръ, въ нашихъ владѣніяхъ едва-ли ихъ наберется болѣе 1,000 душъ. Въ глазахъ туземцевъ края, они стоятъ столь низко, что, напримѣръ, узбеки и таджики упрекаютъ русскихъ за то, что этимъ «паршивымъ жидамъ» оказывается столько же покровительства, сколько и другимъ народностямъ края.

Соображая теперь все изложенное о населеніи нагорно-туранскаго пограничнаго пространства, мы можемъ представить слѣдующую статистико-этнографическую табличку, которой данныя, впрочемъ, будутъ лишь грубо-приблизительны, а иногда и вовсе гадательны:

Тюркской расы:

	Въ русск. влад.	Въ туз. влад.
Киргизы	355,000	45,000?
Кара-киргизы	29,000	100,000?
Каракалпаки и Туркмены }	7,000	?
Узбеки	115,000	585,000
Бурама	49,000	

Индо-пердсиской расы:

Таджики	215,000	685,000
Гальчи и др. горныя аріійскія племена .	35,600	300,000?
Иранцы	7,000	?
Индусы и цыгане	1,000	?

Семитической расы:

Афганцы	600	?
Аравитяне	10,000	?
Евреи	1,000	?

Итого . . . 824,600 болѣе 1,715,000

И такъ, на пространствѣ отъ рѣки Чу до Аму-дарьи и отъ горъ Болорскихъ до степей при-дарьянскихъ, равножъ приблизительно 12,000 квадратныхъ миль, мы имѣемъ не свыше 2,600,000 жителей, среднимъ числомъ по 216 на квадратную милю, т. е. меньше,

тѣмъ въ Ставропольской губерніи. И эта населенность не должна быть далека отъ предѣльной, потому что всѣ подгорные оазисы, способные къ земледѣлію, уже густо населены, а отъ степныхъ пространствъ можно сдѣлать завоеванія въ пользу культурныхъ не иначе, какъ проведя каналы изъ Сыръ и Аму-дарьи, чрезъ что, конечно, уменьшится объемъ этихъ рѣкъ, единственныхъ, которыя годны для судоходства, и затѣмъ обмелѣетъ Аральское море, единственный же резервуаръ, изъ котораго сухая атмосфера черпаетъ плодотворную влажность. Проведеніе новыхъ каналовъ изъ Сыръ-дарьи и изъ другихъ нагорно-туранскихъ рѣкъ есть однако дѣло неизбежное и необходимое, потому что только такимъ путемъ можно подготовить мѣста для русской колонизаціи, этого важнѣйшаго залога покорности намъ страны. Русское населеніе доселѣ очень малочисленно въ Сыръ-дарьинской области и состоитъ почти исключительно изъ военныхъ, чиновниковъ, небольшого числа купцовъ и отставныхъ солдатъ, водворившихся въ трехъ-четырехъ городахъ. Едва-ли, въ общемъ итогѣ, наберется всѣхъ до 22,000 душъ, изъ которыхъ 20,000 будутъ приходиться на войска регулярныя и нерегулярныя, перемѣняющіяся въ своемъ составѣ и живущія по казармамъ, а не своими домами. Если мы вздумаемъ водворять русскія селенія въ краѣ, то наиболѣе выгодныя для того мѣстности*будутъ, конечно, въ окрестностяхъ Ходжента, стратегическаго и экономическаго ключа Ферганы и вообще сыръ-дарьинской долины. Здѣсь же есть возможность оросить довольно широкія пространства плодородной земли, возобновивъ или устроивъ вновь рынки къ сторонѣ Мурзарабатской степи (къ чему и приступлено). Другія мѣстности для русской колонизаціи суть окрестности Аулие-ата, Туркестана и особенно Зеравшанская долина въ окрестностяхъ Самарканда, гдѣ русскому городу также необходимо быть, какъ въ Ташкентѣ и Ходжентѣ. Доселѣ сколько-нибудь значительная русская колонія образовалась только въ юго-восточномъ углу Ташкента, колонія, впрочемъ, состоящая главнымъ образомъ изъ чиновниковъ и не слишкомъ заботящаяся о прочномъ своемъ водвореніи въ краѣ. Само собою разумѣется, что такого прочнаго водворенія и нельзя будетъ достигнуть до тѣхъ поръ, пока земли не станутъ поступать въ полную собственность лицъ, которыя ихъ имѣть приобрѣтаютъ. Даже общинное владѣніе, столь полезное въ Европейской Россіи, здѣсь не состоятельно; принадлежность же всѣхъ земель непосредственно государству есть урокъ для него самого.

Главные населенные пункты.

Обозрѣвъ этнографическій составъ населенія нагорно-туранскаго пограничнаго пространства, перейдемъ къ краткому описанію главнѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ края. Прежде всего замѣтимъ, что всѣ среднеазіатскіе города построены на одинъ ладъ: вдоль кривыхъ и увѣхъ улицъ тянутся длинные ряды низкихъ глинянныхъ зданій съ плоскими крышами, въ сосѣдствѣ которыхъ, на внутреннихъ дворахъ, насажены деревья, которыя издали придаютъ городу видъ сада. Иврѣдка надъ этою массою глины возвышаются куполы мечетей или минаретовъ. Около города обыкновенно глиняная же стѣна, съ зубцами или безъ зубцовъ, иногда на столько высокая, что дѣлаетъ изъ города родъ ящика, наполненнаго постройками. Многіе города имѣютъ еще цитадели, обыкновенно укрѣпленныя лучше прочихъ частей и расположенныя на командующихъ высотахъ. За стѣнами города начинаются сады, среди которыхъ разбросаны отдѣльные дома и усадьбы, иногда сливающиміеся въ предмѣстья въ видѣ слободъ. Города, даже весьма значительные, расположены, почти всѣ, не на большихъ рѣкахъ, а при выходахъ изъ горъ мелкихъ потоковъ, которые тутъ же распушены на каналы, орошающія городъ и окрестныя ему поля и сады. Деревни состоятъ изъ глиняныхъ мазанокъ, безъ порядка раскиданныхъ по такимъ же, орошеннымъ каналами, мѣстностямъ. Онѣ не имѣютъ оградъ.

Описаніе городовъ удобнѣе всего расположить по государствамъ. Поэтому, начиная съ русскихъ владѣній и идя съ сѣвера, мы можемъ прежде всего назвать два ничтожныя мѣстечка *Сузанъ* и *Чолакъ-мурганъ*, лежащія по сѣверную сторону горъ Каратау. Они заслуживаютъ вниманія лишь какъ послѣднія ослѣдствія по пути изъ Туркестанскаго края въ Троицкъ и Петропавловскъ. Важнѣе ихъ городъ *Дуль-ата*, на Таласѣ, центръ торговли съ динокаменными киртисами и стратегическій этапъ между областями Сырдаринской и Семирѣчской, лежащій у выхода изъ горъ на плоскость. Въ немъ 3,300 жителей. Затѣмъ слѣдуетъ городокъ *Туркестанъ* съ 5,200 жителей, съ цитаделью и съ знаменитою въ Средней Азіи святынею — менетью султана Азрета. Къ юго-востоку отъ него, *Чамкентъ*, съ 5,150 жителей и также съ укрѣпленіями азіатской постройки. Въ уѣздахъ этихъ двухъ городовъ есть нѣсколько значительныхъ мусульманскихъ селеній, напримѣръ *Карабулакъ*,

Сайрамъ, Манкентъ, Карнакъ. Подвигаясь далѣе къ югу, мы находимъ, на краю густо населеннаго Кураминскаго уѣзда, городъ *Ташкентъ*, современную столицу русскаго Туркестана, вмѣщающую до 75,000 жителей. Ташкентъ одинъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ обширныхъ городовъ Средней Азіи. Окружающая его стѣна имѣетъ 11 верстъ длины и девять воротъ. Общая фигура города есть овалъ, съ большою осью отъ запада къ востоку и съ впадиною на юго-востоки. Въ этой-то впадинѣ помѣстился русскій городъ, или такъ называемый европейскій кварталъ Ташкента, правильно распланированный и порядочно застроенный въ духѣ нашихъ провинціальныхъ городовъ, но съ тѣмъ отъ нихъ отличіемъ, что прямыя улицы его имѣютъ по сторонамъ канавы съ текучей водой и ряды тѣнистыхъ деревьевъ. Къ юго-западу отъ этого европейскаго квартала и, слѣдовательно, къ югу отъ азіятскаго города, лежитъ русская цитадель, обнесенная неконченными бастионными фронтами и заключающая въ себѣ военные запасы. Ташкентъ орошенъ канавами изъ Чирчика, который протекаетъ въ нѣсколькихъ верстахъ южнѣе города. Открытіе каменнаго угля у Ходжаента, въ 60 верстахъ отъ города, который доселѣ отоплялся исключительно дровами изъ старыхъ фруктовыхъ деревьевъ, обѣщаетъ много содѣйствовать удобствамъ жизни въ немъ и, слѣдовательно, его пруслабленію. Торговое же его значеніе и теперь очень значительно, чему немало содѣйствуетъ основаніе большого караванъ-сарая, служащаго складомъ русскихъ товаровъ. Замѣчательно, что послѣ устройства европейскаго квартала многіе азіятскіе жители города (сарты) стали строить въ немъ дома на европейскій манеръ, чтобы отдавать ихъ въ наемъ русскимъ чиновникамъ и купцамъ. Это свидѣтельствуетъ объ увѣренности ихъ въ прочности нашего водворенія въ городѣ и вообще въ странѣ, ибо сами они предпочитаютъ дома азіятскаго устройства. Въ 1873 году Ташкентъ наконецъ вошелъ въ общую сѣть городовъ имперіи, связанныхъ телеграфами.

Чиназъ — укрѣпленіе при впаденіи Чирчика въ Сыръ-дарью, гдѣ находится станція аральской флотиліи, подвозящей сюда тяжести съ низовій Сыра. Значительное русское селеніе, болѣе ста домовъ, уже возникло въ этой мѣстности.

Ніазбекъ — у выхода Чирчика изъ горъ, *Той-тобе, Покентъ, Калджалала, Сайлыкъ, Ачи, Каунчи* — суть важнѣйшія селенія Кураминскаго уѣзда.

Ходжаентъ опять древній городъ, быть можетъ современный

Александрѣ Македонскому, построенъ на лѣвомъ берегу Сыра, у самой рѣки, которая его обтекаетъ съ сѣвера и запада. Въ немъ 18,000 жителей, почти исключительно таджиковъ, занятыхъ торговлею и ремеслами. Цитадель города лежитъ среди его, близъ сѣверной окраины.

Ура-тюбе съ 9,000 жителей, также, главнымъ образомъ, сартовъ.

Джизакъ — городокъ съ 3,800 жителей, у выхода изъ ущелья дороги, ведущей изъ Самарканда въ Ташкентъ. Близъ него укрѣпленіе *Ключевое*, выстроенное потому, что войска въ городѣ болѣли лихорадками.

Костакозъ, Истираръ, Уам-кондазъ, Нау — важнѣйшія селенія Ходжентскаго уѣзда.

Самаркандъ, нѣкогда знаменитая столица Тамерлана, котораго гробница находится здѣсь, нынѣ же главный городъ Зеравшанскаго округа и передовой къ юго-западу стратегическій пунктъ нашихъ владѣній. Лежитъ на южной сторонѣ Зеравшана, въ шести верстахъ отъ него, у холмовъ, составляющихъ предгорія Шахрисабскихъ горъ. Жителей въ немъ до 30,000, главнымъ образомъ сартовъ. Лежащая въ западной части его цитадель нынѣ служитъ для размѣщенія русскихъ войскъ и отличается обширностью, такъ что для удобства обороны начата перестройка ея, при чемъ на западѣ отъ нея возникаетъ русскій городъ. Подробныя описанія Самарканда сдѣланы Ханыковымъ, Вамбери, Хорошхинымъ и другими.

Катты-курганъ и *Панджикентъ* — центры западнаго и восточнаго отдѣловъ Зеравшанскаго округа, причемъ Панджикентъ лежитъ у выхода изъ горъ рѣки Зеравшана. Въ Зеравшанскомъ округѣ можно еще указать на нѣсколько значительныхъ мѣстечекъ, какъ напримѣръ: *Ургутъ*, въ горахъ на юго-востокѣ отъ Самарканда, *Джамъ* — на юго-западѣ и потомъ на *Варзиминаръ, Обурдинъ, Палдаракъ, Кистутъ, Маіанъ* — селенія въ горной странѣ по верховьямъ рѣки Зеравшана, обитаемыя гальчами.

Въ *Коканскихъ* владѣніяхъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе населенные пункты: Коканъ, Наманганъ, Андижанъ, Маргиланъ, Ошъ, Узгентъ, Учъ-курганъ, Канибадамъ, Испара, Ристанъ, Ассакѣ, Шерханъ. Всѣ они, за исключеніемъ Намангана, представляютъ именно ту особенность, о которой сказано выше, при общемъ взглядѣ на среднеазіатскіе города, т. е. лежатъ не у большой рѣки Сыра, а на кановахъ, выведенныхъ изъ горныхъ рѣчекъ; почему, въ случаѣ

войны, могутъ быть оставлены безъ воды простымъ отводомъ арызовъ. Такъ, *Коканъ*, столица ханства, имѣющая болѣе 60,000 жителей, расположенъ среди Ферганской долины, на рѣчкѣ Сохѣ, которая уже предварительно разобрана въ половину на орошеніе. Городъ этотъ не имѣетъ никакихъ укрѣпленій. Съ запада и востока къ нему примыкають обширныя предмѣстья, вмѣстѣ съ которыми онъ имѣетъ болѣе двадцати верстъ въ окружности. Ханскій дворецъ находится по срединѣ города, гдѣ считается болѣе ста мечетей. Промышленная его значительность доказывается существованіемъ шести большихъ караванъ-сераевъ, разныхъ мастерскихъ, писчебумажной фабрики и единственнаго въ ханствѣ порохового завода. *Наманганъ*, почти столь же обширный какъ Коканъ, лежитъ на сѣверной сторонѣ Сыръ-дарьи и славится большими садами и отличными фруктами. *Андижанъ* — прежняя столица Ферганы, родина Бабера, донинѣ весьма значительный городъ, въ которомъ правителемъ состоитъ старшій сынъ хана, наслѣдникъ его престола. Городъ не укрѣпленъ; жители его сарты, числомъ отъ 20 до 25,000 душъ. *Маршанъ* также не обнесенъ стѣнами, но имѣетъ цитадель Ярмазаръ, верстахъ въ двухъ отъ города. Онъ населенъ не только сартами (таджиками), но отчасти и гальчани. Величиною уступаетъ Андижану. *Ошъ* — крайній изъ городовъ ханства по дорогѣ въ Кашгаръ, мѣсто уплаты пошлинъ караванами, отправляющимися туда и приходящими оттуда. *Узгенъ* — городъ на крайнемъ востокѣ ханства, съ нѣсколькими развалинами. Мѣстечки *Канабадамъ*, *Испара*, *Ристанъ*, *Ассакъ*, *Шериханъ*, *Учъ-куртанъ* замѣчательны населенностью и плодородіемъ окрестностей, особенно Испара. Коканскія же укрѣпленія, въ родѣ Кетмень-тюбе, на востокѣ отъ Намангана, не стоятъ даже упоминанія, такъ какъ служатъ не для обороны ханства, а лишь для жительства зябечей, собирающихъ подати съ кара-киргизовъ.

Въ *Бухарскомъ* ханствѣ главные города суть: Бухара, Карши, Шахрисябъ. Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія мѣстечки у паромныхъ перевозовъ черезъ Аму-дарью, Чарджуи, Керки, Ходжа-сая, Термезъ и второстепенные города: Варданзи, Кермине, Хатырчи, Каракуль, Чиракчи, Якобакъ, Гузаръ, Дихнау, Шарраватъ и Гиссаръ, самый восточный изъ всѣхъ. *Бухара*, главный городъ ханства, въ противоположность Кокану, укрѣплена стѣною въ 11½ верстъ, въ 3—4 сажени высоты, съ башнями. Поперечникъ города имѣетъ около трехъ верстъ и стѣна прорѣзана одиннадцатыо воротами. Жителей, вѣроятно, 80,000 душъ, т. е. больше, чѣмъ въ Таш-

кентѣ, уже потому, что въ Бухарѣ не мало домовъ двухъэтажныхъ. 38 караванъ-сераевъ свидѣлствуютъ объ обширной торговлѣ города, а 103 медресе и 360 мечетей о развитіи въ немъ мусульманской учености и набожности, доставившей «блаженной Бухарѣ» репутацію перваго послѣ Константинополя центра ислама. Кладбища среди города и уличная грязь здѣсь тѣ же, что во всѣхъ городахъ Средней Азіи. Вода проведена въ городъ изъ Зеравшана канавою Шехрирудъ, которая распадается на арки, проводящія воду въ бассейны или пруды, гдѣ она хранится отъ одного наполненія до другого, и потому обращается въ вонючую, наполненную наскоро жидкость. Дворецъ эмира находится на цитадели, окруженностью около полутора версты, со стѣною въ 5—6 сажень вышины. Подробныя свѣдѣнія о Бухарѣ можно найти у Борнса, Ханькова, Вамбери, Костенкова и другихъ путешественниковъ.

Карши — второй городъ ханства по обширности и лучший по постройкѣ и образу жизни его обитателей, которые во многомъ образованнѣе прочихъ бухарцевъ. Городъ этотъ лежитъ въ трехъ съ половиною верстахъ южнѣ рѣки Кошки-дарьи, у подножія холмовъ, и состоитъ собственно изъ города, обнесеннаго стѣною, и изъ предмѣстій, непосредственно примыкающихъ къ стѣнѣ. Въ южной части собственно города находится цитадель, болѣе обширная, чѣмъ въ Бухарѣ, и вмѣщающая въ себѣ дворецъ эмира.

Шахрсябъ не городъ, а цѣлая группа городовъ и селеній, на пространствѣ около двадцати верстъ длиною, отъ сѣвера къ югу, и восьми шириною, обнесенная стѣной и заключающая среди этой ограды поля и сады. Два главные города этой мѣстности суть *Шааръ* и *Китабъ*, изъ которыхъ послѣдній лежитъ на Гілянъ-дарѣ, а первый южнѣ Акъ-дарьи. Шахрсябъ центръ густонаселеннаго оазиса, въ которомъ, вѣроятно, живетъ до 50,000 душъ, преимущественно узбековъ, или и таджиковъ, но говорящихъ по-узбекски. Это преобладаніе узбековъ здѣсь, какъ и въ Карши, составляетъ любопытную аномалію въ этнографіи Средней Азіи, гдѣ вообще сѣверъ принадлежитъ тюркскимъ племенамъ, а югъ индо-персидскимъ.

Изъ другихъ выше названныхъ городовъ Бухарскаго ханства упомянемъ о *Варданзи*, *Кермине* и *Гиссарѣ*,! какъ о крѣпостяхъ эмира, изъ которыхъ на послѣднюю имъ обращено съ недавняго времени особенное вниманіе. Прочіе городки неважны, и если на нихъ стоитъ обращать вниманіе, то лишь какъ на этапы для каравановъ.

Города мелких владѣній по верховьямъ Аму-дарьи, за исключеніемъ бадакшанскихъ, не были посѣщены ни однимъ достовѣрнымъ европейскимъ путешественникомъ, а потому не только особенности ихъ, но самое положеніе и даже названія недовольно извѣстны. Въ ближайшемъ къ намъ, т. е. въ наиболѣе сѣверномъ изъ этихъ владѣній, *Каратенинъ*, главный городъ есть *Гармъ*, расположенный на Сурхабѣ. Напротивъ него, за рѣкой, находится крѣпость Сарыпуль. Далѣе къ югу мы знаемъ *Бемджуанъ* и *Кулябъ*, два города *Кулябскаго* ханства; но положеніе ихъ съ точностью неизвѣстно. *Дарвазъ* и *Шуinanъ* принадлежатъ къ мѣстностямъ совершенно проблематическимъ; и о *Кален-хумъ*, будто бы составляющемъ столицу *Дарваза*, можно выразить большія сомнѣнія. Только положеніе *Фейзабада*, столицы Бадакшанскаго *мира*, извѣстно теперь астрономически; но городъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Онъ даже не укрѣпленъ, такъ что владѣлецъ его живетъ въ особой четырехугольной глиняной крѣпости у сѣвернаго конца города. Впрочемъ съ юга имъ командуетъ цитадель Захарчи, которая нѣкогда считалась твердынею. Зданіе, называемое Хирканъ-и-шерифъ, содержитъ мощи какого-то святаго. Населеніе города состоитъ изъ персіанъ, вышедшихъ отчасти изъ Балха; но есть немало индусовъ и евреевъ, занимающихся торговлею. Для производства послѣдней существуютъ два караванъ-сарая и базаръ со 150 лавками. Въ числѣ предмѣстовъ торгова встрѣчаются и невольничья-фабрики. Кромѣ Фейзабада въ Бадакшанскомъ ханствѣ можно еще замѣтить крѣпость Рустакъ, лежащую у афганской границы и слѣд. у крайнихъ предѣловъ того пространства, которое подлежитъ нашему описанію и для изученія котораго остается еще сдѣлать очень немало.

Управленіе и военныя средства.

Управленіе различными политическими частями нагорнаго Турана еще недавно было чисто-деспотическимъ на всемъ протяженіи края отъ Чу до Аму-дарьи. Вслѣдствіе этого, судьбы населенія больше всего зависѣли отъ личныхъ качествъ его владыкъ, и страшныя казни, пытки, внезапныя разоренія, обезчещеніе были удѣломъ тѣхъ подданныхъ, которыхъ ханъ, эмиръ или просто бекъ отличали жестокостію. А жестокость въ правахъ средне-азіатскихъ властителей уже потому, что они организми свой истощаютъ и возбуждаютъ гаремнымъ развратомъ и всякаго рода излишествами, и

что около нихъ ближайшими совѣтниками и помощниками стоятъ обыкновенно разные проходимцы, интригами и подкупомъ достигающіе званій кушъ-беги, мехтеровъ, парваначи, бековъ и проч. Русское завоеваніе сѣверной части края тѣмъ и оказало великую услугу этой странѣ, что внесло въ нее зачатки европейскаго управленія, основаннаго на системѣ правительственныхъ началъ, а не на личныхъ качествахъ властителей. Оно же впервые уничтожило различіе въ положеніи туземныхъ народностей, уравнивъ передъ закономъ узбека, таджика, аравитянина и еврея. Оно ввело правильную систему податей, уничтожило множество поборовъ, которые вводились жадностью правителей и разоряли народъ; наконецъ оно же положило начало экономическому преуспѣванію края, сдѣлавъ свободною торговлю и оказывая покровительство тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя могутъ доставить странѣ капиталы. Конечно, это управленіе — *военно-народное* и самымъ названіемъ показываетъ, что тутъ еще далеко до вполне европейской системы администраціи; конечно, въ приемахъ этого управленія найдутся стѣсненія и неудобства, чувствительныя для народовъ съ европейскимъ развитіемъ, но туземцы, безъ сомнѣнія, замѣчаютъ въ условіяхъ своей теперешней жизни рѣзкій поворотъ къ лучшему. И если, какъ можно надѣяться, послѣ шести, семилѣтняго опыта, дано будетъ нѣсколько больше гарантій не только извѣстному общественному самоуправленію (состоящему въ выборѣ старшинъ, биевъ, серкеровъ, аксакаловъ, казы и въ самосудѣ по большинству дѣлъ), но и личной независимости новыхъ гражданъ русской земли отъ мелочной полицейской опеки, то однимъ этимъ на столько будетъ упрочено положеніе Россіи въ Туранѣ, что не потребуются особыхъ военныхъ усилій для поддержанія нашей тамъ власти и даже ея расширенія. Народъ, видя строгую справедливость, легальность русскихъ начальствъ рядомъ съ пристрастіемъ, алчностью и беззаконіями туземныхъ правителей, будетъ смотрѣть на русскихъ какъ на своихъ избавителей отъ тяжкаго ига, и тѣмъ больше станетъ желать распространенія русской власти. Самая сила русской администраціи, быстрота ея дѣйствій, непреложность ея распоряженій, не всегда примирима съ европейскою свободою, еще долго будутъ возбуждать лишь сочувствіе среднеазиатскихъ массъ, издавна привыкшихъ уважать *одну* силу.

Современное управленіе *русскимъ* Туркестаномъ имѣетъ во главѣ генералъ-губернатора, который есть вмѣстѣ командующій войсками округа и живетъ въ Ташкентѣ. Въ частности, Сиръ-дарьинская

область управляется военнымъ губернаторомъ, который также живетъ въ Ташкентѣ и начальствуетъ войсками этой области. Зеравшанскій округъ имѣетъ свою администрацію, независимую отъ военного губернатора и подчиненную прямо генералъ-губернатору. Прямими исполнителями распоряженій высшей администраціи являются уѣздные начальники изъ военныхъ штабъ-офицеровъ, съ помощниками изъ младшихъ офицерскихъ чиновъ, по три или по четыре на уѣздъ. Для судебныхъ разбирательствъ между русскими существуютъ уѣздные судьи, къ которымъ дозволено обращаться и туземцамъ, если они не желаютъ судиться своими кзы и біями.

Въ *Коканѣ* ханъ есть абсолютный глава страны, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ внутреннего управленія ею, такъ какъ внѣшняя его политика зависитъ отъ тѣхъ соображеній, которые ему сообщаются изъ Ташкента проживающимъ тамъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ. Да и сфера ея очень не широка: сношенія съ бывшимъ подданнымъ, а нынѣ полновластнымъ государемъ Якубъ-бекомъ кашгарскимъ, который смотритъ на Худояръ-хана нѣсколько свысока, сношенія съ бывшимъ противникомъ, эмиромъ бухарскимъ, и связи съ владѣльцами Каратегина, Дарваза и пр., которые сами нерѣдко требуютъ отъ коканскаго хана вмѣшательства въ ихъ дѣла. Внутри ханство раздѣлено на разной величины округа, которыхъ правители, подъ именемъ бековъ, аксакаловъ, хакимовъ, датхи, пользуются очень широкою властью, и, если исправно платятъ въ ханскую казну налоги съ своихъ провинцій, то остаются на своихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока нажитыя богатства не дадутъ имъ средствъ стати ближе къ хану или купить еще болѣе доходное мѣсто. Подати съ округовъ разсчитаны въ чарикахъ, т. е. мѣрахъ хлѣба, и въ тилахъ, т. е. въ монетахъ, и по свѣдѣніямъ, относящимся впрочемъ къ 1840 годамъ, простирались:

	Чариковъ.	Тилей.
Съ г. Кокана и его округа	800,000	110,000
» Намангана	800,000	54,000
» Уша	12,000	—
» Андиждана	—	25,000
» Шерихана, Талмазара и Кувы	300,000	4,000
» Маргилапа съ Ярмазаромъ	200,000	22,000
» Частей Ходжентскаго округа, остающихся нынѣ во владѣніи коканцевъ, вѣроятно	100,000	1,000
Итого	2,212,000	216,000

Такъ какъ чарикъ вѣситъ четыре пуда, то исчисленное зерно — пшеница, ячмень и джугара — представляетъ вѣсъ около 8,000,000 пудовъ; денежный же доходъ въ тилляхъ простирается до 800,000 рублей, что, при населеніи ханства не свыше 700,000 душъ, очень тягостный для народа выводъ, тѣмъ болѣе, что ханскіе чиновники не упускаютъ случая грабить подвѣдомственное имъ населеніе, независимо отъ сбора податей въ пользу хана. Налоги ими установленные, напримѣръ, въ Ташкентѣ, до завоеванія его нашими войсками, были столь разнообразны, что значительная часть ихъ была нами уничтожена къ большой радости народа.

Сколько въ настоящее время коканскій ханъ имѣетъ войскъ, намъ неизвѣстно; но у коканцевъ попадаются даже скорострѣльные ружья, конечно лишь въ маломъ числѣ.

Бухарское управленіе въ существѣ не разнится отъ коканскаго и хивинскаго; только глава государства называется эмиромъ, а не ханомъ. Нынѣшній эмиръ, Музафаръ, сынъ весьма умнаго, но жестокаго Насръ-Улла-Эддина, вообще непопуляренъ въ своей странѣ, и одно время противъ него возставалъ даже собственный его сынъ; неповиновеніе же бековъ, доходило до того, что въ 1869 году мы должны были противу двухъ изъ нихъ, правившихъ въ Шахрисябѣ, посылать наши войска, которыя и покорили бунтовавшіе города власти эмира. Финансовое состояніе Бухары можно назвать довольно плачевнымъ, несмотря на чрезвычайно высокія подати, простирающіяся, напримѣръ, до $\frac{1}{3}$ урожая полей. Въ 1868—1870 годахъ эмиръ съ трудомъ выплачивалъ намъ 500,000 рублей контрибуціи. Впрочемъ, говорятъ, что онъ копилъ въ крѣпости Гиссарѣ деньги для личныхъ своихъ потребностей, вѣроятно на случай потери престола и необходимости бѣгства. Военныя силы Бухары, по свѣдѣніямъ Костенки, достигали въ 1870 году до 13,000 человекъ, при 200 орудіяхъ. Позднѣйшіе слухи передавали, что на все это число людей эмиръ получилъ изъ-за Гиндукуша нарѣзные ружья; но это едва ли такъ. Солдаты бухарскіе въ послѣдніе годы стали обучаться по русскимъ военнымъ уставамъ, съ русскими командными словами; они одѣты въ однообразные мундиры (куртки) краснаго цвѣта со стоячимъ воротникомъ, въ кожаные шаровары, сапоги и мерлушачьи шапки. Артиллеристы, большею частью изъ иранцевъ, имѣютъ синіе кафтаны съ краснымъ воротникомъ. Вся эта армія, поглощающая на свое содержаніе значительную часть доходовъ страны, разумѣется, также мало значить въ боевомъ

смыслъ, какъ и та, которая при Ирджарѣ была разбита нѣсколькими ротами нашихъ солдатъ.

Объ управленіи и о средствахъ мелкихъ владѣній по верховьямъ Аму-дарьи намъ мало извѣстно. Въ Кулябѣ, Дарвазѣ, Шугнанѣ и Ваханѣ владѣтели приписываютъ себѣ македонское происхождение и называются *ша*, а не *ханъ*; въ Каратегинѣ до послѣдняго времени тоже былъ ша, но теперь это государство управляется вассальнымъ Бухарѣ бекомъ узбекскаго происхожденія.

Владѣтель *бадакшанскій* титудуетъ себя уже не ша, а ханомъ, вѣроятно въ сознаніи, что послѣдній титулъ важнѣе, хотя въ со-сѣднихъ Афганистанѣ и Туркменіи всякій старѣйшина или крупный чиновникъ называется ханомъ. До нѣкоторой степени онъ есть сюзеренъ почти всѣхъ мелкихъ земель на верховьяхъ Аму-дарьи, какъ видно изъ слѣдующаго описанія его владѣній:

1) *Собственно Бадакшанъ*: А. Фейзабадъ изъ округовъ Фейзабадъ, Яфталъ, Аргу и Шива; Б. Джермъ, изъ округовъ Джермъ, Хашъ, Зардео, Саргаланъ, Вардожъ, Куранъ, Анджуманъ, Парайявъ: всѣ эти земли лежатъ по р. Кокшѣ и на югъ отъ нея къ Гиндукушу.

2) *Вассальная владѣнія*, которыхъ наслѣдственные правители обязаны военною службою бадакшанскому *миру*: Даранимъ, Шахръи-Бузуръ, Гумбазъ, Фарохаръ; Кишмъ изъ округовъ Кишмъ, Машадъ, Варсахъ, Тешканъ и Карлохъ; Романъ, Шигванъ, Ишкашмъ; Ваханъ изъ округовъ Истрахъ, Кандушъ, Испянджъ и Сары-Чаланъ; Зебакъ съ округомъ Сангличъ; Минганъ, Рахъ, Даунъ, Азіаба, — три послѣдніе въ неизвѣстной мѣстности между Романомъ и Фейзабатомъ. Владѣнія Ваханъ, Ишкашмъ и Романъ отчасти переходятъ на правый берегъ Панджа, т. е. главной вѣтви Аму-дарьи.

Фейзабадъ есть главная провинція, находящаяся подъ непосредственнымъ управленіемъ ша или хана. Число жителей ханства неизвѣстно, но вѣроятно около полумилліона. Нынѣшній правитель Бадакшана есть Махмудъ-ша, прежній же, Жегандаръ-ханъ, вынужденъ войсками эмира кабульскаго и первоначально думалъ обратиться за помощію къ намъ, а потомъ боролся съ афганцами при пособіи валія читральскаго, но безуспѣшно. Ставленникъ афганцевъ, Махмудъ-ша, повидимому не любимъ жителями, которые еще зимою 1873 года хотѣли его изгнать. Онъ платитъ эмиру кабульскому 15,000 рупій въ годъ, какъ знакъ своей подчиненности, но

впрочемъ въ веденіи дѣлъ независимъ, такъ какъ афганскихъ войскъ въ Бадахшанѣ нѣтъ.

Военный обзоръ.

Стратегическая оцѣнка положенія нагорно-туранской окраины Россіи представляетъ особыя трудности по причинѣ большого разнообразія тѣхъ обстоятельствъ, которыя нужно при этомъ взвѣшивать. Главнѣйшія изъ этихъ обстоятельствъ суть слѣдующія: 1) отдаленность края отъ Россіи собственно, между которою и имъ тянутся широкія, нелегко проходимыя степи, гдѣ есть всего двѣ дороги, пригодныя для движенія войскъ, но и то не во всякое время года; 2) недостатокъ въ край мѣстныхъ средствъ для пополненія и снабженія арміи въ случаѣ большихъ и общихъ военныхъ дѣйствій; 3) составъ населенія страны, въ которомъ русскій элементъ совершенно ничтоженъ и вся масса народа состоитъ изъ иноплеменниковъ, да еще и мусульманъ, которые притомъ покорены не болѣе какъ 7 лѣтъ назадъ и далеко не утвердились въ сознаніи безповоротной покорности «невѣрнымъ»; 4) сосѣдство самостоятельныхъ мусульманскихъ государствъ, которыхъ населеніе единоплеменно съ населеніемъ русскаго Туркестана и которыя не могутъ забыть, что теперешнія русскія земли еще недавно были ихъ владѣніями; 5) открытость всѣхъ нашихъ границъ для нападенія какъ этихъ мусульманскихъ государствъ, могущихъ, до извѣстной степени получать поддержку съ юга, изъ-за Гиндукуша, такъ и степныхъ варваровъ, изъ которыхъ иные имѣютъ на своей сторонѣ превосходство труднодоступной тѣсноты. Всѣ эти обстоятельства очевидно невыгодны для насъ и должны быть уравниваемы однимъ превосходствомъ состава, вооруженія и тактическаго образованія войскъ. О превосходствѣ европейскаго образованія и гражданскаго устройства, которое бы покоряло намъ умы туземцевъ, можно говорить пока лишь условно, потому что гражданскіе элементы русскаго государства сюда еще очень мало проникли, и здѣсь нѣтъ ни училищъ, которыя прививали бы туземцамъ русское образованіе, ни такихъ судовъ, которые бы своею независимостью, единственной гарантіей правосудія, могли сразу показать среднеазіатамъ всю высоту нравственнаго уровня ихъ повелителей.

Отдаленность или даже отдѣльность края, во многомъ превосходящая самую отдѣльность Сахалина, не нуждается въ особыхъ разъясненіяхъ. Между Ташкентомъ и Орскомъ на Уралѣ разстояніе

около 1,800 верстъ, между Ташкентомъ и Семипалатинскомъ на Иртышѣ около 1,700 в. и даже до Вѣрнаго, вблизи котораго находится небольшая передовая часть русскаго населенія въ средней Азій, свыше 700 верстъ. При этомъ на пути къ первому городу мы имѣемъ всего восемь русскихъ этаповъ, на пути ко второму не больше двѣнадцати; вся же мѣстность, прилегающая къ дорогамъ, занята номадами-мусульманами.

Недостатокъ въ краѣ мѣстныхъ военныхъ средствъ также очевиденъ. Россія, чтобы пополнять войска Сыръ-дарьинской области, должна ежегодно отправлять туда до 2,800 сыновъ своихъ и большею частію безвозвратно. Не находя въ краѣ средствъ къ прочному водворенію семействами, эти люди, по окончаніи службы въ войскахъ, по большей части гибнутъ непродовольственно для русскаго дѣла въ средней Азій. Матеріальная часть военныхъ силъ также требуетъ многихъ подвозовъ изъ Россіи, напр. пороку, оружія, снарядовъ, инструментовъ, сукна и т. п.

Составъ населенія страны, завоеванной едва въ 1865—68 годахъ, вызываетъ большую раздробленность войскъ по краю, что невыгодно отражается на единствѣ ихъ хозяйства и тактическаго образованія и можетъ еще вести дурныя послѣдствія въ случаѣ возстанія. Для предупрежденія этой послѣдней случайности всѣ почти мелкіе отряды войскъ живутъ въ укрѣпленіяхъ, частію доставшихся отъ бухарцевъ и коканцевъ (Туркестанъ, Чемкентъ, Ходжентъ, Катты-Курганъ), частію построенныхъ нами самими (Ташкентская цитадель, Чиназъ, Ключевое). Число этихъ укрѣпленій слишкомъ значительно для корпуса въ 20,000 человѣкъ, а между тѣмъ въ случаѣ возстанія мы почти не можемъ очистить ни одного изъ нихъ, чтобы гарнизономъ его усилить дѣйствующія войска. Особенно Самаркандская цитадель, по обширности своей, требовала сильнаго гарнизона, хотя изъ нея-то именно скорѣе всего могутъ быть высланы въ поле значительные отряды: поэтому она и перестраивается.

Сосѣдство независимыхъ мусульманскихъ государствъ невыгодно для насъ вдвойнѣ. Во-первыхъ, онѣ могутъ вліяніемъ своихъ вызывать или поддерживать безпорядки внутри нашихъ владѣній, во-вторыхъ, по причинѣ неудачнаго очертанія нашихъ границъ, онѣ могли бы, если бы имѣли хоть сколько нибудь порядочное военное устройство, стать для насъ небезопасными врагами въ открытой войнѣ. Еще Коканъ, самъ по себѣ, одинъ не можетъ вызвать большихъ затрудненій, потому что ханство это окружено съ трехъ

сторонъ нашими владѣніями и можетъ быть пройдено изъ конца въ конецъ въ какія нибудь двѣ-три недѣли; но явись это владѣніе союзнымъ Бухарѣ, Бадакшану и Хивѣ, вопросъ о его значеніи измѣнится. Оно занимаетъ очень выгодное для союзниковъ положеніе на флангѣ и частію даже въ тылу тѣхъ войскъ, которыя съ нашей стороны могутъ быть направлены на Аму-дарью. Конечно, въ случаѣ вѣншей борьбы оно будетъ первою жертвою для нашихъ войскъ, жертвою тѣмъ болѣе легкою, что города его не укрѣплены; но самое занятіе послѣднихъ нашими гарнизонами потребуетъ отвлеченія военныхъ силъ отъ другихъ театровъ. По счастью, на этихъ другихъ театрахъ мы имѣемъ нѣкоторыя существенныя выгоды. Бухарѣ напр. мы можемъ нанести серьезный ударъ даже не вторгаясь въ ея предѣлы, а только заперѣвъ часть воды, идущей изъ Зерафшана въ это ханство. Затѣмъ отъ непосредственныхъ ударовъ большихъ хивинскихъ конницъ мы гарантированы степями, которыя лежатъ между Сырѣ и Аму-дарьей. Но, повторимъ, въ случаѣ коалиціи всѣхъ ханствъ и особенно при поддержкѣ ихъ со стороны Афганистана, наше положеніе можетъ быть не изъ легкихъ. При современномъ состояніи нашихъ собственныхъ владѣній въ Туркестанѣ, гдѣ русскій элементъ слабъ, и при теперешнемъ числѣ войскъ, въ немъ находящихся, мы едва-ли можемъ вывести въ поле противъ всѣхъ трехъ противниковъ болѣе 6,000 человекъ.

Впрочемъ, вопросъ о планѣ войны, характерѣ и вѣроятныхъ результатахъ ея много упрощается для насъ тѣмъ, что главный, если не единственный ударъ намъ должно будетъ нанести одной Бухарѣ, съ овладѣніемъ которою другіе противники будутъ раздѣлены и слѣдовательно безсильны. У насъ нерѣдко слышатся заявленія, что нужно прежде покончить съ Хивою, какъ съ непосредственнымъ очагомъ безпокойствъ въ средней Азій, а Бухару оставить въ покоѣ. Это едва-ли не ошибочно. Хива пала бы сама собою, если бы русскіе стали твердою ногою у Чарджуи, или вообще на среднемъ теченіи Окса, и на оборотъ, съ нею очень трудно имѣть дѣло, пока это теченіе не въ нашихъ рукахъ. Равнымъ образомъ и вліяніе Афганистана значительно ослабѣло бы, если не прекратилось совсѣмъ, послѣ занятія нами Ходжасаля, Керки и другихъ бухарскихъ переправъ чрезъ Аму-дарью. Словомъ, если составлять планъ завоеванія всего Турана, то на первой его страницѣ должно стоять покореніе Бухары. Покореніе это удобнѣе всего совершить прямымъ движеніемъ изъ Самарканда на столицу ханства; если же эмиръ сосредоточитъ войска у Шахрсыба, то

ударомъ на эти войска, при чемъ послѣ побѣды мы получимъ возможность занять Бухару и другія мѣста по Зарафшану, Копетдагъ и Аму-дарьѣ безъ серьезныхъ препятствій. Если бы и послѣ этого коалиція продолжалась, то изъ Шахрисяба и Карши оставалось бы двинуться чрезъ Гиссаръ на верховья Окса и такимъ образомъ получить командованіе надъ всѣмъ бассейномъ его.

Такимъ образомъ мы видимъ, что рѣшеніе военно-политической проблемы о Туранѣ, не смотря на кажущуюся сложность ея, довольно просто, хотя, разумѣется, это не значитъ, что въ указанномъ смыслѣ, завоеванія обоихъ бассейновъ, сыръ-дарьинскаго и аму-дарьинскаго оно безусловно выгодно для Россіи. Выгода есть лишь относительная, именно, что съ утвержденіемъ русской власти во всей странѣ, отъ Болора до Каспійскаго моря, мы уже не будемъ тутъ имѣть вѣдшихъ враговъ, которымъ трудно прійти съ востока ли, съ юга ли. О томъ же, будутъ ли оккупаться, а тѣмъ болѣе приносить доходъ, всѣ эти завоеванія, здѣсь было бы неудобно разсуждать уже потому, что это значило бы вдаваться въ область экономическихъ гипотезъ. Гораздо важнѣе принять въ настоящемъ случаѣ къ разсмотрѣнію то обстоятельство, что до послѣдняго времени на приближеніе наше къ Аму-дарьѣ и особенно къ Гиндукушу смотрѣла весьма ревниво большая европейская держава, Англія. Опасаясь, что сосѣдство Россіи съ Индіей можетъ повести за собою освобожденіе послѣдней отъ британскаго владычества, Англія уже въ 1842 г. пыталась сама перейти за Индъ, чтобы предупредить насъ на Гиндукумѣ, а потомъ въ 1857 г. заключила договоръ съ эмиромъ кабульскимъ, по которому обязалась платить ему ежегодно 120,000 ф. ст., лишь бы онъ содержалъ по меньшей мѣрѣ 18,000 войска, годнаго сопротивляться русскимъ. Потомъ, плохо довѣряя надежности подобнаго огражденія себя отъ грозящаго будто бы ей нашествія съ нашей стороны, она въ 1869—70 г. стала преслѣдовать другую теорію, именно: образовать, съ согласія Россіи, и даже, если можно, по формальному съ ней договору, нейтральную полосу между обѣими имперіями, куда бы ни та, ни другая держава не могли ступать ногою. Въ составъ такой нейтральной полосы лондонскій кабинетъ желалъ бы ввести не только Кабулистанъ, принадлежащій къ бассейну Инда, но и Бактріану, т. е. всѣ верховья Аму-дарьи, отъ Бадакшана до Балха и Майменэ. Но разумѣется, что представлять такую пограничную сдѣлку прочною значитъ либо не знать дѣла, либо умышленно его исказить и притомъ въ смыслѣ едва ли выгодномъ для обѣихъ

сторонѣ. Какъ англичане не желаютъ, чтобы мы могли, благодаря непосредственному появленію у Инда, волновать Индустанъ, такъ и мы, съ неменьшимъ основаніемъ въ правѣ хотѣть, чтобы англійское политическое вліяніе было совершенно ничтожно среди обитателей Туркестана. А нейтральная полоса способна привести именно къ одному изъ этихъ явленій. Вотъ почему теорія Upper Oxus State'a, да еще вассальнаго Англіи, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допускаема съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что англичане, недовольствуясь вассальною зависимою Афганистана, начинаютъ подчинять непосредственной своей власти Кяффиристанъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ очевидно, что рано или поздно двѣ державы придутъ въ соприкосновеніе по единственному натуральному рубежу, Гиндукушу; и если это прикосновеніе произойдетъ мирно, то оно обѣщаетъ великія и благодѣтельные послѣдствія для всего Старога Свѣта. Если же одна изъ сторонъ неумѣренностью своихъ требованій, неискренностью поведенія или какими нибудь другими дѣйствіями возбудитъ справедливое недовольство другой, то результатомъ выйдетъ война, которой истребительныя послѣдствія трудно предвидѣть. Замѣтимъ только, что уже нынѣ для доставленія себѣ возможно большаго шансовъ къ успѣху въ этой войнѣ, англичане разширяютъ свою власть за Индомъ и открыто говорятъ о томъ, что «Индію противъ Россіи будутъ защищать не остъ-индскія войска, а туркменская конница, руководимая искусными офицерами.»

Независимо отъ англійскихъ предположеній и плановъ, формулированныхъ съ особою ясностью въ 1870 г. Форситомъ, и въ 1872 г. лордомъ Грэнвилемъ, существуетъ у насъ самихъ относительно военно-политическаго положенія нашего въ Туранѣ взглядъ, во многомъ напоминающій англійскій, но только еще менѣе выгодный для насъ, чѣмъ теорія Upper Oxus State'a, такъ что даже англичане не осмѣлились намъ его предложить. Взглядъ этотъ требуетъ, чтобы мы остановились на теперешнихъ нашихъ границахъ къ сторонѣ Бухары и Кокана, т. е. оставили государственные наши рубежи на воздухѣ, не примѣнувъ ихъ ни къ какому естественному урочищу. Что же касается до средне-азиатскихъ ханствъ, то онѣ, по этой теоріи, должны остаться вассалами Россіи, съ независимымъ управленіемъ. Другими словами, теорія предлагаетъ создать изъ Россіи Турцію съ Египтомъ, Румыніею и Сербіею.

По совершенной непригодности для русскаго государства и слѣдовательно малой вѣроятности осуществленія на дѣлѣ такого

ученія, мы не будемъ останавливаться здѣсь на оцѣнкѣ его, а замѣтимъ только, что, слѣдуя ему, мы никогда бы не освободились отъ необходимости держать въ Туркестанѣ много войскъ противъ внѣшнихъ враговъ, какими естественно были бы вассалы, и никогда не достигли бы обрусѣнія уже занятой нами части страны.

Указавъ такимъ образомъ на главныя военно-политическія или стратегическія особенности нагорно-туранскаго пограничнаго пространства, мы можемъ заключить этотъ обзоръ перечисленіемъ тѣхъ военныхъ силъ и средствъ, которыя Россія имѣетъ въ этой странѣ, ограничиваясь относительно военныхъ средствъ сосѣднихъ ханствъ тѣми указаніями, которыя уже сдѣланы при обзорѣ ихъ управленія. Въ началѣ 1873 года войска Сыръ-дарьинской области, какъ уже было упомянуто, составляли корпусъ числительностью около 20,000 чел., расположеніе котораго извѣстно изъ квартирнаго росписанія. Укрѣпленій, которыя служатъ точками опоры для дѣйствія этихъ силъ, считается двѣнадцать: Туркестанъ, Чимкентъ, Аулие-ата, Ташкентъ, Чиназъ, Теляу, Келеучи, Ходжентъ, Уратюбе, Ключевое, Самаркандъ и Катты-курганъ.

Артиллерійскіе склады для дѣйствующихъ войскъ имѣются въ Чиназѣ, Ташкентѣ и Самаркандѣ; для мѣстныхъ надобностей въ каждомъ укрѣпленіи.

Больницы разнаго наименованія существуютъ: въ Ташкентѣ, Ходжентѣ, Джизагѣ, Ключевомъ, Туркестанѣ и Аулие-ата. Болѣзненность въ войскахъ, вслѣдствіе тяжелой службы, неудобствъ помѣщенія и отчасти климатическихъ особенностей, именно рѣзкихъ переходовъ отъ жары къ прохладѣ въ лѣтніе дни и ночи, довольно значительна и въ 1870 году представляла слѣдующія цифры:

Заболѣло . . . 119 офицеровъ и 19,743 ниж. чин.

Умерло . . . 9 „ 564 „

Самая большая смертность была отъ тифа, перемежающейся лихорадки и возвратной горячки, именно 80% общей смертности.

Провіантскіе магазины имѣются въ Ташкентѣ, Чиназѣ, Самаркандѣ, Ключевомъ, Ходжентѣ, Туркестанѣ, Уратюбе, у Каменнаго моста, въ Катты-Курганѣ, Теляу и Аулие-ата.

Главный интендантскій складъ въ Ташкентѣ, гдѣ производится и торги на заготовленіе всякаго рода запасовъ.

Аральская рѣчная флотилія состоитъ изъ 12 судовъ, въ числѣ которыхъ 5 пароходовъ и 7 баржъ. Она потребляетъ въ годъ приблизительно 350,000 пуд. саксаулу и 40,000 пудовъ угля, заготавлиаемаго обыкновенно на устьяхъ Аръса.

Источники:

До начала XIX столѣтія о нагорномъ Туранѣ имѣлись самыя смутныя понятія, такъ какъ извѣстія Беневени (1725), Миллера (1740), Томпсона (1741), Ефремова (1774) и Габайдулы-Амирова (1774) были очень кратки, а труды іезуитовъ времени Цянъ-луна касались западнаго Туркестана только отчасти. Не къ чему было даже приурочить путешествія Марко-Поло. Первыми обстоятельными путешественниками явились *Постыловъ* и *Бурнашевъ* (1800 года), которыхъ рукописи о Ташкентѣ однако оставалась необнародованною до 1860-хъ годовъ (Записки Русскаго Географическаго Общества). Затѣмъ слѣдовали: поѣздка въ Коканъ *Назарова* (1818) и миссія въ Бухару *Мейендорфа*, *Эверсмана* и *Пандера* (1820), а со стороны южной Азіи: «Путешествіе въ Кабулъ» *Элфинстона* и *Макартни* (1809), доставившее первыя распросныя свѣдѣнія о верховьяхъ Аму-дарьи, и путешествіе *Муркрофта* (1824) въ Бухару. Но если бы изслѣдованія въ нагорномъ Туранѣ остановились на этомъ, то мы знали бы о немъ мало, особенно же о южной его половинѣ. Вотъ почему въ литературѣ нашего предмета предпочтительнаго вниманія заслуживаютъ труды, совершенныя послѣ 1830 года, а именно:

Потанинъ: Записки о Коканскомъ ханствѣ, 1830.

Burnes: Travels into Bokhara, 1834.—Отъ современнаго Борису русскаго путешественника, *Виткевича*, сохранилось очень немного, и то въ рукописяхъ.

Wood: Journey to the source of the river Oxus, особенно изданіе 1872 года, снабженное превосходнымъ предисловіемъ *Юля*.

Ханьковъ: Описаніе Бухарскаго ханства; 1843.

Humboldt: Asie Centrale, 1843.

Обозрѣніе Коканскаго ханства въ нынѣшнемъ (1841 г.) его состояніи, появившееся въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества не ранѣе 1849 г.

Небольсинъ: Очерки торговли Россіи съ Среднею Азією, 1855 (Зап. Русс. Геогр. Общ.).

Венюковъ: Очерки причуйской страны, 1859, карта Коканскаго ханства, 1861, и о Памирѣ и верховьяхъ Аму-дарьи 1861 (Зап. Рус. Геогр. Общ.).

Мейеръ: Очеркъ западной части Каратаусскихъ горъ, 1862.

Вамбери: Путешествіе по Средней Азіи, 1863.

Пашино: Туркестанскій край въ 1866 году.

Галкинъ: Этнографическіе матеріалы по Оренбургскому краю, 1838.

Съ 1867 года начинается рядъ географическихъ и статистическихъ работъ о Русскомъ Туркестанѣ: Аминова, Гребенкина, Краузе, Кушакевича, Маева, Макшеева, Мишенкова, Раевского, Соболева, Сѣверцева, Татаринова, Федченко, Хорошнина и другихъ, о которыхъ свѣдѣнія находятся либо въ изданіяхъ Русскаго Географическаго Общества, либо въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», откуда онѣ перешли въ «Туркестанскій Ежегодникъ» 1872 и въ сборникъ «Русскій Туркестанъ» 1872. Отдѣльныя сочиненія изданы:

Костенко «Средняя Азія и распространеніе въ ней русской гражданственности», 1871 года, который также написалъ «Путешествіе въ Бухару» 1871.

Сѣверцевъ: «Путешествія по Центральной Азіи», 1873 г. съ картою.

Лучшія карты суть: Кипетра Туган, 1865; *Илмина* Туркестанское Генералъ-губернаторство. 1872; *Струве* Коканское ханство, 1871; *Федченко*: «Коканское ханство» и сосѣднія съ юга земли, 1872. Карта Туркестанскаго военнаго округа,

изд. въ Ташкентѣ въ 1873 г.; *Стеерисса* рельефная карта всей верхней Азии въ Изв. Р. Г. Общ. 1873. Со стороны англичанъ заслуживаютъ вниманія: *Walker's Turkistan*, литографированная карта, *Мотомери* при отчетѣ о путешествіи «мар-зы» въ General Report on the operations of the Gr. Tr. Surv of India, и на- конецъ *Юля* при книгѣ Вуда.

Участокъ десятый: Уральскій или Хивинскій *).

Обширное пространство по сторонамъ Аральскаго Моря, отъ береговъ Мертваго Култука до подножія Каратаускихъ горъ и отъ параллели станицы Калиновской, укрѣпленій Уильскаго и Тургайскаго на югъ до полуденныхъ предѣловъ Хивы, представляетъ мѣстность, которая въ естественно-историческомъ, въ стратегическомъ и въ другихъ отношеніяхъ образуетъ одно цѣлое, характеризующееся многими такими особенностями, какія не встрѣчаются на другихъ азіатскихъ окраинахъ Россіи. Единство это, впрочемъ, обусловливается не нахожденіемъ по самой серединѣ пространства Аральскаго моря, а существованіемъ въ южной его части осѣдлаго Хивинскаго оазиса, который и экономически, и политически долго господствовалъ надъ всѣми при-аральскими равнинами, да и всегда сохранять на нихъ вліяніе, чѣмъ будетъ вынуждать насъ или на занятіе самой Хивы или на содержаніе значительныхъ военныхъ силъ у низовьевъ Сыръ-дарьи и противу промежутка между Араломъ и Каспіемъ. По крайней непроизводительности почвы въ этихъ мѣстахъ, по невозможности основанія среди большей части ихъ русскихъ осѣдлостей и по открытости степей къ югу, эта часть нашихъ государственныхъ окраинъ въ Азіи есть одна изъ наиболее трудноохраняемыхъ и потому самому заслуживаетъ особаго вниманія съ военной точки зрѣнія.

Въ тѣхъ предѣлахъ, которые указаны выше, подлежащее описанію пространство состоитъ: 1) изъ зауральскихъ частей уѣздовъ Гурьевскаго и Калмыковскаго и всего Эмбенскаго, Уральской области, изъ южной половины Иргизскаго уѣзда, области Тургайской и изъ уѣздовъ Казалинскаго, Перовскаго и задарынскихъ частей: Туркестанскаго, Чимкентскаго и Ходжентскаго, области Сыръ-дарь-

*) Слѣдствія изложены по даннымъ 1 мая 1873 г., т. е. времени, предшествовавшаго взятію Хивы, и лишь въ немногихъ случаяхъ пополнены новѣйшими, полученными во время печатанія книги.

инской; 2) изъ восточной части Мангышлакского пространства; 3) изъ Хивинскаго ханства съ зависимыми отъ него землями туркменовъ, киргизовъ и каракалпаконъ и 4) изъ Аральскаго моря. По отношенію къ каждой изъ этихъ четырехъ мѣстностей, военныя и другія соображенія столь различны, что необходимо каждую изъ нихъ рассмотреть отдѣльно и притомъ въ такой подробности, какъ она обуславливается ея политическою и экономическою важностію для Россіи. Какъ общую характеристическую черту всего пространства, слѣдуетъ замѣтить отсутствіе сколько-нибудь значительныхъ высотъ и совершенно степной характеръ природы.

1. Стени на сѣверъ отъ Усть-Урта и Аральскаго Моря и по Сыръ-дартъ.

Страна отъ низовій Урала и сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго моря до Сары-су лежитъ частію ниже уровня океана и лишь постепенно поднимается въ направленіи къ востоку и сѣверу. Гора Айрюкъ, принадлежащая къ системѣ Мугаджаръ и достигающая 1,000 футовъ надъ моремъ, есть господствующій надъ нею пунктъ. Идя отъ нея послѣдовательно въ разныхъ направленіяхъ, мы встрѣчаемъ слѣдующее:

На западъ степь сначала холмиста, особенно по верховьямъ Эмбы, Уила и Сагиза, но потомъ мало-по-малу обращается въ совершенную равнину, съ почвою частію песчаною, частію твердоглинистою, частію солончаковою. Значительная часть этой степи безплодна; особенно же безотрадною отличается пространство отъ лѣваго берега Эмбы до подножія Усть-Урта. Съ приближеніемъ къ Каспійскому морю, степь дѣлается или песчаною, или солончатою и наконецъ почти незамѣтно сливается съ самымъ моремъ помощью множества камышевыхъ бодотъ и ерикновъ (заливовъ), въ которыхъ вода стоитъ при западныхъ вѣтрахъ, но уходитъ при восточныхъ и сѣверныхъ.

Слѣдующіе мѣстные предметы обращаютъ на себя вниманіе въ этой части степи: рѣки Уралъ, Уилъ, Сагизъ, Эмба, Чеганъ; озера Индерское, Кабакъ-куль и Камышъ-куль; соляныя грязи Чумшакуль, Ащ-булакъ, Чумышъ-куль, Исенджагъ, Манайли-соръ, Тентакъ-соръ и Яманъ-соръ; пески Кумъ-джарганъ, Кокъ-кумъ, Акъ-кумъ-Сагалъ, Тайсуганъ и Байрюкъ, Кара-кумъ, Лусонъ, Сарыкумъ. Положеніе всѣхъ ихъ обозначено на общезвѣстной пяти-

десяти-верстной вартѣ Оренбургскаго края; что же касается до свойствъ иѣстныхъ предметовъ, то здѣсь, на основаніи трудовъ Берга, Алексѣева, Мейера и др., можно сказать слѣдующее. Изъ рѣкъ только Уралъ доходитъ до моря, но и то въ послѣдніе годы устья его стали мелѣть и заростать камышнемъ; долина же выше Гурьева и Сарайчиновой содержитъ въ себѣ не мало кустарниковъ и деревьевъ, которыя берегутся казаками, какъ средство для предохраненія рѣки отъ совершеннаго пересыханія; иѣстами есть и луговые пространства. Сагызъ и Уиль теряются въ пескахъ и въ соляныхъ грязяхъ; Эмба также не доходитъ до моря, но крайней мѣрѣ большую часть года, а въ жары она даже обращается въ рядъ отдѣльныхъ плесовъ съ водою горькосоленою вездѣ, кромѣ верховій. Рѣка Чегамъ и притокъ ея Мани даже совсѣмъ безводны въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и имѣютъ воду собственно въ руслахъ лишь весной, послѣ таянія снѣговъ. Всѣ прочія мелкія рѣчки степи, обыкновенно носящія названія Кара-су, Сары-су и т. п. представляютъ тѣ же условія. Изъ озеръ Индерское извѣстно обиліемъ самосадочной соли, а Кабакъ-куль и Камышъ-куль представляютъ рѣдкое въ здѣшней степи явленіе прѣсноводныхъ озеръ. Небольшое озеро Масие, на Нижней Эмбѣ, гдѣ въ 1871 году построено укрѣпленіе, также предполагалось прѣснымъ, но на дѣлѣ вода въ немъ дурна.

Соляныя грязи вообще суть самыя непривѣтливныя части степи, болѣею частью непроходимыя и иногда представляющія опасность для людей и животныхъ, которые, по неосторожности ступивъ на подсохшую поверхность ихъ, проваливаются почти безъ надежды выбраться. Этимъ свойствомъ особенно отличаются грязи у подошвы Усть-Урта. Кромѣ того, всѣ вообще солончаки, т. е. даже и сухіе, отдѣляютъ, при первомъ вѣтрѣ въ жаркую погоду, множество ѣдкой пыли, а при дождяхъ обращаются въ вязкую грязь. Пески далеко превосходятъ удобствами не только ихъ, но и твердо-глинистыя степныя пространства, и среди ихъ нерѣдкость встрѣтить не только травы, правда, рѣдкія, но кустарники, и, самое главное, прѣсную воду въ неглубокихъ колодцахъ. Каракумскіе пески у сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго моря, а затѣмъ пески Уймаутъ, на пути отъ Эмбы къ Усть-Урту, особенно извѣстны обиліемъ прѣсной воды и растительности, обиліемъ, конечно, относительнымъ.

Въ срединѣ, т. е. прямо на сѣверъ отъ Аральскаго моря, главныя иѣстныя предметы суть южныя отроги Мугуджарскихъ горъ и пески Баруки, Вольніе и Малые. Первые тянутся полосою до

двухсотъ верстъ длины и мѣстами до пятидесяти ширины на сѣверъ отъ залива Чернышева и полуострова Куланды, вторые на сто двадцать верстъ къ сѣверу отъ залива Перовскаго. Пространство между ними представляетъ частію голую солонцоватую степь, частію тонкіе солонцы и, наконецъ, соляныя грязи и озера. Часть этого пространства, прилегающая къ заливу Тиге-басъ, вѣроятно еще въ прошломъ столѣтіи была подъ водою, какъ можно думать по сравненію картъ Аральскаго моря нынѣшней и геодезиста Гладышева, а также и по самому виду обсохшей почвы. Пески Барсуки, вѣроятно береговыя дюны прежняго моря, замѣчательны тѣмъ, что служатъ зимовками для нѣкоторыхъ родовъ киргизовъ, тогда какъ вся со-сѣдняя солонцоватая степь, по причинѣ совершенной безплодности, и лѣто и зиму болѣею частью остается пустою, представляя весьма большое препятствіе къ устройству правильнаго сообщенія Сыр-дарьинской области съ Оренбургскимъ краемъ. Даже рѣки Иртышъ и Тургай мало помогаютъ оживленію этой печальной пустыни, ибо въ первой изъ нихъ вода обыкновенно соленая и берега обѣихъ изрѣдка лишь поросли тальникомъ или камышемъ. Большое озеро Челкарь, въ которое впадаютъ остатки водъ обѣихъ рѣкъ, послѣ ихъ сліянія, почти сплошь представляетъ только соляную грязь, а водою наполняется лишь во время весеннихъ разливовъ. Съ запада, по направленію къ Иртызу, вытекаютъ нѣсколько ручьевъ изъ Мугоджарскихъ горъ, но всѣ они теряются въ степи, не доходя до главной рѣки и представляя въ обыкновенное время сухія русла.

На востокъ, по обѣимъ сторонамъ Сыр-дарьи, большая часть степной почвы состоитъ изъ песковъ. Это извѣстные Каракумы на сѣверѣ и Кызылъ-кумы на югѣ отъ Сыра. Впрочемъ, Каракумскіе пески, начинающіеся южнѣ Челкара, не вездѣ достигаютъ до сыр-дарьинскаго русла, а мѣстами оставляютъ обширныя пространства для голой глинисто-солонцоватой почвы, какъ, напримѣръ, на сѣверѣ отъ Кармакчи.

Въ западной половинѣ каракумской песчаной равнины встрѣчаются также обширныя солонцы и соляныя озера, какъ-то Миебилъ, Чумышъ-булъ, Ханъ-султанъ, Камышлы-башъ, Ялши-курайли, а въ южной и восточной замѣчательны соляныя озера Кивокъ-тузъ и Арысь. Вдоль самой рѣки Сыр-дарьи заслуживаютъ особеннаго вниманія большіе болотистые и протшіе камышемъ либо тростникомъ разливы Караузьяка, одного изъ рукавовъ Сыра, который отдѣляется отъ главнаго русла въ 17-ти верстахъ ниже Перовска вправо и

снова вливается въ рѣку у форта № 2. Выше же Перовска, на правомъ берегу Сыра, встрѣчаются твердые и бугристые пески, перемежаемые съ солончаками и тянущиеся до рѣкъ Сыры-су и Чу, до озера Саумалъ-куля и до горъ Каратау.

На лѣвомъ берегу Яксарта пески еще болѣе развиты, чѣмъ на правомъ, и тутъ ихъ расположеніе на земной поверхности, по словамъ Мейера, подчинено нѣкоторой системѣ, а именно: проходящія среди ихъ ложбины направляются либо съ сѣвера на югъ, либо съ востока на западъ. Первые постоянно наполнены солонцами, и если содержать въ себѣ колодцы, то непремѣнно съ соленой водой; вторыя суть какъ бы остатки прѣсноводныхъ руслъ и воду въ копаныхъ имѣютъ прѣсную. Въ эту часть степи, благодаря низменности ея положенія, врываются рукава Яксарта: Джаны и Куванъ-дарья. Первая отдѣляется отъ общаго русла Сыра въ 11 верстахъ ниже Перовска и течетъ сначала по болотистой, потомъ по твердо-солонцоватой и наконецъ по песчаной степи, на юго-западъ, чрезъ укрѣпленіе Ирки-бай, въ озеро Кучка-тенгизу, въ которомъ теряется. Въ тѣхъ случаяхъ, когда русло ея не наполнено сплошь водою, оно представляетъ потокъ до 350 верстъ длиною, иногда требующій для переправы камышевыхъ плотовъ. Вторая, т. е. Куванъ-дарья, отходитъ отъ главнаго русла Сыра, или Джаманъ-дарьи, верстахъ въ 20-ти ниже Джаны-дарьи и направляется почти прямо къ западу, черезъ болота и пески, въ которыхъ теряется, не доходя далеко до Аральскаго моря. Русло Кувана наполнено прѣсноводными плесами, или омутами, и колодцами, а по верхнимъ частямъ этого степного потока есть даже пашни, орошаемыя его водою посредствомъ арыковъ. Джаманъ-дарья, т. е. главное русло Сыра, на пространствѣ между Перовскомъ и Кармакчи маловодна и чрезвычайно извилиста, такъ что судоходство по ней весьма затруднительно, особенно въ малую воду, когда нужно плавать на пароходахъ не болѣе какъ съ двумя футами осадки, но достаточно сильныхъ, чтобы преодолевать теченіе по четыре или по пяти узловъ въ часъ, и поворотливыхъ, чтобы не наткнуться на берегъ. По соединеніи Джаманъ-дарьи съ Караузьякомъ, Сыръ снова становится хорошею судоходною рѣкою, но только до устья, гдѣ опять встрѣчаются мели, тянущіеся въ море. Изъ трехъ рукавовъ, на которые рѣка раздѣляется тутъ, только средній имѣетъ въ большую воду отъ трехъ до четырехъ футовъ глубины; два же другіе во всякое время переходны въ бродъ. Этому мелководью думали помочь запрудой Яны и Куванъ-дарьи, а также выпрямленіемъ русла Джаманъ-дарьи, что

увеличило бы скорость теченія въ низовьяхъ Сыра и повело бы къ смѣтлѣ отмелей; но до сихъ поръ всѣ такіа попытка не имѣли успѣха. Выше Перовска, Яксартъ судоходенъ по крайней мѣрѣ до Чиназа; но также очень извилистъ и, благодаря мягкости почвы, по которой течетъ, нерѣдко мѣняетъ русло, что затрудняетъ плаваніе, особенно послѣ большихъ разливовъ. Переправы чрезъ Сыръ-дарью у Казалинска, Перовска, Чиназа и проч. дѣлаются на паремахъ; гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ туземцы прибѣгаютъ къ каминнымъ плотамъ или къ перегону скота въ бродъ. Зимой, т. е. отъ конца ноября по мартъ, переѣздъ черезъ рѣку совершается по льду.

Въ пескахъ на югъ отъ низовій Сыра, въ прежнее время, текла рѣка Кизылъ-дарья; нынѣ даже и слѣды этой рѣки еще не отысканы, хотя, можетъ быть, низовья Джаны-дарьи отчасти совпадаютъ съ этимъ русломъ. Степь по правую сторону Кизылъ-дарьи, къ сторонѣ Чиназа и Ходжента, уже не столь песчана, какъ по лѣвую, т. е. по западную ея сторону, и представляетъ, напротивъ, гладкую глинистую равнину; но удобна ли она для орошенія канавами въ сосѣднихъ частяхъ Сыра — это вопросъ, нерѣшенный ирригаторами. Можно, кажется, думать, что далеко внутрь этой равнины орошеніе простираться не можетъ, такъ какъ, вѣроятно, она имѣетъ покатость къ востоку; ибо иначе Сыръ-дарья отъ Ходжента незачѣмъ было бы поворачивать къ сѣверу. За южную окраину кизылкумской низменности слѣдуетъ принять горы Нуратынъ-тау, отдѣляющія ее отъ долины Зерафшана; но эти горы составляютъ только часть окраины. На большинствѣ же протяженія Кизылъ-кумы открыты на югъ и сливаются съ песчаными равнинами, окружающими Бухарскій оазисъ и простирающимися не только до Оксуса, но и далеко на югъ отъ этой рѣки, внутрь Турменіи. Сѣвернѣе Бухарскаго оазиса, среди кизылкумской степи высятся грады холмовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Капканъ-тау и Букавскихъ горъ, весьма мало еще изслѣдованныхъ. Отъ нихъ, къ юго-западу, песчаная равнина Батнакъ-кумъ разстилается до предѣловъ Хивы, такъ что все песчано-степное пространство во обѣихъ сторонахъ Сыра, входящее нынѣ по большей части въ предѣлы Сыръ-дарьинской области, образуетъ площадь въ 800 верстъ длины и 400 ширины, или въ 6,400 квадратныхъ географическихъ миль.

II. Усть-Урта.

Обратимся теперь на западъ отъ Аральскаго моря. Здѣсь передъ нами обширная плоская возвышенность Усть-Урта, которая

разстлается до самаго Каспійскаго моря и круто падаетъ не только къ водамъ обонхъ морей, но и къ сторонѣ сосѣдней имъ суши. Усть-Уртъ имѣетъ поверхность по большей части ровную; главныя углубленія въ его почвѣ суть овраги, которыми изрыты его окраины, образующія на всемъ своемъ протяженіи такъ называемый *чинкъ*, т. е. обрывъ отъ 400 до 650 футовъ высотой. Овраги вообще проникаютъ недалеко внутрь Усть-Урта и отличаются такою же крутизной береговъ, какъ самый чинкъ. Послѣдній начинается быть замѣтенъ на сѣверѣ, подъ $47\frac{1}{4}^{\circ}$ широты, въ 30 верстахъ южнѣе конца Мугоджарскихъ горъ, къ которымъ не примыкаетъ. Это начало чинка есть высота Акъ-дюртъ-куль. Отсюда обрывъ тянется на юго-западъ со многими извилинами, которыя образуютъ то выдающіяся части, мысы, то вдающіеся овраги или лощины. Изъ мысовъ наиболѣе замѣчательны Мынъ-су-алмазъ, Тьемуинъ-чапа и Баракъ, кромѣ того Тамды, съ горю Джиль-тау, которые образуютъ отдѣльный массивъ впереди Усть-Урта къ сѣверу. Между оврагами или лощинами, по ихъ ширинѣ и обширности, заслуживаютъ вниманія: Маначи, который переходитъ къ устью въ солонецъ, но вообще крутоберегъ; лощина между Мынъ-су-алмазомъ и Тьемуинъ-чапа, длиною 40 верстъ, Учъ-сай — три лощины, направляющія отъ запада къ востоку, причемъ въ концѣ ихъ, подъ уступомъ чинка, лежитъ соляное озеро Тасъ-астау, близъ вершинъ котораго есть каменная пирамида, Уй-уба; Тще-айрыкъ — плоскій оврагъ, съ дорогою изъ Оренбурга въ Хиву; 50 верстъ восточнѣе его опять такой же оврагъ; еще 20 верстъ восточнѣе оврагъ Шерше. Значительная часть чинка, обращеннаго къ эмбенскимъ степямъ, орошается у подошвы почти безводною рѣкою Чаганъ; кромѣ того во впадинахъ или въ лощинахъ находятся мокрые солонцы, которые и питаются водою, очевидно, изъ того же обрыва Усть-урта.

На западѣ, къ сторонѣ Каспійскаго моря или, правильнѣе, залива Кайдака *), чинкъ очень крутъ, и то же можно сказать про приаральскую его часть. На послѣдней обыкновенно спускъ съ Усть-Урта невозможенъ, такъ что караванъ, идущій вверху, по гребню чинка, не можетъ сноситься съ другимъ, который слѣдуетъ у него на виду, но у подошвы обрыва, т. е. вдоль самаго берега моря. Овраги здѣсь коротки и крутобереги, и наиболѣе извѣстные спуски по нимъ лежатъ сѣвернѣе мыса Акъ-Тумсукъ, у

*) Самая западная часть Усть-урта, именно Мангышлакъ, описывается въ главѣ о Туркменскомъ участкѣ.

юго-западной оконечности бывшего Айбугирскаго озера. Юго-восточная частьинка, за Айбугиромъ, повидимому составлявшая нѣкогда правый берегъ Аму-дарьи и болѣе или менѣе извѣстная до Бешъ-дешика и Сары-камыша, южнѣе этого озера недовольно еще изслѣдована. И хотя мы знаемъ, что тутъ есть высокій мысъ или полуостровъ Капланкыръ, подъемъ по оврагу Кабахлы, вдоль дороги изъ Красноводска къ Сары-камышу, и большой оврагъ Диренъ-Димпе, идущій отъ сѣвера къ югу въ однѣхъ широтахъ съ Карабугазомъ, но вообще топографія Усть-Урта требуетъ въ этихъ мѣстностяхъ новыхъ изслѣдованій.

Почва всей плоской возвышенности, занимающей перешеекъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, болѣею частью солонцовато-глинистая или же глинисто-известковая и тогда очень твердая. На ней, однако, мѣстами встрѣчаются болѣе или менѣе обширныя жидкія солонцы, которые весною имѣютъ видъ озеръ, а лѣтомъ подсыхаютъ и имѣютъ обманчивый видъ твердой почвы. Изъ этихъ солонцовъ наиболѣе извѣстны Барса-Кильмасы, въ широтѣ 44°. Мѣстами также на глинистой поверхности Усть-Урта встрѣчаются пространства песчанныя, и это суть лучшія для кочевовъ, ибо производятъ хоть какую нибудь траву, кромѣ обычной на Усть-уртѣ полыни, а также саксаулъ и другіе кустарники. Изъ этихъ песковъ особеннаго вниманія заслуживаютъ Самъ и Асмантай, подъ 45½° широты, имѣющіе среди себя по самосадочному озеру. Пески Самъ простираются на 85 верстъ въ длину и до 27 верстъ въ ширину; Асмантай на 100 верстъ въ длину и на 35 въ ширину, но бѣднѣе первыхъ водою. Вообще, вода на Усть-уртѣ очень рѣдка и добывается только изъ колодцевъ, иногда очень глубокихъ, напримѣръ 12 или 15 сажень, и притомъ она никогда не бываетъ совершенно прѣсною, а нерѣдко бываетъ и вовсе горько-соленою. Лучшіе колодцы находятся въ западной половинѣ края, по близости Каспійскаго моря, гдѣ и дожди случаются чаще. Тутъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующіе колодцы:

Ишке-курганъ	на 5,000 лошадей и 3,000 верблюдовъ.
Уали	» 1,000 » » 300 »
Джунъ-баянъ	» 1,000 » » 600 »
Кинбай.	» 300 » » 100 »
Тулеть	» 200 » » 50 »
Кось-зулакъ.	» 600 » » 200 »
Бишъ-ауъ	» 1,000 » » 400 »
Арастанъ-буга	» 500 » » 300 »

Чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ колодцы становятся бѣднѣе водою. Лучшіе, по качеству воды, тамъ, гдѣ есть песокъ, чѣмъ и опредѣляется значеніе послѣднихъ для каравановъ и для кочевниковъ.

III. Хивинскій оазисъ.

Низовья Аму-дарьи, Оксуса грековъ, Джигуна арабовъ, на протяженіи около трехсотъ верстъ отъ впаденія рѣки въ Аральское море съ давнихъ временъ обращены человекомъ въ плодородный оазисъ. Мы не знаемъ навѣрное, былъ ли онъ прежде обширнѣе или сократился въ объемѣ отъ возрастающей сухости средне-азиатскаго климата, подобно тому, какъ сократилось самое Аральское море и исчезли совсѣмъ оазисы по низовьямъ Яксарта *); но и доселѣ онъ не только питаетъ довольно многочисленное мѣстное населеніе, но и служитъ экономическимъ и политическимъ центромъ для всѣхъ номадовъ, разсѣянныхъ по сосѣднимъ степямъ. Въ средніе вѣка, эта страна была извѣстна подъ именемъ Ховарезма, въ наше же время образуетъ Хивинское ханство.

Рѣка Аму-дарья, по выходѣ изъ горныхъ долинъ на плоскость, въ бухарскихъ владѣніяхъ, имѣетъ совершенно тотъ же характеръ степной рѣки, какъ сосѣдній на сѣверѣ Сыръ, какъ Или въ Семирѣченской области и Таримъ въ Малой Бухаріи. Быть можетъ, она немного полноводнѣе Сыра. Но берега ея представляютъ ту же степь, то песчаную, то глинистую, а непосредственно прилегающая къ руслу долина поросла то камышемъ, то рѣдкимъ кустарникомъ, или же имѣетъ пустынные берега. Осѣдлое населеніе держится вдали отъ этой жаркой и обильной мучительными насѣкомыми долины, такъ что на всемъ восьмисотъ-верстномъ пространствѣ, отъ предѣловъ Кундуза до Питняка, встрѣчаются лишь немногіе кишлаки и крѣпости — Устигъ, Чарджуй, Керки, Келефъ — построенные при переправахъ черезъ рѣку, по большимъ караваннымъ путямъ. Степь, орошаемая этою частью Джигуна, представляетъ значительную покатость къ сѣверо-западу, отъ чего рѣка быстра и имѣетъ мутную воду, какъ результатъ размыванія береговъ. Быстрота еще усиливается во время лѣтнихъ разливовъ, соответствующихъ таянію горныхъ снѣговъ на верховьяхъ рѣки.

*) Разумѣемъ окрестности Джанкента, Огара, Тунката, Шурана и проч., свидѣтельствующія, что на нижнемъ Сырѣ были прежде многочисленные города.

У Чарджуя, по измѣренію Борнса, Аму-дарья имѣетъ 267 сажень ширины и до 4-хъ сажень глубины въ малую воду. Судя по опытамъ, сдѣланнымъ на низовьяхъ, она должна быть судоходна въ этой средней части для значительныхъ пароходовъ, тѣмъ больше, что русло ея далеко не столь извилисто и разбито на рукава, какъ Сыръ-дарья, хотя, быть можетъ, имѣетъ выше Питняка небольшіе пороги. Впрочемъ, на дѣлѣ Оксусъ носить здѣсь лишь незначительныя плоскодонныя лодки.

Близъ Питняка, Аму-дарья начинаетъ развѣтвляться, впрочемъ сначала не на естественные рукава, а на искусственные каналы. По самому свойству береговъ, изъ которыхъ правый выше лѣваго и еще обставленъ невадалекъ горами *Шейхъ-Джамъ*, каналы направлены почти всѣ налѣво, т. е. на западъ, съ отклоненіями то къ сѣверу, то къ юго-западу. На правой же сторонѣ, до самаго города Ходжейли, т. е. до раздѣленія Аму-дарьи на естественные рукава, есть всего одинъ значительный каналъ, *Иназскій*, на высотѣ городовъ Хазаръ-аспа и Новаго-Ургенча. Данилевскій, составившій самое подробное описаніе Хивинскаго ханства, впрочемъ относящееся еще въ 1843 году, описываетъ слѣдующіе десять большихъ лѣвыхъ каналовъ Окса:

Питнякъ, вытекающій изъ Аму въ трехъ верстахъ отъ города Питняка и пропадающій въ озерцѣ Аякъ-кулѣ, въ двадцати шести верстахъ отъ истока. Онъ имѣетъ ширину до двухъ съ половиною сажень и питаетъ многочисленныя побочныя каналы, которые служатъ для непосредственнаго орошенія полей и часто измѣняются въ своемъ направленіи и числѣ.

Полванъ-ата — главный каналъ Хивинскаго оазиса по многоводію — начинается въ двѣнадцати верстахъ ниже Питняка и оканчивается за Хивою, въ озерцѣ Курантази, послѣ 85 верстъ теченія. Ширина его въ началѣ до 25 сажень, глубина 3 сажени; но, постепенно развѣтвляясь на мелкіе арки, онъ мелѣетъ и становится уже. Не менѣе двадцати одного средней величины канала выходитъ изъ него влѣво и четыре вправо. Города Хазаръ-аспъ, Ишанъ, Багатъ и самая Хива получаютъ изъ него свою воду.

Казаватъ — опять большой каналъ, до девяти верстъ длиною, при десяти саженьяхъ первоначальной ширины, проходитъ черезъ земли городовъ Ханки, Кошъ-Купыра и Казавата и даетъ влѣво пять большихъ вѣтвей, въ свою очередь раздѣляющихся на множество мелкихъ арковъ.

Шахъ-Абатъ, длиною 135 верстъ, шириною до 14-ти сажень;

онъ проходить черезъ земли городовъ Новаго-Ургенча, Шахъ-Абата, Амбара, Ташауса и Ильяны и развѣтвляется на девять рукавовъ, изъ которыхъ пять направлены къ сѣверу. Шахъ-Абатъ очень многоводенъ, быстръ и сохраняетъ до глубокой осени отъ пяти до шести футовъ глубины.

Ярмышъ — параллельный предыдущему и вытекающей въ пятнадцать верстахъ сѣвернѣе его; отличается крутизной береговъ, богатствіе насыпей. Ширина его до восьми сажень, но питаемые имъ арыки незначительны.

Кмычъ-Ниязбай вытекаетъ восемью верстами ниже предыдущаго и питаетъ своими водами города Гурленъ и Кмычъ-Ниязбай, имѣя въ длину 96 верстъ и въ ширину почти повсемѣстно десять сажень. Изъ него выходятъ одинъ значительный арыкъ налѣво и четыре направо.

Каранузъ беретъ начало въ пространствѣ между Гурленомъ и Китаемъ и течетъ около восьмидесяти верстъ по землямъ Китая и Булдумзаса, имѣя среднюю ширину до шести сажень.

Арна начинается вблизи Мангыта и, оросивъ землю этого города и Порсу, оканчивается ниже послѣдняго озеромъ Порсу. Длина его около шестидесяти верстъ, а если считать съ отдѣляющимся отъ него влѣво арыкомъ Яны-яномъ — 85 верстъ, причемъ наибольшая ширина восемь сажень.

Сувамъ — каналъ, отдѣляющійся отъ Аму-дарьи уже послѣ раздѣленія ея на естественные рукава у Ходжейли, именно въ десяти верстахъ ниже начала рукава Лаудана, который питалъ Айбугирское озеро.

Ханскій каналъ принадлежитъ также къ системѣ водъ дельты Аму-дарьи, ибо отдѣляется отъ нея лишь въ пяти верстахъ выше Кунграда. Онъ имѣетъ всего двадцать верстъ длины и быстро расходится по мелкимъ арыкамъ. Особенность его — низменное положеніе береговъ, которыхъ уровень почти одинаковъ съ уровнемъ воды въ каналѣ.

Таковы главнѣйшіе изъ искусственныхъ рукавовъ Аму-дарьи, которые, хотя не доходятъ до моря, но, по многоводности своей и экономическому значенію для страны, заслуживаютъ особеннаго вниманія при военно-статистическомъ обзорѣнн края. Съ точки зрѣнія тактики, они представляютъ довольно важныя препятствія для движенія войскъ, ибо почти не имѣютъ мостовъ, а въ бродъ часто непроходимы совсѣмъ. Въ стратегическомъ же смыслѣ они еще важнѣе, ибо стоитъ только овладѣть ихъ истоками и запереть

воду, чтобы вынудить немедленную покорность всѣхъ городовъ и селеній, пользующихся изъ нихъ водою. Впрочемъ, площадь, орошаемая каналами и ихъ развѣтвленіями, вообще говоря, незначительна, ибо орошаемыя мѣста обыкновенно прилегаютъ къ самому каналу, и потому составляютъ лишь узкую полосу вдоль его; промежуточные же пространства между такими полосами суть степи, годныя только для кочевыхъ, но не для устройства осѣдлостей. Невозможно опредѣлить суммы всѣхъ производительныхъ площадей; но если взять въ расчетъ, что вся поверхность Хивинскаго оазиса или дельты Аму-дарьи, ниже Питняда, не превосходитъ 260 квадратныхъ миль, то на производительную поверхность приблизительно останется 115 или 120 квадратныхъ миль, такъ какъ болѣе половины края занято именно степями или, какъ увидимъ сейчасъ, болотами, неудобными къ обработкѣ.

Переходя къ обзору естественныхъ развѣтвленій Аму-дарьи, мы должны замѣтить, что обширная натуральная дельта ея начинается болѣе чѣмъ въ полтора ста верстахъ отъ устья и по общему очертанію представляетъ трапецію между Айбугиромъ, Аральскимъ моремъ до залива Туше-бась и истокомъ рукава Лаудана, у подножія горъ Бишъ-тюбе. Площадь этой трапеціи равна приблизительно 190 квадратнымъ милямъ и представляетъ такую низменность, что большая часть ея есть обширное болото, поросшее камышемъ, тростникомъ, осокою и проч. Среди болотистой низменности извиваются многочисленные рукава Аму-дарьи, нерѣдко измѣняющіе ложа свои, а еще чаще количество водъ. Рукава эти не всѣ изслѣдованы европейцами, и потому не могутъ быть описаны съ достаточной точностью; но вотъ сущность свѣдѣній о тѣхъ, которые нанесены уже на наши карты:

Лауданъ отдѣляется отъ главнаго русла Аму у крѣпости Бента, на половинѣ пути между Кипчакомъ и Ходжейли, тремя протоками, которые потомъ сливаются въ одинъ. Его длина, до ложа Айбугирскаго озера, достигаетъ ста верстъ, и еще не очень давно это былъ значительнѣйшій изъ всѣхъ побочных рукавовъ Окса, но теперь онъ много уменьшился въ объемѣ, потому что воды Аму-дарьи, естественно или искусственно, получили направленіе главнымъ образомъ въ восточные рукава. Въ 1848—58 годахъ Бутаковъ находилъ при устьѣ Лаудана въ Айбугирскій заливъ не болѣе полутора футовъ глубины, при очень слабомъ теченіи, и полагалъ, что рукавъ этотъ наполняется только отъ переливовъ воды чрезъ плотины. Теперь, въ нижней части, онъ совсѣмъ обезводнѣлъ,

какъ и самое Айбугирское озеро. Въ шестидесяти верстахъ отъ Вента отдѣляется отъ Лаудана влѣво рукавъ *Сакраукъ*, вѣроятно главное русло Окса въ то время, когда онъ впадалъ въ Каспійское море. Этотъ Сакраукъ запруженъ хивинцами въ двухъ мѣстахъ: у Куна-Ургенча и въ сорока верстахъ ниже его; но, несмотря на то, во время полноводья Аму-дарья нерѣдко наполняетъ его до Сарыкамншскаго озера, вмѣстѣ съ самимъ этимъ озеромъ, имѣющимъ поверхность болѣе ста квадратныхъ верстъ.

Кукъ-узакъ вытекаетъ изъ главнаго русла Окса противу Ходжейли и направляется на сѣверо-востокъ въ озеро Тамъшене-аиче (въ сосѣдствѣ съ Дау-карою) и оттуда въ заливъ Аральскаго моря, Тущebasу. Это одинъ изъ многоводнѣйшихъ рукавовъ Аму-дарьи, пройденный Бутаковымъ на 34 версты отъ устья съ довольно значительнымъ пароходомъ, но далѣе вверхъ представляющій мелководныя стремнины среди камней. Ширина осматрѣнной части, извѣстной подъ названіемъ *Ями-су*, отъ 40 до 70 сажень. Прибрежья его служатъ стойбищами для каракалпаковъ, которые тутъ имѣютъ хорошія пашни, искусственно орошенныя. Быть можетъ, часть воды вливается въ него съ запада изъ другого рукава Аму-дарьи; называемаго Ульхунъ-дарьей; но, съ другой стороны, весьма вѣроятно, что онъ самъ посылаетъ дань той же Ульхунъ-дарьѣ, которая, на половинѣ своего протяженія между Кунградомъ и моремъ, принимаетъ справа значительныя притоки.

Возможно также, что эти притоки идутъ изъ слѣдующаго затѣмъ рукава Аму-дарьи, изъ *Карабайлы*, который отдѣляется отъ главнаго русла ниже Кукъ-узакъ, верстахъ въ сорока, и также направляется частью своихъ водъ въ Дау-каръ, а частью въ озеро Агертынъ-кулю. Первоначальная ширина этого рукава въ 1840-хъ годахъ была всего пятнадцать сажень; но, по сдѣланному уже замѣчанію относительно увеличенія многоводности восточныхъ развѣтвленій Окса, могла съ того времени возрасти. По Бутакову, Карабайлы просто исчезаетъ въ разливахъ или лиманахъ, питающихъ впрочемъ Ульхунъ-дарью.

Чуманай — рукавъ, отдѣляющійся въ двухъ верстахъ ниже Карабайлы въ сторонѣ Айбугира, гдѣ пропадаетъ среди заросшихъ камышемъ болотъ. Туда же идутъ два слѣдующіе рукава, *Кіатъ-Ярианъ* и *Кукъ-Дарья*, отличающіеся отъ предъидущаго крутыми глинистыми берегами.

Талдикъ, притокъ залива того же имени, въ который онъ 15 лѣтъ назадъ впадалъ восемью устьями, изъ которыхъ два были способны въ

полную воду впускать морским суда, какъ доказалъ опытъ 1858 года. Рукавъ этотъ есть западная вѣтвь того большого раздвоенія, которое дѣлаетъ Оксъ у Кунграда, и имѣетъ пятьдесятъ сажень ширины. Берега его не высоки, но круты, ибо почва состоитъ изъ глинъ и ила, легко дающихъ, при подмываніи, яры. Впрочемъ, верстахъ въ пятнадцать отъ моря, вся окрестная страна становится совершенною низменностью, едва возвышающеюся надъ уровнемъ воды и потопляемою въ большіе разливы. Талдыкъ, по Бутакову, въ 1848—1849 годахъ имѣлъ при впаденіи въ море томе столь быстрое теченіе, что сбивалъ съ ногъ людей, а въ 1858 году воды его засорились, дно было вязко и глубина на барѣ не превосходила полутора футовъ.

Ульхунъ-дарья есть восточная вѣтвь кунградскаго раздвоенія и, какъ показываетъ самое названіе (ульхунъ, значить «большая»), составляетъ, во мнѣніи туземцевъ, настоящее продолженіе Окса. Ширина ея измѣняется отъ 50 до 100 сажень, а въ большую воду бываетъ отъ 120 до 150 сажень. По ней въ 1858 году Бутаковъ поднимался до Кунграда на пароходѣ «Перовскій» и вездѣ, кромѣ ближайшихъ окрестностей Кунграда, гдѣ было всего четыре фута, находилъ глубины отъ 8 до 18 футовъ. Впрочемъ, это было въ полную воду. На половинѣ пути отъ Кунграда къ морю, Ульхунъ-дарья отдѣляется еще вправо рукавъ, *Казанъ-дарья*, который, нужно думать, отчасти соединяется съ Кукъ-узакомъ, отчасти вливается непосредственно въ море чрезъ устье, называемое *Джамаколъ*.

Итакъ, принимая Ульхунъ-дарью за главное русло Окса, мы имѣемъ пять рукавовъ, отдѣляющихся отъ послѣдняго влѣво и три вправо, которые, развѣтвляясь въ свою очередь, даютъ въ суммѣ не менѣе пятнадцати устій открытых и глухихъ къ сторонѣ Аральскаго моря, Сары-камышъ, Айбугира и Даукары. Вся мѣстность этой естественной дельты, повторимъ, отличается низменностью, и если среди ея находятся небольшіе бугры, въ родѣ Кубатау, Мазымъ-суфи и Тюбя-тау, то эти бывшіе островки прежняго Аральскаго моря теперь сильно обмыты водою и обращаютъ на себя вниманіе только потому, что лежатъ въ совершенной равнинѣ.

IV. Аральское море.

Приведенные факты исчерпываютъ большую часть тѣхъ топографическихъ подробностей, которыя заслуживаютъ вниманія при военномъ обзорѣ Аральскаго пограничнаго пространства. Остается

перейти къ самому Аральскому морю. Море это, какъ уже было замѣчено, хотя и лежитъ среди всѣхъ описанныхъ частей суши, однако не служитъ связующимъ ихъ звеномъ. Причинъ тому нѣсколько, но главнѣйшая состоитъ въ совершенной пустынности его береговъ, такъ что на нихъ нѣтъ, и повидимому не можетъ быть, постоянного человѣческаго жилья. Затѣмъ слѣдуютъ: недостатокъ гаваней, трудность входа морскихъ судовъ въ устья Сыра и Амударьи, дороговизна устройства и содержанія этихъ судовъ въ далекомъ и пустынномъ бассейнѣ и, наконецъ, опасности плаванія отъ вѣтровъ и прибрежныхъ отмелей. Слѣдующія подробности послужать въ уясненію и развитію всѣхъ сказанныхъ положеній.

Уровень Аральскаго моря, по опредѣленію Загоскина, Анжу и Дюгамеля, на 36, а по Струве на 48 футовъ выше уровня океана, и на цѣлѣ 120 (132 фута) выше Каспійскаго моря. Поверхность его равна 1,207 квадратныхъ миль при наибольшей длинѣ отъ Сарычаганака до Ургу-муруна, въ 400 верстѣ и ширинѣ въ 240 верстѣ. Эти размѣры дѣлаютъ его однимъ изъ обширнѣйшихъ озеръ въ свѣтѣ, но не отнимаютъ озернаго характера, высказывающагося въ свойствахъ воды, отсутствіи приливовъ, непостоянствѣ вѣтровъ и бурливости. Наибольшая глубина моря достигаетъ 35 сажень, и это у западнаго скалистаго берега; въ срединѣ же площади она равна лишь 15 саженьямъ, а у восточнаго и южнаго береговъ постепенно переходитъ къ футамъ и дюймамъ, такъ что тутъ на многія версты можно уходить по морю въ бродъ и даже совсѣмъ остаться на сушѣ, если подуетъ довольно сильный вѣтеръ съ востока или съ юга. Судя по разсказамъ старыхъ киргизовъ, по показаніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, по обнаженію изъ воды мелей, обращающихся въ острова, по прибрежнымъ утесамъ, подмытымъ волнами на высотѣ, до которой теперешнія волны не достигаютъ, и по береговымъ насыпямъ галекъ и песка, должно думать, что Аральское Море постепенно мелѣетъ, т. е. высыхаетъ отъ перевѣса испаренія надъ притокомъ воды изъ рѣкъ и изъ атмосферы. Однако, несмотря на замкнутость и сильное испареніе, оно доселѣ сохранило воду значительно менѣе соленую, чѣмъ въ океанѣ, такъ что животныя, напримѣръ верблюды и лошади, ее пьютъ. Островъ Кугъ-аралъ отдѣляетъ въ немъ сѣверную часть, иногда называемую малымъ моремъ и состоящую изъ заливовъ *Сарычаганака*, *Перовскаго* и *Паскевича*. Здѣсь, именно въ заливѣ Перовскомъ, находится лучшая гавань сѣвернаго берега, *Чубаръ-торауэ*, гдѣ на морскомъ берегу есть нѣсколько прѣсной воды, хотя окрестность

пустыня и большею частью пещана. Въ большомъ морѣ, т. е. на югѣ отъ Кутъ-арала, можно замѣтить заливы *Туце-басъ*, *Кулз-суатъ*, *Сандазъ*, *Бикъ-тау*, *Туце-басъ*, *Иске-куръ-уюкъ* и наконецъ *Талдыкъ*. Но изъ нихъ только Туце-басъ годенъ для устройства гавани, имѣя достаточную глубину, закрытость и, главное, въ изобиліи прѣсную воду изъ впадающей въ него Джанъ-дарьи; остальные же мелки. Впрочемъ, кромѣ Туце-баса и названнаго выше Чубаръ-торауза, есть на Аралѣ пристань, довольно удобная для судовъ: это именно у юго-восточной стороны полуострова *Куландовъ*, въ сѣверной части моря; но она едва-ли когда будетъ имѣть значенія. То же можно сказать и про двѣ бухты, лежащія на островѣ *Николанъ*, одномъ изъ такъ называемыхъ *Царскихъ*, котораго пустынная природа не позволяетъ надѣяться, чтобы здѣсь когда-либо возникла людская осѣдлость. Относительно прочихъ острововъ той же группы, а равно про Варса-Кильмасъ и про множество мелкихъ острововъ вдоль юго-восточнаго берега, между Сыръ и Аму-дарьей *), можно лишь замѣтить, что они не только не обезпечиваютъ пристанища для судовъ и не облегчаютъ ихъ плаванія по Аралу, но, напротивъ, затрудняютъ плаваніе, представляя у береговъ отмели; и если два изъ нихъ, Косъ-аралъ и Ермолова, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, то не въ морскомъ, а въ промышленномъ смыслѣ, какъ пункты для устройства рыбнаго лова на сосѣднихъ водахъ, т. е. вблизи устьй Сыръ и Аму-дарьи. Распространенію господствующихъ въ Аральскомъ морѣ, и иногда начинающихъ дуть внезапно и съ большою силою, сѣверныхъ вѣтровъ они не могутъ препятствовать уже по самой низменности своей.

Еще недавно Аралъ соединялся на югѣ съ обширнымъ озеромъ или заливомъ, *Айбугиромъ*, который ограничивалъ дельту Аму-дарьи съ запада, и изображенъ на всѣхъ нашихъ картахъ по даннымъ 1858 г.; но въ послѣднее время оказалось, что озеро это совсѣмъ пересохло и даже мѣстами обращено въ воздѣланные поля. Если гдѣ и осталась въ немъ вода, то посреди ея камышъ образуетъ такъ называемыя *крити*, т. е. мѣста, гдѣ нѣтъ прохода ни сухопутно, ни въ лодкахъ, безъ особенныхъ усилій. Окрестности Айбугира уже описаны выше, и здѣсь остается лишь упомянуть, что въ средней его части, прилегающей съ запада

*) Существовавшій еще недавно противъ устья Аму-дарьи островъ Токмакъ-ата вѣкъ слился съ сушею и обратился въ полуостровъ.

чиняетъ нѣсколько отходить отъ берега и въ то же время становится отлогимъ и низкимъ. Но это лишь въ одной мѣстности между спусками Кара-Уибетъ и Каска-Джуль; далѣе къ югу, у Акъ-чеганака, онъ снова высокъ и крутъ.

Естественная производительность.

Такова поверхность Аральскаго пограничнаго пространства. Если мы теперь перейдемъ къ обзору его производительности, то прежде всего должны будемъ сказать, что она, вслѣдствіе крайней сухости климата, почти совершенно ничтожна. Исключеніе составляетъ Хивинскій оазисъ и могутъ составить нѣкоторые изъ прибрежій Яксарта. Все же остальное пространство съ давняго времени есть почти голая степь и такую, вѣроятно, останется навсегда, ибо на увеличеніе влажности воздуха въ Средней Азій нѣтъ надежды. Его производительность въ общемъ итогѣ, т. е. на всей поверхности 12,000 квадратныхъ миль, можно приравнять производительности 110—120 кв. миль въ южной части Европейской Россіи и, быть можетъ, не болѣе 25—30 квадратныхъ миль въ Индіи. Впрочемъ, и тутъ есть своего рода послѣдовательность. Наиболѣе безотрадная почти ничего не производящая степи суть Эмбенская, по лѣвому берегу р. Эмбы, Усть-Уртъ и потомъ равнины по обѣимъ сторонамъ Сыръ-дарьи, отъ Ирғиза до Окса, тамъ, гдѣ почва ихъ солонцовая. Единственную и притомъ крайне рѣдкую растительность въ этихъ мѣстахъ составляютъ колючка, полынь, лебеда, дровяникъ, верблюжья трава и нѣсколько видовъ солянки. Пески на сѣверѣ и востокѣ отъ Аральскаго моря имѣютъ уже менѣе печальную, хотя бѣдную видами флору, ибо на нихъ попадаетъ саксаулъ, особенно вдоль Сыръ-дарьи, гдѣ впрочемъ сильно истребленъ на топливо, кара-джузгунъ, острецъ и колючая трава. Тамъ, гдѣ песчаная, иловатая или глинистая, но не солонцовая степь подходитъ къ русламъ рѣкъ или ихъ рукавовъ, тамъ обыкновенно появляются камыши, которые, какъ уже упомянуто, въ изобиліи растутъ по низовьямъ Аму-дарьи, по Караузяку на Сырѣ, по низовьямъ Урала и Эмбы. Камыши же покрываютъ взморья по сѣверному берегу Каспійскаго и по юго-восточному Аральскаго морей, а также почти сплошь Айбугирь и нѣкоторые другія озера. Они играютъ важную роль въ экономіи степей, ибо среди ихъ обыкновенно бываютъ зимнія стоянки киргизовъ; лѣтомъ они служатъ пристанищемъ кабановъ и

тигровъ, а, главное, безчисленнаго множества насѣкомыхъ, которыя дѣлаютъ пребываніе тутъ человѣка и стада невозможнымъ. На южномъ Уралѣ, съ удаленіемъ отъ дельты его къ сѣверу, камыши смѣняются въ долинѣ рѣки кустарникомъ и частью большими деревьями, главнѣйше ивнякомъ, осокорью, топодемъ, рѣже черемхой, боярышникомъ, шиповникомъ и т. п. Въ общемъ итогѣ, относительно степей можно замѣтить, а) что въ нихъ вовсе нѣтъ строевого лѣса; б) что единственное хорошее древесное топливо есть саксаулъ, встрѣчающійся далеко не вездѣ, такъ что, напримѣръ на низовья Эмбы, въ укрѣпленіе Масше нужно привозить топливо изъ Оренбурга и на одну перевозку затрачивать по 1,500 рублей ежегодно; в) что растительнымъ топливомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ служить еще камышъ, который однако даетъ мало жару и долженъ быть притомъ употребленъ съ расчетомъ, ибо служить кочевникамъ для корма скота и для защиты отъ степныхъ бурь; г) что обычное въ степяхъ топливо, сухой скотскій пометъ, во многихъ мѣстностяхъ описанныхъ степей вовсе не находится, такъ какъ онѣ для пастищъ скота негодны; д) что травянымъ кормомъ всѣ эти степи чрезвычайно бѣдны, не исключая даже мѣстъ, ближайшихъ къ рѣкамъ и озерамъ, и наконецъ е) что рѣдкія дашни находятся исключительно вблизи Сыръ и Аму-дарьи и притомъ въ мѣстностяхъ орошенныхъ искусственно, ибо естественное увлажненіе почвы, дождями, почти не имѣетъ мѣста.

Дельта Аму-дарьи, или Хивинскій оазисъ, представляетъ счастливое исключеніе изъ всего Аральскаго пограничнаго пространства. Можно сказать, что это есть среднеазиатскій Египетъ, подобно ему обильный плодородіемъ разливамъ большой рѣки и труду человѣка. Растительность его совершенно культурная. Не составляютъ древесныя породы: абрикосовыя, персиковыя, гранатовыя, фисташковыя и тутовыя деревья, сливы, яблони, айва, виноградъ, джидъ, вязъ и тополь; травянистыя: пшеница, рисъ, просо, джугара, ячмень, горохъ, чечевица, ленъ, конопля, хлопчатникъ, марена, кунжутъ, табакъ, лукъ, морковь, тыква, арбузы и дыни. Вся эта растительность поддерживается съ большимъ трудолюбіемъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ превосходные плоды или обильную жатву. Такъ, арбузы и дыни хивинскіе славятся во всей Средней Азии. Урожай полевыхъ растений бываютъ: джугары и проса самъ 300, риса самъ 35, чечевицы самъ 20—30, пшеницы самъ 12—14, гороху нѣсколько менѣе. Хлопчатникъ даетъ съ танана ($\frac{2}{5}$ десятины) отъ 25 до 30 пудовъ чистой хлопчатой бумаги, впрочемъ хуже бухарской; табакъ—

25 пудовъ, виноградная лоза до 70 пудовъ изюму или кишмишу, любимого среднеазиатскаго лакомства. Впрочемъ, урожанъ находится въ тѣсной зависимости отъ разливовъ Аму-дарья, которые иногда бываютъ недостаточны для орошенія всѣхъ полей, а иногда, напротивъ, затопляютъ слишкомъ низкія мѣста и дѣлаютъ ихъ негодными для посѣвовъ. Все искусство хивинскаго земледѣльца и садовода въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть регулировать притокъ водъ и направлять его во-время на поля. Разливы же случаются три раза въ году. Первый обыкновенно въ февралѣ — незначительный, второй въ іюнѣ и іюлѣ — самый большой, соответствующій таянію снѣговъ на верховьяхъ Аму-дарьи, и третій въ концѣ августа или въ началѣ сентября отъ дождей въ Памирскомъ нагорьѣ. Второй разливъ есть самый важный для Хивы: съ нимъ соотносятся въ большей части полевыхъ работъ; третій имѣетъ значеніе для посѣвовъ пшеницы. Уборка всѣхъ урожаевъ обыкновенно оканчивается въ половинѣ осени, ибо въ ноябрѣ уже начинаются морозы, которые въ концѣ мѣсяца скосываютъ Аму-дарью до февраля слѣдующаго года. Зима въ Хивѣ малоснѣжная, почва остается почти обнаженною, и потому растенія, которыхъ корни боятся морозовъ, не выдерживаютъ здѣшняго климата, какъ и тѣ, которыя, съ другой стороны, нуждаются во влажномъ, умѣренномъ лѣтѣ.

Фауна при-альпійскихъ равнинъ совершенно та же, что при-каспійскихъ и при-балхашскихъ, т. е. гораздо бѣднѣе и видами, и особями, чѣмъ сосѣднія нагорныя части Средней Азіи. Изъ четвероногихъ животныхъ мы встрѣчаемъ здѣсь въ дикомъ видѣ только тигровъ, степныхъ кошекъ, лисицъ, шакаловъ, волковъ, дикихъ козъ, кулановъ, дикихъ ословъ и зайцевъ, а прирученными лошадьми, коровами, овецъ, ословъ и верблюдовъ — всѣхъ въ количествѣ несравненно меньшемъ, чѣмъ въ гористой части Турана. Лошади здѣшнія раздѣляются на три породы: обыкновенную киргизскую, малорослую и притомъ малосильную отъ безжорницы, туркменскую и смѣшанную. Туркменскіе кони, или аргамаки, составляютъ роскошь мѣстныхъ богачей, а помѣсь отъ нихъ и отъ киргизскихъ кобылъ суть лучшіе походные кони по своей крѣпости. Овцы не только въ степяхъ, но и въ Хивинскомъ оазисѣ малочисленны, и притомъ не представляютъ породъ замѣчательныхъ ни по красотѣ шерсти, какъ въ сосѣднихъ бухарскихъ владѣніяхъ, ни по обилію сала, какъ въ степяхъ болѣе сѣверныхъ, сибирскихъ и оренбургскихъ. Рогатый скотъ также мелокъ и плохъ, да и держится не въ большомъ числѣ, главнымъ образомъ для полевыхъ

работъ каракалпаками и другими туземцами, а русскими на Сыръ-дарьѣ въ самомъ ограниченномъ количествѣ, для молока и для мяса. Причиной бѣдности скотоводства служитъ крайняя скудость травъ. Самые верблюды, столь невзыскательные на пищу, въ при-аральскихъ степяхъ сравнительно малочисленны, кромѣ, впрочемъ, побережья Сыра. Порода ихъ здѣсь одnogорбая и довольно сильная, такъ что грузъ отъ 16 до 18 пудовъ на каждого есть нормальный.

Ни птицы, ни гады въ при-аральскихъ степяхъ не заслуживаютъ особеннаго вниманія, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ пользы или вреда человѣку. Изъ домашнихъ птицъ у туземцевъ Хивы есть почти одни куры, у русскихъ, кромѣ того, гуси и утки; изъ дикихъ предметовъ охоты служатъ утки же, фазаны, рябки, драхвы и т. п., для поимки которыхъ богатые среднеазіатцы иногда держутъ беркутовъ. Ящерицы и змѣи очень многочисленны въ степяхъ, особенно глинистыхъ, но всѣ онѣ мелкихъ породъ и, за исключеніемъ двухъ трехъ видовъ (*Boa tatarica*, *Vipera berus*), не опасны для человѣка. Также и черепахи, встрѣчаемыя въ Хивинскомъ ханствѣ, не служатъ предметомъ ни промысла, ни преслѣдованія. Напротивъ, рыбы Аральскаго моря и двухъ рѣкъ, въ него впадающихъ, имѣютъ немаловажное значеніе для мѣстнаго населенія, особенно для русскихъ и для каракалпаконъ по низовьямъ Аму-дарьи, да и для самыхъ хивинцевъ. Рыбы эти суть: шипы, стерляди, сазаны, язи, въ Эмбѣ даже по временамъ осетры, заходящіе сюда въ полноводье изъ Каспійскаго моря. Не говоря объ уральскомъ рыболовствѣ, котораго производители не принадлежатъ къ составу населенія описываемаго пространства, замѣтимъ, что и на аральскихъ водахъ рыбная ловля довольно обширна и могла бы быть еще значительнѣе, если бы за дѣло это взялись люди зажиточные, при помощи хорошихъ рыболовныхъ артелей. Что касается до мелкой рыбы, щукъ, лещей, облы, язей, окуней, головлей, то онѣ водятся почти во всѣхъ водахъ степи, несмотря на то, что эти воды часто, какъ напримѣръ въ рѣкѣ Иргизѣ, солоноватыя. Но заготовленіе рыбы въ прокъ мало развито въ цѣломъ краѣ и вывозъ ея вдалѣ отъ мѣстъ улова весьма незначителенъ. Раки, очень многочисленные въ низовьяхъ Аму-дарьи, также остаются исключительно для мѣстнаго потребленія.

Сухія части степей, особенно глинистыхъ, обильны фалангами, скорпионами и тарантулами; долины рѣкъ и озеръ, поросшія камышами, содержатъ въ себѣ огромное число насѣкомыхъ, преимуще-

ственно комаровъ и слѣпней. Саранча и кобылка нерѣдко появляются въ большомъ количествѣ и быстро уничтожаютъ посѣвы и зелень. Шелковичный червь, разводимый въ южныхъ частяхъ Хивинскаго ханства, дѣятельностью своею далеко не вознаграждаетъ вреда, причиняемаго другими насѣкомыми.

Минеральныя богатства всего при-аральскаго пограничнаго пространства совершенно ничтожны. Каменнаго угля, столь необходимаго для замѣны недостающаго дровяного топлива, доселѣ не найдено, и для пароходовъ аральской флотиліи приходилось доставлять донской антрацитъ, по цѣнѣ до 2 руб. с. пудъ, пока наконецъ не отыскали угля въ гористыхъ частяхъ Сыръ-дарьинской области, на правомъ берегу Сыра. Рудъ никакихъ неизвѣстно ни въ степи, ни въ Хивинскомъ оазисѣ, хотя горы Шейкъ-джали, быть можетъ, содержатъ ихъ. Доселѣ въ горахъ этихъ найденъ только мраморовидный известнякъ, но онъ мало употребляется въ дѣло, хотя могъ бы давать по крайней мѣрѣ известку, въ которой встрѣчается недостатокъ по городамъ и селеніямъ на Яксартѣ и Оксѣ.

Такая бѣдность во всемъ, что нужно для жизни, есть отличительная черта при-аральскихъ равнинъ. Она-то, главнымъ образомъ, имѣлась въ виду при опредѣленіи границъ страны, подлежащей описанію; ибо степи, на сѣверъ отъ разсмотрѣнныхъ, какъ ни пустыни, все же гораздо богаче ихъ и могутъ быть принимаемы за нѣчто отъ нихъ-постороннее. Ихъ взаимное отношеніе ближе всего опредѣлить словами: «театръ дѣйствій» и «базисъ», причемъ отличительнымъ свойствомъ перваго будетъ необходимость заготовить все нужное для войскъ на второмъ и потомъ возить при себѣ въ обовѣ. При такихъ качествахъ при-аральскаго театра войны, повятно, получаютъ особенную важность тѣ пути, по которымъ, волею-неволею, приходится двигать войска, а потому мы и остановимся на вопросѣ объ этихъ путяхъ.

Способъ сообщеній.

Сообщенія различныхъ частей края между собою и съ соседними частями Средней Азіи поддерживаются: обычною у кочевниковъ верховою ѣздою по всѣмъ направленіямъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ при распространеніи любознательныхъ новостей, киргизы дѣлаютъ по 120 и болѣе верстъ въ день; вьючными транспортами или караванами пѣть верблюдовъ и частію

изъ ословъ во всѣхъ степяхъ, со скоростью отъ 25 до 40 верстъ въ день, и также по всевозможнымъ направленіямъ, среди которыхъ, однако, обозначились нѣкоторые болѣе торные пути, особенно при спускахъ съ Усть-Урта на низменность; упряжной ѣздой, на колесахъ, по почтовому тракту изъ Оренбурга въ Ташкентъ и частию по хивинскимъ владѣніямъ, и наконецъ судоплаваніемъ по Сыръ и Аму-дарѣ и по Аральскому морю, причемъ въ русскихъ владѣніяхъ для этого служатъ пароходы и баржи, а въ хивинскихъ плоскодонныя лодки.

Сухопутныя караванныя и телѣжныя дороги заслуживаютъ вниманія прежде другихъ, такъ какъ по нимъ совершается торговое движеніе между Хивою и Европейскою Россіей и по нимъ же, конечно, въ случаѣ необходимости, могутъ быть направлены войска. Но какъ степи, въ строгомъ смыслѣ, проходимы повсюду, кромѣ мѣстъ покрытыхъ соляными грязями и подъемовъ на чинкѣ, то подъ именемъ дорогъ въ настоящемъ описаніи будутъ разумѣться одни направленія отъ урочища къ урочищу, а не опредѣленныя полосы земли или дорожное полотно. Въ степи движенія большихъ транспортовъ и дѣлаются не иначе, какъ въ нѣсколько рядовъ, идущихъ по одному направленію, и это-то направленіе есть караванная *дорога*. Буквальный же смыслъ послѣдняго слова примѣнимъ лишь къ путямъ, проходящимъ по дефиле, но ихъ на аральскомъ пограничномъ пространствѣ встрѣчается очень немного. *Направленія*, заслуживающія особеннаго вниманія въ военномъ отношеніи, суть слѣдующія:

1) *Отъ станицы Сарайчиковой*, т. е. съ нижняго Урала, въ *Хиву*, болѣе 1,000 верстъ. Это самый древній изъ всѣхъ извѣстныхъ русскимъ путей въ Хиву, путь, по которому шли не только Вековичъ-Черкасскій въ 1717 году, но еще атаманъ Нечай въ XVII вѣкѣ. Онъ направляется отъ Сарайчикова на низовья Сагиза (около 100 верстъ), оттуда на нижнюю Эмбу и на чинкѣ у мыса Мынъ-су-алмазъ, потомъ діагонально по Усть-Урту къ урочищу Кушъ-булакъ, сѣвернѣе Варса-кильмаса, гдѣ раздвояется. Одна вѣтвь ведетъ восточнѣе Варса-кильмаса къ мысу Ургу-муруну на берегу Аральскаго моря и оттуда въ Кунградъ; другое направленіе западнѣе Варса-кильмаса къ бывшему заливу Акъ-Чеганакъ и оттуда черезъ Куна-Ургенчъ въ Хиву. Послѣднее направленіе прослѣжено въ 1841 году Никифоровымъ, при возвращеніи его изъ Хивы; сѣверная же половина сарайчиковской дороги была, кромѣ того, осматрѣна въ 1826 году полковникомъ Бергомъ, ко-

торый тутъ потерялъ болѣе 1,000 лошадей, и притомъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о пути не могъ дать, потому что прошелъ его въ зимнее время, когда степь представляла однообразную снѣжную равнину. Нынѣ мы знаемъ, что эта дорога весьма неудобна по безводью на Усть-Уртѣ, безплодью его и при-эмбенской степи, а наконецъ по обилію грязей на низовьяхъ Сагиза. Караваны по ней давно не ходятъ, да и вообще движенія мало. На ней-то, или даже въ сторонѣ отъ нея, возникло въ 1871 году Нижне-Эмбенское укрѣпленіе, всего въ 190 верстахъ отъ Сарайчиковой и не менѣе какъ въ 650 верстахъ отъ хивинскихъ предѣловъ. Отъ Оренбурга, чрезъ укрѣпленіе Уильское, Нижнюю Эмбу и подъемъ Мынъ-су-алмазъ до Хивы не менѣе 1,450 верстъ, изъ которыхъ только на первыхъ 250 верстахъ есть сносные кормы, вода и топливо.

2) Изъ Оренбурга въ Хиву черезъ верхнюю Эмбу. Дорога эта идетъ сначала вверхъ по Уралу и Бердянѣ, потомъ переходитъ въ долину Илека, по которой и тянется до укрѣпленія Акъ-Тюбинскаго, въ 220 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь она обильна водой и кормами, что продолжается еще верстъ на 80, до перевала изъ бассейна Илека на рѣку Темиръ, притокъ Эмбы. Но со вступленіемъ въ при-эмбенскую степь обстоятельства измѣняются, особенно же послѣ перехода черезъ Эмбу, на 452 версты отъ Оренбурга, у бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія, построеннаго въ 1839 году для облегченія хивинскаго похода. Отсюда подробные маршруты безпрестанно показываютъ: «корму очень мало», «воды въ колодцахъ немного», «корму нѣтъ вовсе» и т. д. Подъемъ на Усть-Уртѣ и самое приближеніе къ Аральскому морю не улучшаютъ свойствъ пути, дѣлающагося очень труднымъ для значительныхъ каравановъ, которые поэтому иногда слѣдуютъ гораздо западнѣе, именно черезъ пески Самъ, для чего и поворачиваютъ отъ рѣки Темира на юго-западъ и вступаютъ на Усть-Уртѣ по оврагу Тше-айрыкъ. Дорога же прямо на югъ отъ бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія идетъ или вдоль оврага Асю-Тасты, или еще восточнѣе, по широкому подъему Джитау. Отъ урочища Аиты-канды, въ 832 верстахъ отъ Оренбурга, дорога вступаетъ на гребень чинка, сосѣдняго Аральскому морю; здѣсь обыкновенно водоносы лежатъ на обрывѣ чинка и скотъ для поила сгоняется внизъ. Такъ путешественники достигаютъ до Айбугира (1,064 версты) и отсюда слѣдуютъ либо черезъ Кунградъ, либо чрезъ Куня-Ургенчъ, т. е. поперекъ или въ обходъ Айбугирскаго озера. По

последнему направленію, болѣе короткому, отъ Хивы до Оренбурга 1,395 верстъ.

3) *Отъ Орскѣ до Казанска*, черезъ Карабутахъ и Иргизъ, по почтовой дорогѣ, 739 верстъ. Дорога эта бѣднѣе кормами, чѣмъ лежащія болѣе къ западу, но представляетъ кратчайшее разстояніе между русскими осѣдлостями на Уралѣ и Сыръ-дарьѣ. Притомъ она проходитъ чрезъ два укрѣпленія, которыя до известной степени могутъ служить этапами для войскъ, если не для транспортовъ; послѣдніе не найдутъ тутъ запасовъ корма скоту. Къ сожалѣнію, въ предѣлахъ Тургайской области, почтовый трактъ этотъ доселѣ не имѣетъ порядочныхъ станцій, съ навѣсами, гдѣ бы можно было укрываться отъ мятелей и отогреваться зимою. Въ южной же части, т. е. въ предѣлахъ Туркестанскаго края, станціи устроены порядочно, и отъ того путешествіе здѣсь не такъ утомительно, несмотря на то, что дорога все время идетъ по пескамъ Каракумъ.

4) Дороги *отъ Казанска въ Хиу*, по восточную сторону Аральскаго моря, служатъ какъ бы продолженіемъ предыдущей и проходятъ болѣею частью песками. Ихъ нѣсколько; лучше другихъ известны пути Муравина въ 1741 году, Никифорова въ 1841 и Мейера въ 1861 году. Всѣ они представляютъ то важное преимущество передъ дорогами по западной сторонѣ Арала, что по нимъ отъ нашихъ осѣдлостей до Хивы разстоянія на нѣсколько сотъ верстъ меньше, и кромѣ того кормъ, вода и топливо есть почти повсюду, хотя и въ столь малыхъ количествахъ, что движеніе большихъ отрядовъ, даже эшелонами, весьма неудобно. Ближайшія къ морю дороги суть Копъ-джолъ и Кизекъ-джолъ, известные впрочемъ лишь по картѣ Мейера; затѣмъ слѣдуетъ путь Муравина, чрезъ Жанкентъ, Китай и Гурленъ до Хивы—723 версты, и наконецъ путь Никифорова, ведущій къ Хивѣ черезъ Кипчакъ и имѣющій длины до 770 верстъ. Трудность прохода въ Хивинскій оазисъ по всѣмъ этимъ путямъ заставила въ послѣдніе годы обратить вниманіе на дорогу вдоль Яны-дарьи. Эта дорога

5) *отъ Перовска чрезъ Иркибай* изслѣдована при неоднократныхъ движеніяхъ нашихъ отрядовъ въ 1868 — 1870 годахъ, но оказалась не лучше всѣхъ предыдущихъ. Конечно, она обезпечиваетъ для идущихъ по ней воду изъ Джани-дарьи; но какъ неудобно слѣдить за всѣми изгибами послѣдней и берега ея нерѣдко совершенно бесплодны, то даже въ части отъ Перовска до озера Кутка-тенгисъ путь этотъ мало пригоденъ для большихъ отря-

довъ и каравановъ. Далѣе же отъ Кучка-тенгиса въ Дау-каръ путь совершается степной и притомъ мало изслѣдованный. Приблизительно отъ Перовска до Хивы, черезъ Иркибай и Дау-Кару, 750 верстъ.

6) Всѣ дороги въ *Хивинскій оазисъ* отъ *среднихъ частей Сыръ-дарьи*, между Перовскомъ и Ходжентомъ, изображенныя напр. на рукописной распросной картѣ г. Терентьева, представляются крайне неудобными для движенія каравановъ и войскъ, по скудости воды и кормовъ. Сами киргизы кочуютъ здѣсь только малыми и рѣдкими аулами. Вслѣдствіе этого, въ 1871 году была сдѣлана попытка пройти чрезъ Кызылъ-кумы отъ Джизака на западъ и сѣверо-западъ. Этотъ путь также оказался бесплоднымъ; но какъ онъ кратчайшій для войскъ Туркестанскаго края, то и пройденъ большимъ отрядомъ 1873 г., впрочемъ съ потерей $\frac{2}{3}$ верблюдовъ. Наиболее же удобная дорога въ Хиву ведетъ черезъ Бухару и Каракуль въ Чарджую и Ходжа-испе на Аму-дарьѣ, и потомъ по этой рѣкѣ; но очевидно, что этотъ путь недоступный для насъ, пока признается политическая независимость Бухарскаго ханства. Притомъ и здѣсь нужно имѣть въ виду, что изъ 800-верстнаго разстоянія отъ Самарканда до Хивы около 500 приходится на степи, да еще занятія турменами, т. е. самыми беспокойными въ Средней Азіи хищниками.

Таковы сухопутныя сообщенія южныхъ окраинъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній съ Хивою. Рассмотрѣніе ихъ несомнѣнно доказываетъ, что ничтожное само по себѣ Хивинское ханство могло почти безнаказанно вредить намъ высылкою и поддержкою хищниковъ въ наши предѣлы, захватомъ въ плѣнъ людей, грабежомъ каравановъ и проч., что оно и дѣлало съ давняго времени. Эта труднодоступность Хивы, какъ уже было замѣчено, составляла ея дѣйствительную силу. Чтобы не бороться съ ней понапрасну, при самомъ утвержденіи нашемъ на Сыръ-дарьѣ въ 1847 — 1853 годахъ, было предложено воспользоваться Аральскимъ моремъ для устройства водяныхъ сообщеній, которыя гораздо удобнѣе сухопутныхъ и могутъ, при нуждѣ, въ самый короткій срокъ дать возможность сдѣлать высадку нашихъ войскъ въ дельтѣ Аму-дарьи. Это, до известной степени, и возможно; но слѣдующіе факты показываютъ, что водяной путь также имѣетъ свои недостатки.

Сѣверный берегъ Аральскаго моря, какъ уже сказано, совершенно пустыненъ; слѣдовательно, онъ никакъ не можетъ служить базой для нашихъ дѣйствій. За исключеніемъ Чубарь-горауза онъ

не имѣть даже ни одной гавани, гдѣ бы можно было собрать войска, запасы и перевозочную флотилію. Поэтому нужно принять за базу для дѣйствій съ моря рѣку Сыръ-дарью, точнѣе городъ Казалинскъ, лежащій на низовьяхъ ея, въ 740 верстахъ отъ береговъ Урала и въ 920 верстахъ отъ Ташкента, двухъ мѣстностей, гдѣ собственно могутъ дѣлаться нужныя заготовки. Предполагая даже, что возможныя тутъ затрудненія отъ перевозки тяжестей, топлива для пароходовъ и пр. преодолены, остается еще побороть важныя препятствія, поставляемыя природою: бары или мели въ устьяхъ Сыръ и Аму-дарьи. Для такого дѣла требуется много мелкихъ, частію плоскодонныхъ, судовъ, которыхъ заготовленіе не легко *) и которыя, однако, негодны въ открытомъ морѣ. Затѣмъ, когда высадка на южный берегъ Аральскаго моря сдѣлана, является новая надобность въ сухопутныхъ перевозочныхъ средствахъ, лошадяхъ и верблюдахъ, безъ которыхъ нельзя идти внутрь страны. Стоитъ только мѣстнымъ жителямъ отогнать скотъ отъ морскихъ береговъ, и для экспедиціи возникнетъ не мало заботъ. Предполагать же высадку прямо внутри страны, напримѣръ у Кунграда, куда достигали наши суда въ 1859 г., не всегда можно уже потому, что такая высадка удобна лишь въ половодье, съ превращеніемъ котораго водяное сообщеніе отряда съ базой можетъ прекратиться совсѣмъ. И однако морской путь и дорога черезъ Бухару и Ходжакисе суть лучшія направленія для военныхъ предпріятій противъ Хивы. Последняя, т. е. бухарская дорога представляетъ еще ту выгоду, что одно занятіе среднихъ частей Аму совершенно уединяетъ Хиву и лишаетъ ее подвоза нужныхъ военныхъ средствъ съ верховій этой рѣки.

Населеніе.

При предположеніи военныхъ дѣйствій съ Хивой и при оцѣнкѣ ведущихъ въ нее путей, главнымъ образомъ съ стратегической точки зрѣнія, естественно возникаетъ вопросъ: почему эта точка зрѣнія есть важнѣйшая и даже какъ бы единственная, заслуживающая вниманія? Отчего, напримѣръ, невозможно *мирное* вліяніе на

*) За недостаткомъ лѣса на Сыръ-дарьѣ, всѣ деревянныя вещи доставляются туда издалека, нерѣдко на вьюкахъ; всѣ желѣзныя исключительно на вьюкахъ изъ Оренбурга, съ платомъ за пудъ владѣ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 70 к.

Хиву, посредствомъ установленія большихъ торговыхъ сношеній съ нею, что успокоило бы наши при-аральскія окраины столь же хорошо, какъ и самое завоеваніе ханства, избавивъ, въ то же время, отъ трудностей и издержекъ войны и военного занятія края? Отвѣтомъ на послѣдній изъ этихъ вопросовъ можетъ служить тотъ фактъ, что Хива есть страна варварская, съ которою всякое миролюбивое сближеніе доселѣ не удавалось, и что притомъ она экономически неразвита, даже бѣдна, такъ что большихъ торговыхъ связей съ нею установить нельзя. Что же касается до перваго вопроса, т. е. до политической необходимости нашихъ столкновеній съ Хивою, то рѣшеніе его *) съ совершенною ясностью вытекаетъ изъ слѣдующаго разбора состава, быта и политическихъ отношеній мѣстнаго населенія на всемъ при-аральскомъ пограничномъ пространствѣ.

1) Господствующее, по числу и по обширности занятыхъ земель, племя есть *киргизы*. Они кочуютъ на западѣ, сѣверѣ и востокѣ отъ Аральскаго моря и иногда подходятъ къ южнымъ его частямъ. Но далеко не всѣ киргизы держатся постоянно въ предѣлахъ описываемаго пространства, а, напротивъ, уходятъ изъ него каждое лѣто, преимущественно на сѣверъ, въ предѣлы оренбургскихъ степей, отчасти же на востокъ, въ Каратаускія горы. На Сирь-дарьѣ и ея рукавахъ въ это время остаются лишь очень немногіе бѣдняки, *синичи*, для обработки полей; пески же Кизылъ-кумъ и Кара-кумъ, при-амбенская степь и Усть-Урть почти совершенно пустыютъ, такъ какъ отъ солнца трава выгораетъ на нихъ еще въ маѣ, колодцы становятся очень бѣдны водою, а вблизи озеръ и рѣкъ пребываніе дѣлается мучительнымъ отъ множества насѣкомыхъ.

Киргизы при-аральскаго пространства вообще бѣднѣе прочихъ своихъ одноплеменниковъ, и потому больше ихъ склонны къ хищничеству. Сосѣдство Хивы, которая имѣетъ естественный расчетъ поддерживать въ нихъ эту склонность, дѣлаетъ ихъ еще болѣе безпокойными, а слабость русской колонизаціи въ край не позволяетъ надѣяться на скорое окончательное успокоеніе кочевниковъ.

Въ политическомъ отношеніи, масса киргизскаго населенія распадается на три части: подданныхъ Россіи, Бухары и Хивы. Огромное большинство, конечно, принадлежитъ къ первой категоріи; но еще не малое число остается и за среднеазиатскими ханствами. Точнаго указанія, какіе именно приграничныя роды и подроды подчинены какому государству, сдѣлать нельзя, какъ нельзя обозначить и

*) Нынѣ, т. е. въ іюнѣ 1873 г., уже состоявшееся въ самой категорической формѣ.

границъ самихъ государствъ; а потому остается перечислить, по крайней мѣрѣ, тѣ роды и волости, которые официально признаются нашими подданными и вносятъ кибиточную подать въ нашу казну. Киргизы эти принадлежатъ къ Мангышлакскому пристаству, уѣздамъ Гурьевскому, Эмбенскому, Иргизскому, Казалинскому, Перовскому, Туркестанскому, Чемкентскому и Ходжентскому.

Киргизы *Мангышлакского пристаства*, по преимуществу адаевцы, состоятъ въ вѣдѣніи проживающаго въ фортѣ Александровскомъ пристава изъ русскихъ офицеровъ и намба изъ мусульманскихъ уроженцевъ Кавказа, съ тремя помощниками. Такимъ образомъ, эта часть степного населенія у насъ одна изъята изъ-подъ дѣйствія общаго степного положенія, въ силу котораго киргизы раздѣляются на волости и сами избираютъ своихъ старшинъ, аульныхъ и волостныхъ, подвѣдомственныхъ прямо русскимъ чиновникамъ. Составъ участковъ, управляемыхъ помощниками намба, слѣдующій:

Первый участокъ: отдѣленія Баинбетово, Джимилеево, Джавдиево и Туркменъ - Адаево; подъ-отдѣленія Бали, Теней и Джаманъ-Адай.

Второй: отдѣленіе Тобушево, подъ-отдѣленія Аль-Мамбетъ, Бегей и Чегемъ, родъ Бершовъ.

Третій — верхне-адаевцы отдѣленій Кыркъ-Малтукѡва, Ахпанова, Великѣева, Купанъ-Урусова и Туркменъ-Адаева (Байбулъ).

Число киргизовъ, подвѣдомственныхъ мангышлакскому началству, простирается до 7,203 кибитокъ *), т. е. до 36,000 душъ; но еще въ 1869 году оно превышало 9,000 кибитокъ или 45,000 душъ. Разница произошла отъ перехода нѣкоторыхъ волостей въ хивинскіе предѣлы вслѣдъ за возстаніемъ, которое было слѣдствіемъ недостаточно осторожнаго введенія у адаевцевъ степного положенія. До самаго послѣдняго времени мангышлакскіе киргизы, особенно кочующіе на Усть-Уртѣ, сохранили много связей съ Хивой, и потому по временамъ принимали участіе въ мелкихъ хищничествахъ къ сторонѣ орско-казалинскаго тракта, вызывая тѣмъ съ нашей стороны высылку отрядовъ къ сѣверной окраинѣ Усть-Урта и въ пески Барсуки. Съ 1869 года, впрочемъ, они, наравнѣ съ другими степными, платятъ по 3 р. 50 к. съ юрты, и притомъ безъ недоимокъ. До половины лѣта 1872 года не было слышно и о ихъ шалостяхъ,

*) Въ 1871—72 годахъ было даже меньше, потому что часть адаевцевъ уходила въ хивинскіе предѣлы.

но потомъ, подстрекаемые Хивой, они позволяли себѣ нѣкоторые безпорядки.

Киргизы *оренбургскаго вѣдомства*, т. е. уѣздовъ Гурьевскаго, Эмбенскаго и Иргизскаго, принадлежать всѣ къ такъ называемой *Малой Ордѣ*, именно къ родамъ Адаевскому, Дюртеаринскому, Кятинскому, Табынскому, Тазларскому, Таминскому, Телякову, Унжаевскому, Черкесскому, Чимлинскому, Чумбейскому и Чумичли Табынскому. Всѣ они, числомъ до 200,000, организованы въ волости и управляются на основаніи степного положенія 1869 года. Но пребываніе ихъ въ описываемомъ пространствѣ очень непостоянно, и можно даже сказать, что для большинства ихъ оно служитъ лишь переходнымъ во время осеннихъ и весеннихъ перекочевокъ. Киргизы, напримѣръ Иргизскаго уѣзда, больше привязаны къ берегамъ Тобола и Сыръ-дарьи, чѣмъ къ территоріи этого уѣзда. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что у оренбургскихъ киргизовъ есть два главныхъ направленія для перекочевокъ: въ Уральской области каждую весну отъ береговъ Каспійскаго моря внутрь страны, т. е. на сѣверо-востокъ, а въ Тургайской отъ Сыръ-дарьи на Тоболь, т. е. прямо на сѣверъ. Осенью движеніе идетъ въ обратномъ направленіи, и зимою камыши по берегамъ Каспійскаго и Аральскаго морей, по Сыру и по нѣкоторымъ озерамъ бывають наполнены юртами. Оренбургскіе киргизы, особенно на описываемомъ пространствѣ, вообще менѣе освоились съ русской гражданственностью, чѣмъ, напримѣръ, сибирскіе и даже туркестанскіе (семиръченскіе), а потому поддержаніе между ними порядка требуетъ еще нѣкотораго участія военной силы, въ видѣ наблюдательныхъ отрядовъ. Впрочемъ, въ последнее время это должно разумѣть почти исключительно про номадовъ Уральской области. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы оренбургскія начальства издавна не держались ложной системы, вмѣсто водворенія въ степи русскихъ колоній держать тамъ подвижные военные отряды, которые относились къ киргизамъ слишкомъ по-казачьи, то всякая забота объ «умиротвореніи» кочевниковъ была бы теперь совершенно излишнею.

Киргизы *сыръ-дарьинскіе* еще очень недавно находятся въ русскомъ подданствѣ, но уже во многомъ успѣли освоиться съ порядками, введенными нами. Этому, конечно, много способствовала ихъ давнишняя близость къ осѣдлостямъ по Сыръ-дарьѣ и еще болѣе собственная привычка къ земледѣлію, безъ котораго они не могутъ жить. Конечно, воздѣлываніе полей, ихъ орошеніе, уборка хлѣба и прочее лежитъ на одномъ бѣднѣйшемъ классѣ народа,

египтянцах; но таково экономическое и даже физиологическое значение земледѣлія, что сырѣ-дарьинскіе киргизы теперь гораздо способнѣе къ дальнѣйшему развитію, чѣмъ сосѣдніе оренбургскіе. Пашни по Сыру, Куванѣ-дарѣ и Яны-дарѣ расширяются съ каждымъ годомъ, и если отказаться отъ судоходства по Яксарту, то, безъ сомнѣнія, дельта его скоро обратится въ такой же большой плодородный оазисъ, какъ дельта Аму-дарьи. Киргизы здѣсь знакомы даже съ водоподъемными машинами, которые бываютъ особенно нужны въ тѣхъ случаяхъ, когда почва полей лежитъ выше уровня самыхъ большихъ рѣчныхъ водъ, потребныхъ для орошенія. Въ двухъ только уѣздахъ, Перовскомъ и Казалинскомъ, ими засеяно было въ 1870 году болѣе 7,500 четвертей разнаго хлѣба, что далѣе до 75,000 четвертей урожая, а быть можетъ и больше. Въ связи съ успѣхами земледѣлія находится и развитіе скотоводства, которое особенно обширно въ уѣздахъ Перовскомъ и Казалинскомъ, гдѣ, вѣроятно, найдется до 100,000 верблюдовъ, до 200,000 лошадей и до 2,000,000 овецъ *). Киргизы, кочующіе въ предѣлахъ этихъ двухъ уѣздовъ, а равно и за-дарьинскихъ частей, Туркестанскаго и Чимкентскаго, всѣ почти организованы въ волости, числомъ 25; но эта организація еще не приведена въ окончательный видъ, такъ какъ въ отдаленныхъ частяхъ Кызылъ-кумовъ еще есть аулы, не внесенные въ списки. Общую цифру киргизскихъ киргизовъ можно опредѣлить въ 260,000 душъ, не считая населенія праваго берега Сыра въ Туркестанскомъ и Чимкентскомъ уѣздахъ. Но значительная часть этого населенія уключивается лѣтомъ на сѣверъ, въ оренбургскія степи. Большое число скота и въ частности верблюдовъ даетъ этимъ киргизамъ возможность заниматься перевозкой и чужихъ тяжестей, т. е. товаровъ, въ Троицкъ и Оренбургъ, а потому они имѣютъ немаловажныя заработки, изъ которыхъ и уплачиваютъ казенныя подати.

Сводя теперь изложенныя свѣдѣнія о русскихъ киргизахъ приаральской окранны, мы видимъ, что число ихъ простирается до 496,000 душъ; разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ 16,000 квадратныхъ миль, что даетъ едва по 31 человѣку на квадратную милю, и то не во всякое время года. Такая рѣдкость, такая раз-

*) Данныя о скотоводствѣ вообще разнорѣчны и не только въ различныхъ издавіяхъ, напр. въ Статистическомъ Временникѣ и въ Туркестанскомъ Ежегодникѣ, но даже на страницахъ одного и того же изданія, какъ напримѣръ Туркестанскаго Ежегодника.

бросанность населенія, при пустынности страны, дѣлаетъ очень труднымъ наблюденіе за киргизами и вызываетъ, вопреки экономическимъ расчетамъ, содержаніе войскъ тамъ, гдѣ собственно отъ вѣшняго непріятеля край вполне безопасенъ.

О киргизахъ бухарскихъ и хивинскихъ сколько-нибудь опредѣлительныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется, хотя, конечно, мы знаемъ, что они ведутъ тотъ же образъ жизни, что и наши. По словамъ Килевейна, въ 1858 году, въ подданствѣ Хивы считалось до 10,000 душъ, кочевавшихъ главнымъ образомъ у озера Дау-кари. Но есть еще киргизы, подданные Хивы, и на западѣ отъ Аральскаго моря.

2) Къ киргизамъ, по происхожденію и образу жизни, примыкаютъ *каракалпакы*, которые кочуютъ по сѣверной части Хивинскаго ханства, вблизи Аральскаго моря, озера Дау-кари и городовъ Кунграда, Ходжейли и Кичака. Число ихъ, по Данилевскому, простиралось въ 1843 г. до 8,000 кибитокъ, т. е. 40,000 душъ, но Вамбери въ 1863 до 10,000 кибитокъ = 50,000 душъ, а по Килевейну въ 1859 г. только до 15,000 душъ. Весьма вѣроятно, что послѣдняя цифра ближе всѣхъ къ истинѣ, потому что часть каракалпачковъ ушла изъ Хивы въ Бухару. Люди заняты столько же скотоводствомъ, сколько скотоводствомъ и рыболовствомъ; платятъ зазѣтъ Хивѣ и обязаны ей же военною службою; раздѣляются на нѣсколько отдѣленій, управляемыхъ каждое особымъ начальникомъ, подъ вѣдѣніемъ хивинскаго кушъ-беги. Составляя остатокъ болѣе многочисленнаго народа, который въ XVII вѣкѣ игралъ немаловажную роль въ туранскихъ степяхъ, они въ настоящее время являются самыми загнанными изъ всѣхъ среднеазіатскихъ номадовъ, и потому не любятъ хивинцевъ, своихъ притѣснителей. Неоднократно они бунтовались; одинъ изъ такихъ бунтовъ былъ въ 1860 году.

3) Болѣе значительную, и даже по временамъ очень важную, роль въ Хивѣ играютъ *туркмены*. Эти номады держатся по степямъ, прилегающимъ къ Хивинскому оазису съ юга, а отчасти и среди самаго оазиса, въ степныхъ полосахъ между каналами. По свидѣтельству Вамбери, позднѣйшему изъ всѣхъ извѣстныхъ, хивинскіе туркмены принадлежатъ къ двумъ главнымъ родамъ: Юмудовъ и Чоудоровъ. Первые живутъ на пространствѣ отъ Куни-Ургенча до Казавата, вторые западнѣе перваго города, по Сограуку и на Усть-Уртѣ. Данилевскій въ свое время упоминалъ еще о родахъ Ерсари, Кара-дашлы и Гокленъ, какъ имѣвшихъ своихъ представителей въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса; но Вамбери го-

ворить, что Гокленовъ очень мало, а о двухъ другихъ родахъ не упоминаетъ совсѣмъ, вѣроятно потому, что они кочуютъ болѣе въ предѣлахъ Бухарскаго ханства. Впрочемъ, всѣхъ вообще туркменовъ можно считать до известной степени связанными съ Хивой, потому что они сбываютъ туда произведенія своего скотоводства и предметы, награбленные въ Персін, и запасаются тамъ хлѣбомъ. Изъ нихъ же ханъ, главнѣйше, составляетъ свои ополченія.

Взявъ въ расчетъ только тѣхъ туркменовъ, которые живутъ около самаго Хивинскаго оазиса и которыхъ число, разумѣется, достигаетъ лишь немногихъ тысячъ, мы получимъ, что все кочевое населеніе описываемаго пространства достигаетъ, максимумъ, 550,000 душъ.

4) Переходя отъ кочевого населенія къ осѣдлому и начиная опять съ сѣвера, мы должны прежде всего сказать о *русскихъ*, которые живутъ на Масше, Эмбенскомъ постѣ, въ Иргизѣ, Казалинскѣ, Усть-Караузяѣ, Перовскѣ и Джулекѣ; на ряду съ ними можно еще поставить Тургай, Карабутахъ, Акъ-Тюбинское и Унльское укрѣпленія въ глубинѣ оренбургской стѣны, близъ описываемой окраины, хотя сѣвернѣе ея. Всѣ названные здѣсь одиннадцать пунктовъ суть стѣнные укрѣпленія, служащія опорой нашей власти въ степи и потому населенны преимущественно военными; но два изъ нихъ, именно Казалинскъ и Перовскъ, имѣютъ, кромѣ того, нѣкоторое промышленное значеніе. Общее число русскихъ во всѣхъ одиннадцати пунктахъ не превосходитъ 12,000 душъ; изъ нихъ около половины сосредоточены въ Перовскѣ и Казалинскѣ. Ихъ занятіе — служба, отчасти торговля и гораздо менѣе земледѣліе, которое они предоставляютъ туземцамъ, киргизамъ и сартамъ. Причиной послѣдняго явленія служить, съ одной стороны, малая склонность къ промыслу, занимающему собой подчиненныя расы, а съ другой недостаточная опытность въ воздѣлываніи полей при помощи орошенія, и наконецъ, едва-ли не главное, отсутствіе права повсемельной собственности, такъ какъ, напримѣръ, въ Перовскѣ ни одинъ еще русскій доселѣ не могъ *de jure* сдѣлаться *владѣльцемъ* хотя бы клочка земли: онъ только пользуется ею подъ огородами, сады и строенія. Оба главные русскіе населенныя пункта лежатъ на Сыръ-дарьѣ, у праваго ея берега, и притомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, ибо, по неизменности мѣстъ постройки, пришлось отдѣлить ихъ отъ рѣчного русла плотинами. Различіе Перовска отъ Казалинска состоитъ въ томъ, что первый есть центръ земледѣльческаго округа, а второй — торговая станція. Въ

первомъ преобладающее русское населеніе составляютъ служащіе и отставные чины военно-сухопутнаго вѣдомства; во второмъ значительная часть жителей суть моряки, такъ какъ здѣсь находится портъ аральской флотиліи; и казаки, выселенные съ оренбургской линіи. Черезъ Перовскъ караваны направляются изъ-за Сыръ-дарьи въ Троицкъ, черезъ Казалинскъ въ Оренбургъ. Нѣкоторая часть товаровъ при этомъ остается въ обоихъ городахъ и служить для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, холсты, азійскія бумажныя и шелковыя издѣлія и фрукты покупаются у бухарскихъ купцовъ, а металлическія издѣлія, сукна, кожи, сахаръ, чай, свѣчи и множество разныхъ произведеній нашихъ мануфактуръ — у русскихъ. Независимо отъ бухарскихъ каравановъ, чрезъ оба города проходятъ еще и ташкентскіе, которые съ каждымъ годомъ берутъ перевѣсъ надъ первыми, доставляя изъ Кокана, Ташкента, Ходжента и Самарканда въ Оренбургъ хлопковъ, шелкъ и другія среднеазійскія произведенія, а обратно въ Ташкентъ везутъ множество русскихъ товаровъ и разные военныя тяжести. Такъ какъ таможенной линіи съ нашей стороны на всей этой окраинѣ нѣтъ, то нельзя привести даже приблизительныхъ цифръ для выраженія производящейся здѣсь торговли; но она не маловажна и имѣетъ самое благодѣтельное вліяніе на судьбу сырдарьинскаго края, не только снабжая его всѣмъ нужнымъ, но еще разливая нѣкоторый достатокъ среди мѣстнаго населенія, занимающагося перевозкой. Собственныхъ капиталистовъ, конечно, ни Казалинскъ, ни Перовскъ, а тѣмъ болѣе другія степныя укрѣпленія, не имѣютъ; однако нѣсколько прикащиковъ большихъ купеческихъ фирмъ живутъ въ двухъ первыхъ городкахъ и занимаются оборотами по закупкѣ скота, кожъ, хлѣба и по продажѣ русскихъ товаровъ. Впрочемъ, главнѣе, по числу, купцы здѣсь ташкентскіе сарты, поселившіеся со времени занятія Сыръ-дарьинской области русскими, какъ бы для доказательства, на сколько русская власть возбуждаетъ уваженія и довѣрія въ Средней Азій. Городъ Тургай, или бывшее Оренбургское укрѣпленіе, представляетъ также не-большое движеніе, но, къ сожалѣнію, лежитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ караванной дороги изъ Перовска въ Троицкъ, почему и возникшее тутъ селеніе казаковъ не отличается цвѣтущимъ состояніемъ. О поселеніяхъ Акъ-Тюбинскомъ и Уильскомъ мы не имѣемъ свѣдѣній; что же касается до Иргиза, Карабутака, Эмбенскаго поста и Нижне-Эмбенскаго укрѣпленія, то все это осѣлости весьма незначительныя, не имѣющія никакой будущности. Нижне Эмбен-

ское укрѣпленіе, напริมѣръ, не имѣетъ даже воды, за которою надобно ѣздить четыре версты, и гарнизонъ болѣетъ цынгой. За то оно, а еще болѣе Карабутахъ, занимаетъ командующія высоты, штурма которыхъ, впрочемъ, ожидать весьма трудно.

Вообще нужно замѣтить, что вопросъ о русской колонизаціи, столь удовлетворительно разрѣшенный въ сибирскихъ степяхъ, поставленъ неудачно въ оренбургскихъ, и потому здѣсь базой для нашихъ дѣйствій за рѣкою Ураломъ доселѣ служатъ оренбургско-уральская казачья линія, а не передовыя поселенія, которыя сами страдаютъ недостаткомъ всего нужнаго. Между тѣмъ, многія мѣстности по Тургаю, Ори и Хобдѣ могли бы послужить къ основанію цвѣтущихъ деревень или станицъ, которыя приблизили бы коренную Россію къ вновь занятымъ ею частямъ Средней Азіи на цѣли двѣсти верстъ, и притомъ гораздо лучше всевозможныхъ укрѣпленій содѣйствовали бы окончательному умиротворенію киргизовъ, сосредоточивая ихъ вещественные и нравственные интересы въ лежащихъ среди ихъ русскихъ осѣдлостяхъ. Что же касается до колонизаціи собственно при-аральскаго пограничнаго пространства, то, за исключеніемъ береговъ Сыръ-дарьи, она невозможна. И если бы, въ крайнемъ случаѣ, потребовалось основать русскую осѣдлость, напрімѣръ, у Аральскаго моря, то для этого нельзя указать другого пункта, какъ Чубарь-Тораузъ, гдѣ, впрочемъ, жители должны будутъ довольствоваться всѣмъ привознымъ и даже воду получать скорѣе изъ перегоночныхъ кубовъ, какъ англичане на островѣ Перимѣ, чѣмъ изъ мѣстныхъ ключей, весьма необильныхъ. На Усть-Уртѣ если когда нибудь можетъ возникнуть русскій населенный пунктъ, то лишь въ пескахъ Самъ; но его положеніе будетъ еще хуже, чѣмъ осѣдлости на Чубарь-Тораузѣ.

5) Въ предѣлахъ Хивинскаго ханства господствующее осѣдлое населеніе составляютъ *узбеки*, народъ тюркской расы, одноплеменный съ обитателями не только сосѣднихъ Бухары и Кокана, но даже отдаленныхъ Кашгара, Яркенда и Хами *). По свидѣтельству Вамбери, племя это раздѣляется на тридцать два колѣна, и хотя всѣ колѣна перемѣшаны между собою на всемъ пространствѣ занятой узбеками территоріи, тѣмъ не менѣе названія ихъ имѣютъ

*) По Вамбери. У Данилевскаго господствующимъ племенемъ названъ сарты, т. е. таджики, что неверно. Ошибка, вѣроятно, произошла отъ того, что русскій путешественникъ, незнавшій мѣстныхъ языковъ, каждого торговца, со словъ киргизовъ, называлъ сартомъ.

весьма определенное значеніе, такъ что нерѣдко коканскій узбекъ признаетъ себя принадлежащимъ къ тому колену, котораго главная масса живетъ въ Хивѣ, и обратно. Собственно хивинскіе узбеки гордятся чистотою своею національности, противопоставляя себя кашгарцамъ и даже бухарцамъ. Впрочемъ, съ перваго взгляда въ хивинскомъ узбекѣ видна примѣсь иранскихъ элементовъ. Такъ, онъ имѣетъ густую бороду, которая формою своею вовсе не похожа на бороды прочихъ туранцевъ, хотя общій очеркъ лица не оставляетъ сомнѣнія въ туранскомъ происхожденіи націи. Вамбери говоритъ, что даже по характеру хивинскій узбекъ лучше своихъ соплеменниковъ. Онъ честенъ и откровененъ; у него дикая, простая натура окружающихъ его номадовъ, безъ утонченнаго лукавства восточной цивилизаціи. Хивинскіе узбеки не столь сильныя фанатики ислама, какъ бухарскіе... Но этому похвальному свидѣтельству венгерскаго путешественника можно противопоставить множество несогласныхъ съ нимъ фактовъ и свидѣтельствъ русскихъ и даже англичанъ, посѣщавшихъ Хиву. Подозрительность, лживость и звѣрская жестокость хивинцевъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. Аличность ихъ едва-ли уступаетъ аличности сосѣднихъ туркименовъ, такъ что, напримѣръ, Данилевскій былъ доводимъ ихъ притязаніями до сильнаго нервнаго раздраженія. Да и самъ Вамбери описываетъ сцены, доказывающія крайнюю жестокость сердца хивинскихъ узбековъ. Притомъ, одна торговля людьми, захватъ въ плѣнъ чужеземцевъ и жестокое обращеніе съ ними уже свидѣлствуютъ о варварскомъ состояніи народа. Вотъ почему всѣ сосѣди не любятъ Хивы, и не только Россія и Персія, но въ свое время Бухара и даже каракалпаки и туркимены имѣли не разъ вооруженныя столкновенія съ хивинцами.

Вслѣдствіе кореннаго противорѣчія двухъ главныхъ авторитетовъ о Хивѣ, Данилевскаго и Вамбери, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, хотя приблизительно, численность узбековъ Хивинскаго ханства. Но уже самъ Данилевскій, называвшій ихъ второстепеннымъ классомъ населенія, полагалъ, что ихъ есть до 18,000 семействъ, т. е. 90,000 душъ, причемъ указывалъ, что они главнѣйше сосредоточены въ Хивѣ, Гурленѣ, Хазаръ-аспѣ, Мангытѣ и Кыпчакѣ съ окрестностями. Если къ нимъ причислить еще араль-узбековъ на низовьяхъ Аму-дарьи и у Аральскаго моря, гдѣ они занимаются скотоводствомъ и рыболовствомъ, то все число узбекской національности будетъ, конечно, не менѣе 100,000 душъ. Но и эта цифра окажется меньше истинной, если взять въ соображе-

ніе, что большинство хивинских таджиковъ или *сартовъ* не безъ основанія причисляется Вамбери также къ узбекамъ, такъ какъ они говорятъ турецкимъ языкомъ и ведутъ одинаковую съ коренными узбеками жизнь. Принявъ и ихъ въ составъ обще-хивинской народности и держась цифры Данилевскаго (20,000 семей), мы получимъ, что все число узбековъ или, правильнѣе, *хивитцевъ* будетъ 200,000 душъ, а Килевейнъ говоритъ даже о 400,000, неизвѣстно, впрочемъ, на какомъ основаніи.

Какъ узбеки собственно, такъ и сарты суть земледѣльцы, ремесленники и торговцы; но въ послѣднемъ отношеніи таджикосарты берутъ верхъ надъ коренными узбеками. За то послѣдніе, какъ завоеватели края, хранятъ за собою одно важное преимущество: давать странъ хановъ и визирей, которые могутъ быть только изъ родовыхъ узбековъ. О военныхъ качествахъ всего хивинскаго народа можно сказать вообще, безъ различія турецкаго или персидскаго происхожденія, что люди эти храбры до запальчивости при первомъ натискѣ и удачѣ, но быстро теряютъ отвагу при первомъ твердомъ отпорѣ и становятся обыкновенными средне-азиатскими трусами, не подчиняемыми дисциплинѣ во время отступленія, которое тотчасъ обращается въ бѣгство. Выносливость ихъ въ походахъ также не довольно извѣстна, ибо немалое уже время они не ходятъ сами въ набѣги и на другія военныя предпріятія, предпочитая посылать для этихъ цѣлей въ сосѣднія государства киргизовъ и туркменовъ. Низость душевная, воспитанная многолѣтнимъ деспотизмомъ и высказавшаяся, напримѣръ, въ измѣнническомъ умерщвленіи отряда Бековича-Червасскаго и во множествѣ другихъ подобныхъ примѣровъ, не оставляетъ сомнѣній, что хивинцы воины, будь они даже хорошо вооружены, всегда будутъ самою презрѣнною сволочью.

6) Послѣднюю народность, осѣдло-живущую на описываемомъ пространствѣ, составляютъ *персіане*. Это суть плѣнные, захваченные туркменами и проданные въ Хиву, или потомки плѣнныхъ. Масса ихъ находится въ состояніи рабства *) и живетъ при земляхъ своихъ владѣльцевъ, занимаясь обработываніемъ почвы и домашними послугами; нѣкоторые же успѣли выкупиться, живутъ на отведенныхъ имъ земляхъ и платятъ хану налоги, безъ

*) По вѣстиямъ русскими Хивы ханъ издалъ указъ, отменяющій рабство на вѣчныя времена; но конечно эта вѣщность соответствуетъ лишь времени пребыванія нашихъ войскъ въ ханствѣ, развѣ если всѣ рабы будутъ немедленно выведены изъ него, что отчасти и дѣлается.

права возвращаться на родину. Про рабовъ Данилевскій говорить, что ихъ положеніе самое тягостное, а Вамбери, напротивъ, что «въ матеріальномъ отношеніи имъ въ Хивѣ недурно», ничего, впрочемъ, не упоминая о нравственномъ. Довольно сказать, что за малѣйшую попытку бѣжать ихъ подрѣзываютъ сухожилія на ногахъ или обрѣзываютъ уши и т. п. Рабовъ въ Хивѣ называютъ *доима*, а потомковъ ихъ *ханеадами*. Клеймо рабства изглаживается только въ третьемъ поколѣніи, и тогда персіане начинаютъ ничѣмъ почти не отличаться отъ природныхъ хивинцевъ, называемыхъ сартами. Число всѣхъ персіанъ въ Хивинскомъ ханствѣ Данилевскій въ свое время полагалъ 15,000 семействъ (?), т. е. около 50,000 душъ (большинство, конечно, холостыхъ), а Вамбери до 40,000; изъ нихъ треть, по Данилевскому, жила уже на свободѣ. На сколько послѣдніе привязаны къ новому своему отечеству, нельзя съ достовѣрностію сказать; но что рабы ненавидятъ хивинцевъ, это разумѣется само собою.

Оставляя безъ вниманія другія, случайныя и весьма малочисленныя, народности, въ родѣ евреевъ, аравитянъ и ямшидовъ, о которыхъ упоминають путешественники въ Хиву, мы можемъ сказать, что все осѣдлое населеніе описываемаго пространства простирается до 252,000 душъ, а съ номадами общій итогъ числа жителей будетъ 750,000 душъ, изъ которыхъ въ подданствѣ Россіи до 508,000, подъ властію Хивы 242,000, почти исключительно мусульманъ-сунитовъ, которые по этому самому могутъ тяготѣть къ Хивѣ, не говоря уже о родственныхъ и экономическихъ связяхъ съ нею.

Впрочемъ и Хива не представляетъ однороднаго и прочнаго политическаго цѣлаго: каракалпаки, туркмены и персіане образуютъ въ ней элементы враждебные господствующему большинству узбековъ и таджиковъ, а потому для искуснаго политика пригодныя къ обращенію въ оружіе противъ самой Хивы. Къ сторонѣ Россіи это условіе являютъ каракалпаки.

Географическое распредѣленіе населенія, подвластнаго Россіи, указано выше, причемъ описаны и важнѣйшія изъ перечисленныхъ осѣдлостей. Въ описаніи земли оренбургскихъ киргизовъ Мейсера, на большой картѣ кочевокъ тѣхъ же киргизовъ, составленной въ 1871 году въ Оренбургѣ, и въ «Туркестанскомъ Ежегодникѣ» 1872 года можно найти самыя мелкія подробности относительно этого русскаго или, собственно, киргизскаго населенія. Но какъ номады не заслуживаютъ того, чтобы при военномъ обзорѣ страны перечислять всѣ ихъ кочевья, то здѣсь мы ограничимся лишь даль-

нѣвшими подробностями о мѣстахъ жительства *осмѣлаю* населенія, на этотъ разъ уже хивинскаго, а не русскаго. Это хивинское населеніе сосредоточено въ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ и въ очень мелкихъ деревняхъ. Число первыхъ, отличающихся тѣмъ, что обнесены стѣнами, различные путешественники опредѣляютъ не одинаково: Вамбери, напримѣръ, 32, а Данилевскій 25, не считая, впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ городовъ по правую сторону Аму-дарьи. Самыя названія городовъ не всегда сходятся у обоихъ названныхъ сейчасъ писателей, такъ что у Данилевскаго, несмотря на меньшій итогъ, есть мѣстности (Шорсу, Вулдумсаъ, Багаты), которыхъ нѣтъ у Вамбери, списокъ же послѣдняго заключаетъ въ себѣ не менѣе одиннадцати именъ, не находящихся у Данилевскаго даже въ числѣ деревень. И если съ этими двумя списками сопоставить весьма обстоятельную вѣдомость Ханыкова, то замѣшательство будетъ еще болѣе большимъ. Держась Вамбери, какъ авторитета наиболѣе близкаго къ современности и обнимающаго все Хивинское ханство, т. е. и правый берегъ Аму-дарьи, мы получаемъ слѣдующую вѣдомость хивинскихъ городовъ:

По *твоей* сторону Аму-дарьи:

Амбаръ, на каналѣ Шахъ-абатъ, въ 47 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Хивы; населенъ сартами и персіянами.

Акъ-Дербентъ-Джамли, въ семи ташахъ (35 верстахъ) отъ Хивы, неизвѣстно въ какомъ направленіи.

Бентъ, крѣпостца на лѣвомъ берегу Аму, въ 25 верстахъ отъ Кипчака, при началѣ Сокраука и Лаудака.

Гурленъ, въ 43-хъ верстахъ на сѣверъ отъ Хивы, на канавѣ Гурленъ, рукавѣ Клычъ-Ніазбая; стѣнами не обнесенъ. Жители — узбеки и сарты; городскому начальству подвѣдомственны еще восемь деревень.

Джаматый, въ 35 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Хивы, на рукавѣ канала Шахъ-абатъ, ничтожный городокъ съ населеніемъ изъ узбековъ.

Ильямъ, въ 84 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Хивы, на каналѣ Шахъ-абатъ, съ ханскимъ домомъ и садомъ, но безъ укрѣпленій.

Казаватъ, въ 23 верстахъ съ сѣверо-сѣверо-запада отъ Хивы, на каналѣ того же имени; жители — сарты и туркмены.

Кипчакъ, въ 96 верстахъ на сѣверо-сѣверо-западъ отъ Хивы, у самой Аму-дарьи; жители — узбеки; городской стѣны нѣтъ.

Китай, въ 66 верстахъ отъ Хивы, ханскій дворъ и небольшое число узбекскихъ домовъ, необнесенныхъ стѣною.

Кіатъ-Кутрадъ, между Гурленомъ и Новымъ Ургенчемъ, окруженъ стѣнами, длиною около версты, но почти развалившимися.

Кикчагъ, неизвѣстно гдѣ.

Кичъ-Ніазбай, довольно значительное мѣстечко, населенное сартами и узбеками, находится въ 72 верстахъ отъ Хивы, на каналѣ своего имени.

Канлы, неизвѣстно гдѣ.

Козъ Кунуръ, въ 18 верстахъ отъ Хивы, на каналѣ Казавать, обнесенъ стѣнами по 150 сажень въ боку.

Кутрадъ, на самой Аму-дарьѣ, при раздѣленіи рѣки на два рукава, на лѣвомъ ея берегу; обнесенъ стѣною около четырехъ верстъ длиною, мѣстами даже двойною. Жители, до 4,000, — узбеки. Городу подвѣдомственны четыре деревни.

Манитъ, въ 81 верстѣ отъ Хивы, населенъ узбеками и частью сартами. (Въ маѣ 1873 сожженъ русскими).

Новый-Ургенчъ, въ 31 верстѣ отъ Хивы, одинъ изъ значительныхъ городовъ ханства, съ глиняною стѣною въ 225 сажень по длинѣ и 200 сажень по ширинѣ; население, до 2,000 душъ, состоятъ главнѣйше изъ сартовъ. Подвѣдомственны восемь деревень.

Нохамъ, между Ханеп и Хазаръ-аспомъ.

Питнякъ, на крайнемъ юго-востоку ханства или по крайней мѣрѣ осѣдой части его, на каналѣ того же имени, въ трехъ верстахъ отъ Аму-дарьи; маленькое мѣстечко.

Порсу, ханскій домъ и садъ; мѣсто убійенія Бековича.

Ташаусъ, въ 61 верстѣ отъ Хивы, на каналѣ Шахъ-абатъ; имѣетъ укрѣпленіе изъ глиняныхъ стѣнъ по 300 сажень въ боку, съ тремя воротами. Но жителей въ городѣ мало, а разселены они болѣе по окрестностямъ.

Хазаръ-аспъ, укрѣпленный городъ на одномъ изъ рукавовъ канала Полванъ-ата, со значительнымъ числомъ лавокъ; населенъ узбеками и сартами.

Ханки, укрѣпленіе по 100 сажень въ боку, съ нѣсколькими десятками лавокъ.

Ходжейли, городъ не укрѣпленный, населенный аралъ-узбеками; въ немъ до 150 лавокъ.

Шахъ-абатъ, въ 33 верстахъ отъ Хивы, у канала того же имени; обнесенъ четырехугольною стѣною по 200 сажень въ боку; имѣетъ ханскій домъ съ садомъ, но мало домовъ частныхъ.

Хива, главный городъ ханства, расположенный между канавъ Ингрикъ и Чарджели, вытекающихъ изъ Полванъ-ата. По свидѣтельству Данилевскаго и по плану Зеленина, она имѣетъ двѣ стѣны: около внутренняго города, длиною до 1,040 сажень, и около наружнаго, длиною 3,100 сажень, что удостовѣряетъ, что городъ довольно великъ. Планъ показываетъ еще, что общая фигура внѣшней ограды напоминаетъ грушу, обращенную черешкомъ на западъ, а внутренній городъ, или кремль имѣетъ видъ прямоугольника, у котораго восточная и западная стороны длиною по 300 сажень, а сѣверная и южная по 200. Во внутреннемъ городѣ живетъ самъ ханъ, котораго дворцы находятся у западныхъ воротъ. Вамбери перечисляетъ пять кварталовъ въ этомъ кремлѣ и десять въ наружномъ городѣ. Ворота во внутреннемъ городѣ трос, на западъ, на сѣверъ и востокъ, а во внѣшней оградѣ, которая имѣетъ высоту 10 футовъ, девять, изъ которыхъ самыя сѣверныя суть ургенчскія, восточныя — хазараспскія и т. д. Внутренній городъ застроенъ сплошь; во внѣшнемъ есть много садовъ и даже полей, особенно на западъ и на юго-востокъ, гдѣ есть и прудъ. Близъ восточныхъ воротъ во внѣшнемъ городѣ лежитъ базарная площадь и при ней мѣсто казней. Вблизи города, за стѣною, разбросаны, среди изрѣзанныхъ арыками полей, многочисленные сады съ загородными домами жителей. Изъ этихъ дачъ можно замѣтить ханскіе сады: Чарджели на западъ, Гильденганъ и Ингрикъ на востокъ, и садъ Юсуфъ-бека на сѣверъ отъ города. Такъ какъ наружная стѣна имѣетъ шесть верстъ длины, то очевидно, что Хива значительный городъ, въ которомъ можно предположить, согласно съ Вамбери, отъ 3 до 4,000 домовъ, хотя Данилевскій и говорить, что все число жителей обонхъ половъ не превышаетъ 4,000 душъ. Въ Хивѣ есть большой базаръ, съ караванъ-сераемъ для торговли товарами, и малый — для продажи людей, безъ чего ханство доселѣ не могло существовать, ибо всѣ поля обрабатывались купленными рабами. 17 мечетей, 22 медресе и 260 лавокъ даютъ понятіе о составѣ городского населенія и его занятіяхъ. Многія медресе, т. е. училища, обезпечены хорошими доходами, такъ что главные преподаватели въ нихъ, ахунны, получаютъ до 5,000 батмановъ пшеницы и 150 тысячъ денегъ въ годъ на жалованье. Ученики, по обычаю мусульманскихъ школъ, также не остаются безъ довольствія хлѣбомъ и деньгами.

Ургенчъ-Старый или Куня-Ургенчъ, небольшой городокъ на

Ханскомъ каналѣ, бливъ стараго русла Аму-дарьи и развалинъ прежняго города того же имени; лежитъ нѣсколько особнякомъ отъ прочихъ городовъ ханства, но большого значенія не имѣетъ: въ немъ есть не болѣе 35 домовъ и 75 лавокъ для торговли съ окрестными номадами.

Джанъ-кала есть небольшая крѣпостца, вновь возведенная живинцами у бывшаго пролива между Аральскимъ моремъ и Ай-бугиромъ и весною 1873 оставленная.

На *правомъ* берегу Аму-дарьи Вамбери перечисляютъ города: *Чимбай, Тенн-Янъ, Нукъ* и *Рахметъ-Бердибекъ* — все, повидимому, незначительныя мѣстечки, какъ крѣпостца *Курманча*, которой не встрѣчаемъ ни у венгерскаго путешественника, ни на русскихъ картахъ, хотя о нахожденіи ея среди каракалпакскихъ кочевковъ свидѣтельствуеъ Бутаковъ. Важнѣе другихъ осѣдлостей на правой сѣбронѣ Окса есть Шураханъ, съ 3,000 жит. Общее число деревень ханства у Данилевскаго простирается до 60; но вѣроятно это не всѣ, потому что въ рукописи Ханыкова и въ книгѣ Вамбери можно найдти еще нѣсколько десятковъ именъ, которыя принадлежать селеніямъ, существующимъ если не въ полномъ числѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти *).

Управленіе.

Познакомясь съ составомъ и распредѣленіемъ населенія приаральской окраины, перейдемъ къ главнѣйшимъ подробностямъ политическаго его устройства. Двѣ трети этого населенія, и въ томъ числѣ почти всѣ киргизы, принадлежать Россіи и управляются чиновниками трехъ вѣдомствъ: кавказскаго, оренбургскаго и туркестанскаго. Выше уже было замѣчено, что административныя системы этихъ вѣдомствъ не одинаковы, и потому не безъ основанія можно ожидать нѣкотораго различія въ самыхъ отношеніяхъ къ намъ подвластныхъ туземцевъ. Такъ оно и есть. Между тѣмъ какъ сыръ-дарьинскіе киргизы, хотя покоренные нами послѣ другихъ, ведутъ спокойную пастушескую жизнь и частію занимаются земледѣліемъ и торговлею, ихъ соплеменники на Усть-Уртѣ и частію въ Оренбургской степи нерѣдко обнаруживаютъ

*) Всѣ эти свѣдѣнія о городахъ и селеніяхъ въ Хивинскомъ ханствѣ вѣроятно окажутся не вполне точными послѣ повѣрки ихъ на мѣстахъ настоящею хивинскою экспедиціей.

наклонность къ степному хищничеству, т. е. къ барантѣ и грабѣжамъ, и даже недавно находились въ открытомъ возстаніи, простиравшемся до дерзкаго нападенія на наши селенія и форты. Эти бунтовавшіе киргизскіе роды состоятъ нынѣ въ вѣдѣніи частію мангышлакскихъ начальствъ, т. е. мусульманскихъ наибовъ съ Кавказа, частію же управленій уѣздовъ Гурьевскаго, Эмбенскаго и Иргизскаго, гдѣ ближайшіе начальники народа суть выборные изъ него самого бии и старшины, подвѣдомственные прямо русскимъ властямъ. Которая изъ двухъ системъ приведетъ вѣрнѣе къ цѣли, то-есть къ окончательному умиротворенію приаральскихъ номадовъ, трудно сказать, по кратковременности опыта; но вѣроятно, что кавказское устройство окажется лучшимъ для *первою раза*, т. е. въ смыслѣ скорѣйшаго подавленія видимой неприязни номадовъ, а оренбургское приведетъ къ результатамъ хотя *медленнымъ*, но болѣе *прочнымъ*, особенно если будетъ отмѣненъ традиціонный пріемъ оренбургской администраціи высылать въ степь подвижные отряды и въ замѣнъ того, по сибирскому примѣру, будетъ основано нѣсколько гражданскихъ осѣдлостей, гдѣ номады могли бы находить все нужное для ихъ неприхотливой жизни и сбывать остатки собственныхъ произведеній. Успѣхъ этой системы дознанъ не только полувѣковымъ опытомъ въ Западной Сибири, но — и весьма быстрымъ развитіемъ киргизо-русской гражданственности въ Семирѣчьи и на низовьяхъ Сыра. Кавказскій же порядокъ кажется еще потому менѣе удовлетворителенъ, что отмѣняетъ отъ администраціи почетнѣйшихъ киргизовъ и тѣмъ самымъ вселяетъ въ нихъ нерасположеніе къ русскимъ, съ которыми, однако, они, безъ сомнѣнія, быстро поладятъ, какъ только достойнѣйшіе изъ нихъ будутъ отличены наградами и долею власти въ администраціи и судѣ. Наконецъ, по поводу обособленія мангышлакскихъ киргизовъ, можно еще замѣтить, что собственно быть киргизскаго народа повсюду одинъ и тотъ же, а потому и отношенія наши къ этимъ людямъ должны быть единообразны *).

Что касается до Хивы, то все значеніе ея на томъ и держалось, что она управлялася *единою* властью, и притомъ деспотическою, которая не знала себѣ границъ внутри подвѣдомственныхъ земель и умѣла пользоваться недостаткомъ единства въ дѣйствіяхъ у сосѣдей. Власть эта принадлежитъ *хану* изъ узбековъ, около кото-

*) Въ отношеніи податей, впрочемъ, всѣ киргизы и безъ того равны, внося ежегодно по 3 руб. 50 коп. съ юрты.

раго помощниками по дѣламъ управленія стоятъ обыкновенные средне-азіятскіе сановники—*кушъ-беки*, *диванъ-беки*, *мехтеры* и проч. Въ Хивѣ къ нимъ еще присоединяются: а) *инахи*, въ числѣ четырехъ, правители важнѣйшихъ городовъ, обыкновенно изъ родственниковъ хана; б) *наибъ*, глава духовенства, изъ потомковъ Магомеда, равный по достоинству шейхъ-уль-исламу въ Константинополѣ; в) *бий*, ближайшій спутникъ хана на войнѣ; г) *казы-кялянъ*, верховный судья ханства. Второстепенныя должности суть: мин-баши, кабаши, онбаши по военной и полицейской частямъ, и улемы, муфти и ахуны по духовной и судебной. Эта іерархія властей дѣйствуетъ съ извѣстною правильностію, по закону (шаріату) и обычаемъ, которыхъ изученіе составляетъ предметъ занятій въ медресе. Для содержанія всего служебнаго персонала и войска ханъ обираетъ съ народа подати: поземельную и торговую, а духовенству предоставлены вакуфы, т. е. имѣнія, пожертвованныя благочестивыми людьми специально на содержаніе муллъ. Поземельная подать вносится всѣми, кромѣ военныхъ и духовныхъ, въ размѣрѣ 30 коп. сер. съ танапа, а торговая или зякетъ есть обычная у мусульманъ сороковая часть привозимыхъ на продажу товаровъ, т. е. два съ половиною процента ихъ стоимости. У номадовъ подати преобразуются въ имущественный налогъ по одной теньгѣ (20 коп.) съ головы крупнаго скота и по полутеньгѣ съ каждой овцы. Но сборъ этихъ налоговъ всегда сопровождается злоупотребленіями, и въ дополненіе къ нимъ подданные хивинскаго хана, не только бѣдные, но и богатые, люди съ вліяніемъ, сильно приплачиваются всякій разъ, когда имѣютъ нужду до правительства и агентовъ его. Самъ ханъ, до котораго доступъ нуждающимся не возбраненъ*), бываетъ не прочь отъ подарковъ, чѣмъ и пользуются люди богатые для полученія доходныхъ мѣстъ и для другихъ нечистыхъ дѣлъ. При существованіи гаремовъ, немало подобныхъ же дѣлъ совершается чрезъ посредство женъ и евнуховъ. (Разумѣется, что теперь, съ учрежденіемъ при ханѣ совѣта, въ которомъ участвуютъ русскіе офицеры, многое измѣнится).

*) Ханъ и всѣ правители городовъ, по установленному обычаю, принимаютъ ежедневно всѣхъ просителей въ теченіе четырехъ часовъ, причемъ рѣшаютъ дѣла уже не справляясь съ законами, а по личному взгляду, не стѣсняясь тѣмъ, что было постановлено казы и муфтіями. Вамбери рассказываетъ, что покойный Сеидъ-Магомедъ-ханъ любилъ особенно разбирать споры женатыхъ людей и нерѣдко держался за бока отъ хохота, смотря, какъ мужъ и жена таскали другъ-друга по двору во время его судоговоренія.

Независимо отъ указанныхъ сейчасъ налоговъ, хивинскій ханъ имѣетъ еще доходы съ принадлежащихъ ему земель, съ вырубки на дрова растущихъ на нихъ деревьевъ, съ добычи отъ барантъ и грабежей, производимыхъ туркменами, каракалпаками и киргизами и, наконецъ, отъ конфискуемыхъ имуществъ. Сколько собирается чрезъ это денегъ въ ханской казнѣ, трудно сказать, и если Муравьевъ считалъ, что до четырехъ милліоновъ рублей ассигнаціями, то такая цифра кажется совершенно гадательною. Напротивъ нужно думать, что эти доходы не превышаютъ полмилліона руб. сер., потому что контрибуцію въ 2 мил. пришлось разсрочить на семь лѣтъ.

Военный обзоръ).*

Всѣ изложенныя здѣсь данныя о Хивѣ и о русскихъ стенахъ, сосѣднихъ Аральскому морю, позволяютъ сдѣлать слѣдующіе выводы и соображенія, относящіеся непосредственно къ стратегической офѣнкѣ при-аральскаго пограничнаго пространства.

1) На обширномъ пространствѣ этомъ соприкасаются два государства: огромная, усвоившая значительную часть европейскихъ формъ жизни Россія и маленькое средне-азіатское ханство Хива; но линіи прикосновенія между ними указать на картѣ нельзя, да ея нѣтъ и въ дѣйствительности. Соображая, однако, политическое и нравственное состояніе номадовъ, обитающихъ по окраинамъ обоихъ государствъ, можно сказать, что граница вліянія ничтожной Хивы входитъ довольно далеко въ предѣлы земель, по той или по другой причинѣ не безосновательно считаемыхъ русскими.

Явленіе это объясняется прежде всего естественными условіями территоріи. Собственно Россія отдѣлена отъ Хивы пространствомъ отъ 600 до 1,300 верстъ, въ высшей степени неудобнымъ къ распространенію на немъ русскихъ осѣдлостей и къ движенію по немъ русскихъ войскъ. Рѣдкіе же обитатели этихъ пустынь, по религіи и преданіямъ, до нѣкоторой степени тяготеютъ къ Хивѣ, и тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ далѣе къ югу отъ крайняго сплошнаго ряда русскихъ селеній — линіи оренбургско-уральской. Недавнія реформы въ управленіи подвластными Россіи номадами-мусульманами, улучшивъ положеніе народныхъ массъ въ степи, создали, однакоже,

*) Помѣщается здѣсь въ томъ видѣ, какъ былъ написанъ еще въ 1872 г., за годъ до Хивинской экспедиціи и даже прежде начала приготовленія къ ней.

въ степяхъ классъ людей, которые недовольны новыми порядками и которые, если не заявляютъ открыто приверженности къ сосѣдней единовѣрной и единоплеменной Хивѣ, то, во всякомъ случаѣ, таятъ внутреннія къ ней симпатіи и не прочь, по временамъ, оказывать ей содѣйствіе, что особенно можно сказать про адаевцевъ.

2) Если бы, вслѣдствіе долговременной исторической неприязни Хивы къ Россіи и исторической же неотклонимости поступательнаго движенія послѣдней по Средней Азіи, пришлось принять противъ Хивы рѣшительныя мѣры, то на этомъ пути Россія встрѣтитъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ то было доселѣ на всемъ протяженіи отъ береговъ Урала и Иртыша до Небесныхъ горъ и Міанкальской долины. Главная причина тому впрочемъ, заключается не въ военномъ и политическомъ могуществѣ Хивы, а въ ея труднодоступности. И въ самомъ дѣлѣ, разсматривая пути дѣйствія изъ Россіи въ Хиву, мы находимъ:

Со стороны Каспійскаго моря можно было бы идти тремя дорогами: отъ Красноводска, отъ форта Александровска и отъ бывшаго укрѣпленія Александровскаго у Мертваго Култука. Но послѣдняя мѣстность въ настоящее время пустынна, и потому не можетъ служить базой для войскъ, тѣмъ болѣе, что и доступъ къ ней съ моря труденъ. Фортъ Александровскій, лежащій на краю Мангышлака, въ 900 верстахъ отъ Хивы, былъ бы неменѣе неудобнымъ исходнымъ пунктомъ для военной экспедиціи. По дорогѣ изъ Красноводска возможность похода дознана опытомъ, по крайней мѣрѣ до Сары-камышъ; но этотъ путь также представляетъ огромныя трудности отъ недостатка воды и травъ, а, главное, отъ полнѣйшей зависимости, въ которую наступающій отрядъ станетъ отъ туркменовъ, неприязненныя отношенія къ которымъ могутъ крайне обезпокоить движеніе и даже разстроить его совсѣмъ, лишивъ войска перевозочныхъ средствъ *). Судя по свойствамъ осмотрѣнныхъ въ 1871 году мѣстностей, позволительно еще сомнѣваться, можно ли отъ Красноводска двинуть на Хиву болѣе

*) Само собою разумѣется, что здѣсь предполагается предварительный наемъ верблюдовъ за деньги отъ тѣхъ же туркменовъ, которые чрезъ то самое станутъ какъ бы сторонниками экспедиціи; но на призны этихъ варваровъ нельзя полагаться даже и въ такомъ случаѣ. Нарядъ же верблюдовъ *силою* слѣдуетъ считать просто преступленіемъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ смыслѣ, и за него можно поплатиться тяжелою неудачею.

двухъ баталіоновъ съ батареею; отъ кавалеріи же, повидимому, предстоитъ отказаться почти совсѣмъ, хотя именно она-то и необходима въ степяхъ.

Пути съ Урала черезъ эмбенскія степи и Усть-Урть, т. е. западнѣе Аральскаго моря, представляютъ почти столько же неудобствъ, какъ и отъ Каспійскаго моря. Допустимъ даже, что здѣсь мы легче можемъ найти транспортныхъ верблюдовъ отъ подвластныхъ намъ киргизовъ, что здѣсь могутъ быть нами собраны предварительно большіе военные и продовольственные запасы на верхней Эмбѣ; но все-таки путь отъ Эмбы до предѣловъ Хивинскаго оазиса составитъ 900 верстъ почти голой степи, гдѣ войскамъ будетъ предстоять не меньше лишеній, какъ на сары-камышской дорогѣ, и гдѣ притомъ они могутъ быть обезпечиваемы если не туркменами, то киргизами, преданными Хивѣ и самими хивинцами.

Путь по Аральскому морю, несмотря на многія важныя преимущества, особенно на возможность скорого перехода четырехсотъ верстъ безъ всякой внѣшней опасности, кромѣ случайныхъ бурь, имѣетъ также немаловажные недостатки. Во-первыхъ, у насъ здѣсь нѣтъ удобныхъ пунктовъ для посадки войскъ на суда; во-вторыхъ, сѣверный берегъ моря самъ по себѣ не есть база, а таковою можетъ служить лишь Сыръ-дарья, съ полутора футами воды на барѣ; въ третьихъ, высадка на южномъ берегу Арала также можетъ быть неудачна, если не отъ сопротивленія жителей то отъ препятствій, полагаемыхъ природою, ибо вся сѣверная часть дельты Аму-дарьи низменна, болотиста, а при разливахъ даже обращается въ рядъ озеръ и непроходимыхъ топей. Мнѣніе Берга, развитое имъ во французской запискѣ 1827 года, что стоитъ только занять Кунградъ, чтобы пріобрѣсти несомнѣнную увѣренность въ покореніи Хивы, потому и кажется трудно исполнимымъ, что мы теперь, благодаря Бутакову и другимъ, ближе узнали свойства дельты Аму *).

*) Впрочемъ еще до Бутакова наши свѣдѣнія о свойствахъ этой дельты были весьма точны. «Въ десяти верстахъ ниже Ходжейли, на лѣвомъ берегу Дарьи,» говоритъ Данилевскій, «растетъ, кромѣ кустарника, густой камышъ, который ниже Кунграда становится сплошнымъ до самаго моря и покрываетъ значительную часть дельты Аму-дарьи, будучи проходимъ лишь тамъ, гдѣ каракалпаки и киргизы проложили узенькія тропы». Ханиковъ въ 1839 году говорилъ то же самое, именно, что «весь путь отъ моря до Порсу и даже до Бульдумсаза идетъ

не миновать употребленія этого пути, хотя бы для перваго раза какъ вспомогательнаго; но нужно принять въ расчетъ серьезныя опасности, которыя могутъ встрѣтиться отъ болотной почвы какъ для похода внутрь страны, такъ и для расположенія лагеря. О сухопутныхъ перевозочныхъ средствахъ и говорить нечего: стоитъ только каракалпавамъ уйти отъ берега Аральскаго моря, чтобы поставить войска въ большое затрудненіе по транспортировкѣ тяжестей. Поэтому аральскій путь представляетъ почти столько же зависимости отъ нашихъ отношеній къномадамъ, сколько и пути отъ Красноводска и съ Эмбы. А сверхъ того успѣхъ движенія по немъ обуславливается временами года, ибо зимой плаваніе по морю опасно, а лѣтомъ, за исключеніемъ времени полноводья, нельзя съ пароходами подниматься до Кунграда и нужно будетъ высадку дѣлать въ шестидесяти верстахъ сѣвернѣе его, у моря.

Дорога съ низовій Сыра на Кипчакъ или Ходжейли есть кратчайшая между осѣдлыми хивинскими и русскими; но она крайне неудобна для сколько-нибудь значительныхъ военныхъ отрядовъ, по маловодью, множеству солонцовъ, сыпучихъ песковъ и скудости травъ. Сверхъ того, она приводитъ лишь на правый берегъ Аму-дарьи, а не въ центръ Хивинскаго оазиса; переправа же черезъ Оксъ въ хивинскихъ предѣлахъ можетъ представить немаловажныя затрудненія.

Иррибайская дорога имѣетъ почти тѣ же качества.

Минбулакская, отъ Джизака, и длинна, и бесплодна.

Чарджуйская, быть можетъ, лучше всѣхъ другихъ; но она немислима безъ предварительнаго покоренія Бухары.

И такъ, труднодоступность Хивы для *наступательнаго* движенія со стороны Россіи не подлежитъ сомнѣнію.

3) Однако соображая предшествовавшія военныя экспедиціи, отъ временъ Бековича до новѣйшихъ рекогносцировокъ къ Сары-

между топями, озерами, проранами, камышами и кустарниками ежегодно заливаемыми водою Аму-дарьи; почему проѣздъ по немъ для арбъ возможенъ только подъ условіемъ или очень сухого лѣта, или суровой и постоянной зимы; но послѣдняя въ Хивѣ весьма легка и переменчива, почему, двигаясь сямъ путемъ, легко подвергнуться опасности затопить орудія и обозъ, подмочить порохъ, испортить некованныхъ лошадей и верблюдовъ, а наконецъ за переправами, вытаскиваніемъ и проч. потерять болѣе времени, чѣмъ слѣдуетъ по дорогѣ длиннѣйшей, но лучше устроенной. Мѣстность, закрытая кустарниками, лишаетъ притомъ возможности удачно дѣйствовать артиллеріею и подвергаетъ опасности внезапныхъ атакъ въ дафилеяхъ».

камину, Иркибау и Дау-каръ и до плаванія къ Куяграду, можно безъ большой ошибки предположить, что слѣдующія движенія исполними съ значительною вѣроятностью повсемѣстнаго и окончательнаго успѣха.

Отъ *Красноводска* или отъ Балханскихъ горъ съ отрядомъ въ два батальона пѣхоты, восемь орудій артиллеріи и сотни казаковъ, который долженъ будетъ уменьшиться въ составѣ своемъ на половину, чтобы основать вдоль операціонной линіи рядъ укрѣпленныхъ этаповъ. Для такого движенія нужно не менѣе 60 дней времени и до 2,500 верблюдовъ для перевозки тяжестей продовольственныхъ, госпитальныхъ, артиллерійскихъ и разныхъ другихъ. Этотъ же отрядъ можно направить къ Хивѣ* отъ залива Кендерлинскаго.

Съ *Эмбы*, по западному берегу Арала, на Куяградъ, или по западной сторонѣ Айбугира на Куя-Ургенчъ — полтора батальона съ четырьмя орудіями и сотнею казаковъ, изъ которыхъ одну пѣхотную роту и два орудія слѣдуетъ оставить близъ Ургу-муруна для охраны пути и для устройства этапа, который бы могъ принимать и хранить запасы, подвозимые съ Эмбы и по Аральскому морю. Отряду нужно имѣть до 2,200 верблюдовъ и до Ургу-муруна слѣдовать по-эшелонно.

Изъ *Казалинска* по Сыру и Аральскому морю — полтора батальона пѣхоты, четыре орудія и сотни казаковъ, которые, при наличномъ составѣ аральской флотиліи, если только она будетъ вполнѣ исправна, могутъ значительную часть своихъ тяжестей отправить водою до залива Туче-басъ, а въ тылу устроить этапъ на Иркибау.

Для производства подобнаго трехсторонняго наступленія на Хиву, которое во многихъ отношеніяхъ удобнѣе и выгоднѣе всякаго движенія по *одной* дорогѣ*), лучшее время года есть осень, отъ конца августа по конецъ ноября, или же весна, съ половины марта до половины мая. Движенія съ Эмбы и отъ Красноводска могутъ быть начаты почти одновременно, несмотря на разницу разстояній, такъ какъ красноводскій отрядъ пойдетъ этапами, которые нужно еще устроить. Отъ устья же Сыръ-дарьи флотилія съ запасами отправится тогда, когда эмбенскій отрядъ станетъ въ урочищѣ Акъ-суать.

При этомъ условіи, войска всѣхъ трехъ отрядовъ придутъ на

*) Собственно говоря, плановъ похода на Хиву можно составить множество, и каждый будетъ имѣть свои важныя достоинства и свои недостатки. Мы взяли для примѣра наиболѣе сложный, чтобы оцѣнить удобства движенія по наименьшему числу путей.

границы Хивинскаго оазиса почти одновременно. Устрашенная Хива, если не изъавит покорности въ самый моментъ прибытія отрядовъ, немѣнно будетъ покорена, и для таково завоєванія, конечно, потребуется немного времени. Полагая, что амбаскій и красноводскій отряды соединятся у Нуля-Ургента и затѣмъ, открьвъ сообщеніе съ туркестанскимъ, двинутся по ханству, довольно двухъ недѣль для похода на самую Хиву, участь которой едва-ли можетъ быть рѣшена съ большимъ усиліемъ, чѣмъ участь Ташкента, города съ 60,000 жителей, взятаго отрядами въ 200 съ небольшимъ нутковъ. Но взятіи же главнаго города ханства, покореніе остальныхъ есть дѣло второстепенной важности, и если потребуетъ нѣкотораго усилія дѣйствующихъ войскъ, то это можетъ быть безъ труда исполнено черезъ вывозъ съ этаповъ заднихъ частей красноводскаго отряда и подвозъ новыхъ силъ съ низовой Сыра. Да едва-ли это и понадобится, такъ какъ туркестанскій отрядъ, въ свою очередь, двинувшись вдоль самой Аму-дарьи и овладѣвъ нѣкоторыми каналами, можетъ нанести окончательный ударъ хивинцамъ. Затѣмъ всѣ сложныя и требующіе много времени стратегическія приемы, въ родѣ рекомендованнаго авторомъ одного проекта въ 1827 году, предварительнаго занятія и укрѣпленія Ташауза, какъ «стратегическаго опорнаго пункта, находящагося въ центрѣ Хивинскаго ханства», кажутся нѣкотораго рода натяжкою или просто данью военной схоластики.

4) Противъ всего этого плана однако можетъ быть сдѣлано возраженіе и, по видимому, очень серьезно: «движеніе русскихъ отрядовъ рассчитано въ немъ такъ, какъ будто они дѣлають односторонній маневръ, т. е. не имѣють противъ себя непріятеля, такъ что весь планъ носитъ характеръ фикціи». Но на самомъ дѣлѣ тутъ фикція нѣтъ, и для доказательства стоитъ вспомнить, съ одной стороны, Перовскъ въ 1858 году, Узунъ-агачъ въ 1860, Ташкентъ въ 1865, Ирджаръ въ 1866 и Шахрисабъ въ 1870, а съ другой слѣдующія свѣдѣнія о свойствахъ хивинскихъ войскъ, приводимыя Данилевскимъ и Ханниковымъ:

«Войска хивинскаго хана состоятъ: 1) изъ немнущихъ *узбековъ* и *сартовъ*, записывающихся въ воєнныя для избѣжанія податей и повинностей. Войско это все конное, служитъ въ походѣ на своемъ содержаніи, получая только одновременно, предъ выступленіемъ въ походъ, по пяти талеевъ на человѣка. Вооружено саблями и стрѣлами; только отличившіеся смѣлостію или искусствомъ въ стрѣльбѣ получаютъ отъ хана ружье, съ чѣмъ вмѣстѣ поступаютъ

въ число его телеграфистовъ (до 1,000 человекъ, а у анжковъ по 200 человекъ). Рушья у нихъ длинные и тонкія, съ фитильми, концы, болѣе часто, плевки, ибо за гадкую кака даютъ не болѣе пяти стлѣй (20 рублей серебромъ). 2) Изъ мурамисовъ, карачинисовъ и киринговъ, обзавѣнныя являясь на войну даромъ, не, разумеется, не составляющіе вовсе военной силы. О сборѣ этихъ войскъ обыкновенно дѣлается объявленіе за мѣсяцъ до похода, такъ что серьезное подготовленіе ихъ къ боевымъ дѣйствіямъ (обученію) невозможно. А какъ, кромѣ того, каждый воинъ въ походѣ продовольствуетъ самъ себя, общіе же запасы, казенныя, совсѣмъ не бывають, то понятно, что продолжительныя военныя предпріятія съ такимъ образомъ невозможно возможны.

«Артиллерія кака — въ жалкомъ состояніи. Изъ 16 мѣднѣхъ орудій, находящихся прочно казеннаго двора въ Уинѣ, одно, большаго калибра, до воювання вошло въ землю; сѣмъ другимъ, длиннымъ, но меньшаго калибра, также вѣнчуютъ на землѣ; въ остальныхъ, поставленныхъ на колеса, мриво свѣдѣй. Ядра коихъ тугунды, а не медянныя изъ шатѣза кака прежде, но неправильной формѣ. Порокъ хивинцы дѣлають сами, добывая сѣру близъ мѣстечка Вей, а селитру у Кура-Урчича, но порокъ этотъ — плохой, да и тою едва-ли наберется во всей Уинѣ нѣсколько десятковъ пудовъ. Выстрѣлы изъ пушекъ адаа-ли могутъ простираться далѣе какъ на 150 сажень.»

Допустимъ, что эти свѣдѣнія во многомъ уже устарѣли, и что теперь заводцы въ Уинѣ сарбачи (регулярнаго войска, числомъ до 1,000 человекъ), что имъ получено изъ Индіи нѣсколько тысячъ порохонныхъ рушей, можетъ быть нѣсколько хорошаго пороха и другихъ военныхъ запасовъ, что, наконецъ, у хана есть до 60 орудій съ лафетами: отсюда казенному войску было бы взять дисциплину, тактическое образованіе, хорошихъ генераловъ, боевую смелость и прочію организацію военного рояства, которая бы обеспечивала возможность продолжительной барабани. Мѣсто этого гнѣть, а между тѣмъ хану придется, при первомъ же извѣстіи о движеніи нашихъ войскъ отъ Омбы и Красноводска, собрать свое войнство, которое адилъ своимъ пребываніемъ въ странѣ новощитъ ее, и если даже будетъ имѣть смѣлость пойти впередъ для задержанія движенія нашихъ отрядовъ, то, возвратясь усталымъ и, вѣроятно, разбитымъ, только увеличитъ общую безурядицу, общій страхъ. О мѣрѣ же этого страха можно судить по мнѣнію казенцевъ при

известіи о походе въ 1871 году трехъ съ половиной ротъ отъ Ташъ-арватъ-капы въ Сары-жамину.

О народной войнѣ въ предѣлахъ самаго Хивинскаго оазиса нѣтъ нужды и говорить: народы, подавленные вѣковымъ деспотизмомъ, вовсе къ ней неспособны, и можно даже сказать, что утверждение русской власти въ Хивѣ едва-ли встрѣтитъ больше препятствій, чѣмъ было въ Ташкентѣ, Самаркандѣ, Кульджѣ. Такимъ образомъ, экспедиція противъ Хивы въ сущности сводится на обыкновенный степной походъ, котораго главная трудность есть движеніе по бесплоднымъ пространствамъ, а вовсе не встрѣча съ вооруженнымъ противникомъ.

5) Но прежде чѣмъ могутъ быть предприняты наступательныя дѣйствія противъ Хивы, мы должны заботиться объ охранѣ собственныхъ предѣловъ отъ вторженія съ ея стороны, и, слѣдовательно, рассмотреть здѣсь силы и средства, назначаемыя для такой обороны. На всемъ протяженіи береговъ Каспія и Арала, Россія, конечно, безопасна отъ покушеній Хивы, не имѣющей флота. На Сыръ-дарьѣ, течение этой рѣки и линія укрѣпленій вдоль ея также достаточно гарантируютъ наши предѣлы отъ вторженій хивинцевъ и подвластныхъ имъ кочевыхъ народовъ. Но промежутокъ отъ Каспійскаго моря до Аральскаго, въ 300 верстъ шириною, служить воротами для хищнаго сброда, вторженія котораго въ послѣднее время получила было особую цѣль: волновать подвластныхъ намъ киргизовъ южной части оренбургской степи и нападать на транспорты и проѣзжихъ вдоль ороко-казалинскаго тракта. Къ замѣнутію этихъ-то воротъ и направлены всѣ усилія оренбургскихъ военныхъ начальствъ, которыми построено въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ въ зауральской степи не менѣе четырехъ укрѣпленій въ дополненіе къ тремъ, прежде существовавшимъ. Укрѣпленія эти, однако, мало достигаютъ цѣли, потому что поставлены не въ самыхъ воротахъ, напримѣръ, у несковъ Самъ, а гораздо сѣвернѣе, такъ что оставляютъ промежутки въ нѣсколько сотъ верстъ, весьма удобные для вторженія хищниковъ. Притомъ, впереди нихъ остаются еще значительныя пространства степей, занятія нашими киргизами, но ничѣмъ неприкрытыя со стороны Хивы. Вотъ почему, не отрицая у Эмбенскаго поста его административнаго значенія и качества удовлетворительнаго этапнаго пункта на случай будущаго движенія въ Хиву, мы должны сказать, что онъ играетъ второстепенную роль при оборонѣ нашей зауральской степи. О Нижне-Эмбенскомъ укрѣпленіи нельзя утверждать и этого, такъ что уп-

разднненіе его, вмѣстѣ съ Карабутакомъ, Акъ-Тюбинскимъ и Уильскимъ укрѣпленіями, было бы очень желательно. Тогда часть употребляемыхъ нынѣ на ихъ занятіе военныхъ силъ и средствъ можно будетъ передвинуть на югъ и тѣмъ достигнуть болѣе дѣйствительнаго охраненія нашихъ предѣловъ съ меньшими тратами. Мысль эта, до нѣкоторой степени, признана въ послѣдніе годы и въ Оренбургѣ; но сдѣланныя отсюда разысканія пока не обнаружили въ заимбекскихъ степяхъ и на Усть-Уртѣ ни одной мѣстности, годной для устройства прочнаго окопнаго пункта. Поэтому съ оренбургско-уральской линіи ежегодно, весной, высылаются довольно значительные подвижные отряды въ стороны Барсуковъ, Аральскаго моря и сѣвернаго чинка, ходящіе по степямъ до осени. Отряды эти въ 1871—1872 годахъ успѣли гарантировать спокойствіе на орско-казалинской дорогѣ.

6) Обычное расположеніе военныхъ силъ и средствъ Россіи на приаральскомъ пограничномъ пространствѣ видно изъ квартирнаго ихъ росписанія и, конечно, не есть что-либо постоянное.

7) *Продовольствіе*, кромѣ мяса, всѣ оренбургскія степныя укрѣпленія получаютъ изъ-за Урала, помощью вьючной транспортировки, почему оно обходится очень дорого, напримѣръ для Эмбенскаго поста 9 рублей за четверть муки. Сыръ-дарьинская линія нынѣ кормится собственнымъ хлѣбомъ, изъ окрестностей Перовска; недостающее же количество, особенно морская провизія для флота, привозится частью изъ Оренбурга, частью изъ Сыръ-дарьинской области. Скотъ для мяса, конечно, всюду есть свой. Обмундировка войскъ оренбургскихъ сполна идетъ изъ Европейской Россіи, а на Сыръ-дарьѣ часть одежды солдатъ, именно бѣлье и кожаные штаны, дѣлаются изъ мѣстныхъ туркестанскихъ матеріаловъ. Вооруженіе все доставляется изъ Европейской Россіи и состоитъ у стрѣлковыхъ батальоновъ изъ винтовокъ Бердана, а у прочей регулярной пѣхоты изъ игольчатыхъ ружей, впрочемъ еще несполна. Казаки же имѣютъ оружіе очень разнообразное, такъ что далеко не всегда даже въ одной сотнѣ у всѣхъ людей одинаковыя ружья. Полевая артиллерія имѣетъ орудія заряжающіяся съ казны, но въ укрѣпленіяхъ орудія старыхъ системъ, гладкостѣнные. Укрѣпленія эти имѣютъ профили, но большей части, полевые или нѣсколько большія ихъ по размѣрамъ, но безъ каменныхъ одеждъ. Впрочемъ, и въ этихъ оградахъ ови нуждаются мало, ибо степное укрѣпленіе не есть пунктъ предназначенный для выдержанія осады, а только штабъ-квартира, лагерь подвижнаго отряда или вообще

русской военной команды, которой назначеніе, прежде всего, быть военнымъ дозоромъ, разъѣздомъ, а не стражемъ одного даннаго мѣста, гдѣ бы она должна была отсиживаться за крѣпостными стѣнами. Простыя канавы и валики за крѣпостными стѣнами, которыхъ нельзя было бы перескочить на лошади, совершенно достаточны для охраны такого лагеря или, лучше, имѣющихся въ немъ складовъ, а затѣмъ на случай огнестрѣльной обороны довольно приспособить самыя зданія, занимаемыя людьми и складами, не насылая большихъ и сложныхъ веревъ, требующихъ много времени и средствъ на сооруженія и поддержку. Расположеніе укрѣпленій на командующихъ высотахъ, какъ напримѣръ это сдѣлано въ Карабутахъ и въ Нижне-Эмбенскомъ укрѣпленіи, также не требуется, ибо существенной пользы это не приноситъ, а между тѣмъ обыкновенно удаляетъ гарнизонъ отъ воды.

8) *Перевозочныя средства* въ при-аральскомъ пограничномъ пространствѣ состоятъ, главнымъ образомъ, въ киргизскихъ вьючныхъ верблюдахъ, изъ которыхъ каждый можетъ поднимать отъ двѣнадцати до шестнадцати пудовъ, смотря по времени года. Въ Каракумскихъ пескахъ верблюдовъ приходится иногда впрягать въ экипажи, такъ какъ лошади оказываются безсильными. Наемная плата за одного хорошаго верблюда въ мѣсяцъ можетъ составить отъ 10 до 20 рублей серебромъ, а иногда и больше, смотря по спросу, предложенію и свойствамъ предстоящаго пути. Изрѣдка перевозка тяжестей производится на телѣгахъ, запряженныхъ лошадьми или волами, а вдоль Сыръ-дарьи постоянно на пароходахъ аральской флотиліи, которые перевозятъ ежегодно до 120,000 пудовъ, и потому требуютъ до 375,000 пудовъ сухого саксаула и значительное количество каменнаго угля.

Въ Хивѣ, несмотря на многочисленность осѣдлаго населенія, перевозочныя средства почти тѣ же, что у киргизовъ, такъ что арбы встрѣчаются рѣдко. За то здѣсь не мало вьючныхъ ословъ и муловъ, которые соединяютъ въ себѣ, до нѣкоторой степени, выгоды лошадей и верблюдовъ. Стоитъ замѣтить, что въ случаѣ степныхъ походовъ можно и даже полезно имѣть всегда нѣкоторый запасъ верблюдовъ безъ вьюковъ, съ пустыми корзинами по бокамъ, дабы съ одной стороны перекладывать на нихъ тяжести съ устающихъ животныхъ, а съ другой вести посмѣнно людей, что даетъ возможность дѣлать съ пѣхотою переходы отъ тридцати до сорока верстъ въ сутки, дѣлая дневки лишь изрѣдка, на мѣстахъ особенно удобныхъ къ тому.

9) *Врачебныя средства* для нашихъ войскъ заключаются въ лазаретахъ по нѣкоторымъ изъ укрѣпленій и въ медікахъ, находящихся при войскахъ. Средства вообще недостаточны, особенно въ случаѣ повальныхъ болѣзней, какъ доказала холера въ 1872 году. При войнахъ Туркестанскаго военного округа, по отчету за 1870 годъ, недоставало болѣе половины врачей, положенныхъ по штату. Впрочемъ, задача медицины много облегчается въ при-аральскихъ степяхъ хорошимъ климатомъ, такъ что болѣзненность войскъ здѣсь меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Казанскомъ округѣ, несмотря на частые походы и ночлеги подъ открытымъ небомъ. Она станетъ еще меньше, если помѣщенія нижнихъ чиновъ улучшатся, такъ-какъ доселѣ имъ нерѣдко приходится жить въ землянкахъ. Введеніе въ общее употребленіе двойныхъ войлочныхъ юрть, которыя бы замѣнили сырыя глиняныя постройки, особенно желательно съ гигиенической точки зрѣнія, тѣмъ больше, что, въ случаѣ зараженія одного мѣста, ихъ можно переносить въ другое; поддержка ихъ въ исправности не трудна, благодаря сосѣдству киргизовъ, приготовляющихъ войлоки, а пригодность къ перевозкѣ на вьюкахъ можетъ обезпечить для солдатъ крытыя помѣщенія и въ походахъ. Войска давно уже оцѣнили выгоды этого кочевого жилища и столько же любятъ его, какъ чай, который былъ употребляемъ ими задолго до введенія его въ официальныя табели ихъ довольствія въ 1872 году.

Источники.

Изученіе при-аральскаго пограничнаго пространства почти сплошь принадлежитъ нашему вѣку, и хотя еще въ прошломъ столѣтіи туда проникали цѣлыя отряды войскъ, какъ Вековича-Черкаскаго, и обстоятельные изслѣдователи, какъ Гладковъ, Муравинъ, Бланкентагелъ, но собственно литературу предмета, имѣющую современный интересъ, можно начать съ «Путешествія въ Хиву» *Муравьева*, совершоннаго въ 1819 — 1820 годахъ. Затѣмъ слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ:

Бергъ: Отчеты и разныя записки объ экспедиціи на Усть-Уртъ въ 1826 году, которые въ подлинникѣ хранятся въ архивѣ Главнаго Штаба.

Лесницкій: Слѣдствія о Хивинскомъ ханствѣ, 1826; очень обстоятельная рукопись, составленная со словъ автора, астраханскаго мѣщанина.

Лесининъ: Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, 1832 г.

Я. Ханниковъ: Описаніе Хивинскаго ханства, составленное въ 1839 году, передъ экспедиціею генерала Перовскаго, въ высшей степени богатая содержаніемъ рукопись, заключающая въ себѣ все, бывшее извѣстнымъ о Хивѣ тридцать лѣтъ назадъ. Рукопись эта принадлежитъ Главному Штабу и не имѣетъ, на себѣ, никакихъ

автора; но из Записок Русского Географического Общества, кн. V, стр. 345, видно, что это был Я. Ханызовъ.

Официальная переписка по хивинской экспедиции 1839 — 1840 г. — дѣло Главнаго Штаба.

Abbot: Journey from Herat to Khiva and Mangyshkai 1841.

Дамисевъ: Описание Хивинскаго ханства, 1848. Подлинная рукопись принадлежит Главному Штабу и перенята въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества кн. V, впрочемъ съ опущеніемъ нѣсколькихъ главъ.

Ивановъ: Записки о Мангышлакѣ, объ Аму-дарѣ и Хивинскомъ оазисѣ и о походѣ въ Хиву 1839 — 1840 годовъ.

Александръ: Описание при-эмбаевскихъ стѣнъ и сѣверной половины Устъ-Урта, содержащія рукопись, принадлежащая Главному Штабу.

Зверманъ: Естественная исторія Оренбургскаго края.

Бларамбергъ: Военно-статистическое описаніе войны киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства.

Basiner: Naturwissenschaftliche Reise nach Chiva, 1848.

Мантисовъ: Описание Аральскаго моря въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества 1861. Его же описаніе низовой Сыръ-дарьи (Морской Сборникъ 1859 г.) и Статистическіе матеріалы о Туркестанскомъ краѣ (Записки Русскаго Географическаго Общества 1871 г.).

Ханыковъ: Пояснительная записка къ картѣ Аральскаго моря (Записки Русскаго Географическаго Общества 1861 г.).

П. Небольсинъ: О торговлѣ Россіи съ Среднею Азіею. Записки Русскаго Географическаго Общества кн. X.

Ханыковъ и Толстой: Списокъ астрономическихъ точекъ въ Средней Азіи. Тамъ же.

Борщовъ: Матеріалы для ботанической географіи Арало-Каспійскаго края.

Грехъ: Письма изъ Перовска въ «Военномъ Сборникѣ» 1859 г. и статьи объ укрѣпленіяхъ въ Оренбургскомъ краѣ, объ аральской флотиліи и пр. въ «Инженерномъ Журналѣ».

Замосовъ: Письма изъ Хивы въ 1856 и статьи о посольствахъ въ Хиву Никиторова и Данилевскаго, все въ «Военномъ Сборникѣ».

Голосовъ: Походъ въ Хиву 1717 и походъ въ Хиву 1839 — 1840 годовъ (см. Иванова).

Величко (?): Описание пути въ Хиву отъ Сарайчиковой крѣпости въ 1808 г., данное Григорьевымъ въ 1861 г. Записки Русскаго Географическаго Общества.

Киселевичъ: О Хивинскомъ ханствѣ при Сеидъ-Мухамедъ-ханѣ. Тамъ же.

Мейеръ: Статьи въ «Морскомъ Сборникѣ»: Объ устьяхъ Эмбы (1861) и о дельтѣ Сыръ-дарьи (1862), въ «Военномъ Сборникѣ» 1862 о Каратаускихъ горахъ, и рукопись о задарьинской стѣнѣ до Дау-кари, принадлежащая Главному Штабу.

Зыковъ: О хивинскихъ дѣлахъ 1838 — 1840 годовъ (Русское Слово) и объ утвержденіи русскаго владѣтельства на Аральскомъ морѣ и Сыръ-дарѣ (Морской Сборникъ 1862 г.).

Назаровъ: Воспоминанія о стѣнномъ походѣ въ Хиву и Бухару — «Военный Сборникъ» 1864.

Вамбергъ: Путешествіе въ Среднюю Азію 1863.

Неаимичевъ: Очеркъ низовой Сыръ-дарьи — «Морской Сборникъ», 1864.

Бутаксовъ: Делта и устья Аму-дары — «Отечественныя Записки» 1866 и «Туркестанскія Вѣдомости» 1872. Его же рукописи: объ Аральскомъ морѣ и о названіи въ Кунграду въ 1858 г. въ архивѣ Главнаго Штаба; его же карта Аральскаго моря съ запискою въ Journal of London Geogr. Society.

Мейеръ: Описаніе области Оренбургскихъ Кыргизовъ 1865.

Галкинъ: Этнографическіе матеріалы по Оренбургскому краю 1868.

Павино: Туркестанскій край въ 1866 году.

Романовскій: Замѣтки по среднеазіатскому вопросу 1868.

Костомаровъ: Средняя Азія и распространеніе въ ней русской гражданственности, 1871 г.

Туркестанскій Ежегодникъ 1872.

Рукописный журналъ реногносцировки въ 1871 г. Бутаксовыхъ горъ *Голова-чега* и *Шартморста*.

Разныя рукописи и официальные бумаги Главнаго Штаба.

Карты:

Спеціальная Оренбургскаго края, 10 в. въ 1 дюймѣ.

Географическая Оренбургскаго края, 50 в. въ 1 д., 1848 г., съ Хивой и значительною частью Туркестана, но безъ критическаго выбора мѣстностей при нѣкоторыхъ исправленіяхъ.

Карта Средней Азіи Военно-Топографическаго Дѣла, изданіе 1863 года, постепенно исправляемое, впрочемъ неудовлетворительно.

Карта Аральскаго моря и Хивинскаго ханства, *Хамикова*, составленная съ полнымъ знаніемъ дѣла, хотя нѣсколько устарѣвшая.

Карта Аральскаго моря, изданная морскимъ вѣдомствомъ, съ проѣздами, на основаніи работъ Бутаксова и др. Съенна Аму-дары Можайскаго.

Географическія опредѣленія въ край были дѣлаемы Леммонъ, Бутаксовымъ, Струве и Шартморстомъ.

1 мая 1873.

Одиннадцатый участокъ: Туркменскій.

Положеніе и предѣлы пограничнаго пространства.

Несмотря на то, что еще во времена Петра Великаго нѣкоторые туркменскіе роды признали себя русскими подданными, мы и доселѣ не имѣемъ другой границы въ ихъ землѣ, какъ восточный берегъ Каспійскаго моря. Немного болѣе можно сказать и про киргизовъ, кочующихъ на Усть-Уртѣ, гдѣ рубежъ между подданными Россіи и Хивы ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія. Если даже, для облегченія обзора, принять за сѣверный предѣлъ Туркменскаго участка изображаемую на картахъ границу Мангышлакскаго приставства, то и тутъ выйдетъ несообразность съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, такъ какъ восточная, при-аральская часть названнаго приставства въ дѣйствительности есть земля независимая отъ насъ, хотя по ней кочуютъ иногда не одни хивинскіе подданные, а и наши киргизы изъ родовъ адаевскаго и чумичли-табынскаго. Не менѣе любопытенъ вопросъ о южномъ предѣлѣ нашего государства по восточному берегу Каспія. Если, какъ оно есть на дѣлѣ, считать, что туркменскія земли простираются до рѣки Кара-су, впадающей въ Астрабадскій заливъ, если притомъ вспомнить, что туркмены-юмуды, жители этихъ мѣстъ, никогда не признавали себя подданными Персіи, а, напротивъ, не разъ искали покровительства Россіи, то, по справедливости, слѣдуетъ признать южнымъ предѣломъ нашихъ дѣятельности, вліянія и даже власти въ туркменской землѣ начало Астрабадскаго залива, гдѣ у насъ есть признанная персидскимъ правительствомъ морская станція. Однако еще въ 1870 году мы склонны были думать, что персидскія владѣнія простираются до Атрека, а въ Тегеранѣ, повидимому, такъ думаютъ и до сего времени, хотя, по справедливому выраженію туркменовъ, «ни одинъ персіянинъ не появляется у береговъ этой рѣки иначе, какъ на веревкѣ». Въ нашемъ обзорѣ, гдѣ дѣло идетъ не о политическихъ фикціяхъ, а о фактахъ стратегическаго значенія, естественно

пренебречь условною линією по Атреку и разсматривать, какъ цѣльную окраину, всѣ закаспійскія степи отъ самаго Кара-су. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ сказать, что *русско-туркменская граница* начинается у Ашуръ-аде и идетъ вдоль восточнаго берега Каспійскаго моря до Тюпъ-Карагана, сѣвернѣе котораго кочевья туркменъ не встрѣчаются. И какъ полуострова Мангышлакъ и Бузачи, а равно побережья залива Кайдакъ, входятъ въ составъ Мангышлакскаго приставства, котораго административный центръ именно у Тюпъ-Карагана, то за сѣверный предѣлъ туркменскаго *пограничнаго пространства* остается признать границу этого пространства, вслѣдствіе чего нашему обозрѣнію подлежатъ всѣ закаспійскія земли кавказскаго вѣдомства.

При такомъ взглядѣ на положеніе туркменской окраины мы можемъ сказать, что длина пограничной черты здѣсь равняется 1,920 верстамъ, не считая береговой линіи глубоко-вдавшихся въ материкъ залива Гассанъ-Кули, Кара-бугаза, Кендерли, Александръ-ял и Кара-кычу. Определить же величину площади, подлежащей обозру, нельзя, такъ какъ восточные предѣлы ея не могутъ быть установлены, да и географія ея такъ мало извѣстна, что есть цѣлыя сотни верстъ, на которыхъ не ступала нога европейца. Для опредѣленія положенія страны на картѣ имѣется однако 65 астрономическихъ точекъ, которыя перечислены въ приложеніи къ настоящему обозру. Къ этимъ 65 пунктамъ можно было бы прибавить еще нѣсколько на сѣверѣ Персіи, на югѣ оренбургской степи и въ Бухаріи, если бы понадобилось начертить карту всѣхъ вообще туркменскихъ степей; но очевидно, что эти точки лежатъ внѣ того пространства, которое насъ можетъ интересовать, и притомъ онѣ расположены все-таки не окраинамъ туркменской земли. Географія же срединны ея остается при самомъ ограниченномъ числѣ надежныхъ основаній, и отъ того нѣтъ двухъ картъ ея, которыя одинъ и тѣ же предумышленно показывали бы на тѣхъ же мѣстахъ. Сѣмьи племени страны такія начались не очень давно, и если Мангышлакъ изслѣдованъ еще въ 1840-ыхъ годахъ, то мѣстности на югъ съ параллели Кара-бугаза стали наноситься на планъ не ранѣе 1871 года и для обстоятельнаго ихъ осмотра потребуется еще много времени.

Топографія.

Важнѣйшая топографическая особенность туркменскаго пограничнаго пространства состоитъ въ томъ, что оно почти не имѣетъ

горь, рѣкъ и прѣсноводныхъ озеръ, и что почва его, болѣею частью песчаная или глинисто-солонцеватая, совершенно лишена растительности, за исключеніемъ рѣдкихъ кустарниковъ саксаула и жигдовника, да кое-какихъ степныхъ или солонцовыхъ травъ. Это пустыня въ самомъ печальномъ смыслѣ слова.

Единственныя возвышенности въ этой горизонтальной равнинѣ, которой небольшая часть лежитъ даже ниже уровня океана *), суть: 1) *чинкъ* или обрывъ Усть-Урта, обширной, высокой равнины, занимающей сѣверную часть страны, между Араломъ и Каспіемъ, и выходящейся нерѣдко надъ сосѣдними низменностями до 500 и болѣе футовъ; 2) горы *Балаханскія*, состоящія изъ двухъ массивовъ, раздѣленныхъ русломъ бывшей Аму-дарьи, и 3) горы *Корренъ-дагъ* и *Кенетъ-дагъ*, ограничивающія съ сѣвера бассейнъ рѣки Ат-репа. Положеніе «чинка» на востокѣ, сѣверѣ и западѣ хорошо извѣстно по съемкамъ; на югѣ же его изгибы представляются недовольно еще изслѣдованными, такъ что приходится руководствоваться отчасти отрывочными наблюденіями, а отчасти даже распросами.

Согласно послѣднимъ, собраннымъ еще въ 1859 г. Дандевилемъ, отъ западной оконечности бывшаго Айбугирскаго озера чинкъ направляется къ юго-востоку, на протяженіи 38 верстъ, и подходит къ бывшему руслу Аму-дарьи. Образовавъ здѣсь острый уголъ, на оконечности котораго находится гора Часъ-тюбе, онъ поворачиваетъ вдоль русла прямо на западъ и тянется на 12 верстъ до развалинъ бывшей хивинской крѣпости Дау-Кисень. Потомъ, повернувшись на сѣверо-востокъ и отойдя отъ русла верстъ на 40, загибается снова на югъ и подходит къ руслу мысомъ Ирѣ-муруномъ, образовавъ такимъ образомъ полуциркъ или впадину до 20 верстъ шириною. На краяхъ этой впадины, т. е. на берегу бывшаго залива, замѣчательны мысъ Ханъ-Терсеги и могила Ибрагимъ-ата, почитаемая у туземцевъ какъ святыня. Отъ мыса Ира-мурунъ чинкъ тянется на 35 верстъ къ юго-западу, вдоль бывшаго протока Аму-дарьи, называемаго Сарыгамышскимъ, до м. Ахъ-буруна. Между этимъ мысомъ и мысомъ Кара-арсыкъ, лежащимъ въ 36 верстахъ на сѣверо-западъ отъ перваго, чинкъ образуетъ правильную полукруглую ложину, имѣющую до 20 верстъ ширины, а отъ Кара-

*) Каспійское море ниже океана на 36 футовъ, а многія прибрежныя мѣстности высятся надъ нимъ едва на 3—4 фута.

ярника идетъ опять вдоль русла Аму-дарьи на югъ цѣлыя 200 верстъ, до колодцевъ Куртышъ. На этомъ послѣднемъ пространствѣ онъ образуетъ два замѣчательные выступа: м. Акъ-джійнышъ и другой у колодцевъ Чарышлы, лежащихъ въ руслѣ Аму-дарьи. Здѣсь же находится спускъ съ него къ Сары-камышу. За Чарышлами до кол. Куртышъ чинкъ носитъ названіе Кафланъ-кыра и идетъ вплоть у стараго русла Окса, но потомъ повидимому нѣсколько отступаетъ отъ него внутрь Усть-Урта, т. е. къ сѣверо-западу. По крайней мѣрѣ у колодца Игдовъ, въ 50—60 верстахъ отъ Куртыша, чинка не замѣтно, хотя правый берегъ русла и крутъ. Новѣйшій его подступъ къ руслу, здѣсь уже хорошо обследованному замѣчается верстахъ въ 40 ниже, т. е. западнѣе Игдовъ, и тутъ онъ, подъ названіемъ, Богуруславъ-кыра, сопровождается узбой (т. е. русло) на 45 верстъ, особенно приближаясь къ нему близъ озера Джамала и колодца Арватъ. За колодцемъ Бургунъ обрывъ Усть-Урта вновь отклоняется къ сѣверо-западу, и узбой пролегаетъ среди невысокой песчаной степи, пока мало-по-малу, верстъ черезъ 70, не коснется юго-восточной оконечности Балханскихъ горъ у кол. Бууруджи.

Этотъ, не вполне еще изслѣдованный чинкъ составляетъ довольно важный въ степи предметъ какъ въ топографическомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онъ служитъ рѣзкою раздѣльною чертою между сравнительно высокими Усть-Уртомъ и низменными степями лѣваго берега прежней Аму-дарьи. Крутизна обрыва такова, что спуски по немъ встрѣчаются лишь мѣстами и вообще очень круты, а потому можно стоять на Усть-Уртѣ очень близко отъ Аму, видѣть ея русло и не быть въ состояніи достигнуть его. Во-вторыхъ, чинкъ обозначаетъ собою, предѣлъ распространенія къ югу глинисто-известковой почвы Усть-Урта, которая у подошвы его смѣняется песками и солонцами; сообразно этому измѣняется и характеръ скудной степной растительности. Вода на низменности, особенно въ старомъ руслѣ Аму, также находится въ иныхъ условіяхъ и представляетъ иные качества, чѣмъ на Усть-Уртѣ: она лучше и держится не въ столь глубокихъ колодцахъ, какъ на этой пустынной возвышенности. Въ руслѣ Аму даже обыкновенно находятъ вполне прѣсную воду на нѣсколькихъ футахъ подъ поверхностью почвы. Наконецъ, южный чинкъ образуетъ до нѣкоторой степени этнографическую границу киргизовъ съ юга, которую они никогда не переходятъ, хотя, съ своей стороны, туркмены распространяются далеко на сѣверъ отъ этой раздѣльной линіи.

Распространяющийся на сѣверѣ отъ древняго русла Оксуса и его крутого праваго берега Усть-Уртъ представляетъ часто сплошную равнину на многія сотни верстъ. Главные мѣстные предметы, которые можно встрѣтить тутъ на твердо-глинистой, хрищеватой или известковой почвѣ, суть солонцоватыя грязи и, обыкновенно въ сосѣдствѣ ихъ, пески, кочковатыя и бугристыя. Но на меридианѣ Карабугаза, къ сѣверу отъ этого залива и въ направленіи къ заливу Байдакъ, лежитъ глубокая и широкая впадина, которой поверхность обнажилась отъ водъ, очевидно, позднѣе, чѣмъ самый Усть-Уртъ. Эта впадина или лощина имѣетъ отъ 30 до 60 верстъ ширины и наполнена песками (Сынтырь-кумъ, Карынъ-ярыкъ), солонцами и грязями. Чинкъ обрамляетъ ее съ востока и запада, чѣмъ и обнаруживается для путешественника перерывъ Усть-Урта, раздѣленіе его на западную и восточную половины; изъ нихъ первая, меньшая, образуетъ ту страну, которую мы называемъ *Мангышлакомъ*, по имени полуострова, составляющаго западную ея оконечность. Мѣстность Мангышлака уже разнообразнѣе, чѣмъ восточная половина Усть-Урта. Именно, въ широтахъ $44^{\circ} 5' - 44^{\circ} 25'$ здѣсь проходятъ двѣ параллельныя цѣпи небольшихъ высотъ Акъ-тау и Кара-тау, служащія границею между полуостровами Мангышлакомъ и Бузачи, изъ которыхъ первый возвышенъ, а послѣдній, напротивъ, низменъ. По свидѣтельству Иванова, на Кара-тау есть вершины (Карачеку) до 2,450 ф. надъ моремъ, а въ промежуткѣ ихъ и Акъ-тау лежатъ высокія долины Бека, Акъ-тюбе, Башъ-кочукъ, Керасаръ и др., отъ 2 до 8 верстъ шириною и весьма богатая травами даже въ жаркое время года. Здѣсь же найдены каменный уголь, впрочемъ годный скорѣе на приготовленіе газа, чѣмъ на топливо, такъ какъ содержитъ въ себѣ 8% сѣрнаго колчедана, 48% жидкихъ веществъ и не болѣе 43% чистаго углерода.

Другое широкое углубленіе въ почвѣ Усть-Урта есть промежутокъ между нимъ и сѣвернымъ скатомъ Балканскихъ горъ, такъ называемые пески Чиль-Маметъ-Кумъ, которые подходятъ къ руслу Аму-дарьи между колодцами Акча и Декча, а на сѣверо-западъ распространяются до окрестностей Гезли-ата, т. е. въ общемъ итогѣ слишкомъ на 100 верстъ въ длину и на 35 въ ширину. Но эта песчаная низменность не доходитъ на сѣверѣ до залива Карабугаза, а отдѣляется отъ него рядомъ высотъ, принадлежащихъ къ составу Усть-Урта. Идя отъ Гезли-ата къ Сары-камышу, поперегъ всего Усть-Урта, встрѣчаемъ также не мало мѣстныхъ, небольшихъ углубленій, какъ бы озеръ или старыхъ рѣчныхъ руслъ, которыя

показываютъ, что нѣкогда и въ этой пустынѣ были вѣстимшица водъ стоячихъ и даже текучихъ.

Съ переходомъ отъ Усть-Урта на югъ, за сухое русло Аму-дарьи, мы вступаемъ въ страну мало извѣстную, даже съ распрое-совъ, за исключеніемъ пространства, осматрѣннаго въ 1870—72 го-дахъ. Наиболѣе важныя мѣстные предметы здѣсь, начиная съ во-стока, суть: болота по низовьямъ рѣкъ *Мурхаба* и *Теджента*, вы-текающихъ изъ Гурзевана и Хорасана и теряющихся въ степи; вы-соты *Кепетъ-дагъ* или *Кюрлягъ-дагъ*, которыхъ сѣверный скатъ обри-вистъ, а южный пологъ и питаетъ нѣкоторые притоки рѣки Атре-ка; наконецъ, высоты, сосѣднія заливу Балханскому и носящія на-званія *Кичи-Балханъ*, *Улу-Балханъ* и *Курря*. Свѣдѣнія наши о ни-зовьяхъ Мурхаба и Теджента очень поверхностны, ибо немногіе пу-тешественники, бывшіе по близости ихъ, Борнсъ, Абботъ, Вамбери, говорятъ о нихъ очень мало. Высоты Кепетъ-дага также извѣстны лишь западнѣе Беурмы, гдѣ онѣ не превосходятъ 2,035 футовъ надъ океаномъ. Гора Парау, которая, по прежнимъ распроесамъ, должна быть высочайшею въ этой цѣпи, еще не была видѣна на-шими путешественниками, а потому, вмѣстѣ съ остальными горными кряжями, тянущимися къ Серахсу, наносится на карты лишь при-близительно.

Что касается до высотъ, описывающихъ Балханскій заливъ, то онѣ начинаются у Каспійскаго моря, известковою горою *Каймана*, которая извѣстна своею пещерою. Отсюда на востокъ лежатъ вы-соты *Бектемиръ* и *Уфракъ*, прилежащія вплоть къ берегу залива. И тѣ и другія совершенно пустычны, лишены растительности и даже содержать немного колодезъ, изъ которыхъ лучшіе по каче-ству воды суть Балкун; на сѣверо-западѣ отъ Красноводска. Про-долженіе этихъ высотъ къ востоку, такъ называемый *Коорреманъ-кары*, тянется вдоль всего сѣвернаго берега Балханскаго залива, у восточнаго конца котораго высятся холмы Иртыкъ-Бурулъ, и далѣе къ востоку Огланлы, и, наконецъ, въ 150 верстахъ отъ Красно-водска, Улу Балханъ, съ вершиною *Диремъ-дагъ*. Высота Диремъ-дага простирается до 5,360 футовъ надъ океаномъ, и гора откры-вается взору иногда за сто и болѣе верстъ. Весь массивъ Улу-Балхана, растянутый отъ запада на востокъ, состоитъ изъ крупныхъ скалистыхъ высотъ, между которыми быстро сбѣгающія дождевыя воды прорыли не мало ущелій. Юго-восточный отклонъ сначала весьма крутой, потомъ постепенно спускается къ узбоду, т. е. руслу Аму-дарьи, въ которое и падаетъ небольшими обрывами. Малый

Балханъ (Кичи-Балханъ, 2,567 футовъ) лежитъ прямо на югъ отъ восточной половины Большого, и составляетъ какъ бы отрывокъ наклоняющагося на востокъ отъ него Кюрянъ-дага, такъ что если бы наводили туркменскія степи, то онъ являлся бы небольшимъ островомъ противу западной оконечности материка. Въ вообще Балханскія горы совершенно пустыни, и лишь по нѣкоторымъ ихъ ущельямъ и покатосямъ растутъ можжевельныя деревца да кусты черешни, смоквы и барбариса; травъ же на нихъ мало, и онѣ горьки на вкусъ. Ядро горъ слагается изъ раковистаго известняка и песчаника, изъ которыхъ въ очень немногихъ мѣстахъ показываются ключи. При одномъ изъ нихъ, на сѣверо-западѣ отъ Диремъ-дага, находилась въ древнее время вѣрхпостца Ташъ-арватъ, а другой, Буро-су, среди Большого Балхана, въ ущельѣ, извѣстенъ за вкусъ и чистоту его, впрочемъ небольшой, воды.

Чтобы окончить излагаемую здѣсь орографію Туркменіи, намъ остается сказать нѣсколько словъ о горахъ, обставляющихъ на крайнемъ юго-западѣ страны бассейнъ двухъ рѣкъ, Атрека и Гюргени, съ нѣмъ небольшими притоками. Обѣ названныя рѣки начинаются въ Хорасанскихъ горахъ и направляются сначала на сѣверо-западъ, а потомъ склоняются въ юго-западъ. У Атрека есть нѣсколько притоковъ слѣва и справа; но всѣ они маловодны, по той, вѣроятно, причинѣ, что выходятъ изъ невысокихъ горъ и текутъ въ странѣ, гдѣ атмосфера очень суха. Именно, въ горахъ Кенетъ-дагъ, ограничивающихъ атрекскій бассейнъ съ сѣвера, не найдено пока вершинъ, переходящихъ за 2,300 ф., а переваль Уйла-Кошлюкъ, на ю.-з. отъ Кизиль-арвата, достигаетъ только 1,997 ф. Гюргень напротивъ, питается изъ краевой болѣе возвышенныхъ и увлажяемыхъ дождями, которые западный вѣтеръ приноситъ съ сѣвернаго Каспія, а потому гораздо многоводнѣе Атрека, хотя и короче его. Наибысшая точка въ Астрабадской провинціи, пограничной съ туркменской землей, есть *Гезъ-дагъ*, 7,300 футовъ; но онъ уже лежитъ внутри Персіи, наравнѣ со всѣми Хорасанскими горами, вдоль которыхъ идетъ лучшая дорога отъ береговъ Каспійскаго моря въ Афганистанъ и которая даетъ начало Тедженту и другимъ сѣверо-персидскимъ рѣкамъ; издающимъ при выходѣ на песчаную туркменскую низменность. Эта послѣдняя низменность вообще составляетъ, до самой Хивы, совершенную пустыню, извѣстную подъ именемъ *Карамумъ* (Черныя Пески) и обитаемую лишь у подножія Кенетъ-дага и по немногимъ оазисамъ.

Отъ этой черты строенія почвы внутри туркменской земли приво-

доть насъ теперь къ обозрѣнію той ея окраины, которая лежитъ къ сторонѣ Россіи и доселѣ одна находится въ прямой зависимости отъ насъ. Разумѣемъ восточный берегъ Каспійскаго моря. Если начать описаніе его съ сѣвера, отъ залива *Кайдакъ*, то мы должны прежде всего сказать, что вдоль восточнаго берега этого залива идетъ почти по прямой линіи чинкъ, т. е. обрывъ Усть-Урта, очень крутой, но нигдѣ не прилегающій прямо къ берегу, такъ что остается полоса песковъ отъ двухъ до трехъ верстъ. Затѣмъ, западный берегъ того же залива *Кайдакъ* и весь полуостровъ *Бузачи* представляютъ низменность, наполненную песками, солонками и камышевыми болотами. Только отъ заливовъ *Кошакъ* и *Сартамъ* берегъ Каспійскаго моря становится выше, благодаря приближенію чинка и горъ Акъ-тау и Кара-тау. Крайняя западная оконечность Усть-Урта, упираясь въ море, образуетъ высокій мысъ *Тюпъ-Караганъ*, и отсюда берегъ Каспія поворачиваетъ на югъ. До самаго мыса *Мыловое* онъ состоитъ изъ известковыхъ скалъ, почти вплоть подходящихъ къ водѣ. Далѣе къ *Кендерлинскому* заливу и *Карабугазу* обрывъ становится не такъ высокъ, отступаетъ мѣстами отъ берега, но все еще замѣтенъ до самой горы *Куйматъ* на западной сторонѣ карабугазской косы, гдѣ онъ окончательно замѣняется несчаною степью. Эта степь переходитъ и на югъ отъ Карабугазскаго пролива, на полуостровъ Балханскій, и здѣсь разстилается до самой подошвы горъ *Кюрря*, будучи наполнена остатками соляныхъ озеръ. Чинкъ же обходитъ заливъ *Карабугазъ* съ сѣвера и востока, нигдѣ, однако, не имѣя той высоты, какъ на Мангышлакъ, за исключеніемъ восточнаго берега залива, между горою *Куланъ-Гурланъ* и мысомъ *Салакъ-сениръ*. Весь сѣверный берегъ Балханскаго залива, кромѣ песчаной косы Красноводской, скалистъ и высокъ; южный же, принадлежащій полуострову *Дардакъ*, опять низменъ, хотя и не въ такой степени, какъ слѣдующій далѣе къ югу до Гассанъ-Кули и Кара-су. На этомъ послѣднемъ особенно любопытна такъ называемая *Хивинская коса* — полоса песку версты въ двѣ шириною, отдѣленная отъ моря длиннымъ солончакомъ, за которымъ уже начинается матерая земля, также весьма низменная и болѣею частью песчаная. Море у этого берега очень мелко, тогда какъ въ западной половинѣ Балханскаго залива и на сѣверъ отъ него до Тюпъ-Карагана оно на столько глубоко, что большія суда могутъ подходить къ берегу на сто и менѣе сажень.

Противъ Хивинской косы, мореплаватели, держась изъ осторожности верстахъ въ 10—12 отъ берега, обыкновенно не видятъ его,

и только два бугра, *Зеленый* и *Бланный*, служат для них признаками сосѣдства земли. За Гассанъ-Кули берегъ опять песчанъ и низменъ, но уже не имѣетъ солонцоватой полосы, а въ замѣнъ того поросъ камышомъ, особенно при устьяхъ Гюргени, т. е. южнѣе такъ называемаго *Серебрянаго* бугра *). Устье *Кара-су*, настоящей границы Турменіи съ Персіей, болотисто, какъ и большая часть русла ея, а лежащій нѣсколько сѣвернѣе этого устья, при входѣ въ Астрабадскій заливъ, островъ *Ашуръ*, на которомъ учреждена наша морская станція, песчанъ и низменъ.

Общая длина береговой границы, отъ устья *Кара-су* на югъ до предѣловъ Мангышлакскаго приставства на сѣверѣ, составляетъ 1,920 верстъ, не считая заливовъ *Гассанъ-Кули*, *Карабуза* и *Ащи*, **) которые соединяются съ моремъ столь узкими проливами, что образуютъ почти внутреннія озера. Это, стало быть, почти столь же длинная береговая линія, какъ на Балтійскомъ морѣ отъ Полагена до Торнео, и разница состоитъ только въ томъ, что здѣсь мы стоимъ на морѣ противъ суши, тогда какъ у балтійскихъ береговъ на сушѣ противу моря. Такое обстоятельство заставляетъ насъ съ особенною внимательностью изучать вообще водяной путь по Каспійскому морю, и преимущественно тѣ заливы и бухты у его восточнаго берега, которые представляютъ удобства для стоянки судовъ и высадки войскъ, и даже для устройства прибрежныхъ осѣдлостей, хотя въ послѣднемъ отношеніи весь берегъ Турменіи весьма неудобенъ по совершенной своей бесплодности. Съ точки зрѣнія мореплаванія, прежде всего нужно замѣтить, что вся сѣверная часть моря, по сѣверной сторонѣ Мангышлака и Бузачи, а также въ заливѣ Кайдакъ, крайне неудобна для большихъ кораблей, которые должны бывать останавливаться за 40, 50 и даже 70 верстъ отъ берега, чтобы начать высадку или выгрузку сначала на кусовыхъ лодкахъ, потомъ на небольшихъ челнокахъ, а наконецъ и просто пѣшкомъ черезъ бурунь. Благодаря этому способу выгрузки, неизбежному по мелководью, въ 1830-хъ годахъ, при доставкѣ снабженія въ укрѣпленіе Александровское, у залива Кайдака, платилось отъ 20 до 25 рублей асигнаціями за перевозку сажени дровъ въ это укрѣпленіе изъ Астрахани. Отъ Тюпъ-Кара-

*) Бугоръ этотъ образовался отъ наноса песку вокругъ развалинъ старинной каменной стѣны, которая тянулась на востокъ почти до самаго Бужнурда, т. е. на протяженіи около 300 верстъ. Западнѣе Серебрянаго бугра, ея продолженіе видно на 28 верстъ подъ водою, въ морѣ.

**) Заливъ Ащи въ послѣднее время высохъ.

гана къ югу, напротивъ, море вездѣ достаточно глубоко до самаго залива Балханскаго. Здѣсь находятся хорошія якорныя стоянки: въ бухтѣ *Александровской*, на сѣверо-западной сторонѣ Мангышлака; у мысовъ *Самиды* и *Мылового* (при вѣтрахъ N. и O.); въ заливѣ *Александръ-бай* или *Бектурм-ишанъ*; въ *Кендерминскомъ* заливѣ *); въ сѣверо-западной части самаго залива *Балханскаго*, гдѣ бухта *Соймонова* имѣетъ глубины 14 футовъ, бухта *Муравьева* 16 футовъ, и даже у самой оконечности *Красноводской* косы есть небольшая якорная стоянка для мелкихъ судовъ **), и наконецъ, въ заливѣ *Михайловскомъ*. Кромѣ того, суда могутъ по близости восточнаго берега Каспійскаго моря укрываться отъ вѣтровъ въ бухтѣ *Каракумъ*, на южной сторонѣ озера Челекени. Но къ югу отсюда, до самаго *Астрабадскаго* залива, нѣтъ ни одного рейда, гдѣ корабли могли бы оставаться на якорѣ, и опасность плаванія увеличивается крайнимъ мелководіемъ берега, туманами, отдѣвающими его зимою и осенью, или же западными вѣтрами, которые нерѣдко дуютъ съ большою силою. Заливъ *Гассанъ-кумъ*, который на географической картѣ представляется прекрасною естественною гаванью, на самомъ дѣлѣ есть большая лужа, заросшая на половину камышами и имѣющая глубины всего три фута. Южнѣе его, у *Серебрянаго Бура*, палубныя суда должны бывать останавливаться отъ берега въ семи верстахъ и самыя шлюпки не подходятъ непосредственно къ берегу, а люди высаживаются пѣшкомъ чрезъ буруны. Только въ *Астрабадскомъ* заливѣ корабли имѣютъ надежную стоянку, на глубинѣ отъ 15 до 17-ти футовъ.

Объ обширномъ заливѣ *Карабугазскомъ*, который не упомянуть выше на ряду съ другими развѣтвленіями Каспійскаго моря, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Общая окружность его простирается до 500 верстъ; берега на сѣверѣ и востокѣ круты, на югѣ и западѣ песчаны и низменны. Съ моремъ онъ соединяется проливомъ около пяти верстъ длиною, 125 сажень шириною и 4-хъ сажень глубиною; самъ по себѣ вообще мелководенъ. Находясь среди стеной, отличающихся сухостью воздуха, онъ отдѣляетъ такую массу испареній, что на пополненіе утраты вода изъ Каспія съ силою стре-

*) Наибольшая глубина среди залива 35 футовъ, у входа 28 футовъ.

**) Напротивъ, восточная часть залива Балханскаго очень мелка и, по плохому грунту, неудобна даже для гребныхъ судовъ. Уровень воды притомъ измѣняется въ этой части залива сообразно съ вѣтрами и бываетъ наибольшимъ при западномъ вѣтрѣ.

мится через проливъ и образуетъ тамъ теченіе около двухъ уловъ въ часъ. Этотъ приливъ соленой воды и испареніе прѣсной, не-вознаграждаемое дождями, производятъ то, что вода Карабугаза необычайно солона, такъ что ни одна рыба не можетъ въ немъ жить. Боса, отдѣляющая заливъ отъ моря, песчана и столь низка, что черезъ нее можно, въ случаѣ нужды, перетаскивать лодки для плаванія въ заливъ. Но такое плаваніе непріятно и даже опасно, ибо прибой волнъ у береговъ довольно высокъ. Иарѣдка въ Карабугазъ заходятъ лодки промышленниковъ за тюленями или рыбаковъ, спасающихся въ проливъ отъ сильныхъ западныхъ вѣтровъ на морѣ. Вслѣдствіе довольно сильнаго теченія въ проливѣ, всегда направленного въ одну сторону, туркмены говорятъ, что Карабугазъ сосетъ воду изъ Каспійскаго моря, что и справедливо: не будь его, море это высыхало бы менѣе быстро.

Сверхъ заливовъ и бухтъ, на Каспійскомъ морѣ заслуживаютъ еще вниманія нѣкоторые острова, особенно же архипелагъ, лежащій южнѣ залива Балханскаго. Всѣ составляющіе его острова песчаны и низки, и только на самомъ большемъ, *Челекени*, середина имѣетъ нѣсколько высотъ, между которыми гора *Чохракъ* есть наибольшая. Челекенъ совершенно безплоденъ, какъ и всѣ окрестныя мѣстности, почти не имѣетъ воды, а какая и есть въ ключахъ, то соленая; но онъ замѣчательнъ по богатству нефти, которой источники или колодцы, въ числѣ до 3,000, разсѣяны по многимъ частямъ острова. Другое его богатство есть соль, добываемая изъ озеръ, особенно изъ лежащаго на востокѣ, *Агашм-башм*. Островъ Огурчинскій или *Айдакъ*, лежащій къ югу отъ Челекени, не производитъ нефти; но въ замѣнъ того имѣетъ нѣсколько растительности, жигдовника и тростника, и прѣсную воду въ колодцахъ не болѣе 1½ аршина глубиною. Есть на немъ и солонцоватые озера, въ которыхъ послѣ жаровъ соль садится красивыми разноцвѣтными кристаллами. Длинный и узкій островъ этотъ совершенно низокъ, и почва его образована изъ песку и ракушки.

Отъ обзора моря и лежащихъ среди его частей суши перейдемъ къ описанію тѣхъ водъ, которыя, въ свою очередь, скопились на поверхности материка. На всемъ протяженіи туркменскаго пограничнаго пространства нѣтъ ни одного значительнаго озера, особенно прѣсноводнаго. Наибольшія суть: *Батыръ-куль*, *Каунды* (пересыхающее), *Тузь-куль*, *Кошкаръ-ата* на Мангышлакѣ, всѣ соленныя; *Кукурри-ата* на Балханскомъ полуостровѣ и *Кызанъ* на Бузачи — тоже. На Усть-Уртѣ вовсе нѣтъ озеръ, а сохранились только мѣстами солонцо-

ватны грязи, изъ которыхъ самыя обширныя суть *Барса-каммасъ*, подъ 44° широты и въ 75 верстахъ отъ Аральскаго моря. Еще менѣе обильна Туркменія водами текучими. Кромѣ названныхъ уже не разъ рѣчекъ Кара-су, Гюргени и Атрека, съ ихъ немногими притоками, на всемъ пространствѣ отъ Оренбургской степи до Персіи и отъ Каспійскаго моря до Хивинскаго оазиса, нѣтъ ни одной. Рѣчка *Карасу*, пограничная съ Астрабадской провинціей, имѣетъ едва 60 верстъ длины и состоитъ изъ ряда болотистыхъ омутовъ, которые заросли камышами. Низовья Гюргени имѣютъ тотъ же характеръ. Рѣка здѣсь раздѣляется на рукава, изъ которыхъ главный есть лѣвый, образующій невдалекѣ отъ устья лиманъ *Караванъ*, изъ котораго два рукава, *Ходжа-Нефесъ* и *Кичикъ-Гюргень*, текутъ непосредственно въ море, раздѣляясь впрочемъ снова каждый на двѣ небольшія вѣтви. Общее число устій Гюргени семь; но только въ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ входить съ моря небольшія туркменскія лодки. Верховья же этой рѣки, верстахъ въ 150 отъ моря, орошаютъ лучшую часть Туркменіи, гдѣ тѣнятся многочисленные аулы юмудовъ и ихъ сосѣдей гокленовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга рѣчкой *Караджа-су*. Здѣсь по горамъ встрѣчается довольно роскошная растительность, даже деревья. Вершины горъ одѣты лѣсами, на покатостяхъ растутъ гранатники, греціи орѣхъ, виноградъ, смоквы и шелковица. Словомъ, вся влажность, уносимая отъ южной половины Каспія западными вѣтрами, осаждается здѣсь и оплодотворяетъ почву до такой степени, что мѣстность по верховьямъ Гюргени представляетъ рѣзкое исключеніе въ массѣ туркменскихъ земель: это какъ бы туркменскій рай.

Рѣка *Атрекъ* мелководнѣе Гюргени, несмотря на то, что длиннѣе ея и имѣетъ въ верховьяхъ нѣсколько притоковъ. Начало ея въ Хорасанѣ, на юго-востокъ отъ Ширвана, мимо котораго она протекаетъ. Выйдя изъ Персіи въ Туркменію, она сопровождается еще нѣкоторое время горами, справа *Зане-даюмъ*, слѣва *Курдъ-мичемъ*. Она принимаетъ здѣсь справа, между прочимъ, рѣку *Сумбаръ* съ притокомъ *Чандыръ*, которыя обѣ служатъ для орошенія туркменскихъ полей помощью выведенныхъ изъ нихъ арыковъ. Средняя и нижняя часть Атрека проходятъ холмистою степью, гдѣ рѣка мало по малу становится маловоднѣе, хотя и не отдѣляетъ арыковъ, по причинѣ крутихъ береговъ. Въ шести верстахъ ниже бугра *Козу-куранъ*, Атрекъ раздѣляется на нѣсколько главныхъ рукавовъ, которые, версты четыре ниже, впадаютъ многочисленными мелкими рукавами въ заливъ Гассанъ-Кули. Устья Атрека очень

мелки, берега около нихъ низки и илсты, вода мутна, но теченіе быстро. Въ полную воду Атрекъ разливается на значительное пространство и тогда оставляетъ на долинѣ много илу, который даетъ превосходные урожаи. Въ сухое время онъ мелокъ и вода въ немъ солоноватая.

Къ сѣверу отъ Атрежа нѣкогда предполагалась впадающая въ Каспійское море рѣка *Теджентъ*; но теперь достоверно извѣстно, что она теряется въ пескахъ и въ камышахъ по крайней мѣрѣ въ 480 верстахъ къ востоку отъ морскихъ береговъ и, вѣроятно, если когда впадала въ Каспій, то, при посредствѣ Аму-дарьи, наравнѣ съ Мервью (Мурхабомъ). Затѣмъ вниманіе наше останавливается на пересохшемъ руслѣ самой *Аму-дарьи*. Всѣ преданія среднеазіатцевъ подтверждаютъ свидѣтельства древнихъ писателей, что Аму-дарья, подъ именемъ Окса, впадала въ Каспійское море. У хивинцевъ, туркменовъ и киргизовъ, кромѣ того, есть довольно опредѣлительное показаніе, что отводъ ея въ Аральское море сдѣланъ первоначально въ XIII вѣкѣ, а потомъ запруда поддерживалась постоянно, хотя и не всегда успѣшно, такъ какъ напоръ воды прорывалъ плотины. Объ одномъ изъ подобныхъ прорывовъ, случившихся въ 1850 году, имѣются нѣкоторые распросныя свѣдѣнія, свидѣтельствующія, что вода дошла въ то время до Сары-камышъ, находящагося въ 110 верстахъ отъ Куны-Ургенча, и залила площадь въ 375 квадратныхъ верстѣ. И это, не смотря на то, что рѣчная вода Окса изливается пятнадцатью устьями въ Аральское море и наполняетъ, посредствомъ одиннадцати большихъ и множества мелкихъ каналовъ, всѣ поля Хивинскаго ханства, а значительную часть дельты обращаетъ въ болото. Споры о времени прекращенія притока Аму въ Каспійское море здѣсь, разумѣется, не могутъ подлежать разсмотрѣнію; затѣмъ относительно теперешняго положенія ея русла мы находимъ у Муравьева, Бларамберга, Дандевилля, Вамбери, Маркозова и особенно Стебницкаго слѣдующія точныя данныя.

Прежнее русло Аму-дарьи, направленное къ Каспійскому морю, начинается у крѣпости Бентъ, лежащей, между городами Кипчакомъ и Ходжейли, на плотинѣ, которая ограждаетъ лѣвый берегъ настоящей рѣки, пропуская однако часть водъ ея на западъ, въ рукавъ *Лауданъ*. Въ сорока верстахъ отъ Бента изъ Лаудана, направляющагося къ Айбугиру, отдѣляется къ юго-западу рукавъ *Сакраукъ*, на которомъ, въ двадцати верстахъ отъ вершины, находится городъ Куны-Ургенчъ съ плотиною, построенною хивий-

цами для удержанія воды въ нынѣшнемъ руслѣ Аму. Отъ Куля-Ургенча начинается уже сухое русло, *узбой*, который идетъ въ юго-западу и въ сорока верстахъ, у подошвы чинка, близъ развалинъ укрѣпленія Дау-кисенъ достигаетъ новой плотины, окончательно удерживающей воду, въ случаѣ прорыва ея черезъ Куля-ургенцскую. Здѣсь же, у Дау-кисеня, русло раздѣляется на два рукава, сѣверный и южный. Первый идетъ подъ самымъ чинкомъ, отъ котораго отмылъ даже высокую и длинную гору *Будия-дагъ*; второй направляется степью въ урочищу *Чарышлы*, у котораго оба рукава вновь соединяются, пройдя врозь около ста восьмидесяти верстъ каждый. На этомъ протяженіи, сѣверный, т. е. правый рукавъ, который повидимому былъ главнымъ, проходитъ мимо урочища Вешъ-дешика, гдѣ въ руслѣ есть колодцы, а въ сосѣднемъ чинкѣ пещеры, и затѣмъ, южнѣе *Сары-камышъ*, образуетъ озеро *Бетендаль-куль*, которое въ 1871 году оказалось на столько полнымъ водою, что длина его простиралась до двадцати шести верстъ, а наибольшая ширина до восьми. Подобный же прорывъ, по словамъ туркменовъ, записаннымъ Дандевилемъ, имѣлъ мѣсто и въ 1849—50 годахъ, когда Сары-камышское озеро достигало даже большихъ размѣровъ. Что касается лѣваго рукава, то и онъ, повидимому, проходитъ столь горизонтальными равнинами, что образуетъ озеровидное скопленіе воды, но уже не столь обширное и рѣже возобновляемое. По крайней мѣрѣ, въ 1863 году, Вамбери видѣлъ тутъ, почти на одной высотѣ съ Сары-камышемъ, озеро *Шаръ-чель*, въ окружности до восемнадцати верстъ; но вода въ немъ была не прѣсная, а соленая, что свидѣтельствуетъ о разобщеніи его съ Аму-дарьею. Оба рукава, правый, Муравьевскій, и лѣвый, рукавъ Вамбери, сливаются, какъ упомянуто выше, въ одно русло у колодцевъ Чарышлы *), и отсюда древній Оксусъ направлялся прямо на югъ, вдоль чинка, служившаго ему правымъ берегомъ. За мысомъ Куртышъ чинкъ отходитъ отъ русла и послѣднее начинаетъ поворачивать на западъ, такъ что у колодцевъ Игды лежитъ уже въ одной параллели съ Красноводскомъ и въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи уклоняется отъ этой параллели не болѣе, какъ на 35 в., для обхода съ юга Балханъ. Здѣсь, отъ Игдовъ до Орта-

*) По словамъ Стебницкаго, основаннымъ на разсказахъ Туркменъ, можно предполагать въ степи на востокъ отъ Усть-Урта еще третій сухой рукавъ Окса, отходящій отъ самаго Чарджуя; но ничего точнаго о немъ неизвѣстно. Туркмены говорятъ, что онъ подходитъ къ узбою у хол. Куртышъ.

куи, встрѣчающіеся въ немъ довольно многочисленныя колодцы содержатъ воду по большей части солоноватую, а за Ортакую къ западу прѣсную. Но впрочемъ и восточнѣе Ортакую есть водоемы, даже цѣлыя озера, какъ напр. Джамала, въ которыхъ вода годна для питья. Весною, разумѣется, ея бываетъ гораздо больше, чѣмъ лѣтомъ и осенью, но и въ жаркое время мѣстами достаетъ даже для поливки бакчей.

Около Топіатана и Тандерли обиліе содержащейся въ узбоѣ воды доселѣ столь значительно, что дно его, а отчасти и берега, представляютъ рядъ оазисовъ, на которыхъ водится множество зайцевъ, кабановъ, дикихъ гусей и утокъ, и гдѣ сосѣдніе туркмены откармливаютъ свой скотъ. Только западнѣе Тандерли узбой становится песчанымъ и бесплоднымъ, а затѣмъ, пройдя по сѣдловинѣ между Кичи и Улу-Балханомъ, теряется въ обширномъ солонцѣ, называемомъ озеромъ *Баба-ходжаръ* или *Симинъ-дергаси*. Ниже послѣдняго, русло Аму, впрочемъ, снова видно въ двухъ рукавахъ: сѣверномъ, *Акъ-тамъ*, который впадаетъ въ Балханскій заливъ, и южномъ, *Аджаръ*, который направляется къ заливу Хивинскому. Аджаръ нынѣ сухъ, и даже большею частію занесенъ безъ слѣда, но въ Акъ-тамѣ есть вода и на столько глубокая, что черезъ рѣку устроена, у Мулла-Кари, переправа на лодкахъ. Однако вода здѣсь не прѣсная, а густо-соленая, ибо приходитъ изъ Каспійскаго моря. Дно вязко, какъ и въ Балханскомъ заливѣ; глубина до двухъ сажень; ширина же прежняго русла, видимая по берегамъ, достигаетъ до полутора саженъ. Все теченіе отведенной нынѣ Аму-дарьи, отъ Куня-Ургенча до залива Балханскаго, простирается, по распросамъ, до 580 верстъ, а быть можетъ и больше, при вѣроятной разности уровня двухъ крайнихъ точекъ въ 216 футовъ *), которая, превосходя разность уровней Самары и Астрахани, позволяетъ думать, что и нынѣ Аму-дарья могла бы впадать въ Каспій, если бы была обращена къ нему и не имѣла опасности изсякнуть въ пескахъ, не доходя до моря. Хорошо изслѣдованная часть узбоа отъ Игдовъ до залива Балханскаго имѣетъ въ длину болѣе 280 верстъ и покатость къ западу, доказанную нивелировкой.

На Усть-Уртѣ текучихъ водъ нѣтъ, да и слѣдовъ ихъ не оты-

*) Принимая Аральское море въ 127 футовъ надъ уровнемъ океана, а Каспійское въ 89 подъ нимъ.

скано. Единственные водоемы тамъ, кромѣ соляныхъ озеръ и грязей, суть колодцы, обыкновенно съ горькой водой, глубиною отъ 15 до 30 сажень.

Естественная производительность страны.

Вся естественная производительность туркменскаго пограничнаго пространства обуславливается въ высшей степени сухимъ, континентальнымъ его климатомъ, который едва-ли гдѣ на земномъ шарѣ выказывается съ большею рѣзкостью, чѣмъ здѣсь. Дожди — явленіе исключительное; напримѣръ, въ форѣ Александровскомъ, у самаго берега Каспійскаго моря, выпадаетъ ихъ едва на два вершка въ годъ, а внутри страны и того менѣе. Лѣтніе жары достигаютъ до 36 и 37° Р., а зимою бываютъ столь сильные морозы, что значительная часть Каспійскаго моря у береговъ покрывается льдомъ. Въ 1869 году уже въ ноябрѣ большая часть залива Балханскаго, подъ 40° широты, замерзла, и холода доходили до —10° Р. Средняя температура форѣ Александровскаго, подъ 44° 27' широты, не превосходитъ +8°,7 Р., тогда какъ въ Севастополѣ, подъ 44° 36', она +9°,3 Р., а въ Бордо, подъ 44° 50' +11°,1 Р.

Соотвѣтственно такимъ климатическимъ условіямъ, растительное и животное царства, на всемъ протяженіи туркменскаго пограничнаго пространства, болѣе бѣдны, чѣмъ гдѣ-либо вдоль нашихъ азійскихъ окраинъ. Въмѣстѣ съ безводностью степи это дѣлаетъ ее очень трудно проходимою для людей. Исключеніе составляютъ, но и то лишь до извѣстной степени, верховья рѣкъ Атрека и Гюргени, гдѣ есть лѣса *) и съ ними другая органическая жизнь. Небольшія группы древесной растительности встрѣчаются еще въ горахъ на Мангышлакѣ, въ Балханахъ, мѣстами на Усть-Уртѣ (саксаулъ) и въ бывшемъ руслѣ Аму-дарьи. Все остальное пространство пустыни не имѣетъ не только деревьевъ, но, по большей части, и травы; особенною же безжизненностью отличаются южная половина Усть-Урта, полуостровъ Балханскій и песчаная степь на югъ отъ Хивы, къ сторонѣ Хорасана. Единственные дикіе обитатели ихъ суть лисицы, въ небольшомъ числѣ, зайцы, дикія лошади, тарантулы и фаланги. Человѣкъ здѣсь почти не можетъ существо-

*) Эти лѣса состоятъ главнѣйше изъ фруктовыхъ деревьевъ: абрикосовъ, сливъ, смоквъ, шелковицы, а также изъ тополя, джигды, винограда и пр.

вать, и когда ему случается проходить этими пустынями, онъ спѣшить, сберегая воду въ мѣхахъ какъ величайшую драгоценность, и стремясь поскорѣе достигнуть хивинскаго оазиса или окраинъ страны. Впрочемъ, и самые берега морей Каспійскаго и Аральскаго совершенно пустыни, за исключеніемъ мѣстъ по низовьямъ Гюргени, Атрека и Оксуса.

Каспійское море притягиваетъ однако къ своимъ берегамъ нѣкоторыхъ изъ обитателей пустыни находящихся въ немъ рыбными ловлями. Особенно посѣщаются Кендерлинскій заливъ и воды юго-восточнаго угла Каспія, отъ Красноводскаго залива до Астрабадскаго. Здѣсь турмены промышляютъ осетровъ, севрюгу и разную другую рыбу, частію острогами, частію крючьями. Но значительнѣйшая часть результата этого рыболовства переходить отъ нихъ, за весьма дешевую плату, къ астраханскимъ рыбнымъ торговцамъ, которые кромѣ того хозяйничаютъ въ сѣверо-восточномъ углу Каспія, на такъ называемыхъ эмбенскихъ водахъ. Собственно для себя турмены заготавливаютъ очень немного рыбы, по трудности сохранять ее въ жаркое время года; если же что остается отъ продажи русскимъ купцамъ, то они отвозятъ на собственныхъ лодкахъ въ Персію. Киргизы на Мангышлакѣ рыболовствомъ не занимаются.

Небольшой промыселъ тюленей совершается на всемъ протяженіи восточнаго берега Каспія, не исключая и Карабугазскаго залива, не имѣющаго рыбы. Но нынѣ тюлени видимо уменьшились въ числѣ.

Водѣлыиванье почвы встрѣчается только по берегамъ Гюргени и Атрека, да въ очень немногихъ мѣстахъ по берегу Каспійскаго моря, гдѣ присутствіе рѣсной воды въ колодцахъ позволяетъ турменамъ разрабатывать бахчи съ дынями и арбузами. Гюргеньскія пашни производятъ просо, ячмень, пшеницу, кунжутъ, горохъ и даже рисъ и хлопокъ. Въ бассейнѣ Атрека извѣстны урожаями берега рѣкъ Сумбара и Чандыра, распущенныхъ на вѣрны. Съ Атрека и Гюргени получаютъ часть хлѣба и другіе, собственно степные, турмены; но, вообще говоря, послѣдніе запасаются хлѣбомъ въ Хивѣ, отчасти въ Персіи и у нашихъ купцовъ. На сѣверной сторонѣ горъ Кюрянъ-дагъ, гдѣ бы можно было предполагать земледѣліе, оно, повидимому, ничтожно, ибо короткій крутой скатъ горъ не задерживаетъ падающихъ водъ, и онѣ быстро стекаютъ въ подгорную степь, гдѣ пропадаютъ въ пескахъ или испаряются. Тѣмъ не менѣе, эта сѣверная сторона Кюрянъ-дага представляетъ не мало хорошихъ кочевыхъ и даже небольшое число мѣстъ для оскѣдлости

тамъ, гдѣ прѣсная вода добывается изъ колодцевъ или изъ ручьевъ, какъ у Кизылъ-Арвата.

Взаимнѣ скудости органической природы, туркменское пограничное пространство довольно богато произведеніями минеральнаго царства. Изъ нихъ наибольшую пользу человѣку могутъ приносить, и отчасти приносить, соль, нефть, сѣра и каменный уголь. Соль находится во всѣхъ озерахъ степи, гдѣ иногда осаждается кристаллическими массами, какъ, напримѣръ, на Красноводской косѣ, на островахъ Челекени и Огурчинскомъ, въ урочищѣ Горямъ, близъ Хивинскаго залива, въ озерѣ Кизылъ-тафата на Карабугазской косѣ, въ Батыръ-кулѣ и Куандахъ на Мангышлакѣ, и проч. Часть ея ежегодно вырабатывается туркменами и продается въ Персію или идетъ на засолъ рыбы для нашихъ рыбопромышленниковъ. Нефть есть въ большомъ количествѣ на Челекени, гдѣ ее добываютъ изъ множества колодцевъ, въ количествѣ около 115,000 пудовъ ежегодно, причемъ часть ея получается прямо довольно чистою, а большая часть требуетъ перегонки, для которой теперь устроенъ небольшой заводъ въ Красноводскѣ. Она идетъ на освѣщеніе и на топливо, и въ послѣднее время стала употребляться на пароходахъ, имѣющихъ особое приспособленіе въ механизмѣ для топки, въ видѣ пульверизатора. Для войскъ, которыя находятся на восточномъ берегу Каспійскаго моря, это важный продуктъ, ибо помощью его не только могутъ они варить пищу, освѣщать и отоплять зданія, но и опрѣснять воду въ перегоночныхъ кубахъ, когда родниковой воды окажется недостаточно. Каменный уголь могъ бы тоже служить для послѣдней цѣли и вообще для отопленія, впрочемъ не паровыхъ машинъ; но добыча его, по дурному качеству и трудности перевозки, едва-ли можетъ быть выгоднымъ дѣломъ, особливо пока есть нефть. Сѣра находится близъ залива Карабугазъ, у колодцевъ Кугуртъ, откуда туркмены берутъ ее на выдѣлку пороха; для котораго селитру покупаютъ отъ персіянъ.

Названные здѣсь предметы составляютъ почти все, что можетъ быть причислено къ естественнымъ богатствамъ страны, и притомъ къ такимъ, которыя подлежатъ вывозу изъ нея въ обмѣнъ на первыя потребности продовольствія и одежды, въ которыхъ такъ нуждаются жители. Не туркмены, кромѣ земледѣлія и рыболовства для собственныхъ надобностей, занимаются еще и скотоводствомъ, хотя число скота у нихъ далеко меньше, чѣмъ у другихъ среднеазіатскихъ номадовъ. Главныя породы содержаемаго скота суть верблюды, овцы и лошади. Изъ нихъ первые — необходимѣйшія живот-

ныя въ туркменскихъ степяхъ, гдѣ перѣѣдо на 150—200 верстъ нѣтъ воды и корма, и, слѣдовательно, нѣтъ возможности употребить какихъ-либо другихъ животныхъ для перѣѣзда. Вотъ почему туркмены высоко цѣнятъ своихъ верблюдовъ и на сторону не продаютъ. Лошади двухъ породъ, *ябу* и *аргамак*, также стоятъ въ большихъ цѣнахъ, особенно послѣдней, которая такъ нужна для хищническихъ набѣговъ. Обыкновенно аргамака нельзя купить дешево, какъ за 250—300 рублей; да и за простую лошадь, ябу, платится отъ 80 до 100 рублей. Борись въ подробности описать способъ ухода туркменовъ за лошадьми и не безъ основанія ставить послѣднихъ рядомъ съ арабскими, если не по статямъ, то по крѣпости и по рѣзвости бѣга. Овцы въ Туркменіи гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ киргизской степи. Вообще же туркменское скотоводство такъ незначительно, что человекъ, у котораго есть 20—30 верблюдовъ и 50 лошадей, считается большимъ богачомъ, тогда какъ у киргизовъ такія состоянія принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ. Особенно бѣдны туркмены кочующіе на Усть-Уртѣ; атрекскіе же и сосѣдніе имъ на столько имѣютъ скота, что даже для нашихъ военныхъ цѣлей, въ 1871—71 годахъ, доставили по нѣскольку сотъ головъ.

Пути сообщенія.

Они двухъ родовъ: морскіе и сухопутные, и притомъ исключительно кочевые. Ни рѣчныхъ путей, ни экзипажныхъ дорогъ нѣтъ на всемъ туркменскомъ пограничномъ пространствѣ.

Для насъ, въ настоящее время, особенно важны пути моремъ изъ Гурьева, Астрахани, изъ Петровска и Баку, къ различнымъ пунктамъ на восточномъ берегу Каспія. О нихъ можно замѣтить слѣдующее.

Плаваніе отъ Гурьева до рейда, гдѣ могутъ, противу устій Урала, останавливаться морскія суда, весьма неудобно по мелководью и рѣки, и взморья, на половину заросшихъ камышами. Постепенное обмеленіе самаго Урала грозитъ совсѣмъ закрыть этотъ путь, который притомъ никогда не былъ важенъ. На водахъ сѣверо-восточной части Каспійскаго моря хотя и появляется ежегодно немалое число судовъ, но это рыбачьи лодки и шкуоты, которые для далекаго плаванія въ открытомъ морѣ мало пригодны.

Изъ Астрахани, какъ купеческіе, такъ даже и военные кораб-

ли, плаваютъ по всему Каспійскому морю. Но необходимо имѣть въ виду, что устья Волги очень маловодны, такъ что на барѣ у Бирючей косы иногда бываетъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ фута воды. Морскія суда, очевидно, должны или перегружаться, или ждать южнаго вѣтра, который наноситъ достаточно воды въ протоки, которыми Волга изливается въ море. Въ настоящее время, правильное сообщеніе Астрахани съ берегами Туркменіи обезпечено пароходствомъ общества: «Кавказъ и Меркурій» и «Лебедь», и, при большой водѣ у Бирючей косы, доставка водою людей и тяжестей, напримѣръ въ фортъ Александровскій, требуетъ не болѣе сутокъ, въ заливъ Балханскій отъ двухъ съ половиною до трехъ, въ Ашуръ-аде отъ трехъ до трехъ съ половиною сутокъ. Но ежели стоятъ сильные западные вѣтры или туманы, то плаваніе у восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, особенно входъ въ порты, замедляется.

Изъ Петровска и Баку переходъ черезъ Каспій въ фортъ Александровскій или въ Красноводскъ очень удобенъ, и даже на парусныхъ судахъ, при попутномъ вѣтрѣ, требуетъ немного болѣе сутокъ, ибо разстоянія въ обоихъ случаяхъ не превышаютъ 190 морскихъ миль. Такъ какъ Баку послѣ Астрахани есть важнѣйшій портъ на Каспійскомъ морѣ и притомъ мореплаваніе возможно въ немъ круглый годъ, то можно сказать, что, мало по малу, онъ сдѣлается центромъ сношеній съ Туркменією, на сколько, конечно, эти сношенія могутъ быть нужны для правительства, ибо частное мореплаваніе у восточнаго берега Каспія никогда не будетъ значительно по бѣдности прилежащаго материка и его населенія, и потому, что мѣстные рыбные промыслы уже захвачены торговцами изъ Астрахани.

Въ системѣ мореплаванія у туркменскихъ береговъ имѣетъ еще значеніе наша морская станція у Ашуръ-аде, т. е. въ Астрабадскомъ заливѣ. Отъ нея пароходъ безъ труда можетъ придти въ $1\frac{1}{2}$ часа къ Серебряному бугру, въ $3\frac{1}{2}$ часа къ Гассанъ-Кули, въ 16 часовъ къ Челекени и въ 20 часовъ въ Балханскій заливъ (185 морскихъ миль).

Объ удобствахъ выгрузки во всѣхъ портахъ восточнаго берега Каспійскаго моря уже сказано отчасти при описаніи самыхъ бухтъ. Здѣсь можно повторить, что три главные пункта, нынѣ интересующіе насъ въ этихъ мѣстахъ, фортъ Александровскій, зал. Кендерлинскій и Красноводскъ, всѣ имѣютъ очень хорошія якорныя стоянки и пристани, правда, не искусственныя, но удобныя. Тоже

и Михайловскій заливъ, къ которому, однако, путь между островами требуетъ осмотрительности. Но у Чикшиляра стоянка открытая.

Средства перевозки людей и грузовъ изъ Россіи къ берегамъ Туркменіи состоятъ: 1) изъ пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій», съ которымъ правительство имѣетъ условіе о содержаніи на водахъ Каспія не менѣе пятнадцати пароходовъ, вполнѣ благонадежныхъ, съ соотвѣстственнымъ числомъ баржъ; 2) изъ пароходовъ и парусныхъ судовъ, принадлежащихъ компаніи «Лебедь», а также астраханскимъ и бакинскимъ купцамъ; 3) изъ туркменскихъ лодокъ, или киржимовъ и куласовъ (челноковъ), особенно пригодныхъ для плаванія у мелководного юго-восточнаго берега моря. Кромѣ того, собственно для крейсерской службы есть военныя суда, содержащія, между прочимъ, станцію въ Астрабадскомъ заливѣ. Общество «Кавказъ и Меркурій» обязано въ теченіе пятнадцати лѣтъ, начиная съ 1869 года, содержать почтовые сообщенія по берегамъ Каспійскаго моря и перевозить войска и казенные грузы по опредѣленной таксѣ. Въ военное время правительство имѣетъ право распоряжаться всѣми его судами.

Относительно степныхъ дорогъ отъ восточнаго берега Каспійскаго моря внутрь Туркменіи можно замѣтить, что главнѣйшія или, по крайней мѣрѣ, извѣстнѣйшія изъ нихъ, направлены къ Хивѣ, какъ къ дѣйствительному средоточію арало-каспійской степи, откуда жители ея получаютъ продовольствіе и куда сбываютъ немногіе свои избытки, состоящіе въ скотѣ, въ кое-какихъ другихъ продуктахъ, а до послѣдняго времени и въ плѣнныхъ персіанахъ-рабахъ. Въ слѣдующемъ спискѣ заключаются общія свѣдѣнія о важнѣйшихъ изъ этихъ путей, собранныя частію путешественниками на мѣстахъ, частію изъ распросовъ у туземцевъ восточнаго берега Каспійскаго моря.

1) Изъ бывшаго укрѣпленія Ново-Александровскаго въ Хиву, 615 верстъ. Путь этотъ ведетъ изъ залива Кайдакъ поперекъ Усть-Урта къ заливу Айбугирскому. Онъ пройденъ былъ въ 1834 году армяниномъ Турпаевымъ, отправленнымъ изъ Ново-Александровскаго укрѣпленія для открытія торговыхъ связей съ Хивой. Турпасъ, ѣхавшій верхомъ, налегѣ, сдѣлалъ его въ семь дней; но для каравановъ, конечно, нужно не менѣе трехъ недѣль.

2) Мангышлакская караванная дорога въ Хиву черезъ урочища Баки-будукъ, Табынь-су и Айбугиръ, 853 версты, которыя можно сдѣлать съ караваномъ не менѣе какъ въ мѣсяцъ. На пути нѣразъ приходится брать воду съ ночлеговъ (Таджа, Табынь-су) на

нѣсколько дней съ собою, а кормъ хорошъ только на первыхъ переходахъ по Мангышлаку.

3) *Отъ Кендерлинскаго залива къ Куля-Ургенчу*, мимо горы Карашекъ, по маловодному пути 630 верстъ. Можно оттуда же слѣдовать южнѣе, черезъ урочище Тишикъ-тамъ и родникъ Илтеидже, на мангышлакской дорогѣ, до Куля-Ургенча, причемъ получится разстоянія 620 верстъ.

4) *Отъ Красноводска въ Хиву, Сары-камышская дорога*, длиною по муравьевскому маршруту до 780 верстъ, а по маркозовскому около 730. Путь Муравьева ведетъ на колодезь Туаръ и представляетъ особую трудность между этимъ колодеземъ и Бешъ-дешикашъ, на пространствѣ 280 верстъ, гдѣ страна совершенно пустынна. Путь Маркозова проходитъ чрезъ Гезли-ата и вообще лучше предыдущаго. У Бешъ-дешика онъ выходитъ на муравьевскую дорогу.

5) *Отъ Гассанъ-Кули въ Хиву, Дегелійская дорога*, ведетъ на Гезли-ата и потомъ далѣе, какъ въ предыдущемъ маршрутѣ, или же на колодезь Дегели и развалины Шахъ-Сенемъ. При этомъ два раза приходится переходить старое русло Аму-дарьи и дѣлать, въ суммѣ, до 840 верстъ.

6) Между тѣми же пунктами *Ортокуйская дорога*, отдѣляющаяся отъ предыдущей на четвертомъ переходѣ и составляющая по отношенію къ ней почти хорду, отчего она короче верстъ на 80.

7) *Отъ Серебрянаго бугра въ Хиву* черезъ низовья Атрека, и потомъ частію по дегелійской дорогѣ, частію особымъ путемъ мимо озера Шаръ-гель: *путь Вамбери*.

8) Между тѣми же двумя пунктами, на Чинъ-Могаметъ и Ортокуй, *Текеская дорога*, наиболѣе короткая, но, вѣроятно, все-таки длиною до 800 верстъ.

9) Отъ Балханскаго залива *вверхъ по руслу Аму-дарьи до Куля-Ургенча* — путь, осмотрѣнный лишь отчасти, ниже колодца Игдовъ, но заслуживающій вниманія уже потому, что вдоль его, конечно, находится больше, чѣмъ гдѣ-нибудь по сосѣднимъ мѣстностямъ, воды, топлива и корму. По распросамъ Дандевилля въ 1859 году, все разстояніе отъ восточнаго конца Балханскаго залива до Куля-Ургенча простирается до 578 верстъ, которыя можно сдѣлать въ двадцать восемь дней, имѣя на ночлегахъ постоянно годную для пѣтья воду.

10) *Отъ Красноводска до Кизиль-арвата* чрезъ Мулла-кари, 379 верстъ, пройденныхъ въ 1870 году, и притомъ отъ Мулла-

кари съ отрядомъ, не имѣвшимъ убили людей. Путь этотъ однако труденъ отъ безкормицы, песковъ и недостатка топлива. Онъ пересѣкаетъ русло Аму-дарьи у колодца Айдина и потомъ ведетъ по сѣверной сторонѣ горъ Кюрянъ-дагъ. За Кизылъ-арватомъ онъ продолжается къ востоку, все вдоль подошвы горъ Кепетъ-дагскихъ, по странѣ туркменовъ Теке. Въ 125 верстахъ за Кизылъ-арватомъ находится важнѣйшее изъ текинскихъ укрѣпленій Карызъ; еще далѣе, въ 110 верстахъ, Асхабатъ, а за этимъ послѣднимъ, примѣрно въ 300 верстахъ, лежитъ Серахсъ, отъ котораго около 200 верстъ до Герата. Все разстояніе по этому пути между Гератомъ и Красноводскомъ составитъ около 950 верстъ.

11) *Отъ Астрабада до Герата*, черезъ Буджнурдъ (299) и Мешхедъ (544), двадцать шесть переходовъ по населенной странѣ, въ суммѣ 871 верста. Собственно говоря, этотъ большой торговый путь лежитъ внѣ Турмении, въ предѣлахъ персидскихъ; но онъ важнѣйшій изъ всѣхъ въ стратегическомъ смыслѣ, даже по отношенію къ туркменскимъ землямъ, которыя обрамливаетъ съ юга.

Всѣ другія дороги по Туркменіи, обозначаемыя на картахъ, вообще мало извѣстны и могутъ имѣть лишь второстепенное военное значеніе, а потому перечисленіе ихъ здѣсь опускается. Объ исчисленныхъ же стоитъ еще разъ замѣтить, что всѣ онѣ, кромѣ послѣдней, совершенно степныя, и войска вдоль ихъ не должны рассчитывать ни на что, кромѣ скудныхъ травъ, маловодныхъ колодцевъ и степного топлива, да и то далеко не всегда. Движенія большихъ отрядовъ, вслѣдствіе этого, возможны лишь далеко отстоящими одна отъ другой паралельными колоннами, или же по-эшелонно, на разстояніи трехъ-четырехъ переходовъ одинъ эшелонъ за другимъ. Въ 1871 году была съ успѣхомъ испытана именно эта послѣдняя система, причемъ передній эшелонъ всякій разъ, пройдя 100—150 верстъ, останавливался на нѣсколько дней, окапываясь валиками, очищая колодцы, собиравъ топливо и проч., словомъ, устраивалъ этапъ, гдѣ и оставалась часть подходившихъ войскъ. При обратномъ движеніи отряда, онъ находилъ тутъ запасы воды, топлива и продовольствія. Въ 1873 г. отъ этой системы сдѣлано было отступленіе, и отрядъ долженъ былъ вернуться съ половины дороги въ Хиву.

Населеніе.

Туземное населеніе туркменскаго пограничнаго пространства состоитъ изъ туркменовъ и частію изъ киргизовъ Малой орды.

Послѣдніе кочуютъ на сѣверѣ страны, именно за 44-ю параллелью, которую они переходятъ весьма рѣдко. Въ туркменскихъ кочевкахъ, занимающихъ все остальное пространство, отъ Мангышлака до предѣловъ Герата и отъ Астрабадскаго залива до Аму-дарьи, можно еще встрѣтить всегда значительное число невольниковъ-персіанъ. Наконецъ, у берега Каспійскаго моря въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ водворились русскіе.

Слѣдуя географическому положенію края относительно нашихъ европейскихъ и азіатскихъ владѣній, мы скажемъ прежде всего о *киризагахъ*. Они принадлежатъ къ двумъ большимъ родамъ: Чумичли-Табынскому, семиродскаго поколѣнія, и Адаевскому, байлинскаго поколѣнія. Первый кочуетъ ближе къ Аральскому морю, отъ верховій Эмбы и Барсуковъ до предѣловъ Хивинскаго ханства; послѣдній зиму проводитъ по нижней Эмбѣ, Сагизу и на Мангышлакѣ, а лѣтомъ распространяется по всей западной половинѣ Усть-Урта. Адаевцы весьма сильны числомъ: ихъ считается до 20,000 кибитокъ, и они, пользуясь трудно-доступностью ихъ степи, долгое время оставались *de facto* независимыми отъ насъ. А когда въ 1869 году правительство начало вводить у нихъ новое степное положеніе, то они, больше чѣмъ кто-либо, противились ему и даже дѣйствовали противъ насъ открытою силою и вообще горячо стояли за свои прежніе порядки и безначаліе. Теперь они подчинены новому управленію, т. е. раздѣленію на волости и аулы, съ поставленными отъ правительства или выборными старшинами вмѣсто наслѣдственныхъ.

Власть наша надъ адаевцами поддерживается главнѣйше сосѣдствомъ къ ихъ кочевкамъ укрѣпленій Эмбенскаго, Маспе и форта Александровскаго. Тамъ же, гдѣ они удалены отъ этихъ пунктовъ, тамъ эти номады вполне независимы, и уже послѣ организаціи новаго управленія на Мангышлакѣ, въ 1870 году, ушли, въ немаломъ числѣ, къ сторонѣ Хивы. Чумичли-табынцы также держатся въ страхѣ главнымъ образомъ отъ сосѣдства Эмбенскаго укрѣпленія къ лѣтнимъ ихъ кочевкамъ, безъ которыхъ они обойтись не могутъ, по безплодію и безводію лѣтомъ восточной половины Усть-Урта. Но, откочевывая часто къ предѣламъ Хивы, они, больше чѣмъ кто-либо изъ киргизовъ, подчиняются вліянію хивинскаго хана и позволяютъ себѣ хищничества въ нашихъ предѣлахъ. Общее число киргизовъ въ предѣлахъ Мангышлакскаго приставства, въ настоящее время, не превосходятъ 6,300 кибитокъ или 30,000 душъ; но номады, сосѣдніе Аральскому морю,

тутъ вовсе не приняты въ счетъ. Главное управленіе ими сосредоточено въ Александровскѣ, гдѣ, сверхъ русскихъ чиновниковъ, есть наибъ, изъ кавказскихъ мусульманъ, и при немъ четыре помощника. Подати, наложенныя нашимъ правительствомъ, въ количествѣ 3 рублей 50 коп. съ юрты, уплачиваются исправно.

Туркмены — главный народъ закаспійскаго края, о которомъ писали почти всѣ путешественники по Средней Азійи и о которомъ, однако, доселѣ трудно привести сколько-нибудь надежныя статистическія данныя. Слѣдующая таблица представляется сводъ показаній главнѣйшихъ авторитетовъ по этнографіи туркменскихъ земель, и изъ нея не трудно увидѣть, какъ эти авторитеты мало согласны между собою не только въ числѣ туркменскихъ кибитокъ, но даже въ названіяхъ самыхъ родовъ.

Названіе родовъ.	По Муравьеву.	По Борсу.	По Кіату и Вяземберг.	По Скрибину и Рабиншу.	По Вамбери.	Средня величина.
Юмуды кибитокъ	40,000	20,000	40,000	100,000	40,000	48,000
Гоклены	40,000	9,000	40,000	40,000	12,000	28,000
Теле	50,000	40,000	50,000	100,000	60,000	60,000
Сарыки	2,000	20,000	2,000	20,000	10,000	10,000
Салоры	4,000	2,000	4,000	15,000	8,000	6,000
Сахары (у Вамбери Кара Туркмены)	2,000	2,000	2,000	3,000	1,500	2,100
Эрсары	100,000	40,000	100,000	40,000	50,000	66,000
Альелы (у Муравьева и Вяземберга вмѣстѣ съ Ул, Аймакъ и Кара-дашлы) . .	80,000	—	80,000	70,000	3,000	58,250
Чоудоры (вмѣстѣ съ Бурунчукъ у Муравьева, Борса, Вяземберга и Скрибина; у Вамбери же еще и Абдалъ, Игдиръ Есенеи, Бузачи и Шейхъ)	8,000	8,000	8,000	25,000	12,000	12,200
Емжелы	3,000	—	3,000	—	—	3,000
Абдалъ } У Вяземберга	—	—	5,000	3,000	—	4,000
Игдиръ } и Скрибина ис-	—	—	4,000	3,000	—	3,000
Бузачи } числяются от-	—	—	6,000	1,500	—	3,750
удорокъ	—	—	—	—	—	—

Названіе родовъ.	По Муравьѣ.	По Борасу.	По Кіату и Вларамберг-гу.	По Скрибину и Рабину.	По Вамбери.	Средня величина.
Арбаты?	—	—	—	2,000	—	2,000
Дервишъ 40, Махтемъ 20, Шихъ 100, Арсари 50, Икмуходжа 60, Ауджали 400, а всего у Карабугаза и Балханскаго залива	—	—	—	670	—	670
Итого	829,000	141,000	344,000	422,170	196,500	308,570
А по Галкину						350,000

Такъ какъ у Галкина показана только общая цифра и вовсе вѣтъ данныхъ по родамъ, то очевидно, что эта цифра гипотическая, даже въ томъ случаѣ, если она возникла въ умѣ не самого Галкина, а туркменовъ, которые едва-ли знаютъ, хотъ приблизительно, какъ многочисленъ весь ихъ народъ. Поэтому не безосновательно было бы цифру Галкина отбросить и затѣмъ считать, что туркменовъ около 300,000 кибитокъ. Но, соображая обширность и плодородіе степей киргизскихъ и туркменскихъ, позволительно сомнѣваться и въ этой цифрѣ, ибо киргизовъ, несмотря на большіе размѣры ихъ степи и сравнительное ея плодородіе, во всѣхъ ордахъ не болѣе 1,300,000 душъ. Вслѣдствіе этого, цифра Вамбери: 196,500 кибитокъ = 982,500 душъ, кажется самою вѣроятною для выраженія общей численности туркменскаго народа *). Цифра же эта основана имъ, знающимъ туземный языкъ, на распросахъ самыхъ туркменовъ, съ которыми онъ приходилъ въ болѣе близкое и продолжительное сообщеніе, чѣмъ кто-либо изъ путешественниковъ. И хотя Вамбери замѣчаетъ, что всѣ показанія туркменовъ уменьшались имъ на $\frac{1}{3}$ часть, но тутъ же прибавляетъ, что это было нужно, ибо туркмены имѣютъ привычку преувеличивать свои показанія о числѣ кибитокъ изъ національной гордости. Чтобы облегчить память и не оставить безъ вниманія цифръ, приводимыхъ Вларамбергомъ и Скрибининымъ относительно тѣхъ родовъ, которыхъ Вамбери и не называетъ, при-

*) Стебницкій полагаетъ и того меньше, ибо считаетъ, что юмудовъ всего есть 15,000 кибитокъ, а текидцевъ 30,000 кибитокъ.

имѣть за окончательный средній итогъ численности туркменовъ 200,000 кибитокъ, т. е. 1,000,000 душъ, и посмотримъ затѣмъ, какъ распределены ихъ роды въ географическомъ смыслѣ, начиная съ сѣверо-запада.

а) Сѣвернѣе Карабугаза, на Мангышлакѣ и вдоль берега моря, кочуютъ немногочисленные отрывки родовъ *идырзъ*, *чоудорзъ*, *абдалла* и *ходжа*, всего до 260 кибитокъ. Столь рѣдкое населеніе свидѣтельствуетъ о крайней пустынности страны въ настоящее время; но изъ многочисленности колодцевъ, большею частію еще обложенныхъ камнями, нужно заключить, что въ не очень давнее прошлое эти мѣста представляли хорошія кочевки.

б) Восточнѣе названныхъ родовъ, по Усть-Урту, до Айбугира, и частію въ хивинскомъ оазисѣ, у городовъ Ильялы, Ташаусъ, Порсу, Казаватъ и даже Ходжейли и Кипчакъ, т. е. у самой Аму-дарьи, кочуютъ *чоудоры*, совмѣстно съ остальными абдаллами и идырцами, а также съ бузачи и бурунчуками. Въ Хивѣ эти номады занимаютъ степи между каналами, вдоль которыхъ тянутся узбекскія пашни.

в) Въ Хивинскомъ же оазисѣ есть часть *юмудовъ*, именно кучавъ-татары и байрамъ-шали, которые держатся вблизи города Муля-Ургенча и по Лаудану, а также небольшое число *юкленовъ*, *эрсари* и *кара-дашми*, которые кочуютъ ближе къ самой Аму-дарьѣ, у городовъ Ходжейли и Кипчака. Наконецъ, *арбачи* близъ Хивы.

г) На Балханскомъ полуостровѣ число туркменовъ очень невелико: обыкновенно 60 или 70 кибитокъ. За то въ Балханскихъ горахъ прежде держалось ихъ много, такъ что, со включеніемъ полуострова Дарджи, острова Челекени и низовій бывшей Аму-дарьи, въ окрестностяхъ Балханскаго залива еще въ 1859 году можно было насчитать около 3,000 кибитокъ, принадлежавшихъ къ родамъ и под родамъ *есени*, *огурджамъ*, *шейхъ* и *махтумъ*, *эрсари*, *дервишъ* и *икму-ходжа*.

д) Къ югу отъ залива Балханскаго, вдоль берега моря до самой рѣки Кара-су на границѣ Персін, а вглубь страны по Атреку и Гюргени верстъ на сто и болѣе, живутъ *юмуды*, у которыхъ многіе аулы имѣютъ уже постоянныя мѣста, напримѣръ у Зеленаго бугра 50 кибитокъ, въ Чикинларѣ, 15 верстъ сѣвернѣе Гассанъ-мули, 200 кибитокъ, на Атрекѣ, верстъ 20 отъ устья, 300 кибитокъ, у залива Гассанъ-Кули 300 кибитокъ, у Серебрянаго бугра 500 кибитокъ, у Кара-Сенгира, противъ Ашуръ-аде, 300 кибитокъ. У многихъ *юмудовъ* есть пашни, другіе изъ нихъ рыболовы; но всѣ

вообще никогда не прочь пограбить въ персидскіе предѣлахъ или на сосѣднемъ морѣ. Изъ юмудовъ, раздѣляющихся на четыре колѣна, двадцать девять подродовъ, и еще на множество другихъ вѣтвей *), наиболѣе извѣстныя и многочисленныя суть *дасафарбам*, *атабам*, *оурджам* и *акъ-туркмены*. Среди нихъ есть нѣсколько мелкихъ родовъ, которые коренными туркменами считаются за пришельцевъ или приемышей, какъ, напримѣръ, *саккалы*, *кюсели*, *буркаты* *кюрды*, *кудаджа* и др.

е) Вдоль сѣвернаго склона горъ Кюрянъ-дага и Кепеть-дага, до самыхъ предѣловъ Мерви, живутъ *теке*, самыя зане хищники во всей закаспійской степи. Они, въ генеалогическомъ смыслѣ, раздѣляются на три главныя отдѣленія: *утоминъ*, *бакимъ* и *тактаминъ*, которые въ свою очередь дробятся на множество подродовъ **). Такъ какъ главная масса текинцевъ держится вблизи горъ и частію въ самыхъ горахъ, по ущельямъ, то у нихъ здѣсь есть правильныя осѣдлости, которыхъ въ 1870 году, по распространенію свѣдѣній, было 59. Изъ нихъ одно, какъ и прочія, укрѣпленное, Кизиль-Арватъ, нынѣ оставлено хозяевами и разрушено нами въ 1870 году. Въ числѣ остальныхъ наиболѣе важны Карызъ и Асхабатъ, резиденціи двухъ мелкихъ туркменскихъ хановъ. Теке суть гроза степи; они предприимчивы и довольно храбры, а доступъ къ нимъ очень труденъ, такъ что наказаніе ихъ за хищничество не всегда возможно какъ со стороны Хивы, т. е. съ сѣвера, такъ и изъ Персіи, съ юга. Хивинцы, впрочемъ, пытались однажды разгромить ихъ, но понесли огромныя потери отъ трудности похода черезъ степь. Персіяне, конечно, и не пробовали пуститься въ подобное предпріятіе, хотя текинцы ежегодно производятъ у нихъ грабежи и похищаютъ людей для продажи въ неволю. Только въ послѣднее время сдѣланъ шагъ къ обузданію теке, и на этотъ разъ съ запада, нашими войсками, которые дали урокъ хищникамъ, нанеся имъ большой уронъ при отбитіи отъ укрѣпленія Михайловскаго и потомъ раззоривъ ихъ собственное укрѣпленіе Кизиль-Арватъ, въ 200 верстахъ отъ берега моря.

*) Перечисленныхъ у Галкина.

**) По Галкину на 100. Но какъ у Вамбери, несмотря на малое число (19) численныхъ подродовъ, приведены названія, которыхъ нѣтъ у Галкина, то родословная послѣдняя кажется сомнительною, тѣмъ болѣе, что въ ней представлены, какъ отдѣльныя группы: Юсупъ, Кара-Юсупъ и Акъ-Юсупъ; Кунгуръ, Акъ-Кунгуръ, Бара-Кунгуръ, Кюкча, Акъ-Кюкча, Кара-Кюкча и Еръ-Кюкча; родъ Багши названъ два раза.

ж) *Гоклены* — самое мирное и цивилизованное поколѣніе туркменовъ; живетъ по верхнимъ частямъ Гургени и Атрека, гдѣ занимается земледѣліемъ, скотоводствомъ и садоводствомъ. Оно считается въ подданствѣ у Персін и состоитъ изъ десяти отдѣленій и почти 60 подродовъ. Отдѣленія суть *): Чакиръ, Бегды, Кара-Балканъ, Кыръкъ, Баяндыръ, Геркесъ, Янганъ, Сенгринъ и Ай-Дервинъ.

а) *Салоры* — самые южные изъ туркменовъ, живущіе по Мурхабу, недалеко отъ Герата. Вамбери считаетъ ихъ самымъ древнимъ изъ всѣхъ туркменскихъ племенъ, отличившимся храбростію уже во времена арабскихъ завоеваній. Еще недавно они имѣли хорошую осѣдлость въ городѣ Мерви; но теперь вражда съ теке ослабила ихъ. Родъ этотъ распадается на три отдѣленія: Ялаваджъ, Караманъ, Ала-Аелеги и 11 подродовъ.

и) *Сарыки* — тоже славятся храбростію и тоже уменьшились въ числѣ отъ вражды съ сосѣдями. Они кочуютъ по низовьямъ Мурхаба и занимаются грабежомъ каравановъ между Хивой и Гератомъ. Вамбери насчитываетъ ихъ пять отдѣленій: Хорасанлы, Бираджъ, Сохты, Алаша, Герзети и 21 полуродъ.

і) Еще восточнѣе, къ сторонѣ Анджуа, живутъ *кара-туркмены*, или сакары, самый малочисленный изъ главныхъ туркменскихъ родовъ и весьма хищный.

к) Сѣвернѣе ихъ и сарыковъ, вдоль берега Аму-дарьи, отъ Чарджуя до Балха, кочуютъ *арсары*, одинъ изъ многочисленныхъ и сравнительно мирныхъ родовъ. Вамбери говоритъ, что они раздѣляются на 20 подродовъ, а Галкинъ считаетъ четыре отдѣленія и 16 полуродовъ. Они подданные бухарскаго эмира.

Таковы важнѣйшія подробности о составѣ и распредѣленіи туркменскаго народа. Изъ нихъ уже видно отчасти и социальное-политическое устройство, бытъ и нравы туркменовъ; но для ближайшаго ознакомленія съ ними необходимо еще присовокупить слѣдующее.

Политическій строй и народное единство. За исключеніемъ гокленовъ и арсары, числящихся въ болѣе или менѣе фиктивномъ подданствѣ Персін и Бухары, небольшого числа мангышлакскихъ

*) По Вамбери; по Боде только 9, а по Галкину даже 7. Но послѣдній приводитъ двѣ классификаціи по 7 колѣнъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ новыя имена, а потому кажется сомнительною.

туркменовъ, платящихъ подати намъ, и немногихъ обитателей хивинскаго оазиса, подвластныхъ новелителю Ховарезма, всѣ остальные туркмены вполне независимы и, въ придачу, не имѣютъ никакого собственнаго правительства, такъ что страну ихъ, по справедливости, можно назвать царствомъ своеволія. Только богатство, способности и особенно ловкость въ набѣгахъ и грабежахъ доставляютъ у нихъ вліяніе нѣкоторымъ личностямъ, обыкновенно называемымъ аксакалами, а иногда даже величающимъ себя ханами. Впрочемъ, эти старшины или правители отдѣльныхъ родовъ, подродовъ и ауловъ терпятся и уважаются народамъ лишь до тѣхъ поръ, пока воздерживаются отъ чрезмѣрныхъ требованій и непріятныхъ распоряженій, а затѣмъ, по собственнымъ словамъ туркменовъ, они — «народъ безъ головы, которая и ненужна, ибо всякій самъ себѣ господинъ». Вліяніе аксакаловъ такъ ничтожно, что самыя торжественныя обѣщанія, данныя ими отъ имени народа людямъ постороннимъ, ничего не значатъ, если каждый изъ подвѣдомственныхъ имъ не видитъ личной выгоды въ исполненіи даннаго обѣщанія.

Связующею цѣпью между отдѣльными туркменскими аулами и родами служатъ преданіе объ общемъ происхожденіи, общіе языкъ, религія и обычаи. Каждый туркмень съ дѣтства знаетъ къ какому роду, отдѣленію и подроду принадлежитъ онъ и чѣмъ его сородичи прославились въ цѣломъ народѣ. Каждый признаетъ, во взаимныхъ отношеніяхъ, господство одного обычая — *деба*. Всѣ вѣрятъ въ одинъ коранъ, по сунитскому толку, и уважаютъ людей посвятившихъ себя религіи, т. е. муллъ, ходжей и дервишей.

Отношенія къ иностранцамъ. Иностранецъ вообще — законная жертва въ глазахъ туркменовъ, и если онъ кажется имъ довольно богатымъ и беззащитнымъ, то участь его — быть ограбленнымъ. Иностранецъ-христіанинъ есть, кромѣ того, невѣрный, *гауръ*, котораго притѣснять разрѣшаетъ коранъ, пришедшійся въ этомъ случаѣ какъ разъ по нравственному уровню своихъ почитателей. Шіитъ — законный, въ глазахъ туркмена, призъ для обращенія въ рабство, хотя и сами суниты не изъяты отъ опасности подвергнуться тому же несчастію. По всѣмъ этимъ причинамъ нигдѣ личная безопасность чужеземцевъ такъ мало не гарантирована, какъ въ Туркменин. Въ тѣхъ случаяхъ, когда туркмены не могутъ ограбить чужеземца, они стараются взять съ него какъ можно болѣе денегъ при торговлѣ, или выпросить побольше подарковъ, или, наконецъ, обокрасть его. Уваженіемъ пользуются лишь тѣ иностранцы, которые

сильны, хорошо вооружены и оконены, т. е. способны внушать къ себѣ страхъ. Соответственно этому, туркмены съ нѣкоторыми почетомъ относятся только къ русскимъ *); хивинцевъ же они не любятъ, а персіянъ презируютъ, не упуская притомъ ни одного удобнаго случая ограбить или обокрасть тѣхъ и другихъ. Съ киргизами у нихъ тоже отношенія непріязненныя. Что касается до политической покорности нѣкоторыхъ туркменскихъ родовъ сосѣдямъ, то она, вообще говоря, очень слаба. Наши мангышлакскіе туркмены платятъ небольшой кибиточный сборъ (1 руб. 50 коп. съ юрты), довольно послушны передъ начальствомъ, если приказанія его не прямо противны ихъ интересамъ; но въ смыслѣ подданныхъ весьма ненадежны. Гоклены не лучшіе подданные Ирана, и если бы не персидское укрѣпленіе, построенное среди ихъ земель, и не вражда съ сосѣдями, теке и іомудами, заставляющая ихъ держаться Персіи, то они были бы столько же грозой ея, какъ и послѣдніе два рода. Эрсари, повидимому, нѣсколько сильнѣе прочихъ подчинены влиянію своего officialнаго владыки, бухарскаго эмира; но это влияніе распространяется лишь на ближайшія къ Аму-дарьѣ мѣстности. Что до хивинскихъ туркменовъ, то они хотя подданные этого ханства, но слишкомъ опасны для страны, какъ показали неоднократныя ихъ возмущенія, причемъ самая верховная власть надъ Ховарезмомъ не разъ переходила въ руки кочевыхъ варваровъ. За то и хивинцы относятся къ нимъ очень строго, и подвластные хану туркмены, а также и всѣ приходящіе туркменскіе торговцы, обложены высокими сборами въ пользу ханской казны. Нерѣдко впрочемъ Хива заискиваетъ у туркменовъ, направляя ихъ на своихъ непріятелей, и во всякомъ случаѣ туркмены въ Хивинскомъ ханствѣ люди почти свои, съ которыми имѣются домашніе счеты, такъ какъ они покупаютъ избытки хивинскаго земледѣлія и руководѣльной промышленности. Съ появленіемъ русскихъ въ закаспійскихъ степяхъ, хивинскій ханъ особенно заботился привязать къ себѣ и возстановить противу насъ іомудовъ, теке и другихъ туркменовъ, впрочемъ безъ большого успѣха.

Экономическое состояніе страны. Говоря о естественныхъ произведеніяхъ Туркменіи, мы упоминали о экономическомъ ея состояніи, которое по справедливости можно назвать крайнею бѣдностью.

*) Подробности объ отношеніяхъ туркменовъ къ Россіи, какъ экономическихъ, такъ и политическихъ, см. ниже.

Въ самомъ дѣлѣ, все имущество туркмена обыкновенно состоитъ: 1) изъ войлочной юрты или кибитки, съ нѣсколькими кошками для постели; 2) изъ дешевой одежды и посуды (котловъ, чайниковъ и чашекъ), легко укладываемыхъ и перевозимыхъ на вьюкѣ; 3) изъ верблюда или двухъ верблюдовъ для перевозки всего этого; 4) изъ лошади или двухъ лошадей для ѣзды самому хозяину семьи, и 5) изъ нѣсколькихъ барановъ съ грубою шерстью, безъ курдюка. У земледѣльцевъ къ этому присоединяется нѣсколько плохихъ земледѣльческихъ орудій, но въ такомъ случаѣ обыкновенно уже нѣтъ верблюдовъ. Вся же стоимость имущества кочевой туркменской семьи, среднимъ числомъ, не превосходитъ какихъ-нибудь 200 — 220 рублей, и только прибрежные рыболовы имѣютъ иногда лодки большей стоимости. Но въ замѣнъ того у нихъ почти вовсе нѣтъ скота. Болѣе зажиточны земледѣльцы тамъ, гдѣ есть хорошее орошеніе, напримѣръ, на Гургени, гдѣ бываютъ урожаи самъ 50—60; но и здѣсь трудъ пахара рѣдко окупается, не смотря на слѣдующія цѣны:

пудъ риса	1 руб. — коп.
» пшеницы	— 70 »
» ячменя	— 25 »

Что до торговли съ иностранцами, то, за исключеніемъ нефти, соли и рыбы, добываемыхъ у береговъ Каспійскаго моря, да аргамаковъ и кое-какого другого скота, разводимыхъ внутри степи, туркмены ничего не имѣютъ на продажу *). Поэтому, такъ называемые «виды на торговлю съ ними» суть болѣе или менѣе мечта людей незнакомыхъ съ дѣломъ и увлекающихся скорѣе политическими, чѣмъ экономическими соображеніями. Въ самомъ дѣлѣ, размѣры вывозной туркменской торговли на Каспійскомъ морѣ ограничиваются:

Нефтью, въ количествѣ	125,000 пуд. на	40,000 руб.
Солью » »	170,000 » »	85,000 »
Рыбою » »	450,000 » »	500,000 »

Привозятся же къ нимъ главнымъ образомъ мануфактурные товары, весьма дорого цѣнимые торговцами, которые очень малочисленны и потому не знаютъ конкуренціи. Отъ насъ идутъ болѣе всего металлическія издѣлія (посуда, ножи) и ткани; изъ Персіи

*) Ничтожное количество шелку и хлопчатой бумаги можетъ быть оставлено безъ вниманія.

ковры, рисъ, дерево на лодки и самия лодки *); изъ Хивы одежда и хлѣбъ. Торговныя выгоды туркменовъ отъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ годъ отъ-гѣду падаютъ, ибо рыболовство все болѣе и болѣе сосредоточивается въ рукахъ нашихъ промышленниковъ, которые теперь стремятся захватить въ свои руки и нефтяной промыселъ.

Умственное и нравственное развитіе. Туркмены не лишены способностей; но эти способности направлены у нихъ на самыя недостойныя дѣла: на грабежъ, воровство и мстительность, и, несмотря на то, что туркмены довольно усердные почитатели муллы и кербана, это не смягчаетъ ихъ нравственности. Въ умственномъ отношеніи народъ совершенно нестѣжественъ; лишь нѣкоторые изъ болѣе вѣстныхъ и развитыхъ старшинъ — какъ, напримѣръ, бывшій на Челекени Кіатъ-ага — понимаютъ пользу обученія юношества; но примѣру этому рѣдко кто слѣдуетъ. Отъ того туркмены остаются погруженными въ различныя суевѣрія, которыя иначе не могутъ быть разсѣяны, какъ свѣтомъ науки.

Въ нравственномъ отношеніи, при военно-политическомъ взглядѣ на туркменовъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ существующій у нихъ обычай родовой мести, который служитъ источникомъ постоянныхъ междоусобій. Но туркмены имѣютъ въ этомъ случаѣ нѣсколько иныя правила, чѣмъ, напримѣръ, кавказскіе горцы. У нихъ убійца нерѣдко намазывается лишь тѣмъ, что бываетъ изгнанъ изъ рода; но тогда ему уже нѣтъ пристанища нигдѣ и остается одинокое бродяжничество по степи, какъ челоуѣку, «на которомъ есть кровь». Само собою разумѣется, что смерть, причиненная чужестранцу во время набѣга (аламана), не считается убійствомъ и даже, напротивъ, даетъ право на уваженіе сородичей.

Вооруженіе и тактика туркменовъ. Каждый туркмень имѣетъ пикъ и саблю; многіе, сверхъ того, обладаютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, конечно плохого качества; всѣ они дѣйствуютъ въ бою на конѣ. Такъ какъ случаи столкновенія съ непріателемъ представляются почти лишь во время набѣговъ и грабежей, то первое достоинство туркменскаго всадника есть неутомимость его лошади и выносливость его самого. Въ этомъ отношеніи туркмены и не оставляютъ ничего желать, ибо нерѣдко переносятся на сотни

*) Число лодокъ у прикаспійскихъ туркменовъ достигаетъ до 500; изъ нихъ многія могутъ поднимать по 1,000 пудовъ груза.

версть по степи совершенно голодной. Затѣмъ, какъ всѣ азіатцы, они чрезвычайно нилки и отважны при первомъ натискѣ на непріятеля; но когда видятъ, что дѣло плохо, то снѣшнать уходить, не считая поворомъ бѣгства отъ неравнаго противника. Никакой особой тактики у нихъ нѣтъ, за исключеніемъ правила осторожности, состоящаго въ высылкѣ передовыхъ всадниковъ для развѣдокъ. Когда непріятель отысканъ и окажется по силамъ, туркменская толпа бросается на него безъ всякаго порядка и строя, стараясь добраться до обоза, гдѣ бы можно было пограбить. Сраженіе съ туркменами не можетъ тянуться долго: въ случаѣ успѣха, они немедленно разбитыхъ непріятелей берутъ въ плѣнъ, а имущество ихъ грабятъ; въ случаѣ же неудачи снѣшнать ускорять и разсѣяться. Хорошая стойкая пѣхота, съ наръзнымъ оружіемъ и съ небольшимъ числомъ пушекъ или ракетъ, которыя производятъ на номадовъ огромное моральное дѣйствіе, есть лучшій противу нихъ родъ войска. Кавалерія же рѣдко можетъ имѣть серьезный успѣхъ, развѣ если нападетъ врасплохъ на аулы. При отрядахъ пѣхоты ея достаточно имѣть лишь такое число, какое необходимо нужно для развѣздовъ и прикрытія верблюдовъ; излишніе кавалеристы только отягощали бы отрядъ или караванъ перевозкою продовольствія для лошадей, ибо въ большей части туркменскихъ степей его вовсе нѣтъ.

Крѣпостцы туркменовъ-теке суть обыкновенные азіатскіе квадраты съ туръ-бастіонами и приворотными башнями изъ глины и частію изъ камня. Въ строгомъ смыслѣ, онѣ могли бы выдерживать довольно долгую осаду и особенно противиться штурму, ибо имѣютъ хорошія профили; но какъ туркмены рѣдко владѣютъ достаточными запасами продовольствія, пороху и снарядовъ, и очень боятся артиллерійскаго огня, то, разумѣется, нѣсколькихъ часовъ достаточно, чтобы взять самую крѣпкую ихъ твердыню безъ всякой почти потери. Крѣпостца Кизыль-Арватъ, имѣвшая въ окружности около 1,000 шаговъ, была оставлена текинцами даже прежде подхода къ ней нашего отряда въ 1870 году: такъ туркмены были увѣрены въ ея несостоятельности передъ нашимъ оружіемъ.

Всѣ другія стороны туркменскаго быта, не имѣя прямого отношенія къ оцѣнкѣ ихъ политическаго и военнаго значенія, здѣсь могутъ быть опущены, тѣмъ болѣе, что, по самому свойству степной жизни, онѣ почти тѣ же, что у киргизовъ и у другихъ номадовъ Средней Азіи.

Персіяне находятся въ значительномъ числѣ во всѣхъ туркменскихъ аулахъ въ качествѣ наѣзниковъ, иногда ожидающихъ вы-

куна или продажи, иногда обращенныхъ въ безповоротное рабство. Ежегодно изъ Хорасана и окрестностей Астрабада увозится въ плѣнъ хищниками, особливо юмудами, таже и салорами нѣсколько сотъ, а можетъ быть и тысячъ персiанъ, которыхъ еще захватываютъ у береговъ Каспійскаго моря. Участь ихъ самая печальная. Тѣ, которыхъ нельзя сбыть въ Хиву, гдѣ иногда цѣнность персидскаго раба (кызыль-баши) шла до 25 рублей серебромъ, остаются въ кочевьяхъ для разныхъ тяжелыхъ работъ. И если ихъ назначаютъ быть пастухами, то подрѣзываютъ имъ сухожилия у плечей, для предупрежденія побѣга. Плѣнные персiане встрѣчаются и на рыбныхъ ловляхъ у Гассанъ-кули, въ Хивинскомъ заливѣ и проч., а также на разработкахъ нефти и соли на островѣ Челекени, и не всегда желаютъ возвратиться домой съ этихъ промысловъ, вѣроятно по причинѣ тягостныхъ условій жизни въ самой Персiи.

Русскіе въ настоящее время находятся въ трехъ пунктахъ западнаго побережья Туркменіи, именно: въ форѣ Александровскомъ, въ Красноводскѣ и на Ашуръ-аде. Слѣдующій обзоръ показываетъ порядокъ ихъ водворенія на восточномъ берегу Каспія и отношеній къ туркменскому населенію.

Россія вступила въ сношенія съ туркменами при Петрѣ Великомъ. Еще въ 1713 году они предлагали свое содѣйствіе къ овладѣнію землями по Аму-дарьѣ, гдѣ, какъ извѣстно, Петръ надѣялся найти золото. Вскорѣ потомъ калмыцкій ханъ Аюкъ, покоровшій передъ тѣмъ туркменовъ силою, принялъ даже подданство Россіи, и это много содѣйствовало успѣху первыхъ предпріятій князя Бековича-Черкаскаго на восточномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ онъ построилъ двѣ крѣпости: у Александръ-бая и на Красноводской косѣ. Туркмены содѣйствовали учрежденію этихъ первыхъ русскихъ поселеній на ихъ землѣ, доставляли Бековичу перевозочныя средства и проч.; но послѣ несчастнаго похода подъ Хиву (1717) обѣ крѣпости были нами оставлены.

Въ 1745 году туркмены снова искали русскаго подданства. Депутаты отъ шести поколѣній ихъ, кочевавшихъ на Мангышлакѣ, пріѣзжали въ Петербургъ съ этою цѣлью, причѣмъ просили объ основаніи среди нихъ русскаго укрѣпленія. Но просьба осталась безъ послѣдствій, ибо въ то же время туркмены разграбили одно изъ нашихъ судовъ, вознившихъ къ нимъ съѣстные припасы.

Въ 1767 году, по поводу возобновленія мысли о подданствѣ туркменовъ и о занятіи какого-нибудь пункта на восточномъ бе-

реку Каспія, были разсужденія въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которая пришла въ слѣдующимъ достопамятнымъ заключеніемъ: «для Россіи нѣтъ никакой выгоды принимать туркменовъ подъ свое покровительство, тѣмъ менѣе считать ихъ своими подданными; ибо народъ сей, отъ природы дикій и хищный, подъ видомъ подданства, ищетъ только пособія въ жизненныхъ потребностяхъ. Нѣтъ никакого способа завести съ ними благоустроенную торговлю, ибо они виѣняютъ себѣ въ забаву грабить и убивать купцовъ или обращать ихъ въ тяжкую неволю. Единственнымъ средствомъ къ покоренію этого буйнаго народа было бы построеніе крѣпости гдѣ нибудь на берегу Каспійскаго моря. Но дѣланія съ 1744 года безуспѣшно неоднократно розысканія удобнаго къ тому мѣста, величайшія затрудненія, которыя противопоставляли имъ туркмены, и наконецъ свѣдѣнія, сообщенныя въ послѣднее время инженеромъ Ладизенскимъ, показываютъ, что недостатокъ въ водѣ по всему восточному берегу Каспійскаго моря служитъ неодолимымъ препятствіемъ къ заведенію и существованію тамъ русскаго укрѣпленія».

Въ 1798 году мангышлакскіе туркмены вновь просили о построеніи у нихъ укрѣпленнаго склада товаровъ, именно на Тюпъ-Караганѣ; но хотя просьба ихъ была поддержана астраханскимъ губернаторомъ Аршеневскимъ, однако дѣло осталось безъ послѣдствій.

Въ 1802 году они повторили свое ходатайство и сами объявили себя подданными Россіи. Поэтому, наконецъ, дана была 16-го мая 1803 года высочайшая грамота поколѣнію Абдала о принятіи его подъ покровительство русскою державою. А вслѣдъ за тѣмъ главнокомандующему въ Грузіи, князю Циціанову, предложено разсмотрѣть: какимъ образомъ просимое мангышлакцами укрѣпленіе можетъ быть сооружено, какаго рода оно должно быть и какой гарнизонъ нужно будетъ держать въ немъ? По разсмотрѣніи обстоятельствъ, приказано было представить проектъ и смѣту, вслѣдствіе чего былъ командированъ на восточный берегъ Каспія инженеръ-поручикъ Лашкаревъ, а потомъ предполагалъ съѣздить туда и самъ князь Циціановъ. Но какъ онъ этого не успѣлъ сдѣлать, то дѣло было поручено генералъ-маіору Фельервасу, который нашелъ, что укрѣпленія слѣдуетъ воздвигнуть на устьяхъ Эмбы и на Тюпъ-Караганѣ, для чего потребовалось бы 250,000 рублей ассигнаціями. Въ 1808 году новому главнокомандующему въ Грузіи, графу Гудовичу, дано было повелѣніе исполнить это, но время

основанія фортоу предоставлено ему выбрать по усмотрѣнію, соображаясь съ обстоятельствами.

Въ 1811 году пріѣзжала въ Астрахань депутація отъ чаудоровъ, которые, въ числѣ 2,300 семействъ, просили о принятіи ихъ въ подданство Россіи съ дозволеніемъ поселиться въ астраханскія стѣны. Такую же просьбу принесли вслѣдъ за тѣмъ и еще 3,600 семействъ туркменовъ разныхъ родовъ; но какъ они боялись перелетѣть черезъ теперешнія земли адаевскихъ киргизовъ и нужно было бы перевозить ихъ, со стадами, на корабляхъ, то ходатайство осталось безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что сами просившіе вскорѣ одумались и стали желать лишь повровѣтельства Россіи, но безъ переселенія на другую сторону моря. Едва нѣсколько сотъ семействъ чаудорскихъ и игдирскихъ переехали въ кавказо-астраханскія стѣны.

Въ 1813 году, во время войны нашей съ Персіею, нѣкто Султанъ-ханъ прислалъ къ главнокомандующему въ Грузіи, генералу Ртищеву, депутатовъ, Гуссейнъ-хана и извѣстнаго впоследствии Кіать-бека, съ увѣдомленіемъ, что и туркмены ополчились на персіанъ и для начала опустошили всѣ окрестности Астрабада. Но послы эти застали главнокомандующаго въ голыстанскомъ лагерѣ въ то самое время, когда онъ заключалъ мирный договоръ съ Абуль-Гуссейнъ-ханомъ, полномочнымъ персидскаго двора. Абуль-Гуссейнъ, зная, сколько туркменамъ, поддержанные Россіею, могутъ быть опасны для его отечества, настаивалъ, чтобы правительство наше не входило съ ними ни въ какія сношенія. Генералъ Ртищевъ на это согласился и, одаривъ прилично туркменскихъ пословъ, отправилъ ихъ обратно. Народъ туркменскій, по свидѣтельству Муравьева, былъ очень огорченъ этою неудачею.

Таковы были отношенія Россіи къ Туркменіи въ теченіе перваго столѣтія отъ начала ихъ. Можно сказать, что, въ продолженіе этихъ ста лѣтъ, туркмены исключительно сами, и нерѣдко какъ милости, добывались водворенія среди ихъ русскихъ, которые, съ одной стороны, могли бы доставлять имъ все, чего не производитъ ихъ скудное отечество для продовольствія и одежды, а съ другой поддерживать среди ихъ порядокъ силою своего нравственнаго авторитета. Теперь настаетъ періодъ, когда, напротивъ, русскіе ищутъ утвердиться на восточномъ берегу Каспія, и болѣе или менѣе встрѣчаютъ противудѣйствіе туркменовъ. Первый шагъ въ этомъ смыслѣ, впрочемъ очень удачный, сдѣланъ былъ генераломъ Ермоловымъ, который въ 1819 году отправилъ на восточный берегъ

Каспійскаго моря майора Пonomарева и капитана Муравьева, предписавъ первому завязать дружескія сношенія съ прибрежными турменами, а второму, кромѣ того, проникнуть въ Хиву, чтобы ознакомиться съ этою страной и съ самою Туркменіей. Приемъ, сдѣланный туркменами этимъ представителямъ Россіи, былъ очень дружественный: Муравьевъ спокойно переѣхалъ два раза туркменскую степь между Хивой и Балхасскимъ заливомъ, и на возвратномъ пути экспедиція привезла съ собою въ Тифлисъ уполномоченнаго отъ турменовъ, Кіатъ-бека, который снова принесъ просьбу о принятіи его доверителей въ русское подданство. Соотвѣтственно такому благоприятному началу, правительство наше рѣшилось основать прочную осѣдлость на восточномъ берегу Каспія, и посланному туда въ 1821 году, вторично, Муравьеву вѣдѣно было въ обязанность выбрать удобный для укрѣпленія пунктъ, а въ числѣ разныхъ расходовъ на экспедицію назначено 10,000 рублей на подарки турменамъ-юмудамъ, «съ цѣлью удержать ихъ въ благорасположеніи къ Россіи».

Муравьевъ на этотъ разъ не только осмотрѣлъ Балхасскій заливъ, гдѣ выбралъ мѣсто для укрѣпленія на Красноводской косѣ, но и проникъ въ Балхасскія горы, которыя рекомендовалъ какъ мѣстность наиболее пригодную къ устройству обширнаго населеннаго пункта, гдѣ, по мнѣнію его, со временемъ могли возникнуть обширныя сношенія со всѣми сосѣдними турменами. Но окрестностей Карабугаза и Бендерлинскаго залива онъ, за поднявшеюся временемъ года, осмотрѣть не успѣлъ.

Смѣнившій Ермолова генералъ Паскевичъ, въ свою очередь, жалелъ сближенія съ туркменами; но на этотъ разъ рѣчь шла уже не объ основаніи среди нихъ русскаго укрѣпленія, котораго построена и содержаніе, повидимому, найдены были убыточными, а только объ открытіи и утвержденіи торговыхъ связей. Съ этою цѣлью, въ 1830 году ѣздилъ къ туркменамъ есаулъ Лалаевъ, которому сначала поручено было, при содѣйствіи Кіатъ-бека, разузнать хорошенько положеніе турменовъ, а потомъ, когда онъ донесъ, что у послѣднихъ все благополучно, междуусобій нѣтъ, пригласить нѣсколькихъ туркменскихъ старшинъ въ Тифлисъ, для переговоровъ о торговлѣ. Какія отъ всего этого были послѣдствія — неизвѣстно, ибо и графъ Паскевичъ скоро былъ отозванъ съ Кавказа.

Въ 1832 году оренбургскій военный губернаторъ, графъ Сухтеленъ, снарядилъ экспедицію для осмотра сѣверо-восточнаго при-

брежья Каспійскаго моря, гдѣ рыбные промыслы наши требовали защиты и гдѣ предполагалось возмѣжнѣе связать торговые связи съ Хивой черезъ Усть-Урть. Послѣдствіемъ этой экспедиціи было основаніе въ 1833 году укрѣпленія Ново-Александровскаго у самаго выхода изъ залива Мертвый-Култукъ въ Каспійское море. Это былъ первый осѣдлый пунктъ нашъ на восточномъ берегу Каспія, хотя еще не въ Туркменіи; но опытъ не совсѣмъ удачный, потому что мѣстность для укрѣпленія была выбрана дурно. Во-первыхъ, она была весьма нездорова, такъ что смертность въ войскахъ гарнизона скоро приняла угрожающіе размѣры; во-вторыхъ, соседнее пространство было безплоднѣйшій Усть-Урть, который не только самъ по себѣ ничего не производитъ, но и препятствуетъ сообщеніямъ съ странами плодородными, изъ какихъ, впрочемъ, во всей арало-каспійской мѣстности лишь одна Хива заслуживаетъ такого названія. Въ-третьихъ, портъ укрѣпленія былъ такъ мелководенъ, что большія морскія суда должны были останавливаться за нѣсколько десятковъ верстъ и перегружать все привезенное сначала на косные лодки, а потомъ даже на мелкіе челноки, чтобы подвести къ берегу. Вслѣдствіе этого, въ 1835 году, снаряжена была новая экспедиція для точнѣйшаго изслѣдованія всего восточнаго берега Каспійскаго моря, отъ самаго Астрабадскаго залива до Тюпъ-Карагана. Въ экспедицію этой, подъ начальствомъ Карелина, принялъ участіе капитанъ Бларамбергъ, который и составилъ подробное описаніе всѣхъ замѣчательныхъ мѣстностей туркменскаго берега: острововъ, заливовъ, горъ и проч. Въ то же время Карелинымъ положены основанія для торговли съ туркменами и собраны свѣдѣнія о производительности ихъ страны. Вслѣдствіе происшествій одного астраханскаго персіянина, Миръ-Багирова, рыбныя ловли у юго-восточнаго берега Каспійскаго моря были имъ совершенно монополизированы, къ большому ущербу и туркменамъ, и русскихъ промышленниковъ. Карелинъ выдвинулъ одного изъ послѣднихъ, Герасимова, и поставилъ туркменамъ вообще въ болѣе близкія связи съ русскими, несмотря на противодѣйствіе, въ этомъ отношеніи, астраханскаго губернскаго начальства, покровительствовавшего Миръ-Багирову. Въ смыслѣ отысканія пункта, удобнаго для осѣдности, экспедиціею было дознано, что сколько-нибудь удобными можно признать, за исключеніемъ принадлежащаго Персіи залива Астрабадскаго, лишь Серебряный бугоръ, островъ Огурчинскій, заливъ Балханскій и Тюпъ-Караганъ.

Въ 1837 году снова явилась въ укрѣпленіе Ново-Александров-

свое депутатія отъ туркменовъ съ тремя просьбами о защитѣ и покровительствѣ, причѣмъ просители заявляли, что они уже съ 1710 года считаютъ себя русскими подданными, но постоянно находятся въ зависимости отъ Хивы и терпятъ отъ нея притѣсненія. Въ 1840 году того же покровительства Россіи пожалали іомуды, несмотря на то, что весьма вліятельный у нихъ Кіать-ага былъ незадолго передъ тѣмъ возведенъ въ ханы персидскимъ шахомъ. Наконецъ, въ 1856 году туркмены изъ окрестностей Александръ-бая ходатайствовали объ основаніи у нихъ укрѣпленнаго пункта, который сами вызывались построить: перенесеніе въ 1846 году форта Неве-Александровскаго на Тюль-Караганъ, вслѣдствіе чего водворилось относительно спокойствіе на Мангышлакѣ, очевидно служило имъ къ тому поводомъ.

Въ 1858 году правительство подвергло вопросъ о заселеніи восточнаго берега Каспійскаго моря всестороннему обсужденію, и какъ имѣвшіяся свѣдѣнія о странѣ, особливо о Балханскихъ горахъ и о прибрежномъ населеніи, все еще казались недостаточными, то рѣшено было отправить большую развѣдочную экспедицію, которая и состоялась въ 1859 году подъ начальствомъ полковника Дандевилля. Экспедиція эта, сѣвернѣе Балханскаго залива, нигдѣ полный успѣхъ, т. е. къ имѣвшимся прежде съемкамъ на Усть-Уртѣ и Мангышлакѣ присоединила съемку Карабутаза и его окрестностей; но въ главномъ пунктѣ, у залива Балханскаго, она встрѣтила неудачу отъ коварства туркменовъ, которые отогнали у нея выюнный скотъ, вслѣдствіе чего не было возможности осмотрѣть Балханскія горы и низовья пересохшей Аму-дарьи. Тѣмъ не менѣе, собранныя ею свѣдѣнія послужили къ убѣжденію правительства, что единственный пунктъ въ южной половинѣ Каспійскаго моря, гдѣ можно основать осѣдлость въ землѣ туркменовъ, есть Красноводскій заливъ *), откуда не трудно будетъ сноситься и съ туркменами, и съ Россією черезъ Баку. Развѣтіе нашего рыболовства у туркменскихъ береговъ и вниманіе, которое въ послѣдніе годы приобрѣлъ нефтяной промыселъ на Челекени, наконецъ вызвали рѣшимость на основаніе Красноводскаго укрѣпленія, а коварное поведеніе Хивы заставило даже поторопиться его построй-

*) Карелинъ, въ 1835 году, полагалъ, и съ обще-политической точки зрѣнія не безъ основанія, что лучшимъ мѣстомъ для укрѣпленія нужно считать Сербранный бугоръ, т. е. устье Гюргеня. Туркмены въ 1859 г. сами предлагали его въ собственность русскимъ, подѣ факторію и укрѣпленіемъ.

вою и отправить экспедицію вмѣсто весны 1870 года осенью 1869 года. Такъ возникъ второй, а исторически пятый русскій осѣдлый пунктъ на восточномъ берегу Каспія. И какъ всѣ прежнія свѣдѣнія о Балханскихъ горахъ заставляли считать, что утверждение здѣсь принесетъ еще болѣе пользы, чѣмъ въ самомъ Красноводскѣ, то весной 1870 года были, въ видѣ опыта, заняты Ташъ-Арватъ съ двумя промежуточными пунктами: постомъ Михайловскимъ и Мулла-кари. Осенью того же года мы уже на столько утвердились у залива Балханскаго, что былъ сдѣланъ походъ на востокъ, за 200 с лишкомъ верстъ, въ землю текинцевъ, къ Кизылъ-Арвату, а въ слѣдующемъ году совершены двѣ рекогносцировки по направленію къ Сары-Камышу. Затѣмъ Балканскія горы, какъ бесплодныя и удаленныя отъ берега моря, были оставлены, а главнымъ мѣстопробиваніемъ закаспійскаго военнаго отряда временно сдѣланъ Чилишларъ, на устьѣ Атрега. Исполнивъ свое назначеніе, т. е. послуживъ исходною точкою для нѣсколькихъ рекогносцировокъ въ южной Туркменіи, онъ однакоже былъ оставленъ нами при началѣ хивинской экспедиціи 1873 года.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, русскіе стоятъ прочною ногою въ этихъ мѣстностяхъ Туркменіи: на Мангышлакѣ, въ Красноводскѣ и на островѣ Ашуръ-аде, въ Астрабадскомъ заливѣ. Последняя мѣстность хотя и лежитъ въ Персіи, но имѣетъ прямое отношеніе къ Туркменіи, ибо цѣль находящейся тутъ морской станціи состоятъ въ прикрытіи отъ разбоевъ туркменовъ всего юго-восточнаго берега Каспійскаго моря. Значеніе морской станціи на Ашуръ-аде таково, что безъ билета отъ начальника оной ни одна туркменская лодка не смѣетъ появиться на рыбные промыслы, а тѣмъ менѣе прійти въ Астрабадскій заливъ для торговли съ персіянами. Если морской разбой не вполнѣ еще прекращенъ у береговъ Туркменіи, то главная причина тому камыши, покрывающіе взморье у низовій Кара-су, Гюргени и въ Гассанъ-кули, гдѣ мелкія хищническія лодки могутъ скрываться совершенно отъ взоровъ отыскивающихъ ихъ парусныхъ и гребныхъ судовъ.

Что касается до вліянія, которое оказываютъ русскія осѣлости въ Туркменіи на ея населеніе, то о немъ можно сказать слѣдующее. *Фортъ Александровскій* съ лежащею близъ его станицею Николаевскою (въ которой есть 240 душъ) представляетъ рыболовную станцію и рынокъ для торговли съ киргизами Мангышлакскаго приставета. Въ 1872 году обороты его по отпуску превосходили 350,000 рублей, изъ которыхъ три четверти составлялъ вывозъ

рыбъ, кожъ, каменнаго угля и пр. въ Астрахань; по привозу нѣтъ цѣнностей достигалъ до той же цифры 350,000 руб., и это были преимущественно мука, красный товаръ, посуда, и т. д. до сѣна, соломы и дровъ. Фортъ служить мѣстопробываніемъ мангышлак-скаго отряда, который отъ времени до времени высылаетъ команды въ сосѣднюю степь; но исходнымъ пунктомъ для движенія противъ Хивы, по отдаленности отъ ней, онъ служить ей не можетъ, и въ 1873 г. ему въ этомъ смыслѣ былъ предпочтенъ Кендерлинскій заливъ, гдѣ есть хорошая якорная стоянка и откуда до Хивы раз-стояние меньше на цѣлыя 200 верстъ.

Красноводскъ существуетъ такъ недавно, что о его значеніи для водворенія русской гражданственности и политическаго вліянія въ Туркменіи ничего нельзя сказать положительнаго. Слѣдующія цифры изъ отчета агента министерства финансовъ за шесть мѣсяцевъ 1870—71 года могутъ дать, впрочемъ, нѣкоторое понятіе о современномъ торговомъ его значеніи:

Привезено для внутренняго употребленія, т. е. не для вывозки въ Туркменію, а для продажи на мѣстѣ

Сахару, чаю, свѣчей, мыла и т. п.	15,000 р.
Аршинныхъ товаровъ	3,850 >
Винограднаго кавказскаго вина.	2,000 >
Вина русскаго.	300 >
Хлѣбами.	6,100 >

Итого изъ Россіи. 27,750 р.

Изъ Персіи фруктовъ 300 >

Изъ Туркменіи: рыбы, дичи, арбузовъ. 570 >

Всего. 28,620 р.

Вывезено: въ Персію соли 1,535 >

Въ Россію: лисьихъ шкуръ, овчинъ, перьевъ. 1,000 >

Всего. 2,535 р.

Провезено:

Изъ Хивы въ Россію, шелковыхъ продуктовъ 8,000 р.

Изъ Астрахани въ Хиву, мануфактурн. товар. 1,000 >

Кромѣ того, на сосѣдній островъ *Челекенъ*, за то же время, съ октября 1870 года по мартъ 1871 года, привезено разныхъ товаровъ: аршинныхъ, хлѣбныхъ и другихъ. 5,500 >

А съ Челекени привезено въ Красновод. нефти 225 >

Весь торговый оборотъ мѣстности 46,000 р.

Производствомъ внутренней торговли занимались тринадцать торговцевъ и при нихъ шестнадцать приказчиковъ. Къ веснѣ 1871 года они все почти имѣли постоянныя помѣщенія изъ сырцоваго кирпича или изъ досокъ. Но, кромѣ торговли рыбой и мѣхами, вся остальная имѣла цѣлью снабженіе войскъ. Одинъ красноводскій торговецъ, впрочемъ, ѣздилъ для закупки птичьихъ перьевъ и шкуръ на Гюргень, а другой основалъ въ самомъ Красноводскѣ заводъ для выдѣлки керосина изъ челекенской нефти, добываемой и привозимой туркменами. Красноводскъ въ настоящее время состоитъ изъ укрѣпленія и форштата, въ которомъ, между прочимъ, находится мечеть.

Объ *Ашургаде* можно сказать, что онъ имѣетъ для Турменіи значеніе только наблюдательнаго поста. Торговое же его значеніе держится, главнымъ образомъ, на сношеніяхъ съ Персією. Впрочемъ и для русскаго рыболовства у туркменскихъ береговъ это есть нечеловажная станція.

Военный обзоръ.

Предъидущее изложеніе данныхъ топографическихъ, этнографическихъ, экономическихъ и политическихъ даетъ основаніе принять слѣдующіе выводы, важные въ стратегическомъ смыслѣ:

1) На всемъ протяженіи туркменскаго участка государственной нашей границы, мы имѣемъ сзади себя принадлежащее намъ море, а впереди, большею частью, безплодную и населенную варварскими номадами степь. Такимъ образомъ, если первые *наступательные* шаги наши здѣсь облегчены перевозкою всего нужнаго по морю, то каждый послѣдующій будетъ все труднѣе и труднѣе, по мѣрѣ углубленія въ степь, которая, въ строгомъ смыслѣ, на памяти исторіи никогда и никѣмъ не была покорена, по крайней мѣрѣ на продолжительное время и прочно. Напротивъ, *оборона* береговой линіи, по восточной сторонѣ Каспія, можетъ быть очень легка и не потребуетъ особаго отягощенія государства расходами ни людей, ни денегъ.

2) Съ признаніемъ персидскимъ владѣніемъ земель на Гюргени и по лѣвому берегу Атрека, не остается во всей Турменіи оазиса, который бы могъ служить цѣлью дѣйствій, т. е. такою мѣстностью, гдѣ бы можно было прочно утвердиться, завести поселенія и содержать мѣстными средствами военную силу, достаточную для удержа-

нія въ полной покорности туркменовъ. Исключеніемъ, и то лишь въ весьма слабой степени, могутъ служить подгорья Кенетъ-дага, но только въ такомъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, горы Каратау въ зачуйской степи, т. е. вдоль ихъ возможны, безъ особыхъ лишеній для войскъ, кратковременные походы, особливо весною и осенью.

3) Несмотря на значительную длину теперешней границы, т. е. восточнаго берега Каспійскаго моря, управленіе всѣми военными силами на ней, пока онѣ не удалились отъ моря, очень легко, и притомъ, по характеру страны, не требуетъ одной сильной центральной власти на мѣстѣ, ибо общее направленіе мелкихъ отрядамъ и снабженіе ихъ всѣмъ нужнымъ удобно можетъ дѣлаться властями, живущими по западную сторону моря, въ распоряженіи которыхъ состоятъ всѣ запасы, личные и имущественные. Но впрочемъ, для избѣжанія проволочекъ въ передачѣ распоряженій, и особенно въ видахъ соблюденія единства въ характерѣ распоряженій предъ лицомъ туркменовъ, было бы небезполезно имѣть одного общаго начальника закаспійской линіи, съ центромъ управленія въ Кендерли или Красноводскѣ и съ подчиненіемъ ему какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ силъ, охраняющихъ берегъ.

4) Отряды, находящіеся въ настоящее время на восточномъ берегу Каспійскаго моря, принадлежать къ разнымъ частямъ войскъ кавказскаго округа. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе замѣнить мѣстными командами, отдѣльными отъ кавказскихъ полковъ. Это будетъ рационально и въ административномъ, и въ боевомъ отношеніи, ибо характеръ войны, возможный въ Туркменіи, совсѣмъ не тотъ, что на Кавказѣ, и требуетъ specialнаго опыта и подготовки людей, такъ что по справедливости можно сказать, что для этой войны пригоднѣе оренбургскіе и туркменскіе линейные батальоны, несмотря на то, что они не имѣютъ такой славной боевой опытности, какъ кавказская армія.

5) Естественная бѣдность закаспійскаго края не оставляетъ сомнѣнія, что мы никогда не въ состояніи будемъ держать въ немъ большого числа войскъ; да это и не нужно. При теперешнемъ состояніи туркменовъ, дурно вооруженныхъ, раздѣленныхъ на враждебные другъ другу роды и неспособныхъ къ повиновенію, при невозможности соединенія ихъ въ большія массы, не только политическія, но, по недостатку продовольствія, и въ собственно боевыя, намъ никогда не придется имѣть дѣла съ очень большими скопищами. А если бы и пришлось, то тѣмъ лучше для насъ, ибо побѣда была бы рѣшительнѣе. Отрядъ въ 2,000 человекъ, съ артиллерією,

безъ сомнѣнія, могъ бы исходить всю Туркменію безнаказанно, если бы легко было доставать воду, топливо и кормъ скоту на мѣстахъ, не возить съ собою продовольствія на весь походъ и не имѣть заботы о верблюдахъ, которыхъ собирать и охранять составляетъ немало труда. Что самыя обдуманныя предпріятія въ туркменской степи могутъ быть парализованы недостаткомъ верблюдовъ, это показало опытъ 1871 года, когда только исключительныя обстоятельства дали возможность выйти изъ затрудненія.

6) Въ смыслѣ театра войны къ сторонѣ Хивы, туркменское пограничное пространство вообще можетъ быть названо большимъ, весьма трудно одолжимымъ препятствіемъ для насъ и очень сильнымъ закрытіемъ для хивинцевъ. Конечно, небольшой отрядъ можетъ быть проведенъ черезъ степь до самой Хивы, какъ показалъ опытъ настоящаго года; но такой отрядъ все же не можетъ составить самостоятельной экспедиціи противъ Хивинскаго ханства, а только вспомогательную для войскъ Туркестанскаго и Оренбургскаго края. Притомъ тотъ же опытъ 1873 г. свидѣтельствуетъ, что походъ черезъ степи съ значительною массою войскъ возможенъ лишь чрезъ Усть-Уртъ, отъ залива Кендерлинскаго, но не чрезъ песчаные степи отъ Чикишляра. На послѣдней дорогѣ, сверхъ трудности добыть и охранять верблюдовъ, величайшія неудобства представляетъ и самая почва, по которой переходы въ высшей степени затруднительны; а необходимость оставлять часть войскъ въ тылу, на этапахъ, можетъ ослабить отрядъ до степени, при которой нападеніе даже на туркменъ, сдѣлается неблагоприятнымъ.

7) Перевозочныя средства въ Туркменіи состоятъ изъ верблюдовъ, лошадей и отчасти ослей; они вообще малочисленны, чѣмъ въ киргизскихъ степяхъ, и сборъ ихъ возможенъ только подъ условіемъ хорошихъ отношеній съ туркменами. Вотъ почему небольшой верблюжій транспортъ при войскахъ есть положительная необходимость. Иначе можно быть вынужденнымъ для сбора верблюдовъ прибѣгать иногда къ мѣрамъ грубо-насильственнымъ, т. е. такимъ, которыя способны дискредитировать русское имя во всей Туркменіи.

8) По особенностямъ климата, крайне жаркаго лѣтомъ и холоднаго зимою, войска должны имѣть особыя, лѣтнюю и зимнюю, походныя одежды. Въ походѣ полезно имѣть вортонскіе колодцы, и, въ составѣ продовольствія, непременно чай, не исключая, впрочемъ, особенно зимою и осенью, водку, во избѣжаніе вредныхъ послѣдствій отъ холодныхъ ночей. Сушеное мясо и капуста, консервы

въ жестянкахъ и вообще всѣхъ непортящихся припасовъ — первое условіе во время походовъ по Туркменіи. Къ нимъ нужно еще присоединить овесъ, ячмень и прессованное сѣно для лошадей.

9) По дороговизнѣ сооруженія какихъ бы ни было зданій во всѣхъ занятыхъ нами пунктахъ, весьма возможно замѣнить значительную часть ихъ войлочными кибитками мѣстнаго туркменскаго производства, или привозимыми изъ астраханскихъ степей.

Значительная часть этихъ заключеній и выводовъ уже примѣнена къ дѣлу при занятіи разныхъ мѣстностей на восточномъ берегу Каспійскаго моря; но нѣкоторые, повидимому, не вошли еще въ общее убѣжденіе. Слѣдующія краткія свѣдѣнія о закаспійскихъ отрядахъ покажутъ, что именно сдѣланъ въ видахъ прочнаго утвержденія нашего по ту сторону Каспія.

Маманимакскій отрядъ, изъ пѣхоты и казаковъ, расположенъ въ фортѣ Александровскомъ, гдѣ имѣетъ для жительства и складовъ постройки изъ дерева и камня и откуда часть его направлена черезъ Кендерли на Хиву.

Красноводскій отрядъ, изъ пѣхоты, артиллеріи, казаковъ и саперовъ, съ мастеровою и госпитальною командами, находится въ Красноводскѣ, гдѣ имѣетъ правильныя помѣщенія въ укрѣпленіи.

Морская станція на островѣ Ашуръ-аде состоитъ изъ ряда построекъ, какъ для жительства служащихъ и торговцевъ, такъ и для склада разныхъ предметовъ. Есть даже церковь. Суда, несущія службу на станціи, обыкновенно стоятъ на рейдѣ къ юго-востоку отъ острова, внутри Астрабадскаго залива; мѣсто для выгрузки, гдѣ держатся гребныя суда, находится въ юго-восточной же части острова. Составъ крейсерской флотиліи и командъ переменный.

Всѣ эти военныя силы получаютъ всякаго рода снабженія изъ Россіи, именно изъ Астрахани, Петровска и Баку, при посредствѣ пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій», съ которымъ у правительства есть контрактъ о рейсахъ, о перевозной платѣ, о числѣ судовъ и т. д. Исключеніе дѣлается для нѣкоторыхъ предметовъ продовольствія на Ашуръ-аде, которые добываютъ покупкою на мѣстахъ въ Персіи. Во всѣхъ же пунктахъ по восточному берегу Каспійскаго моря, съвѣрнѣе Ашуръ-аде, мѣстнаго только и есть, что мясо, преимущественно баранина, да арбузы, а вѣсѣмъ все остальное, не исключая сѣна и дровъ, привозится изъ Астрахани или съ Кавказа. Вслѣдствіе этого, содержаніе отрядовъ обходится очень дорого.

Источники.

Муравьевъ: Путешествіе въ Хиву и Туркменію 1819 г.

Борнсъ: Путешествіе въ Бухару, 1834 г.

Бларамбергъ: Журналъ экспедиціи 1835 г. на восточный берегъ Каспійскаго моря (Записки Русскаго Географическаго Общества).

Карелинъ: Рукописи, относящіяся въ той же экспедиціи.

Фелькнеръ: Геогностическій очеркъ восточнаго берега Каспійскаго моря 1836.

Abbot: Narrative of a Journey from Negat to Khiva 1843.

Иванкинъ: Поѣздка на полуостровъ Мангышлакъ (Отеч. Записки 1849).

Бодэ: О туркменскихъ поколѣніяхъ ямудахъ и голленахъ (Зап. Рус. Геогр. Общ.).

Дандевилъ: Рукописные документы объ экспедиціи 1859 г.

Галкинъ: Этнографическіе матеріалы по Оренбургскому краю и въ частности статья о туркменахъ.

Вамбери: Путешествіе въ Хиву и Бухару 1863 г.

Ивашинцевъ, *Ульскій* и *Пушкинъ*: труды ихъ по изслѣдованію Каспійскаго моря, изданные частью отдѣльно, частью въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества и въ Морскомъ Сборникѣ.

Ленизъ: О прежнемъ теченіи Аму-дарьи — Зап. Рус. Геогр. Общ.

Стебницкій: Замѣтки о Туркменіи 1871 г. и разныя статьи въ Изв. К. От. Рус. Геогр. Общ.

Скобелевъ: Описаніе пути отъ Красноводска къ Хивѣ въ Изв. Рус. Геогр. Общ. 1872. Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества за 1872, № 3, гдѣ описаны пути, пройденныя *Маркозовымъ*.

Линевичъ: Свѣдѣнія о Мангышлакѣ.

Рукописи Алексѣева, графа Кутайсова, Столѣтова и др., а также официальныхъ бумагъ по закаспійскимъ дѣламъ, изъ Азіатскаго Отдѣла Главнаго Штаба.

Карты: Оренбургскаго края, 50 в. въ 1 дюймѣ, изданія 1872 г., и съемки Иванина, Рабинина, Алексѣева, Бларамберга, Ивашинцова, Стебницкаго, Скобелева, Маркозова и пр.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ОБЗОРУ

РУССКО-АЗІАТСКИХЪ ГРАНИЦЪ.

I. Списки астрономическихъ точекъ.

На островахъ Сахалинѣ.

Наблюденія и вычисления, произведенныя *Брунстедомъ* и *Горнеромъ*:

1.	Мысъ Елисавета.	54° 24' с. ш.	160° 23' в. д.	Ф.
2.	„ Марія	54 18	„ 159 54	„
3.	„ Левенштернъ	54 8	„ 160 49	„
4.	„ Блокачевъ	53 40	„ 160 44	„
5.	„ Головачевъ	53 30	„ 159 31	„
6.	„ Вюрстъ	52 52	„ 160 54	„
7.	„ Отмелей	52 33	„ 160 51	„
8.	„ Пестаный	51 53	„ 160 50	„
9.	„ Делль-де-ла-Кройеръ	51 0	„ 161 20	„
10.	„ Ратмановъ	50 48	„ 161 30	„
11.	„ Ринникъ	50 12	„ 161 40	„
12.	„ Белиногаузенъ	49 35	„ 162 2	„
13.	Устье р. Пороная	49 15	„ 160 40	„
14.	Мысъ Соймоновъ	48 52,5	„ 160 39	„
15.	„ Терпѣнія	48 52	„ 162 23	„
16.	Сѣв.-вост. край Тюлений банки	48 36	„ 162 10	„
17.	Юго-запад. „ „ „	48 28	„ 161 48	„
18.	Мысъ Давыдовъ	48 21	„ 160 28	„

19. Мысъ Муловскій	47° 58' с. ш.	160° 22' в. ф.	
20. „ Селявинъ	47 16,5 „	160 37 „	
21. „ Тонинъ	46 50 „	161 11 „	
22. Японская факторія въ зал. Анивѣ	46 41 „	160 32 „	
23. Мысъ Левеноръ	46 23 „	161 18 „	
24. Островъ Монеронъ	46 8 „	158 51 „	
25. Мысъ Анива	46 2 „	161 8 „	
26. „ Крыльонъ	45 54 „	159 36 „	
27. Камень Опасность	45 47 „	159 47 „	

Опредѣленія *Рашкова* и *Старицкаго*:

28. Постъ Дун	50 50 „	159 46 „	
29. „ Сертунай	49 30 „	159 49 „	
30. Мысъ Токори-толка	48 40 „	159 33 „	
31. Постъ Кусунай	47 59 „	159 53 „	
32. Гавань Буссе въ зал. Анивѣ	46 29 „	160 59 „	
33. Островъ Монеронъ, вѣдъ Сахалина	46 15 „	158 56 „	
34. Мысъ Крыльонъ	45 54 „	159 46 „	

Въ Прибрежномъ участкѣ.

1. Николаевскъ	53° 3' с. ш.	158° 24' в. ф.	
2. Мысъ Лазарева	52 13 „	159 10 „	
3. Зал. де-Вастри	51 28 „	158 29 „	
4. Императорская гавань	49 1 „	157 57 „	
5. Зал. Сюффрель	47 „	?	
6. Зал. Торнай	45 „	?	
7. Ист. Суигачи изъ Ханкай	45 3 „	150 34 „	
8. Дер. Сигуку	44 59 „	151 11 „	
9. Устье Добиху	44 53 „	151 11 „	
10. Платиакъ на Джунгайхъ	44 42 „	151 19 „	
11. Второе устье Нимту	44 39 „	151 42 „	
12. Зал. Владимира	43 55 „	153 10 „	
13. „ Ольги	43 44 „	152 46 „	
14. Остр. Рѣчной, устье Суифуна	43 17 „	149 23 „	
15. Остр. Серебцова	43 13 „	149 35 „	
16. Мысъ Песчаный	43 11 „	149 26 „	
17. Устье р. Конронъ	43 7 „	151 58 „	
18. Владивостокъ	43 6 „	149 36 „	
19. Мысъ Токмаревскій	43 5 „	149 32 „	
20. Бухта Кобинъ	43 4 „	149 30 „	

21. Остр. Сиринцева	48° 2' с. ш.	149° 39' в. д.	Ф.
22. „ Казакевича	42 59	„ 149 27	„
23. „ Попова, южн. окон.	42 55	„ 149 26	„
24. Пролитъ Стрѣлокъ	42 55	„ 150 8	„
25. Мысъ Матвѣева (бухта Преображенія).	42 54	„ 151 31	„
26. Бол. остр. Верховскаго	42 52	„ 149 25	„
27. Мысъ Брюса	42 52	„ 149 10	„
28. Бухта Успенія	42 50	„ 151 7	„
29. Остр. Желтухина	42 49	„ 149 14	„
30. Находка, сѣв.-зап. бер.	42 48	„ 150 32	„
31. Остр. Аскольдъ, сѣв. окон.	42 47	„ 150 1	„
32. Бухта Врангеля	42 44	„ 150 42	„
33. Остр. Гильдебрантъ	42 41	„ 148 57	„
34. Мысъ Поворотной	42 40	„ 150 43	„
35. Зап. Посѣта	42 40	„ 148 25	„
36. Мысъ Гайова	42 34	„ 148 50	„
37. Устье Тужень-ули	42 17	„ 148 18	„

На Амурѣ и Усури.

1. Устье р. Куцури въ Озею	54° 44' с. ш.	148° 18' в. д.	Ф.
2. На Шивинѣ, бою. Брантъ	54 44	„ 148 59	„
3. Устье Уемана въ Танди	54 43	„ 141 39	„
4. Близъ устья р. Токъ	54 41	„ 146 25	„
5. На р. Минимуханъ	54 39	„ 145 51	„
6. Устье р. Минимухи	54 38	„ 145 35	„
7. На р. Унаха	54 33	„ 144 47	„
8. Слияніе Утугоя и Брантъ	54 32	„ 145 7	„
9. Юртъ Тинета на р. Джи	54 31	„ 147 40	„
10. На притоки р. Арди	54 30	„ 148 40	„
11. Змѣиная гора на Амурѣ	54 5	„ 143 18	„
12. На притоки Амазара	53 43	„ 139 52	„
13. Амуръ въ вер. выше устья Ольды	53 30	„ 141 3	„
14. Устье Стрѣлочный караулъ	53 19	„ 139 30	„
15. Д. Маго, на Амурѣ	53 13	„ 157 53	„
16. Скала Малая Надежда	53 11	„ 142 38	„
17. Николаевскъ	53 8	„ 156 25	„
18. Деревня Тиръ	52 55	„ 157 29	„
19. Инганская часовня	52 51	„ 149 36	„
20. Село Ново-Михайловское	52 36	„ 157 55	„

21. На Амурѣ близъ Онона	52°14' с. ш.	143°59' в. д.	Ф.
22. Въ верхов. Силинжи	52 2	" 148 24	"
23. Близъ Когги, на Амурѣ	51 54	" 144 13	"
24. Деревня Кади	51 53	" 158 7	"
25. Г. Маринскъ	51 42	" 157 52	"
26. Слияніе двухъ вѣтвей Бурен	51 39	" 151 57	"
27. Ст. Бумарская	51 35	" 144 40	"
28. Дер. Эрри, на Амурѣ	51 23	" 156 35	"
29. Дер. Тотыхо, на Амурѣ	51 5	" 156 7	"
30. Буренинская часовня	50 59	" 150 31	"
31. Благовѣщенскъ	50 15	" 145 16	"
32. Мысъ Мам, на Амурѣ	49 52	" 154 25	"
33. Ст. Слободкина, устье Бурен	49 25	" 147 17	"
34. Дер. Доль, на Амурѣ	49 25	" 154 12	"
35. На Амурѣ, ю.-в. отъ Бурен	49 22	" 147 43	"
36. Ст. Касаткина	48 58	" 147 48	"
37. Гора Уксуни	48 52	" 153 37	"
38. Хабаровка	48 28	" 152 47	"
39. Противу ст. Казакевича	48 16	" 152 22	"
40. Ст. Луговая	48 16	" 151 42	"
41. Селгамо	48 9	" 151 16	"
42. Гора Окторъ	48 7	" 150 54	"
43. Устье Тсонъ-Вирн	48 2	" 152 19	"
44. Д. Дирисъ	48 10	" 150 33	"
45. Ст. Михайло-Семеновская	47 56	" 150 36	"
46. Устье Хоро въ Усури	47 49	" 152 25	"
47. „ Сунгари	47 42	" 150 12	"
48. Ст. Добрая	47 42	" 149 24	"
49. Ст. Будовская	47 37	" 152 25	"
50. Ст. Шапшинская	47 6	" 151 57	"
51. Устье Бивени	46 50	" 151 47	"
52. „ Цифаку	46 20	" 151 47	"
53. „ Нинаани	45 58	" 151 23	"
54. „ Сунгачи	45 34	" 151 6	"
55. 2-й караулъ на Сунгачѣ	45 28	" 150 53	"
56. Утесъ между Гармой и Курмой	45 15	" 151 12	"
57. 3-й караулъ на Сунгачѣ	45 12	" 150 50	"
58. Истокъ Сунгачи вѣз Ханкаа	45 3	" 150 34	"
59. Дер. Ситуху	44 59	" 151 11	"
60. Устье Добиху	44 53	" 151 11	"

Въ Маньчжуріи.

Опредѣленія іезуитовъ въ XVIII вѣкѣ:

1. Улусу-модонъ на Амурѣ	51° 22' с. ш.	144° 28' в. ф.	
2. Сахалинъ-ула-хотонъ	50 1 "	145 4 "	
3. Мергенъ	49 12 "	142 38 "	
4. Каминка-кямунь	48 41 "	142 32 "	
5. Эду-гашанъ	48 10 "	149 42 "	
6. Хайчжу-гашанъ	47 59 "	152 50 "	
7. Чефи-гашанъ	47 49 "	150 16 "	
8. Цицзеаръ	48 24 "	141 32 "	
9. Аомили-гашанъ	47 23 "	149 32 "	
10. Мохоро-гашанъ	47 19 "	148 45 "	
11. Индаму-гашанъ	46 53 "	148 18 "	
12. Чолъ-хотонъ	46 40 "	140 41 "	
13. Ниманъ-гашанъ	45 55 "	151 49 "	
14. Нушу-гашанъ	45 48 "	143 57 "	
15. Бахунъ-хотонъ	45 46 "	142 37 "	
16. Чжунгей, усурійскій	44 47 "	152 5 "	
17. Дабуку-кинза юж. бер.	44 33 "	150 39 "	
18. Нингута	44 24 "	147 21 "	
19. Чжунгей-суифунскій	44 1 "	150 1 "	
20. Борото-гашанъ	43 48 "	139 55 "	
21. Гиринъ-ула-хотонъ	43 47 "	144 29 "	
22. Истокъ-Хучи-бирь	43 31 "	147 20 "	
23. Чжунгей-хотонъ	43 20 "	149 13 "	
24. Хонгто-хотонъ	42 54 "	147 41 "	
25. Хара-най-шанъ	42 18 "	138 8 "	
26. Тегу-гашанъ	41 56 "	142 53 "	
27. Мунденъ	41 50 "	142 17 "	
28. Инденъ (Синъ-цинъ)	41 44 "	142 40 "	
29. Банзе-хотонъ	41 29 "	143 12 "	
30. Синъ-тянь-цзе	41 16 "	139 18 "	
31. Ню-чуанъ	41 0 "	140 18 "	
32. Финъ-хуанъ-ченъ	40 30 "	141 50 "	
33. Кулушанъ-гашанъ	40 5 "	141 33 "	
34. Кинъ-чжеу	39 0 "	139 33 "	

Новѣйшія опредѣленія:

35. Устье Урова въ Аргунь	52 12 "	138 24 "	
36. Аргунское	51 34 "	137 42 "	

37. Сань-синь	46° 19'	с. ш. 147° 16'	в. ф.
38. Точка на Сунгари	45 42	" 144 1	"
39. Сунгари близъ Нонни	45 21	" 142 27	"
40. Сунгари 35 в. сѣв. Гирна	44 7	" 144 21	"

Въ Забайкалѣ и Халхѣ.

1. Село Укирское	52° 32'	с. ш. 129° 2'	в. ф.
2. Сѣверное устье Селенги	52 24	" 124 13	"
3. Деревня Шигаева	52 11	" 124 7	"
4. Станція Шахтинская	52 8	" 130 20	"
5. Городъ Чита	52 1	" 131 10	"
6. Посольскій монастырь	52 1	" 128 49	"
7. Городъ Нерчинскъ	51 58	" 134 15	"
8. " Верхнеудинскъ	51 49	" 125 15	"
9. Станица Тумкинская	51 45	" 120 13	"
10. Деревня Булгузъ	51 48	" 121 25	"
11. Нилова Пустынь	51 41	" 119 21	"
12. Село Шелопутино	51 39	" 135 18	"
13. Устье Пересмной въ Байкаль	51 35	" 122 50	"
14. Станція Хара-муринъ	51 29	" 122 2	"
15. Петровский заводъ	51 16	" 126 31	"
16. Городъ Ново-Селенгинскъ	51 5	" 124 18	"
17. Александровскій рудникъ	50 55	" 135 36	"
18. Стн. Чиндантакая	50 35	" 133 5	"
19. Село Торейское	50 32	" 122 30	"
20. " Усть-Илийское	50 24	" 131 23	"
21. Городъ Троицосавскъ	50 22	" 124 6	"
22. Село Джиндинское	49 56	" 125 40	"
23. Караулъ Абагайту	49 34	" 135 31	"
24. Буронъ-ханъ-агинъ	49 36	" 122 43	"
25. Караулъ Кыринскій	49 34	" 129 38	"
26. Слияніе Эве Селенгою	49 27	" 121 43	"
27. Устье Керулюна	48 50	" 134 51	"
28. Южн. точка Кулунъ-омо	48 47	" 134 54	"
29. На Керуленѣ № 1	48 35	" 134 11	"
30. Байсири Буриту	48 24	" 120 34	"
31. Боро Бира	48 23	" 124 6	"
32. На Керуленѣ № 3	48 25	" 133 6	"
33. Уланъ-булакъ	48 23	" 135 14	"

34. Устье Тана-бирн въ Керуленъ	48° 12' с. ш.	126° 43' в. д.	
35. На Керуленѣ № 2	48 8	" 133 20	"
36. Карса алинъ	48 8	" 125 51	"
37. Агманъ алинъ	48 7	" 121 20	"
38. Пара-лэтонъ	48 5	" 131 16	"
39. На Керуленѣ № 4	48 4	" 132 6	"
40. Урга	47 55	" 124 21	"
41. Керуме-омо	47 52	" 130 4	"
42. Ханъ-алинъ	47 49	" 124 0	"
43. Нагайга	47 47	" 124 58	"
44. Эмуре-халга	47 37	" 128 50	"
45. Далахъ-Кара-Валгасунъ	47 32	" 120 44	"
46. Южн. точка на Калгъ-бирѣ	47 29	" 137 6	"
47. Шаншагу	47 20	" 124 45	"
48. Дано-алинъ	47 7	" 127 30	"
49. Эрдени-чжао	46 58?	" 121 0?	"
50. Гильтегентай	46 54	" 126 55	"
51. Баниъ-хара	46 31	" 125 35	"

Въ участіи Алтай-Саяновомъ.

Прежде известныя точки:

1. Ачинскъ	56° 16' с. ш.	108° 10' в. д.	
2. Баянскъ	56 12	" 113 19	"
3. Красноярскъ	56 1	" 108 10	"
4. Точка на Манѣ	55 15	" 111 42	"
5. Нижнеудинскъ	54 55	" 116 41	"
6. Точка на Шенгѣ	54 25	" 112 14	"
7. Точка на верх. Кама	54 18	" 113 8	"
8. " " " Бирюсы	54 4	" 114 59	"
9. Саратовъ гора, мп. на верш.	53 47	" 106 45	"
10. Кузнецкъ	53 46	" 104 53	"
11. Удинскій караулъ	53 45	" 114 42	"
12. Минусинскъ	53 42	" 109 24	"
13. Точка при Соружѣ	53 28	" 114 25	"
14. Царьво-Николаевскій пр.	53 13	" 106 40	"
15. Означенное	53 4	" 109 9	"
16. Таштымскій форпостъ	52 47	" 107 38	"
17. Окинскій караулъ	52 42	" 117 14	"
18. Точка на Исугѣ	52 37	" 113 53	"

19. Мин. вод. на Тарпѣ	52° 35' с. ш.	116° 18' в. д.	Ф.
20. Точка на Шибитѣ	52 21	" 115 55	"
21. Рудникъ Алибера	52 21	" 118 22	"
22. Курень Урянховъ на Бей-кхемѣ	52 20	" 113 46	"
23. На Усѣ ниже Улугбаша	52 19	" 110 37	"
24. Иркутскъ	52 16	" 121 56	"
25. Юрты на Тархотѣ	52 15	" 118 19	"
26. Норинхоройскій кар.	52 6	" 117 56	"
27. Устье Кемчика въ Енисей	51 44	" 109 43	"
28. Култукъ	51 43	" 121 25	"
29. Нялова пустынь	51 41	" 119 21	"
30. Вуронъ-ханъ-алинь	49 36	" 123 43	"
31. Байзири-буриту	48 24	" 120 34	"
32. Анганъ-алинь	48 7	" 121 20	"
33. Эрдени-чжао	46 57	" 121 0	"
34. Кеку-омо	46 24	" 118 29	"
35. Дер. Уланъ-хучжиръ	46 15	" 104 52	"
36. Дер. Кэъ-хобоеъ	46 25	" 104 46	"
37. Дер. Наринъ-хобоеъ	46 25	" 104 13	"
38. Ст. у горы Хабтакъ	45 —	" 109 41	"

Опредѣленія *Мирошечко* въ 1869 г.

39. Шабинъ-дабага, пограничный столбъ	52 12	" 108 6	"
40. Р. Черлани	52 8	" 108 4	"
41. Вершина р. Узунъ-су	51 42	" 107 36	"
42. Р. Ильдугомъ	51 29	" 107 14	"
43. Р. Алаша, около устья Чульчи	51 15	" 107 12	"
44. Чульшманъ при устьѣ Чульчи	51 6	" 105 43	"
45. Кемчикъ противъ г. Бошту	50 55	" 107 15	"
46. Вашкауъ при устьѣ Угагана	50 37	" 105 40	"
47. Восточный конецъ озера Джуву-кула	50 28	" 107 26	"
48. Западный конецъ озера Кендикти-кула	50 23	" 107 22	"
49. Р. Веконъ-Бренъ у Чегетей	50 3	" 107 32	"
50. Кошъ-Агачъ на р. Чу	49 59	" 106 19	"
51. Бывшій пикетъ Юстинъ	49 56	" 107 0	"
52. Китайскій пикетъ на Каяъ-норѣ	49 36	" 106 56	"
53. Китайскій караулъ Суокъ	49 25	" 106 40	"
54. Пер. Уланъ-даба, столбъ	49 17	" 105 26	"
55. Ст. Уюка съ Алаю	49 17	" 105 7	"
56. Бухтарма при у. Черковой	49 12	" 103 24	"

57. Бывшій пикетъ Чингистай 49°11' с. ш. 108°34' в. ф.
58. Уласутай, по Илайсу. 47 46 " 114 22 "

Въ участіи Чжунгарскомъ.

1. Санипататинскъ	50°24' с. ш.	97°56' в. ф.
2. Усть-Каменогорскъ	49 57 "	100 19 "
3. Усть-Бухтарма	49 36 "	101 14 "
4. Хуторъ Букаша на Аркатъ	49 0 "	97 57 "
5. Ковбекты	48 45 "	100 4 "
6. Саръ-тау, подошва горы	48 42 "	102 66 "
7. Марка-куль, ист. Калджира	48 41 "	103 8 "
8. Джалпакъ-канинъ, на Такырѣ	48 26 "	102 33 "
9. Устье Бала-Калджира въ Кол.	48 25 "	102 47 "
10. Еремкина-Рыбалка на Ирт.	48 20 "	101 12 "
11. Ист. Иртыша изъ Зайсана	48 14 "	101 3 "
12. Мог. Акмулла, у Зайсана.	48 12 "	101 12 "
13. Клы, зап. омонечность Зайсана	48 12 "	100 46* "
14. Графит. рудн. Балтатарахъ	48 6 "	98 42 "
15. На Зайсанѣ, между мысами Волчьимъ
и Ултаравскимъ	48 4 "	101 5 "
16. Джалаламъ-тюбе	48 0 "	101 42 "
17. М. Голый, на Зайсанѣ	47 59 "	101 22 "
18. Акъ-тюбе на Чер. Ирт.	47 57 "	102 41 "
19. Сергіополь	47 56 "	98 1 "
20. Устье Чернаго Иртыша	47 52 "	101 52 "
21. Чиликты, у разд. двухъ рук. Иртыша.	47 50 "	102 15 "
22. Средне-Аягузскій пикетъ	47 50 "	97 38 "
23. Урочище Ойчиликъ	47 32 "	100 35 "
24. Баты, кар. на Ирт. (бывш.)	48 57 "	101 32 "
25. Каракольскій пикетъ	47 27 "	98 46 "
26. Вершина горы Сары-тологой	47 22 "	100 33 "
27. Слияніе Терекъ-айр. съ Канды	47 17 "	101 40 "
28. Сары-чезу, сопка на Хабарѣ	47 13 "	100 38 "
29. Слияніе Канды-су и Чилика	47 11 "	101 55 "
30. Камень на Сентасѣ	47 9 "	100 56 "
31. М. Кіятинъ-гора	47 6 "	101 35 "
32. Ст. Урджарская	47 5 "	99 15 "
33. Бургусутайскій проходъ	47 0 "	101 52 "
34. Дзусъ-агагачскій пикетъ	46 56 "	97 19 "

35. Кирчъ Моманчи	46° 47' с. ш.	99° 38' в. д.
36. Чугучакъ	46 45 "	100 35 "
37. Устье Лепси въ Балхашъ	46 20 "	96 3 "
38. Ст. Лепсинская	45 31 "	98 27 "
39. Бапалъ	45 8 "	96 40 "
40. Царицынъ пикетъ	44 38 "	96 22 "
41. Кар. Ворохударъ	44 28 "	97 35 "
42. Прок. Алтынъ-Имвала	44 19 "	96 16 "
43. Бульджа	43 56 "	98 43 "
44. Укр. Илийское	43 52 "	94 59 "
45. Вѣрный	43 16 "	94 32 "
46. Сумбе	43 2 "	98 11 "
47. Ст. Уртинъ-Мусар. съ Телесомъ	42 54 "	98 16 "
48. Ст. Карзари съ Бегеномъ	43 1 "	96 53 "
49. Устье Туба въ Иссыкъ-Куль	42 43 "	96 10 "

Определение *Миронитическо* въ 1869—70 г.

50. Выселокъ Малонаринскій	49 15 "	102 23 "
51. Сентасъ	49 19 "	100 2 "
52. Джусъ-агачъ	48 27 "	100 21 "
53. Клан, на бер. р. Кокбекти	48 12 "	100 44 "
54. Бюрюкметъ	48 34 "	99 15 "
55. Мѣднй принскъ Пермикина	47 36 "	99 8 "
56. Тѣе-Мойнакъ	47 38 "	99 44 "
57. Уй-Чиликъ	47 32 "	100 36 "
58. Р. Уласути	47 35 "	101 7 "
59. Чагаракъ-асу	47 18 "	99 38 "

Въ Тяньшаньскомъ участіи.

Определения *исзутовъ* въ XVIII вѣкѣ:

1. Ули-Турфанъ	41° 6' с. ш.	95° 40' в. д.
2. Чжаэргэ	40 52 "	96 29 "
3. Г. Аксу	41 9 "	96 52 "
4. Дер. Учжума	40 ? "	97 22 "
5. Илалъ	41 44 "	98 35 "
6. Дер. Янгганъ	40 45 "	98 36 "
7. Г. Бай	41 41 "	98 55 "
8. Ст. Хара-усу	41 45 "	99 37 "

9. Г. Сайрактъ	41° 41' с. ш.	99° 27' в. д.	
10. Ст. Бизылъ	41 45 "	99 42 "	
11. Устье р. Бизылъ въ Укентъ-дарью	41 35 "	99 59 "	
12. Ст. Эшникъ-баши	42 9 "	100 8 "	
13. Бузъ-Пуянтъ	41 20 "	100 26 "	
14. Г. Кутъ	41 37 "	100 35 "	
15. Г. Шахъ-яръ	41 5 "	100 46 "	
16. Дер. Тойболоди	41 10 "	101 16 "	
17. Ст. Токонай	41 20 "	101 22 "	
19. Дер. Югуръ	41 44 "	102 1 "	
20. Ст. Бурунъ	41 46 "	104 11 "	
21. Г. Карашаръ	42 7 "	104 50 "	
22. Дер. Чухой	42 17 "	105 30 "	
23. Мѣстечко Чжако-хото	43 6 "	107 15 "	
24. Г. Турфанъ	43 4 "	107 12 "	
25. Дер. Илаликъ	42 46 "	107 42 "	
26. Дер. Лукчанъ	42 40 "	107 57 "	
27. Г. Пичжанъ	42 52 "	108 22 "	
28. Ст. Того	43 19 "	109 44 "	
29. Дер. Кунъ	42 50 "	109 6 "	
30. Ст. Кара-тюбе	42 52 "	110 51 "	
31. Г. Мученъ	43 58 "	111 27 "	
32. Г. Хами	42 53 "	111 37 "	
33. Проходъ Нанъ-шанъ-кзю	43 15 "	111 37 "	
34. Г. Баркуль	43 39 "	111 5 "	
35. Г. Гученъ	44 4 "	108 14 "	
36. Г. Урумчи	43 27 "	106 11 "	
37. Г. Манасъ	44 20 "	104 19 "	

Опредѣленія новаго времени:

38. Соединеніе Каржаръ съ Кегеномъ	43 2 "	96 47 "	
39. Точка на р. Текесъ	42 54 "	98 10 "	
40. Устье р. Туба	42 44 "	96 2 "	
41. Сел. Кунгей Аксу	42 42 "	95 23 "	
42. Устье р. Чалпашъ-ата	42 38 "	94 48 "	
43. Устье р. Кутемалди	43 26 "	93 52 "	
44. Г. Тоймакъ	42 51 "	93 0 "	
45. Г. Карыкогъ	42 30 "	95 4 "	
46. Устье р. Барскоунъ	42 11 "	95 15 "	
47. Селеніе Яакъ-Тайла и Акъ-Сал	41 34 "	95 24 "	

48. Нарыское укрѣпленіе	41° 26' с. ш.	93° 41' в. ф.
49. Устье Акъ-таша въ Чатыръ-куль	40 43 "	93 3 "
50. Камгаръ, средина	39 28 "	93 40 "
51. Янгинааръ	39 24 "	93 43 "

Въ участіи Нагорно-Туранскомъ.

1. Джулекъ	44° 17' с. ш.	84° 4' в. ф.
2. Акъ-чеганакъ	43 57 "	84 53 "
3. Динъ-бурганъ	43 52 "	84 52 "
4. Туркестанъ	43 17 "	85 58 "
5. Утъ-каюкъ	43 14 "	85 30 "
6. Кам.-ут. копи на Вугони	43 3 "	87 38 "
7. Ауль-ата	42 54 "	89 4 "
8. Мерке	42 52 "	90 50 "
9. Акъ-су	42 50 "	91 47 "
10. Чимкентъ	42 18 "	87 17 "
11. Саванъ-тугай	42 16 "	85 54 "
12. Бандиръ-тугай	42 1 "	85 50 "
13. Ташкентъ	41 19 "	86 57 "
14. Наманганъ	40 59 "	89 22 "
15. Чиназъ	40 56 "	86 27 "
16. Келеути	40 54 "	87 10 "
17. Андижанъ	40 48 "	90 3 "
18. Темиръ-кабукъ	40 43 "	84 5 "
19. Шараханъ	40 42 "	89 45 "
20. Ассакъ	40 38 "	89 56 "
21. Фаринъ	40 38 "	84 34 "
22. Коканъ	40 31 "	88 39 "
23. Маргеланъ	40 28 "	89 43 "
24. Ремтанъ	40 21 "	88 58 "
25. Ходжентъ	40 17 "	87 21 "
26. Нау	40 9 "	87 18 "
27. Джизакъ	40 9 "	85 29 "
28. Яны-бурганъ	40 7 "	85 11 "
29. Кайрагатъ	40 8 "	87 25 "
30. Заминъ	39 58 "	86 3 "
31. Ура-тубе	39 55 "	86 39 "
32. Бухара	39 47 "	82 8 "

33. Самаркандъ	39° 39' с. ш.	84° 39' в. д.
34. Верховья Зарафшана	39 37 "	88 12 "
35. Пальдорахъ	39 26 "	87 36 "
36. Мирабадъ близъ Каракуля	39 22 "	— — "
37. Искендеръ-куль	39 3 "	— — "
38. Чарджуй	39 0 "	— — "
39. Карини	38 52 "	— — "
40. Ходжа-сала	37 28 "	— — "
41. Юж. стор. озера Сары-куля	37 27 "	91 20 "
42. Оз. Баркутъ-Ясинъ	37 14 "	91 52 "
43. Панджа	37 5 "	90 19 "
44. Иссаръ	37 2 "	— — "
45. Бадакшанъ	37 2 "	88 16 "
46. Рустахъ	36 59 "	87 31 "
47. Бундузъ	36 45 "	86 44 "
48. Ишкасимъ	36 45 "	89 13 "
49. Хулумъ	36 34 "	82 27 "
50. Бахъ	36 48 "	— — "

Итого изъ 50 пунктовъ.	Сѣвернѣе За-		
	рафшана	— — "	— 35 "
	Южнѣе	— — "	— 15 "

Въ участіи Аральскомъ.

1. Г. Тургай	49° 38' с. ш.	81° 15' в. д.
2. Рѣка Карабутахъ	49 39 "	77 38 "
3. " Иргизъ	49 21 "	77 56 "
4. " Иргизъ	48 41 "	78 47 "
5. Г. Иргизъ	48 37 "	78 58 "
6. Были. Эмбенское укр.	48 19 "	75 5 "
7. Гурьевъ	47 7 "	69 38 "
8. Чумбакульское укр.	47 2 "	75 30 "
9. Бол. Терекли 1	47 44 "	79 8 "
10. " Терекли 2	47 41 "	79 12 "
11. " Куль-кудукъ	46 58 "	72 20 "
12. " Алты-кудукъ	46 50 "	79 31 "
13. Залвзъ Чубаръ-Тарауъ	46 44 "	78 11 "
14. Бол. Савакъ	46 29 "	79 39 "

15. Висш. Раниское укр.	46° 4' с.ш.	79° 27' в. Ф.
16. Устье Сыръ-дарьѣ у пирамиды	46 3 "	78 49 "
17. Висш. Косъ-Аралское укр.	46 1 "	78 47 "
18. Мисъ Узунъ-каиръ	45 46 "	76 57 "
19. На р. Сыръ-дарьѣ	45 45 "	80 0 "
20. О. Акъ-тыкенъ	45 49 "	71 ? "
21. Уроч. Эки-кенигъ	45 46 "	71 37 "
22. " Майгибашъ	45 48 "	80 17 "
23. Г. Казалинскъ (ф. № 1)	45 45 "	79 44 "
24. Кармакин (ф. № 2)	45 28 "	80 44 "
25. Висш. укр. Чимъ-Курганъ	45 3 "	82 24 "
26. Звѣнная коса на Бузани	45 13 "	— — "
27. О. Николай	44 59 "	76 40 "
28. М. Бунганъ-Сандакъ	44 53 "	79 26 "
29. Укр. Карракъ, на Кунанъ-дарьѣ	44 52 "	— — "
30. Г. Перевскъ	44 51 "	83 9 "
31. Кунанъ-курганъ (ф. № 3)	44 51 "	82 37 "
32. Ур. Кунъ-суатъ	44 40 "	83 30 "
33. М. Тюбъ-караганъ	44 33 "	87 57 "
34. Мол. Акъ-Тумсукъ	44 36 "	75 58 "
35. О. Боллингаузена	44 35 "	76 36 "
36. Зал. Сарытанъ	44 30 "	68 53 "
37. Иркибай	43 59 "	80 28 "
38. Акъ-Чеганакъ	43 57 "	84 31 "
39. Динъ-курганъ	43 52 "	84 50 "
40. Тенге-куму	43 43 "	77 7 "
41. О. Ермелова	43 43 "	77 58 "
42. М. Акъ-суатъ	43 42 "	76 9 "
43. М. Урга	43 36 "	76 27 "
44. Ушъ-казокъ	43 14 "	85 27 "
45. Кунградъ	43 5 "	76 35 "
46. Устье р. Ариса	42 46 "	85 55 "
47. Кол. Бенкале	42 40 "	81 2 "
48. Ур. Сазанъ-тугай	42 26 "	85 52 "
49. Ур. Мияъ-булакъ	42 14 "	80 31 "
50. Ур. Вандиръ-тугай	42 2 "	85 48 "
51. Тамды (топ. илютъ въ ю.-з.)	41 45 "	83 17 "
52. Хива	41 23 "	77 42 "
53. Кол. Аристанъ	41 16 "	82 32 "
54. Кол. Акъ	41 12 "	82 53 "

55. Кол. Темиръ-кобукъ.	40°43' с. ш.	84° 5' в. д.
56. Дер. Фаритъ (1/2 в. сѣвернѣе ея).	40 34 „	84 84 „

Въ участіи Туркменскомъ.

1. Топъ-караганъ	44°33' с. ш.	67°54' в. д.
2. Бухта Сартавъ	44 27 „	68 51 „
3. Милевей уголь	43 38 „	69 50 „
4. Мысъ Ургу	43 36 „	76 26 „
5. Александръ-бай	43 10 „	69 0 „
6. Буяградъ	43 5 „	76 35 „
7. Кендерлинскій заливъ	42 44 „	70 13 „
8. О. Кара-аде, лж. оном.	41 31 „	70 11 „
9. Карабузаскій противъ	41 2 „	70 25 „
10. М. Кара-сенгиръ	40 44 „	70 30 „
11. Красноводскъ	40 0 „	70 39 „
12. Челекенъ, сѣв. ок.	39 41 „	70 56 „
13. Челекенъ, д. Кадиръ-хана	39 23 „	70 51 „
14. Огурчинскій, сѣв. ок.	39 6 „	70 43 „
15. Сѣв. ок. Хивинской вост.	38 49 „	71 35 „
16. Бѣлый-бугоръ	37 56 „	71 34 „
17. Вуджуртъ	37 29 „	75 3 „
18. Ширванъ	37 24 „	75 37 „
19. Мулла-бери	39 38 „	71 49 „
20. Кизилъ-арватъ	38 59 „	73 48 „
21. Фирюза, сел.	37 22 „	74 57 „
22. Таваръ	37 18 „	74 35 „
23. Кабушанъ	37 8 „	76 6 „
24. Хорошо, сел.	37 7 „	74 31 „
25. Джаджермъ	36 37 „	74 5 „
26. Бекнезеръ	36 54 „	76 26 „
27. Ашуръ-аде	36 54 „	71 34 „
28. Астрабадъ	36 51 „	72 7 „
29. Велладжудъ	26 48 „	71 47 „
30. Сейданъ	36 45 „	76 39 „
31. Чибоканди	36 45 „	71 37 „
32. Межесъ	36 36 „	73 6 „
33. Таджентъ	36 34 „	72 23 „

34. Джунабадъ	36° 33' с. ш.	76° 57' в. ф.
35. Бостамъ	36 29 "	72 42 "
36. Мейандештъ	36 26 "	73 44 "
37. Педештъ, каравансарай	36 26 "	72 44 "
38. Шахрудъ	36 25 "	72 40 "
39. Мейамей, каравансарай	36 25 "	73 20 "
40. Кншметн	36 23 "	77 15 "
41. Аббасъ-абадъ	36 22 "	78 4 "
42. Менхедъ	36 17 "	77 18 "
43. Меръ, каравансарай	36 17 "	73 49 "
44. Деймолла	36 16 "	72 26 "
45. Себзеваръ	36 12 "	75 20 "
46. Риведъ, каравансарай	36 12 "	75 1 "
47. Сентн, каравансарай	36 12 "	73 4 "
48. Хусейнъ-абадъ	36 11 "	75 36 "
49. Дамганъ	36 10 "	72 1 "
50. Кадамга	36 6 "	76 44 "
51. Даухетъ-абадъ	36 5 "	71 51 "
52. Шерифъ-абадъ	36 0 "	77 11 "
53. Геригъ	34 21 "	79 47 "

Опредѣленія *Стебниці* въ 1872 г. (по картѣ).

54. Кол. Идн	36 25 "	73 20 "
55. Оз. Дзамала	39 55 "	73 46 "
56. Кол. Топіатанъ	39 48 "	73 18 "
57. " Кошъ-агирли	39 48 "	72 17 "
58. " Дзурюкъ	39 41 "	72 55 "
59. " Динаръ	39 18 "	74 1 "
60. Родн. Уйла-чешме	38 38 "	72 27 "
61. Сліяніе Атрека съ Сумбаромъ	37 53 "	73 0 "
62. Перепр. Баятъ-хаджи-олумъ	47 30 "	72 30 "
63. Постъ Чакнишаръ	37 27 "	71 33 "

II. Дороги изъ Россіи въ Китай.

I. Отъ восточныхъ предѣловъ Маньчжуріи въ Гиринъ.

а. Отъ зал. Посѣта чрезъ Хунь-чунь и Нингуту.

	Вер.	
Бухта Экспедиции . . .	0	У устья р. Чурки, т. е. въ 10 вер. моремъ отъ поста Новгородскаго.
1. Г. Хунь-чунь	30	По дол. Чурки и черезъ перевалъ на границѣ (20 в.) въ долину же.
2. Р. Миткенъ	25	По уваламъ лѣваго берега Тумень-ули.
3. Р. Кахари	35	То же. Въ долину есть китайскія хижины.
4. Р. Кахари	25	По долину Кахари. То же.
5. Р. Фурха	25	То же.
6. Хата	30	По горной странѣ.
7. Р. Малхури	30	Перевалъ черезъ лѣсистый хребетъ.
8. Р. Хурха	40	По горамъ вдоль Малхури.
9. Г. Нингута	20	Переправа черезъ р. Хурху.
Итого 260		
10. Дер. Кулу-ламуху . .	20	По уваламъ лѣваго берега Хурхи.
11. Дер. Шаранъ	21	То же. Почтовая станція (первая отъ Нингуты).
12. Д. Бирха	31	По уваламъ сѣвернѣе оз. Биртыня; пер. чрезъ р. Эйху.
13. Д. Таланъ	31	Сосновымъ боромъ по уваламъ сѣвернѣе р. Фульдзехъ.
14. Д. Омохо-соро . . .	41	То же по горамъ.
15. Д. Илесу	21	То же.
16. Д. Туйтунъ	41	Перевалъ чрезъ хребетъ Фосханъ.
17. Д. Лафа	31	По горамъ.
18. Д. Эгему	40	По же.
19. Д. Нишика	38	По уваламъ вдоль рѣчки Ихань-бири.
20. Г. Гиринъ	8	По долину Сунгари, чрезъ которую переправа у города.

Итого 302

А всего 562 Переходовъ 20.

Дорога вообще гористая и лѣсистая, слабо населенная и трудная для экипажей. Многія рѣчки отъ дождей, весьма частыхъ, дѣлаются очень полноводными. Зимой свѣтъ.

в. Отъ устьевъ Сунгари, до Гирина,

Вер.

Ст. Михайло-Семеновская Верстахъ въ 15 ниже слиянія Сунгари съ Амуромъ.

Гор. Сань-Синъ (Илань-хаа) 310 По рѣкѣ Сунгари, на судахъ.

1. Мао-цунъ 10 Переправа чрезъ Хурху.

2. Ордо-мусунъ 35

3. Чунгуреу 36

4. Фурхунъ 36

5. Фосыхэнь 38

6. Сэлъ-фотеку 20

7. Фигету 52

8. Сагури 41

9. Лалнь-догонь 15

10. Мэнгу-дарунъ 15

11. Тенгель-чеку 15

12—15. Г. Гиринъ 114

Итого отъ Сань-Сина 427

А отъ Михайло-Семевской 737

Водою же по Сунгари 1050 в.

Подробности этой дороги недовольно извѣстны: китайскіе дорожники ихъ не даютъ. По картѣ видно, что тутъ д. б. переправы чрезъ рр. Мань, Чабаръ, Фигету (Ажехъ?), Альчуку и Лалнь. Р. Альчуку находится въ 10 в. отъ стц. Сагури.

Общій же характеръ мѣстности: слабо-волнистая почва, заросшая лѣсомъ въ восточной половинѣ и болѣе открытая и обработанная въ западной. Населеніе восточной половины слабо. Растительность вездѣ, по свидѣтельству Де-ла-Брюньера и Вилліамсона, очень богата. Не мало болотъ.

На Сунгари.

См. маршрутъ № II, станціи 33—36.

с. Другіе пути по восточной Маньчжуріи.

Кромѣ этихъ экипажныхъ, хотя конечно илохихъ, дорогъ, извѣстны еще въ восточной Маньчжуріи слѣдующіе пути, которые, по енисейскому выраженію, можно назвать таѣжными (лѣсными):

1. Изъ долины Суйфуна въ Нингуту По этой дорогѣ отъ Владивостока до Нингуты 15 дней ходу, вѣроятно около 300 вер. Въ рус-

стихъ предѣлахъ (160 в.) дорога эта идетъ вдоль лѣваго берега Суй-фуна, а въ маньчжурскихъ чрезъ верховья Мурени и по р. Куйтулину. По ней разбросаны дома бѣлнхъ китайцевъ.

2. *Съ береговъ Усури по Мурени въ Нимуту* — вьючная дорога, годная по нуждѣ и для легкихъ повозокъ. По дорогѣ лѣса и частью горы, почти безъ населенія. 20 дней ходу (болѣе 400 в.).

3. *Съ береговъ Усури одолъ Думати, Биркити и Вокени въ Сань-синъ* — плохая вьючная тропинка, извивающаяся посреди лѣсистыхъ горъ. Болѣе 360 верстъ.

Съ береговъ Усури по Нору и Вокени — такая же тропинка, около 400 верстъ.

Между городами *Сань-синомъ* и *Нимутю*, по словамъ Уиллиамсона, нѣтъ дороги, а сообщеніе производится лѣтомъ на лодкахъ, а зимою по льду, вдоль р. Хурхи. О сдѣланномъ въ 1872 г. осмотрѣ этой мѣстности Варабаномъ свидѣнія еще не обнаружены.

II. Отъ Благовѣщенска чрезъ Цицикаръ до Гирина.

	Вер.	
Обл. гор. <i>Благовѣщенск</i>	0	На лѣвомъ берегу Амура, у впаденія Зен, выше устья ея.
1. Г. Айгунъ	31	Переправаясь черезъ р. Амуръ, по дорогѣ, идущей вдоль праваго его берега чрезъ рядъ деревень.
2. Ганза (Хомпа)	15	Равнина; за рѣкою Ганзою ночлегъ у деревни.
3. Элджана	20	Волнистая, довольно населенная мѣстность.
4. Санджана	17	Сначала долина, потомъ волнистая мѣстность.
5. Кумиря Тугуза	20	Долина рѣчки Кумуръ и подъемъ на перевалъ.
6. Сынджака	21	Спускъ съ лѣснаго хребта, потомъ падью вдоль рѣчки.
7. Мерха	21	Долина, отлогіе хребты и опять долина.
8. Сидигу	15	Долина, плоская возвышенность и ложбина у деревни.
9. Симаду	24	Небольшой перевалъ и открытая, слабо-волнистая мѣстность.

10. Г. Мергенъ 29 Волнистая мѣстность, довольно населенная и обработанная.

Итого 213

11. Илака 36 Волнистая мѣстность.
12. Кеминка 21 Долина р. Лолохи.
13. Больдо 31 Слабо волнистая мѣстность. Переправа
черезъ р. Немэръ.
За рѣкою Нонни, на западѣ, мѣстечко
Бутха.
14. Лоха 31 Долина р. Нонни.
15. Нимненъ 41 То же.
16. Тхахаръ 38 То же.
17. Г. Цицинаръ 31 То же; страна населена и обработана. Рѣ-
ка Нонни между Мергеномъ и Цицина-
ромъ судоходна.

Итого 229

18. Темдеха 28 Долина Нонни.
19. Онытохонъ 38 То же; дер. въ сторонѣ отъ рѣки.
20. Дуанай 38 То же.
21. Талха 38 То же.
22. Буре (Тулу) 34 То же.
23. Уланъ-норъ 28 То же. Въ окрестностяхъ Монголи.
24. Мосинъ 22 То же.
25. Чукау 15 То же. Близъ деревни слияніе Нонни съ
Оунгари.
26. Г. Бадунъ 25 Переправа черезъ Оунгари; потомъ долина ея.
27. Шери 30
28. Хоцзы 30
29. Сунъ-ча-бу 17
30. Талай-чжао 26 } Селенія въ долинѣ р. Сунгари.
31. Монгу 26
32. Тенгаль-чезу 26
33. Файенъ 26 Дорога по уваламъ.
34. Шуранъ 26 Долина Сунгари.
35. Г. Бутха 27 Переправа черезъ р. Шуранъ; потомъ до-
лина Сунгари.

Вер.

36. Гор. Гиринъ . . . 35 Долина Сунгари; переправа чрезъ рѣку подъ городомъ, который имѣетъ до 60,000 жителей.

Итого 535 "

А всего отъ Благовѣщенска 977 Переходовъ 38:

Принявъ же во вниманіе разстояніе Гирина до Мукдена и Пекина, получимъ, что отъ Благовѣщенска

До Мукдена 1,381 в. До Пекина 2,130 в.

Дорога между Благовѣщенскомъ и Гириномъ удобна для колесной ѣзды на сколько лишь могутъ быть удобны дороги въ Китаѣ. На ней содержатся почтовые станціи и живетъ населеніе большею частію богатое хлѣбомъ. Болѣе чѣмъ на 750 в., параллельно съ этою дорогою, идетъ водной путь, доступный для пароходовъ. Въ 1870 году вся эта дорога снята топографомъ Нахвальныхъ, маршрутъ котораго, весьма сходный съ изложеннымъ выше, обнаругованъ въ Зап. Русск. Географ. Общ. 1871 г.

III. Отъ Гирина до Пекина.

Губ. гор. Гиринъ .	0	На лѣвомъ берегу Сунгари, въ долинѣ, ограниченной съ запада увалами.
1. Сеудэ	36	Подъемъ въ гору: дорога по волнистой мѣстности.
2. Илминъ	36	Дорога гористая.
3. Сайянъ	28	Переходъ черезъ р. Илминъ. Дорога такая же.
4. Ибаданъ	31	Переходъ черезъ р. Сайянъ. Дорога гористая.
5. Алтинъ-эмель . .	30	Переходъ черезъ рр. Ибаданъ и Итунъ, изъ которыхъ на послѣдней, къ сѣверу отъ дороги, лежитъ г. Куанъ-ченъ-цзе, съ 35,000 жителей и вадный по торговлѣ.
6. Херсу	33	По гористой мѣстности и по долинѣ Херсу.
7. Эге-хотонъ . . .	40	Переходъ черезъ р. Херсу; потомъ долиною съ увалами.

	Вер.	
8. Мянгу-хэ	28	Долиною рѣчки Эге.
9. Г. Кхай-мань- сянь	28	Проходъ чрезъ тальниковую границу воро- тани У-юань-бу.
10. Баоли (близъ г. Те-линя)	43	Волнистая мѣстность.
11. Игу	35	Переправы черезъ рр. Фань-хэ и Игу.
12. Стал. гор. Мун- денъ	36	Дорога по равнинѣ. Городъ лежитъ на правомъ, сѣверномъ берегу р. Хунху.
Итого . . .	404	
13. Цю-бянь	32	Дорога по равнинѣ.
14. Ций-лю-хэ	21	Переправа черезъ большую рѣку Ляо-хэ на паремахъ.
15. Бо-ци-бу	36	Равнина.
16. Эрлѣ-дао-цинъ . .	25	То же.
17. Сяо-хай-сянь . . .	25	Слабо волнистая мѣстность.
18. Г. Куанъ-нинъ- чжеу	37	Частію равнина, слабо волнистая мѣстность.
19. Синь-тянь	40	Дорога гористая; но въ концѣ равниною.
20. Ду-лю-бо-тянь . .	18	Переправа черезъ рѣчку. Мѣстность го- ристая.
21. Г. Цзинъ-чжеу- фу	26	Переправа черезъ р. Далинь-хэ.
22. Сунъ-шань	25	Переправа чрезъ р. Сяо-линь-хэ; горы.
23. Да-чанъ-тянь . . .	20	Дорога гористая.
24. Г. Нинъ-юань- чжеу	25	То же; хребетъ Лянь-шань и Гань-дао- линь.
25. Ша-хэ-со	20	То же; недалеко море. На рѣкѣ Нинъ- юань-хэ мостъ.
26. Чжунъ-ха-шо . . .	20	Дорога гористая.
27. Цянъ-вей	36	То же; переправа черезъ двѣ небольшія горныя рѣчки.
28. Г. Нинъ-хай сянь .	27	Переправа черезъ двѣ рѣчки и проходъ черезъ ворота Великой стѣны Шань- хай-гуань.
Итого . . .	423	

	Вер.	
29. Г. Фу-ини-сянь.	55	Дорога по волнистой мѣстности, частію по крут. горамъ.
30. Лу-гу-сянь. . . .	25	Дорога гористая; переправа чрезъ р. Лянь-хэ.
31. Г. Юнь-нинъ-чжеу	18	Дорога гористая; городъ лежитъ въ долинѣ Лянь-хэ (Шанду-гола) и довольно обширенъ.
32. Су-хэ	27	Переправа черезъ Лянь-хэ у города; дорога гористая.
33. Фунъ-манъ-сянь.	35	По волнистой мѣстности.
34. Ю-сянь	40	Переправа черезъ р. Ша-лю-хэ Равнина.
35. Г. Цзи-чжеу. . .	34	Переправа чрезъ Инъ-мо-хэ. Равнина.
36. Санъ-хэ-сянь. . .	36	Переправа чрезъ р. Санъ-хэ. Равнина.
37. Г. Тунъ-чжеу . .	36	Переправа чрезъ Бай-хэ (Шей-хо). Городъ есть глѣбная пристань Пекина. Большая каменная стѣна въ развалинахъ.
38. Пекинъ	20	Двѣ дороги: сѣверная, мощеная плитами, хорошо поддерживаемая и потому разрушительная для экипажей; у Пали-чао пересекаетъ каналъ; — южная — грунтовая, съ многочисленными развѣтвленіями. Первая приводитъ въ манчжурскій городъ, вторая въ китайскій.

Итого . . . 326

А всего отъ Гирина 1153 Переходовъ 38.

Дорога эта есть почтовая; но станціи не всегда совпадаютъ съ ночлегами по маршруту. Въ лаодунскихъ горахъ (№№ 22 — 33) спуски и подъемы очень круты и часто размываются дождями. Переправы чрезъ горныя рѣчн также затруднительны. По этой дорогѣ разстояніе отъ Пекина суть:

Отъ Цурухайту 2227 в., отъ Благовѣщенска 2130, отъ уст. Оунгаръ 1890, отъ зал. Посета 1715. Подробности изложены въ маршрутахъ №№ VII, II и I.

IV. Кратчайшая дорога изъ Благовѣщенска въ Пекинъ.

1 — 17. Губ. гор. Цинцзярѣ	448	См. маршрутъ по Маньчжуріи № II.
18. Дер. Барчирѣй.	19	Переправа черезъ р. Ноня на паромѣхъ и лодкахъ.

	Вер.		
19. Дер. Гаматай . .	24	Долина Нойни, хорошо населенная.	
20. Дер. Хатайхай .	24	Равнина. Двѣ переправы черезъ рукава Яла на лодкахъ.	
21. Мѣст. Чолъ-хото.	46	Мѣстность слегка волнистая; перепр. чрезъ Чолъ на лодкахъ.	
22. Кара-керсутай . .	40	Степь съ хорошими травами.	
23. Дачеманъ-хулукъ	35	Степь.	
24. Хачжату.	30	То же.	
25. Махай.	25	Ровная степь; двѣ переправы въ бродѣ чрезъ р. Торо.	
26. Намучинъ	47	Степь; травы хуже.	
27. Хамату	20	Степь.	
28. Дер. Борозгинъ.	30	Степь; переходъ чрезъ р. Холу.	
29. Чжангуту	22	Степь.	
30. Куйсу-булакъ . .	33	То же; у ночлега озерцо.	
31. Далай-хакъ . . .	22	Степь.	
32. Шинеголъ	30	То же.	
33. Санъ-хакъ	36	Степь, холмы.	
34. Койсу-ходуръ . .	24	Степь.	
35. Куучолъ	26	Переправа чрезъ Хара-Мурень; равнина.	
36. Чжургатай.	33	Долина р. Лохи, чрезъ которую переправа.	
37. Шара-норъ	31	Увалы, у подошвы которыхъ ночлегъ.	
38. Хонхоту.	30	Долина.	
39. Бурень-буха. . . .	20	Долина р. Хонхоту.	
40. Халмей-уланъ . .	22	Волнистая мѣстность.	
41. Харинъ-усу	30	Увалы праваго берега Лохи.	
42. Гоготуй	30	Долина р. Лохи.	
43. Гор. Чаганъ-со- борханъ	28	То же.	
44. Хара-хото	35	То же.	
45. Оорабо.	38	Перевалъ чрезъ горы.	
46. Сусайбо	15	Долина рѣчки Бао-хэ.	
47. Дер. Данъ-банъ .	20	Долина рѣчки Бао-хэ.	
48. Мѣст. Куанъ-чэнъ	16	То же.	
49. Ворота Си-финъ- кхэу.	31	Горы.	
50—56. Пекинъ.	211	См. маршрутъ по Монголіи № VII.	
Всего	1576	Переходовъ 56. Изъ нихъ 28 (—784 в.) по Монголіи.	

Дорога эта служит для почтового сообщения въ восточной части Монголіи, нинѣ уже болѣею частію занятаю осѣдлымъ населеніемъ, а также для отправки курьеровъ между Цинцкаромъ и Пекиномъ. Она въ большей части своей есть выючная и проходить по степи, довольно богатой травой. Около стц. Бороэргина отъ нея отдѣляется вѣтвь на юго-западъ, чрезъ Хешуй, Боро-хото, Чжао-хото и верховья Шара-муреи въ Долонъ-норъ, до котораго отъ Бороэргина болѣе 450 верстъ.

Въ прежнее время дорога изъ Цинцкара на Си-финъ-хэу служила для путешествія русскихъ каравановъ и посольствъ въ Пекинъ. Она очень удобна для легкихъ отрядовъ, особенно конныхъ.

V. Братчайшія дороги изъ Бэдунэ въ Пекинъ и Муудень.

	Вер.	
Гор. Бэдунэ	0	Отъ Цинцкара 276 в., отъ устья Сунгары по рѣкѣ 700 в.
1. Хили-манга	42	Степь.
2. Бекхири-байшань .	30	То же.
3. Чагасту-байшань . .	20	То же.
4. Батарангуй	35	То же.
5. Ару-боксо (гора) .	35	То же.
6. Нарханъ-шанга . .	40	То же.
7. Дер. Бороту	27	Горы.
8. Хошо-манга	35	Гористая степь.
9. Шара-манга	50	Переправа чрезъ Лхо-хэ; волнистая страна.
10. Тапиръ-дала	20	Степь.
11. Икэ-байшань	45	Волнистая степь.
12. Байшань	25	Вдоль р. Ниркуй.
13. Куку-гере	28	То же.
14. Хара-байшань . . .	19	То же.
15. Чаганъ-голъ	25	То же.
16. Байнукуъ	20	Горы.
17. Нючугалъ-хото . .	20	То же.
18. Дер. Калка	27	То же.
19. Харелинъ-голъ . .	24	То же.
20. Абита-дабаганъ . .	26	То же.
21. Камчу-соборханъ .	15	То же.
22. Кужинъ-бос	35	То же; перевалъ на верховья Хинъ-ю-хэ.

	Вер.	
23. Оло-хошу	23	По той же рѣкѣ.
24. Сусай-бо	26	Въ горахъ.
25. Дань-бань	20	Долиною рѣчки Бао-ха.
27. Буань-чань	16	То же.
28. Ворота Си-фынь- кхэу	31	Горами.
29—35. Пекинъ	211	См. маршрутъ № VIII. *

Всего . . . 970 Переходовъ 35; изъ нихъ 28 по Монголіи.

Отъ города Бэдунэ по долинамъ *Сутари* и *Итунь-бири* идетъ дорога до станціи *Алтинъ-эмель*, лежащей на большой почтовой дорогѣ изъ Гиррина въ Мукденъ. Путь этотъ, хорошо населенный, пройденъ миссіонеромъ *Вилліамсономъ* и имѣетъ въ длину до 250 верстъ. А такъ отъ станціи *Алтинъ-эмель* до Мукдена (маршрутъ № III) разстояніе равно 248 вер., то общій итогъ верстъ между Бэдунэ и Мукденомъ выйдетъ 498 вер., короче, чѣмъ чрезъ Гирринъ, на 170 вер.

VI. Побочная дорога изъ Цицикара въ Хулань-чэнъ.

Г. Цицикаръ	0	
1—7. Стц. Мосинъ	226	См. маршрутъ по Маньчжуріи № II.
8. Борхи-хатай	45	} Равниною и слабо-волнистою мѣстностью по лѣвому берегу Сунгари, вдоль стра- ны довольно густо населенной.
9. Чабчили	40	
10. Одултай	30	
11. Булактай	20	
12. Чжохо-хошотай	30	
18. Г. Хулань-чэнъ	40	Переправа черезъ рѣку Хулань.

Итого . . . 431 Переходовъ 13.

Дорога эта — почтовая.

Дороги съ Аргуни въ бассейны рѣки Нонни.

VI) Изъ Цурухайту въ Мергөнъ.

Ст. Старо-Цуру- хайтуевская	0	На лѣвомъ берегу Аргуни, 9 вер. выше впаденія въ нее р. Гани.
1. Нетуга	40	Послѣ переправы чрезъ р. Аргунь идутъ параллельно р. Гани, по волнистой стѣ- пности, вдоль остатковъ вала.

Вер.

2. Дугъ у р. Гани 32 Долиною р. Гани и окаймливающимися ею съ юга увалами. Мѣстами движеніе трудно отъ множества сурьмовыхъ норъ.
3. Р. Эскэнъ 38 Частію по долинамъ, зарытымъ сурками, частію по лѣсистымъ и травянистымъ уваламъ.
4. Р. Чонга 33 Долиною рр. Эскэна и Чонги, между горами.
5. Р. Булдуръ 36 Переходъ черезъ отроги Хингана, больш. част. плоскіе, болотистые и покрытые березнякомъ.
6. Вершина Номини 26 Отлогій подъемъ по болотистой долині Дзержелуна на хр. Хинганскій, поросшій лѣсомъ. Другой спускъ къ Номину.
7. Р. Номинъ 21 По долині лѣистой и травянистой, покатой на востокъ.
8. Р. Номинъ 39 Тою же долиною, бол. част. луговою. 4 брода черезъ рѣку.
9. Р. Номинъ 40 Перевалъ чрезъ подходящія къ рѣкѣ горы, потомъ опять долиною, заросшею лѣсомъ. Рѣка становится сплавною
10. Разд. дорогъ въ Мержэнъ и Цицикъ 38 Долиною лѣваго берега Номини.
11. Р. Гуюй-ли 37 Перевалъ чрезъ лѣсистыя горы въ долину Гуюй-ли.
12. Р. Гуюй-ли выше устья въ Гань 41 По долині Гуюй-ли и чрезъ окружающіе увалы. Переправы въ бродъ чрезъ рѣчку затруднительны при половодіи.
13. Тунгусская дер. 17 По уваламъ вдоль Гани. Первый населенный пунктъ.
14. Лидзу, китайская деревня 24 Переправа на лодкахъ чрезъ Гань подъ деревнею.
15. Г. Мержэнъ 15 Долина. Подъ городомъ переправа на лодкахъ чрезъ Номинъ, которая имѣетъ до 70 саж. шир. разливъ на 2—3 вер.

Итого . . 477 Переходовъ 15.

Дорога трудная, лѣснстая и болотистая въ горахъ. Экипажи могутъ быть провозимы съ трудомъ; но для вьюковъ очень удобна; изобиліе кормовъ. Только лѣтомъ много насекомыхъ, а весной можетъ мѣшать разливъ рѣкъ. Разстояніе отъ Цурухайту до Благовѣщенска черезъ Мергень 661 верста.

VII) Изъ Цурухайту въ Цинцарь.

	Вер.	
Ст. Старо-Цурухайтурская . .	0	На лѣвомъ берегу Аргуни.
1. Ключъ Шитальди . .	20	Переправа черезъ Аргунь и степью. На ночлегъ воды довольно.
2. Ключъ Шиндунай . .	20	Три перевала черезъ горы.
3. Ключъ Яргутай . .	12	Перевалъ черезъ значительный хребетъ.
4) Р. Мыргэлъ . . .	25	Въ сухое время почти безъ воды, а въ дождливое непроходима.
5. Г. Кулунъ-бойръ (Хайларъ) . . .	29	Безлѣсная степь и перевалы чрезъ отлогія высоты. Въ 4 вер. отъ города переправа чрезъ р. Хайларъ.
Итого . . .	106	
6. Хакъ	20	Равнина.
7. Джарманай	20	Дорога гористая, частью по лѣсистой, частью по травянистой и болотистой почвѣ. На станціяхъ содержатся лошади и есть жилия постройки.
8. Хара-хошу	31	
9. Эке-эргъ	20	
10. Мендукей	20	
11. Хархэй	20	
12. Иракте	25	Перевалъ чрезъ лѣсистый хребетъ Хинганъ.
13. Бухату	20	Спускъ съ Хингана и потомъ по хорошо орошенной, болѣею частью лѣсистой мѣстности, соседней рѣкѣ Ялу. Много долинъ и переваловъ. Нѣтъ большихъ поселеній и обработанной почвы.
14. Иланъ-обо	20	
15. Бари	20	
16. Шаваръ	26	
17. Алъ	26	
18. Саракти	26	
19. Хара-хатой	31	
20. Кукуръ	26	

21. Ханжи	20	} По населенной и обработанной равнинѣ, отчасти волнистой.
22. Шитѣ	31	
23. Цицикаръ	31	Переправа чрезъ рѣку Нонни, вполнѣ сухоходную.

Итого . 433

А всего отъ Цурухайту. 539 Переходовъ 23.

Это есть китайская почтовая дорога въ Хайларъ, нѣкогда пройденная Ланге, но вѣроятно съ того времени (1736 г.) много измѣнившаяся въ частностяхъ, такъ что трудно приурочить его показанія къ китайскому списку теперешнихъ станцій, здѣсь помѣщенному.

VIII. Съ береговъ Аргуни въ Цевинъ.

Вер.

Абагайтуевскій

кар.

0. Отъ Старо-Цурухайтуевской станицы	120	верстъ.
1. Р. Хайларъ	20	Переправася черезъ р. Аргунь, вдоль уваловъ Шиви-Гунтей.
2. Озеро Далай-норъ.	25	Переправася черезъ р. Хайларъ, по холмистой степи съ хорошими травами.
3. Р. Урсунъ	30	Долиною этой рѣки, которой правый берегъ выше лѣваго, чисто-болотистаго.
4. Р. Урсунъ	30	То же.
5. Уланъ-булакъ	30	Переправа на лѣв. бер. Урсуна во избѣжаніе перехода въ послѣдствіи устьевъ Калки въ оз. Буиръ-норъ.
6. Р. Урсунъ	15	} Вдоль р. Урсуна.
7. Вунръ-н-Уланъ-эрги	25	
8. Оз. Буиръ-норъ	29	По плоскому берегу озера.
9. Оз. Чапту-норъ	40	Равнина; на ночь вода дурная.
10. Оз. Хойту-тосихо-норъ	33	Совершенная равнина.
11. Ибгартай-норъ	23	Гладкая равнина; сначала сухая, а потомъ болотистая.
12. Ангирту-норъ	38	По холмамъ, покрытымъ травой, а потомъ болотистою равниною.
13. Борольжиту-норъ	33	Песчаную, мѣстами волнистую степь.

	Вер.	
14. Хабирганъ	26	По безплодной равнинѣ и по холмамъ.
15. Хара-усу	37	По безплодной холмистой степи.
16. Горхонъ-голь	40	Переходъ черезъ рѣчки Хара-усу и Инчаганъ; равнина.
17. Пачай-кубуръ	31	По равнинѣ, частью болотистой, и по песчанымъ холмамъ; переходъ чрезъ ручьи Горхонъ-голь и Тентъ-бира.
18. Гонкерь	46	По высокой степи, мимо горько-соленыхъ озеръ Керенту, Кудунъ и др., а потомъ долиною р. Балугура.
19. Куду	30	Долиною Балугура, лѣсами по сосѣднимъ холмамъ; на западѣ отъ рѣки пески.
21. Кутуриху-булакъ	31	По отрогамъ Хингава, одѣтымъ хорошей травой.
22. Хара-хото (сел.)	38	По холмистой степи, потомъ по долинѣ Хара-Мурени.
23. Дер. Буркэ	31	По долинѣ Хара-Мурени, обильной травой.
24. У подножія горъ	39	Пер. черезъ Сира-Мурень, потомъ горами и песками.
25. Хотосинъ-худукъ	15	Равниною, хорошо населенною; на ночлегъ воходцы.
26. Р. Перке	24	Холмистою, безлѣсною, по травянистой степи.
27. Р. Оирха	38	По дорогѣ нѣсколько глубокихъ овраговъ.
28. Ключъ Булангеръ	32	Переправа черезъ р. Сибэ.
29. Городъ Куанъ-чанъ	25	Дорога по гористой, но обработанной и населенной странѣ.
30. Ворота Си-финъ-кэу	31	Дорога гористая и извилистая. Великая стѣна — конецъ Монголіи.

Итого . . 880

31. Санъ-дунъ-ниъ	31	Переправа чрезъ Ланъ-хэ по плохому мосту; потомъ горами.
32. Г. Цунъ-хуа-чжеу	26	Спускъ съ горъ, потомъ по долинѣ, хорошо населенной.
33. Гор. Ши-менъ	31	} По долинѣ, между горами.
34. Гор. Цанъ-чжеу	31	

	Вер.	
35. Гор. Сань-хе . . .	36	Слегка волнистою равниною.
36. Гор. Туи-чжеу . .	36	Равнина населенная и обработанная.
37. Пекинъ	20	Есть нѣсколько дорогъ; для пѣшихъ лучше слѣдовать мощеною въ восточныя ворота, экипажамъ — южнѣе по густо-населенной равнинѣ къ ю.-в. воротамъ.

Итого . . 211

А всего . 1091 Въ 37 переходовъ.

Между всѣми дорогами отъ русскихъ границъ въ Китай чрезъ Монголію эта есть самая короткая, самая изобильная кормами и самая удобная для движенія. Кромѣ того эта же дорога есть самая важная въ стратегическомъ отношеніи, ибо приводитъ сначала въ многочислѣннѣйшія части Монголіи, а потомъ въ страну близкую къ Желтому морю, откуда могутъ быть доставляемы съ кораблей всякаго рода запасы. Для движенія экипажей въ южной, гористой своей половинѣ она представляетъ столько же удобствъ, какъ и всякая китайская дорога.

IX. Изъ Нерчинскаго края мимо оз. Даль-нора въ Пекинъ.

Отъ границы близъ маяка Кубельджинъ до Пекина 36 переходовъ, 1159 верстъ. Дорога вьючная, но можно провозить и телеги, преимущественно двухколесныя.

Ручей Халсучи-булакъ	0	Верстахъ въ 35 отъ кар. Чиндантайскаго и Ключевского.
1. Олонъ-норъ . . .	36	Волнистая степь; много озеръ. Дорога прямо на югъ.
2. Ободу-норъ . . .	28	То же.
3. Хуту-байду . . .	47	То же, на юго-юго-западъ.
4. Чирокъ	40	Слегка холмистая степь; мѣстами озерца; травы хорошия.
5. Рѣка Керулэнъ . .	45	Степь большею частію ровная; травы хорошия. Ночлегъ на сѣверномъ берегу
Итого 196		Керулэна.
6. Конду	25	Переправа черезъ Керулэнъ въ бродъ, потомъ холмистою степью.
7. Эрдени-тологой . .	32	Холмистая степь съ хорошею травою.

	Вер.	
8. Хубто	58	Очень неровная степь, травы хорошия.
9. Холостай-булакъ .	17	То же.
10. Чорчи-кебуръ . .	40	Равнина, отчасти песчаная, отчасти холмистая.
11. Чоно	26	Равнина; травы становятся хуже.
12. Угешинъ	22	Сначала по равнинѣ, а потомъ по холмамъ.
13. Хуласутай	15	Частію по дол. Угешина, частію по холмамъ. Начало Внутренней Монголіи, бѣдой травами.
14. Сурхуту-булакъ .	44	По степи, мѣстами всхолмленной.
15. Тези-булакъ . . .	35	Безплодная степь.
16. Унегетъ	40	Безплот. ст., потомъ небольш. холмы и долина Чикиръ-усу.
17. Шари-буриту . .	32	Ровная, слегка песчаная степь; поворотъ на ю.-ю.-в.
18. Арго-Чикиръ . . .	36	Равнина.
19. Хабчели-булонъ .	35	То же.
20. Верховья Чикира	34	Вдоль по рѣчкѣ, которую неоднократно переходать. Дорога снова идетъ прямо на югъ.
21. Обулонъ	31	По холмамъ, мимо многихъ ключей.
22. Таганъ-норъ . . .	27	Совершенно плоская равнина. На западѣ отъ Таганъ-нора видны развалины храма, а еще западнѣе лежитъ озеро Даль-норъ.
Итого 526		
23. Въ степи	31	Частію по холмистой степи, а частію по пескамъ. На ночлегъ нужно рыть колоды. Вода не глубоко.
24. Озеро Хорай-куре	19	Бугристо-песчаную степь. Дорога трудная.
25. Оз. Усту-куре . .	38	То же.
26. Рѣчка Тургенъ-Исаръ	36	Слегка холмистая равнина.
27. Рѣчка Куркиръ .	31	Плоская возвыш. на зап. отъ горы Печили Хамаръ-дабагана.
28. Деревня Санъ-даинъ	31	Долиною Буркира.
29. Деревня Ю-чжаоинъ	31	То же.
30. Деревня Це-цянъинъ	26	Долиною Шанду-гола.

	Вер.	
31. Деревня Нань-я .	35	Нѣсколько переправъ черезъ Шанду-толь (Лань-хо) въ бродѣ, что въ дождливую пору затруднительно.
32. Укр. Гу-бэй-кхэу	36	Дорога гористая и извилистая. У Гу-бэй-кхэу Великая стѣна и слѣд. конецъ Монголіи, которая впрочемъ на 4-хъ послѣднихъ переходахъ болѣе населена китайцами. Съ 26 перехода попадаютъ деревня.
Итого 316		
33. Ляо-хуа-тхень 15, Ша-ха 15.	30	По глубокой долинѣ р. Хакира и окру- жающихъ уваламъ.
34. Шинь-хуань 15, Мр-юнъ-сянь 15.	30	По той же долинѣ.
35. Нау-лянъ-сянь	31	Пер. черезъ рѣку Бай-хэ (Шей-хо); начало равнины.
36. Пешань	41	По густо-заселенной равнинѣ.
Итого 131		
А всего 1159		

Дорога эта была дважды пройдена въ 1689 г. большимъ караваномъ, сопровождавшимъ китайское посольство въ Нерчинскъ. См. Жербилона, второе путешествие по Татаріи, у Du Halde, tome IV, p. 163 et suiv.

Х. Изъ Чинданта чрезъ Долонъ-норъ въ Пекинъ.

Путь этотъ, собственно не изъ Чинданта, а изъ Хулусутаевского караула, пройденъ съ телѣгами купцами Бутинными въ 1870 году. По немъ же они слѣдовали изъ Калгана чрезъ Долонъ-норъ обратно.

1. Караулъ Хулусутаевскій. 40 Отъ Чинданта на югъ степью.
2. Усунь-кичи 48 Между озеръ Даунъ и Барунъ - Торей,
покомъ къ р. Ульдзѣ.
3. Голотей-норъ . . . 32 Увалами близъ Ульдзы.
4. Р. Ульда 7 Близъ монгольскаго Бусеевскаго караула.
5. Горбуней-булакъ . 48 Дорога увалами, твердая.
6. Сумийнъ-булакъ . 30½ То же; на станціи развалины храма.

	Вер.	
7. Кундулунъ-булакъ. (Баянъ-дунъ)	52	Дорога крѣпкая, хрищеватая; перев. чрезъ Баянъ-дунскія горы.
8. Оз. Шара-бурду .	49	Дорога ровная и твердая.
9. Кэрулюнъ, рѣс. Це-бэеса	14	Служь въ долину. На станціи монастырь,
Итого	320 ¹ / ₂	лавки и пр.
10. Паганъ-тологой .	25	Увалами.
11. Хашларъ-торого .	19	Со 2-й версты равнина.
12. Паганъ-уйенъ-ху- дуъ	25	Увалами.
13. Боро-торомъ . . .	23	Большими увалами котловины озера.
14. Тосунъ-худуъ . .	22	Увалами.
15. Батуханъ (Дзунъ- булакъ)	27 ¹ / ₂	Ручей у грядъ горъ Батуханъ.
16. Амоней-усу-ху- дуъ	37	Чрезъ равнину Шара-шаратей. Кормабѣда.
17. Хожу-булакъ . .	27 ¹ / ₂	Пологими увалами.
18. Ацапу-Уланъ-хо- шунъ	23	Дорога ровная; ночлегъ у р. Шошонъ-голъ.
19. Нукутай-голъ . .	22	Перевалъ черезъ горы.
20. Баянъ-хайласанъ .	18	Увалами въ сух. руслу, съ колодезъ и илъмови. вокругъ.
21. Зашай-худуъ . .	28	Дорога сначала камениста, потомъ общ. равниною.
22. Ара-хубу	20	Чрезъ горы въ котловину.
23. Р. Дзульга	16	Дорога увалами; рѣчка течетъ съ З. на В.
24. Баянъ-далай . . .	28 ¹ / ₂	Дорога высокими увалами въ котловину.
25. Сайханъ-усу . . .	24	Пологими увалами, мимо вочевовъ.
26. Уютъ-голъ	34	Чрезъ пологія горы.
27. Табунъ-худуъ . .	26	Чрезъ пологія горы Бабине-шилэ.
28. Ара-голъ	25	Небольшими увалами и потомъ обширною равниною.
29. Бандида-дапанъ .	38	Два брода чрезъ р. Шилинъ-голъ.
30. Такаль-гэтэ . . .	10	Снять въ бродъ на Шилинъ-голъ; но до- рога черезъ гору.
31. Бальгихэ-худуъ .	30	Увалами и мимо скалистыхъ осыпей.
32. Амагонъ (лит. зем- лянка)	30	Перевалъ черезъ Куйтунъ-шалинскій хребетъ.

	Вер.	
33. Спруханъ-голь . . .	12	Рѣчка по сѣверной окраинѣ Вольшихъ песковъ.
34. Ихэ-тага	82	Песчаные бугры.
35. Цаганъ-норъ . . .	14	То же.
36. Шурганта-норъ . .	21	Сначала то же, а потомъ твердыми полянами.
37. Таратей-худукъ . .	21	Дорога отчасти песчана.
38. Кырымту-норъ . . .	21	Обширная котловина.
39. Санту-норъ	10	Котловина съ озерами.
40. Шандуголь	32	Близъ развалинъ города Чжао-Найманъ-сумэ.
41. Г. Долонъ-норъ . . .	20	Переходъ черезъ р. Шанду-голь (8 саж. 1 ¹ / ₂ арш.) и потомъ увалами.

Итого . . 765¹/₂

42. Гумынзъ	35	Горы.
43. Унцгумыль	32	Переправа чрезъ Льянъ-хэ и потомъ горами.
44. Нанза-гумыль	28	По дорогѣ встрѣчается березовый лѣсъ. Горы высокія.
45. Гожи-тунъ (мѣстечко.)	27	Долиною р. Шеланхи. Дорога на Жехэ.
46. Дава-гумыль	20	Переваль и спускъ.
47. Шара-хото (гор.) . . .	30	По долинѣ рч. Фунинъ-цанъ.
48. Боро-Норъ (мѣст.) . . .	24	
49. Синь-жа	20	
50. Шопіанъ-ланъ	22	
51. Губей-кхэу	35	Великая стѣна.

Итого . . 273

52—57. Пекинъ . . . 132 По населенной странѣ.
А всего . 1491 Разстояніе вѣроятно болѣе истиннаго.

Отъ Долонъ-нора до Калгана есть дорога, годная для колесной ѣзды, длиною около 240 в.; на ней — постоянные дворы.

XI. Съ верховьевъ Онона въ Пекинъ.

Кар. Амгинскій	0	
1. Китайск. кар. на Ононъ	32	Долниною Онона.

	Вер.	
2. Р. Баннъ-голѣ . .	29	Горами.
3. Руч. Садагинъ-голѣ	27	Хреб. Дугулуръ и долина.
4 Р. Хурху	26	Долиной р. Жергалантуя и горами.
5. Р. Тарвигчи . . .	36	Горами.
6. Р. Керулюнъ . . .	40	Волеистою и ровною степью.
7. Оз. Дарханъ-цай- дамъ	45	Долиною и холмами.
Итого	215 (*)	
8. Кутулъ-булакъ . .	35	Гористая степь съ травой.
9. Тойринъ (Туринъ)	38	} Степь, мѣстами солонцоватая.
10. Чаганъ-булакъ . .	46	
11. Шибартай	51	Воин. степь съ тверд. почв. и хорошими пастбищами.
12. Онунъ-чолокъ . .	32	Равнина съ небол. холмами. Горы Онунъ-чолокъ на востокѣ.
13. Онгонъ-елезу . .	30	Степь, мѣстами хрещеватая, мѣстами травянистая.
14. Кара-Мангунъ-ха- биргаъ	35	Равнина, мѣстами травянистая.
15. Хулусутай - Ча- ганъ-норъ	25	Равнина.
16. Судету	36	Мѣстами сыпучіе пески; на ночлегѣ хорошая вода.
17. Кодо (хото)-Ку- чинъ	36	На 11 вер, конецъ Халки. Пестяные бугры. Три колодца.
18. Сензе-шері	25	Почти ровная степь; на ночлегѣ хорошая вода и есть трава.
19. Таргиръ	21	Ровная степь; круинный песокъ.

(*) Къ Дарханъ-цайдаму подходитъ слѣдующая дорога изъ Кяхты.

Кяхта	0	
1—12. Урга	279½	См. маршрут. № XII.
13—17. Мокоту	175½	Тамъ же.
18. Баннъ-эргету	23	На р. Керулюнъ.
19. Топо-ола	32	У р. Керулюна.
20. Р. Керулюнъ	35	Долиной.
21. Оз. Дарханъ-цайдамъ . .	32	

Итого отъ Кяхты. . . 576.

	Вер.	
20. Катерху (Гадер-гонъ)	15	Волистая мѣстность.
21. Харко	15	Волистая, безлюдная степь.
22. Хабирганъ	26	Слегка волистая степь съ довольно твердою почвою.
23. Сира-суриту . . .	19	Болѣе плоская степь съ небол. колич. сыпучихъ песковъ.
24. Хулустай	28	Сыпучіе пески на очень неровной мѣстности.
25. Буръ-Чаганъ-норъ	17	Сыпучіе пески на неровной мѣстности. Ночлегъ у озера.
26. Буэнь-норъ	25	Сначала долиною рѣчки съ обрывистыми берегами, а потомъ по мѣстности очень неровной.
27. Култукъ	23	Сначала по ровной степи, потомъ по несчанымъ горамъ.
28. Хужимукъ (озерцо)	21	Равнина, мѣстами съ тверд. почв., мѣстами съ сыпуч. песк.
29. Оз. Ангирту-норъ	19	Песчаные холмы. На ночлегъ хорошая вода.
30. Холбо	15	Кочковатые пески.
31. Куйсу (кейзу)-булакъ	20	То же (Отъ Кяхты 45-й переходъ) (*).
32. Конъ-норъ	41	Оч. волистая страна.
33. Г. Боро-хотонъ . .	10	Степь, въ дожди болотистая. Городокъ лежитъ на р. Шандуголѣ.
34. Погай-хошо	27	Ровная степь; деревня на р. Шанду-голѣ.
35. Челонъ-балгасу . .	31	По волистой мѣстности, богатой травою.
36. Ворота Ду-ши-кху	15	По открытой холмистой мѣстности.
Итого	786	

(*) Отсюда идетъ дорога къ Долонъ-нору чрезъ слѣдующія станціи.

46. Дер. Эрэлъ	80	
47. Нурту-булакъ	85	Горами и долиной.
48. Г. Долонъ-норъ	30	Ровною степью.
Итого: отъ Ашинг. кар. . .	993	Переходовъ 34.
» Кяхты	1219	Переходовъ 48.

	Вер.	
37. Г. Юнь-чжеу-сянь	20	Сначала по горамъ, потомъ долиною р. Бай-хэ (Шей-хо).
38. Г. Че-чэнь-сянь.	25	Томъ же долиною, которая въ одномъ мѣ- стѣ спуска горамъ.
39. Тя-у-бу	20	То же.
40. Когинъ	18	По широкой долинѣ.
41. Туму	28	} Мѣстность гористая, но населенная и хо- рошо обработанная.
42. Хуай-лай-сянь . .	18	
43. Ю-линъ	15	
44. Нань-кхэу	31	} Хорошо воздѣланная равнина съ густымъ населеніемъ.
45. Ша-хэ	21	
46. Пекинъ	24	
Итого	220	

А всего отъ Ашин-

гисск. кар.	1221°	Переходовъ 46.
Кяхты	1582	Переходовъ 60.

Дорога важная въ томъ отношеніи, что по ней могутъ двигаться со-
вокупно отряды войскъ съ Селенги и Онона, раздѣленныхъ въ Забай-
кальскій Яблоновымъ хребтомъ. Она гораздо удобнѣе для движенія войскъ,
чѣмъ всѣ, лежащія къ западу. По ней императоръ Кханъ-си ходилъ съ
значительною арміею. Лучшее время для движеній—апрѣль, май, августъ
и сентябрь.

ХІІ. Отъ Кяхты чрезъ Ургу и Калганъ въ Пекинъ караванный трактъ.

Кяхта	0	вер.
1. Оз. Гиланъ-норъ.	9	Равнина.
2. Ибицихъ	24	Равнина, большею частью лѣсистая.
3. Р. Иро	22 ¹ / ₂	Переправа чрезъ рѣку Иро и каменистое ущелье.
4. Куйтунъ	28	Подъемъ изъ долины Иро въ горы; горамъ.
5. Урмухтуй	27	Перевалъ; падью.
6. Банголь	22	Падью.
7. Хараголь	34	Большею частью по горамъ.
8. Хоримту	20	Переправа чрезъ Хараголь у станціи; по- томъ падью.

	Вер.	
9. Хунцаъ	30	Падини и хребтами.
10. Бургалтай	19	Перевалъ чрезъ гору Чанагу; падами.
11. Аршантъ	22	Падью.
12. Городъ Урга.	28	Подземъ на хребетъ Гунтуъ и спускъ съ него въ долину р. Толн.
Итого	279 ¹ / ₂	
13. Налайха	33	Пер. чрезъ Толу, потомъ долиною ея и набенецъ падью.
14. Гакца-худуъ	41	Гористая и каменная степь.
15. Чжаргалантуъ	40	То же.
16. Гильтегентей	33	Степь; дорога отчасти идетъ падью.
17. Муэту	25 ¹ / ₂	Холмистая степь; на востокъ въ 17—18 вер. р. Карулюнъ.
18. Бомботу	18 ¹ / ₂	Ровная степь.
19. Боро-хучжиръ	32 ¹ / ₂	Холмистая степь; ночлегъ у подошвы г. Дарханъ.
20. Шибету	27	Волнистая и частью каменная степь.
21. Шара-шароту	19	То же.
22. Бусениъ-челу	22	Слабо-волнистая степь.
23. Бутуль	35	Холмистая и частью каменная степь.
24. Саннъ-Бутуль	33	Ровная степь; изрѣдка холмы.
25. Мубулуъ	38	То же.
26. Цаганъ-тугурикъ	38	Ровная степь; на ночлегъ въ ключи.
27. Удъ	45 ¹ / ₂	Холмистая степь; станція въ оврагъ у колодца.
28. Гизыргениъ - га- шунъ	25	Довольно ровная степь, частью пески.
29. Хайластуй	22	Холмистая степь.
30. Чулуъ-Тугурикъ	19	То же.
31. Бутуль-усу	18	То же; ночлегъ въ горахъ у колодца.
32. Иренъ-холосъ	23	То же; у ночлега колодцы и соленое озеро Иренъ.
33. Цаганъ-худуъ	24	Ровная степь, частью пески; у ночлега колодезь.
34. Ворольжи	24	То же; колодезь.
35. Минганъ	36	Ровная степь; колодезь у подножья холмовъ.
36. Цамийинъ-худуъ	27	Холмистая степь; колодезь.
37. Кобуръ	32	То же; у ночлега озеро.
38. Сучжи	29	То же; колодезь.

	Вер.	
39. Хашята	28 ¹ / ₂	Гористая степь; у ночлега озерца.
40. Шабартуй	28 ¹ / ₂	Дорога большею частью идетъ по ущелью въ горцстой степи.
41. Цзаминъ-усу	47 ¹ / ₂	Гористая степь.
42. Гурбулзъ-тула	41	Степь и холмы; поперегъ дороги земляной валъ; у станціи озерца при подомвѣ холмовъ.
43. Цаганъ-балгасу	25	Степь; хорошія настища.
44. Нордянь (дер.)	35	То же; у ручья Бургасутая подходитъ съ запада почтовая дорога изъ Урги и Уласутая.
45. Калганъ (гор.)	22	Ущелье; спускъ съ холоднаго нагорья въ долину. Великая стѣна.
Итого		987 ¹ / ₂
46. Гор. Сюань-хуа-фу	36	Равнина; въ одномъ мѣстѣ небольшая гора.
47. Гор. Цзи-минъ-и	33	Частию по ущелью р. Янь-хэ, частию по равнинѣ.
48. Гор. Ша-чэнъ	27	По равнинѣ; на дорогѣ городъ Синь-бао-ань.
49. Гор. Хуай-лай-сянь	30	Плоскіе отлогие горы.
50. Укрѣпленіе Чадао	23	Переправа чрезъ р. Хулай; внутренняя Великая стѣна.
51. Нань-коу	23	По ущелью, при выходѣ изъ котораго ночлегъ.
52. Цинъ-хэ	35	Равнина, густо заселенная.
53. Г. Пекинъ	10	То же.

Итого 217

А всего 1484 Въ 52 перехода.

Дорога снята топографомъ Шимковичемъ.

ХІІІ. Развѣтвленія караваннаго пути отъ Урги до Калгана.

а) Гунчжуйская дорога.

Урга	0	Отъ Кяхты 279 верстѣ, 12 переходовъ.
1. Сучжи	35	Сначала долиною Толы, а потомъ горами.
2. Хашату	30	Очень гористая дорога, особенно сначала.

	Вер.	
3. Хандагъ	26	Гористый перекадъ; но на ночлегѣ хоро- шій колодезь.
4. Уланъ-норъ	40	Отсюда травы и вода становятся хуже.
5. Олонъ-обо	30	Хорошій колодезь.
6. Цзампийнъ-уланъ- худукъ	26	
7. Хакпакту	23	Воды мало.
8. Ходоодо	25	Вода хорошая.
9. Могой	23	Дорога каменистая.
10. Бухайнъ-усу	20	Горы; травы нѣтъ.
11. Уйзинъ	24	То же, но на ночлегѣ хорошій колодезь.
12. Уланъ-тологой	22	Воды мало.
13. Буку-дересу	35	
14. Уланъ-худукъ	35	Равнина, частью болотистая, частью нео- чадная; травы мало.
15. Сенчжи	30	На ночлегѣ хорошій колодезь.
16. Удэ	33	Переездъ трудный.
17—32. Отъ Удэ до Цзампийнъ-усу стацинъ тѣ же, что подъ №№ 28— 41 маршрута № XII; но отъ 38 Сучжи можно идти такъ:		
Угундунинъ-хошоту	30	Отсюда травы улучшаются.
Хадаинъ-усу	30	
Уланъ-хошу	12	
Цзампийнъ-усу	29	
33—37, до Калгана	123	По маршруту № XII.
Итого отъ Урги до Калгана около	950	Переходовъ 37, т. е. болѣе, чѣмъ по мар- шруту № XII на 6 переходовъ. Дорога нѣсколько короче, но труднѣе.

6) Аргалинская дорога.

0—9. Урга — Шара- широту	269	По маршруту № XII.
10. Олонъ-байсинъ	23	Каменистая гряда горъ.
11. Сучжинъ-усу	32	Степь, покрытая разноцвѣтными камнями крем. породн.
12. Хулугуръ	18	
13. Абурганъ-сумэ	33	Красивое капище. Въ окрестн. много вер- блюдовъ.

	Вер.	
14. Дурбанъ-дерету	20	Песчаная почва. Вблизи пастб. богдыхан. верблюдовъ.
15. Эрги	32	Черезъ ущелье Удэ, потомъ по долині.
16. Убуръ-удэ	35	Плохія травы; солонц. вода.
17. Гашунъ	26	Вблизи кочлега монгольскій обо.
Эти двѣ, послѣднія, станціи находятся нѣсколько въ сторонѣ отъ станцій того же имени на дорогѣ № XII.		
18. Харатунъ-Сучжи	20	Хорошія колодезь.
19. Цзунъ-Сучжи	30	
20. Батхай.	25	Перевозъ по каменистымъ падиамъ. Богдыханскіе верблюды.
21. Олонъ-худукъ	40	
22. Саннъ-усу	23	Вода нехорошая. Соленое озеро.
23. Хучжирту	23	На переходѣ песокъ съ вредною для лошадей травой — сули.
24. Кулъ-худукъ	23	Дорога трудная; песокъ.
25. Шара-будургута	22	
26. Дурма	25	По песчанымъ горамъ. Самый трудный переходъ.
27. Цакидакъ	20	Дорога гористая и песчаная.
28. Еле-суту	22	То же, трава не лучше. Вода прѣсная. Въ окрестности пасутся овцы.
29. Хара-гологой	30	
30. Куйтунъ	35	
31. Цзаминъ-усу	20	Хорошія пастбища.
32—36. Калганъ	123	По маршруту № XII.
Итого отъ Урги	987	Переходовъ 36.

Всѣ три дороги по прямому направленію отъ Урги до Калгана, т. е. Аргалинская, Гунчжуйская и Дарханская (№ XII), хотя и посѣщаются многочисленными караванами, мало пригодны для движенія войскъ, по скудости кормовъ и водн. Наши казаки съ легкою почтою въ Пекинъ ѣздятъ по одной изъ нихъ.

XVI. Почтовая дорога изъ Кяхты въ Пекинъ.

1—12. Изъ Кяхты

въ Ургу.	279 ¹ / ₂	См. маршрутъ № XII.
13. Соно-схоланту.	19	По долині р. Толы, которую переходятъ въ 11 в. отъ города,

	Вер.	
14. Вукукъ	27	Подъемъ изъ долины Толи въ холмистую степь съ хорошими травами.
15. Дологонъ	20	Волнистая степь.
16. Чжаргаланту	28	То же.
17. Ондурдаба	28	То же.
18. Тага-балниъ	33	То же; трава менѣе густа.
19. Нарунъ	30	То же.
20. Модонъ	33	То же.
21. Тайрукъ	33	Степь; трава рѣдкая.
22. Боро-дага	23	То же.
23. Баннъ-бликиъ	28	У станціи рѣдкая растительность.
24. Баннъ-хопигу	24	У станціи озеро, трава очень рѣдкая.
25. Салгой	28	Степь почти безплодная.
26. Сучжи	31	То же.
27. Самръ-усу	30	То же. На станціи Самръ-усу есть домъ и кумирня; здѣсь подходитъ съ запада дорога изъ Уласутан. Положеніе станціи определено астрономическій г-изъ Фриче.
Итого . 415		
28. Кутулъ	30	Холмистая степь.
29. Баро-обо	36	То же.
30. Дзоборъ	25	Степь.
31. Салату	22	Холмистая степь.
32. Горбанъ-найша	28	То же; растительность очень слаба.
33. Нарунъ	42	То же.
34. Хонъче	28	То же.
35. Гаше	36	То же.
36. Тугурикъ	28	Чистый песокъ.
37. Толи-булакъ	25	Холмистая степь; на станціи кумирня.
38. Суджи	20	То же; на станціи нѣсколько деревьевъ.
39. Билунъ	25	Степь; немного растительности.
40. Кормахаръ	33	Степь.
41. Песн-хонгоръ	20	То же.
42. Уланъ-худукъ	29	Слегка волнистая степь.
43. Шара-мурень	27	Песчаная степь; пересохлая рѣчка. Астрономическій пунктъ.
44. Паганъ-худукъ	25	Такая же степь.
45. Олонъ-худукъ	24	То же.
46. Болтай	22	То же.
47. Шара-хада	18	То же.

	Вер.	
48. Вомботу	22	То же.
49. Улаха	24	То же.
50. Чжинтай	36	Холмы.
51. Чечертай	36	Конецъ песчаной Гоби.
52. Мингалъ	26	Травянистая степь.
53. Чжагустай	18	То же.
54. Буй-сугай	22	То же.
55. Оро-хулуъ	24	То же; ночь. у озера въ близъ Ангун-нора.
56. Халютай	24	То же; ночлегъ у ручья Халюстай, текущ. въ Ангун-норъ.
57. Бургасутай	38	Волг. настибца; ночлегъ при ручьѣ Бург..., у подошвы холмовъ.
58. Чаганъ-тологой . .	25	Высокая, гористая страна; дорога по раз- нижѣ.
59. Гор. Калганъ	30	Спускъ съ возвышенности по скату, ле- жащему восточнѣе Норданскаго.
Итого	858	
60—67. Пеминъ	217	См. маршрутъ № XII.
А всего 67 Море- ходовъ	1760	

Дорога въѣчная, но допускающая возможность ѣзды на колесахъ. На станціяхъ содержатся лошади и верблюды. Но кормы скудны на 35 переѣздахъ, отъ 20-го до 55-го, а мѣстами есть чистый песокъ. Такъ какъ, кромѣ того, дорога эта на 276 верстѣ длиннѣе № XII, то по ней ѣздитъ только китайская почта, которая въ Самръ-усу раздѣляется или соединяется, смотря потому, слѣдуетъ ли съ юга или съ сѣвера. — Настоящій маршрутъ, нѣсколько отличается и по названіямъ, и по разстояніямъ отъ напечатаннаго въ Военно-Статистическомъ Сборникѣ, но китайскій Дорожникъ съ нимъ согласенъ.

XV. Отъ Юстыда чрезъ Дэиндэилинъ въ Иркутскъ.

Значительная часть этой дороги пролегаетъ по китайскимъ карауламъ, которые могутъ считаться пограничными къ сторонѣ губерній: Томской, Енисейской и Иркутской, хотя лежатъ далеко на югъ отъ границы, за хребтомъ Танну-ола. Восточная половина маршрута, отъ Дэиндэилина до Косогола, пройдена въ 1872 г. минусинскимъ купцомъ Веселковнимъ съ гуртомъ скота.

Юстинъ, бывший китайскій караулъ на верховьяхъ Чуа, въ русскія владѣнiяхъ.

	Вер.	
1. Оз. Дайшуръ	30	Перевалъ черезъ пограничный хребетъ Сай- лютея.
2. Караулъ Уласуту- аманъ		
3. Урунъ-норъ		
4. Бодогони-холай		
5. Боргицайтн		
6. Хандагайтн		
7. Цицирганъ		
8. Р. Холай		
9. Кар. Эргети		
10. Б. Алакъ-обо		
11. Сел. Самгатай		
12. Б. Эрсунъ		
13. К. Дзиндзылигъ		
14. Ручей, текущiй въ Дзиндзылигъ	20	Вверхъ по р. Дзиндзылигу, мимо кумирни; воды и корму много; жители Урянхи.
15. Харгана	20	За переваломъ чрезъ хреб. Харгана; воды мало. Дорога вдоль тычинковой границы Монголии съ Урянхами.
16. Р. Тускулъ	25?	Перевалы черезъ два хребта, сѣвернiе ты- чинковой границы.
17. Р. Шырикъ	16	Опять два перевала и переходъ черезъ рѣчку Судютъ.
18. Руч. близъ р. Шырика	25	Два хребта; дорога хорошая, воды и тра- вы много.
19. Р. Косъ (теч. на З.)	15	Высокий, глѣсистый, неудобный перевалъ.
20. Р. Косъ	25	Вверхъ по Косу; трава хороша, но холодно.
21. Р. Тарисъ	23	Перевалъ чрезъ большой горный хребетъ. Холодно. Рѣчка теч. на С.-В.
22. Гора Такылъ	20	Сначала на С.-В. по Тарису, потомъ на Ю.-В., равниною.
23. Р. Соукъ	24	Перевалъ и потомъ по р. Соуку; травы хороши, но на горахъ много камней.
24. Караулъ Агаръ	7	Черезъ небольшой перевалъ и потомъ по р. Агаръ.
25. Рѣка Мурю	35?	Дов. значительная рѣка, течетъ на Ю.-З.

Примѣрно 500 верст.

	Вер.	
26. Рѣка Мурю	15	Степь съ хорошей травой; по логамъ — дѣрвья.
27. Степь	30	Много монгольск. вочевокъ, хорошіе горы.
28. Ночлеги въ степи .	20	Безлѣсная волнистая мѣстность.
29. Ночлеги въ степи .	25	То же; травы хорошия.
30. Р. Эге въ 6 вер.		
отъ Косогола	30	
Итого отъ Дзид. 345		
Пройдены купцомъ Веселовымъ.		
Восточнымъ берегомъ Косогола до кумирни Урианховъ у сѣвернаго берега озера пять дней ходу (120 в.), а оттуда въ Иркутскъ черезъ:		
36. Тунку	139	Вьючной дороги.
39. Булгуль	75	} На колесахъ.
41. Иркутскъ	67	
Итого	281	
А всего	1156	

XVI. Отъ Юстыда въ Улясутай.

Это такъ называемый путь бѣжскихъ купцовъ, пройденный ими въ 1870 году; длина пути 555 вер., станціи были слѣдующія:

1. Хату-булакъ	30 вер.	9. Зеринъ-норъ	42 вер.
2. Кара-мангай	28	10. Шабиръ-голь	18
3. Ачигъ-норъ	40	11. На р. Кунгуъ	38
4. Усунъ-голь	15	12. То же	34
5. Р. Шибери	32	13. То же	38
6. Хотиль-булакъ . . .	28	14. То же	38
7. Китайскій хуторъ .	38	15. Узунъ-джуль	40
8. Шиннеусъ	38	16. Улясутай	48

XVII. Отъ кар. Суокъ чрезъ Кобдо въ Улясутай и Калганъ.

Китайскій кар. Суокъ въ 514 верстахъ отъ Усть-Каменогорска; въ томъ числѣ 284 вер. колеснаго пути.

1. Стц. Воро-Вургасу	25	Отлогими возвышенностями.
2. Стц. Велю	35	Подъемъ въ гору и потомъ по волнистой мѣстности.

	Вер.	
3. Стц. Эладате . . .	35	Сначала по горамъ, потомъ спускъ въ долину р. Кобдо.
4. Стц. Кото	20	Переправа черезъ р. Кобдо, потомъ долиною р. Кото.
5. Ухашеротъ	20	По гористой мѣстности, черезъ перевалъ Игисъ-даба.
6. Хонгерлю	20	Мимо оз. Алтынъ-чечей и по холмамъ.
7. Хонго	25	По горамъ и по долинѣ Хонгомердя.
8. Шара-баликъ . . .	35	По горамъ, поперекъ рр. Эджигале, Тархинъ и Чаганъ-Бургасу.
9. Гор. Кобдо	35	Сначала горами, а потомъ степью. Г. Кобдо
Итого	250	до степи на р. Буянту и имѣетъ на с. крѣпость, а на югѣ торговую свободу.
10. Кара-усу	32	Черезъ горы и степью до оз. Ике-Арагъ-норъ, у южной его оконечности.
11. Захи-булакъ . . .	56	} Каменистою степью.
12. Джиргаланты . . .	34	
13. Карганынъ	17	
14. Дурга-норъ	33	У юго-восточнаго конца оз. Дурга.
15. Бага-норъ	30	
16. Аргаланты	39	На рѣкѣ Дзапханѣ (Джабганѣ).
17. Бочу	26	} Степью вдоль р. Джабгана, не всегда переходимаго въ бродъ.
18. Дзуръ	20	
19. Бага-дзысь	24	
20. Ихн-дзысь	21	
21. Худукъ-улакъ . . .	20	} По правому берегу Джабгана, черезъ р. Яру-голъ и по другимъ правымъ притокамъ Джабгана.
22. Борхо	28	
23. Алдыръ	21	
24. Гор. Уласутай . . .	18	Городъ имѣетъ крѣпость и торговую свободу, лежитъ въ долинѣ между горами.
Итого	419	
25. Шуранъ	29	Степью съ порядочною травой.
26. Даганъ-дала	24	У рѣчки Буниту-голъ.
27. Буниту-голъ	21	У рѣчки того же имени.
28. Ара-Джиргаланту . .	15	} Степью.
29. Убуръ - Джиргаланту	19	
30. Улавъ-бумба	19	У рѣчки Хоболъ.
31. Хоболъ	25	То же.

	Вер.	
32. Дзакъ-голѣ	22	У рѣчки Дзакъ-голѣ. } Ровною степью со
33. Байдарикъ-голѣ . .	18	У рѣчки Байдарикъ — г. } скудными травами.
34. Утанъ-голѣ	30	Черезъ хребетъ и по пескамъ.
35. Оюгай	13	Черезъ хребетъ и по пескамъ.
36. Хара-тологой . . .	26	} У колодцевъ въ пещаной степи.
37. Туй	18	
38. Шаргалдунтъ . . .	28	
39. Хоболъ-хортъ . . .	22	
40. Горнда	26	Пески и каменистый кряжъ; на с. горы.
41. Харандунъ	18	Пески.
42. Хадату	20	Пески. Граница между Уртою и Уласу- танъ.
43. Уингету	28	Пески.
44. Онгинъ-голѣ . . .	25	Пески, кочеръ у рѣчки.
45. Дзеренъ	33	На Онгинъ-голѣ.
46. Тутуринъ	25	Пески; станція близъ озера.
47. Цанчиръ	19	У того же озера. Дорога изъ Урги въ Тибетъ.
48. Харанъ-джиринъ .	29	Волнистая пещаная степь.
49. Джигаланту	19	По ущелью.
50. Лосъ	30	Каменистые холмы и степь.
51. Шобутай	23	Степь, съ небольшою травою.
52. Барунъ-Сучжи . .	17	Степь.
53. Самръ-усу	40	Степь. Здѣсь подходитъ съ сѣвера почто- вая дорога изъ Урги.
Итого	673	
А всего	1842	До Калгана же (см. № XIV) 2200 и до Пекина 2417 в.

Самая длинная изъ всѣхъ степныхъ дорогъ между границами Рос-
сін и Пекиномъ, скудная водою и травами и хотя почтовая, но исклю-
чительно вьючная.

XVIII. Дороги поперекъ Чжунгаріи.

а. Отъ Зайсанскаго поста въ Кобдо.

Зайсанскій постъ, въ 511 верстахъ отъ Семипалатинска, на почто-
вой дорогѣ.

1. Теректи	18	} По сѣверному подножію Музъ-тага и Саура. На первыхъ трахъ переходяхъ травы и воды довольно.
2. Сары-булакъ	20	
3. Уластн	25	

	Вер.	
4. Уласты, другая рѣчка	25	} По сѣверному подножію Мусъ-тага и Саура. На первыхъ трехъ переходахъ травы и воды довольно.
5. Туманды	40	
6. Кокъ-буке	35	
7. Мукуртуй	25	
8. Озеро Улюнгуръ	30	
9. Г. Булунь-тохой	25	
Итого	243	
10. Тенгерге, на Урунгу	45	
11. Р. Урунгу	70	
12. Р. Чингызъ	75	По горамъ, населеннымъ урянами.
13. Р. Чаганъ	60	Горы; населеніе — калмыки таргоуты.
14. Р. Булунгъ	50	Лѣсистыя горы; населеніе калмыки-хошоты.
15. Пикеть Чажганъ	60	Горы; дорога выходитъ на путь урумційско-хобдоскій.
16. „ Нарынъ	40	} Дорога идетъ вверхъ по Урунгу, потомъ уходитъ въ горы и, переваливъ черезъ нихъ, спускается къ Кобдо.
17. „ Дабсынту	60	
18. „ Батхокъ	45	
19. „ Суджинъ	30	
20. Городъ Кобдо	25	
Итого	550	
А всего	793	Вьючнаго пути.

в. Отъ Чугучака и Зайсанскаго поста до Куйтуна.

Первая изъ этихъ дорогъ во время китайскаго владычества была почтовою и при осмотрѣ въ 1871 г. оказалась годною для экипажей. Вторая затруднительна для экипажной ѣзды лишь на первыхъ трехъ переходахъ.

Г. Чугучакъ, 4 вер. отъ Бактовъ — Зайсанскій постъ.

1. Сетэръ-модо	45 вер.	1. Кенъ-сай	31 в.
2. Шара-хулусу !	60	2. Чаганъ-обо	34
3. Пикеть-Толм	20	3. Даниъ-су	30
4. „ Яматы	18	4. Устье Дезбиза	27
5. „ Кульденень	20	5. Сл. Кара и Сары-Эмилъ	26
6. „ Уту	15	6. Авъ-су	22
7. „ Букчуръ	18		

	Вер.		Вер.
8. Сел. Олонъ-булакъ . . .	20	7. Курумъ-су	13
9. „ Шара-усу . . .	30	8. Шара-хулусу	22
10. Стц. Куръ	36	9 — 17 Куйтунъ	209
		Итого	414
11. Селеніе Куйтунъ . . .	32	Въ Куйтунъ проходитъ дорожъ	
Итого	314	изъ Урумчи въ Кульджу.	

ХІХ. Изъ Кульджи въ Хами по сѣверной Ташкентской линіи.

Гор. Кульджа, Старая, т. е. таранчинская.			
1. Баандай	11	Равниною.	
2. Суйдунъ	32	Также.	
3. Кр. Чинъ-ча-хонъ	17	Также; всѣ три пункта населены.	
4. Итай	21		
5. Ланъ-та	15	Южныя перевала чрезъ горы Иренъ-та-бирганъ.	
6. Вано	25	Перевалъ, спускъ къ оз. Сайраму.	
7. Хустай	28	Равнина.	
8. Такумту	30	То же; мѣстами пески.	
9. Дахъанза сел.	14		
10. Стц. Цзинъ-хо	47		
11. Кумъ-тамъ	39		
12. Стц. Тотохой	15		
13. Стц. Курту-кунга	10		
14. Стц. Домбода	19		
15. Стц. Булхадзи (Пуртажи)	25		
16. Разв. Куръ-кара-усу	22		
Итого	370		
17. Стц. Куйтунъ	22	То же. Въ Куйтунъ приходитъ съ сѣв. дорожъ изъ Чугучака. (314 в.).	
18. Стц. Анци-халъ	20	Степью; травы хорошия.	
19. Стц. Хоргосъ	25	Ровною степью.	
20. Стц. Уланъ-усу	22	То же.	

Вер.

21. Сел. Манасъ или		
Канги	40	То же; переправа черезъ р. Манасъ.
22. Стц. Янъ-бага-		
сунъ	21	Степью.
23. Стц. Тугурикъ . .	26	То же.
24. Сел. Хутукбай . .	38	То же.
25. Стц. Локлонъ . .	33	То же; травы хорошия.
26. Сел. Гуиъ-нинъ . .	40	По слабоволнистой мѣстности, черезъ се-
		ленія.
27. Гор. Урумци . . .	22	По хорошо - орошенной, слабо - волнистой
Итого . . .	309	мѣстности. Г. Урумци былъ главнымъ
		на сѣверной Тянь-шаньской линіи.

Отсюда можно ѣхать въ Хами двумя путями: черезъ Турфанъ (ко-
роче) и черезъ Баркуль (удобнѣе). Беремъ послѣднюю дорогу.

28. Стц. Хэй-гоу . .	26	Равниною, хорошо орошенной.
29. Сел. Фу-канъ . .	24	Слабо волнистою мѣстностью.
30. Стц. Дн-цюанъ . .	20	У подошвы горъ.
31. Стц. Цинъ-шуй . .	27	То же.
32. Стц. Санъ-тай . .	33	То же; мѣстность, хорошо орошенная ручья-
		ми съ Богдо-оли.
33. Сел. Цзимса . . .	34	У подошвы горъ степью.
34. Гор. Гу-чанъ . . .	29	То же; городокъ имѣетъ на сѣверѣ цита-
		дель.
35. Мѣстечко Иттай . .	39	По странѣ хорошо населенной и орошенной.
36. Стц. Муруй . . .	25	Степью, у подошвы горъ.
37. Стц. Акъ-ташъ . .	22	То же.
38. Стц. Уланъ-усу . .	22	То же.
39. Стц. Сэби	30	То же.
40. Сел. Гашунъ . . .	29	То же.
41. Стц. Урту	35	То же.
42. Чжуба-цюанъ . . .	29	Вдоль рѣчки.

Отсюда можно ѣхать въ Баркуль или прямо черезъ Гу-гуай (80 в.)
или почтовою дорогою, т. е. чрезъ:

43. Стц. Сэ-уцзы . . .	30	По предгорьямъ Тянь-шаня.
------------------------	----	---------------------------

Откуда есть дорога, чрезъ стц. Лэ-ба-цюанъ, въ горр. Хами и Пи-
чанъ.

44. Гор. Баркуль . . .	35	По предгорьямъ Тянь-шаня.
Итого . . .	499	

	Вер.	
45. Стц. Койсу . . .	36	У подошвы горъ.
46. Стц. Сунъ - шу- танъ	41	То же.
47. Стц. Нанъ-шанъ- кхэу	36	Переѣздъ черезъ горы.
48. Стц. Хэй-чжанъ- фанъ	27	Спускъ вдоль по рѣчкѣ.
49. Гор. Хами или Комуль	30	По равнинѣ.
Итого . . .	170	

А всего 1348 При китайцахъ эта дорога была вся поч-
товою.

Отъ Хами черезъ степь до города Анъ-си на р. Булунгирѣ по са-
мой трудной, песчаной степи 470 верстъ. Въ Анъ-си дорога поворачи-
ваетъ къ заставѣ Цзя-юй-гуань и потомъ черезъ гор. Су-чжеу идетъ да-
лѣе, къ Пекину, до котораго отъ Хами 3,541 вер., отъ Кульджи 4,889.

XX. Отъ Кашгара въ Хами и далѣе въ Пекинъ.

Городъ Кашгаръ . . .	0	
1. Сел. Шантуль . . .	40	По населенной и воздѣланной равнинѣ.
2. Сел. Янгабадъ . . .	30	} Вдоль Кызылъ-дары, по степи, часію песковатой.
3. Бастонъ-тогоракъ . .	80	
4. Кызылъ-дарья . . .	30	
5. Маралъ-баши . . .	20	На р. Таримѣ.
6. Сел. Барчукъ . . .	20	То же. Сюда выходитъ дор. изъ Яркенга, до котораго 325 верстъ.
7. Кузъ-чуль	20	} Степью вдоль Тарима.
8. Укр. Чай-ширинъ . .	20	
9. Еренде	20	
10. Отусъ-каме (Ур- туль-кэмани).	20	} Степью, мѣстами волнистою.
11. Бишъ-кудукъ (ко- тукъ)	20	
12. Сел. Янгарикиъ . .	20	

	Вер.	
13. Укр. Айхуръ (Ай-куль)	20	} Степью вблизи рѣки Кумарика, чрезъ которую нужно переправляться (Бумъ-арыкъ = каналъ отведенный въ песок).
14. Календеръ-ханъ	20	
15. Гор. Аксу	20	Равнина: переправа черезъ р. Аксу. Городъ имѣтъ до 30,000 жителей. Дороги: изъ Уша 120 в., изъ Кульджи 480 в.
Итого	400	
16. Сел. Чжамъ	41	Степью, въ виду горъ.
17. Кара-Юлгунъ	41	То же.
18. Чарчинъ	57	По горамъ.
19. Устьянъ-кичнъ	38	Долиною между горъ; въ сосѣдствѣ мѣдныя заводы.
20. Гор. Бай	30	Переправа черезъ р. Музартъ; равнина хорошо орошенная
21. Гор. Сайрамъ	42	Плоскогорьемъ и равниною.
22. Кызылъ	21	Равнина вдоль горъ слѣва.
23. Гор. Куча	83	Черезъ отроги Байшана и по р. Шарда-ланъ. Городъ прилежитъ къ горамъ, укрѣпленъ, имѣтъ до 6,000 жителей.
Итого	354	
24. Тогунай	31	Хорошо орошенная низменность.
25. Арбатъ	82	То же и потомъ слегка холмистая степь.
26. Сел. Бюгуръ	52	По слегка холмистой степи.
27. Янги-шаръ	52	Вдоль предгорій.
28. Чатыръ	31	То же по окраинѣ предгорій.
29. Чарчу	82	То же и степью.
30. Кара-булакъ	52	То же; дорога приближается въ р. Хайду-голь.
31. Курунъ	35	Увалами праваго берега Хайду-гола
32. Калга-аманъ	31	Вдоль праваго берега Хайду-гола. Недалеко камен. суг. копн.
33. Карашаръ	47	По волнистой странѣ. Недоѣзжая города переправа чрезъ Хайду-голь. Въ городѣ живутъ вмѣстѣ туркестанцы и калмыки.
Итого	495	
34. Сел. Тоболгу	47	Равнина, мѣстами возвышенная, мѣстами болотистая.
35. Сел. Чухуй	27	Такая же равнина.
36. Сел. Ушагаль	25	То же.
37. Ычери	50	Степью и увалами; селеніе въ лощинѣ.
38. Кара-кызылъ	44	Волнистою степью.
39. Кумишъ-аима	30	По горамъ.

	Вер.	
40. Ахаръ-булакъ . . .	93	По горамъ Куминшъ-акма.
41. Субаши	31	Въ горахъ. Отсюда есть кратч., по неудобн. дор. на Ушакталъ.
42. Сел. Токсонъ . .	47	Черезъ горы.
43. Сел. Бугунъ . . .	31	По слабо-волнистой мѣстности и черезъ р. Еланъ-булакъ.
44. Гор. Турфанъ . .	36	Волнистою степью. Городъ малъ и бѣденъ.
Итого . .	461	Съ сз. приходитъ бол. дорога изъ Урук-ци, 160 в., по горамъ, въ 7 переѣздовъ.
45. Кара-хочжа . . .	36	Холмами и степью.
46. Сел. Лукчакъ . .	25	У подножія холмовъ черезъ сел. Янги.
47. Сел. Чухуй . . .	35	Черезъ горы Гинь-линь.
48. Гор. Пичжанъ . .	27	Вдоль рѣчки.
50. Суруту.	20	Степью; справа холмы.
51. Чжинъ-ташъ . . .	20	То же.
52. Наху.	93	Степью и по холмамъ къ озеру Наху.
53. Тоху.	62	Вдоль предгорій къ оз. Тоху.
54. Хутунъ-во. . . .	36	По отлогостямъ горъ.
55. Таолай-булакъ . .	36	По горамъ.
56. Лэ-ба-цюанъ . . .	31	Стц. на сѣв. сторонѣ горъ. Отсюда дор. въ Баркуль и Хами.
57 — 62. Гор. Хами или Комуль	159	Дорога по южной стор. Тянь-шаня.
Итого . .	580	
А всего отъ Кашгара до Хами . 2290, а до Пеккина 5831 вер.		

III. Важнѣйшія дороги въ Туркестанѣ.

Въ противоположность тому, что сдѣлано выше относительно дорогъ къ сторонѣ Китая, гдѣ перечислены только дороги заграничныя, т. е. проходящія по китайскимъ владѣніямъ, здѣсь приводится нѣсколько маршрутовъ внутреннихъ, т. е. пролегающихъ въ нашихъ владѣніяхъ, а затѣмъ уже слѣдуютъ пути въ предѣлахъ независимаго Туркестана. Сдѣлано это потому, что для западной и восточной Сибири существу-

ютъ маршрутные карты и росписанія станцій по важѣйшимъ направленіямъ въ почтовомъ дорожникѣ; Туркестанскій же край маршрутной карты еще не имѣть.

I. Дорога изъ Семипалатинска въ Вѣрный.

Это есть самый удобный путь изъ Сибири въ Среднюю Азію; проходя параллельно чжунгарской границѣ, онъ притомъ имѣетъ двойную важность въ стратегическомъ отношеніи, такъ-какъ имъ связываются всѣ пути, идущіе изъ Семипалатинской и Семирѣченской области внутрь Чжунгаріи.

	Вер.	Отъ Омска.
Семипалатинскъ.	695	
1. Улугузскій пи- кетъ	25	} Степь съ твердою почвою.
2. Аркалыкскій . .	22	
3. Ащи-бульскій . .	27	
4. Джарташскій . .	21 ¹ / ₂	
5. Кызылъ-мульскій	26	
6. Аркатскій	26 ¹ / ₂	Въ сторонѣ Аркатскія горъ.
7. Альджанъ - адм- ровскій	24	
8. Узунъ-булакскій	24 ¹ / ₂	
9. Инрекойскій . .	26 ¹ / ₄	
10. Алтинъ - калат- скій	22 ³ / ₄	Мѣстность волнистая.
11. Сергіополь . . .	26 ¹ / ₂	На пр. бер. Аягуза; укрѣпленіе и станція.
Итого .	271 ¹ / ₄	
12. Аягузскій	31 ¹ / ₂	Мѣстность волнистая.
13. Тагды-кудукскій	29	Черезъ Аягузъ и по равнинѣ.
14. Кызылъ-кйскій .	23 ³ / ₄	} Степь.
15. Мало-Аягузскій.	26	
16. Джусъ-агацьскій	26 ¹ / ₄	
17. Арганатинскій .	31	Пески сыпучіе и кочковатые.
18. Ащи-булакскій .	29 ¹ / ₂	Слабо-волн. и безводная мѣстность.
19. Лепсинскій . . .	34	Степь съ песчанымъ грунтомъ.
20. Басканскій . . .	28 ¹ / ₂	Степь съ суглинистымъ грунтомъ.
21. Аксуйскій	28 ¹ / ₂	Равнина съ небольшою зеленью.

	Вер.	
22. Абакумовскій . .	25 ¹ / ₂	Равнина съ дов. сочною травою.
23. Сел. Арасанское	21	Гасфордовъ подъемъ на горы. Мин. вод
24. Копаль	29	Мѣстность волнистая. потомъ ровная.
Итого . .	363 ¹ / ₂	
25. Акъ-ичкинскій .	27	Подгорная равнина съ оврагами.
26. Сары-булакскій .	26	Переналь въ долину Каратала.
27. Кара-булакскій .	30	Равнина; переѣздъ черезъ Караталь.
28. Джангысъ-агач-скій	22	Равнина и потомъ волн. мѣстность
29. Царицынскій . .	20 ¹ / ₂	Крутой спускъ къ Коксу, послѣ перев.
30. Куталинскій . .	25 ¹ / ₄	Черезъ Коксу и черезъ горы.
31. Атгыль - имель-скій	22 ¹ / ₄	Долина, изрѣзанная оврагами.
32. Куанкузскій . .	27 ¹ / ₂	То же.
33. Карачеклинскій .	27 ³ / ₄	Мѣстность волнистая.
34. Чингиздинскій .	33 ¹ / ₂	Равнина съ немногими оврагами.
35. Укр. Илійское .	23 ³ / ₄	Сыпучіе пески, переправа чр. Или на пар.
36. Кутентайскій . .	23 ¹ / ₂	Равнина съ песчан. грунтомъ.
37. Карасуйскій . .	22 ¹ / ₂	То же.
38. Г. Вѣрный . . .	24 ¹ / ₂	Степь съ небольшою травою.
Итого . .	356	А всего отъ Семипалатинска 991 ¹ / ₄ вер., 38 переѣздовъ.

II. Степныя дороги въ Сибирской степи.

а) Изъ *Карк-араловъ въ Аулие-ата*, черезъ Бертышскую пристань на Балхашѣ, потомъ западнымъ берегомъ этого озера, оттуда на р. Чу ниже развалинъ Сары-кургана и затѣмъ песчаною степью на подгорную дорогу изъ Вѣрнаго въ Аулие-ата. Плохая, маловодная, частію безтравная дорога, длиною около 800 верстъ.

б) Изъ *Карк-араловъ въ Чу-акъ-курианъ*, черезъ Кара-менды, Кайлюбай-булатъ, Тесь-булатъ, бродъ Казанганъ на р. Чу и далѣе песчаною степью западнѣе озера Каракуля, всего около 1000 в. Путь этотъ сѣвернѣе урочища Кайлюбай-булата удобенъ, но далѣе до Тесь-булата вода встрѣчается только въ 3 колодцахъ и притомъ дурнаго свойства, а отъ Теса до р. Чу, 70 верстъ совсѣмъ безводны. За р. Чу въ колодцахъ и разливахъ озера Каракуля вода соленая.

с) *Изъ Актау* черезъ ур. Джарташъ на *Чулакъ-курганъ* — тѣ же свойства, что предыдущаго пути. Отъ Чулакъ-кургана черезъ Каратаускія горы есть дорога въ Чинкентъ, до котораго отъ Актау будетъ около 750 верстъ.

д) *Изъ Акмолловъ въ Туркестанъ* чрезъ ур. Канбаты на р. Сары-су — караванная дорога, которая отъ ур. Канбаты уходитъ въ пески Джитыконуръ и въ Голодную степь по правому берегу Чу. Рѣку эту пересекаетъ у брода Той-тюбе, а потомъ идетъ на Сузакъ песчанюю степью, въ которой много саксаулу. За Сузакомъ переходитъ чрезъ Каратаускія горы въ верховьяхъ ручья Кашкаръ-ата. Южная и сѣверная часть этой дороги довольно удобны, но переходы по пескамъ Джитыконуръ и по Голодной степи весьма затруднительны. Разстояніе отъ Акмолловъ до Туркестана около 900 верстъ.

е) *Изъ Акмолловъ въ Туркестанъ* же черезъ Канбаты, вдоль по р. Сары-су на Карауткульскій бродъ на р. Чу, потомъ, огибая Каратаускій хребетъ на родники Даудъ-ходжа, а отсюда къ урочищу Тюмень-арыкъ и далѣе къ Туркестану, всего около 1000 верстъ. По долині Сары-су есть хорошія пастбища; вода въ рѣкѣ хотя немного солоновата, но годна къ употребленію. На пути между Айна-кулемъ и Карауткульскимъ бродомъ, за негодностью воды въ рукавѣ Бахты-Курынъ, нужно рыть колодцы. У родниковъ Даудъ-ходжа подножнаго корма мало, но онъ есть по близости, въ горахъ. Топливо — джизда, саксаулъ и т. п. — встрѣчается на большей части пути.

На послѣднюю дорогу, у урочища Конъ-домбакъ, на р. Сары-су, выходитъ дорога съ сѣвера, отъ Улу-тау, Атбасара. Кокчетавы и Петропавловска, сѣверная половинна которой есть почтовая. Все разстояніе отъ Петропавловска до Туркестана можно считать въ 1500 верстъ.

III. Караванная дорога изъ Троицка въ Ташкентъ.

	Вер.	
1. Г. Троицкѣ . . .	0	
2. Михайловская ст.	1	День ходу.
3. Оз. Курпунданъ .	1	
4. Оз. Яманъ-Ала- куль	1	Между р. Тоболомъ и ст. Николаевскою.
5. Ур. Домбаръ . .	1	На р. Тоболѣ.
6. Боръ Яманъ-кара- гай	1	Послѣдній къ югу глѣсъ.

	Вер.	
7. Р. Джелебей . . .	1	
8. Оз. Шагиръ-куль .	1	
9. Оз. Урвачъ . . .	1	Извѣстная добыча соли.
10. Оз. Чуйты . . .	1	
11. Верх. р. Кабыргы .	1	
12. Пески Кашелакъ .	2	
13. Г. Тургай . . .	1	
Итого . . .	13	Около 450 верстъ.
14. Р. Джиланчикъ .	2	
15. Оз. Буше-куль . .	1	
16. Рр. Баргале и Кайдуль	1	
17. Р. Молдыръ . . .	1	
18. Калмакъ - Керг- ланъ	1	Вѣроятно, мѣсто избиенія калмыковъ въ 1772.
19. Ур. Эспе	1 1/2	Пески.
20. Оз. Арсъ-гузъ . .	1 1/2	То же.
21. Оз. Телекуль . .	1 1/2	
22. Кол. Даудъ-ходжа .	1	
23. Минъ-булакъ . .	1	
24. Яны-курганъ . .	1	
25. Туркестанъ . . .	3 1/2	} Вдоль почтовой дороги или по сторо- намъ ея.
26. Чамкентъ	5	
27. Ташкентъ	3	
Итого . . .	25	
А всего 38 дней, примѣрно 1640 верстъ.		

I . Отъ г. Иргиза до Казалинска.

Почтовая дорога, на которой въ предѣлахъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства есть хорошія станции. Г. Иргизъ находится, по почтовой же дорогѣ, отъ Орска въ 393 верстахъ.

1. Джалангачъ . . .	20	
2. Кытй-куль . . .	18	
3. Джаловны	36	} Каракумскіе пески.
4. Теревли	30	
5. Джулюсь	17	

	Вер.	
6. Кара-кудукъ . . .	18	} Каракумскіе пески.
7. Дунгурлюкъ-соръ .	30	
8. Кулъ-кудукъ . . .	26	
9. Алтън-кудукъ . . .	21	
10. Акъ-джулпасъ . .	18	
11. Сапакъ	28	
12. Камышли-башъ . .	28	
13. Бокъ-баули . . .	34	
14. Г. Казалинскъ . .	32	

Итого. . . 346 в., а отъ Орска 739.

V. Отъ Кульджи до Казалинска.

Дорога эта, начиная отъ г. Вѣрнаго, есть почтовая, и идетъ вдоль ряда русскихъ колоній, которыя можно считать базою нашихъ дѣйствій въ Туркестанѣ, какъ въ предѣлахъ Чжунгарскаго, Тянь-шаньскаго и Нагорно-туранскаго участковъ границы, такъ и къ сторонѣ Хивы. Отъ нея въ разныхъ мѣстахъ отдѣляются, какъ бы вѣтви, пути на югъ, внутрь Туркестана, точно такъ, какъ къ ней примыкаютъ всѣ исчисленныя выше дороги съ сѣвера, изъ киргизскихъ степей и европейской Россіи.

Г. Кульджа (Старая или Таранчинская).

1. Янгшаръ . . .	15	Переправа черезъ р. Или.
2. Ханахай . . .	37	} Подгорныя селенія.
3. Кальджатъ . . .	23	
4. Кетмень	30	
5. Дархамба . . .	19	
6. Чунжи	25	
7. Бродъ Телекъ . .	23	На р. Чарынѣ.
8. Кара-тумъ . . .	13	
9. Сары-чаганъ . .	30	
10. Сары-булакъ . .	30	
11. Бр. Тогузъ-торау	20	На р. Чиликѣ.
12. Лаваръ	19	
13. Улькунъ-Энко .	21	
14. Выс. Михайловск.	22	

	Вер.	
15. Ст. Софьинская	20	} Дорога колесная.
16. Ст. Надежин- ская	22	
17. Г. Вѣрный . . .	23	
Итого	393	Которая всѣ можно проѣхать на колесахъ.

18. Выс Любовный	28 ^{1/2}	
19. Узунъ-агачъ . .	27	
20. Кастекъ	27	
21. Тарганская . . .	33	
22. Отарская	30 ^{1/2}	
23. Курдайская . . .	32 ^{1/2}	
24. Сагатинская . . .	30	
25. Константиновская	23	
26. Пишпекъ	22 ^{3/4}	} Переправа черезъ Чу.
27. Сукулукъ	23 ^{1/2}	
28. Аксу	13 ^{3/4}	
29. Карабалты	19	} Подгорною полосой, гдѣ много рѣчекъ, болотистыхъ руслъ (кара-су) и овра- говъ.
30. Чалдываръ	29	
31. Мерке	22 ^{1/2}	
32. Тарты	34 ^{1/2}	
33. Кумарикъ	22 ^{3/4}	
34. Акиръ-тюбе	29	
35. Учъ-булакъ	30	
36. Ауль-ата	24	
Итого	502 ^{1/2}	Почтовою дорогою.

37. Куюкъ	30	Переправа черезъ Таласъ.
38. Терсъ	20	
39. Чакпакъ	28	Перевалъ.
40. Тюлькуба	28	} Поперекъ многихъ рѣчекъ и овраговъ.
41. Машатъ	30	
42. Манкентъ	12	
43. Чамкентъ	25	
Итого	173	

44. Бурджаръ	14	
45. Арысь	20	Переправа черезъ Арысь.
46. Богунъ	30	
47. Акъ-моглы	30	

	Вер.
48. Ногай-кура . . .	17
49. Иванъ	19
50. Туркестанъ . . .	22

Итого. . 152

51. Косъ-Мизгилъ . .	20
52. Сауранъ	28
53. Арасатъ	35
54. Яны-курганъ . .	35 ^{1/2}
55. Тюмень-арыкъ . .	19
56. Джатактаъ	25
57. Мишеули	25
58. Джулекъ	25
59. Тартугай	30
60. Динарты-кумъ . .	25
61. Джарты-кумъ . .	25
62. Берказанъ	18
63. Берубай	16
64. Перовскъ	20

Вдоль по Сыръ-Дарьё, степью.

Итого. . 346^{1/2}

65. Дмитриевская . .	23 ^{3/4}
66. Петровская . . .	26 ^{1/4}
67. Семеновская . .	20 ^{1/2}
68. Александровская	23 ^{3/4}
69. Владимирская . .	24 ^{1/4}
70. Федоровская . .	19
71. Викторовская . .	20
72. Кармакчи (№ 2)	22
73. Хоръ-хутъ	18
74. Кара-тугай	20
75. Ильчибай	26
76. Акъ-джаръ	24
77. Акъ-суатъ	22
78. Майлибашъ . . .	32
79. Басъ-кара	22
80. Казалинскъ . . .	18

Съвернѣ камышей и разливъ Сыръ-дарьё, степью.

Вдоль по Сыръ-дарьё.

Итого. . 391^{1/2}

А всего . . . 1928^{1/2}

VI. Отъ Кульджи до Пишпека чрезъ Иссык-Куль.

	Вер.	
1—4. Сел. Кетмень	107	См. маршрутъ № V.
5. Чалкады-су	42	Черезъ перевалъ Кетмень.
6. Карагайлы	19	} Долиною.
7. Чийбигы-булакъ	24	
8. Р. Кегень	20	
9. Большая Каркара	26	
10. Малая Каркара	17	} Черезъ перевалъ Санташъ.
11. Р. Тупъ	25	
12. Преображенское	30	По р. Тупу.
13. Уйталъ	40	} По сѣверному берегу Иссык-куля.
14. Бунгей-Аксу	32	
15. Чуланъ-ата	33	
16. Чирчикская	27	
17. Турайгырская	22	} Буамское ущелье.
18. Кутемалдинская	17	
19. Кокъ-мойнакъ	27	
20. Джель-арыкъ	27	} Подгорною долиною Чу.
21. Карабулакъ	30	
22. Токиакъ	34	
23. Иссыгаты	28	
24. Пишпекъ	23	

Итого . . . 650 Начиная съ 12 стд., по почтовой дорогѣ.

VII. Изъ Ауль-ата въ Коканъ.

Трудная въючная дорога чрезъ горы.

1. Учъ-курганъ	25	8. Г. Наманганъ	20
2. Прох. Кара-бура	40	9. Тюра-курганъ	18
3. Р. Чирчикъ	35	10. Сантъ	33
4. Куръ-Чанышъ	30	11. Султанъ баядъ	21
5. Прох. Чанышъ	25	12. Коканъ	20
6. Акъ-ташъ	25		
7. Иски-абадъ	13		
		Итого . . .	299

Отъ деревни Иски-абадъ до Кокана караваны уже идутъ Ферганской равниной и у Санга переправляются черезъ Сыръ-дарью, послѣ чего приходится около 20 в. идти песками.

VIII. Изъ Чимкента въ Самаркандъ.

Чимкентъ, на дорогѣ изъ Туркестана въ Аулие-ата, маршр. № V.

	Вер.	
1. Акъ-ташъ . . .	14 ³ / ₄	
2. Беглеръ-бегъ .	15	
3. Шарапханъ . .	21 ¹ / ₄	
4. Джерп.	14	
5. Акъ-джаръ . .	16 ¹ / ₄	
6. Купланъ-бегъ .	15	
7. Ташкентъ . . .	18 ¹ / ₂	
Итого. . 114 ³ / ₄		
8. Нязбашъ. . . .	19 ³ / ₄	
9. См. Ташкентская	22	
10. Чиназъ	22	
11. Малекская . . .	17	Переправа чрезъ Сыръ-Дарью.
12. Мурза рабатъ . .	33 ³ / ₄	} Ровною, почти безплодною степью.
13. Агачлыкъ. . . .	29 ³ / ₄	
14. Учъ-тюбе. . . .	20	
15. Джизакъ	14	
Итого. . 179 ¹ / ₄		
16. Яны-курганъ . .	23 ¹ / ₄	Ущельемъ.
17. Сарайлыкъ . . .	15 ³ / ₄	
18. Каменный мостъ	15 ³ / ₄	
19. Джимбай	19 ³ / ₄	
20. Самаркандъ . .	19 ³ / ₄	
Итого. . 94 ¹ / ₄		
А всего ; . . 388 ¹ / ₄ вер. по почтовой дорогѣ.		

IX. Изъ Ташкента въ Наманганъ.

1. Кельаучи.	52	6. Орумъ-сарамъ	24
2. Теляу	30	7. Шаганъ	24
3. Камъ-рабатъ	25	8. Чусъ.	32
4. Шайданъ.	22	9. Тюре-курганъ	20
5. Акъ-джаръ.	32	10. Наманганъ.	12

Итого 273 версты хорошей караванной дороги, годной для ѣзды на колесахъ.

Х. Изъ Ташкента въ Коканъ.

	Вер.		Вер.
1. Куйлюкъ	12	6. Чильмахрамъ	32
2. Той-тюбе	22	7. Байбути	32
3. Кельаучи	18	8. Коканъ	8
4. Теляу	30		
5. Мулла-миръ	56		Итого . 210

Переправы на паромахъ: у Куйлюка чрезъ Чирчикъ и у Чильма-храма чрезъ Сыръ-дарьё.

ХІ. Изъ Ташкента въ Ходжентъ.

Дорога почтовая, по населенной странѣ.

1. Карасу	34 ¹ / ₂	5. Мурзарабатъ	30
2. Пскентъ	18	6. Ходжентъ	24
3. Уральская	26		
4. Джамбулакъ	36		Итого . 170

ХІІ. Изъ Оша въ Джизакъ.

Большой караванный путь по Ферганѣ, удобный для ѣзды на ко-лесахъ

<i>Ошъ.</i>		8. Каракчикумъ	24
1. Ассакъ	60	9. Ходжентъ	32
2. Ковандъ	22		Итого . 112
3. Маргилянъ	23	10. Нау	25
4. Риптанъ	27	11. Ура-тюбе	40
5. Коканъ	36	12. Савать	32
		13. Зааминъ	25
	Итого . 168	14. Джизакъ	55
6. Бишъ-арыкъ	32		Итого . 177
7. Канибадамъ	24		А всего . . . 457

Отъ Ходжента до Джизака дорога весьма удобная для экипажей.

ХІІІ. Отъ Самаркандѣ до Вухары.

Долиною по лѣвой сторонѣ Зерафшана.

	Вер.		Вер.
Самаркандъ.		6. Маликъ	18
1. Дауль	22	7. Вустанъ	28
2. Чимбай	21 ¹ / ₂	8. Куюкъ-мазаръ	25
3. Г. Катти-курганъ	22 ¹ / ₂	9. Бухара	29
4. Кала-и-давусъ	30		
5. Г. Кермине	35	Итого .	225

ХІV. Отъ Самаркандѣ до Карши.

Караванная дорога по холмистой мѣстности, гдѣ нѣтъ ручьевъ, но много обильныхъ водою колодезъ.

1. Въ Міанкальской долині.	30	5. Кунгуръ-тау	15
2. Джамъ	40	6. Карши	17
3. Шуръ-кудуръ	29		
4. Кара-тегинъ	12	Итого .	133

ХV. Отъ Вухары до Вельджуана.

1. Коганъ	8	15. Дарванъ	16
2. Мамо-джургаты	16	16. Байсунъ	24
3. Караулъ-тепе	16	17. Калюкъ	36
4. Какыръ	24	18. Миршадъ	16
5. Ходжа-Муборакъ	20	19. Дихнау	24
6. Бузургъ-Сербаба	24	20. Дашнаватъ	23
7. Пидна	12	21. Ригаръ	20
8. Карши	16	22. Гиссаръ	24
Итого .	134	23. Демамбе	26
9. Янкентъ	20	24. Фейзабадъ	15
10. Гузаръ	24	25. Нораъ	32
11. Биби-карагачъ	24	26. Дюртъ-кулъ	24
12. Чамкая	35	27. Конгуръ	24
13. Габзанъ	12	28. Вельджуанъ	40
14. Арбатъ	10	Всего .	603

XVI. Изъ Бухары въ Балхъ.

	Вер.		Вер.
1. Карши	134	7. Ходжа-сала	17
2. Кара-тепе	24	8. Сирдаба	20
3. Киркиндженъ	24	9. Фарахабадъ	22
4. Кызъ-кудукъ	32	10. Чучакъ	} 80
5. Шуръ-кудукъ	32	11. Балхъ	
6. Иракбитанъ	15		<u>Итого . 400</u>

XVII. Изъ Бухары въ Маймене.

1. Хонъ-робатъ		6. Андхуй	145
2. Шаха		7. Хоръ-абатъ	
3. Каратинде		8. Кагдыфъ-вала	
4. Кирки (Аму-дарья)	180	9. Маймене	130
5. Акча			<u>Итого . 455</u>

XVIII. Изъ Бухары въ Мервь.

1. Шаръ-исламъ	24	7. Ширкъ-рабатъ	30
2. Каракулъ	32	8. Балгун	25
3. Арданъ	36	9. Нязашеръ	60
4. Денгизъ	28	10. Калча	30
5. Чарджуй (Аму-дарья)	32	11. Мервь	40
6. Куттаминаръ	30		<u>Итого . 367</u>

XIX. Дорога по Бактрианъ.

1. Андхуй отъ Маймене	130	10. Халабадъ	19
2. Акча		11. Талиханъ	28
3. Чучакъ		12. Гирдабъ	22 1/2
4. Тахтапулъ	150	13. Руотакъ	16
5. Мезаръ		14. Алласинъ	13
6. Кохрабашъ		15. Атамъ-ялъ	22 1/2
7. Хулумъ	70	16. Чхардурра	17
8. Абданъ		17. Фейзабадъ (Бадакшанъ)	12
9. Кундузъ	48		<u>Итого . 548</u>

Дорога эта известна по даннымъ Борнса, Вуда и „Мирзанъ“.

XX. Изъ Кокана въ Кашгаръ.

Ошъ въ 168 вер. отъ Кокана по маршруту № XII; отъ него извѣстны по распросамъ три слѣдующіе маршрута въ ташахъ или фарсагахъ, ведущіе очевидно по одной дорогѣ, кромѣ одного мѣста.

Вер.	Вер.	Вер.
Мады 1 ¹ / ₂	Лянгеръ 3	Мады 2
Кабланъ-коль . . . 3 ¹ / ₂	Кабланъ-коль . . . 4	Кабланъ-коль . . . 4
Гульша 2	Гульша 4	Гульша 3
Кызылъ-курганъ . . 4	Кызылъ-курганъ . . 4	Кызылъ-курганъ . . 3
Софу-курганъ . . . 3	Софу-кураулъ . . . 3	Софу-кураулъ . . . 3
Джердай 3	Сурфа 3	Нартъ (гора) . . . 3
Терекъ-даванъ . . . 2	Терекъ-даванъ . . . 2 ¹ / ₂	Алей 3
Акъ-суюкъ 3	Саратъ 3	Аналма 3
Бокъ-су 3	Арсъ-суюкъ 3	Тогой-боры 4
Егизекъ 4	Тогой-тобе 3	Терекъ-даванъ . . . 3
Тогой-баша 3	Джигинъ 4	Албъ-суюкъ 2
Джигинъ 4	Нагари-чалуа 4	Егизекъ 3
Минъ-Туръ 2	Борганъ 3	Корганъ-коль 3
Романъ-кулъ 2 ¹ / ₂	Сырн-кечекъ 3	Джигинъ 4
Ястикечу 2 ¹ / ₂	Коргашинь-канъ . . 3	Корганъ 3 ¹ / ₂
Окъ-салахъ 5	Конджи-галы 5	Ястикечу 2
Шохъ-булакъ 3	Минъ-жолъ 5	Окъ-сарахъ 5
Канжигалы 3	Кашгаръ 5	Шоръ-булакъ 3
Минъ-жолъ 3	Итого 64 ¹ / ₂	Канжи-галы 3
Кашгаръ 5		Минъ-жолъ 2 ¹ / ₂
Итого 63		Кураулъ-Кыта . . . 3 ¹ / ₂
		Кашгаръ 5
		Итого 70 ¹ / ₂

На всей дорогѣ нѣтъ осѣдлостей, и караваны останавливаются подъ открытымъ небомъ, гдѣ удобнѣе, т. е. при ручьяхъ и ключахъ. За Софу-курауломъ гористая мѣстность вынуждаетъ иногда на объѣзды.

XXI. Изъ Кокана въ Кулябъ.

Распросныя свѣдѣнія. Дорога гористая, выжухая.

1. Коканъ.	Въ кокан- скихъ вѣ- дѣніяхъ.	4. Фейзабадъ,	Въ кокан- скихъ вѣ- дѣніяхъ.
2. Сарн-курганъ.		5. Ярмазаръ.	
3. Рияштанъ.		6. Авадъ.	

7. Учъ-куртанъ.	} Въ кожаныхъ Карагетныхъ владѣнiяхъ.	16. Чивальдаръ.	} Дарвазъ?
8. Лангаръ.		17. Талбаръ.	
9. Кокъ-су.		18. Зиббакъ.	
10. Карамукъ.		19. Акъ-су.	
11. Ширгатакъ.		20. Хвалингъ.	
12. Пильданъ.	} Карагетныхъ владѣнiяхъ.	21. Ханабадъ.	} Кулябъ.
13. Соккау.		22. Кулябъ.	
14. Лангаръ-ша.			
15. Пере-шахъ-кендъ.			

XXII. Изъ Джизака въ Хиву.

	Вер.	
1. Кън.	12	} Дорога колесная; слѣва горы. Дорога хорошая; 4 мелкiя рѣчки. Дорога камениста. Очень каменистыми предгорьями. Очень неудобная для повозокъ дорога. Травы мало, но топливо есть.
2. Д. Нуска.	33	
3. Д. Учъ-ма	35	
4. Д. Фариншъ	16	
5. Д. Селибашъ	18	
6. Д. Темиръ-кабукъ	24	} Трудно, по пескамъ; воды и топлива на ночлегъ много. Равнина, нѣск. песковъ; много хорошей воды по кормъ за 3 версты. Дорога ровная, нѣсколько пестанная; вода порядочная, корму и топлива много. Дорога волнистая, но твердая, вода прѣс- ная; кормъ и топливо есть.
7. Кол. Балта-самдыръ	26	
8. Кол. Бишъ-байги	32	
9. Бай-манъ-тапты	26	
10. Кол. Масчи.	19 ¹ / ₂	
11. Кол. Аякъ	15	} Безплодная, волнистая и песчаная мѣст- ность; вода хорошая. Перевалъ черезъ хребетъ Арсланъ. Много воды.
12. Кол. Аристанъ-бель вудукъ	25	
13. Кол. Манатъ джамъ 23		
14. Кол. Киндерли	14 ¹ / ₂	
15. Кол. Карахъ-ата	8	
16. Кол. Чуркъ-вудукъ	30 ¹ / ₂	
17. Султанъ-биби	40	
18. Учъ-вудукъ	17 ¹ / ₂	
19. Джангильди	26	
20. Хала-ата	15 ¹ / ₂	

Вер.

21. Кол. Адамъ Кри-		
ганъ	28	} Пески Анъ-Кумъ. На Аму-дарьѣ. Вдоль Аму-дарьѣ. У переправы.
22. Учъ-чучакъ	48	
23. Ишке-яръ	20	
24. Манекли	20	
25. Шураханъ	76	
26. Г. Ханки	30	
27. Г. Хива	50	

Итого 708

Войска могутъ сдѣлать въ 70 дней. Дорогой этой шель Туркестан-скій отрядъ въ 1873 году.

XXIV. Отъ Перовска на Иркибай.

Плохая песчаная дорога безъ кормовъ, вдоль по Яны-дарьѣ. Длинна до 350 верстъ.

1. Арыкъ Кокъ-узякъ.	8. Тасъ-Нура.
2. Буке.	9. Сары-Чеганакъ.
3. Мульке.	10. Кокъ-Чунгулъ.
4. Иргулъ.	11. Акыръ.
5. Кокъ-Чунгулъ.	12. Кара-уткулъ.
6. Чаюкъ.	13. Иркибай.
7. Кумъ-Чунгулъ.	

XXV. Отъ Назалинска до Бухары.

1. Оз. Алимбай . . . 15	10. Ур. Иркибай 26
2. Кол. Утабасъ . . . 18	11. Г. Зангаръ-тюбе . . . 10
3. Кол. Ирбай . . . 30	12. Кизылъ-какъ 45
4. Кол. Джанбага . . 18	13. У. под. Буканъ.
5. Ур. Сары-булакъ 18	14. Юзъ-кудукъ.
6. Кол. Манасъ . . . 25	15. Кол. Кокпанташъ.
7. Ур. Дчаманъ-ча-	16. > Танжарнъ.
ганокъ 14	17. > Тюменбай.
8. Кол. Кжара-муй 23	18. > Киндерли.
9. Кол. Уширъ-каз-	19. > Джусали-сай.
ганъ 46	20. > Ёизылъ-какъ.

21. Назаръ бай.

23. Базаръ Сары-булъ.

22. Касатагъ.

24. Городъ Бухара.

Путь пройденный въ 1858 г. Игнатьевымъ, вообще бѣдный водой, кормами и топливомъ, длиною прихвѣрно 700 верстъ.

XXVI. Отъ Казалинска въ Хиву.

а) Путь, предполагавшійся въ 1872 году для похода въ Хиву.

1—12. До колода Кизилъ-какъ 318 в. по предыдущему маршруту.	
13. Кол. Боккале.	43
14. > Басъ-кара.	38 ^{1/2}
15. > Минъ-булакъ 19 ^{1/2}	} Есть съёмка.
16. > Бисенти-булакъ 20	
17. > Буза-бай.	20
18. > Косай.	30
19. > Сары-булакъ. 30	} Съ распросовъ.
20. > Шураханъ.	80
21. > Хива.	80
Итого . . . 679	

б) Путь Никифорова.

	Вер.		Вер.
1. Кол. на лѣвой сторонѣ		14. Копи Бель-кудукъ . . .	36
Сыръ-дары	14	15. Укр. Худояръ	32 ^{1/2}
2. Канава	38	16. Колод. Зангаръ.	18
3. Оз. Кара-куль.	20	17. Колод. Алты-кудукъ . . .	29
4. Укр. Битъ-кала.	9	18. Въ степи	32 ^{1/2}
5. Прот. Джиль-куванъ . . .	16	19. Кол. Коль-тюби	44
6. Р. Куванъ-дары	16	20. Оз. Камышлы-башъ.	39
7. " "	38	21. " "	19
8. " "	40	22. Оз. Дау-кара	19
9. " "	37	23. Дол. Аму-дарыи.	68
10. Джапанъ-чаганаъ	38	24. Городъ Кичтавъ	5
11. Коп. Сай-кудукъ	21	25. " Хива	100
12. Коп. Авръ-тау	6		
13. Колод. Кара-батыръ. . . .	25		
		Итого. . 758	

с) Путь Муравина.

	Вер.	
1. Джанкентъ, отъ Газа- инска.	32	
2. Озеро южнѣе Сыръ- дары	23	
3. Руч. Адамъ-ата системы Куванъ-дары	26	Озеро песч. бугры.
4. Куванъ-дары	27	Безгѣсье; мѣстами камыши и да- же пашни.
5. Оз. Зынгыль-куль	21 ^{1/2}	
6. Оз. Ачи-куль	37	
7. Зал. Акъ-джаръ	21	У моря.
8. Другое оз. Ачи-куль . .	100	Съ вонючей водой. Дорога по бугристые пески:
9. Черчи-тау (въ сторонѣ). .	36	
10. Акъ-тау	13	
11. Гран. Аральскаго влад. .	20	(Въ 1741 г.).
12. Оз. Сарты-куль	18	
13. Оз. Маглатъ	25 ^{1/2}	
14. У рѣки Узень-дары . .	20	Дорога между озерковъ.
15. Первая деревня на Узень- дарѣ	20	По лѣвую сторону рѣки.
16. Укр. городокъ Шахтемиръ	24 ^{1/2}	Армыи и камыши.
17. Укрѣпленіе Нуркусъ . .	28	По населенной равнинѣ.
18. Укр. на Улу-дарѣ . . .	25	Тоже.
19. На р. Кулябинъ притокъ Улу-дары	22 ^{1/2}	Граница Хивинск. влад.
20. На Улу-дарѣ	21 ^{1/2}	Камышъ и песч. бугры.
21. Устье Н. Рускула . . .	25 ^{1/2}	Низменность, по напр. бер. рѣки гора Чолпакъ.
22. Ну р. Улу-дарѣ	23	
23. Городъ Визиръ	23	При озерѣ.
24. Г. Кяхта (Китай). . . .	19	Черезъ Аму-дарью и г. Гурленъ.
25. Между Шахабатомъ и Хивой	28	Песчаные бугры.
26. Г. Хива	25	

Итого. . 691

XXVI Отъ Оренбурга до Хивы.

Бывшее Эмбенское укрѣпленіе въ 452 в. отъ Оренбурга и въ 30 верстахъ отъ теперешняго Эмбенскаго поста. Отсюда:

1. Р. Аты-Джавсы	22	Кормъ плохой.
2. Р. Джаниды	31	Корму мало.
3. У горы Намазъ-тау	23	} Корму очень мало.
4. Пройдя гору Карачетау .	36	
5. Р. Чеганъ, противъ горы Ходжи-Бергена	28	} Чеганъ течетъ плесами; кормъ по- рядочный.
6. Р. Чеганъ	26	
7. Родн. Аси-Тасты	26	Послѣ подъема на Усть-Уртъ, удобнаго для телѣгъ.
8. Копани Соръ-кудукъ . . .	40	Воды довольно; корму мало.
9. Уроч. Тюба-кудукъ . . .	39	} Воды въ колодцахъ достаточно; кор- мы порядочные.
10. Пески Исенъ-чагылъ . . .	15	
11. Ур. Каска-Джуль	36	Копани подъ чинкомъ; спускъ удобный.
12. Родн. Акты-кенды	58	Спускъ къ роднику неудобенъ; корму почти нѣтъ.
13. Родн. Акъ-булакъ	35	Два удобные спуска къ водѣ, но корму нѣтъ.
14. Разв. укр. Давлетъ-Гирей	42	Спускъ къ водѣ крутъ, но за то на берегу Аральскаго моря есть кормъ.
15. Родн. Каска	50	Спускъ удобенъ; корму очень мало.
16. Ур. Аджибай-Аксуатъ . . .	40	Спускъ удобенъ; вода въ самомъ морѣ почти прѣсная, но корму нѣтъ.
17. Ур. Кара-Гумбетъ	34	Спускъ удобенъ, вода въ озерѣ Ай- бугиръ прѣсная; но корму мало.
18—21. Четыре перехода по западной сторонѣ озера Айбугира до залива Акъ- Чеганака	111	Вода прѣсная; но корму нѣтъ.
22. Подъ спускомъ Айбугиръ	28	} По странѣ съ осѣдлымъ населе- ніемъ.
23. Быв. укр. Кызъ-кала . . .	38	
24. Г. Куля-Ургенчъ	28	

	Вер.	
25. Ханскій домъ Чербакъ .	38	} По странѣ съ осѣдлымъ населе- ніемъ.
26. Г. Ильямъ	30	
27. Г. Ташаусъ	28	
28. Г. Амбаръ	19	
29. Г. Шахъ-абадъ	14	
30. Г. Хива	22	

Итого 843 в. въ 30 переходовъ.

А отъ Оренбурга 1395 в., около 52 переходовъ.

— • —

XXVII. Отъ укр. Ново-Александровскаго въ Хиву.

Дорога Турпаева, сомнительной достовѣрности. Укрѣпленіе Ново-Александровское болѣе не существуетъ.

1. Колодезь Чонгола	25	Глубина колодца 17 махов. саж.; вода прѣсная.
2. Кол. Эчкю-Кырганъ	20	Четыре колодца такой же глубин- ны; вода прѣсная въ изобиліи.
(Ишке-кырганъ).		
3. Кол. Бешъ-Чингровъ	35	Глубина 20 махов. саж.; есть ка- менные колоды для водооя.
4. Кол. Артагали	50	Глубина 23 саж.; воды меньше и она солоновата.
5. Кол. Акъ-Куругъ	35	Глубина 12 саж., вода прѣсная.
6. Кол. Джангысъ-Чингравъ .	35	Глубина 12 саж., вода прѣсная.
7. Кол. Копъ-Ата	65	Глубина 12 саж., вода прѣсная.
8. Кол. Табынь-су	85	Глубина 15 саж., вода прѣсная; отсюда ей запасаются.
9. Айбугиръ	85	Саксауловый лѣсъ почти отъ сама- го Табынь-су. Караваны прохо- дятъ это пространство въ 3—4 дня.
10. Куня-Ургенчъ	60	Спускъ съ высокаго и крутаго чинка и потомъ низменностью, гдѣ много кочевовъ.
11. Ташгаузъ	65	Стень и мѣста воздѣланныя вдоль арыковъ.
12. Хива	55	Черезъ мѣста населенныя.

Итого . . 615

Дорога вообще трудная, особенно
отъ кол. Акъ-куругъ до К. Ургенча.

XXVIII. Мангышлакская караванная дорога въ Хиву.

Фортъ Александровскій, у Каспійскаго моря.

1. Колод. Банга	38	Почва по дорогѣ каменистая; справа и слѣва горы, въ которыхъ есть лѣсъ и настища.
2. Кол. Баки-кудукъ. . . .	140 *)	Почва твердая и холмистая, корни хороши, вода въ придорожныхъ колодцахъ на глубинѣ до 3 саж., вдоль дороги встрѣчается кустарникъ.
3. Кол. Буръ-кудукъ. . . .	45 **)	Песчаная равнина; колодцы глубиною 5 саж., травы хороши. Отсюда начинается встрѣчаться саксаулъ.
4. Кол. Сентекъ (Бишъ-оглу).	45	Дорога ровная и песчаная. Хорошая вода на глубинѣ 2—3 саж. Травы хороши; саксаулу много.
5. Кол. Сай-кудукъ	60	Два дни пути, съ водою изъ Сентека. Почва известковая, травы недурны, саксаулу довольно.
6. Кол. Каракынъ	50	Дорога каменистая и гористая; воды по пути нѣтъ; топливо княкъ; на ночлегъ вода соленая.
7. Кол. Йльте-идже	110	Подъемъ на гору Кара-дагъ, высокую и крутую, потомъ совершенная равнина, гдѣ колодцы, съ хорошою впрочемъ водою, лежатъ по сторонамъ отъ дороги, въ 5—10 верстахъ, и на глубинѣ 20 и болѣе сажень. Почва твердая; травы не дурны; саксаулъ есть.

*) По съемкѣ Иванова на этомъ пространствѣ значутся колодезь Китинъ, мог. Бактигильдя, мог. Кенъшбай съ сосѣдн. кол. Бурдугентъ, кол. Кагениъ и кол. Караманъ-ата, о качествахъ которыхъ однако свидѣній нѣтъ.

**) Въ промежуткѣ кол. Соугатъ-аще, на 9-й верстѣ отъ Баки или Бексхуда.

Вер.

8. Кол. Табмиъ-су. 100

Вода на весь путь изъ Илте-идже; на дорогѣ же ея вовсе нѣтъ. Почва твердая и мѣстами каменная. Травы и саксаулъ встрѣчаются, но кочевокъ въ этихъ мѣстностяхъ не бываетъ никогда.

9. Айбугиръ 85

10. Хива 180

См. выше маршрутъ XXVII.

Итого. . 853

XXIX. Отъ залива Кендерлинскаго въ Куна-Ургенчу.

а) *Сѣверная* дорога, мимо горы *Карашекъ*, близъ которой выходитъ на Мангышлакскую дорогу. Путь маловодный. До Куна-Ургенча 630 верстъ.

б) *Южная*, мимо родника *Думбай*, горы *Сулу-дюрдюль*, колодца *Чулакъ-таиъ* къ роднику Кендерли (169 в.), откуда

1. Кол. Тишикъ-тамъ . . . 34

2. — Черкезле 21

3. — Думбай 17

4. — Родн. Илте-идже . 32

Съ дурною водой.

104 в.

Отсюда по Мангышлакской дорогѣ черезъ Табмиъ-су, по маршруту № XXVIII, 245 верстъ до Куна-Ургенча и 365 верстъ до Хивы.

XXX. Изъ Красноводска въ Куна Ургенчъ *).

1. Кол. Янгуджа . . 33³/₄ Глубиною 16¹/₂ фут.; вода горько-соленая.

2. > Касынъ . . . 16³/₄ Глуб. 175 ф., вода хорошая.

3. > Сюйчи . . . 25¹/₄ Глуб. 133 ф.; вода солоноватая.

4. > Кошоба . . . 40³/₄ Прѣсный родникъ.

*) Это одна изъ многихъ дорогъ изъ Красноводска въ Хивинское ханство, кратчайшая изъ всѣхъ. Не приводимъ другихъ по малой пригодности ихъ.

	Вер.	
5. Кол. Гезли-ата . . .	23	Глуб. 14 ф., вода солоноватая.
6. > Бульмудзиръ. 47		Яма съ дождевою водою.
7. > Огламниъ . . .	24 ¹ / ₄	64 фута глуб., вода горьковатая.
8. Родн. Доунгра . . .	28	Соленый родникъ; въ 6 ¹ / ₂ вер. прѣс. кол. Чагыль.
9. Кол. Кумъ-Себшенъ 58		Глуб. 63 ф., прѣсный.
10. > Казахи . . .	34 ¹ / ₄	Глуб. 12 ф., горьковатая вода.
11. > Узунъ-кую . . .	53	Глуб. 103 ф., вода прѣсная. въ бол. количествѣ.
12. > Аджн-куусы 73		Глуб. 1 ф., вода соленая.
13. > Сарн-камышъ 24 ¹ / ₄		Глуб. 12 ф., прѣсный.
14. > Декча	18	Глуб. 1 ф., вода прѣсная.
15. Гор. Куня Ур- генъ	105	Стеню, гдѣ есть колодцы, а подѣ конецъ начинають попадаться бустарники.
Итого	708 ¹ / ₂	Весьма трудной дороги, имѣющей впро- чемъ по большей части твердую почву (№ 1—13).

XXXI. Отъ Красноводска до Игдовъ.

Путь идетъ 100 в. вдоль Балханскаго залива и потомъ вдоль ста-
раго русла Аму-дарьи, около котораго много песковъ.

1. Кол. Куртъ-куусы . . .	42	12. Кол. Эсханъ	13 ¹ / ₂
2. > Белекъ	40	13. > Топіатанъ	14 ¹ / ₄
3. Ур. Мулла-Кари	45	14. > Декча	11
4. Кол. Бутуль	15	11. > Бургунъ	15 ¹ / ₂
5. > Тагиръ	15 ¹ / ₂	16. Оз. Джамала	14 ¹ / ₂
6. > Кара-Ишанъ	10 ¹ / ₂	17. Кол. Халомбежи	16
7. > Тандерли	20	18. > Яндыжа	33
8. > Алты-кую	14	19. > Игды	14
9. > Бууруджи	19		
10. > Дзоурукъ	13 ¹ / ₄	Итого	353 ¹ / ₂

XXXII. Отъ Красноводска до Веурмы.

1—5. Мулла-кари	127	По предъидущему маршруту.
6. Кол. Бутуль	17	

	Вер.	
7. Кол. Корн-Гишемъ . . .	28	
8. — Айдинъ	26	На лѣвой сторонѣ бывшаго русла Аму-дары, которое тутъ зане- сено песками.
9. Безводный ночлеги . . .	28	
10. Безводный ночлеги . . .	23	
11. Кол. Кезанджикъ	15	} Подгорная стена.
12. Ключъ Урунъ-су	16	
13. Кол. Уйсокъ	28	
14. Безвод. канава Аджидже .	16	
15. Увр. Кизылъ-Арватъ . .	16	
16. — Кодишъ	33	
17. — Кизылъ-ченме . . .	12	
18. — Беурма	15	
Итого . . 400 в.		

XXXIII. Отъ Астрабата до Герата.

1. Г. Астрабатъ	45	14. Развалины Туса	57
2. Шваркила	28	15. Гор. Мешкедъ	25
3. Фендериксъ	17	Итого .	142
4. Писсерукъ	40	16. Кехризь-деме	33
5. Шахъ-абадъ	63	17. Калитаръ-абадъ	38
6. Симулганъ	60	18. Абдалъ-абадъ	26
7. Гейдеръ-абадъ	20	19. Турбетн-Шейхъ-Джамн .	37
8. Городъ Буджнурдъ . . .	26	20. Аббасъ-абадъ	33
Итого. .	299	21. Кехризь	20
9. Городъ Ширванъ	46	22. Кусанъ	40
10. Дуннъ	27	23. Шевешъ	19
11. Городъ Кабушанъ. . .	30	24. Гурьянъ	28
Итого. .	103	25. Шикиванъ.	21
12. Бекназиръ.	37	26. Городъ Гератъ	32
13. Сейданъ.	23	Итого .	327
		А всего. .	871

IV. Записка объ этнографической картѣ Азіатской Россіи.

Въ особой запискѣ „О комплектованіи войскъ въ Азіатской Россіи“ приводятся данныя о численности русско-азиатскихъ инородцевъ и частью о мѣстахъ жительства ихъ. Этнографическая же карта имѣетъ цѣлю наглядно представить именно эти мѣста жительства и помочь показывается: 1) какъ расселились по степямъ и по Сибири русскіе колонисты, мало-по-малу обратившіе одну часть послѣдней страны въ совершенно русскую, гдѣ инородцевъ нѣтъ совсѣмъ или очень мало, а въ остальныхъ занявши важнѣйшіе естественные пути и экономическіе центры, 2) какія именно инородческія племена находятся въ тѣснѣйшемъ сближеніи съ русскими по мѣсту своего жительства и слѣд. наиболѣе обрусѣли или, по крайней мѣрѣ, ознакомились съ русскою жизнію.

Данныя для составленія карты черпались изъ слѣдующихъ источниковъ:

1. *Миллеръ*: Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ. 1775 — 77.

2. *Георги*: Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. 1799.

3. Разныя статьи изъ „Сибирскаго Вѣстника“ *Спаскаго*, 1820-хъ годовъ.

5. *Castren*: Этнологическія изслѣдованія объ Алтайскихъ народахъ, и статьи о Самоѣдахъ и Остякахъ въ Этнографическомъ Сборникѣ, изд. Рус. Геогр. Общ.

5. *Гагемейстеръ*: Статистическое описаніе Сибири.

6. *Завалишинъ*: Описаніе Западной Сибири.

7. Памятныя книжки губерній Тобольской, Иркутской и др., разныхъ годовъ.

8. Списки населенныхъ мѣстъ губерній Тобольской, Томской и Енисейской. Это важнѣйшее для этнографіи изданіе доселѣ касается только названныхъ трехъ губерній Азіатской Россіи.

9. Поэтому для Иркутской губерніи пришлось употребить въ дѣло статью г. *Чудовскаго* объ этнографіи этой губерніи, въ Зап. Сиб. Отд. Р. Г. О.

10. Распространеніе инородцевъ Забайкалья и Амурскаго края показано на основаніи моихъ личныхъ изысканій, произведенныхъ въ 1857 — 58 г., и трудовъ Ровинскаго, Пржевальскаго и комиссіи генералъ-адъютанта Скокова.

11. При начертаніи районовъ сѣверныхъ бродячихъ инородцевъ, по недостатку точныхъ данныхъ о границахъ ихъ разселенія, я предпочелъ обчертить ихъ прямыми линіями весьма грубой приблизительности, придерживаясь данныхъ, находящихся въ Геогр. Словарѣ Рос. Имперіи.

12. Туркестанскій Ежегодникъ 1872 послужилъ основаніемъ для карты Туркестанскаго генералъ-губернаторства, а сочиненія Мейера, Красовскаго и др. для киргизскихъ степей. Степныя укрѣпленія безъ поселковъ за этнографическіе острова не приняты.

13. Наконецъ для контролированія всѣхъ этихъ данныхъ служилъ „Статистическій Временникъ“, изд. Центр. Ст. Ком. въ 1872 г.

Масштабъ карты и время, находившееся въ моемъ распоряженіи, не позволили внести многихъ мелкихъ этнографическихъ острововъ, которые бы сдѣлали чертежъ очень пестрымъ. Но для общихъ военно-административныхъ цѣлей едва ли въ знаніи этихъ острововъ и представляется особая надобность. Замѣчу еще, что на картѣ Остяки Томской губерніи приравнены Остякамъ тобольскимъ, хотя, слѣдую Кастрену, ихъ должно бы считать Самоѣдами.